

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

1910.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО.

Издавая къ исполнившемуся 28 октября 1909 года 200-лѣтію со дня кончины св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, его проповѣди на украинскомъ нарѣчїи, я указалъ въ своемъ предисловіи, что сочиненія Святителя, несмотря на эти прошедшіе два вѣка, не только не изданы полностью, но и далеко не всѣ напечатаны. Можно съ увѣренностью сказать, что многія его произведенія до сихъ поръ еще неизвѣстны читателямъ. Между тѣмъ сочиненія св. Димитрія, выдержавшія нѣсколько изданій, и до сихъ поръ высоко цѣнятся любителями духовно-нравственнаго чтенія.

По описи келейнаго имущества св. Димитрія, сдѣланной вскорѣ послѣ его кончины іеромонахомъ Филаретомъ ¹⁾, въ числѣ книгъ и рукописей значится: а) собраніе вещей различныхъ, б) различніи вещи неисправленіи, в) непоправленіи вещи различніи. Всѣ оставшіяся послѣ св. Димитрія книги и рукописи поступили въ Московскую Синодальную типографію и Синодальную бібліотеку. Въ числѣ такихъ рукописей съ своеручными черновиками и поправками въ Синодальной типографіи находится единственная, за № 569, рукопись, носящая характеръ «не-

---

¹⁾ Лѣтописецъ о ростовскихъ архіереяхъ. Издан. Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1890 г. Примѣч. 54, стр. 36.

исправленныхъ вещей». Эта рукопись въ листъ, на 583 лл. имѣеть заглавіе: Календарь или житія святыхъ многія рукописи Ростовскаго Димитрія № 420, къ сожалѣнію, до сего времени еще неописанная. Она содержитъ:

Л. 5. Краткія свѣдѣнія о календаряхъ, Нонахъ и Идахъ извѣщеніе.

Л. 7. Читателю благочестивому. Нач. Календарь еллино-римскій древнѣйшій вины ради сицевыя.

Л. 9. Числа древнѣйшаго еллино-римскаго календаря противъ нашихъ чиселъ полагаются сице.

Л. 10. Краткое о календаряхъ, Нонахъ и Идахъ, извѣщеніе.

Л. 11. Календарь историчный, мѣсяць мартъ.

Далѣе житія разныхъ святыхъ.

Л. 466. Historia i Gergius Cedrenus 1057. 7. Baronius 1603. 8. Petrus-orpeir (1611) хронографъ, съ греческаго переведенный 1665 г.

Л. 537. Лѣта 7209 (1701) мая 13 во вторникъ въ день въ часъ 12 въ исходъ преосвященный Игнатій Корсаковъ, митрополить Tobольскій, преставился въ Москвѣ въ монастырѣ Симоновскомъ, а погребенъ въ томъ же монастырѣ въ 15 день въ четвертокъ преосвященнымъ митрополитомъ Димитріемъ Сибирскимъ, Трифиліемъ Крутицкимъ, Исаіею Нижегородскимъ и архимандриты: Новоспасскимъ, Симоновскимъ, Донскимъ и Петровскимъ, игуменомъ Даниловскимъ.

Л. 569. Отъ великаго государя царя и в. к. Петра Алексѣевича стольнику нашему Василию Романовичу Воейкову въ нынѣшнемъ 1702 г. мая въ 28 день выдать царское жалованье домовымъ его преосвященства двумъ чтецамъ и переводчикамъ по 30 р. на годъ, двумъ писцамъ по 10 р., двумъ дьяконамъ Ефрему да Евсеію 5 р. на годъ, келейнику его Пармену 4 р., кухарю его 4 р., слугѣ противъ его архіерейскихъ домовыхъ среднихъ статей слугъ. Выдать съ росписками учителямъ греческаго да латинскаго языковъ по 30 р. человѣку, русскому 5 р.

Да хлѣбъ нищимъ, которые учиться будутъ русской грамматѣ по денгѣ на день, а которые греческаго и латинскаго языковъ по двѣ денги. Припись дьяка Ивана Иванова. Справка подъячаго Ивана Бутина. Печатныхъ пошлинъ 3 р. 25 алтынъ.

Въ Московской Синодальной библіотекѣ въ числѣ рукописей св. Димитрія находятся два сборника за №№ 811 и 858 съ своеручной подписью святителя: «Разныя неисправленныя вещи. Затѣмъ въ моемъ собраніи находится рукопись (Охран. катал. № 2037) набѣло переписанная тоже своеручно св. Димитріемъ съ заглавіемъ: «Неисправленніи вещи различніи. Собраны въ лѣто 1704 августа мѣсяца въ Ростовѣ. Архіерей Димитрій». Эта рукопись на бумагѣ (по Тромонину 1681 г. № 545), въ 4-ку, на 132 лл. Со 129 л. другой рукой переписано посланіе св. Димитрія къ іереямъ; оно хотя и напечатано въ собраніи его сочиненій, но съ нѣкоторыми вариантами. Въ началѣ рукописи находится оглавленіе статей.

I. Л. 1. Колико душъ отъ женскаго пола въ мужествѣмъ образѣ спасошася.

II. Л. 2. О освященіи пречистыхъ тайнъ.

III. Л. 8. О женитвѣ и о мясѣ.

IV. Л. 9. Собраніе еретиковъ и ересей ихъ.

V. Л. 47. Реестръ еретиковъ.

VI. Л. 51. О свободѣ церковной.

VII. Л. 76. Входящимъ въ церковь оружіе внѣ оставляти.

VIII. Л. 77. Никифоръ отъемый церковное имѣніе и прочіи послѣдователи его.

IX. Л. 90. Увѣщаніе попомъ архіерейское.

X. Л. 97. О единогласіи церковнѣмъ.

XI. Л. 102. Путь ко Іерусалиму.

XII. Л. 117. О стриженіи власовъ и брады.

Статьи: IV, VI, IX и XI, находящіяся въ моей рукописи, имѣются и въ синодальной рукописи № 811.

Эта синодальная рукопись въ 4-ку, на 364 лл., писана разными почерками скорописью и полууставомъ и только

наполовину своеручно св. Димитріемъ. Статья же о свободѣ церковной переписана полууставнымъ почеркомъ писца и, по всей вѣроятности, послѣ 1709 г., т.-е. послѣ кончины святителя и притомъ имѣеть разницу противъ моей рукописи, писанной, какъ я уже выше сказалъ, своеручно св. Димитріемъ ¹⁾).

Статья: «О свободѣ святыхъ церкви» имѣеть краткое предисловіе, что это писаніе древнее написано бысть отъ нѣкотораго духовнаго любомудраго мужа, въ вѣдѣніе хотящимъ. Въ лѣто отъ созданія мира 7013, отъ Рождества Христова 1505 февруаріа мѣсяца въ послѣднихъ числѣхъ. Дата 1505 г. должно быть 1705 г.; очевидно, св. Димитрій имѣлъ къ этому основаніе, такъ какъ его келейная лѣтопись, напечатанная лишь черезъ три четверти вѣка послѣ его кончины, не заключаетъ въ себѣ статьи о свободѣ церковной, хотя она въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и находится во всѣхъ рукописяхъ его лѣтописца.

Въ одной изъ моихъ рукописей (Охран. катал. № 830), съ которой печаталась эта лѣтопись въ Московской типографіи въ 1784 г., эта вещь, уже исправленная авторомъ (лл. 223—225), зачеркнута цензоромъ, да и въ самой представленной для печати рукописи есть много цензурныхъ поправокъ.

Помѣщая эту, «неисправленную вещь» св. Димитрія по его своеручной рукописи, я думаю черезъ это хотъ отчасти пополнить дефекты изданій собранія сочиненій святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго.

Ан. Титовъ.

---

¹⁾ Объ этихъ рукописяхъ—моей и синодальной упоминаетъ И. А. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи: „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. Спб., 1891 г., стр. 429.

О свободѣ святая церкви.

Писаніе древнее, написано бысть отъ нѣкотораго духовнаго и любодраго мужа въ вѣдѣніе хотящимъ. Въ лѣто отъ созданія міра * 5787, отъ Рождества же Христова * 1778 февруарія мѣсяца въ послѣднихъ числѣхъ.

Святѣйшему и разумѣйшему о Христѣ отцу духовнѣйшему господину, Божіимъ прозрѣніемъ святая церкве апостольскаго гоненія славному ревнителю, смиренный святительства твоего слуга цѣлованіе многое глаголетъ.

Безмѣрное твое челоуѣколюбіе и безчисленная пространная ко мнѣ твоя благодѣянія, отче святой, понуждаютъ мене тебѣ всегда здѣ и вездѣ и на всяко время послушна быти. Твое бо воистинну есть повелѣвати, мое же повелѣнія твоя творити достойно есть. Никто бо въ сей пресвѣтлой русской странѣ въ настоятелѣхъ есть, его же большею любовію почитити долженъ есмь, токмо тебе единого ради всякихъ добродѣтелей явнаго образа и великія милости свѣтлаго свѣта, иже въ тебѣ источницѣ сіяютъ. Ты бо вѣренъ и православенъ рабъ Христовъ, свершенъ въ божественномъ и челоуѣческомъ совѣтѣ, не равенъ всѣмъ, толико въ божественныхъ, елико въ мірскихъ разумѣхъ, убогихъ любитель и защититель, плѣнныхъ искупитель. Ко мнѣ убогому пространенъ, подателенъ и благоволенъ, убожеству и нищетѣ моей милостями святыми помогая, къ церковному правительству прилеженъ. Похвальнаго житія отецъ, тягчайшаго разума и великія святости, кратчайшій, всякому писанію ученъ, вещей церковныхъ и клироса отборонатай и любитель прилеженъ, на враги церковныя и еретики ратователь крѣпчайшій, милостивъ, разуменъ, праведенъ, милосердъ, смиренъ, всякою добродѣтелью украшенъ, и ради житія святого по всему и во всѣхъ церкви святой соборной потребенъ, толико словомъ, елико дѣломъ и ученіемъ духовнымъ и временнымъ храбре управляя, о твоей хвалѣ

гласять небо и земля и всѣ стихіи похвалу и честь достойно вопіють. Азъ же како молчати возмогу, повелѣнію же твоему послушаніе учинити достоинъ и якоже о церковныхъ грабителяхъ написати повелѣлъ еси, молю благовольнѣ и любезнѣ въ семь маломъ писаніи по разума моего осязанію воспріяти изволи. И мене за сіе люби, защищай, покрывай, сохраняй, нищету мою милостынями питай, возмогай о Христвѣ надолго благочестенъ. Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя, подвижныя и неподвижныя соборныя церкви вступаются и отымати противу спасенія души своея дерзають, заповѣди Божія и церковныя презирающе, и православныхъ царей и великихъ князей истинное клятвою законоположеніе разоряюще, и заповѣди Божія преобидяще.

Ты заповѣда заповѣди твоя сохранить зъло. Отъ сихъ словесъ псалмопѣвца Давида, великаго пророка, во псалмѣ рѣи, намъ откровенно является всю словесную тварь Божию заповѣдемъ быти повинну. Никто бо отъ человекъ на земли живя колъ святъ, колъ силенъ и великъ, богатъ, мудръ, вѣренъ, отъ сохраненія заповѣдей Божіихъ свободенъ вѣрится быти, вси бо вкуцѣ: толико богатіи, елико убозіи, толико сильніи, елико немощніи, толико начальницы, елико царіе, толико духовніи, елико мірстіи, толико мужескъ полъ, елико женскъ сохранятьи заповѣди Божія зъло должны есмы, подъ казню или временною или вѣчною, яко во многихъ подобницѣхъ священнаго писанія внизу писанныхъ довольно явленно будетъ.

Пишетъ бо, како аудонъ человекъ, исполнь духа пророческаго, благъ и святъ пророкъ погибе, отъ льва убиенъ, егда противъ заповѣди Божіи хлѣбъ снѣде у лжепророкъ, якоже пишетъ въ третьей книзѣ Царствъ, глава ѿ.

Аще пророкъ, исполнь Духа Божія, и святъ человекъ единыя ради хлѣбныя снѣди, яко Адамъ и Ева въ смерть впаде, и первіи прародители наши рукою Божіею сотворенніи, яко преступники заповѣдей Божіихъ, казнь пріа-

ша, отъ безсмертія въ убожество смерти низвержени, како беззаконніи и неправедніи чловѣцы, грѣшницы, вещей церкви православныя противу правды и Божія заповѣди грабители, гнѣва Божія и казни Всемогущаго избыти могутъ. И не токмо единому Богу послушаніе въ храненіи заповѣдей Его творити должны есмы, но и настоятелемъ святыя его церкви послушаніе святое, еже больши есть, неже жертва, смиреннымъ сердцемъ всѣмъ благоговѣніемъ творити должны есмы. Да не съ Кореемъ и Даааномъ, Даааномъ и Авирономъ вкупѣ со двѣма ста и съ пятьюдесять ихъ совѣтниками, иже ради гордости и непослушанія, яко заповѣдей Божіихъ преступницы, на Аарона и Моисея, настоятелей церкви еврейскія, ропчущихъ, насъ земля поглотитъ живыхъ и да не снидемъ во адъ живи, якоже пишеть въ книзѣ Числѣ глава ̅ѳ̅. Такожде Маріамъ, сестра Ааронова, за непослушаніе и роптаніе на настоятели церкви и соборища еврейскаго проказоу поражена бысть, яко глаголется въ Числѣхъ ̅ї̅ глава. Такожде Надавъ и Авія братія, сынове Аароновы, согрѣявшеса виномъ и піани вложше въ кадила огонь, да принесуть обоняніе предъ Господемъ, еже имъ не бѣ повелѣно, вземлюще себѣ безъ послушанія и повелѣнія настоятелей своихъ службу, чинъ настоятеля церковнаго, погибоша огнемъ божественнымъ въ пустыни, яко пишеть въ Левитѣхъ, глава ̅ї̅, и въ Числѣ, глава ̅ї̅. Се коль тяжкою казнію погибоша обоняніе принести хотящія Богу живому, возбранени быша, коликою же мукою иже принесенная и Богу данная отняти не боятся, мучими будутъ, безчисленныя же и иныя писаніе божественное воспоминаеть подобники, въ нихъ же непослушаніе многихъ злыхъ беззаконныхъ чловѣкъ, сопротивныхъ заповѣдемъ Божіимъ и настоятелемъ святыя церкви, тяжкѣ казни пріемше, коль свѣтлѣ зрѣти можемъ. Сего ради заповѣди Божія и настоятелей презрѣти намъ не подобаеть никогда же, но имъ всегда и во всемъ смиреннымъ и чистымъ послушаніемъ повиноватися намъ подобаеть. Аще кто сопротивно тво-

рить, согрѣшаетъ смертъ и преступникъ заповѣдей Божіихъ обрящется, и за сія муки здѣ и въ будущемъ вѣцѣ избыти не возможетъ. Сего ради вся, яже намъ повелѣваютъ, яже глаголютъ, яже усты евангельскими проповѣдуютъ, съ послушаніемъ и благоговѣніемъ творити должны есмы, по повелѣнію Господню, якоже пишетъ Матеей во главѣ ѿг: яже глаголютъ творите, по дѣломъ же ихъ не творите, и прочая. Тѣмъ же послушаніе едино есть и вѣры сподобленіе наслѣдствуетъ, безъ него же всякъ вѣрный и святъ невѣренъ осудится, елико вѣренъ и святъ быти видится.

Послушаніе бо къ живота вѣчнаго полученію вельми есть плодоносно, имъ бо въ настоящемъ сподобляемся благодати и въ будущемъ славы и вѣчнаго спасенія, безъ него же сподобимся въ настоящемъ вѣчнаго отривовенія, а въ будущемъ огня вѣчнаго и безконечнаго. Сего ради всякъ вѣрный человекъ, какова чина ни буди, настоятелемъ своимъ въ достойныхъ и благоугодныхъ скоро и со смиреніемъ покаратися долженъ есть. Елицы же непослушны церкви и настоятелю, анаемъ предаются, яко написа имъ Моисей законодавецъ во Второзаконіи глава ѿд, глаголя: аще тяжекъ и неудоборазуменъ у тебе судъ быти узриши, востани и възиди къ мѣсту, еже избересть Господь Богъ твой, и прииди къ священникомъ левитскаго рода и възиди отъ нихъ, яже явятъ ти суда истинну, и сотвори, яже рекуть настоятели мѣста, еже избересть Господь, и научать тя по закону его, и послѣдуй суду ихъ; ниже угловишися на десно, ниже на шуе. Разгордѣвыйся же, не хотя повинутися священничества власти въ то время служащему Господу Богу твоему по повелѣнію судій, да умереть человекъ той, и отымаше лукавство отъ Израиля, и вси людіе слышавше убоятся, да никто къ тому киченіемъ разгордится. Сія предреченная словеса златомъ и серебромъ ушесамъ и памяти нашей вписати намъ подобаеть. Настоятель же святыя церкви сія подвластнымъ своимъ по вся дни непрестанно на память возводити дол-

жень есть, да благая, яже Господь Моисею и послушаніе творящимъ обѣща, воспріяти возмогутъ и муки и всѣхъ золь, яже не покоряющимся претяше, уклонитися возмогутъ. На уразумѣніе сихъ нынѣ реченныхъ внимай паче, въ сихъ словеса Господня къ Моисею въ Левитѣхъ глава 1^к, въ нихъ же законоположитель Моисей изсчитаетъ безконечная благая, яже Богъ обѣща послушающимъ. И противу многія казни, ими же мучими будутъ не покоряющіися, глаголя: Азь есмь Господь Богъ вашъ, аще въ повелѣніихъ моихъ пойдете и заповѣди моя соблюдете и сотворите я, дамъ вамъ дождь во время его, и земля произябнетъ плодъ свой, и дерева плода исполнятся, и съѣдите хлѣбъ вашъ въ сытость, и безъ боязни поживете въ земли вашей. Дамъ миръ въ концѣхъ вашихъ, уснете—и не будетъ устрашай васъ. Отыму злые звѣри, и мечъ не пройдетъ предѣлъ вашихъ, поженете враги ваша, и падутъ предъ вами, поженутъ пять отъ васъ сто иноплеменникъ, и сто отъ васъ поженутъ тьму, падутъ враги ваша мечомъ предъ лицомъ вашимъ. Призрю на вы и возращу, и умножиться, и укрѣплю завѣтъ мой съ вами, и положу сѣнь свидѣнія моего посреди васъ, и не отринетъ вы душа моя; пойду посреди васъ и буду Богъ вашъ, вы же будете люди мои.

Аще ли не послушаете мене, ниже сотворите вся заповѣди моя, но отринете законы моя, и судьбы моя презрите и не сотворите повелѣнныхъ отъ мене и истощите завѣтъ мой, азъ же се сотворю вамъ: посѣщу вы скоро скудоцію, всуе посѣете сѣмена, яже отъ враговъ свидѣна будутъ; положу лицо мое противно вамъ, и падете предъ враги вашими, и покорени будете ненавидящимъ васъ, побѣгнете никому гонящу. Аще ли ни тако послушаете мене, приложу наказанія ваша седмерицею ради грѣховъ вашихъ, и сокрушу гордость непокоренія вашего. Дамъ вамъ небо свыше, яко желѣзо и землю мѣдяну. Потребится всуе трудъ вашъ, не подастъ земля плода, ниже дерева плодъ воздадутъ. Послю на вы звѣри сельные,

иже потребать васъ и скоты ваша, и запустѣють путіе ваши. Аще ли ни тако восхощете воспріяти наказанія, но пойдете сопротивно мнѣ. Азъ же на васъ сопротивенъ пойду и поражу вы седмерицею ради непослушанія вашего, и наведу на вы мечъ, мститель завѣта моего. Егда же прибѣгнете во грады, пошлю пагубу посредѣ васъ, и предави будете въ рущь враговъ, и двѣ жены во единой печи воспекутъ хлѣбы, и воздадутъ имъ въ мѣрило; ядите и не насытитесь. Аще ли ни сими послушаете мене и ходите сопротивно мнѣ, и азъ пойду на вы въ гнѣвъ сопротививъ, и накажу вы седмю казнями, ради непокоренія вашего, да снѣдите плоти сыновъ вашихъ и дщерій вашихъ, и возненавидитъ васъ душа моя толико, да грады ваша обращу въ запустѣніе и пусты сотворю свѣтилища ваша и не восприму къ тому благоуханія сладчайшаго, и погублю землю вашу, и удивятся врази ваши, егда населятъ ю. Васъ же разсѣю въ языки и обнажу на вы мечъ, и будетъ земля ваша пуста, и грады ваши разрушены, и прочая даже до конца тоя главы прочти. Се колика воздаянія благая обѣща Богъ слушающимъ и ходящимъ по воли и повелѣнію его. И колико страшная злая и безчисленныя казни обѣщаваетъ навести на непослушные заповѣдей его ради, еже отринувше судьбы его и законы его престающе презирають и церкви невѣсте его непослушны суть. Сія суть велія и дивная дѣла Господня изыскана во всѣхъ воляхъ его, ниже разнство есть, аще настоятель благъ, благочиненъ и святъ есть, или золь будетъ и строптивъ, понеже по ученію соборныя епистоліи первыя Петровы, повиноватися намъ подобаетъ со всею боязнію настоятелемъ церковнымъ, не токмо благимъ и благонравнымъ, но и строптивымъ. Аще кто наказанъ будетъ отъ настоятеля церкви и не послушаетъ, да будетъ ти, яко язычникъ и грѣшникъ. Слово евангельское въ Матѣеи, глава ѱ: тѣмъ бо дана есть всяка власть на небеси и на земли; вся, елика свяжутъ на земли, будутъ связана на небеси, и вся, елика разрѣ-

шать на земли, будутъ разрѣшены и на небеси. Сея ради вязанія и рѣшенія власти отъ Христа церкви и настоятелемъ преданныя, вси царіе, начальницы и прочіи мірстїи господа, вси Христу первѣе и церкви православнѣй и настоятелемъ послушаніе святое съ боязнію и честію изъявляти должны есмы. Не сотворивый же сего не вѣреть и Богу сопротивенъ вмѣнится. По словеси Павла, избраннаго учителя языковъ, къ римлянѣмъ глава 11: всяка душа властемъ высшимъ да покаряется; нѣсть бо власть, токмо отъ Бога. А яже суть, отъ Бога устроена суть; тѣмъ же противляяйся власти, Божію строенію противится; противляющіи же ся сами себѣ осужденіе пріобрѣтають вѣчное. Аще ли речеть кто, яко о мірской власти сія у апостола речена суть. И аще убо о мірской власти рекъ есть мнѣ, якоже глаголетъ апостоль Павелъ пространно въ посланіи и главѣ предреченныхъ. Вѣдомо же есть, яко многія суть заповѣди и безчисленная повелѣнія, въ нихъ же Богу и настоятелемъ церкви Божія подобаеть повиноватися, яже вся христіаномъ православнымъ во многихъ писаніихъ отъ Христа первѣе и отъ апостоль его и отъ святыхъ отецъ явно и откровенно предана суть. Въ семъ же словѣ едину Божію заповѣдь отъ всѣхъ на среду привести потщимся, о немъ же въ настоящемъ въ семъ словѣ будетъ глаголь, еже есть писанное во Исходѣ глава 10, сицевыми словесы. Да не похощеши дому ближняго твоего, ниже возжелаеши жены его, ни раба, ни рабыни, ни вола, ни осляте его, ни всего, яже его суть. Въ сей заповѣди законоположитель Моисей заповѣдуетъ всякое безчисленное желаніе и всяко дѣйство грабительства и святотатства, елико къ ближнему; и аще ближняго вещи и имѣнія возжелѣти возбраняются, много больши отняти не попустятся, меньши бо есть вождѣлѣти, нежели отняти. Нынѣ же, аще ближняго обида намъ подѣ казнію вѣчнаго осужденія заповѣдана есть, много больши обида Божія и невѣсты его отняти благая церкви Божія, яже Богу освященна и дана суть; обиду творить первѣе Богу, вто-

рое настоятелю и сопротивленъ Евангелію обращается, въ немъ же глаголетъ: воздадите кесарева кесареви, и Божія Богу, не рече: отымите у Бога, яже суть Божія. Аще убо еже меньши есть намъ не лѣтъ безъ грѣха. Како лѣтъ будетъ еже тягчае есть грѣхъ, неже челоувѣку со-творити преткновеніе. Аще же тягчае есть грѣхъ прогнѣ-вати Бога, то и тягчае отмщеніе и мука мучаще за то должна есть. Отняти же благая церковная есть преткно-веніе Богу и ему обида творити. Сего ради за то, аще не покается и аще не отдастъ, снидетъ во огнь вѣчный, дондеже воздастъ послѣдній кодрантъ. Сего ради блюдися всяка власть, всякъ челоувѣкъ обоего пола, отымати у Бога, яже Божія суть, ради паденія, еже пишется въ Притчахъ въ ѵ главѣ: паденіе бо челоувѣку поглащати святыхъ. Сего ради, аще внити хощеша въ вѣчный жи-вотъ и въ славу царства небеснаго, храни заповѣди, по-неже входъ въ животъ вѣчный есть сохраненіе заповѣдей Божіихъ. Аще ли хощеша вселитися во адъ съ діаволомъ и князми его во огнь вѣчный, тогда лѣтъ ти есть благая Божія и церковная отымати. Яже православніи началь-ницы щедрѣ отъ благъ, Богомъ имъ порученныхъ, цер-кви со умиленіемъ за грѣхи своя подаша. Мнози бо рим-стіи начальницы православныя вѣры хранители, яко Кон-стантинъ Великій, сынъ Еленинъ, такожде и россійстіи наши благочестивіи начальницы, князь Владиміръ съ же-ною и чада его, десятое во всякомъ стяжаніи дающе цер-квамъ Божіимъ и монастыремъ. Священную православную и соборную церковь (ею же глава Христось, искупитель нашъ) теплотою вѣры и чистымъ благоговѣйствомъ бод-ростію чествующе, многа благая временная подвижная и неподвижная и многи таланты злата и сребра подаша за душъ своихъ спасеніе. Ихъ же милостивному благоговѣй-ству нашего времени начальницы въ разныхъ міра стра-нахъ сопротивницы, не токмо своихъ не дающе, но та же отъ православныхъ начальниковъ церкви и Христу освя-щенна суть отымати и къ своимъ имѣніамъ прилагати

дерзають, сокровища своя наполнити поучающеса, но ему же таковая собирають невѣдуще, виже отъ таковыхъ благихъ возрадуется онъ, ни третіи наслѣдницы. Коль тяжекъ, коль великъ есть сій непослушанія грѣхъ. Накажися на Ананіи и Сапфирѣ женѣ его, въ Дѣяніихъ глава ѿ, иже смертную казнь пріяша, понеже не вся принесоша, но себѣ часть соблюсти хотѣша. Сего ради како мучимъ будетъ, и коея муки достоинъ есть, не бояся яже Божія суть отняти. Аще льстай, смертію предваренъ бысть. Воспомяни, о душе, творяща святотатство и поучающаяся день и ночь церковная благая себѣ получитьи. Понеже умреши въ сію ночь, и нагъ паки возвратишия въ землю, отъ нея же нагъ взять еси. Воспомяни притчу евангельскую, Матѳей глава ѿ: егда даръ твой и милостыню принесеши ко алтарю, не бы преткновеніе сотворилъ еси брату твоему, но Творцу и Спасу души твоея, и по совѣту евангельскому остави даръ твой предъ алтаремъ и иди первое смирися съ братомъ, съ настоятелемъ и Богомъ твоимъ, и отдай церковная и настоятеля ея, яже взялъ еси, и тогда пришедъ принеси даръ твой, аще сего не сотвориши, предасть тя настоятель твой слугѣ адскому, и послеть ты въ темницу, откуда не изыдеши, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ. Ни единъ бо грѣхъ вещи отнятыя, по уставу святыхъ отецъ, отпустится. Аще вещь святая не отдана будетъ, и аще грѣхъ тебѣ не отпустится, его же сотвориши (отнявъ грабительствомъ) къ брату твоему, аще вещи не отдаси, здѣ и въ будущемъ, аще не отдаси, яже Божія и церковная и настоятельская отнялъ еси. Прочти къ сему образъ въ третіей книгѣ Царствъ, глава ѿл. Езавель жена Ахава царя, яже взять виноградъ, напитавъ Науфеа, сосѣда своего и подвластника, не токмо просто отняти хотѣ, но лучши дати или злата или сребра цѣну колику достоинъ бѣ обща, но понеже не хотящу продати и винограда съ ступитися, бысть обида. Поразилъ Господь Богъ отъ Ахава весь мужескъ полкъ, и пси снѣдоша Езавель жену его на поли израильствъ. Той вино-

градъ не бѣ церковный, ниже духовной вещи приложенной, ниже Богу и церкви Его освященъ, но бѣ мірскаго челоуѣка не хотящи продати его, и за еже не праведно, сопротивно воли наслѣдника взять бысть, казню смерти, даже до послѣдняго рода Ахава царя мучими быша. Како же мучимъ будетъ и коея муки достоинъ есть той, иже церковь насильствовати и имѣніе ея отымати не страмится. И аще толь тяжцѣ казнь пріемлетъ обида челоуѣча, како мучимъ будетъ Богу согрѣшивый. Ниже единъ Ахавъ казнь пріять, ниже едина Езавель, но весь мужескъ полъ рода Ахавля погубленъ бысть. Являя Господь, еже не токмо отъемый имѣнія церковная и настоятельская смерти достоинъ будетъ, но и совѣтуай отъемлющему. Отымаяй имѣнія церковная и пріобрѣтая себѣ и сокровищу своему духовная, Богу освященная, и совѣтуай съ таковымъ о сихъ словомъ и совѣтомъ, равну казнь пріимуть, понеже творяй и совѣтуай вмѣняются за едино. Сего ради весь Ахавль родъ вкупѣ съ нимъ погибе. Егда къ церкви, къ ней же поставляются малоугодны разумомъ и нравомъ или люты, того ради тяжкая (яко же учить ны искусство) многажды страдаютъ въ духовныхъ и временныхъ освященныхъ убавленія великая и тяжкая отъ начальниковъ и царей и иныхъ мірскихъ властелей. Сего ради по ученію Павла апостола въ первомъ посланіи къ Тимоѣю, глава г, и къ Титу, глава ѧ: Подобаеть епископу быти безъ порока, праведну и Божіей церкви приставнику, не горду, не гнѣвливу, не піаницѣ, не бійцѣ, не мшелоимцѣ, не сварливу, не сребролюбцу, о домѣ своемъ добрѣ прилежащу. Аще ли кто дома своего стрителъ быти недоумѣеть, како церкви Божія съ попеченіемъ прилежство будетъ имѣти. Подобаеть сего ради епископу добру быти, страннолюбцу, боголюбцу, трезву, праведну, святу, воздержну, чинну, разумну, не сварливу, чисту, кротку, милостиву, покойну, мудру, учену, да можетъ осязати слово вѣрно, еже по ученію есть. И да возможетъ наказати въ здоровомъ ученіи вся противляющіяся церкви и

себѣ. И хотяшіе церковная имѣнія отымати и сопротивляющіеся себѣ обличати словомъ и дѣломъ и всякимъ прилежаніемъ любовію вѣры противлятися. Епископомъ же, архимандритомъ и игуменомъ и прочимъ духовнымъ православныя церкви правителемъ правды, доходовъ, вещей, имѣній подвижныхъ и неподвижныхъ церкви своя до живота или въ вѣки продати или въ даръ отдати или инымъ попустити отнати не подобаетъ. Но яко за своя, тако и за церковная имѣнія съ попеченіемъ и прилежаніемъ долженъ быти стражъ. Да никто же подъ правительствомъ его церковь оставить или убавленіе постраждетъ въ вещехъ своихъ и Бѣгу освященныхъ. Въ сихъ вельми попеченіе имѣти долженъ есть пастырь церковный о имѣніи церкви своея, да не впадетъ въ проклятіе, имъ же пророкъ Іереміа претитъ пастыремъ нерадивымъ глава **МН**, глаголя: проклять челоувѣкъ творяй дѣло Божіе нераднїемъ.

Первое убо бреши подобаетъ пастырю, дабы его безразсуднымъ правительствомъ и безчиннымъ приставничествомъ церковь его во благихъ сокровищи и имѣніихъ неподобнѣ не отягчена была. Второе, да прилежно и соблюденіемъ внимааетъ, и съ попеченіемъ управляетъ, да инымъ несправедно отнати хотящимъ отнати стяжанія церковная не поволитъ, но вѣрнѣ, крѣпцѣ и сильнѣ словомъ, совѣтомъ и дѣломъ да противится, глаголя и обличая и церковь ему порученную со стяжаніемъ дерзновенно да защищаетъ. Аще сего не сотворитъ, согласенъ отъемлющему явится, и тоя же казни достоинъ, коея отъемляй. Понеже творящій и согласникъ его толико божественными елико градскими правдами казнь прїемлютъ; и вся люди, безъ на лица зрѣнія, святотатство творящіе или творити хотяшіе, долженъ есть епископъ, яко вѣренъ пастырь, здравымъ ученіемъ своимъ наказати, и ученію его здравому противящихся постоянно обличати и вѣрнѣ отечески наказати, да душъ своихъ за таковъ грѣхъ діаволомъ и слугамъ ихъ не предадутъ. Аще ли наказаніе презрять

и епископскому ученію повиноватися не восхотятъ, анаѳемѣ предаются, и отъ церкви, како гнило древо и неключимо, отриновени бывають и держими бывають посреди православныхъ христіанъ, яко невѣрніи и яко язычницы. Не подобаетъ же епископомъ и сей вещи бояться царей или начальниковъ, понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ повиноватися Богу, неже челоувѣкомъ. Мірстїи бо властели челоувѣцы суть, тѣло отняти могутъ, души же ни. Сего ради всемогущаго Творца, сотворившаго тѣло и душу и могущаго власть тѣло вкупѣ съ душою послати въ геенну, паче всѣхъ бояться подобаетъ. И церковь его, всю мірскую боязнь отложше, блюсти, добрѣ правити, и вещей ея отымати не попушати. Здѣ же внимати и разумѣти подобаетъ посреди прочихъ: понеже слово творимъ о святотатствѣ, что есть святотатство? По учителемъ убо святымъ насильствовати или отняти вещи церковныя, и насильствуяй и отымаяй стяжанія церковная наречется святотатецъ. Бываетъ же святотатство трети обычай: первое, отъемлюще священное отъ священнаго; второе, отъемлюще несвященное отъ священнаго; третіе, отъемлюще священное отъ несвященнаго.

Отъемляй бо вещь священную, Богу данную, сильно и противу заповѣди отъ мѣста священнаго, сирѣчь отъ церкви, или отъ иного мѣста, Богу освященнаго, святотатство творить.

Такожде, отъемляй вещь несвященную, сирѣчь злато или сребро, или церковное сокровище, сильно противу заповѣди отъ мѣста священнаго, сирѣчь отъ церкви, или отъ иного мѣста, Богу освященнаго, святотатства творить. И такожде отъемляй вещь священную, Богу данную, сильно и противу заповѣди отъ мѣста несвященнаго, святотатство творить. И иже настоятеля и пастыря своего епископа обличаючи отъ сихъ презреть и ни во что же творить, и обличающаго вредить или словомъ или дѣйствомъ и послушати не восхоцеть, ниже повиноватися и къ святымъ отецъ уставы во ничто сотворить, и насиль-

ствомъ (лукавымъ духомъ водимъ совѣтующу діаволу), яже Божія и церкви его суть отъемлетъ и отымати не боится, сугубо святотатство творить. Первое, еже святыхъ отецъ уставовъ не приѣмлетъ и сопротивленіе епископу здравому и святому наказанію творить, яже суть отъ святыхъ соборныхъ церкви заповѣданно. Второе, еже вещь, живому Богу освященную и данную, насильствомъ взялъ и сокровищу своему совокупи. Сей грѣхъ святотатства, понеже тяжекъ есть, каноны святые и священныя правила тяжцѣ казнятъ. Казнь же святотатства по правиломъ, нѣкогда сребренная, нѣкогда отлученіе анаѣема и явная епитимія и на конецъ живота не дастся ему церковное погребеніе, аще не покается сердцемъ сокрушеннымъ, и полно все церковное взятое настоятелю своему епископу цѣло не отдастъ собою или законными своими наслѣдники, или своими приказники, понеже грѣхъ сій ни здѣ ни въ будущемъ не оставится, аще вещь Божія взятая не отдана будетъ церкви. Вся челоѡцы жизни сея обоего пола всякаго достоинства да внемлютъ сіе великое укрѣпленіе и свободство церкви: епископомъ и пастыремъ церкви Христовы, намѣстникомъ вещи ея предано быти, которое аще кто насильствовати покусится, тяжцѣ мучимъ будетъ душею и тѣломъ праведнымъ Божиимъ судомъ. Въ той день боязненно есть, егда небеса подвижутся и земля. Сіе же укрѣпленіе и свободство отъ Бога, церкви его преданное, образовано бѣ въ ветхомъ завѣтѣ шестію грады левитскими на помощь бѣглецемъ отдѣленными, да прибѣгнетъ въ нихъ проліяй кровь, яко пишется въ Числѣхъ глава 16, яко отъ тѣхъ градовъ священническихъ ветхаго завѣта, имъ преданныхъ, не бѣ лѣтъ убійцу извлечь и погубити имъ къ нимъ прибѣгшаго. Тако въ новомъ законѣ не попускается изъ дома и града Божія, сирѣчь отъ церкви, или отъ иного мѣста Богу даннаго стяжанія отымати епископомъ и пастыремъ противящимся, епископъ же, яже насильникомъ вещей церковныхъ постоянно противится, добрый пастырь есть, не бойся душу свою положить за

овцы своя. Аще ли убоится противлятися или не радить противу глаголати или не восхоцеть стяжаній церковныхъ, себѣ порученныхъ, защищати, яко подобаеть и достойть по дѣлу на него наложенному, тогда нѣсть пастырѣ, но наемникѣ, видяй волка грядуща бѣжитъ, и овце-хищникомъ оставляетъ волкомъ, вещи вкупѣ и овцы опустошая. И не токмо сіе предреченное укрѣпленіе и свободство Божія церковь и домъ его имѣеть, да никому прибѣгшему къ ней неправда будетъ и никто стяжаній церковныхъ отыметъ. Но и въ семь церковь и домъ Божій свободство имѣеть, да никто къ ней не достоинъ и недостойнъ да приступитъ безъ смертныя казни.

Сообщилъ Ан. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ростовъ Великій.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Господи! Умоляю Тебя: даруй мнѣ полюбить Тебя, какъ можно больше. Какъ сильно жаждущій воды, какъ снѣдаемый жаждою, не могу любить Тебя однимъ глоткомъ любви... Хочу припасть къ сосуду любви Твоей тысячами глотковъ. Впрочемъ, не хочу быть сытымъ. Не хочу перестать снѣдаться жаждою любви Твоей. Хочу *безконечнаго* удовлетворенія *безконечной* жажды.

* * *

Путь пастыря — путь Христа и Апостоловъ Его. Служеніе пастыря—несеніе Креста Христова. *«Сему задѣша понести Крестъ Его»*... Это относится ко всѣмъ пастырямъ Церкви Христовой, продолжателямъ великаго страднаго дѣла Христова и апостольскаго.

* * *

Жизни истинно-христіанской, вѣрующей, благочестивой, богобоязненной Господь даровалъ великую силу и благодать—побѣждать враговъ Христовыхъ безъ оружія, плѣнять души другихъ въ преданность и любовь къ Нему. И наоборотъ, жизни недостойной имени христіанина—пускается имѣть силу отталкивающую и другихъ, хотя и вѣрующихъ, но слабыхъ въ вѣрѣ и любви ко Господу.

* * *

«*Расстерзавъ столпъ тѣлесе, сокровища не украде духа*»
 Іовлева врагъ праведныхъ: обрѣлъ онъ душу его воору-
 женной терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей. Это только
 меня онъ такъ легко обошелъ: безъ труда обнажилъ, плѣ-
 нилъ, обокралъ, лишивъ сокровищъ душевной непороч-
 ности, вѣрности Богу и благочестивой преданности Ему.

* * *

Радуются Апостолы вознесенію Господа, ибо видятъ,
 что истинно все то, что пресладкаго и преславнаго гово-
 рилъ Господь о Себѣ и о нихъ, — видятъ, что неложна
 ихъ вѣра въ Него, надежда на Него, любовь къ Нему.
 Вознесеніе Господа на небо было и ихъ вознесеніемъ
 туда, за Нимъ, всѣми мыслями, чувствами и стремленіями.
 Отселъ и они — не жильцы болѣе земли, а странники,
 жаждущіе одного — *«разрѣшиться и со Христомъ быти»*.
 Это желаніе заставляло ихъ съ радостію принимать вся-
 кія страданія, мученія и лишенія, какъ приближающія ихъ
 къ единственному крѣпкому ихъ желанію — возвращенія
 ко Христу.

* * *

Что за Господь! Какихъ Онъ учениковъ избралъ Себѣ!
 Какъ все у Него съ ними просто, какъ малыми силами
 ихъ сдѣлалось у Него столь великое дѣло! Рыбари—про-
 повѣдники столь великихъ истинъ, бѣдняки—обладатели и
 разсадники столь великаго духовнаго богатства, неучи—
 возвѣстители столь высокихъ истинъ, исчерпывающихъ
 содержаніе цѣлыхъ многихъ наукъ, безоружные и безсиль-
 ные—побѣдители всей вселенной.

* * *

Отчего такую любовію и почитаніемъ пользуется угод-
 никъ Божій Николай? Безъ сомнѣнія, оттого, что онъ самъ
 заслужилъ ее такую любовію къ намъ и милосердіемъ.
 Народъ любитъ его, потому что видѣлъ столько его любви

къ нему и благодѣяній въ столь дивныхъ безчисленныхъ знаменіяхъ и чудесахъ этого рѣдкаго заступника всѣхъ несчастныхъ и страждущихъ.

* * *

Какою великою страшною для бѣсовъ силою владѣемъ мы, пастыри Церкви Христовой! Только мы не пользуемся, къ прискорбію, этою силою или по невѣрію и маловѣрію нашему не видимъ ея, не придаемъ ей значенія, пока не исповѣдуютъ ея намъ сами силы адовы, не вынося ея и обращаясь въ бѣгство, едва только мы имъ покажемъ ее.

* * *

Нѣтъ худа безъ добра. Но нѣтъ, кажется, въ нашемъ грѣшномъ мірѣ и добра безъ худа, безъ тѣхъ или другихъ враговъ, препятствій, затрудненій, извращеній, злоупотребленій, болѣе или менѣе тяжело удручающихъ душу добротворящаго человѣка. Какъ правъ во многомъ Шекспиръ, сказавшій:

«Какъ часто мы—сильнѣй всего грѣшимъ,
Когда другимъ добро чрезмѣрное творимъ»...

* * *

Во многихъ дѣлахъ нашихъ, могущихъ затруднять насъ, умъ—хорошо, а два—*хуже*. Никто не знаетъ всѣхъ изгибовъ души человѣка кромѣ его самого. И стороннее вмѣшательство въ эту область, хотя бы самаго близкаго къ намъ и разсудительнаго человѣка, часто не даетъ ничего полезнаго.

* * *

О, пресвятая, живоначалная, преблагословенная Троице! Даруй и намъ навыкнута въ славословіи и воспѣваніи Тебя силами небесными: «*Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ!*...» Какъ младенцы малые, мы должны за-

равѣ, теперь, земнымъ лепетомъ вѣдрить эту иѣснь въ душѣ своей, теперь же, такъ сказать, разучить ее, чтобы не остаться безмолвными, но удостоиться воспѣвать ее на небѣ со ангелами Божиими.

* * *

Прося земного благополучія, будьте осторожны, чтобы не оскорбить святости Дателя. Если бы кто, говорить одинъ изъ св. отцевъ, предсталъ предъ лице земнаго царя и попросилъ у него комокъ грязи, не оскорбилъ ли бы онъ этою ничтожностію просьбы величія царскаго? Такъ и мы—не оскорбляемъ ли величіе Царя небеснаго, прося Его часто о вещахъ маловажныхъ, когда нуждаемся въ гораздо болѣе важномъ и приготовленномъ для насъ Его безиредѣльною благостію?

Испытавъ нѣкогда роскошь и довольство, сумѣйте потерпѣть и тяготу за нихъ, чтобы не сказано было о васъ то же, что о богатомъ (Луки 16, 25), или о тѣхъ, которые во время благополучія вѣрують, а во время напастей отпадаютъ.

* * *

Какъ гады любятъ тьму и благоденствуютъ, плодятся и множатся въ темныхъ норахъ, такъ помыслы нечистые и настроенія и страсти душегубныя гнѣздятся въ сердцахъ нашихъ, одержимыхъ тьмою духовнаго нерадѣнія и очерствѣнія. Гады не терпятъ свѣта солнечнаго и спѣшатъ скрыться, какъ только падеть на нихъ лучъ свѣта. Такъ и наши страсти и помыслы грѣховныя не любятъ исповѣди и чистосердечнаго ихъ откровенія и обличенія, и убѣгаютъ отъ свѣта Христова смиренія и самоукоренія.

* * *

Я — постоянное носилище то той, то другой скорби.. Господи! Нѣтъ отдыха. Нѣтъ передышки. Усталъ страдать. Усталъ бороться. Враговъ тьма, а я—одинъ. Они неуто-

мимы, ибо смѣняють одинъ другого, нападая на меня непрерывно, а я—безъ смѣны, безъ отдыха, безъ возобновленія силъ. Помоги мнѣ, благодатная сила Божія! Укрѣпи, утѣшь, ободри, побѣди, *побори борющія мя!*

* * *

Народъ запрещалъ слѣпцамъ вопіять ко Христу о помилованіи. Но они не успокоивались и продолжали усиленнѣе взывать: *«помилуй ны, Господи, Сыне Давидовъ!»* Такъ и намъ мѣшаютъ взывать ко Господу безчисленные неразлучные спутники—грѣхи и слабости наши. А мы—не какъ слѣпцы—слушаемъ запрещающихъ намъ и бросаемъ дѣло Божіе и молитву, перестаемъ и ослабѣваемъ вблизи Исцѣлителя просить исцѣленія и Его благодатной помощи.

* * *

У кого на сердцѣ миръ, любовь ко всемъ, незлобивое и кроткое настроеніе души, тотъ и въ царствѣ небесномъ, у того и рай въ душѣ. Ему *нечего и не надо* болѣе ничего добиваться, кромѣ какъ того, чтобы *удержать уже достигнутое* и не допустить ему быть окраденнымъ отъ врага мира, любви и счастья нашего.

* * *

Плачь, окаянный грѣшникъ. Плачь не потому, чтобы ты совершилъ что-либо непростительное, незамолимое (нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе!), а плачь потому, что совершилъ столь безчеловѣчное, неблагодарное къ Тому, Кто былъ и есть для тебя—весь любовь и милосердіе. Плачь, окаянная душа, плачь, что ты оскорбила Того, Кто возлюбилъ тебя болѣе всего на свѣтѣ и самой жизни Своей не пожалѣлъ для тебя. Плачь, что ты такъ неблагодарно, жестоко и постыдно оскорбила и огорчила твоего Благодѣтеля, Отца, Друга и Жениха небеснаго.

* * *

Грѣхъ—*несчастіе* наше, достойное всякаго горя и неосушаемыхъ слезъ... Господи! Помилуй рабу Твою В. Пожалѣй ее въ тяжкихъ несчастіяхъ ея, мнѣ исповѣданныхъ. Я знаю, что Ты пожалѣешь ее еще больше, чѣмъ жалѣю я. Даруй и ей пожалѣть Тебя, столько ею оскорбленнаго и огорченнаго, вознаградить Тебя совершеннымъ исправленіемъ жизни и покаяннымъ плачемъ.

* * *

Пожалѣй грѣшнаго, ибо грѣхъ—*несчастіе* его. Бѣдный, тяжкій грѣшникъ! Какъ плѣнникъ ты — въ цѣпяхъ ужаснаго рабства и заключенія. Какъ колодникъ ты—не принадлежишь себѣ, лишень благодатной свободы, удалень отъ твоего Благодѣтеля и Отца. Какъ не жалѣть мнѣ тебя, достойнаго всякихъ слезъ и жалости, что оторванъ ты отъ Отеческой груди и брошенъ въ пропасть всякихъ гадовъ и страстей?

* * *

«*Ненавѣтну* жизнь нашу соблюди»... Соблюди нашу жизнь таковою, чтобы ни въ чемъ она не могла вызывать чье-либо нареканіе, упрекъ, соблазнъ. Соблюди нашу жизнь таковою, чтобы ни одинъ навѣтъ лукаваго, ни одного обольщеніе не побѣдило насъ, не совлекло съ пути благочестія на путь злонравной жизни.

А. І.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ТЕОФАНА

къ редактору журнала „Душеполезное Чтеніе“
Протоіерю В. П. Нечаеву (впослѣдствіи Еп. Виссаріону)
1872—1892 г.

---

26 мая 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Се—второе письмо въ С.-Петербургъ.—Покорно прошу поступить съ нимъ такъ же, какъ и съ первымъ, т.-е. въ общемъ собраніи (оттисками) писемъ къ разнымъ лицамъ пусть оно идетъ подъ номеромъ, какой тамъ слѣдуетъ;—а здѣсь безъ номера. Оттисковъ, особо отъ тѣхъ, кои пойдутъ въ книгу, потрудитесь велѣть сдѣлать *десятокъ одинъ*,—и всѣ ихъ ко мнѣ пришлите, если можно поскорѣе. Николай Васильевичъ пишетъ, что въ С.-Петербургѣ первое письмо отпечатано вновь—во многихъ тысячахъ. Если понравится и это, то, вѣроятно, и его отпечатаютъ тоже въ большомъ количествѣ.—Намъ, выходитъ, за ними нечего гнаться.

Я думаю, что письмо это придетъ къ началу печатанія новаго номера журнала... Тутъ и печатайте. Между тѣмъ—можетъ быть, мнѣ придется состряпать и еще письмецо. Если успѣю, поспѣшу прислать—съ прошеніемъ напечатать его подъ конецъ книги журнала, потому, что растягивать это писаніе нехорошо. Кучкою сильнѣе забереть.

Писемъ будетъ нѣсколько и еще, конечно, если лѣнность отступить хоть немножко.

Спасайтесь!

Благослови Господи васъ и дѣло ваше!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

10 юня 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Се — еще письмо. Если ухитритесь напечатать его въ томъ же номерѣ, то сдѣлаете для Выши праздникъ. Одно-то письмо не дастъ многого. Вдвоемъ съ настоящимъ порядочно дадутъ. Но если бъ къ нимъ еще третье, которое готовится, то было бы нѣчто цѣльное. Всего не сумѣлъ я вмѣстить въ одно это письмо.

Пашковъ оказывается болѣе опаснымъ, нежели какъ ожидалось. Ихъ цѣлая шайка!—Настоящіе башибузуки.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

Къ концу мѣсяца пришлю еще одно или не одно письмо,—и Симеона. Относительно оттисковъ сдѣлайте, какъ о предыдущемъ писано.

3 августа 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Се—посланіе къ Титу! Сотворите съ нимъ, какъ и съ посланіемъ къ Колоссянамъ. Дѣлайте оттисковъ 1500, изъ коихъ за тысячу я внесу деньги.

Въ печатаніи оттисковъ потрудитесь распорядиться, чтобъ послѣ общаго введенія было на особой осьмушкѣ напечатано: Толкованіе къ Титу. Затѣмъ—на слѣдующей

осьмушкѣ — введеніе и текстъ онаго. Послѣ введенія—опять осьмушку отрядить для напечатанія *толкованіе* и проч. Какъ въ посланіи къ Римлянамъ.

Верхушку же дѣлать, какъ въ посланіи къ Колоссянамъ. Посреди—Тит. 1, 1 и проч., а по краямъ стр.

Въ концѣ приложено оглавленіе.

Покорно прошу соответствующія части печатать однимъ шрифтомъ.

Пойдутъ въ одну книгу и оба посланія къ св. Тимоѳею.

Похвалился я, что скоро пришлю,—да еще съ новымъ письмомъ къ *оному*... Но подслушала лѣньность, и не допустила.

Можетъ быть, и вздумаю письмецо скропать. Но вѣрнѣе, что мѣсяць пропустится.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Спѣшу—ибо ѣдутъ въ городъ.

Наладьте печатаніе къ Галатамъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

10 сент. 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Давно былъ у меня составленъ небольшой сборничекъ о молитвѣ, печатанный въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ*.

Пришла охота отпечатать его особымъ изданіемъ и для того кое-что дополнить въ немъ, кое-что измѣнить.

Въ этомъ новомъ видѣ онъ препровожденъ къ племяннику. Къ вамъ же обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою—поруководить его при изданіи,—попрежнему, но съ нѣкоторою прибавкою.

Рукописи переписывать некому. Посылать въ Тамбовъ—то же будетъ, что съ посланіемъ къ Римлянамъ. Такъ ихъ и посылаю.

Прошу васъ покорно перечитывать послѣднюю корректуру печатанія сихъ рукописей и напередъ корректору

дать должны наставленія. Только рукописное, а печатное корректоръ можетъ и самъ исправно вестъ.

Рукописи, что впереди должны стоять — Василия Великаго, св. Іоанна Златоуста и Ефрема Сиріянина... какъ обычно. — А что въ концѣ *рукописи* — Дополненіе выписокъ изъ толкованій молитвы Господней — св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Златоуста и святителя Тихона (они попали мнѣ уже послѣ напечатанія того сборника) — не совсѣмъ обычная. — Надо вставлять ее статьями — въ рядъ печатныхъ статей. Я означилъ вездѣ это буквами. Но присмотритесь пожалуйста и корректору расскажите, въ чемъ дѣло, а типографіи онъ пусть передастъ. Больше всего боюсь, что тутъ напутаютъ.

Попросите также и цензора — о. Михаила, или кто будетъ, быть снисходительнымъ къ моимъ обстоятельствамъ и не отказать просмотрѣть рукопись и книгу, какъ есть.

Статьи печатной книги первой половины будутъ итти не въ томъ порядкѣ, какъ въ книги, а въ новомъ. Оглавленіе сего — приложено въ началѣ.

Пожалуйста уладьте это дѣло.

Теперь отдохнуть надо. А потомъ, кажется, придется воевать съ Тернеромъ.

Благослови васъ Господи.

Прошу молитвъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

---

22 сентября 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Виновать! Собралось нѣскольکو дѣлъ, которыя надлежало покончить. Захлопотавшись за ними, я и забылъ, что на мнѣ лежитъ — отвѣтить вамъ на одинъ вопросъ. Разумѣю о поминовеніи. На него мудро отвѣтить. И я не умѣю. Что поминовеніе имѣеть силу предъ Богомъ, объ этомъ нечего толковать, какъ о дѣлѣ, не подлежащемъ

сомнѣнію. Кто поминаетъ? Церковь, коей глава Христосъ. Господь устами церкви возноситъ ходатайственное моленіе къ Троицасному Богу, идѣже и Онъ, объ отшедшихъ. Моленіе всеконечно пріемлется, и по нему творится сообразное съ благодію и правдою Божіею. Такъ есть. Но всѣ случаи, бывающіе около поминовеній, угладить, какъ бы хотѣлось, недоумѣнно. Имѣю я усопшихъ родителей, братьевъ, сестеръ, родныхъ и знаемыхъ; поминаю ихъ самъ, прошу помянуть и церковь. Другой то же дѣлаетъ, третій, и всѣ... Такъ Богъ устроилъ, чтобъ твари взаимно другъ о другъ пеклись. Свою попечительность о тваряхъ Онъ раздѣлилъ между тварями же. На этомъ весь міръ стоитъ. Черезъ это движется въ тваряхъ живой духъ любви, всѣхъ связующій. Такъ и въ поминовеніи. Но вотъ бывають такіе, которыхъ некому помянуть. Что же такъ, они и остаются безъ поминовенія? Нѣтъ. Тотъ же духъ любви, движущійся черезъ всѣхъ, и ихъ захватываетъ, ибо и они не внѣ тѣла, а въ томъ же тѣлѣ, въ коемъ движется тотъ духъ. Выраженіемъ или показаніемъ этого соприкосновенія къ нимъ поминовенія, движущагося всюду—есть то, что вы сказали: и всѣхъ православныхъ христіанъ. Такимъ образомъ, сколько ни бываетъ частныхъ поминовеній, всякій разъ сила поминовенія касается и ихъ. Не надобно взоръ свой ограничивать дробностями. На могилку пришли священникъ, дьячекъ и старушка,—съ однимъ именемъ поминаемаго. Какъ мало? Но расширьте взоръ. Священникъ, представитель церкви и Господа—главы ея—возноситъ ходатайственную молитву силою Господа и по случаю одного имени молится о всѣхъ. Какъ лучъ молніи проходитъ изъ конца въ конецъ по небу, такъ молитва сія — по всѣмъ отшедшимъ. Вслѣдъ за нею и милостивый взоръ Бога Троицаснаго по всѣмъ продвигается, говоря челоуѣкообразно. Такъ вотъ, какъ дѣло есть. — Возраженіе, выходитъ, отъ того родилось, что не такъ на дѣло смотрять. — Некому помянуть?! Остаются вдовы и сироты безъ всякой чело-

вѣческой помощи. Кто имъ отецъ?—Богъ. Тамъ и тутъ Богъ поминаетъ и объ нихъ по поводу частныхъ поминовений. Имъ еще лучше: при всякомъ частномъ поминовении Богъ и объ нихъ поминаетъ. — А объ тѣхъ, коихъ имена вносятся—только въ одинъ этотъ разъ...

Прежде написанное, если найдете гожимъ, печатайте. Я забылъ, что писалъ. Ужъ равно, внесите то и въ рядъ писемъ, что оттискиваются. Только въ журналъ не означайте, что это къ тому разряду принадлежитъ.—Противъ Пашкова еще будутъ письма.—Кто-то въ *Церк. Вѣстн.* ворчать сталъ. — И ему надо сказать нѣчто. Но теперь некогда.

Еп. Теофанъ.

Ветхозавѣтное ученіе о твореніи міра ¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи міра искони занималъ собою человѣческой умъ, въ силу того, что правильное рѣшеніе его существенно необходимо для правильнаго опредѣленія человекомъ своего положенія въ мірѣ и своего нравственнаго назначенія. Въ рѣшеніи этого вопроса ветхозавѣтная религія стоитъ на недосыгаемой высотѣ сравнительно съ естественными религіями. Всѣ естественныя религіи въ ученіи объ образованіи міра совпадаютъ въ той общей мысли, что міръ путемъ преобразованій и развитія вышелъ по законамъ необходимости изъ какихъ-либо высшихъ началъ. Если это высшее начало, существующее искони, назвать Богомъ, то получится, что міръ по необходимости произошелъ изъ Бога, представляетъ собою видоизмѣненіе Божества, самообнаруженіе его. Такъ намѣчается пантеистическая точка зрѣнія въ представленіи о происхожденіи міра. Если же это высшее начало—Божество — само мыслится натуралистически, какъ начало стихійное, то и ученіе о происхожденіи міра получаетъ материалистическій оттѣнокъ. По библейскому воззрѣнію, Богъ сотворилъ міръ Своею всемогущею силою, свободно, изъ ничего. Здѣсь устранивается мысль о самодостаточности, абсолютности міра и необходимости его. Богъ могъ создавать міръ и не создавать его. Этой идеи божественной свободы нѣтъ ни въ одной религіи, кромѣ библейской. Не будучи абсолютнымъ, міръ, какъ свободное твореніе Бо-

---

¹⁾ Изъ уроковъ по Основному Богословію въ Виѣанской семинаріи.

жіе, управляется Богомъ, Который можетъ измѣнять, преобразовывать и возвышать строй міровой жизни для высшихъ цѣлей. Это промышленіе Божіе о мірѣ обуславливается тѣмъ, что міръ не есть мертвый механизмъ, развивающій свою жизнь по законамъ механической необходимости, а благоустроенный космосъ, выражающій волю и цѣли разумнаго Творца. Такъ въ ученіи о твореніи міра изъ ничего заложена глубокая нравственная идея свободы. Въ свободно созданномъ мірѣ возможно существованіе свободныхъ тварей—людей. Слѣдовательно, въ мірѣ на ряду съ законами божественными могутъ дѣйствовать законы иные—небожественные или противобожественные. Отсюда—зло и нестроеніа міровой жизни.

Библейское ученіе о міротвореніи изъ ничего подвергается многимъ возраженіямъ со стороны современнаго научнаго міровоззрѣнія. Оно, говорятъ, противорѣчитъ разсудку, который требуетъ, чтобы каждое явленіе имѣло свою причину, ибо изъ ничего не бываетъ ничего. — Но необходимо различать двѣ причины: матеріальную и производящую. Откровеніе, утверждая, что міръ созданъ изъ ничего, предполагаетъ отсутствіе до-мірной матеріи, изъ которой бы онъ образовался, значитъ отсутствіе причины матеріальной. Но оно отнюдь не отрицаетъ этимъ наличность достаточной производящей причины. Такою причиною является Богъ, всемогущая сила Котораго вызвала матерію изъ небытія въ бытіе и изъ нея образовала міръ.

Откровеніе утверждаетъ, что Богъ сотворилъ въ мірѣ различные роды органическихъ существъ, значитъ учитъ о постоянствѣ растительнаго и животнаго царства. Современная наука говоритъ о метаморфозѣ родовъ и видовъ, о переходѣ одного рода въ другой. Со времени теоріи Дарвина главныя усилія морфологовъ были направлены на приведеніе организмовъ въ генетическую связь. Идеаломъ классификаціи сдѣлалось родословное дерево. Такая классификація является, конечно, исторической, такъ какъ самое понятіе родства служитъ для выраженія опре-

дѣленной исторической связи. Но историческое понятіе «родства» понемногу стало отождествляться съ естественно-научнымъ понятіемъ «сходство» на томъ основаніи, что родственники должны быть схожи между собой, и тогда возникли во множествѣ попытки установить родственныя связи не при помощи науки палеонтологіи, а просто путемъ сравненія между собой нынѣ живущихъ организмовъ. Сначала дѣло шло какъ будто гладко, и идеи Геккеля, главнаго законодателя въ этой области, воспринимались съ увлеченіемъ морфологами, но болѣе глубокая разработка частныхъ вопросовъ вызвала оппозицію геккелизму. Въ настоящее время мы болѣе, чѣмъ когда-либо, далеки отъ родословнаго древа, и палеонтологія все чаще и чаще обнаруживаетъ простое совпаденіе (конвергенцію) тамъ, гдѣ прежде видѣли родство.—Но предположимъ, что исполнились самыя пылкія ожиданія эволюціонной науки: найдены всѣ посредствующія звенья между неорганическимъ и органическимъ міромъ или даже между обезьяной и человѣкомъ. Что этимъ будетъ доказано? Только то, что существовали животныя, представляющія средину между тѣмъ-то и тѣмъ-то. Но показать неопровержимо, что такое-то животное есть перерожденіе такого-то, невозможно никакими изысканіями. Мы знаемъ, что указываютъ на нѣкоторое сходство между обезьяной и человѣкомъ, что существуютъ зоофиты, летучія рыбы, но на основаніи только факта совмѣстнаго существованія ихъ мы не можемъ заключать, что животныя генетически происходятъ изъ зоофитовъ, птицы—изъ рыбъ, человѣкъ—изъ обезьяны. Это можетъ быть доказано только въ томъ случаѣ, если представятъ факты перехода обезьяны въ человѣка и пр. ¹⁾ Если есть эволюція родовъ и видовъ, то должно происходить, съ одной стороны, вымираніе существую-

---

¹⁾ Обыкновенно всѣ доказательства касаются простой возможности такого перехода въ гипотетическомъ и отдаленномъ отъ насъ на многія тысячелѣтія прошедшемъ.

щихъ формъ жизни, съ другой — возникновеніе новыхъ. Если нѣтъ эволюціи, то долженъ происходить только первый процессъ. Человѣчество за все время своего существованія наблюдало только первый процессъ, но никакихъ новыхъ формъ жизни не явилось на глазахъ чловѣка.

Главнѣйшія возраженія противъ библейскаго ученія о міротвореніи идутъ со стороны двухъ наукъ—астрономіи и геологіи. Моисеево повѣствованіе о твореніи міра представляетъ землю центромъ всей планетной системы, средоточнымъ пунктомъ всей вселенной, потому что на землѣ находится чловѣкъ—цѣль и вѣнецъ всего творенія. Значить, библейское міросозерцаніе можно назвать геоцентризмомъ. Между тѣмъ астрономическія открытія Коперника показали, что земля есть ничтожная точка во вселенной, незначительный спутникъ одного изъ незначительныхъ солнць.—Но падаетъ ли предъ этимъ открытіемъ библейское міропредставленіе? Нисколько. Количество не есть еще мѣра качества. Развѣ малѣйшее пространство не скрываетъ часто въ себѣ величайшихъ чудесъ? Если телескопъ показываетъ намъ, что міръ есть какъ бы песчинка во вселенной, то съ другой стороны микроскопъ открываетъ намъ почти въ каждой песчинкѣ особый новый міръ. Малѣйшій организмъ стоитъ выше неорганической огромной глыбы. Роза въ долинѣ выше вздымающейся голой скалы, потому что въ первой есть жизнь. Оазисъ въ пустынѣ, покрытый растеніями, далеко выше громаднаго песчанаго пространства, окружающаго его. Духъ чловѣчскій по своему достоинству выше всей матеріи, а потому и то мѣсто, гдѣ онъ достигаетъ своего развитія, выше самаго громаднаго пустаго пространства. Вѣдь еще не установлено и не доказано научно, чтобы другія тѣла нашей солнечной системы были приспособлены для развитія разумной жизни.

Столкновенія между Библией и геологіей возникаютъ по вопросу о дняхъ творенія и продолжительности существо-

ванія земли. Библія учитъ, что міръ сотворенъ въ шесть дней, и что древность его не превосходитъ десяти тысячелѣтій. Между тѣмъ геологія, исходя изъ факта существованія въ нѣдрахъ земли такъ называемыхъ геологическихкихъ пластовъ, т.-е. минеральныхъ слоевъ различного состава и происхожденія, представляющихъ собой окаменѣлую форму органической жизни, насчитываетъ громадныя милліоны лѣтъ, потребныя для постепеннаго отложенія геологическихкихъ пластовъ и для образованія земной коры. Къ этому нужно еще прибавить сотни тысячелѣтій, которыя необходимы для постепенной эволюціи различныхъ формъ растительной и животной жизни. — Нѣкоторые отцы и учителя Церкви дѣйствительно видѣли въ повѣствованіи Моисея о шестидневномъ твореніи приспособленіе къ нашему способу пониманія, а дни творенія принимали за продолжительные періоды. И, дѣйствительно, Моисеево сказаніе преслѣдуетъ не научный, а религіозно-нравственный интересъ. Цѣлью его было дать намъ не геогонію, т.-е. систему образованія земли, а космогонію, т.-е. систему образованія всего міра и притомъ, какъ она представляется съ земли простому, ненаучному взгляду. Напрасно, поэтому, искать въ Библіи какія-либо научныя естественныя теоріи и гипотезы, подходящія къ современнымъ геологическимъ вычисленіямъ. Спорность и гипотетичность этихъ вычисленій внѣ всякаго сомнѣнія. Человѣческія умозаключенія отъ нынѣ дѣйствующихъ силъ и законовъ природы къ ихъ дѣйствию во время первоначальнаго происхожденія міра не законны. Эти силы могли тогда дѣйствовать интенсивнѣе и быстрѣе. Теперь вообще, особенно подъ вліяніемъ Дарвина, установился взглядъ о постепенномъ и спокойномъ преобразованіи земной поверхности. Однако природа и теперь представляетъ многіе примѣры скачковъ. Такіе скачки, быстрыя и значительныя измѣненія въ строеніи земной поверхности могли происходить и ранѣе, особенно подъ вліяніемъ разнаго рода катастрофъ, землетрясеній и пр. Замѣчательно то, что въ

общемъ порядкѣ мірообразованія Библія и геологія совпадаютъ. Процессъ образованія міра и тамъ, и здѣсь представляется законосообразнымъ процессомъ развитія, перехода отъ однообразнаго къ разнообразному, отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему. И по Библіи въ образованіи міра принимали участіе производительныя силы и элементы природы: «да произраститъ земля зелень, траву», «да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую», «да произведетъ земля душу живую, скотовъ, гадовъ». Библія учитъ, что всѣ роды неорганической и органической жизни возникаютъ въ генетической зависимости условій своего существованія, смѣняясь высшими царствами. Сначала царство растительное, потомъ животное и наконецъ человѣкъ. Схема мірообразованія по Библіи и геологіи одна и та же.

Ив. Николинъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ КЪ ХРИСТИАНСТВУ.

VIII.

Подзаконный мракъ.

Литература: Ewald, *Geschichte des Volkes Israel*, B. IV; Kuenen, *The Religion of Israel*; Robertson Smith, *The Old Testament in the Jewish Church* (2 изд.); Wellhausen, *Die Pharisäer und die Sadducäer*; Montet, *Essai sur les Origines des Partes Sadducéen et Pharisien*; Schürer, *Geschichte des Jüdischen Volkes*; Drummond, *Philo Judaeus*; Sack, *Die Altjüdische Religion, im Uebergange vom Bibeltume zum Talmudismus*; Thomson, *On the Books which Influenced our Lord* (Apocalyptik Literature); Cheyne, *Bampton Lectures on the Psalter* (Lecture VII о вліяніи персидской религіи на іудейство); Тоу, *Judaism and Christianity*.

Я употребляю это заглавіе для обозначенія религіознаго состоянія іудейскаго народа въ теченіе длиннаго періода около четырехъ сотъ лѣтъ, которыя протекли между временемъ пророка Малахіи и началомъ христіанской эры.

Заглавіе это подходит сюда во всѣхъ отношеніяхъ и указываетъ даже и на относительную скудость дошедшихъ до насъ отъ этого времени свѣдѣній. Замѣчаніе это особенно приложимо къ первой части разсматриваемаго періода, къ тому времени, когда іудеи находились подъ владычествомъ персовъ. Объ этомъ времени, продолжавшемся почти столѣтіе, мы не знаемъ почти ничего. Единственное событіе, связанное съ персидскимъ владычествомъ и имѣющее интересъ для лица, изучающаго Библию, есть составленіе книгъ Паралипоменонъ, которыя появились въ-

роятно во время персидскаго періода ¹⁾). Это сочиненіе, въ которое были, вѣроятно, первоначально вставлены книги Ездры и Нееміи, бросаетъ интересный свѣтъ на то, какъ благочестивые іудеи того времени, когда были написаны книги Паралипоменонъ, смотрѣли на прошедшую исторію своего народа. Въ кн. Паралипоменонъ, собственно говоря, излагается исторія не Израиля, а Іерусалима. Здѣсь дается сначала бѣглый очеркъ древней исторіи евреевъ до Давида, который сдѣлалъ Іерусалимъ столицей своего народа; затѣмъ излагается исторія Израиля при Давидѣ и его преемникахъ до вавилонскаго плѣна; наконецъ—въ книгахъ Ездры и Нееміи—исторія новаго Іерусалима. Всѣ эти событія разсматриваются съ левитской точки зрѣнія ²⁾).

Періодъ, теперь нами разсматриваемый, былъ лишенъ свѣта пророчества. Съ Малахіей солнце еврейскаго пророчества закатилось и не восходило опять до времени выступленія на проповѣдь Іоанна Крестителя. Псалмопѣвцы, жившіе въ это темное время, высказывали жалобу на то, что «нѣтъ уже пророка» ³⁾). Они были въ дѣйствительности единственными людьми, приближавшимися къ пророкамъ въ эти годы. Ихъ священныя пѣсни были блестящимъ звѣзднымъ свѣтомъ въ длинную зимнюю ночь. Какъ тяжело было такое исчезновеніе пророчества съ его боговдохновенностью для народа, нѣкогда слышавшаго реченія Исаи и Іереміи! Это было тѣмъ болѣе тяжело, что позднѣйшія поколѣнія и не сознавали, какъ многого они лишились. Но такъ, повидимому, было дѣйствительно. Въкѣ іерократіи, когда владычествовали священники и книжники, не только не могъ породить новыхъ пророковъ, но сдѣлался неспособнымъ оцѣнивать и старыхъ. Говоря во-

¹⁾ По мнѣнію Эвальда онѣ были написаны около времени смерти Александра В. въ 323 г. до Р. X. См. его *Geschichte des Volkes Israel*, I, 251.

²⁾ Такъ Эвальдъ, *Geschichte*, I, 251.

³⁾ Пс. 73, 9.

обще, великіе пророки были въ пренебреженіи во время подзаконной тьмы. Правда, ихъ пророчества собирались и сохранялись, и имъ предоставлено было мѣсто среди священныхъ писаній. Однако пророки не имѣли большого значенія. Одинъ законъ былъ собственно писаніемъ, все остальное считалось второстепеннымъ. Духъ вѣка даже въ Палестинѣ не симпатизировалъ пророчеству, а для александрійскаго іудея оно не имѣло почти никакого смысла ¹⁾.

Почему же не появлялись пророки въ теченіе этихъ столѣтій? Слѣдуетъ ли объяснять это простою случайностью, или тутъ было нѣчто предопредѣленное? Тутъ не было ни того, ни другого. Таковъ былъ скорѣе результатъ, котораго и нужно было ожидать на той стадіи развитія, до котораго дошла теперь религія Израиля. Говорить въ духъ ветхаго завѣта было больше нечего. Слово, которое нужно было теперь сказать, было сказано Іисусомъ Христомъ самарянкѣ, слово о томъ, что мѣстное, національное и обрядовое богослуженіе должны были прекратиться и замѣниться всеобщимъ и духовнымъ богослуженіемъ. Но часъ для того, чтобы сказать такое слово, еще не пришелъ. Пророки говорятъ только тогда, когда имъ нужно говорить. Они не появляются, когда въ нихъ не встрѣчается особенной нужды. Во время же нужды они приходятъ и подаютъ свой голосъ, чтобы облегчить бремя, которое лежитъ на ихъ душѣ и всѣхъ, мыслящихъ одинаково съ ними. Такой кризисъ долженъ былъ наступить тогда, когда законничеству предоставлено было время для того, чтобы оно принесло свои плоды. Сначала, подобно монашеству въ христіанской церкви, законничество казалось вообще дѣломъ хорошимъ и рекомендовало себя общему религіозному сознанію. Псалмопѣвцы жаждали возвращенія священныхъ временъ, радовались, когда совершался кругъ церковныхъ празднествъ, и приглашали на-

---

¹⁾ См. Riehm, *Alttestamentliche Theologie*, стр. 403.

родъ въ домъ Іеговы ¹⁾. Они воспѣвали хвалы закону, объявляя, что онъ совершенъ, укрѣпляетъ душу и умудряетъ простецовъ ²⁾. Писатель Паралипоменонъ душевно и сердечно интересовался храмовой службой. Онъ особенно любитъ храмовую музыку и не упускаетъ ни одного случая упомянуть о ней въ своемъ разсказѣ. Онъ много заботится о томъ, чтобы левитамъ оказывалась должная почеть. Онъ такъ мало обращаетъ вниманія на обязанности историка, что, по его мысли, обрядовый законъ былъ въ полной силѣ даже въ древнія времена Давида и Соломона. Очевидно, что время для объявленія закона слабымъ и несовершеннымъ, а левитской обрядности—неспособною къ усовершенствованію совѣсти молящагося еще не пришло. Священники и книжники возвысились и должны были оказывать вообще свойственное имъ вліяніе, и въ лучшемъ, и худшемъ смыслѣ.

Книжники должны были совершить многообразные и, повидимому, очень полезные труды. Одно дѣло, очевидно забранное ими въ свои руки, заключалось въ умноженіи списковъ книги закона, которую Ездра, отецъ ихъ сословія, написалъ въ Вавилонѣ и принесъ съ собою въ Іерусалимъ. Переписываніе, собираніе и изданіе разныхъ цѣльныхъ писаній, на примѣръ тѣхъ, гдѣ содержались пророчества, могутъ быть разсматриваемы, какъ естественное и вѣроятное слѣдствіе такого рода дѣятельности. Въ книгѣ Нееміи встрѣчается ссылка на пророковъ, въ выраженіяхъ, гдѣ очень полно признается ихъ важность, какъ посланниковъ Божіихъ для засвидѣтельствованія грѣха Израиля ³⁾, и эта ссылка, какъ можно думать, доказываетъ знакомство автора съ ихъ писаніями. Во второй книгѣ Маккавейской самому Нееміи приписывается честь основанія бібліотеки, въ которую включены были и про-

---

¹⁾ Пс. 121.

²⁾ Пс. 18.

³⁾ Неем. IX, 30.

роческія писанія ¹⁾). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ этомъ утвержденіи и возможно думать, что левиты, въ уста которыхъ вложена помѣщенная въ книгѣ Нееміи молитва, гдѣ содержится ссылка на пророковъ, и книжники, главный интересъ которыхъ и занятія заключались въ законѣ, достаточно цѣнили изреченія пророковъ, желали сохраненія ихъ писаній и предпринимали труды съ этою цѣлю. Такимъ образомъ мы можемъ правильно судить о сословіи книжниковъ, не только какъ переписчиковъ закона, но и какъ собирателей и издателей цѣнныхъ книгъ религіознаго содержанія, считавшихся священными, хотя ни въ какомъ случаѣ онѣ и не ставились на одинъ уровень съ Пятикнижіемъ.

Другою, очень необходимою, отраслю занятій книжниковъ было истолкованіе закона. Законъ Господень былъ, по словамъ псалмопѣвца, совершенъ; однако не легко было составить кодексъ изъ многочисленныхъ правилъ, которыя отличались бы совершенною точностію, полнотой, послѣдовательностію, были бы чужды всякой двусмысленности, что дѣлало бы все дальнѣйшее законодательство и комментаріи къ нему излишними. Законы, изложенные въ Пятикнижій, очевидно, не отличались такимъ характеромъ. Здѣсь изложены были законы различныхъ вѣковъ, законы Пятикнижія было трудно примирить одни съ другими, и хотя правила, взятые вмѣстѣ, были многочисленны и касались всѣхъ областей жизни, однако оказывались недостаточными для руководства во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ создавалась потребность или въ новомъ законодательствѣ, или въ искусномъ истолкованіи прежняго. Книжники не осмѣливались открыто принять на себя роль законодателей. Они принялись за болѣе безопасный трудъ толкователей и составили новые законы подъ предлогомъ истолкованія старыхъ. Отсюда возникъ

---

¹⁾ Гл. 2, 13. Здѣсь говорится, что Неемія, „составляя бібліотеку, собралъ сказанія о царяхъ и пророкахъ и о Давидѣ и письма царей о священныхъ приношеніяхъ“.

устный законъ, которому, такъ же, какъ и писанному закону, старались приписать происхожденіе отъ Моисея и его авторитетъ. Это было недобрымъ предназнаменованіемъ, и дѣлу суждено было достигнуть огромныхъ размѣровъ и принести свои вредные плоды. И однако можно было говорить, что это было полезно, не скажемъ необходимо. Что такое былъ этотъ устный законъ, какъ не ограда для писаннаго закона, какъ не средство для предохраненія его отъ всякихъ нарушеній ¹⁾? Разъ начатое, устройство такой ограды сдѣлалось дѣломъ серьезнымъ. Самый законъ, какъ онъ изложенъ былъ Ездрой, былъ оградой для религіи Израиля, какъ народа, находившагося въ завѣтъ съ Богомъ. Теперь въ свою очередь было найдено, что и законъ, данный Ездрой, также нуждается въ огражденіи. А за второй оградой потребовалась третья, за третьей четвертая и т. д., пока не стало видно ничего, кромѣ огромнаго пространства, занятаго различными оградями, а самый ограждаемый предметъ, истинное богослуженіе и богопочитаніе, не исчезъ совсѣмъ изъ виду. Историческій памятникъ этой сосредоточенной оградительной дѣятельности въ ея чрезвычайномъ развитіи есть Тямудъ, — эта огромная пирамида, въ которой покоится похороненное іудейство. Книжники, сами не сознавая того, что они дѣлали, строили эту пирамиду, нагромождая камень за камнемъ во время темной ночи законничества.

Есть основанія думать, что во время персидскаго владычества іудеи и въ своей религіи до нѣкоторой степени подпали персидскому вліянію. Этого и можно было ожидать. Потому что персы, кромѣ того, что были дружественнымъ народомъ, имѣли религію, сродную съ еврейскою. Ихъ идея о Богѣ походила на идею о Немъ еврейскихъ пророковъ. Они мыслили о Высшемъ Существовѣ,

---

¹⁾ Въ Пирѣе Авотъ сообщается, что люди великой синагоги высказали три изреченія: будь свободенъ въ сужденіи; собирай многочисленныхъ учениковъ; устрой ограду вокругъ закона. Эти изреченія указываютъ на духъ и дѣли книжничества.

какъ о такомъ, для котораго нравственныя различія были реальны и жизненны, которое любить правду и ненавидѣть ложь. Единымъ истиннымъ Богомъ было у персовъ этически представляемое Божество, названное Агура-Мазда. Они правда противопоставляли этому доброму и мудрому Духу другого духа, котораго называли Ангра-Мэнью, злонамѣренное существо, почему и вошло въ обычай представлять древнихъ персовъ больше какъ усвоившихъ себѣ дуалистическую религію, чѣмъ какъ монотеистовъ. Но персидскій дуализмъ былъ вынужденъ. Преимущество, отданное въ зендской религіи злему духу, источнику и творцу всего злого въ мірѣ, было результатомъ и доказательствомъ серьезной окраски персидской религіи. Послѣдователи Зороастра горѣли такимъ желаніемъ признавать святость и благость Божію, что для того, чтобы спасти ихъ отъ компрометтированія, соглашались пожертвовать верховенствомъ Бога или подвергнуть послѣднее опасности, поставивъ рядомъ съ добрымъ Духомъ реальное божество, въ нѣкоторомъ смыслѣ антибога, который долженъ былъ считаться отвѣтственнымъ за все зло, существующее въ мірѣ ¹⁾. Персы полагали, что всякій человѣкъ обязанъ любить добраго Духа и служить Ему, а злого духа и всѣ дѣла его ненавидѣть. Между этими двумя духами и царствами свѣта и тьмы, надъ которыми они владычествовали, была непрестанная борьба, и каждый человѣкъ долженъ дѣлать выборъ, на какую сторону ему стать. Благо человѣку, если онъ выбираетъ царство Агура-Мазды съ его праведностью и старается споспѣшествовать ему чистотой, истиной, воздѣлываніемъ земли и исполненіемъ домашнихъ обязанностей, если онъ будетъ вести борьбу противъ Ангра-Мэнью, возненавидѣть ложь, обманъ, прелюбодѣяніе, убійство, будетъ убивать вредныхъ звѣрей и тщательно охранять жизнь всѣхъ полезныхъ животныхъ.

¹⁾ Дармштетеръ говоритъ, что въ индо-иранской религіи существовали „открытый монотеизмъ и безсознательный дуализмъ“. Переводъ Зендъ-авесты, *Sacred Books of the East*, т. IV, введение, стр. LVII.

Отъ такой религіи, съ ея возвышенными представленіями о Богѣ и возвышеннымъ идеаломъ человѣческой жизни, еврейскій народъ не считалъ нужнымъ держаться вдали, какъ онъ вынужденъ былъ къ этому въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ хананейскимъ сосѣдямъ, стараясь избѣгать отъ нихъ нравственнаго оскверненія. Евреи не уклонялись даже и отъ того, чтобы позаимствовать нѣкоторые уроки изъ религіи своихъ персидскихъ владыкъ. Предметы, о которыхъ евреи, какъ полагаютъ, заимствовали для себя наставленія, суть преимущественно слѣдующіе: обрядовыя правила объ очищеніяхъ, о сатанѣ, ангелахъ и воскресеніи мертвыхъ. Что существуетъ здѣсь поразительное сходство въ этихъ отношеніяхъ, какъ и въ относительныхъ идеяхъ о Богѣ, между религіями этихъ двухъ народовъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ персидской религіи, какъ и въ левитизмѣ, нечистота, возникающая вслѣдствіе соприкосновенія съ дѣлами злого духа, напримѣръ съ смертью, и средства для удаленія этой нечистоты, занимаютъ выдающееся мѣсто. Еврейскій сатана соотвѣтствуетъ персидскому Ангра-Мэнюю. Зендская религія богата добрыми духами и злыми. Зендъ-авеста кишитъ духами всякаго рода, съ неуклюжими и странными именами и функціями: Йятусь, Пайрика, друанты, волшебные духи, воздушные, бѣсы бурь — все это злые духи; язаты и эраваша, духи, охраняющіе дни мѣсяцевъ и частныя кланы и сосѣдства, и самый высшій изъ нихъ, Амеша Спентасъ, семь «неумирающихъ и благодѣтельныхъ». Замѣчательно, что въ позднѣйшихъ книгахъ ветхаго завѣта, Захаріи и Даниила, ангельскія существа занимаютъ болѣе выдающееся мѣсто, чѣмъ въ книгахъ болѣе древнихъ. Наконецъ, ученіе о воскресеніи обще обѣимъ религіямъ, и съ фактической стороны весьма замѣчательно, что только въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, которыя, по мнѣнію критиковъ, были написаны въ персидскій періодъ или еще позднѣе, это ученіе появляется.

Такое соотвѣтствіе было ли слѣдствіемъ заимствованій?

Этотъ вопросъ нужно обсудить безъ предразсудковъ, и однако на него слѣдуетъ дать отвѣтъ осмотнительный. Мы не имѣемъ основаній ревниво устранять всякое вліяніе окружающихъ народовъ на религіозныя мнѣнія іудеевъ. Это только вопросъ о фактѣ. Съ другой стороны, слѣдуетъ тщательно имѣть въ виду, что одно только сходство не доказываетъ еще сознательнаго подражанія или заимствованій ни съ той, ни съ другой стороны. Общія черты могутъ быть просто «совпаденіями развитія» ¹⁾ въ религіяхъ сродныхъ. Было естественно, если въ серьезной этической религіи, которая видитъ во всей міровой исторіи борьбу между добромъ и зломъ, въ теченіе ея историческаго развитія раскрыто было ученіе о воскресеніи и о вѣчномъ осужденіи. Въ томъ же самомъ родѣ Ангра-Мэнью и сатана могли быть только случайными совпаденіями въ развитіи. Всякое царство имѣетъ своего главу; еще болѣе естественно, если религія, которая наблюдаетъ въ мірѣ борьбу между двумя царствами свѣта и тьмы, снабдила оба эти царства отдѣльными главами, не прибѣгая къ заимствованіямъ изъ чуждой религіи представленій о нихъ. Не столько сходство между сатаной и Ангра-Мэнью должно подлежать объясненію, сколько различіе между ними; а различіе заключается въ томъ, что сатана и его царство не обладаютъ такою независимостью, какъ Ангра-Мэнью и его царство.

Однако различные слѣды персидскаго вліянія наблюдаются, по крайней мѣрѣ, въ области ангелологіи. На это указываютъ самыя названія духовъ въ позднѣйшихъ іудейскихъ книгахъ, напримѣръ въ книгѣ Товита Асмодей, который есть просто *aeshma daeva*, переданное по-гречески. И не трудно видѣть, какимъ образомъ іудеи сдѣлались способны къ воспріятію персидскихъ представленій объ этомъ предметѣ. Они совпадали съ склонностью позднѣй-

¹⁾ Это весьма внушительное выраженіе заимствовано у Principal Fairbairn of Mansfield College, Oxford. См. его *Studies in the Philosophies Religion and of History*, стр. 23.

шаго іудейства къ трансцендентальному представленію о Богѣ. Эта склонность впервые раскрылась въ обрядовомъ богослуженіи, какъ оно было преобразовано Ездрой. Богъ обрядоваго культа есть Существо, удаленное отъ міра. Онъ держится вдали отъ грѣшныхъ людей, ревниво оберегая Свою святость. Онъ пребываетъ въ самомъ свѣтѣйшемъ мѣстѣ, куда ни одинъ человѣкъ, кромѣ первосвященника, не можетъ входить, и то только однажды въ годъ, и при томъ съ тщательными предосторожностями, между тѣмъ какъ обыкновенные смертные находятся въ, ожидая слѣдствій этого священническаго посредства. Удаленность отъ міра есть только расширеніе идеи объ этомъ далекомъ Богѣ, а ангельское посредство между божественнымъ Существомъ и твореніемъ параллельно первосвященническому посредству между Святымъ и грѣшными израильтянами. Въ этой связи измѣненная версія объ исчисленіи народа Давидомъ въ кн. Паралипоменонъ очень замѣчательна ¹⁾. Въ книгѣ Царствъ Іегова искушаетъ Давида ²⁾; въ Паралипоменонѣ—сатана ³⁾. Переменная эта не доказываетъ, что сатана былъ вывезенъ изъ Персіи, или даже что лицо, отвѣтственное за эту перемену, писатель ли Паралипоменонъ, или неизвѣстный авторъ источника, которымъ онъ пользовался, сознательно находились подъ вліяніемъ персидскихъ воззрѣній объ отношеніи Бога къ человѣческому грѣху. Но это доказываетъ, что во время, когда написаны были книги Паралипоменонъ, іудейскіи представленія о Богѣ подверглись важному измѣненію. Въ это время начали считать неприличнымъ приводить божественное Существо въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ дурнымъ человѣческимъ поведеніемъ и найдено было удобнымъ возложить функцію искушителя на сатану, какъ посредника между Іеговой и Давидомъ. Рѣшеніе вопроса, представляемое въ такомъ видѣ критиками, правда, можетъ

¹⁾ 2 Цар. 24; 1 Пар. 21.

²⁾ 2 Цар. 24, 11.

³⁾ 1 Пар. 21, 1.

насъ не удовлетворяютъ, но оно по крайней мѣрѣ интересно, потому что правильно указываетъ на вышеозначенную наклонность къ открытію дверей, чрезъ которыя персидскія представленія о мірѣ духовъ могли найти доступъ къ іудейскому уму. Богъ іудейства, по свидѣтельству писателя Паралипоменонъ, есть трансцендентное Существо, по Своей святости весьма возвышается надъ человѣческимъ грѣхомъ и предположительно также и по Своей сущности—надъ всѣмъ твореніемъ. Онъ не можетъ вступать въ какое-либо общеніе съ міромъ безъ человѣческихъ или ангельскихъ посредниковъ. Тенденція, подобная этой, однажды появившись, продолжается до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ своей естественной границы. Мало-по-малу люди начали считать себя недостойными произносить самое божественное имя, какъ оно произносилось нѣкогда во Израилѣ, и считать признакомъ благочестія называть Бога Элогимъ или Адовай, а не Іеговой. Еще въ книгѣ Екклезіастъ, написанной вѣроятно послѣ Паралипоменонъ, начался этотъ обычай. Въ этой книгѣ имя Іегова ни разу не встрѣчается и соответственно этому факту Богъ называется «Вышнимъ»¹⁾ и противоплагается людямъ въ формулѣ: «Богъ на небѣ, а ты на землѣ»²⁾. У Филона этотъ новый образъ мышленія завершается представленіемъ о Богѣ, какъ о Существовѣ непознаваемомъ и невыразимомъ, способномъ вступать въ отношенія во вселенной исключительно только чрезъ ангеловъ и силы, логи и логосы, полуличныя существа, которыя порхаютъ въ здѣшнемъ мрачномъ мірѣ подобно совамъ во время ночи³⁾.

---

¹⁾ Еккл. 5, 7.

²⁾ Еккл. 5, 1.

³⁾ Можетъ показаться, что моя рѣчь по вопросу о персидскомъ вліяніи несимпатична. Но я не желаю быть понятымъ въ томъ смыслѣ, что я ограничиваю это вліяніе только однимъ пунктомъ—ученіемъ объ ангелахъ, или что считаю это вліяніе слишкомъ сильнымъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, которое защищалъ Сheuṇé въ своихъ

До сихъ поръ мы знали іудеевъ періода, теперь нами разсматриваемаго, только какъ объединенный народъ, стремившійся къ тому, чтобы сдѣлать божественный законъ правиломъ для своей жизни. Рѣдкое религіозное общество не знаетъ никакихъ раздѣленій. Опытъ христіанской церкви свидѣтельствуемъ о многочисленныхъ спорахъ и раздѣленіяхъ, — причиною которыхъ были различія въ мнѣніяхъ и въ практикѣ. Послѣдствіемъ іудейская церковь также не была изгнана отъ этихъ золъ. Существованіе серьезныхъ раздѣленій сдѣлалось особенно сильно замѣтно во время греческаго владычества, когда выступили фарисеи и саддукеи, какъ враждебныя партіи въ религіозной и политической дѣятельности. Происхожденіе этихъ партій и ихъ названій покрыты тьмою. Потому что въ это время была ночь, во время которой въ лучшемъ случаѣ изрѣдка проглядывала и свѣтила своимъ тусклымъ свѣтомъ только луна, и всѣ предметы освѣщены были весьма неясно. Съ практической точки зрѣнія это былъ расколъ между книжниками и священниками. И когда мы подумаемъ о томъ, чѣмъ были заняты эти два сословія, объ ихъ относительныхъ сферахъ вліянія и о тенденціяхъ, естественно возникавшихъ отсюда, то можемъ понимать, какимъ образомъ, задолго до того, какъ дѣло дошло до открытаго разрыва, объ партіи отпали одна отъ другой въ мнѣніяхъ, чувствахъ, интересахъ. Священникъ

Vampton Lectures такъ: „если въ талмудической эсхатологіи заимствовано кое-что изъ менѣе важныхъ частей персидской религіи, то неужели псалмопѣвцы не могли советамъ воспользоваться ея болѣе важными ученіями? Да, конечно. Древнее откровеніе иранскимъ мыслителямъ этихъ высокихъ духовныхъ истинъ, всеобщее владычество Божіе, никогда не прекращавшееся отношеніе Бога къ отдѣльному человеку, — все это должно было имѣть нѣкоторую промыслительную цѣль. И, я думаю, мы теперь можемъ понимать, въ чемъ она заключалась. Назначенное время для сочетанія арійской и семитической мысли, господствовавшего въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, наступило“, стр. 401. Ренавъ мало вѣрилъ въ персидское вліяніе. Онъ говоритъ, что вавилонскій іудей замуривалъ глаза и не научился въ Вавилонѣ ничему. — *Histoire du Peuple d' Israel*, III, 440.

былъ совершителемъ рутинныхъ религіозныхъ обрядовъ, книжникъ былъ челоувѣкъ, изучавшій законъ, и учитель закона. Сферой дѣятельности священника былъ храмъ, книжника — синагога. Этимъ обуславливалась и ихъ неодинаковая популярность. Священникъ встрѣчался съ народомъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда приходилъ въ Іерусалимъ на большіе праздники; книжникъ встрѣчался съ нимъ каждую недѣлю по субботнимъ днямъ, когда народъ собирался въ синагогу помолиться и послушать чтеніе св. писанія. Къ этому нужно прибавить, что священники были и правителями и религіозными должностными лицами. Первосвященникъ былъ начальникомъ и держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія. Отсюда прокралось въ священническіе круги и фамиліи чувство аристократизма и болѣе или менѣе свѣтскій духъ. Книжники, съ другой стороны, не менѣе естественно сдѣлались представителями демократическихъ и религіозныхъ тенденцій. Этимъ контрастомъ объясняются и другіе. Аристократизмъ консервативенъ въ мнѣніяхъ. Поэтому нисколько не удивительно, если мы узнаемъ, что саддукеи, которые были порожденіемъ священническихъ тенденцій, придерживались писаннаго закона и держались въ сторонѣ отъ устаго и новостей школъ; и далѣе, что они закрывали свои глаза на новые догматы относительно ангеловъ и воскресенія. Съ этой стороны священники, въ сравненіи съ книжниками, имѣютъ право считаться партией старой ортодоксіи, примыкавшей тѣсно къ отеческимъ путямъ. Однако это обстоятельство давало имъ мало преимуществъ. Ихъ свѣтская жизнь, возникавшая вслѣдствіе власти, склоняла ихъ къ чужеземнымъ обычаямъ, когда это казалось полезнымъ въ государственныхъ цѣляхъ. Такъ дѣйствительно и было во время греческаго владычества. Священники были руководителями въ процессѣ эллинизации, между тѣмъ какъ книжники были защитниками іудейскаго закона и преданія ¹⁾).

¹⁾ Обо всемъ этомъ рѣчь въ сочиненіи Велльгаузена *Die Phariseer und die Sadducäer* особенно поучительна.

Было неизбежно, чтобы скрытыя тенденціи этихъ партій выплыли наружу во время греческаго владычества. Правительство находилось близко, подъ рукой, не такъ, какъ во время предшествовавшаго персидскаго владычества. Греки находились въ Палестинѣ, жили во вновь основанныхъ городахъ, называвшихся греческими именами находившихся подъ греческою властію, и были органами распространенія греческихъ обычаевъ. Греческая общественная жизнь была привлекательна, дѣйствовала на чувства, восхищала и очаровывала всѣхъ, любившихъ удовольствія. Греческая культура была свѣтла, богата и прекрасна, представляла изъ себя блестящую противоположность семитическому міру, бѣдному всѣмъ, что относилось къ искусству, наукѣ и философіи. Отсюда создалось положеніе, къ которому іудейскій народъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Онъ долженъ былъ подумывать объ уступкахъ новому западному вліянію, или же черство отгораживаться отъ него. Одни приняли первый курсъ, другіе второй: нѣкоторые эллинизировали, другіе остались вѣрны старымъ еврейскимъ путямъ. Въ своемъ фил-эллинскомъ энтузіазмѣ люди стали называть себя именами, переведенными съ еврейскаго языка на греческій, и дѣлали все, чтобы изгладить физическій знакъ своей связи съ іудейскимъ народомъ. Они приносили жертвы идоламъ, нарушали субботу и не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не добились отъ правительства дозволенія основать гимназіумъ въ Іерусалимѣ. И въ этомъ безбожномъ отступничествѣ священники, къ ихъ стыду, были руководителями.

Реакція противъ этого движенія началась вслѣдствіе безумія Антиоха Епифана. Думая, что многіе іудеи, включая и нѣкоторыхъ интеллигентныхъ людей въ народѣ, желали сдѣлаться греками, онъ введенъ былъ въ заблужденіе мыслию, что и весь народъ былъ готовъ къ полному изглаженію всего, что было іудейскимъ. Въ этомъ смыслѣ и были изданы разныя повелѣнія, исполненіе которыхъ вызвало въ народѣ сильную реакцію. Оказалось, что не

только книжники и множество народа, но не мало лицъ и изъ среды самихъ священниковъ нашли въ себѣ мужество сопротивляться процессу де-націонализации до самой своей смерти. Героемъ этого патриотическаго движенія былъ Иуда Маккавей, а результатомъ его подвиговъ было торжество вѣрныхъ во Израилѣ надъ ихъ языческими притѣснителями. Война окончилась. Единеніе, появившееся вслѣдствіе этого ужаснаго кризиса, между книжниками и священниками, также окончилось. Каждая партія начала опять слѣдовать своимъ особеннымъ наклонностямъ. Саддукеи и фарисеи начали бороться за преобладаніе, ведя одни противъ другихъ борьбу не менѣе сильную, чѣмъ какую они вели и противъ общаго врага. Ни та, ни другая партія не могли претендовать на то, чтобы быть истинною представительницею религіи Израиля. Честолюбіе играло большую роль въ главныхъ мотивахъ ихъ поведенія. Сдѣлавшись сначала болѣе или менѣе испорченными по духу, онѣ вызывали одна въ другой, вслѣдствіе своего партійнаго антагонизма, постоянно все большее и большее нравственное развращеніе, пока наконецъ, чрезъ полтора столѣтія послѣ времени Антіоха Епифана, фарисеи и саддукеи не сдѣлались такими, какими изображаются они въ евангеліяхъ, крайне враждебными одни другимъ въ вѣрованіяхъ и политикѣ, однако одинаково безбожными и совершенно чуждыми тому божественному царству, о наступленіи котораго пришелъ возвѣстить Иисусъ Христосъ.

По мнѣнію многихъ современныхъ критиковъ, смутное время, давшее іудейскому народу героя въ лицѣ Иуды Маккавея, было также временемъ обогащенія священной литературы вслѣдствіе появленія и прибавленія къ ней книги пророка Даниила. Если такой взглядъ вѣренъ, то эта книга—апокалиптическаго типа и происхожденія; т.-е. она представляетъ дѣйствительную исторію въ пророческой формѣ, и это пророчество произнесено было лично, имѣвшею великое имя, и жившею задолго до вре-

мени дѣйствительнаго автора книги. Какъ такая, она принадлежитъ къ классу литературы, болѣе низкому сравнительно съ собраніемъ пророчествъ, произнесенныхъ великими пророками, которые всегда говорили отъ своего имени то, что открывалъ имъ Богъ. Однако книга Давида—великая книга, достойнаго помѣщенія въ еврейскомъ канонѣ, и она была пригодна для достиженія ея непосредственной цѣли—усиленія въ преслѣдуемомъ народѣ героическаго терпѣнія. Она памятна и цѣнна и для всякаго времени, какъ первая попытка представить исторію міра въ видѣ одного великаго цѣлаго, въ видѣ «драмы, которая совершается по волѣ Вѣчнаго»¹⁾. Это былъ самый блестящій свѣтъ во время законнической ночи, и, если только возможно какое-либо сравненіе между каноническими книгами, гораздо болѣе цѣнный, чѣмъ позднѣйшія прибавки къ священному собранію книгъ Екклесіаста и Есѣирь. Первая изъ этихъ книгъ служитъ скорѣе доказательствомъ, какая глубокая тьма теперь распространилась, чѣмъ бросаетъ свѣтъ на жизненные проблемы, между тѣмъ какъ послѣдняя, будучи литературнымъ отраженіемъ іудейства самаго узкаго типа, едва-едва основится къ тому, что правильно принадлежитъ къ категоріи каноническаго. Что касается другихъ апокалиптическихъ книгъ, которыя не были помѣщены въ канонъ, то о нихъ не слѣдовало бы, пожалуй, и упоминать наряду съ книгою Давида. Онѣ, какъ правильно было замѣчено, «суть только произведенія искусства въ неблагопріятномъ значеніи этихъ словъ; ламповая копоть; въ нихъ не говоритъ живое, воодушевленное убѣжденіе; и потому онѣ вообще неспособны возбуждать энтузіазмъ»²⁾. Когда или кѣмъ были написаны эти книги, неизвѣстно; предполагали, что онѣ были произведеніемъ аскетическаго братства, жившаго въ удаленіи отъ міра на берегахъ Мертваго моря, извѣстнаго подъ названіемъ ессе-

1) Kuenen, The Religion of Israel, III, 111.

2) Ibid. 111, 114.

евъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, одно достовѣрно: такія книги не могли имѣть никакого вліянія на религиозное мышленіе Христа. Ни одинъ человѣкъ не получитъ никакого удовольствія отъ чтенія книги Еноха, лучшей изъ книгъ, принадлежащихъ къ этому классу, и не станетъ читать ее, за исключеніемъ развѣ случаевъ, когда обязанность такого чтенія налагается изученіемъ; и она была вѣроятно почти совсѣмъ скучной книгой и въ началѣ нашей эры. Иисусъ Христосъ во всякомъ случаѣ не заимствовалъ Своего вдохновенія изъ этихъ источниковъ. Исаія, особенно Исаія второй, былъ Ему болѣе любезенъ, чѣмъ эти фантастическіе апокалипсисы. Какая-нибудь летучая фраза могла проложить себѣ путь въ Его словарь изъ этой области; но кромѣ этого нельзя прослѣдить никакого вліянія апокалиптической литературы на евангелія.

Жизненную силу въ этой литературѣ составляла мессіанская надежда, и только это придаетъ разсматриваемымъ книгамъ нѣкоторое значеніе. Но когда мы начинаемъ вникать ближе въ то, каковы были встрѣчающіяся тамъ представленія о мессіанскомъ вѣкѣ, то начинаемъ и сознавать, что мы обязаны этимъ книгамъ только немногимъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, правда, въ нихъ замѣчается шагъ впередъ сравнительно съ точкой зрѣнія, на которой стояли великіе пророки. Горизонтъ, наиримѣръ, здѣсь расширяется и вмѣсто національнаго становится всемірнымъ. Отдѣльное лицо также выдвигается на первый планъ, какъ воспріемникъ божественнаго благоволенія, при чемъ обѣщанное благо есть воскресеніе для вѣчной жизни. Но съ другой стороны *summit bonum* представляется трансцендентнымъ, оно переносится на будущій міръ и не получаетъ никакого мѣста среди реаль-

---

¹⁾ Такъ Thomson (*Books which Influenced our Lord and his Apostles*) по Гильгенфельду. Ессей, по словамъ Cheyne въ его *Bampton Lectures on the Psalter*— „полусвѣщенные фигуры“ (стр. 421) и объ ихъ связи съ апокалиптической литературой существуетъ немного и даже вовсе не существуетъ доказательствъ.

ностей настоящаго міра. Наконецъ, въ апокалиптическомъ представленіи мессіанской надежды мы переходимъ отъ поэзіи пророковъ къ пасмурной, догматизирующей прозѣ книжниковъ ¹⁾. Читая апокалиптическія изображенія грядущаго добраго времени, мы не волнуемся такъ, какъ при чтеніи шестидесятой главы книги пророка Исаи. Послѣдняя приводитъ въ трепеть, утѣшаетъ, трогаеть до слезъ; первыя вызываютъ въ насъ меланхолическое настроеніе. Ученые могутъ оживлять профессиональный интересъ къ апокалиптикѣ и нельзя отрицать, что толкованіе новаго завѣта можетъ нѣсколько совершенствоваться отъ ихъ трудовъ; но общечеловѣческое чувство по отношенію къ этой апокалиптической литературѣ можетъ отразиться только въ одномъ—въ преданіи ея забвенію.

Нашъ отчетъ о религіи Израиля за разсматриваемое время будетъ не полонъ, если мы ничего не скажемъ объ іудеяхъ, разсѣянныхъ по всему міру. Іудеи разсѣянiа (діаспора) жили повсюду на большой площади отъ Вавилона до Малой Азіи, но главнымъ ихъ мѣстопробываніемъ былъ греческій городъ Александрія въ Египтѣ, гдѣ они въ большомъ количествѣ нашли себѣ родину во время царствованія дружественныхъ имъ Птолемеевъ. Поэтому феноменъ, который особенно привлекаеть къ себѣ наше вниманіе въ настоящей связи, есть *эллинизмъ*, т. е. іудейское религіозное мышленіе въ этомъ большомъ центрѣ греческой культуры, окрашенное греческимъ вліяніемъ. Два факта, имѣющіе выдающееся значеніе, связаны съ этимъ движеніемъ,—пользованіе греческимъ языкомъ въ качествѣ орудія для распространенія іудейства, и греческой философій, какъ орудіемъ для смягченія іудейства.

Іудеи, жившіе въ Александріи, скоро стали говорить по гречески, что было слѣдствіемъ ихъ общенія съ греками. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что среди нихъ

¹⁾ О мессіанской надеждѣ въ періодъ книжниковъ сравнительно съ пророками см. особенно Schürer, *The Jewish People in the Time of Jesus Christ*, Div. II, vol. II, p. 130 ff.

скоро возникла потребность въ переводѣ еврейскихъ писаній на усвоенный ими языкъ. Результатомъ былъ переводъ Семидесяти. Удивительные рассказы вошли въ обращеніе въ позднѣйшее время относительно обстоятельствъ, при которыхъ былъ исполненъ этотъ знаменитый переводъ. Истина, повидимому, заключается въ томъ, что онъ былъ исполненъ не вслѣдствіе приказаній или подъ покровительствомъ царей или священниковъ, но какъ частное предпріятіе, въ отвѣтъ на религіозную потребность александрійскихъ іудеевъ и согласно ихъ желанію. Переводъ былъ дѣломъ времени; сначала былъ переведенъ законъ, какъ болѣе важная часть священнаго писанія, а за нимъ слѣдоваль въ свое время переводъ и другихъ книгъ. Это великое дѣло было, вѣроятно, начато около середины третьяго вѣка до Р. Х. и было закончено въ 132 г. до Р. Х., о чемъ мы узнаемъ отъ сына Сирахова, который посѣтилъ Египетъ въ это время и нашелъ тамъ греческій переводъ «закона, пророковъ и остальныхъ книгъ»¹⁾. Первоначальною цѣлью перевода было назиданіе говорившихъ по гречески іудеевъ, но, безъ сомнѣнія, при помощи греческой Библии и многіе язычники познакомились съ религіей замѣчательнаго народа, поселившагося среди нихъ.

Въ переводѣ Семидесяти тщательно искали слѣдовъ вліянія греческой философіи на переводчиковъ. То, что мы находимъ въ немъ, служить доказательствомъ, что переводчики не были свободны отъ вліянія, получившагося вслѣдствіе измѣнившагося образа мышленія о Богѣ, со стороны своихъ соотечественниковъ, жившихъ въ Палестинѣ. Въ переводѣ Семидесяти наблюдается та же тенденція, какую мы наблюдали въ левитизмъ и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ книгахъ священнаго писанія—представлять Бога Существомъ трансцендентнымъ, удаленнымъ отъ міра, челоуѣческаго грѣха и немощи. Въмѣсто слова *Иегова* переводчики пишутъ *Господь*, *ὁ κύριος*. Всѣ антро-

¹⁾ См. прологъ къ *Прем. Сир.*

попятизмы и антропоморфизмы подлинника тщательно смягчены. Въмѣсто «раскался Господь» поставлено «Богъ помыслилъ»¹⁾; утвержденіе, что старѣйшины Израильскіе видѣли Бога, преобразовано въ такое: «видѣли мѣсто, гдѣ стоялъ Богъ»²⁾, а привилегія Моисея видѣть Бога превратилась въ привилегію видѣть Его славу³⁾.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, греческій переводъ еврейскихъ писаній оказалъ важную услугу религіи Израиля. Пользованіе греческой философій, какъ орудіемъ мысли и возбуждателемъ іудейской вѣры, имѣло болѣе сомнительное значеніе. Полнаго отчета объ этомъ движеніи мы здѣсь не можемъ дать. Мы наблюдаемъ его въ его первоначальной стадіи въ книгѣ Премудрости Соломона, гдѣ выражается мысль, что Богъ творитъ міръ изъ безформенной матеріи, которая представляется въ видѣ предварительно существовавшего *datum*⁴⁾, а о тѣлѣ человѣка говорится, какъ о вмѣстилищѣ грѣха, отягощающемъ душу и мѣшающемъ свободѣ мысли⁵⁾. Такое ученіе достигло своего завершенія у современника Іисуса Христа⁶⁾, Филона, о философій котораго мы уже говорили равнѣе. Филонъ даровитый и образованный іудей, преобразовавшийся во второстепеннаго греческаго философа. Какъ мыслитель, онъ былъ іудеемъ по внѣшнему виду и грекомъ по духу. Онъ былъ соединительнымъ звеномъ между Моисеемъ и Платономъ. Онъ бралъ свои тексты изъ книгъ Моисея и составлялъ на нихъ рѣчи, полныя платоновскихъ идей и неплатоновской риторикіи. Потому что то, что мы находимъ въ его сочиненіяхъ, есть Платонъ во второй рукѣ и весьма вырожденный. Между напыщенными разсужденіями Филона и изысканностію граціозныхъ

¹⁾ Быт. 6, 6.

²⁾ Исх. 24, 10.

³⁾ Числ., 12, 8.

⁴⁾ Ἐξ ἀόριστον ὄλης 5, 11, 18.

⁵⁾ Φθαρτὸν γὰρ σῶμα βαρύνει ψυχὴν, 9, 15.

⁶⁾ Вѣроятно родился въ 10 г. до Р. X:

діалоговъ Платона такое же большое различіе, какъ между апокалиптической литературой и еврейскимъ пророчествомъ. У Филона нѣтъ истинной оригинальности и одушевленности. Онъ—блестящій, и однако сухой писатель, который не можетъ основывать никакой школы и сообщить своего энтузіазма ни одному воспримчивому читателю. Время, въ которое онъ родился, и пріобрѣтенное имъ большое значеніе въ глазахъ своихъ современниковъ, могли давать поводъ къ такого рода вопросу: не былъ ли онъ даже тѣмъ Лицомъ, которое должно было придти? Но пусть всякій прочитаетъ хотя бы только нѣсколько страницъ изъ его многотомныхъ сочиненій, чтобы узнать, что кому угодно можно было бы предоставить возложить на себя корону въ религіозномъ развитіи Израиля, но только не Филону. Ни іудеи, ни міръ не могли получить никакого избавленія изъ этой области.

Филонъ и книжники были очень непохожи другъ на друга, и однако есть звено, связывающее ихъ обоихъ. Какъ бы ни были отдалены ихъ соотвѣтствующіе пути и цѣли, исходный пунктъ ихъ былъ одинаковъ. И Филонъ, и книжники приписывали божественный авторитетъ закону и говорили, что заимствуютъ все, чему они учили, изъ этого священнаго источника. Филонъ вывелъ изъ него греческую философію; книжники—преданія старцевъ. Такихъ различныхъ результатовъ возможно было достигнуть, пользуясь различными методами толкованія. Методъ Филона заключался въ широкомъ пользованіи аллегоріей; методъ книжниковъ—въ механическомъ и неразумномъ буквализмѣ ¹⁾. Оба эти метода, одинаково ложные, служатъ

---

¹⁾ Книжники старались показать, что весь традиціонный законъ можно вывести изъ писаннаго закона. Дѣло это было выполнено при помощи семи правилъ толкованія, формулированныхъ Гиллелемъ, которыя на первый взглядъ кажутся очень невинными, но при употребленіи даютъ знать, что изъ послылокъ можно вывести какія угодно заключенія. См. Farrar, *Bampton Lectures on the history of Interpretation*, стр. 18.

поучительнымъ примѣромъ гибельнаго злоупотребленія священною книгой, показывая, какимъ образомъ огонь, который готовъ былъ погаснуть, сдѣлался *ignis fatuus*, а правило вѣры превратилось въ дѣло слѣпыхъ вождей, показывавшихъ путь слѣпымъ. Эти примѣры показываютъ, что ни одна книга, какъ бы ни была она превосходна, не можетъ быть самодѣйствующимъ и непогрѣшимымъ руководителемъ, и что все зависитъ отъ того, какъ ее читаютъ. Чѣмъ больше авторитета ей приписывается, тѣмъ больше она можетъ вводить въ заблужденіе, если ложное почтеніе къ ней соединяется при чтеніи ея съ устраненіемъ свѣта разума. Было бы лучше для александрійскихъ іудейскихъ философовъ и палестинскихъ іудеевъ отложить въ сторону эту книгу и учить на основаніи своего собственнаго авторитета. Ихъ ученіе могло бы быть во многомъ совершенно такимъ же, какимъ оно и было, но они показались бы намъ людьми болѣе здравомыслящими и потому болѣе достойными почтенія. Ихъ почтеніе къ писанію сдѣлалось новою формою идолопоклонства, которое охватило іудейскій народъ послѣ того, какъ онъ побѣдилъ всѣ другія идолопоклонническія формы. Эта послѣдняя идолопоклонническая форма оказалась смертельнѣйшею изъ всѣхъ. Они изслѣдовали писанія, и чѣмъ болѣе изслѣдовали, тѣмъ болѣе и удалялись отъ Бога.

Предшествующій очеркъ религіи Израиля въ теченіе столѣтій, протекшихъ между ветхимъ завѣтомъ и новымъ, очень неутѣшительнъ. Голосъ пророчества замолкъ. Книжничество было въ подъемѣ. Отчасти подъ чужеземнымъ вліяніемъ, Богъ сдѣлался трансцендентнымъ и далекимъ Существомъ; появился злой духъ сектанства, искусственныя псевдо-пророческія компиляціи заняли мѣсто подлинныхъ пророчествъ, а приторная александрійская риторика замѣнила собою важное еврейское краснорѣчіе; методъ живого слова замѣнился методомъ буквы, и священная книга сдѣлалась какимъ-то фетишемъ. Истинно темное время, когда даже самая блестящія проявленія религіоз-

наго еврейскаго духа были очень смѣшаннаго нравственнаго достоинства. При этомъ даже маккавейское патріотическое движеніе ни въ какомъ случаѣ не было выраженіемъ чистой преданности интересамъ всеобщей нравственности, а только фанатическимъ взрывомъ ревности къ національнымъ обычаямъ уставной цѣнности ¹⁾. Вся эта картина во всѣхъ ея видахъ представляетъ изъ себя только испытаніе нашей вѣры въ религиозное призваніе Израиля. Если религія Израиля была особеннымъ отношеніемъ къ Богу, то какимъ образомъ дѣло дошло до такого положенія? Если божественный Духъ былъ имманентенъ въ исторіи Израиля, то откуда это ужасное вырожденіе? Такое явленіе имѣетъ свою параллель въ исторіи христіанской церкви, въ своемъ церковномъ христіанствѣ она представляетъ христіанству Христа не меньшую противоположность, чѣмъ и книжничество пророчеству. Подобныя паденія представляются фактами, съ которыми вѣра можетъ мириться, какъ можетъ. Если упадокъ только что начался, то устраненіе его—дѣло не невозможное. Ослабленіе религіи сдѣлало внутренній недостатокъ законнической системы особенно очевиднымъ и такимъ образомъ приготовило путь для Іисуса Христа ²⁾.

Свящ. М. Ө—ій.

---

¹⁾ На этомъ фактѣ Дармштетеръ построяетъ свое главное доказательство противъ теоріи Гарвея о происхожденіи пророческихъ писаній въ маккавейскій періодъ. Оригинальность пророковъ, говоритъ авторъ, „заключается именно въ томъ, что они не суть охранители или возстановители прошлаго, какими были маккавеи; пророки были творцами будущаго. Они суть апостолы новой вѣры, которая ставитъ народъ выше грубостей, свойственныхъ человѣчеству“. *Les Prophètes d'Israël*, стр. 132. Авторъ правильно замѣчаетъ также, что побѣдители, указанные въ пророческихъ писаніяхъ, не являются, подобно Антиоху Епифану, тиранами совѣсти, стр. 130.

²⁾ См. объ этомъ Riehm, *Alttestamentliche Theologie*, стр. 371.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

На пути къ праведности.

Евангеліе—основа жизни. Бери этотъ законъ, постигай и прикладывай его къ жизни или, точнѣе—располагай жизнь по указанію этого закона.—Вотъ простое и прямое требованіе отъ христіанъ. И берутъ...

Но всегда ли находятъ то, чего ищутъ,—то-ли находятъ, что должны были найти.—въ томъ ли кораблѣ устраиваются, гдѣ кормчій—Самъ Христосъ?—Многіе «да», многіе «нѣтъ».

Язвой религіозной жизни въ наши дни является непомерно развивающееся сектантское напыщенное самодовольство, надменное самолюбованіе, гордая самоправедность. Къ этому состоянію приходятъ люди разными путями. Начиная отъ Евангелія,—но порываютъ съ авторитетами церкви и идутъ своей дорогой.

Какъ идутъ и куда приходятъ, о томъ говорятъ картины жизни.—Первая. Подходите вы къ двери дома. Надъ дверью надпись въ церковномъ духѣ: «Благослови, Богъ, вхожденіе и исхожденіе твое», или другой текстъ молитвы, или слова Свящ. Писанія. Входите въ комнату. Иконы нѣтъ. Стѣны украшены плакатами: «Исполнилось время, приблизилось царствіе Божіе. Покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе!», и др.—Выходитъ къ вамъ хозяинъ дома, внушительный, благолѣпный. Былъ онъ когда-то церковникомъ, любилъ истовую службу, ставилъ свѣчи, подавалъ бѣднымъ, посѣщалъ монастыри. Говѣлъ, каялся. Но все

это оставлено. Вся моя жизнь была однимъ раскаяніемъ, расскажетъ онъ вамъ, если вы поинтересуетесь. Часто посѣщала меня мысль, гдѣ я буду вѣчность проводить? Страшно было. По временамъ ужась нападалъ. Низко, низко склонялась голова къ церковному полу, къ холоднымъ плитамъ, молился, но мрачныя мысли не покидали. Спасусь-ли я? терзала мысль. «Отрекись отъ себя, возьми крестъ», слышу чтеніе изъ Евангелія, и предъ взоромъ моимъ—изображеніе Алексія, челоуѣка Божія. А я?, спрашиваю себя самого. Гдѣ отреченіе, гдѣ рубище?— «Любите враговъ», слышу изъ Евангелія. А ты своихъ-то, близкихъ-то своихъ любишь-ли, какъ слѣдуетъ, а ужъ не то что враговъ? допытываю себя. И еще безпомощнѣе опускается голова. Оторвешь голову отъ пола, а сбоку картина «Страшный судъ». Торжествующій сатана, окружившій грѣшниковъ цѣпью, влечетъ ихъ въ адъ. А впереди-то святители. И ихъ туда-же. Какъ-же такъ? Вѣдь они—наши молитвенники. Они выше, святѣ насъ. Ужъ если съ ними такъ, то что-же будетъ съ нами?. И мрачныя мысли становились совсѣмъ черными и давили душу до отчаянія...—Но вотъ нашлись добрые люди и разогнали мракъ. Ты мучаешь себя, говорили они, тебя гнетутъ мысли о грѣхахъ,—а послушай, что говоритъ слово Божіе: грѣховъ и беззаконій вашихъ не вспомяну... Дѣти, прощены грѣхи ваши ради имени Его... И много другихъ словъ указали. И понялъ я, что вѣрою спасаются. И тяжесть спала съ души, какъ гора съ плечъ. И радость, великая радость наполнила сердце. Я плакалъ какъ ребенокъ отъ этой радости... Это было давно, въ періодѣ релігіозной юности. Изучилъ послѣ того Библию и вижу, что вся Библия—одно сплошное прощеніе. Кровь Господа Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха... Это какъ бы такъ получается: я вамъ долженъ по векселю, его вы разорвали и спасли меня отъ тюрьмы. Такъ и Христосъ. Онъ разорвалъ рукописаніе нашихъ грѣховъ и спасъ насъ отъ долговъ. Для спасенія нужна вѣра,

вѣра въ искупленіе Христомъ. А дѣла?—Дѣла вытекають изъ вѣры. Вѣра вмѣняется въ праведность. Спасеніе является подаркомъ за вѣру. Дѣлами люди только благодарятъ за спасеніе. Дѣлаемъ не мы, а дѣлаеть Христось, и дѣлаеть для вѣрующихъ...—Повѣривъ такъ въ свое спасеніе, я и разошелся съ перковью. Тамъ крестятъ, вѣнчаютъ, молятся,—но не умѣють учить. Потому много пьянства и тюремъ. Намъ-же ихъ тайнства не нужны: разбойникъ, висѣвшій на крестѣ со Христомъ, не причащался, но оказался въ раю... Вѣрю, глубоко вѣрю въ спасеніе. Теперь если бы ангель съ неба пришелъ и сказалъ, что я пойду въ адъ, я не повѣрилъ-бы. Я спокоенъ: вѣрю, что спасенъ!

Не надо забывать, что этотъ тицъ не сочиненный,—онъ взятъ изъ жизни. Односторонне остановился вниманіемъ своимъ на Евангеліи, односторонне освѣтилъ себѣ чловѣкъ путь жизни, нашель истину, для себя подходящую,—и успокоился. Невозмутимо спокоенъ: его истина взята изъ слова Божія, онъ съ Христомъ, а потому въ Его силѣ и въ Его славѣ. И увлекающихся ученіями въ такомъ духѣ, хотъ и съ разными оттѣнками, всюду появляется не мало. Характерная особенность ихъ та, что они не только горять вѣрой сами, но эту свою вѣрой спѣшатъ «осчастливить» другихъ. И часто успѣвають...

Картина нѣсколько измѣняется въ жизни другихъ. Когда у первыхъ преимущественное значеніе дается идейной сторонѣ, вторые являются болѣе праптиками. По указанію ловкихъ, смышленныхъ, но мало смыслящихъ въ наукѣ и въ словѣ Божіемъ руководителей берутъ люди изъ Евангелія нѣсколько правилъ для праптической жизни, нѣсколько требованій закона противъ вопіющихъ пороковъ и, не вникая въ смыслъ и духъ евангельскаго ученія, довольствуются этимъ малымъ. Бросилъ пьянство, пересталъ воровать, остерегается сквернословить. И... кончилъ здѣсь. Успокоился. Сталъ «въ люди» выходить. Въ хозяйствѣ стало все спориться. Добрые люди почитать

стали... И все это отъ «добраго» человѣка: научилъ. Гдѣ же научили?

Да вотъ, какъ описываетъ очевидецъ одного изъ такихъ учителей, школу и слушателей. Молитвенное собраніе въ частномъ домѣ. Въ залѣ человѣкъ триста или болѣе. Въ переднемъ углу икона и горящая лампада. Молодой, сухощавый, съ священническими волосами, въ длинной шелковой рубахѣ, съ крестомъ на груди на красной лентѣ, «учитель» началъ рѣчь къ народу. Это было что то стихійное и странное. Въ рѣчи не было правильныхъ предложеній, не было связи, подчасъ не было смысла. Вырывались дикія нелѣпыя мысли, неумныя сравненія,—но все это поглощалось бурнымъ, захватывающимъ настроеніемъ. Толпа ловила жадно эти обрывки мысли. До всѣхъ язвъ народныхъ коснулся. Пьянство, безработица, табакокуреніе, погоня за модой... Онъ хлесталъ имъ въ лицо колючими иглами. И онъ, грубый, съ ихъ языкомъ, ихъ понятіями, ихъ настроеніемъ и темнотой, онъ понятенъ былъ имъ. Толпа угадывала по-полуслову и отвѣчала ему настроеніемъ... Говорилъ до хрипоты часа два. Кончилъ... Каждому подходящему къ нему даетъ пузырекъ съ масломъ, щепотку ладана, благословляетъ, помазываетъ лампаднымъ масломъ,—отъ иныхъ принимаетъ «трезвость» и беретъ зарокъ передъ иконой. Темная толпа расходилась въ восхищеніи и прославляла «учителя» (Пан—въ). И обычно въ восхваленіяхъ повторяется одно и то же: валялся подъ заборомъ, до Хитровки дошелъ, а теперь сталъ настоящимъ человѣкомъ. Былъ пропащимъ, грубияномъ и пр., а теперь—человѣкъ. Воскресъ...

Сталъ человѣкомъ. Устоялъ предъ растлѣвающимъ порокомъ. И радъ, радъ всѣми радостями. Конечно, и всякій радъ за него. Всякій бываетъ радъ, когда видитъ раскаяніе и исправленіе порочнаго и опустившагося.

Но тутъ, въ подобныхъ условіяхъ, и радъ, и не радъ. Нечему особенно радоваться, когда заглянешь въ вопросъ, гдѣ и на чемъ остановился человѣкъ. Если онъ взялъ въ

руки Евангеліе и съ строгостью воздержанія отъ грубыхъ привычекъ и пороковъ соединяетъ стремленіе устроить и впредь свое внутреннее хозяйство по духу евангельскому, то блаженъ мужъ. Но такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности?—«Сталъ человѣкомъ!» говорить про себя человѣкъ съ глубокимъ сознаниемъ своей праведности,—онъ самодовольно похваляетъ себя за то, что сталъ онъ такъ хорошъ. Онъ «воскресъ», вырвался изъ омута пьяной и распутной жизни,—онъ «спасся», избавился отъ ужасовъ голода, холода, бездѣльничанья и попрошайничества босаческаго (и скажемъ: слава Богу, что такъ!), но здѣсь и остановился. Постигъ онъ прелесть добра и добраго порядка жизни, но прелесть только практическую, дающую ему всѣ внѣшнія, житейскія выгоды порядочности. Не постигъ онъ прелести добра, создающаго христіанскую праведность. Попралъ или опустилъ изъ вида требованіе «сердца сокрушеннаго и смиреннаго». Въ такомъ «воскрешемъ и спасшемся» вырастаетъ во всю ужасающую величину древній фарисей, рисующійся и любующійся своею праведностью. И радостные возгласы: сталъ человѣкомъ, спасся, воскресъ, какъ много напоминаютъ всѣмъ извѣстную, осужденную Христомъ, фарисейскую молитву. Боже, благодарю Тебя: я не грабитель, не обидчикъ, не прелюбодѣй, «и прочіе безумные глаголы». Мало этого. Наши «ставшіе людьми», «спасшіися» пошли далѣе древнихъ фарисеевъ въ сознаниіи своей праведности. Тѣ прославляли и благодарили за свою праведность Бога,—а у насъ прославляютъ и поютъ гимны благодарственные «руководителю» (у однихъ свои «апостолы», у другихъ «евангелисты», у иныхъ «братцы»); сути дѣла названіе руководителя нимало не измѣняетъ). Всѣ они поражаютъ самодовольствомъ и мертвымъ спокойствіемъ,—отъ всѣхъ ихъ вѣетъ сознаниемъ, что они—праведники...

Жалкіе люди! «Законченные и въ то же время конченные!» Все нашли себѣ, что нужно было. Нашли себѣ Бога: Онъ такой не требовательный у нихъ! Нашли себѣ законъ, который легко сдѣлалъ ихъ святыми.

Съ церковью православной одни изъ такихъ порываютъ совершенно и открыто,—другіе находятся въ періодѣ релігіознаго смущенія и вѣроисповѣднаго колебанія.

Что же сказать имъ?

* * *

Обличеніемъ такой самоправедности является жизнь святыхъ подвижниковъ вѣры и благочестія. Святитель Мурликійскій, напр., имѣлъ-ли хоть день одинъ покоя, неся и время и силы истинѣ Христовой и славѣ имени Божія. Помогалъ, защищалъ, одѣвалъ, служилъ всему и всѣмъ, гдѣ видѣлъ нужду, горе, слезы, заблужденіе. Появился Арій, искажавшій ученіе о лицѣ Іисуса Христа,—онъ горячо защищаетъ евангельскую истину. Какъ служитель алтаря Господня, онъ живетъ радостями и скорбями паствы.—Трудясь надъ исправленіемъ другихъ, трудится болѣе всего надъ самимъ собою. Подвигъ безупречной жизни и святое рвеніе о спасеніи пасомыхъ ставятъ его высоко во мнѣніи народа. Глубокое чувство почтенія отовсюду окружаетъ его... Но былъ-ли хоть мигъ одинъ, когда-бы онъ сказалъ про себя: доволенъ собой я, спокойенъ въ совѣсти своей? Былъ-ли хоть мигъ одинъ, когда-бы видѣли его остывшимъ для дѣла Божія, остановившимся въ кипучей, полной скорбей и лишениій дѣятельности своей?—Нѣтъ, онъ неустанно неся духомъ своимъ впередъ, къ большей и высшей правдѣ,—непрерывно горѣлъ огнемъ сознанія своего ничтожества и грѣховности. Совершая многое великое и преславное, не замѣчалъ его, не хотѣлъ замѣчать, чтобы не превознести себя въ душѣ своей. Молитва, смиреніе и терпѣніе—были спутниками и помощниками его. Исполняя законъ, онъ не озирался кругомъ себя и не исчислялъ, отъ какихъ пороковъ избавленъ и какое добро совершилъ. Взоръ его простирался впередъ и тамъ усматривалъ то, что предстояло сдѣлать. Усматривалъ и спѣшилъ... И «стяжалъ смиреніемъ высокая, нищетою богатая».

Жизнь святителя ясно сказала намъ, что главное требованіе отъ христіанина — стремиться впередъ. А чтобы стремиться впередъ, должна быть присуща человѣку «стре-

мящая сила». Не та, которая обыкновенно проявляется у людей въ юности, когда мерещится человѣку радужная даль и тянетъ его къ могучимъ размахамъ, къ широкому, просторному полю, гдѣ подвигъ и рукоплесканія, а сила христіанская, когда въ сознаніи сіяетъ блескомъ небесныхъ лучей особая даль, даль вѣчности. Тогда человѣкъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы. И есть гдѣ восвать ему: это поле—онъ самъ. Чѣмъ глубже и внимательнѣе онъ работаетъ, тѣмъ болѣе освѣщаетъ тайники своей души, тѣмъ на большія битвы вызываетъ себя, чтобы достичь высшаго и заслужить рукоплесканіе на небѣ. Вотъ почему христіански настроенная душа и тогда идетъ впередъ, когда другіе дряхлѣютъ, останавливаются или идутъ назадъ. Многіе всю жизнь почитались простыми и преепростыми, а въ старости удивляли мудростью, мудрымъ словомъ и мудрой жизнью. — «Мудрость эта (смиреномудріе) не надѣляется никому изъ насъ при рожденіи, но есть дѣло высшей благодати небесной. Тотъ, кто имѣетъ и умъ, и разумъ, можетъ не иначе получить мудрость, какъ молясь о ней день и ночь, возводя душу свою до голубинаго незлобія, убирая все внутри себя, чтобы принять въ себя эту небесную гостью. Если она вступаетъ въ домъ, тогда наступаетъ для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость—быть ученикомъ. Все становится для него учителемъ. Изъ совѣта самаго простаго извлечетъ онъ мудрость совѣта, — глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своей мудрой стороной, и вся вселенная станетъ предъ нимъ какъ открытая книга ученія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровищъ, потому что больше всѣхъ будетъ слышать отъ нея, что онъ ученикъ. Но если онъ возмнитъ хоть на мигъ, что ученіе его кончено и оскорбится онъ чьимъ бы то ни было урокомъ или поученіемъ,—мудрость вдругъ отъ него отнимается, и остается онъ въ потьмахъ, какъ царь Соломонъ въ свои послѣдніе дни» (Гоголь).—Вотъ дѣйствительный путь праведности.

Учись, кто не потерялъ способности учиться!

Къ тѣмъ, кто ищетъ религіознаго пониманія жизни.

Вошелъ Христось на гору, поднялъ руки Свой и благословилъ учениковъ (Лк. 24, 51). Благословилъ на подвигъ жизни по тѣмъ началамъ и завѣтамъ, какіе Онъ далъ имъ, на подвигъ исповѣданія евангельской истины словомъ и дѣломъ.—И поднялся Онъ на глазахъ ихъ, и облако взяло Его изъ вида ихъ. А они стояли и смотрѣли на небо (Дѣян. 1, 9).—И возвратились ученики въ Іерусалимъ съ радостію великою и пребывали всѣ единодушно въ церкви, хваля и прославляя Бога (Лк. 24, 52).

Безмолвно возносится Христось. Но это вознесеніе такъ много сказало ученикамъ, что восторгомъ исполнились сердца. Они поняли истину жизни. Духомъ и они возносились.

Войдемъ и мы на гору вознесенія, чтобы внять голосу Его. Возноситесь! говоритъ Онъ намъ,—возноситесь, чтобы стать ближе къ истинѣ. Человѣкъ эту истину ищетъ, желаетъ торжества этой истины, чтобы на землѣ было счастье, миръ и довольство. — И нельзя истину не искать. Истина такой предметъ безцѣнный и великій, что на всемъ протяженіи міровой исторіи она стояла выше всего въ сознаніи лучшихъ людей. Припомните, что говорили мудрецы міра.

«Корень зла есть незнаніе истины (слово Будды); изъ этого корня вырастаетъ дерево заблужденія съ своими тысячными плодами страданія. Только тотъ вступаетъ на благой путь, кто, слѣдуя вѣрному ученію, пойметъ въ порочномъ—порочное, въ непорочномъ—непорочное». Также разсуждали и другіе. «Во всѣхъ разумныхъ существахъ,

разсуждаетъ Маркъ Аврелій, единый законъ—разумъ. И всѣ блага—ничто предъ благами истины; всѣ радости—ничто предъ сладостію истины: блаженство истины безмѣрно превосходитъ всѣ радости.— «Конь спасается отъ враговъ своимъ быстрымъ бѣгомъ, говоритъ философъ Эпиктетъ; и онъ несчастенъ не тогда, когда не можетъ пѣть соловьемъ, а когда потерялъ то, что ему дано: свой быстрый бѣгъ. И въ человѣкѣ не то жалко, что онъ лишается здоровья, имущества или жизни, а то жалко, когда онъ теряетъ истину, свое человѣческое достоинство».— Такъ исканіе истины, исканіе мудрости, какъ высшаго руководства въ жизни, было всегда высокимъ дѣломъ человѣка. Но, не умѣя отдѣлиться отъ земли и возвыситься до неба, далеко ли ушелъ человѣкъ?— «Что такое истина?» укоризненно и насмѣшливо выражаетъ Пилать свое отчаяніе постигнуть истину. И эта растерянность и тонъ отчаянія—обычное явленіе въ жизни тѣхъ, кто отрѣшился отъ водительства Божія.

Ты, христіанинъ, въ иныхъ условіяхъ. Тебѣ дана истина Евангелія, на Крестѣ дано тебѣ искупленіе, вознесеніемъ человѣческаго естества на небо дается указаніе, что завершеніемъ твоего дѣла на землѣ должно быть вознесеніе на небо. Стремись къ тому, приготовляйся, приобрѣтай на землѣ то, что возноситъ душу, очищаетъ тѣло, одухотворяетъ плоть.—Гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ, сказалъ Христосъ. Сюда, къ небу, обрати лицо свое, здѣсь твое вѣчное жилище.—Богъ—высочайшая истина. Стремись къ этой истинѣ, постигай ее и другихъ веди къ ней.

Тебѣ нуженъ примѣръ, указаніе пути? — Посмотри на тѣхъ, кто прошелъ путь жизни и уже возвратился въ вѣчный «Іерусалимъ, къ тьмамъ ангеловъ, къ церкви первенцевъ», возвратился съ радостію великою, и прославляетъ нынѣ и воспѣваетъ Бога вмѣстѣ съ сонмомъ святыхъ. — Не достанетъ времени повѣствовать о нихъ подробно. Но важно одно помнить, что они смогли въ небесахъ увидѣть Бога и счастье постигнуть на землѣ,— смогли

потому, что возносились. Они сильны были вѣрой въ Бога и силой благодати, имъ помогавшей. Поэтому все у нихъ дышало высоко нравственной настроенностью и церковно-библейскимъ міропониманіемъ. Отдавшіеся служенію истинѣ евангельской въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ дѣдѣ видѣли сокровенное отношеніе къ духовной жизни и поучались. Обыкновенныя занятія, которыя сами по себѣ связываютъ къ земному, получали значеніе уроковъ о небесномъ. Отсюда нерѣдки явленія такого рода. Завимаясь какой-либо работой на рѣкѣ, въ лѣсу, въ огородѣ и пр., человекъ на нѣкоторое время, незамѣтно для себя, прерывалъ дѣло, — орудія работы выпадали изъ рукъ; руки опускались, — глаза придавали лицу чудный характеръ самоуглубленія. Человекъ всею душою погружался въ самого себя, умомъ уходилъ въ небо и виталъ въ богосозерцаніи. Такъ часто бывало, напр., съ преп. Серафимомъ. И никто не осмѣливался въ эти минуты нарушать его сладкой тишины и мѣшать вдохновенному созерцанію.

Чтобы постоянно держать себя на степени высшаго созерцанія сверхъ-тѣлесныхъ трудовъ, любитель истины предается возвышеннымъ занятіямъ наукой. Библия, — святоотеческія творенія, — данныя мірской науки, — все это занимаетъ его глубоко. Но при этомъ слово Божіе и Церковь — вотъ незыблемое основаніе для него. «Утверждай вѣру свою, пишетъ св. Тихонъ Задонскій, на этомъ основаніи. И если сатанинское смущеніе въ мысляхъ или развращенный человекъ будетъ предлагать тебѣ иное что, мечемъ слова Божія и вѣрою Церкви гони отъ себя этого змѣя» (Т. 14, 36). — И эти занятія сопровождается и завершаетъ смиренная и горячая молитва. Все призывается говорить о Богѣ и возбуждать живѣйшее воспоминаніе о событіяхъ изъ жизни Христа и располагать къ молитвенной настроенности. О Саровскомъ подвижникѣ, напр., пишутъ: Часто видали, что старецъ, остановившись на берегу рѣки, какъ бы при водахъ Іордана въ Виваварѣ, читалъ объ Іоаннѣ Крестителѣ и внималъ проповѣди его о

покаяніи. Войдя на вершину горы, онъ преклонялъ колѣна какъ бы предъ Самимъ Христомъ и читалъ вслухъ нагорную проповѣдь. Забравшись въ густоту дремучаго лѣса, онъ вспоминалъ по Евангелію моленіе Христа о чашѣ и, тронутый до глубины души внутренними Его страданіями, проливалъ слезы молитвы о своемъ спасеніи (Жизнеопис. ст. Сераф., изд. 1863 г., стр. 54).

Такъ природа, наука и богооткровенное слово служатъ любителю истины путемъ къ духовному восхожденію, приближаютъ къ Богу. Человѣкъ стремится постигнуть не только отвлеченную истину, но и приобрѣсть теплоту духа. Богъ и божественная истина являются предметомъ не столько созерцательнаго изслѣдованія, сколько предметомъ благоговѣнія, живой любви и благодарности. Вотъ почему при словахъ истины слезы умиленія нерѣдко орошали ланиты подвижника. Когда умъ и сердце соединены въ Богѣ и мысли не въ разсѣяніи, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой сіяетъ свѣтъ Христовъ. И доходитъ человѣкъ до высшаго вѣдѣнія и, подобно святому апостолу или архидіакону Стефану, удостоивается вышнихъ, небесныхъ видѣній и откровенія: въ полномъ смыслѣ слова возносится на небо и видитъ славу Божию.

Уяснивши такимъ путемъ истину жизни, истину отношеній къ Богу, къ міру, къ человѣку, живетъ человѣкъ какъ «свѣтильникъ, горящій и свѣтящій»: онъ—честнѣйшій гражданинъ, точнѣйшій исполнитель закона, самый исправный членъ общества и безукоризненный работникъ. И несокрушимо твердъ онъ въ исповѣданіи своей истины.—Одинъ такой,—а какъ много можетъ онъ совершить! Къ нему идутъ, его ищутъ, дорожатъ всякимъ его словомъ. И это понятно. Тянетъ людей неодолимое желаніе коснуться святой истины, приобщиться ея, вознестись духомъ.—Мало этого. Исполненный свѣта истины не боится ни за себя, ни за истину: онъ смѣло идетъ всюду и свидѣтельствуется. Не побоялся св. Стефанъ глуши пермской. Не уstraшилъ дали сибирской святитель Иннокентій Цѣ-

дый сонмъ такихъ подвижниковъ. Идетъ одинъ, одинъ среди ожесточенныхъ язычествомъ и невѣріемъ людей,— одинъ, только съ вѣрой въ силу Божию и святость дѣла Божія. И вѣра ни одного не посрамила.— Такъ подъ покровомъ церкви возносятся люди духомъ къ Богу, преклоняются къ подножію ногъ Его, такъ какъ святость здѣсь, постигаютъ и осязаютъ истину Божию, а истина, проникая собою жизнь ихъ, возноситъ ихъ силою и славою.

Но какъ этотъ путь загроможденъ заблужденіями своеволія людскаго!

* * *

Люди падки на новизну и на дешевку и при неглубокомъ знаніи склонны къ легкомысленному поклоненію предъ громкими именами, льстивыми обѣщаніями, шумящими доводами, предъ кумирами момента. Вотъ почему и въ большихъ городахъ, и въ деревнѣ, у интеллигентовъ и въ средѣ крестьянъ замѣтно немалое броженіе религиозной мысли. Баптисты, адвентисты, «евангелисты», новые христіане, всемірный евангельскій союзъ, всемірный христіанскій союзъ молодежи, братчество,— вотъ тѣ теченія, которыя нынѣ захватываютъ многихъ. Всѣ они зовутъ къ себѣ: здѣсь истина, сюда идите. — И идутъ многіе, куда тянетъ волна.

Типичный примѣръ на глазахъ у насъ. Въ мартѣ прошлаго года сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ побывалъ западный проповѣдникъ (М-ръ Моттъ) и въ рядѣ чтеній познакомилъ общество съ народившимся «Всемирнымъ христіанскимъ союзомъ учащихся». Цѣль союза: строить жизнь по завѣтамъ христіанскимъ, высоко водрузить въ обществѣ законъ Христа, помочь обществу словомъ и личной работой надъ самоусовершенствованіемъ, показать, что все возвышенное въ другихъ религіяхъ и философскихъ дисциплинахъ въ полной мѣрѣ заключается въ ученіи Христа.—Къ этому обществу примкнули и въ немъ объединились сорокъ странъ, двѣ тысячи универси-

тетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, сто тридцать пять тысячъ учащихся и профессоровъ. — Это сообщеніе сейчасъ же захватило пылкую молодежь и многихъ немолодыхъ. Поднять былъ кличъ къ объединенію всѣхъ, сознательно живущихъ въ православной церкви, кличъ къ борьбѣ съ невѣріемъ. Образовались кружки.

Такъ дѣйствуютъ и другіе. Тѣ же громкія слова, цыфры, имена и обѣщанія. Всѣ ставятъ задачей — содѣйствовать духовному сближенію христіанъ на почвѣ Евангелія въ цѣляхъ распространенія дѣла Божія. Иные добавляютъ, что это необходимо для реформаціи народнаго русскаго сознанія и русской церкви и для всесторонняго, устойчиваго прогресса въ народной жизни (*Син. Вѣд.* 1910 г. № 8, стр. 342).

Развѣ все это не соблазнительно? Да тѣмъ болѣе всѣ опираются на Евангеліе, говорятъ именемъ Божиимъ, зовутъ (повидимому) къ великому и святому дѣлу. — Насколько указанная теченія заслуживаютъ вниманія православнаго христіанина, насколько они цѣнны въ дѣлѣ созиданія религіознаго пониманія жизни, выслушаемъ голоса авторитетныхъ лицъ, много потрудившихся для дѣла Божія.

«Св. Іоаннъ Богословъ пишетъ: многіе льстецы вошли въ міръ, которые не исповѣдуютъ Христа, пришедшаго во плоти. (Это—слова Θεофана Затворника). Такъ было въ его время,—а нынѣ входятъ въ міръ льстецы, которые исповѣдуютъ Христа, во плоти пришедшаго, но тѣмъ не менѣе есть льстецы. Началось это давно (со временъ Арія) и доселѣ идетъ. Древніе претыкались въ догматѣ о лицѣ Іисуса Христа, а у насъ стали претыкаться въ ученіи о спасеніи въ Немъ. И сколько уже перебивало такихъ! Одни говорятъ: вѣруй и довольно, и больше не надо ничего. Другіе добавляютъ: не надо ни церкви, ни таинствъ, ни священства. Но какъ неправо о семъ толгуютъ, то клятвѣ подлежатъ. Всякій, преступающій ученіе Христово и не пребывающій въ немъ, не имѣетъ Бога (2 Іоан. ст. 9).

И они не имѣютъ, хотъ и твердятъ, что имѣютъ. — Поэтому если кто изъ неправославнаго сборища придетъ къ тебѣ и станетъ внушать: у насъ Христось, — не вѣрь. Если услышишь отъ кого: у насъ апостольская община, — не вѣрь: вчера устроенная община не можетъ быть апостольской. Если отъ кого услышишь: во мнѣ говоритъ Христось, а между тѣмъ онъ церкви чуждается, — не вѣрь: въ немъ не Христось, а другой духъ, присвояющій себѣ имя Христа, чтобы отвлечь отъ Христа Господа и святой Его церкви. Всѣхъ такихъ признавай орудіемъ духовъ лестчихъ и лживыми пророками лжи» (Мысли на каждый день. Изд. 1881 г., стр. 31 и 45).

Увлекаетъ многихъ мысль: объединеніе всѣхъ христіанъ для защиты христіанства. Но «христіане первыхъ вѣковъ не испрашивали содѣйствія маркіанитовъ и савелліанъ. Если одно христіанство не сильно противъ невѣрія и заблужденія, то наоборотъ въ десяткѣ различныхъ христіанствъ, дѣйствующихъ совокупно, человѣчество съ полнымъ основаніемъ опознало бы сознательное безсиліе и замаскированный скептицизмъ. И мы, члены церкви, обязаны вездѣ поддерживать общественный порядокъ, не отвергая въ дѣлахъ мірскихъ содѣйствія гражданъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Но не такъ въ дѣлѣ вѣры. Мы — носители величія церкви и ея достоинства, хранители Христовой истины — если бы отмалчивались, когда надо возглашать глаголь Божій, то приняли бы осужденіе, какъ трусливые рабы. Но мы стали бы хуже, чѣмъ трусы, стали бы измѣнниками, если бы вздумали призывать заблужденіе на помощь себѣ въ дѣлѣ проповѣди, — если бы, потерявъ вѣру въ божественную силу церкви, стали искать содѣйствія *немощи* и *лжи*. Какъ бы высоко ни стоялъ человѣкъ, будь онъ хотъ государемъ нашимъ, но если онъ не отъ церкви, — то въ области вѣры онъ можетъ быть только ученикомъ нашимъ, а не сотрудникомъ. Онъ можетъ сослужить одну только службу — обратиться» (А. С. Хомяковъ, т. II, стр. 84).

Здѣсь достаточное разъясненіе, правы ли тѣ, кто чувствуетъ дѣятельности разныхъ «кружковъ» и «союзовъ», хотя бы и всемірныхъ, кто ждетъ отъ нихъ какого-то озаренія истиной, просвѣщенія духовнаго. Нѣтъ, не нужна православному сердцу ихъ просвѣщенность. Она закрываетъ небо, такъ какъ надмеваетъ душу и принижаетъ къ землѣ, — затемняетъ евангельскую истину, а не раскрываетъ. Возьмите случай съ заѣзжимъ проповѣдникомъ. Христовъ ли духъ воодушевляетъ здѣсь челоувѣка? Изъ-за морей прибывшую знаменитость слушаютъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, а удостоивается ли ихъ вниманія слово Божіе? читаютъ ли они Евангеліе?— «Извѣрившаяся молодежь (такъ оповѣщаютъ газеты) переживаетъ потрясающее впечатлѣніе отъ пламенной проповѣди»; а тѣ же слушатели, отвѣчая по совѣсти, не подтвердятъ ли, что они совершенно равнодушны къ слову крестному и самому кресту Христову?— Не лучше и у другихъ просвѣтителей. Не небесные идеалы ставятъ они намъ, не къ Богу возносятъ, а подъ флагомъ христіанскихъ истинъ хотятъ преподать мудрость, какъ поудобнѣе устроиться на землѣ. Защищать хотятъ истину не силой самой истины, а партійной сплоченностью. И объединеніе, къ которому призываютъ, обѣщаетъ роль учительства, тогда какъ долгъ каждаго прежде выучиться самому, чѣмъ поучать другихъ, — прежде устроить до благолѣпнаго вида свой внутренній домъ, чѣмъ устроить жизнь другихъ. Знамя ставятъ христіанское, а духъ вкладываютъ языческій. Не возносятъ, а превозносятъ.

Берегитесь ложныхъ пророковъ (Мѡ. 7, 15). Съ начала христіанства и доселѣ еще не было времени, когда бы не имѣло приложенія это предостереженіе. Господь не указалъ, какихъ именно остерегаться лживыхъ пророковъ, ибо какъ ихъ опредѣлить? Они мѣняются, какъ мода, и всякое время порождаетъ своихъ; они всегда выступаютъ съ видомъ доброжелательства и съ призракомъ истины въ рѣчахъ. Въ наше время—одежда ихъ сшита изъ прогресса,

цивилизациі, просвѣщенія, свободы мыслей и дѣлъ, личнаго убѣжденія, не принимающаго вѣры. Все это льстивая прикрышка. Потому-то, встрѣчая выставку этой одежды, не спѣши открывать уха твоего рѣчамъ одѣтыхъ въ нее пророковъ. Присмотрись и откроется, что подъ одеждою овчею—волкъ (Еписк. Теофанъ. Мысли, стр. 177).

Свящ. Н. Орловъ.

ХРИСТИАНСТВО и НАУКА ¹⁾.

2. Здѣсь выставляются другія возраженія: хотя Богъ и законосообразность, говорятъ, не исключаютъ непременно другъ друга, но все же *законосообразность не можетъ ли быть объяснена чисто механически?* Если это возможно, то такое объясненіе, какъ уже сказано, съ научной точки зрѣнія заслуживаетъ предпочтенія; потому что безъ сомнѣвія поступаютъ гораздо проще, когда вселенную объясняютъ изъ нея самой, чѣмъ когда для этого вынуждены бываютъ прибѣгать къ внѣ ея находящейся, трансцендентной причинѣ; а болѣе простое объясненіе имѣетъ преимущество предъ менѣе простымъ. Не должны ли мы отказаться отъ вѣры въ Бога ради этого научнаго принципа изслѣдованія?

Съ этою цѣлью мы рассмотримъ попытки механическаго объясненія вселенной. До сихъ поръ господствующее значеніе имѣла такъ называемая канто-лапласовская теорія происхожденія солнечной системы. Въ молодости Кантъ пытался объяснить происхожденіе и устройство вселенной изъ чисто механическихъ законовъ, изъ «естественной склонности» матеріи: въ началѣ все міровое пространство наполнено было жидкой матеріей, которая вошла въ составъ нашихъ небесныхъ тѣлъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится солнце, матерія имѣла болѣе могущественную силу притяженія. Такимъ образомъ произошло всеобщее осѣданіе; болѣе тяжелые по своимъ свойствамъ элементы притянули къ себѣ болѣе легкіе, и притомъ чѣмъ больше становилась масса, тѣмъ сильнѣе становилось и

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1910 г.

ея притяженіе. Это прямолинейное движеніе подверглось отклоненію въ сторону—вслѣдствіе отталкивающей силы отдѣльныхъ частицъ. Возникли такимъ образомъ круговыя движенія. Сначала они были еще неправильными; но подѣ влияніемъ взаимнаго упорядоченія и уравниванія, они дѣлались все равномернѣе. Отдѣльныя части ея сталкивались между собою, двигали другъ друга, подвергали другъ друга тренію и давленію до тѣхъ поръ, пока ни одна изъ нихъ уже не могла болѣе мѣшать движенію другихъ. Такъ происхожденіе мірозданія и его устройства объясняется чисто механически.

Теорія французскаго математика и астронома *Лапласа* только, повидимому, сходна съ теоріей Канта, въ сущности же очень отлична отъ нея, хотя большею частью ее рассматриваютъ вмѣстѣ съ послѣдней. Лапласъ исходилъ не отъ хаоса, но предполагалъ существованіе солнца, въ видѣ медленно вращающейся около своей оси, раскаленной массы паровъ, которая наполняла все пространство, занимаемое теперь нашей солнечной системой. Вслѣдствіе излученія теплоты въ міровое пространство наступаетъ охлажденіе. Это производитъ сжатіе массы и усиленіе круговращенія. Такимъ образомъ долженъ былъ наступить моментъ, когда центробѣжная сила становится больше, чѣмъ сила центростремительная. Отдѣляется кольцо. Вслѣдствіе круговращенія оно разрывается и превращается въ шаръ; такъ образуется планета, которая кружится около своей оси и вокругъ солнца. Такимъ же способомъ произошли всѣ планеты и ихъ луны. — При помощи этихъ гипотезъ пытаются сдѣлать понятнымъ и образованіе цѣлаго мірозданія: какъ образовалась солнечная система, такъ образовались и остальные системы неподвижныхъ звѣздъ.

Эта знаменитая канто-лапласовская гипотеза въ настоящее время въ научномъ отношеніи устарѣла и потеряла значеніе. Извѣстный астрономъ Вольфъ произноситъ о ней такое сужденіе: «едва ли кто рѣшится утверждать, что

Канту дѣйствительно удалось — изъ хаоса, единственно при помощи взаимнаго притяженія частицъ, способомъ, соответствующимъ законамъ механики, воспроизвести нашу теперешнюю солнечную систему». Еще суровѣе судь надъ ней французскаго астронома Фая: «прославленная гипотеза мірообразованія, принадлежащая Лапласу, находится въ полномъ противорѣчїи съ теперешнимъ состояніемъ науки и съ новѣйшими открытіями астрономовъ». Прежде всего ей противорѣчить тотъ фактъ, что крайніе спутники Сатурна движутся съ востока на западъ и въ плоскости, почти перпендикулярной къ плоскости остальныхъ планетъ и лунъ нашей солнечной системы. Тоже надобно сказать не только объ одной изъ лунъ Нептуна, но и о множествѣ планетоидъ между Марсомъ и Юпитеромъ; въ ихъ движеніи замѣтны сильныя отклоненія отъ нормальныхъ орбитныхъ плоскостей. Такимъ образомъ падаетъ главная опора гипотезы—единство плоскости, въ которой совершается круговращеніе всѣхъ свѣтилъ небесныхъ. Рѣшительно нельзя понять, какъ эти отклоненія, даже противоположныя направленія движеній, могли произойти изъ предполагаемаго первоначальнаго круговращенія солнца.

Въ послѣднее время сдѣланы попытки построенія другихъ космогоническихъ теорій на основаніи результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Между ними занимаютъ болѣе видное мѣсто слѣдующія три: гипотеза метеоритовъ, гипотеза туманностей и гипотеза взрывовъ (I. Riem). *Гипотеза метеоритовъ* Локьера въ началѣ развитія полагаетъ необычайное множество метеоровъ, обладающихъ быстрымъ собственнымъ движеніемъ. Они сжимаются между собою и образуютъ твердыя тѣла. Вслѣдствіе продолжительнаго уплотненія повышается температура этихъ звѣздъ до состоянія каленія. Когда же потомъ лучеиспусканіе теплоты въ холодное міровое пространство получаетъ перевѣсъ надъ производствомъ теплоты, тогда звѣзда начинаетъ «старѣть»; она все болѣе и болѣе охлаждается и пере-

стаетъ свѣтить.— По *гипотезу туманностей*, принимаемой различными изслѣдователями природы, міровое развитіе начинается скопленіемъ матеріи въ формѣ свѣтящихся газовыхъ туманностей и притомъ въ не одинаковомъ распредѣленіи ихъ. Вслѣдствіе столкновенія двухъ таковыхъ космическихъ облаковъ возникаетъ круговращеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ отъ той же причины въ самой туманности возникаетъ сильное внутреннее движеніе: вслѣдствіе необычайнаго раскаленія частицы удаляются другъ отъ друга; но потомъ взаимное массовое притяженіе производитъ ихъ сближеніе. Если получаетъ перевѣсъ послѣднее движеніе; то образуется неподвижная звѣзда; если же сильнѣе оказывается движеніе наружу (центробѣжное); то происходитъ съ неправильными очертаніями туманность. — Если эта гипотеза удовлетворительно объясняетъ происхожденіе неподвижной звѣзды; то она отказывается служить, когда нужно бываетъ объяснить происхожденіе планетъ. Последнее болѣе удастся при помощи *гипотезы взрывовъ* Мультона. Когда два солнца приближаются другъ къ другу; тогда вслѣдствіе взаимнаго притяженія на каждомъ изъ нихъ поднимаются чудовищныя волны. Если они приближаются другъ къ другу на разстояніе болѣе, чѣмъ 2,44 ихъ діаметровъ, то отъ тѣла въ видѣ взрыва отдѣляются огромныя массы. Вслѣдствіе притягательной силы другихъ быстро проносящихся солнць эти массы уже не могутъ возвратиться назадъ и поневолѣ остаются въ эллиптическихъ орбитахъ, въ которыхъ теперь они и должны кружиться около своихъ солнць. Самыя большія изъ этихъ оторвавшихся массъ суть планеты.

Очевидно, что эти теоріи очень отличны одна отъ другой. Каждая изъ нихъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, но каждой свойственны и несомнѣнные недостатки. Ни одна изъ нихъ сама по себѣ не можетъ объяснить всѣхъ явленій вполне удовлетворительно съ научной точки зрѣнія; поэтому ни одна изъ нихъ не приобрѣла и всеобщаго одобренія.— Съ религіозной точки зрѣнія при этомъ

мы получаемъ успокоеніе и можемъ сказать: еще никому не удалось — при помощи чисто механическихъ законовъ объяснить вполнѣ удовлетворительно происхожденіе и образование міра; и могутъ ли возбудить въ насъ безпокойство такія гипотезы, которыя съ чисто научной точки зрѣнія признаны неудовлетворительными и недостаточными? Не результаты научныхъ изслѣдованій стоятъ противъ вѣры въ Бога, а только убѣжденіе естествоиспытателей, что возможно механическое объясненіе происхожденія міра, хотя оно до сихъ поръ еще не найдено.

Но допустимъ, что оно найдено, что одно изъ тѣхъ чисто механическихъ объясненій происхожденія вселенной обнимаетъ всѣ явленія и даетъ возможность понимать ихъ безъ затрудненій, — сдѣлалась ли бы отъ того невозможной или по крайней мѣрѣ ненужной вѣра въ Бога? Вышеупомянутые опыты объясненія вселенной всѣ безъ исключенія постоянно прибѣгаютъ къ совершенно опредѣленнымъ предположеніямъ; они предполагаютъ извѣстное состояніе и, не объясняя его, полагаютъ его въ основу своихъ космогоническихъ гипотезъ. По крайней мѣрѣ предполагаются двѣ величины: 1) матерія—въ формѣ солнць, метеоровъ или газовыхъ массъ и 2) движеніе этой матеріи. Къ этому присоединяется, какъ нѣчто само собою понятное—еще одно предположеніе, а именно опредѣленное направленіе движенія, необходимое для объясненія перехода матеріи изъ хаотическаго состоянія въ состояніе упорядоченное. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію необходимость этого предположенія. Иначе не было бы никакой возможности уяснить, какимъ образомъ изъ полнѣйшей беспорядочности атомовъ могла развиться законосообразность. Если всѣ силы дѣйствуютъ другъ на друга безъ опредѣленнаго направленія; то можетъ произойти только хаосъ. Такимъ образомъ новѣйшіе изслѣдователи допускаютъ три предположенія: матерію, силу и направленіе силы. Двѣ послѣднія величины легко могутъ быть соединены и были соединяемы въ одну: предполагаютъ

опредѣленный родъ движенія, указываютъ на физическій фактъ, что атомы газовъ съ большою скоростью движутся впередъ по прямой линіи и предполагаютъ въ началѣ прямолинейное, равномерное движеніе атомовъ впередъ. Но и тѣ два предположенія субстанціи и движенія могутъ быть соединены въ одно: матерію и силу не ставятъ отдѣльно одну подлѣ другой, какъ двѣ величины, но говорятъ: движеніе есть свойство матеріи, присущее ей отъ начала. Матерія, субстанція, имѣетъ въ себѣ основное стремленіе къ движенію и притомъ къ движенію прямолинейному, равномерному. Такимъ образомъ все сводится къ *одному* предположенію.

Но откуда явилась субстанція, эта чудесная, всемогущая величина? Неподлежитъ сомнѣнію, что здѣсь открывается мѣсто для Творца вселенной. Если весь ходъ развитія вселенной и можно объяснить, не прибѣгая къ ученію о Богѣ, то этого никакъ нельзя сказать о его началѣ. Богъ сотворилъ субстанцію и притомъ такую, что въ ея внутреннихъ свойствахъ находится достаточное основаніе для самостоятельнаго развитія космоса.

3. Здѣсь философы монисты говорятъ: субстанція существуетъ сама по себѣ; она существуетъ отъ вѣка и до вѣка; она не имѣетъ ни начала, ни конца. И въ пользу своего ученія приводятъ еще новыя доказательства—указываютъ на два всеобщихъ закона природы, законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энергіи. Нигдѣ не пропадаетъ матерія, нигдѣ не утрачивается сила. Нигдѣ мы невидимъ, чтобъ вещество происходило изъ ничего, и изъ ничего возникала и сила. Отсюда слѣдуетъ, что субстанція, изъ которой состоитъ міръ, какъ не можетъ быть создана, такъ и никогда не можетъ подвергнуться уничтоженію; она вѣчна.—При помощи этого единственнаго предположенія о вѣчной, всемогущей субстанціи философы монисты, какъ Геккель, объясняютъ все развитіе вселенной. Такимъ образомъ вселенная представляется безконечной, отъ вѣчности существующей машиной. Туманные

массы разсѣянной матеріи уплотняются, сжимаются, охлаждаются, отвердѣваютъ, сталкиваются другъ съ другомъ съ необычайной силой; вслѣдствіе ихъ столкновенія и происходящаго отъ этого необычайнаго развитія теплоты твердыя тѣла превращаются въ раскаленные атомы; возникаютъ новыя туманности; снова начинается круговращеніе вещества и продолжается въ безконечность; потому что по закону сохраненія вещества и силы ничто не можетъ утратиться въ безконечномъ хозяйствѣ природы. Безъ начала и безъ конца мировая машина себя сохраняетъ изъ себя самой и чрезъ себя саму; она вседозволенна. Этимъ, по мнѣнію упомянутыхъ мыслителей, окончательно устраняется вѣра въ Бога. Нигдѣ нѣтъ промежутка въ неразрывной связи между причиною и слѣдствіемъ, который дѣлалъ бы необходимымъ и возможнымъ вмѣшательство Бога. Даже при началѣ развитія нѣтъ никакого внѣмѣрнаго Творца. Какъ развитіе вселенной, такъ и ея происхожденіе можетъ, а потому и должно быть понимаемо безъ предположенія о Богѣ: нѣтъ никакого Бога!

Правильно ли это? Не говоря о многихъ логическихъ несообразностяхъ этого построенія, я указываю на то, что оно прежде всего находится въ противорѣчій съ третьимъ великимъ физическимъ закономъ — *закономъ разсѣянія энергіи въ пространство* (Entropiegesetz). Этотъ законъ имѣетъ основное значеніе для всей современной физической химіи. Физики, какъ, напримѣръ, профессоръ Хвольсонъ въ Петербургѣ, называютъ его самымъ важнымъ закономъ своей науки; потому что онъ даетъ намъ указанія относительно того, *какъ* происходитъ развитіе вселенной. Это въ собственномъ смыслѣ законъ эволюціи міра. По объясненію великаго англійскаго физика Томсона этотъ законъ гласитъ: «всѣ виды энергіи имѣютъ тенденцію переходить въ теплоту, а эта—однообразно разсѣиваться въ пространство». Подъ энергіею разумѣютъ способность тѣла къ работѣ, его живую силу, по объясненію Освальда, «работу, или все, происходящее отъ работы и пре-

вращающееся въ работу». Всякій видъ энергіи заключаетъ въ себѣ стремленіе—переходить въ теплоту. Если это произошло, то хотя искусственно она и можетъ быть преобразована въ другую энергію, но не иначе, какъ превративши при этомъ столь же большое количество энергіи въ теплоту. Энергія, превратившаяся въ теплоту, становится ни къ чему не пригодной. Слѣдовательно, если произошло столкновение міровыхъ тѣлъ между собою, то значительная часть ихъ энергіи въ видѣ теплоты уходитъ въ міровое пространство, и эта излучившаяся теплота потеряна безвозвратно. Круговращеніе матеріи неизбѣжно становится все слабѣе, и наконецъ должно совсѣмъ прекратиться. По этому мы находимся въ безостановочно совершающемся процессѣ: вся энергія вселенной превращается въ теплоту, а эта теплота равномерно разсѣивается въ безконечномъ пространствѣ. Если этотъ процессъ придетъ къ концу, такъ что не будетъ болѣе никакихъ разностей въ напряженіи силы, то уже болѣе не возможно будетъ никакое производство работы. Для того, чтобы «это было возможно, необходимо, чтобы находились налицо недостижшія еще равновѣсія разности силы (*nicht kompensierte Intensitäts - unterschiede*). Всякое движеніе прекращается. Всякая жизнь умираетъ. Хотя энергія остается всегда постоянной, но, превращаясь въ теплоту, она утрачиваетъ свое значеніе.

Это значить, что міровой процессъ непременно долженъ имѣть свой конецъ, хотя и въ самомъ далекомъ будущемъ. Это очень непріятный фактъ; потому что если развитіе имѣетъ конецъ, то оно необходимо имѣло и начало; Геккель въ этомъ отношеніи безъ сомнѣнія правъ. Пытались уклониться отъ этого рокового вывода, утверждая, что законъ разсѣянія энергіи не имѣетъ никакого всеобщаго значенія. Но противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ встаютъ физики и химики, и, безъ сомнѣнія, имѣютъ на то право. Въ самомъ дѣлѣ, если въ иныхъ случаяхъ со всей энергіей защищаютъ ненарушимость и общеобяза-

тельность естественныхъ законовъ, то на какомъ основаніи здѣсь вдругъ допускають исключеніе? Единственно потому, что оказались стоящими на краю пропасти и бессильными избѣжать вывода: если міръ имѣлъ начало, то вѣ и выше міра должно существовать То, изъ чего онъ происходитъ, потому что изъ ничего ничего не бываетъ.

Но можетъ быть можно еще отклонить тотъ роковой выводъ, сказавъ: міръ безконеченъ, слѣдовательно и запасъ его энергіи безконеченъ? Но такой выходъ изъ затрудненія невозможенъ; потому что если бы энергія была безконечна; то всѣ тѣла должны были бы находиться равномерно подъ безконечнымъ давленіемъ, слѣдовательно вещество въ продолженіе безконечнаго времени должно было бы распредѣляться равномерно по всему пространству и слѣдовательно не могло бы образоваться ни одного твердаго тѣла. Но такъ какъ это находится въ противорѣчій съ фактами; то и запасъ энергіи міра не можетъ быть безконечнымъ (М. В. Мейеръ).

Впрочемъ весь этотъ способъ доказательства не обладаетъ научнымъ характеромъ. Потому что для насъ—существовъ конечныхъ понятіе о безконечности вообще не постижимо; относительно его ничего опредѣленнаго мы не можемъ сказать. Потому при помощи его можно доказывать все т.-е. ничего! Мы можемъ, по мнѣнію Вундта, дѣлать соображенія и выводы при помощи развивающейся безконечности, а не такой, которая уже достигла законченности и совершенства. Потому весь этотъ абстрактный способъ мышленія долженъ быть оставленъ, какъ не пригодный въ научномъ отношеніи.

Послѣ этого положеніе дѣла упрощается; намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или безъ всякихъ околичностей отвергнуть законъ природы и притомъ важнѣйшій законъ физической химіи, «главный тезисъ» (Освальдъ) естествовѣдѣнія, чтобъ поддерживать теорію безначальности и независимости (Selbstgenugsamkeit.) міра, или признать силу и

значеніе закона разсѣянія энергіи въ пространствѣ (Entropiegesetz); но тогда міръ необходимо долженъ былъ имѣть начало. Миѣ не нужно подробно говорить о томъ, какое изъ этихъ рѣшеній научиѣ. Нельзя признать научнымъ рѣшеніе—не задумываясь отвергнуть законъ природы, на опытѣ оказавшійся имѣющимъ всеобщее значеніе,—ради совершенно неосновательной гипотезы. Факты науки настоятельно требуютъ вывода, что міръ получилъ начало, т.-е. что онъ не изъ себя самого произошелъ, не въ себѣ самомъ имѣетъ достаточное основаніе своего бытія, слѣдовательно и не въ свойствѣ вѣчной субстанціи. Результаты научнаго изслѣдованія весьма благопріятны вѣрѣ въ Бога: за насъ говорятъ факты, а за тѣхъ гипотезы!

4. Впрочемъ я хочу сдѣлать своимъ противникамъ всевозможныя уступки. Оставимъ безъ изслѣдованія весь вопросъ о «происхожденіи» матеріи; допустимъ, что отвѣтъ на него не необходимо требуется наукой. Но тогда возникаетъ другой вопросъ,—а именно: *что же такое матерія, субстанція?*

Стоя на ихъ точкѣ зрѣнія никакъ нельзя уклониться отъ рѣшенія этого вопроса, потому что у нихъ при помощи указанія на сущность и свойства субстанціи даются отвѣты на всѣ вопросы. Когда ихъ спрашиваютъ: отъ чего происходитъ первое движеніе, какъ совершается образованіе стройныхъ міровыхъ системъ, или откуда возникаетъ первое ощущеніе? отъ нихъ постоянно получается отвѣтъ: «таково первоначальное и неистребимое свойство субстанціи». Вотъ чѣмъ хотятъ разрѣшить новую міровую загадку! Что здѣсь скрывается чудовищный самообманъ, это очевидно само собою.—Если всѣ загадки я разрѣшаю тѣмъ, что считаю ихъ свойствами субстанціи; то я ни на шагъ не приближаюсь къ дѣйствительному ихъ разрѣшенію; напротивъ, всѣ загадки сливаются въ одну великую, всеобъемлющую загадку, которая отъ того страшно разрастается, становится все непонятнѣе, все неразрѣшимѣе. Объ этомъ откровенно говорить и Геккель. Потому тѣмъ

настоятельнѣе требуется отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность этой субстанціи? Если на него нѣтъ никакого отвѣта, то невозможно и какое объясненіе.

Что такое субстанція? На это философъ Дж. Локкъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «если кто-нибудь захочетъ дать себѣ отчетъ относительно своего собственнаго понятія о чистой субстанціи вообще, то найдетъ, что у него нѣтъ никакого другого представленія о ней, кромѣ предположенія о какомъ-то неопредѣленномъ носителѣ тѣхъ качествъ, которыя производятъ въ насъ простыя представленія.—Если бы его спросили, что такое этотъ носитель, обладающій этими качествами, то онъ оказался бы не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тотъ индеецъ, который утверждалъ, что міръ стоитъ на огромномъ слонѣ. Когда же его спросили: а на чемъ стоить слонъ? онъ отвѣтилъ: на огромной черепахѣ. Но когда предложили ему дальнѣйшій вопросъ о томъ, на чемъ же утверждается огромная черепаха, то онъ далъ отвѣтъ: на чемъ-нибудь, но онъ не знаетъ, что это такое? Несомнѣнно, Локкъ былъ правъ; никто не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, что такое въ сущности субстанція.

Не подлежитъ сомнѣнію, что наука, стремящаяся къ изслѣдованію сущности матеріи, именно химія, сдѣлала необычайно большіе успѣхи. Извѣстно, что она разлагаетъ матерію на самыя маленькія частицы, которыя называютъ атомами, потому что уже не въ состояніи продолжать ихъ разложеніе. Но новѣйшія открытія, особенно изслѣдованіе радія, болѣе и болѣе заставляютъ предполагать, что и эти атомы опять распадаются на перво-атомы, и что каждый атомъ скрываетъ въ себѣ цѣлые міры: первоатомы представляютъ изъ себя какъ бы солнца, распределеніе и движеніе которыхъ подчинено твердымъ законамъ; между ними движутся мельчайшія тѣльца, отрицательные электроны, то какъ планеты около солнца, то какъ метеоры и кометы—въ полномъ соответствіи съ тѣмъ, что мы можемъ наблюдать въ великомъ міровомъ про-

странствѣ.—Самую матерію современная наука большую частію представляетъ себѣ въ видѣ единой первоматеріи. Хотя доселѣ удалось найти только 80 основныхъ элементовъ, къ которымъ возводятся всѣ встрѣчающіяся въ дѣйствительности вещества; но въ настоящее время по видимому и въ опытѣ найдено основаніе для указаннаго теоретическаго мѣнія: радій—такой элементъ, который находится въ постоянномъ саморазложеніи, въ дѣйствительномъ внутреннемъ преобразованіи. Мы можемъ даже доказать, что изъ элемента радія происходитъ другой элементъ—геній. Отсюда не будетъ слишкомъ смѣлымъ выводъ, что это слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ элементахъ, что слѣдовательно всѣ элементы постепенно развились изъ одного первичнаго элемента. Итакъ всѣ элементы суть только различныя ступени развитія единой первоматеріи (P. Gruner).

Кто не почувствуетъ искренняго удивленія предъ величіемъ этихъ научныхъ изслѣдованій? Но все же мы не поддаемся самообольщенію; мы знаемъ, что самые важные вопросы, что такое матерія, предполагаемая первоматерія? что такое атомы или первичные атомы, изъ которыхъ состоитъ субстанція?—и теперь, какъ и прежде, все еще остаются безъ отвѣта.

Въ химіи большую частію все еще представляютъ себѣ атомы и первоатомы тѣлесными, т.-е. предметами, имѣющими какую-нибудь пространственную фигуру. Въ физикѣ, напротивъ, подъ атомомъ разумѣютъ точку силы, точку, изъ которой исходитъ притяженіе и отталкиваніе. Или каждому атому приписываютъ то и другое, или дѣлаютъ различіе между вѣсомыми атомами и атомами эфирными; первыми усвояютъ силу притяженія, а эфирнымъ атомамъ—силу отталкивающую. Такимъ образомъ здѣсь понятіе «матеріи» совсѣмъ утрачивается; на мѣсто его является понятіе «силы», или лучше «энергіи», живой силы, работоспособности. Въ физикѣ это воззрѣніе перешло изъ механики. Эта первая отказалась отъ понятія матеріаль-

ной субстанціи: подъ «силою» она разумѣетъ скорость движенія (Beschleunigung), производимую въ массѣ опредѣленной величины, а подъ «массою» — сопротивленіе, оказываемое тѣломъ силѣ опредѣленной величины. Если масса есть то же что сопротивленіе, то она мыслится какъ сила.

Отсюда мы видимъ, какъ именно въ точныхъ наукахъ, полагающихъ свою задачу въ изслѣдованіи явленій и предметовъ природы, все больше и больше уклонялись отъ опредѣленія сущности субстанціи. Чаше и чаще на мѣсто матеріи ставится сила. Знаменитый изобрѣтатель спектральнаго анализа Кирхгофъ отъ науки механики прежде всего требуетъ чтобъ она умѣла только изобразить явленія, бывающія въ дѣйствительности, а не стремилась къ открытію ихъ причинъ. Точно также и Оствальдъ требуетъ, чтобы естественныя науки атомистическую систему замѣнили энергетической; потому что на самомъ дѣлѣ постоянно имѣютъ дѣло съ энергіями, и никогда — съ матеріей. Не матерія, но энергія есть «субстанція въ собственномъ смыслѣ», т.-е. то, что постоянно существуетъ. Сама матерія есть и остается фикціей, гипотезой; она никогда не бываетъ предметомъ опыта. Мы только предполагаемъ, что данныя въ опытѣ явленія должны имѣть какую нибудь объективную основу; и эту предполагаемую, на опытѣ не извѣстную основу мы называемъ матеріей. Такимъ образомъ кто при помощи понятія субстанціи или матеріи объясняетъ вселенную, тотъ *относительно* извѣстное объясняетъ при помощи *совершенно* неизвѣстнаго, т.-е. не объясняетъ ничего. Мы совсѣмъ не знаемъ, что такое матерія, и никогда не будемъ знать этого; потому что мы не можемъ знать этого.

Это утвержденіе нуждается въ доказательствѣ; потому что оно совершенно противорѣчитъ обычному представленію. Обыкновенно думаютъ, что видятъ и познаютъ предметы такими, каковы они въ дѣйствительности. Тѣла, находящіяся внѣ насъ, обладаютъ извѣстными свойствами, имѣютъ фигуру, цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. д.; эти свой-

ства отпечатлѣваются въ нашихъ чувствахъ и какъ такія усвояются и познаются нами; такимъ образомъ наши представленія похожи на предметы, какъ копіи на оригиналы.

Но этотъ наивный реализмъ совершенно несостоятеленъ. Что такое свѣтъ? Изъ физики мы знаемъ, что объективно онъ есть не что иное, какъ колебанія, колебанія эѳира или электрически магнетическія колебанія. Эти колебанія достигаютъ сѣтчатой оболочки глаза и здѣсь раздражаютъ концевые органы зрительныхъ нервовъ. Посредствомъ нитей этихъ нервовъ раздраженія передаются мозгу и здѣсь возникаетъ чувственное ощущеніе—свѣтъ. Но этотъ свѣтъ совсѣмъ не похожъ на эти колебанія. Наши чувственные органы преобразуютъ эти колебанія въ нѣчто совсѣмъ иное—въ свѣтъ. Въ насъ въ пространствѣ нигдѣ не находится того, что мы называемъ свѣтомъ. Вселенная абсолютно темна; свѣтъ возникаетъ только въ существахъ, обладающихъ чувствами. Точно тоже бываетъ и съ звукомъ: міръ, въ насъ находящійся, содержитъ только звуковыя волны; въ немъ все безмолвно; если бы не существовало никакого уха; то не было бы никакихъ звуковъ. Тоже самое бываетъ и съ другими свойствами предметовъ: они существуютъ только въ субъектѣ; въ предметахъ же существуютъ только силы, эти свойства поражающія, и притомъ эти силы совсѣмъ не похожи на тѣ дѣйствія, какія они оказываютъ на насъ. Цѣльная картина дѣйствительнаго міра, которую мы рисуемъ себѣ, не взята нами непосредственно изъ внѣшняго міра, но ее творитъ вашъ духъ самостоятельно, на основаніи отдѣльныхъ впечатлѣній, передаваемыхъ мозгу нервами внѣшнихъ чувствъ. Образъ, отпечатлѣвающійся на сѣтчаткѣ глаза, никогда не передается мозгу въ готовомъ видѣ ни цѣликомъ, ни частями; точно также при посредствѣ осязательныхъ нервовъ передаются сознанію отнюдь не готовые, занимающія извѣстное пространство, копіи тѣлъ, но доставляются мозгу чрезъ нервы внѣшнихъ чувствъ только качественно различныя впечатлѣнія и—на основаніи ихъ

душа построиваетъ для себя пространственный образъ воспріятія. Поэтому наше знаніе вѣшняго міра никогда не находится въ полномъ соотвѣствіи съ дѣйствительностью! Даже болѣе того; «Глазъ нашъ какъ механическое давленіе на него и электрической токъ, такъ и объективныя свѣтотворныя волны чувствуетъ и какъ свѣтъ, и какъ цвѣтъ; одну и ту же температуру наша кожа въ одномъ мѣстѣ чувствуетъ теплою, въ другомъ холодною, а въ иномъ чувствуетъ какъ давленіе или даже боль» (Вундтъ). «Электрической токъ въ глазѣ вызываетъ ощущеніе свѣта, въ ухѣ ощущеніе звука, а въ языкѣ ощущеніе вкуса» (Рейнке). Изъ этого слѣдуетъ, что все качественное содержаніе воспріятія—субъективно. Что такое вещи сами въ себѣ, каково качественное бытіе вещей, это совершенно непостижимо для насъ (по Вундту). Ихъ сущность для насъ трансцендентна. Качества нашихъ ощущеній не представляютъ изъ себя точныхъ отображеній дѣйствительности, но суть только символы ея, подобно тому, какъ и слово есть только символъ, а не копія предмета, который оно обозначаетъ. Чтѣ такое вѣшній міръ самъ въ себѣ, этого мы не знаемъ. Тутъ предѣлъ нашей проникательности. И по существу дѣла переступить за этотъ предѣлъ мы не можемъ; потому что мы познаемъ только свойства вещей, но они—чисто субъективны!

Послѣдній выводъ таковъ: о дѣйствительной сущности вещей самихъ въ себѣ мы совсѣмъ ничего не знаемъ. Я долженъ подчеркнуть здѣсь то, что это не мое частное мнѣніе, но что это, можно сказать, есть общее достояніе науки, поскольку по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ былъ предметомъ серьезнаго изслѣдованія. Величайшіе философы, во главѣ съ Кантомъ, относительно этого согласны со всѣми естествоиспытателями, которые, какъ, напр., Гельмгольцъ или Дюбуа Реймонъ, съ напряженіемъ изслѣдовали вопросъ о границахъ нашего познанія природы. Даже Гэккель въ концѣ своей «Мировой загадки» откровенно соглашается съ этимъ выводомъ. Но ради этого еще не слѣду-

еть впадать въ абсолютный скептицизмъ, какъ будто все только мечта воображенія. Уже тотъ фактъ, что объективныя явленія необходимо должны быть отдѣляемы отъ субъективныхъ свойствъ ощущеній, говоритъ въ пользу объективности вѣшняго міра. Слѣдовательно хотя мы и не можемъ отрицать того, что вещи въ себѣ существуютъ, но каковы онѣ,—объ этомъ мы ничего не можемъ сказать.

Я ставлю главный вопросъ: такое познаніе дѣлаетъ ли вѣру въ Бога невозможной? Дѣйствительно ли субстанція не оставляетъ никакого мѣста для Бога во вселенной? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы рѣшительно нелѣпымъ. Мы совсѣмъ не знаемъ сущности субстанціи, и потому мы не имѣемъ никакой возможности сказать что-нибудь опредѣленное о томъ, находится ли она въ какомъ либо отношеніи къ Богу, и если находится, то въ какомъ именно.

Точно въ такомъ же положеніи находится этотъ вопросъ, когда на міръ смотрятъ согласно съ Оствальдомъ, какъ на систему силъ (энергій). Сущность явленій онъ видитъ въ различныхъ энергіяхъ, отвергая обычное понятіе матеріи. Но энергія по нему тоже, что работа. Но я сомнѣваюсь, чтобъ чрезъ это было вполне удовлетворено требованіе мышленія. И тутъ не остается ли безъ отвѣта вопросъ: что же именно есть то, что совершаетъ работу? Во всякомъ случаѣ ничто не помѣшаетъ намъ въ отвѣтъ на это сказать: это—Богъ проявляетъ Свою дѣятельность во всякихъ энергіяхъ. Энергетическое представленіе о вселенной очень легко можетъ быть примирено съ христіанской вѣрой въ Бога.

5. Но теперь возможно еще на шагъ подвинуться впередъ. Такъ какъ для насъ невыносима мысль о томъ, что о сущности вещей мы ничего не можемъ узнать; то все же дѣлаютъ попытку — хоть что-нибудь сказать о сущности вещей въ самихъ себѣ. Съ этою цѣлью прибѣгаютъ къ умозаключенію по аналогіи. *Одну* вещь въ себѣ мы знаемъ, а именно самихъ себя. Себя самого я знаю

непосредственно, какъ существо, имѣющее волю, чувство, представленіе; съ другой стороны я знаю себя, какъ существо тѣлесное. Моя истинная сущность — не тѣло, но духъ. Этотъ фактъ можетъ служить для насъ опытнымъ основаніемъ для познанія истинной сущности всѣхъ вещей. Если представлять ее сходною съ нашею; то она не можетъ быть иною, какъ только *духовною* (geistiger Art). Это согласовалось бы только съ тѣмъ, о чемъ мы прежде узнали, а именно что наука все болѣе и болѣе склоняется къ тому, чтобъ на мѣсто самостоятельной субстанціи ставить силу или энергію. Теперь мы можемъ сказать, какова должна быть та сила, которою производится вся «работа»: основаніемъ всѣхъ въ опытѣ данныхъ явленій можетъ быть только сила духовная; или, выражаясь словами В. Вундта: «космическій механизмъ есть только внѣшній покровъ, за которымъ скрывается духовная дѣятельность и творчество».

Теперь мы предлагаемъ дальнѣйшій вопросъ: что это за духовное бытіе, которое лежитъ въ основаніи всего существующаго? На это можно отвѣчать тройко. Это бытіе можно опредѣлять: 1) какъ бессознательное, 2) какъ сознательное и 3) какъ самосознательное. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ мыслителей новаго времени, Эдуардъ Гартманъ держался перваго опредѣленія: абсолютнаго духа онъ представлялъ себѣ бессознательнымъ. Противъ этого справедливо говорили: «бессознательный духъ» это—представленіе, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Духъ не мыслимъ безъ сознанія. Впрочемъ и самъ Гартманъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше говоритъ «о сверхсознательномъ». Поэтому другой глубокій мыслитель, подобно Гартману обладающій превосходнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ—В. Вундтъ—абсолютной основой и абсолютной цѣлью міра признаетъ не бессознательный духъ, но сознательный, но не самосознательный. Невозможно понять, почему Вундтъ не хочетъ сдѣлать дальнѣйшаго шага. Его собственные принципы изслѣдованія скорѣе должны бы склонять его къ мнѣнію, что духовное бытіе,

лежащее въ основаніи всего, должно обладать самосозна-ніемъ, слѣдовательно личностью. Потому что онъ защищаетъ очень правильный принципъ, что самое незначи-тельное опытное основаніе болѣе цѣнно, чѣмъ всѣ теоріи. А опытъ свидѣтельствуетъ, что только самосознатель-ный духъ человѣка могъ создать собственный міръ: царство культуры, въ особенности же искусство! Слѣдовательно и духовной первоосновѣ міра должно принадлежать самосозна-ніе, личность. Мы стоимъ теперь предъ личнымъ Богомъ: Онъ есть истинная реальность всякаго бытія и бы-ванія. Невольно приходятъ на умъ слова апостола Павла: <Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ> (Дѣян. 17, 28).

Несомнѣнно поразительный результатъ! И онъ достигнутъ не чрезъ остановку мышленія, но при помощи послѣдовательнаго мышленія. Большею частію останавливаются въ своемъ изслѣдованіи по произволу на любомъ мѣстѣ; и только такимъ образомъ могутъ достигать кажущагося вѣроятнымъ вывода, будто научно найденная основа міра находится въ противорѣчій съ вѣрою въ Бога. Кто съ упорствомъ отказывается простираться своею мыслью далѣе механизма мірозданія, у кого недостаетъ мужества—продумать до конца вопросы о началѣ и сущности субстан-ціи, тотъ пусть воображаетъ, что есть возможность понять міръ безъ Бога. Но неизбежно возникаютъ два вопроса: откуда происходитъ матерія? и что она такое? и они при-водятъ насъ или къ признанію Дюбуа-Реймона: *ignotamus, ignorabimus*, т.-е. къ полнѣйшему скептицизму, къ пирронизму, или же къ супранатурализму, къ признанію трансцендентной дѣйствительности: *Богъ есть не только Творецъ міра, но и подлинная сущность всякаго явленія* (die eigentliche Wirklichkeit in allem Geschehen).

6. Наконецъ позвольте мнѣ сдѣлать и послѣдній шагъ. Я утверждаю: *въ своей глубочайшей основѣ наука утверждается на вѣрѣ*. Если понимать <вѣру> въ общемъ смыслѣ этого слова; то неоспоримо слѣдующее положеніе: мы должны вѣрить 1) въ то, что міръ имѣетъ какой-

нибудь смысл и 2) что мы въ состояніи постигнуть какъ-нибудь этотъ смыслъ. Если бы мы не были убѣждены въ томъ, что вселенная имѣетъ смыслъ и что мы можемъ когда-нибудь понять его; то всякая наука была бы рѣшительно бессмысленна и безцѣльна. На вѣрѣ въ смыслъ вселенной и въ возможность его постиженія утверждается всякая наука.

Но на чемъ утверждается эта вѣра? ужели только на себѣ самой? Но вѣра, утверждающаяся на себѣ самой, виситъ въ воздухѣ! Или на вѣрѣ въ природу? Но кто убѣдитъ меня въ томъ, что эта безличная, слѣдовательно не нравственная, не разумная природа обладаетъ способностью или желаніемъ—вложить какой-нибудь смыслъ во вселенную и создать насъ такъ, чтобъ онъ оказался доступнымъ для насъ? Напротивъ кто знаетъ Бога, потому что онъ въ вѣрѣ собственнымъ опытомъ убѣдился въ Его могущество и въ Его любви, тотъ знаетъ, что Богъ не творить ничего бессмысленнаго и не смѣется надъ Своими дѣтьми: будучи Самъ истинною, Богъ и Своихъ хочетъ представлять на всякую истину.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему выводу: наука не находится въ враждебномъ отношеніи къ вѣрѣ, напротивъ идетъ на встрѣчу къ ней. А если хотѣть поставить ту и другую въ зависимое отношеніе между собою, то это можетъ имѣть только то значеніе, что вѣра въ смыслъ жизни, служащая опорой для всякой науки, сама находитъ свою опору только въ религіозной вѣрѣ въ Бога. Не наука полагаетъ основаніе для вѣры, но вѣра для науки.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Мысли и сужденія патриарховъ о независимости церкви отъ государства.

Очень интересную во всѣхъ отношеніяхъ, безусловно важную и почти выдающуюся особенность письменности русскихъ патриарховъ составляютъ повсюду почти встрѣчающіяся въ ней мысли и сужденія о независимости духовной власти отъ мірской, церкви отъ государства ²⁵⁾. Ко времени учрежденія русскаго патриаршества такъ называемое византійское вліяніе, шедшее къ намъ съ православнаго востока, не только успѣло отразиться на взглядахъ и понятіяхъ русскаго народа, но и принесло уже свои плоды, сложилось въ извѣстныя формы государственнаго управленія и воспитало тотъ взглядъ на отношеніе государства къ церкви, который легъ потомъ въ основаніе долгой и упорной борьбы между свѣтскою и духовною властію. Исторія представляетъ намъ полную картину того, какъ пастыри церкви своимъ ученіемъ, своею про-

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душен. Чт.* за 1910 г.

²⁵⁾ Посланіе патр. Іова грузин. митр. Николѣ. Рук. Соф. Библ., № 1475, стр. 132—142; *Христ. Чт.* 1869 г., № 11, стр. 880—887. Посланіе Іова груз. царю Александру, въ рук. Соф. Библ., № 1475, и въ *Истор. Актахъ*, т. I, стр. 429—433. Мпѣвія патр. Николая объ Уложеніи и пр. въ *Запискахъ Отдѣленія русс. и слав. археологін*, т. II, 1861 г. Поученіе къ духовному чину патр. Іосифа, стр. 7. Поученіе Адриана, въ Рук. Соф. Библиотеки, № 1503.

повѣдiю и своимъ личнымъ влiанiемъ на народъ способствовали развитiю идеи самодержавiя; какъ они помогали излюбленнымъ князьямъ собирать разрозненныя области въ одну крѣпкую державу и разбѣянные славянскiя племена стягивать къ одному общему для всѣхъ государственному центру ²⁶). Исторiя представляетъ намъ и плоды этого влiанiя для церкви. Неумолимая сила централизацiи, съ легкой руки первыхъ русскихъ централизаторовъ и при сочувственномъ отношенiи къ ней самихъ русскихъ перво-святителей, имѣвшихъ очень большое влiанiе на взгляды и понятiя русскаго народа, начала развиваться съ такою неудержимою силой, что съ теченiемъ времени захватила въ свои руки не только всю гражданскую государственную власть, но и у самой церкви рѣшилась отнять ея права, дарованныя ей прежними церковно-гражданскими постановленiями. Великое и въ свое время совершенно необходимое для разрозненныхъ славянскихъ племенъ дѣло централизацiи, въ пользу котораго работали тогда лучшiе представители духовной власти, обратилось съ теченiемъ времени противъ нихъ самихъ и произвело то великое замѣшательство между церковною и государственною властiю, какимъ такъ печально ознаменовался XVII вѣкъ по дѣлу о патр. Никонѣ. И вотъ, среди всѣхъ этихъ историческихъ осложненiй, когда такъ нѣжно взлелѣянная система централизацiи развивалась все шире и шире, когда бурный потокъ византiйскихъ идей и понятiй захватывалъ и уносилъ съ собою все, что встрѣчалъ на своемъ пути,— среди всѣхъ этихъ осложненiй поднимается, наконецъ, твердый голосъ представителей церкви противъ того стѣсненiя церковной власти, какое стало наблюдаться въ русской церкви, начиная съ XV вѣка и особенно усилилось въ XVII. И духовная власть, какъ и духовная литература,

---

²⁶) Жизнь и дѣятельность преп. Сергiя Радонежскаго, митр. Алексiя Петра, Юны и многихъ др. перво-святителей земли русской.

едва ли гдѣ говорила за себя такъ громко и смѣло ²⁷⁾, какъ въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ. Здѣсь ярко отразилось все то, что въ продолженіе долгаго времени слагалось въ умахъ и сердцахъ русскихъ святителей, ограничиваемыхъ иногда свѣтскою властію даже въ такихъ вопросахъ, которые могли быть обсуждаемы и рѣшаемы не иначе, какъ только силами и средствами одной лишь духовной власти ²⁸⁾.

Въ посланіи патр. Іова къ Грузинскому митр. Николѣ, между многими сужденіями по вопросамъ вѣры и церкви, особенное вниманіе обращаетъ на себя то преднамѣренное усиліе и разсчитанная настойчивость, съ которыми пишетъ патріархъ о неприкосновенности духовной власти. Въ его словахъ чувствуется какая-то тревожная грусть, какое-то слабо скрытое безпокойство за себя, за вѣру, за церковь. «Августъ и Тиверій, говоритъ патріархъ, Гай, Клавдій, Неронъ и другіе мучители и цари, ратовавшіе на св. церковь, на св. апостоловъ и ихъ преемниковъ и наслѣдниковъ, не страшно ли осуждены были и погибли? И послѣ нихъ Констанцій и Галлъ также получили возмездіе за свои злодѣянія. Іуліанъ же царь, для корысти и для суетныхъ прибытковъ прикоснувшійся къ священ-

²⁷⁾ За исключеніемъ развѣ одного только посланія митр. Кипріана къ игуменамъ Сергію Радонежскому и Ѳеодору Симоновскому, въ которомъ онъ въ поразительныхъ чертахъ описываетъ свои страданія, понесенныя имъ отъ преслѣдованія свѣтской власти по повелѣнію Д. И. Донскаго. Исторія Макарія, т. V, стр. 185—187.

²⁸⁾ Этой зависимостію духовной власти отъ свѣтской объясняются, между прочимъ, и крайне унижительныя для церкви и духовенства слова митр. Макарія (XVI в.) къ Іоанну Грозному: „Тебѣ, писалъ онъ царю, поручи Богъ животъ всего великаго православія“. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 25. „Царское твое остроуміе больше имать всѣхъ силу изрядиѣ управити благое твое царствіе“, говорило по приѣзду Макарія духовенство, указывая царю на еретическія заблужденія и нравственные безпорядки въ обществѣ, и страшень будещи сана ради власти царскія. Бога ради, государь, кромѣ тебя того душевнаго вреду и тревоженія виѣшнему управити некому“. Тамъ же т. I, стр. 55—56, № 41.

нымъ, страшно отъ Бога осужденъ былъ и злой смерти преданъ. Левъ же царь Исаврійскій и сынъ его царь Копронимъ всѣ епископіи и монастыри подчинили своей власти, также и игуменовъ и прочихъ клириковъ, т.-е. причетниковъ, и ереси умножили и погибли. И послѣ сихъ прочіе цари и князи, и мучители также поступали и погибали»²⁹⁾. «Сынъ мой, заключаетъ патр. Іовъ свое посланіе къ Грузинскому царю Александру, отнюдь къ церковному, тебѣ недозволенному, не прикасайся»³⁰⁾. Читателю посланія патр. Іова становится очень понятно, что какими-то особенно печальными историческими обстоятельствами вызвана была эта беспокойная защита патриархомъ той мысли, что «за вмѣшательство мірской власти въ область власти церковной Господь каралъ страшнымъ судомъ мірскихъ царей и повелителей». Сильное апологетическое слово Іова воскрешаетъ въ памяти читателя печальную судьбу митрополитовъ Кипріяна, Филиппа, Діонисія³¹⁾; архіепископовъ Новгородскихъ Пимена и Леонида; Корнилія, игумена Печерскаго монастыря, монаха Вассіана и многихъ другихъ святителей, пресвитеровъ и монаховъ, «различнѣ помученныхъ и погубленныхъ»³²⁾.

Съ такою же или даже еще большею силою мысли говорить за независимость духовной власти отъ мірской и патр. Никонъ въ своихъ возраженіяхъ Паясію и Стрешневу. Въ его протестѣ противъ вмѣшательства мірской власти въ область Христовой церкви слышится та же безнадежность, та же глубокая грусть, что и въ поученіи

²⁹⁾ Рук. Соф. Библ., № 1475, стр. 139. *Христ. Чит.* 1869 г., № 11.

³⁰⁾ Рук. Соф. Библ., № 1475.

³¹⁾ Платонъ во II т. Истории русской церкви.

³²⁾ Русская проповѣдь въ XV, XVI вв. Курбскій рассказываетъ, что Грозный убилъ архіепископа Новограда Пимена... въ рѣдѣ его утопiti повелѣлъ. Потомъ, поставлена другого архіепископа... по двухъ лѣтъхъ повелѣ убити со двѣма игумены великими, або архимандриты. Это былъ Леонидъ архіепископъ, котораго І. В. Грозный велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Сказаніе Курбскаго, т. I, стр. 162—164.

патр. Іова. «Не слышасте ли, говорить Никонъ, реченаго Богомъ, что всякій иноплеменникъ, прикасающійся къ ковчегу завѣта, смертію да умреть; а иноплеменникъ не тотъ, кто происходитъ не изъ колѣна Израилева отъ языка, но кто не изъ племени Левина, какъ и Корей, и Дафанъ, и Авиронъ, которыхъ не избралъ Богъ, а сами себя избрали, за что и истребила ихъ земля, какъ объ этомъ писано: и прогнѣваша Моисея въ стану и Аарона святого Господня, и отверзеса земля и пожре Дафана и покры на сонмищи Авирона, и разжеся огонь въ сонмѣ ихъ, пламень попали грѣшники. И простре Іосія руку на кіотъ Божій придержати и ятъ зань, и порази его Господь и умре предъ Господемъ» ³³⁾.

Болѣе спокойно высказываетъ свою завѣтную мысль патр. Іосифъ, но и въ его словахъ слышится все та же горечь, тотъ же, хотя и болѣе сдержанный, протестъ противъ вмѣшательства свѣтской власти въ область правъ и преимуществъ власти церковной. Патріархъ на себѣ самомъ, на личныхъ обстоятельствахъ своей жизни и дѣятельности, испыталъ непривычное для него вмѣшательство мірской власти въ предѣлы власти духовной, когда съ часу на часъ ожидалъ гражданскаго суда надъ собой и лишенія власти за извѣстные всѣмъ недостатки въ издавніи богослужебныхъ книгъ, допущенныя патріархомъ от-

---

³²⁾ „Гдѣ есть писано, говоритъ патріархъ, въ другомъ мѣстѣ, еже бы царемъ, княземъ, и бояромъ, и дьякомъ и судіемъ патріарха, и митрополита, и архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ, и дьяконовъ и причетниковъ судить? И еже убо патріарха судити, ни которыя правила уставъ въ себѣ имуть, аще вся изочтеши, развѣ не христіанскихъ и мучительскихъ законъ... Здѣ (же) въ Россіи не точію къ царю приходити епископомъ или архимандритомъ и монахомъ, но ни на дворъ царскій прещено есть. Всѣмъ убо еретикомъ, жидомъ, мехамедомъ, и лютеромъ и кальвиномъ невозбранено приходити. Единымъ точію епископомъ православнымъ и архимандритомъ, и игуменомъ, и монахомъ приходъ на царскій дворъ возбранень есть“. Зап. Отд. русск. и слав. археологіи, т. II, стр. 454, 455 и 459.

части по свойственной ему довѣрчивости къ мало-ученымъ, но самоувѣреннымъ исправителямъ богослужебныхъ книгъ, отчасти же (и это прежде всего) по слабости и немощи тѣлесной. И вотъ, можетъ быть, именно это обстоятельство, въ связи съ непрерывнымъ рядомъ другихъ вмѣшательствъ свѣтской власти въ область управленія и благочинія церковнаго, заставили патріарха Іосифа начать свое поученіе къ духовному чину указаніемъ на чрезвычайную важность и высоту пастырскаго служенія, которое какъ получается отъ Бога «по благодати даннѣй намъ», говоритъ патріархъ, такъ и вознаграждаться должно Самимъ же Богомъ въ день страшнаго суда Господня ³⁴⁾.

Подобно патріарху Іосифу и патріархъ Адріанъ свое поученіе къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священному, монашескому и мірскому чину ³⁵⁾ начинаетъ сравненіемъ священническаго и царскаго служенія и изложеніемъ обязанностей того и другого, причемъ, какъ и патр. Іосифъ, онъ, хотя и косвенно, но очень опредѣленно высказывается за независимость духовной власти, указывая на извѣстныя права царствующихъ лицъ и начертывая извѣстный кругъ ихъ обязанностей. Этимъ онъ старался какъ бы оградить отъ ихъ вмѣшательства другую область жизни и дѣятельности, гдѣ преслѣдуются уже другія «не государственныя» стремленія и цѣли и гдѣ, слѣдовательно, широкое поле дѣятельности должно принадлежать уже другимъ дѣятелямъ, другимъ лицамъ. «Два начальства величайшая, говоритъ Адріанъ, устрои Богъ на земли: священство, глаголю, и царство, — ово убо божественнымъ служащо, ово же челоувѣческими владущо и пекущеса. Отъ единого бо и тогожде начальства обоя сія происходятъ... Царство убо власть имать точію на земли, еже между челоувѣки праведный судъ управляти, защищеніе обиди-

³⁴⁾ Поуч. патр. Іосифа къ свящ. чину. Въ этомъ же сочиненіи онъ сравниваетъ священство съ царскимъ служеніемъ и предпочитаетъ первое послѣднему, стр. 3.

³⁵⁾ Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 240. Раск. дѣла XVIII ст.

мымъ и отмщеніа обидящимъ творити, царство расширять, отъ враговъ и иноплеменныхъ оборонять, церкви святѣй православиѣ во всякихъ случаяхъ и скудостѣхъ помощь подати; наипаче же еретики, крамольники и вся сія навѣтники отгонять, злодѣи уимати и наказывати, добродѣтельнымъ благотвореніе, и похвалу и подобная показывати, судіи поставляти и тыя, неправедно судящія, возсуждати. Священство же власть имать и на земли, и на небеси; яже убо свяжетъ на земли, будутъ связана и на небеси, и яже разрѣшитъ на земли, будутъ разрѣшена и на небеси»³⁶).

Изъ исторіи русской церкви XVII и XVIII вѣковъ мы знаемъ уже о томъ, какъ слабо отразился этотъ протестъ русскихъ патріарховъ на измѣненіи въ желательномъ направленіи существующаго порядка дѣлъ въ области суда и управленія церковнаго. Но какъ бы практика церковной и государственной жизни ни разошлась съ тѣми взглядами, какіе высказаны были на этотъ предметъ русскими патріархами, ихъ сильный и смѣлый голосъ навсегда сохранится въ исторіи русской церкви, какъ живой памятникъ всегда искренняго и благоговѣйнаго отношенія ихъ къ своему дѣлу и своему высокому служенію.

Западъ и его вліяніе на Русь предъ судомъ русскихъ патріарховъ.

Въ живую связь съ историческими условіями русской жизни XVI и XVII вѣковъ можетъ быть поставлена также и новая характеристическая черта патріаршей письменности—ея непосредственное отношеніе къ западу: къ религіи, правамъ и обычаямъ тѣхъ народовъ, съ которыми въ XVI и XVII вв. начала мало-по-малу сближаться Россія чрезъ различныя политическія столкновенія и войны. Не такъ быстро, какъ въ XVIII вѣкѣ, но, тѣмъ не менше, весьма свободно и легко стали проникать теперь въ Рос-

³⁶) Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 240.

сію новые взгляды и понятія; новые нравы и обычаи начали прививаться мало-по-малу къ прежнимъ нравамъ и обычаямъ, внося въ русскую жизнь много непримѣнимаго къ ней и идущаго иногда въ разрѣзъ съ ея вѣковыми традиціями, укрѣпленными и освященными всей жизнію народной ³⁷⁾. Не успѣвшая еще прочно обосноваться на своихъ чисто національныхъ началахъ русская жизнь подверглась необыкновенно сильному иноземному на нее вліянію и, не будучи въ силахъ усвоить себѣ тотъ богатый матеріалъ, какой предлагала ей наплывающая западная цивилизація, ухватилась за одну лишь виѣшнюю ея сторону, оставивъ безъ вниманія именно то, что было въ этой цивилизаціи особенно важнаго и существеннаго, и что прежде и больше всего было нужно совершенно замкнутому въ себѣ до этихъ поръ русскому народу. Вслѣдствіе столькихъ неблагопріятныхъ условій первой встрѣчи Россіи съ западомъ, появилась та холодная религіозность въ средѣ нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ людей XVI и XVII вв. и то чисто виѣшнее утонченіе нравовъ, за ко-

---

³⁷⁾ Переселенія иностранцевъ въ Россію и дипломатическія сношенія съ западомъ особенно усилились со временъ Іоанна IV. При завоеваніи сосѣднихъ областей онъ переселялъ жителей завоеванныхъ странъ во внутрь Россіи и особенно въ Москву. Это онъ дѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что многіе изъ нихъ были народомъ образованнымъ. Извѣстно, что въ Москвѣ за Лузой (Нѣмецкая Слобода) и во многихъ мѣстахъ Россіи образовались цѣлыя колоніи нѣмцевъ. Во времена Бориса и самозванцевъ замѣчается такое же, если еще не болѣе сильное движеніе иностранцевъ внутрь Россіи, равно какъ и въ царствованіе первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Нѣмцы, поляки, шведы, голландцы и англичане (Самуилъ Коллинсъ) весьма часто посѣщали Россію и колонизовались въ ней. Понятно, что такой наплывъ иностранцевъ въ Россію не могъ остаться безъ своего крупнаго вліянія на русскій народъ, на его понятія и нравы. Имѣя это въ виду, многіе изъ нашихъ историковъ очень неблагопріятно смотрѣли на тѣ крутыя мѣры, къ которымъ безъ особенной, повидимому, нужды прибѣгалъ иногда Великій Петръ во время своихъ реформъ и преобразованій. Косвенный, но рѣзкій упрекъ ему можно прочесть также и въ церковной исторіи Платона. Томъ II, стр. 266.

торыя такъ строго и сурово обличаютъ патріархи западъ, слагая на него всю вину за современное патріархамъ нравственное состояніе общества ³⁸⁾. Конечно, съ нашей точки зрѣнія могутъ показаться весьма несправедливыми многія обвиненія, возводимыя патріархами противъ запада; но теперь установился уже на этотъ предметъ совершенно иной взглядъ, который, во всякомъ случаѣ, не можетъ и не долженъ считаться единственно вѣрнымъ въ примѣненіи къ оцѣнкѣ западныхъ вліяній на русскую жизнь въ XVI и XVII ст. Вопросъ о томъ, кому должно принадлежать болѣе широкое право въ оцѣнкѣ нашихъ заимствованій отъ западныхъ народовъ—намъ ли, относящимся къ этому явленію, какъ къ историческому уже факту, или нашимъ предкамъ, пережившимъ первую встрѣчу съ иноземными вліяніями, — этотъ вопросъ едва ли принадлежитъ къ достаточно выясненнымъ и разрешеннымъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи многихъ и хорошо проверенныхъ притомъ данныхъ и теперь уже

³⁸⁾ Патр. Іоакимъ такъ писалъ въ своей духовной грамотѣ: „Да повелѣвають (государи) царскимъ указомъ своимъ отнюдь бы иновѣрцы, пришедъ здѣ, въ царство благочестивое, вѣръ своихъ не проповѣдывали, и въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ на прелестъ христіанамъ не вносили бы; и сіе бы имъ запретить подь казню, накрѣпко“. Въ духовной грамотѣ Іоакима вообще слышится наболѣвшій протестъ противъ „богомерзкихъ прелестей“ западныхъ отступниковъ. См. его грамоту въ истор. Петра Великаго, Устрялова, а также въ Рук. Соф. Библ., №№ 1476 и 1481. Подобное этому можно читать въ посланіяхъ Іова, особенно въ статьѣ, гдѣ онъ обличаетъ западныя ереси (Рук. Соф. Библ. № 1475), въ поученіяхъ патр. Іосифа и Адріана. „Коеждо странѣ законы свои и отчина, а не приходитъ другà ко друзей, но своего обычая каждая законъ держить (слова патр. Іосифа); мы же законъ истиннѣ отъ Бога пріимше, и разныхъ странъ въ беззаконіи оскверняхомся; обычаи злые отъ нихъ пріимше. Тѣмже отъ тѣхъ странъ и тоими есмь, и расточаемы винсю наша похоти и обычая, еже къ нимъ (Поч., стр. 23). Адріанъ несочувственно относится къ западному вліянію, какъ въ своемъ поученіи ко всему священному и мірскому чину, такъ особенно въ своемъ другомъ поученіи о небритіи бороды, незавиваніи волосъ и т. п.

есть основаніе полагать, что ко всякому новому направленію въ мысли и жизни народной человѣкъ бываетъ гораздо чувствительнѣе при первомъ столкновеніи съ даннымъ новымъ теченіемъ, при первой борьбѣ съ нимъ. Поэтому первое склоненіе національнаго чувства «за или противъ» даннаго направленія въ мысли и жизни народной не можетъ не имѣть очень серьезнаго значенія тамъ, гдѣ дѣло взвѣшивается и опредѣляется со всѣхъ сторонъ, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, съ полнымъ во всемъ спокойствіемъ. Извѣстно, какъ скоро привыкаетъ человѣкъ къ самымъ нездоровымъ иногда явленіямъ своей жизни. Сначала онъ чуждается ихъ, удаляется отъ всего, что можетъ внести тѣ или другія измѣненія въ привычный для него образъ жизни,—но потомъ мало-по-малу втягивается въ эти новыя наслоенія жизни и совсѣмъ почти не замѣчаетъ ихъ. Поэтому, едва ли можетъ быть пройдена мимоходомъ та критическая оцѣнка новыхъ на Русь вліяній, какую сдѣлали люди первой борьбы съ этими вліяніями, имѣвшіе возможность на себѣ самихъ, на нравахъ и обычаяхъ своихъ современниковъ провѣрить и оцѣнить то, что Россія пріобрѣла отъ наступившаго для нея сближенія съ западомъ, много опередившемъ ее въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, и что, напротивъ, она несомнѣнно потеряла отъ вліянія чужихъ людей на русскіе нравы и обычаи. Намъ кажется даже, что все лучшее, что можно почерпнуть на этотъ предметъ изъ памятниковъ патріаршей письменности, даетъ этимъ послѣднимъ особенную цѣну, какъ живому матеріалу для изученія жизни русскаго народа въ одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ его исторіи, когда всѣ слои общества одинаково чувствовали неизбѣжность наступающаго для страны переворота. Русскіе патріархи, какъ писатели, не сдѣлали, конечно, полной и всесторонней оцѣнки этого явленія; не разобрали по частямъ тѣхъ элементовъ, которые входили въ составъ начинавшейся повсюду борьбы стараго съ новымъ; не намѣтили, по недостатку широкаго

знакомства съ западомъ, и тѣхъ отдаленныхъ результатовъ, къ какимъ неизбежно должны были привести нашу страну неудержимо проникавшія въ нее то тамъ, то здѣсь новшества. Тѣмъ не менѣе, и то небольшое, что мы находимъ на этотъ предметъ у русскихъ патріарховъ, даетъ совершенно вѣрное указаніе на то, что далеко не все, проникавшее къ намъ отъ чужихъ народовъ, было дѣйствительно хорошо, и что, напротивъ, въ нравахъ и обычаяхъ нашей родной старины было много такого, что, дѣйствительно, необходимо было навсегда сохранить во всей неприкосновенности и полнотѣ, какъ нашу лучшую національную особенность, а очень многое и какъ нашу святыню...

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пастырь добрый, въ скорбяхъ бодрый духомъ¹⁾.

III.

Ненависть враговъ всюду преслѣдовала Златоустаго святителя, и чѣмъ болѣе онъ пренебрегалъ ею, совершенствуясь въ христіанскомъ мужествѣ и укрѣпляясь завѣтами Христовыми, тѣмъ болѣе она разгоралась. Изгнавъ изъ Константинополя, она сопровождала его по пути въ ссылку, строя новыя и новыя козни. Хотя Златоустъ и не писалъ объ этомъ, но люди, всею душою преданные ему, не могли не знать или предугадывать, что съ ихъ величайшимъ наставникомъ творится недоброе, что его мучать всевозможными способами. И зная это, они не могли не болѣть душою. Въ особенности много заботилась и сильно горевала о свят. Іоаннѣ діакоисса Олимпіада, женщина весьма замѣчательная въ то время по своимъ высокимъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Зная душевную настроенность Іоанна, его взглядъ на собственныя бѣды и злобу его враговъ, она интересовалась всѣмъ, что происходило съ Іоанномъ въ изгнаніи и неоднократно просила его описать свои приключенія, бѣды и огорченія. Іоаннъ отмалчивался; наконецъ, уступая ея неотступнымъ просьбамъ, описалъ свои несчастія въ пути. Приведемъ выдержки изъ письма, посвященнаго разсказу о тѣхъ событіяхъ:

«Когда, наконецъ, я вступилъ въ Кесарію, пишетъ Златоустъ, убитый, изможденный, находясь въ самой высшей

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книжку *Душеп. Чит.* за 1910 г.

степени развитія пламени лихорадки, грустя, страдая до крайности, я добрелъ до гостинницы, лежащей на самомъ краю города, и старался найти врачей и погасить ту печь: это была самая высшая ступень развитія трехдневной лихорадки. Тогда-то явились весь клиръ, народъ, монашествующіе, монахини, врачи, отъ которыхъ я пользовался большимъ попеченіемъ; такъ какъ всѣ во всемъ намъ служивали и помогали... Наконецъ, мало-по-малу болѣзнь начала прекращаться и стихать. Фаретрія же не было нигдѣ; онъ ожидалъ нашего отшествія, хотя—почему у него такъ было рѣшено, не знаю. Итакъ, когда увидѣлъ, что бѣда незамѣтно прекратилась, я сталъ, наконецъ, подумывать о путешествіи, чтобы достигнуть Кукуза и немного отдохнуть отъ бѣдствій пути. Когда у насъ обстояло такъ дѣло, вдругъ сообщаютъ, что безчисленное множество исаврянъ сдѣлало набѣгъ на Кесарійскую страну, что они зажгли какое-то большое село и причинили крайнія бѣдствія. Услышавъ это, трибунъ взялъ вмѣющихся у него воиновъ и пошелъ потому, что боялись, чтобы тѣ не напали и на городъ, и всѣ были въ страхѣ, всѣ въ тревогѣ... Вдругъ около разсвѣта отрядъ монаховъ (такъ надо сказать и выразить этимъ именемъ ихъ бѣшенство) напалъ на домъ, гдѣ мы были, грозя поджечь, причинить намъ крайнее бѣдствіе, если мы не уйдемъ. И ни страхъ предъ исаврянами, ни болѣзнь, такъ сильно тѣснившая насъ, ни что другое не сдѣлало ихъ болѣе снисходительными; они наступали, дыша такою яростію, что и сами преторіанскіе воины испугались ихъ... Городской префектъ, услышавъ объ этомъ, прибѣжалъ къ нашему дому, желая помочь намъ. Монахи не послушались и его увѣщаній, и самъ онъ оказался безсиленъ предъ ними. Видя, что дѣло въ весьма затруднительномъ положеніи, и не дерзая ни посовѣтовать намъ уйти на явную гибель, ни опять оставаться въ городѣ, вслѣдствіе такого ихъ неистовства, онъ послалъ къ Фаретрію, прося уступить намъ немного дней какъ въ виду нашей болѣзни,

такъ и въ виду грозящей опасности. Но и при такихъ обстоятельствахъ не было никакого успѣха; напротивъ и на слѣдующій день они явились еще неистовѣе, и никто изъ пресвитеровъ не осмѣливался заступиться и помочь намъ, но, стыдясь и краснѣя (потому что это, говорили они, происходило по приказанію Фаретрія), скрывались, прятались и не внимали, когда мы ихъ звали. Зачѣмъ много говорить? Несмотря на то, что грозили такіе ужасы, несмотря на то, что почти очевидна была смерть, и меня убивала лихорадка... въ самый полдень, бросившись въ носилки, я былъ вывезенъ оттуда, при рыданіяхъ, вопляхъ, провѣтіяхъ сдѣлавшему это, отъ всего народа—при общихъ сожалѣніяхъ и плачѣ... Когда услышала и увидѣла это прекрасная Селевкія, благородная жена моего господина Руфина (она весьма о насъ позаботилась), то увѣщевала и просила, чтобы я завѣхалъ въ ея загородный домъ, находящійся на разстояніи пяти миль отъ города, и вмѣстѣ съ нами послала людей, и мы удалились туда.

Но и тамъ это злоумышленіе не думало отстать отъ насъ. Когда Фаретрій узналъ, то, какъ она говорила, высказалъ ей много угрозъ. Когда же она гостепріимно приняла меня въ свой загородный домъ, я ничего этого не зналъ; выйдя къ намъ, она скрывала это отъ насъ, управляющему же, находящемуся тамъ, объявила, чтобы онъ доставилъ намъ всякій покой, и, если бы напали на насъ монашествующіе, желая оскорбить насъ или побить, собралъ бы земледѣльцевъ изъ остальныхъ ея помѣстій и такимъ образомъ приготовился къ бою противъ нихъ. Приглашала она укрыться и въ ея жилищѣ, имѣющемъ крѣпость и неприступномъ, чтобы мнѣ избѣжать рукъ епископа и монаховъ. Но я не согласился и остался въ загородномъ домѣ, не зная ничего, что затѣмъ готовилось. И этого для нихъ было недостаточно, чтобы оставить свое бѣшенство противъ насъ. Потомъ въ полночь, когда я ничего этого не зналъ (а Фаретрій, какъ она говоритъ,

сильно грозилъ ей, принуждая и заставляя. ее изгнать насъ и изъ загороднаго дома), эта женщина, не вынося его докучливости, хотя я не зналъ объ этомъ, объявила, что напали варвары,—такъ она стыдилась сказать о принужденіи, которое потерпѣла. И войдя ко мнѣ въ полночь, пресвитеръ Евнѳей разбудилъ меня спавшаго и громкимъ голосомъ сказалъ: встань, прошу тебя: варвары напали, они здѣсь близко. Вообрази, какой. я былъ, слушая это. Потомъ, когда я сказалъ ему: что же слѣдуетъ дѣлать? убѣждать въ городъ мы не можемъ, чтобы не потерпѣть болѣе тяжкаго, чѣмъ то, что сдѣлали бы намъ исавряне,—онъ началъ принуждать насъ уходить. Ночь была безлунная, самая полночь, мрачная, темная; и это опять ставило насъ въ беспомощное положеніе; никого не было возлѣ, никто не помогаль, потому что всѣ насъ покинули. Тѣмъ не менѣе, побуждаемый страхомъ, и ожидая тотчасъ смерти, я, изстрадавшійся, всталъ, приказавъ зажечь факелы. Но пресвитеръ приказаль потушить и ихъ, чтобы, говорилъ онъ, варвары, привлекаемые къ намъ свѣтомъ, какъ-нибудь не напали на насъ. Были потушены и факелы. Потомъ мулъ, несшій наши посылки (потому что путь былъ очень неровный, крутой и каменистый), упавъ на колѣна, повалилъ меня, находившагося внутри носилокъ, и—еще немного, я долженъ бы погибнуть; затѣмъ, вскочивши на ноги, я побрелъ, поддерживаемый пресвитеромъ Евнѳиемъ (онъ и самъ упалъ съ подъяремнаго животнаго), и такимъ образомъ шель, ведомый за руку, лучше же тащимый, потому что по такой неудобной мѣстности и недоступнымъ горамъ итти въ полночь было недѣзя. Представъ, что пришлось терпѣть мнѣ, тѣсному такимъ бѣдствіями, да еще въ приступѣ лихорадки, мнѣ, который не зналъ ничего изъ того, что было подстроено, и боялся варваровъ, дрожалъ и ожидалъ попасть въ ихъ руки¹¹⁾.

---

¹¹⁾ Цитов. „Твор. св. Іоанна Злат.“, т. III. Письма; къ Олимпіадѣ письмо XIV.

Такова повѣсть о несчастіяхъ, понесенныхъ Златоустомъ въ дорогѣ, рассказанная имъ самимъ. Сообщая о бѣдствіяхъ своихъ, Златоустъ не только не думаетъ печалиться ими, но, ликуя духомъ, просить Олимпиаду не рассказывать о нихъ никому. Онъ не желалъ, чтобы о его страданіяхъ знали люди, и его невзгоды служили бы темою для пустыхъ разговоровъ, сплетенъ или просто переходили изъ устъ въ уста какъ новость. Онъ избѣгалъ того, чтобы его страданія сдѣлались достояніемъ рынка. Людской ненависти и такъ было черезчуръ много, а популярности и громкой славы Златоустъ никогда не добивался. Онъ никогда не искалъ людского снисхожденія и печаль свою изливалъ предъ Богомъ, отъ Него одного ожидая защиты. «Ежедневно вспоминая объ этомъ и всегданося это въ мысли, говоритъ Златоустъ далѣе, кончивъ описывать свои бѣдствія, я восхищаюсь отъ радости и ликую, какъ имѣющій великое сберегаемое сокровище: такъ я чувствую себя. Въ виду этого прошу и твою честность радоваться, веселиться, ликовать, прославлять Бога, удостоившаго насъ потерпѣть такіа бѣдствія. Прошу имѣть это при себѣ и никому не говорить, хотя и весьма естественно, что воины префекта могутъ наполнить весь городъ рассказами объ этомъ, такъ какъ и сами они подверглись крайнимъ опасностямъ»¹²⁾. Таково величіе духа сватителя Златоуста.

О своей непобѣдимости Златоустъ самъ свидѣтельствуется: «Ни суровость климата, перечисляетъ онъ всѣ свои бѣдствія, ни пустынность мѣстъ, ни скудость сѣстныхъ припасовъ, ни отсутствіе прислужниковъ, ни невѣжество врачей, ни недостатокъ бань, ни постоянное заключеніе, какъ будто въ темницѣ, въ одномъ жилищѣ, ни то обстоятельство, что я лишень возможности двигаться, въ чемъ я всегда имѣлъ нужду, ни постоянное пребываніе въ дыму и около огня, ни страхъ предъ разбойниками, ни постоянныя нападенія, ни другое что-нибудь въ этомъ родѣ—ни-

¹²⁾ Ibidem.

что не побѣдило насъ; напротивъ, мы чувствуемъ себя здоровѣе, чѣмъ были тамъ»¹³⁾).

И всякій разъ, упоминая о бѣдствіяхъ или о болѣзняхъ своего крайне слабаго отъ природы тѣла, святитель Іоаннъ спѣшитъ успокоить всѣхъ тѣхъ въ письмахъ, къ кому сообщалъ это, переходя сразу въ радостный тонъ, хотя, впрочемъ, и о скорбяхъ своихъ онъ никогда не писалъ въ печальномъ тонѣ. А о невзгодахъ своихъ онъ сообщалъ не въ то время, когда былъ угнетаемъ ими, а тогда, когда они уже миновали. «Наконецъ-то мы едва-едва перевели дыханіе, придя въ Кукузъ, откуда и посылаемъ письмо, пишетъ онъ Олимпіадѣ; наконецъ-то едва-едва увидѣли свѣтъ, избавившись отъ дыма и облака разныхъ бѣдствій, постигшихъ насъ на пути. Теперь, когда скорби миновали, рассказываемъ о нихъ твоему благочестію. Я не желалъ этого сдѣлать въ то время, когда находился въ нихъ, чтобы особенно не опечалить тебя. Почти вѣдь тридцать дней, а то и больше, я боролся съ жесточайшими лихорадками и въ такомъ состояніи шелъ этимъ длиннымъ и труднымъ путемъ, будучи осаждаемъ и другими тяжкими болѣзнями, происходившими отъ желудка... Но теперь все это кончилось. Придя въ Кукузъ, мы сбросили съ себя и остатки всякой болѣзни и находимся въ безукоризненнѣйшемъ здоровѣи, равно какъ освободились отъ страха предъ исаврянами»¹⁴⁾).

«Нисколько не безпокойся за насъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, въ виду суровости зимы, болѣзни нашего желудка и набѣговъ исаврянъ, и не мучь себя заботами»¹⁵⁾. И стараясь отвлечь отъ себя вниманіе, святитель совѣтуетъ Олимпіадѣ позаботиться о себѣ. И это дѣлаетъ трогательно, отъ полноты любящаго сердца, отзывчиваго къ людскимъ страданіямъ. «И твою честность умоляю, пишетъ онъ, и какъ величайшей милости прошу, больше

¹³⁾ Ibid., письмо IV.

¹⁴⁾ Ibid., письмо XIII.

¹⁵⁾ Ibid., письмо IV.

заботиться объ излѣченіи болѣзни твоего тѣла»¹⁶⁾. «Извѣщай постоянно насъ о твоёмъ здоровьѣ, чтобы и отсюда мы получили большую радость. Ты вѣдь знаешь, что намъ, и пребывающимъ въ уединеніи, будетъ не малымъ утѣшеніемъ, когда мы постоянно будемъ узнавать о твоёмъ здоровьи. Будь здорова»¹⁷⁾.

Ничто такъ не радовало Златоуста, какъ подражаніе ему въ мужествѣ. Онъ всѣми силами старался возбудить примѣръ мужества въ другихъ, кто такъ или иначе падалъ духомъ, и, проявляя въ этомъ много усердія, радовался всею душою, когда его увѣщанія приносили благіе плоды. «Теперь я очень радъ и веселъ, пишетъ онъ къ той же Олимпіадѣ, не потому только, что ты избавилась отъ болѣзни, но прежде всего потому, что такъ благородно переносишь приключаящіяся скорби, называя все это пустяками, и что всего, всего важнѣе, это то, что ты называешь этимъ именемъ даже и болѣзни тѣла, что свойственно душѣ, полной силъ и изобилующей богатымъ плодомъ мужества. То знакъ, что ты не только благородно переносишь несчастія, а даже и не замѣчаешь ихъ, когда они находятся валицо, напротивъ, презираешь ихъ и съ большою легкостью налагаешь на себя вѣнокъ терпѣнія, не употребляя ни напряженій, ни трудовъ, ни безпокойствъ, ни другимъ не доставляя ихъ, а какъ бы ликуя и торжествуя; это служить доказательствомъ высочайшаго любомудрія. Поэтому, я радуюсь и ликую, восхищаюсь отъ радости, не чувствую ни настоящаго одиночества, ни остальныхъ несчастій, веселясь, радуясь и величаясь твоимъ величіемъ духа и непрерывными побѣдами, не ради тебя только, но и ради того великаго и многолюднаго города, для котораго ты стала и вмѣсто башни, и гавани, и стѣнъ, издавая голосъ ясный чрезъ посредство дѣлъ и своими страданіями научая тотъ и другой полъ безъ тру-

¹⁶⁾ Ibid., письмо IV.

¹⁷⁾ Ibid., письмо V.

да приступать къ подобнымъ состязаніямъ; выходишь со всякимъ мужествомъ на борьбу и легко выносишь труды, происходящіе отъ такихъ подвиговъ»¹⁸⁾. Такъ высоко цѣнилъ святитель Іоаннъ примѣръ мужества, побуждая звать его другъ въ другъ. Вѣдь только посредствомъ мужества и можно бороться со всевозможными несчастіями.

Не обращая вниманія на собственныя бѣды, Златоустый святитель и другихъ поучаетъ не предаваться скорби о нихъ. Но этого мало. Врагъ всякаго унынія, онъ заповѣдуетъ не отчаиваться и бѣдствіями церкви, несмотря на то, что они были велики. Онъ прекрасно сознавалъ ихъ, въ доказательство чего и описывалъ ихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Но всю эту мрачную картину онъ сводилъ къ благодушію, и чѣмъ мрачнѣе была она, тѣмъ яснѣе становилась для него необходимость мужества. Въ самомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ онъ видѣлъ поводъ къ спокойствію духа. «Хочу излѣчить рану твоего унынія, пишетъ онъ Олимпіадѣ, и разсѣять мысли, собирающія это облако скорби. Что, въ самомъ дѣлѣ, смущаетъ твой духъ, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она въ безлунную ночь и день ото дня все болѣе усиливается, причиняя тяжкія кораблекрушенія? Потому, что растетъ гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будетъ прекословить этому. Если желаешь, я изображу даже тебѣ и картину того, что теперь происходитъ, чтобы сдѣлать для тебя болѣе ясными настоящія печальныя событія. Мы видимъ, что море бурно вздымается отъ самаго дна; одни корабельщики плаваютъ по поверхности водъ мертвые, другіе ушли на дно; корабельныя доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла повывалились изъ рукъ гребцовъ, кормчіе сидятъ вмѣсто рулей на па-

¹⁸⁾ Ibid., висьмо VI.

лубахъ, обнимають руками колѣна и только рыдаютъ, громко кричатъ, плачутъ и сѣтуютъ о своемъ безысходномъ положеніи; они не видятъ ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, безпросвѣтную и мрачную тьму, что она не позволяетъ имъ замѣчать даже и находящихся вблизи; слышится шумное рокотаніе волнъ, и морскія животныя отовсюду устремляются на пловцовъ... Какое бы подобіе не нашелъ я для настоящихъ бѣдствій, слово слабѣетъ предъ ними и умолкаетъ. Впрочемъ, хотя я и вижу все это, я все таки не отчаиваюсь въ надеждѣ на лучшія обстоятельства, памятуя о Томъ Кормчемъ всего этого, Который не искусствомъ одерживаетъ верхъ надъ бурей, но однимъ мановеніемъ прекращаетъ волненіе моря. Если же Онъ дѣлаетъ это не съ самаго начала и не тотчасъ, то потому, что таковъ у Него обычай—не прекращать опасностей вначалѣ; тогда уже, когда онѣ усилятся и дойдутъ до крайнихъ предѣловъ, и когда большинство потеряетъ уже всякую надежду, тогда то Онъ, наконецъ, совершаетъ чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и приучая къ терпѣнію подвергающихся опасностямъ. Итакъ, не падай духомъ¹⁹⁾.

Свящ. Г. Корсунъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁹⁾ Ibid., письмо I.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

«Если не будете какъ дѣти, не войдете вы въ царствіе небесное» (Мѣ. 18, 3).

Смѣю надѣяться, что благосклонные читатели не посѣтуютъ на меня, если отъ сѣрой прозы и томительныхъ заботъ зрѣлой жизни я обращаю ихъ мысль къ далекимъ, обвѣяннымъ поэтической дымкой, свѣтлымъ днямъ ихъ невозвратно ушедшаго дѣтства и юности.

Дѣтство. Молодые годы. Весна, прекрасная заря жизни. Время повышенной бодрости, энергій, жизнерадостности. Цѣломудренная свѣжесть чувствъ и могучій, пышный разцвѣтъ жизненныхъ силъ. «Счастливый, никому неизмѣняющій, всѣмъ улыбающійся моментъ жизни!.. Расцвѣтаніе силъ, надеждъ на бытіе, — желаніе блага, доблести, дѣятельности, — эпоха сильнаго біенія сердца, пульса, — эпоха радостнаго трепета, восторженныхъ рѣчей и сладкихъ слезъ» (Гончаровъ).

Все это было; все это пережито въ разныхъ степеняхъ каждымъ изъ насъ. Къ сожалѣнію, этотъ праздникъ жизни недологъ. Для подавляющаго большинства взрослыхъ людей онъ остался позади, въ однихъ воспоминаніяхъ; онъ прожить разъ навсегда, «и снова не отдастъ его жизни потокъ, безпощадныя волны былого».

Что же въ дѣтствѣ и молодости особенно дорогаго и привлекательнаго? Почему молодая пора жизни манитъ насъ къ себѣ, какъ отрадный, свѣтлый и согрѣвающій лучъ весенняго солнца? Почему, согласно обѣщанію Го-

спода, именно для дѣтей особенно и преимущественно близко царствіе Божіе? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, рассмотримъ поподробнѣе, поближе и попристальнѣе главные черты и свойства дѣтской души и молодого характера.

Не будемъ распространяться о томъ, что все юное и молодое прекрасно и симпатично потому уже, что оно свѣжо и молодо. Всякая новая вещь болѣе или менѣе хороша и пріятна. Подержанная, заношенная и загрязненная, она значительно теряетъ въ своей пригодности, доброты и цѣнности. Всякое свѣжее и оригинальное сужденіе на первыхъ порахъ возбуждаетъ интересъ и вниманіе; затасканное и избитое, оно превращается въ пріѣвшееся общее мѣсто, въ мелкую ходячую монету. И человѣческая молодость, какъ все юное и нетронутое, прекрасна и привлекательна сама по себѣ. Но помимо этого интереса новизны и свѣжести, дѣтскіе и молодые годы въ человѣческой жизни имѣютъ еще и свои особенныя, весьма цѣнныя достоинства, дающія имъ огромное преимущество предъ другими возрастами человѣка. И прежде всего дѣтство и юность весьма выгодно отличаются отъ зрѣлаго возраста своею непорочностью, чистотою, правдивостью, незлобивою, отсутствіемъ коварства, лукавой хитрости и корыстной лести. Дѣти прямодушны, непосредственны и откровенны. Они еще не научились маскироваться, скрывать, двуличничать и лицемерить. Не связанные никакими житейскими пристрастіями, искусственными и условными правилами приличій и предразсудками, дѣти не знаютъ ложнаго стыда, притворства и двоедушія. Они смотрятъ на міръ свободно, смѣло и довѣрчиво. У нихъ нѣтъ побужденій прятать свои чувства и мысли, рядиться въ разныя личины, говорить и поступать неискренно, по расчету и съ задней мыслью. Дѣтямъ чужды и другіе пороки, чужда вообще грязь жизни. Міръ дѣтской души свѣтелъ, лучезаренъ и цѣломудренно-возвышенъ. «Невинная душа ребенка есть рай, который благоухаетъ много-

различными цвѣтами. Непорочное сердце его есть сокровищница, въ которой сокрыты различныя драгоценности. Всякій можетъ брать изъ нея на свои потребности. Гнѣвливыи и раздражительный пусть научится дѣтской кротости и снисхожденію; злобный и злопамятный — дѣтскому незлобію и незлопамятности; своевольный и своенравный — дѣтской покорности и послушанію; лживый и коварный — дѣтской прямотѣ и простосердечію; гордый и высокомерный — дѣтской простотѣ и смиренію; обуреваемый нечистыми страстями и похотами плоти — дѣтской непорочности, чистотѣ и цѣломудрію» (Полн. собр. проповѣд. Дмитрія, арх. Херсонск. Т. I. Изд. 1889 г.). Со стороны этой душевной чистоты и невинности «дѣтя — это нѣчто святое на землѣ, — небо, сошедшее на землю. Дѣти еще совсѣмъ недавно слышали *святыя пѣсни небесъ*; эти пѣсни еще звучать въ ихъ душахъ; видѣнія иного, высшаго міра еще наполняютъ неоскверненную душу. Ребенокъ — свѣтлая хрустальная капля, брошенная въ муть нашей жизни для того, чтобы очистить и освятить эту жизнь. Отсюда эта ясность дѣтскаго зора, дѣтская *всеосвящающая святость*. Отъ присутствія дѣтей становится легче и веселѣе на душѣ, и не только легче, но и нравственно лучше». Чистота и святость дѣтской души во многихъ случаяхъ неотразимо-обаятельны и заразительны. Близость добрыхъ дѣтей часто размягчаетъ, освѣжаетъ и даже умиляетъ сердца взрослыхъ. Для людей, у которыхъ сохранилась еще «душа жива», общеніе съ дѣтьми служитъ источникомъ душевнаго отрезвленія, оздоровленія и спасительнаго подъема душевныхъ силъ. Внимательное и вдумчивое наблюденіе надъ дѣтской жизнью нерѣдко даритъ насъ глубоко-удовлетворяющими, добрыми, свѣтлыми и возвышенными впечатлѣніями и настроеніями. Кто усомнится въ жизненной правдѣ слѣдующихъ словъ поэта, гдѣ онъ рисуетъ доброе и освящающее дѣйствіе яснаго взгляда и всего чарующаго дѣтскаго образа на усталую душу взрослого человѣка?

«Ахъ, эти дѣтскіе лазоревые глазки!..
 Какъ много власти въ нихъ таится надо мной;
 Какъ много дышетъ въ нихъ довѣрія и ласки
 Ко мнѣ, усталому подъ жизненной грозой!..
 Страхнувъ угаръ и хмѣль дневнаго треволненья,
 Отъ скучныхъ встрѣчъ съ людьми, отъ лжи и клеветы
 Я часто въ нихъ ищу отраднаго забвенья
И часто въ нихъ молюсь святынь красоты.
Не отъ земли она: въ ней сердцу говорить
Румяныхъ райскихъ зорь спокойное мерцанье;
Въ ней чистая душа сіяетъ и сквозитъ» (Надсонъ).

Надѣленная образомъ и подобіемъ Божиимъ, неспорчен-
 ченная дѣтская душа естественно стремится къ своему
 Первообразу, сохраняетъ постоянное тяготѣніе и устре-
 мленіе всѣхъ силъ души туда, въ высь, «горѣ», къ небу,
 къ Богу. Мало того. Милое, неспорченное дитя даже и
 въ другихъ пробуждаетъ чувство только что оставлен-
 ныхъ имъ горнихъ міровъ, стремленіе къ этимъ мірамъ.
 У Бретъ-Гарта есть маленькій рассказъ. Въ пріютъ зо-
 лотоискателей случайно попадаетъ трехлѣтнее дитя. Въ
 этомъ скопищѣ пьяницъ, разбойниковъ и душегубовъ точ-
 но солнце просіяло. Всѣ стали какъ-то иначе, «святѣе и
 добрѣе» улыбаться, и одинъ старый бродяга и преступ-
 никъ, котораго ребенокъ схватилъ своей маленькой руч-
 кой за огромный и уродливый палецъ, цѣлыя сутки хо-
 дилъ, улыбаясь отъ восторга, и что-то бормоталъ про
 себя отъ радости. Такъ сильна атмосфера святости, кото-
 рую созидаетъ вокругъ себя ребенокъ. Вотъ эта-то господ-
 ствующая въ дѣтяхъ возвышенная настроенность и чистота
 души и роднятъ дѣтей съ Самимъ Богомъ, по Его недолжному
 общанію: «блаженни чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрять»
 (Мѡ. V, 8). Поэтому-то и молитва дитяти считается особо
 дѣйственной и доходчивой до Бога. «Молись, дитя: сомнѣнья
 камень твоей груди не тяготитъ; твоей молитвы чистый
 пламень святой любовію горитъ. Молись, дитя: *тебѣ вни-
 маетъ Творецъ безчисленныхъ міровъ, и капли слезъ твоихъ*

считаетъ, и отвѣчать тебѣ готовъ» (Никитинъ). Теперь понятно вразумленіе Спасителя, обращенное Имъ къ взрослымъ людямъ: «если не будете какъ дѣти (со стороны душевной чистоты и невинности), не войдете вы въ царствіе небесное».

Спѣшу оговориться разъ навсегда. Говоря о добрыхъ качествахъ дѣтства, я имѣю и буду имѣть въ виду лишь идеальный порядокъ вещей. Меня занимаетъ дѣтская душа лишь такую, какою она выходитъ изъ лона Творца, во всей нетронутой свѣжести ея природныхъ свойствъ и способностей. Я прекрасно знаю (да и кто этого не знаетъ?), что въ нашей жизни не мало дѣтей-подростковъ злыхъ, своевольныхъ, фальшивыхъ,—дѣтей сквернослововъ, обманщиковъ, воришекъ, до мозга костей испорченныхъ, потерявшихъ всякій стыдъ и совѣсть. Но эти прискорбныя явленія — слѣдствіе дурного воспитанія и жизненной разры; какъ производныя и уродливыя, они не упраздняютъ общаго правила и въ счетъ не идутъ.

Въ нѣкоторой связи съ разъясненной душевной чистотою и свѣжестью дѣтей находится и другая привлекательная сторона дѣтскаго характера. Разумѣю дѣтскую жизнерадостность, усиленную воспріимчивость къ бодрящимъ свѣтлымъ впечатлѣніямъ жизни и красотамъ природы. Дѣтской душѣ «новы всѣ впечатлѣнья бытія». Непресыщеная и свѣжая, она жадно и трепетно раскрывается навстрѣчу всему здоровому и прекрасному въ жизни. Весь міръ представляется дѣтству и юности полнымъ очарованіемъ, силою усыпаннымъ роскошными цвѣтами поэтическихъ грезъ, манящихъ надеждъ и сладкихъ ожиданій. Это къ дѣтству и молодости обращены слова поэта: «жизнь глядитъ вамъ въ глаза—улыбается, вся—какъ въ розовой зорькѣ—купаются; вся чаруетъ васъ блескомъ добра; вся въ любовь, какъ въ цвѣты, убирается». Незнакомство съ тяжелыми невзгодами и гнетущими заботами жизни, развѣдающими и отравляющими душу взрослога человѣка,—умѣнье довольствоваться малымъ, — полное здоровье ду-

шевное и тѣлесное,—вотъ, прежде всего—исключительно благопріятныя условія для ясной, беззаботной, вполне довольной и благодушной жизни въ молодости. Вотъ она—ласкающе-милая картинка простого, несложнаго, но глубоко-безмятежнаго счастья,—нарисованная поэтомъ въ его обращеніи «къ дитяти»: «не знаешь ты тоски желаній; прекрасенъ міръ твоей весны, и свѣтлы, чуждые страданій, твои младенческіе сны. Съ грозою жизни незнакома, какъ птичка вѣчно весела, подъ кровлею родного дома ты рай земной себѣ нашла» (Никитинъ).

Пойдемъ далѣе. Душа взрослого человѣка всегда въ большей или меньшей степени засорена, забита, пришиблена, запугана. Въ ней часто сильно притуплена и даже совсѣмъ вытравлена способность радостнаго переживанія отраднхъ красотъ въ человѣкѣ и природѣ. Придавленные будничною суетою, мы сплошь и рядомъ равнодушно и тупо проходимъ мимо свѣтлыхъ и прекрасныхъ явленій жизни. Въ насъ какъ бы вымерло или выгорѣло самое «нутро» жизни. Не то въ молодости. Въ противоположность нашей истрепанности, усталости, унылой разочарованности, раздвоенности и очерствѣлости, дѣтство и молодость какъ бы цѣликомъ сотканы изъ подвижности, мягкосердечности, чуткости, отзывчивости и впечатлительности. Ихъ жизнь цѣльна и полна. Безмятежно, бодро и довѣрчиво всматривается молодость въ разстилающуюся предъ нею таинственно-заманчивую даль жизни. Дѣтямъ все интересно. Все ихъ сладко волнуетъ и манитъ къ себѣ неотразимо. Дѣтство и молодость—это единственное время, когда жизнь представляется намъ, главнымъ образомъ и прежде всего, съ своей лицевой, привлекательной, нарядной и праздничной стороны. Особенно живо въ дѣтяхъ чувство прекраснаго и изящнаго вообще. Въ частности, особенно впечатлительна молодость къ благотворному дѣйствію на душу прекрасныхъ явленій окружающаго міра. На лонѣ благодатной природы,—въ сферѣ скромныхъ, но вѣчно-живыхъ и много говорящихъ чуткому сердцу «дивъ»

и «чудесь» Божьяго творенія,—дѣти способны прямо блаженствовать. Все въ нихъ и вокругъ нихъ какъ бы поеть тогда и ликуеть. И задумчивое журчанье ручейка, и тихій плескъ рѣчныхъ струй, и отрадный, животворящій блескъ солнца, и таинственный шопоть лѣса, и неоглядный просторъ нарядныхъ полей и луговъ, и задорное стрекотанье птичекъ и насѣкомыхъ,— все мощное трепетанье и движенье, всѣ разнообразнѣйшія краски и безчисленные звуки необъятной міровой жизни властно и чарующе затрагиваютъ нѣжныя струны молодой души, зажигая въ ней чудные гимны—мелодіи восторга и умиленія. Поэтическимъ отголоскомъ этой молодой и блаженной жизни въ общеніи съ чародѣйкой-природой можетъ служить хотя бы вотъ этотъ отрывокъ изъ прекраснаго стихотворенія Никитина. «Я помню счастливые годы, когда безопасно и шутя безукоризненной свободой я наслаждался, какъ дитя; когда въ тиши уединенья, какъ воплощенный херувимъ, тревогой горя и сомнѣнья я не былъ мучимъ и томимъ. *Съ какимъ восторгомъ непонятнымъ тогда часъ утра я встрѣчалъ, — когда надъ полямъ необъятнымъ востокъ безоблачный пылалъ, и серебрястыми волнами, подъ дуновеньемъ вѣтерка, надъ благовонными лугами паровъ вставали облака!* Съ какою дѣтскою отрадой глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ, весенней дышащій прохладой, — на сводъ сіяющій небесъ, — на тихо спящія заливы въ зеленыхъ рамахъ береговъ, — на блескъ и тѣнь волнистой нивы и на узоры облаковъ!.. То были дни святой свободы, очарованья и чудесъ на лонѣ мира и природы; то на землѣ былъ рай небесъ!..»

Правда, не каждый можетъ похвалиться радостнымъ, свѣтлымъ и безмятежно-счастливымъ дѣтствомъ. Есть дѣтство сиротливое, безпризорное, безпріютное, холодное и голодное,—дѣтство грязное, безотрадно тяжелое и горькое. Одинъ Господь вѣдаетъ,—сколько ѣдкихъ, ядовитыхъ слезъ прольетъ иной сирота-горемыка, вынужденный жить «почужимъ угламъ» или и въ холодъ, и въ непогодъ таскаться

подъ окнами изъ-за куска хлѣба, подъ вѣчнымъ градомъ идущихъ отовсюду безжалостныхъ обидъ и насмѣшекъ. Какая сверхсильная, иногда прямо убійственная работа,— какія лишения, черство, суровое обхожденіе, постоянные несправедливые попреки, колотушки, пинки, щипки, побои и даже настоящія истязанія выпадаютъ на долю много злосчастнаго «подмастерья», мальчика «на побѣгущкахъ» или подростка-рабочаго гдѣнибудь на заводѣ, на фабрикѣ, въ магазинѣ у грубаго и безсердечнаго хозяина!.. Вспомните такъ называемыхъ «дѣтей улицы», этихъ всѣми отверженныхъ «пасынковъ» злой мачехи-жизни, съ нѣжныхъ, беспомощныхъ и незащитныхъ лѣтъ предоставленныхъ исключительно самимъ себѣ, рѣшительно ничѣмъ не вооруженныхъ для жизни и въ то же время поставленныхъ лицомъ къ лицу съ беспощадной въ своей жестокости «борьбой за существованіе». Кто не видалъ или— по крайней мѣрѣ—не слышалъ про этихъ воистину жалкихъ, оборванныхъ, заморенныхъ и больныхъ подростковъ-скитальцевъ, не знающихъ ни теплаго родительскаго крова, ни согрѣвающей материнской ласки, никакого душевнаго просвѣта, лишенныхъ всякой поддержки и участія, затравленныхъ жизнью на подобіе дикаго звѣря. Къ этимъ «обреченнымъ» на погибель бѣднякамъ-сиротамъ всецѣло приложимы задушевные, участливые слова поэта: «бѣдность голодная, грязью покрытая, бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая... Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за полночь; гибнетъ она, и никто не идетъ на помощь; гибнетъ она, и опоры нѣтъ волоса, теплаго сердца, знакомаго голоса»... (Никитинъ).

Все это горькая правда; все это сама неприглашенная дѣйствительность. Но, во-первыхъ, случаи безпросвѣтно-горькаго дѣтства все же исключенія (хотя и не рѣдкія). А главное въ томъ, что молодость владѣетъ какимъ-то почти неистощимымъ источникомъ силъ, бодрости и выносливости. Въ ея распоряженіи какъ бы какой-то волшебный талисманъ, благодаря которому если не совсѣмъ

изглаживаются, то—по крайней мѣрѣ—значительно смягчаются и скрашиваются тягости и невзгоды ихъ жизни. Неизбалованному искусственно и невзыскательному подростку немного нужно, чтобы забыться, развлечься, почувствовать довольство и радость жизни. Оставили его нѣкоторое время на свободѣ, позволили сходить въ лѣсъ, въ поле, на рѣку, приняли его въ свое общество играющіе сверстники,— и нашъ малышъ увлекся, развеселился и ожилъ. Въ то же время дѣтей спасаетъ отъ холоднаго отчаянія свѣтлая надежда на лучшее будущее. Чѣмъ тяжелѣе и горестнѣе настоящая подневольная жизнь подростка, тѣмъ упорнѣе и страстнѣе радужныя мечты его о томъ, когда онъ выростетъ «большимъ», будетъ жить на волѣ, самостоятельно, когда можно будетъ устроить жизнь по своимъ вкусамъ и наклонностямъ. Этотъ неистребимый вкусъ къ жизни, эта непоколебимая вѣра въ жизнь и надежда на лучшее будущее обладаютъ прямо чудодѣйственной силой. При самыхъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ они даютъ ихъ обладателю (хоть изрѣдка) самыя глубокія, свѣтлыя, настоящія радости и ясное веселіе духа. Часто никакое внѣшнее довольство и успѣхи жизни не могутъ вознаградить пожилого человѣка за утрату имъ дѣтской беззаботности, жизнеспособности, бодрости и свѣтлости духа. Истинная радость жизни нерѣдко навсегда утрачена взрослыми людьми. У нихъ есть только удовольствія и развлечения; но это не радость, а фальшивая и грубая поддѣлка подъ радость. Потому-то многіе пожившіе люди, при жизни сытой и внѣшне-благополучной, вспоминаютъ о своей голодной, трудовой и внѣшне бѣдственной молодости, какъ о самой лучшей, радостной и счастливой порѣ своей жизни. Вспомните Пушкинскую Татьяну, когда она, будучи генеральшей, отзывается о своемъ высокомъ, почетномъ и завидномъ для многихъ общественномъ положеніи въ такихъ грустныхъ и горько-пренебрежительныхъ словахъ: «а мнѣ, Онегинъ, пышность эта — *постылой* жизни мишура, — мои успѣхи въ вихрѣ

свѣта, мой модный домъ и вечера... *Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада всю эту ветохъ маскарада, весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ за полку книгъ, за дикій садъ, за наше бѣдное жилище..., да за смиренное кладбище, гдѣ нынѣ крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею моею*.

Итакъ, въ общемъ — и при нѣсколькихъ нормальныхъ условіяхъ — дѣтство и молодость несомнѣнно самая радостная и счастливая пора человѣческой жизни, чуждая затяжного унынія и гибельнаго малодушія. Въ этомъ огромное преимущество и достоинство молодости. Бодрое перенесеніе жизненной тяготы и ясная жизнерадостность — одно изъ драгоцѣнныхъ украшеній человѣка, приближающее его жизнь къ жизни небожителей. На небѣ вѣчная безоблачная радость. Къ постоянной непрестающей радости призываетъ и всѣхъ насъ слово Божіе. «Радуйтесь всегда о Господѣ и паки реку: радуйтесь», — пишетъ Апостоль (Филип. IV, 4). А дѣтская радость и есть именно «радость о Господѣ», радость чистая, возвышенная, благородная. Главными элементами дѣтскаго счастья являются тѣ «правда, и миръ, и радость о Духѣ Святомъ», изъ которыхъ — по Апостолу — слагается царствіе Божіе (Римл. XIV, 17). Значить, и съ разсмотрѣнной стороны «если вы (взрослые) не будете какъ дѣти, не войдете вы въ царствіе небесное».

Дальнѣйшее разсмотрѣніе свойствъ дѣтской природы обогатитъ насъ и новыми назидательными уроками. Обращали ли вы должное вниманіе на молодую любознательность, горячую жажду знаній и наученія? У дѣтей всѣ орудія познанія, всѣ чувства, съ помощью которыхъ мы овладѣваемъ міромъ, свѣжи, остры и неповрежденны. Дѣти жадно открываютъ всѣ свои чувства впечатлѣніямъ внѣшняго міра, внимательно и зорко приглядываются къ тому, что происходитъ вокругъ нихъ, наблюдаютъ за измѣненіями въ воздухѣ, погодѣ, вѣтрѣ и т. д. Побуждаемые единственно своею любознательностью, дѣти часто на протяженіи сравнительно небольшого времени, и притомъ со-

вершено самостоятельно, безъ всякихъ стороннихъ побужденій и указокъ, приобрѣтають большую опытность въ доступныхъ имъ работахъ, въ играхъ и забавахъ,—приобрѣтають массу свѣдѣній, навыковъ и умѣній, нерѣдко поражая взрослыхъ своею изобрѣтательностью и искусствомъ. Какіе успѣхи проявляютъ часто дѣти, напр., въ ловлѣ рыбы, бабочекъ, въ отыскиваніи грибовъ, ягодъ, въ выдѣлываніи какихъ-нибудь игрушекъ, въ плетеніи корзиночекъ, сѣтей и пр. Все это, конечно, мелочи, ребячество, пустяки, о практическомъ значеніи которыхъ говорить нечего; но не пустяки та живая любознательность и одушевленіе, которыя сюда вкладываются. А съ какимъ захватывающимъ интересомъ слушаютъ дѣти рассказы-аемыя имъ сказки! Какъ жадно, съ горящими глазами и трепетомъ сердечнымъ, прислушиваются они къ рассказамъ взрослыхъ о войнахъ, о другихъ странахъ, о разныхъ диковинныхъ явленіяхъ міра-природы, о жизни и подвигахъ замѣчательныхъ людей! Какъ напряженно работаютъ при этомъ дѣтское воображеніе и фантазія! (А фантазіей и воображеніемъ не шутите. Здравая психологія разъяснить вамъ, что именно на богатое воображеніе—пока оно не односторонне и болѣзненно взвинчено—опирается всякое плодотворное *творчество*: оригинальность и прогрессивность въ искусствѣ, «новыя слова» и открытія въ чистой, теоретической наукѣ и благодѣтельные изобрѣтенія въ области прикладныхъ званій). Даже непріятная для взрослыхъ повадка дѣтей безжалостно ломать и разбирать на составныя части свои игрушки и другія вещи нерѣдко имѣетъ своей подкладкой ту же любознательность, — желаніе знать, какъ вещь устроена, какіе секреты скрыты внутри ея. (Къ слову сказать: и многіе другіе досадные недостатки дѣтей, при вдумчивомъ и пристальномъ разсмотрѣніи, оказываются ничѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ проявленіемъ, или—точнѣе—оборотной стороной ихъ скрытыхъ пока и плохо направленныхъ достоинствъ. Такъ, упорство и упрямство ребенка гово-

рить иногда о твердости и стойкости его будущего характера; гнѣвливость и вспыльчивость обусловливаются во многихъ случаяхъ чувствомъ возмущенной справедливости. И т. д.). Изъ той же острой жажды знаній рождаются и тѣ безпрестанные вопросы, которыми закидываютъ и часто донимаютъ родныхъ любознательные дѣти (если, разумѣется, взрослые внимательны къ дѣтямъ, ласковы и разговорчивы съ ними). Почти каждый новый и интересный вопросъ или незнакомое явленіе вызываютъ у ребенка неизбѣжные вопросы: «что это такое?» «зачѣмъ это?» «какъ это сдѣлано?» И т. п. Кому неизвѣстна также нерѣдкая въ подросткахъ-школьникахъ всепоглощающая страсть къ чтенію? Дѣти читаютъ часто, что называется, запоемъ, забывая при этомъ и объ играхъ, и о пищѣ, и о снѣ. Любимая книга является для маленькаго грамотѣя лучшимъ другомъ, открывающимъ предъ нимъ новые увлекательные міры, новые горизонты. Книга заставляетъ несчастнаго ребенка забывать хоть на время горести своей жизни, привнося въ его захламленную душу свѣжую и отрадно согрѣвающую струю бодрящихъ, жизне-радостныхъ настроеній. Немудрено, что на пріобрѣтеніе книжекъ многіе школьники не жалѣютъ послѣднихъ грошей. Немудрено, что хорошая (субъективно) книжка пользуется у разумаго подростка любовнымъ, почтительно-бережнымъ, истинно-интеллигентнымъ отношеніемъ (къ посрамленію насъ, взрослыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые доходятъ чуть не до кошунственнаго вандализма въ отношеніи къ книгамъ, этимъ истиннымъ «сокровищамъ чело-вѣческаго духа»). И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться съ тѣми возвышенными и незабываемыми радостями и наслажденіями, которыя даетъ намъ—и особенно впечатлительному ребенку—подходящая книжка? Даже на вялыхъ, притупленные чувства и волю взрослыхъ людей книга оказываетъ иной разъ истинно могучее дѣйствіе. Бывали случаи, когда именно книга спасала чело-вѣка отъ задуманнаго самоубійства. Что же сказать про дѣтей и

подростковъ, у которыхъ всѣ впечатлѣнія жизни возводятся въ квадратъ и кубъ (какъ говорятъ математики)? Обогащеніе ума интересными знаніями, изощреніе способностей, постепенное проникновеніе въ ширь и глубь жизни, отрадное ощущеніе здороваго роста души,—все это вмѣстѣ какъ бы приподнимаетъ и электризуетъ всю нервную систему иного подростка, приводятъ его въ трепетный восторгъ, въ своего рода опьянѣніе, возбуждая въ немъ одновременно неудержимую потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими новыми впечатлѣніями. «Отъ избытка сердца уста глаголютъ». И вотъ иной школьникъ-подростокъ, захлебываясь отъ счастливаго увлеченія, порывисто и съ жаромъ рассказываетъ, напр., своей матери о сдѣланныхъ имъ за день новыхъ завоеваніяхъ въ сферѣ расширенія своего умственнаго кругозора,—рассказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ въ школѣ отъ учителя или отъ «батюшки». Понравившуюся книжку или хоть особо понравившееся мѣсто изъ нея живой, общительный и любознательный ребенокъ готовъ перечитывать чуть не безконечно, только бы находились терпѣливые и нѣсколько сочувствующіе слушатели. Истинно завидная жажда знаній, золотая пора увлекательнаго труда и высоко-благородныхъ наслажденій! Чтобы увеличить сумму этихъ наслажденій и оказать дѣтямъ великое благодѣяніе, предоставьте въ ихъ распоряженіе посильную библіотеку, разнообразно и цѣлесообразно подобранную...

Рука объ руку съ этой любознательностью идетъ у дѣтей и способность отдавать себя посильной работѣ до самозабвенія. Въ любимыхъ занятіяхъ дѣти проявляютъ вообще изумительную энергію, настойчивость, упорство и усидчивость. Въ противоположность нашему «спустярукавію», нашей небрежности и нерѣдко полному отвращенію къ работѣ, дѣти вкладываютъ въ любимое занятіе всю свою душу. Сколко терпѣнія, усердія и одушевленнаго увлеченія развертываетъ ребенокъ въ преслѣдованіи намѣченной и увлекательной для него цѣли! Посмотрите вы

на занятого письмомъ прилежнаго школьника. Онь весь— стараніе, вниманіе и напряженіе. Все окружающее для него какъ бы не существуетъ. Кажется, всё тѣлесныя и душевныя силы стянуты имъ къ своему дѣлу. Напряжение силъ и тщательнѣйшая вырисовка отдѣльныхъ черточекъ и буквъ вызываетъ потъ на лбу маленькаго труженника, доходить иногда буквально до физической боли, до ломоты въ пальцахъ и ручныхъ мускулахъ.

Пусть дѣтская любознательность и энергія въ работѣ остаются чаще всего на степени достоинствъ пока только формальныхъ, обращаясь чуть не исключительно на бездѣлушки и пустыя занятія. Направить эти способности въ добрую сторону и оплодотворить ихъ достойнымъ содержаніемъ — дѣло воспитателей и руководителей. Было бы надъ чѣмъ работать и что направлять въ человѣкѣ. А сырой матеріалъ, представляемый дѣтми въ присущей имъ любознательности и способности работать съ увлеченіемъ, рьяно и настойчиво,— этотъ матеріалъ безконечно важенъ и драгоцененъ. Съ этой стороны дѣти всецѣло находятся подъ покровительствомъ и благословеніемъ Божиимъ. Слово Божіе настойчиво внушаетъ намъ необходимость энергичной и неуставной работы надъ развитіемъ и укрѣпленіемъ своихъ добрыхъ силъ, надъ постояннымъ накопленіемъ въ себѣ добрыхъ знаній, надъ неослабнымъ стяжаніемъ «духа разума, духа премудрости», ведущихъ въ концѣ концовъ къ уясненію истиннаго смысла человеческой жизни, къ уясненію воли Божіей, къ истинному Богопознанію и вѣчной неумирающей жизни. «Въ томъ жизнь вѣчная, чтобы знали (мы) единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа» (Іоан. XVIII, 3). «Исследуйте писанія»,— говоритъ Спаситель въ другомъ мѣстѣ (Іоан. V, 39). «Возрастайте въ познаніи Бога и Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа»,— завѣтъ Апостола (Колос. 1, 10). Боговдохновенный псалмопѣвецъ *ублажаетъ* человѣка, который «поучается» (закону Божию) «день и ночь» (Псл. 1, 39). А это обогащеніе и про-

свѣщеніе души свѣтомъ Боговѣдѣнія и вообще истинно-разумная жизнь требуетъ усиленнаго труда надъ своимъ самоусовершенствованіемъ. Вотъ почему этотъ усердный трудъ полагался обязательнымъ закономъ жизни съ глубочайшей древности. У Давида тотъ же основной законъ жизни формулируется въ положеніи: «изыдетъ человекъ на дѣланіе свое и на дѣланіе свое даже до вечера» (Псал. СІІІ, 23). Ту же неослабность въ трудѣ заповѣдуетъ и Апостоль, говоря: «въ усердіи не ослабѣвайте» (Римл. XII, 11).

Такимъ образомъ, дѣти, какъ болѣе любознательныя и энергичныя въ работѣ, опять-таки опережаютъ насъ по дорогѣ къ царствію Божію. «Если не будете какъ дѣти, не войдете вы въ царствіе небесное».

На почвѣ той же разумно направленной дѣтской впечатлительности и воспримчивости вырастаетъ и рѣдкостная мягкость дѣтскаго сердца, острая чувствительность и отзывчивость дѣтей при видѣ чужаго горя и страданія, ихъ чуткая доброта, благожелательность и жалостливость. Чувствительность, сердечность и ласковая сострадательность дѣтей вошли въ поговорку. Дѣти нерѣдко искренно плачутъ надъ трогательной книжкой, надъ горькою судьбою какого-нибудь книжнаго героя. Чуткое сердце ихъ сжимается болѣзненной жалостью, — какъ говорятъ, кровью обливається при видѣ немилосердыхъ истязаній, наприм., лошади или другого какого животнаго. Безъ содроганія душевнаго многія дѣти не могутъ выносить вида крови, не могутъ присутствовать при закалываніи животныхъ. А какъ близко принимаютъ къ сердцу, какъ глубоко чувствуютъ дѣти горе и слезы несчастнаго ближняго! Зрѣлище житейскихъ несправедливостей и жестокихъ обидъ, какія творятся взрослыми людьми, волнуетъ и возмущаетъ кроткихъ и сострадательныхъ дѣтей до глубины души, наполняя ихъ сердце жгучею скорбью за участь обижаемыхъ, и страстнымъ, негодующимъ протестомъ по адресу обидчиковъ. Какъ горитъ нѣжная дѣтская душа благород-

нымъ желаніемъ помочь бѣдняку, облегчить долю сироты-горемыки, заступиться за обижаемаго! Про случаи возмутительнаго и дикаго звѣрства, про безчеловѣчные побои и драки съ увѣчьями и говорить нечего. Такія страшныя, раздирающія душу сцены потрясають иногда весь организмъ ребенка, доводятъ его до обморока и болѣзни.

Ослабленіе и — тѣмъ болѣе — потеря этой мягкосердечности, дѣятельной сострадательности и вообще альтруистической настроенности (чѣмъ такъ богато украшено дѣтство), опять-таки удаляетъ насъ отъ царствія Божія, по реченному: «если не будете какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное».

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

«Интернаціональная богословская бібліотекa».

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ англійскіе ученые заняты изданіемъ громаднаго богословскаго труда, который носить вышеприведенное общее заглавіе и состоитъ изъ отдѣльныхъ томовъ по всѣмъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Изданіе предпринято Эдинбургской фирмой Кларкъ и ведется подъ редакціей профессоровъ Драйвера, Плюмера и Бриггса. Многія сочиненія еще только готовятся къ печати; но многія уже и напечатаны и по нимъ можно судить объ общемъ характерѣ всего изданія. Издатели повидимому старались привлечь къ этому труду всѣ лучшія ученныя силы Великобританіи и Америки, предоставивъ имъ полную свободу въ изложеніи ихъ научныхъ свѣдѣній. Это можно, пожалуй, счесть нѣкоторымъ неудобствомъ, особенно для религіозныхъ читателей, потому что авторы, которые держатся различныхъ научныхъ взглядовъ, опровергаютъ другъ друга. Рядомъ съ сочиненіями, истинно религіозными по духу и цѣли, мы встрѣчаемся здѣсь съ произведеніями новѣйшей отрицательной критики. Такова, напримѣръ, «Ветхозавѣтная Исторія» Смита или «Критическій и экзегетическій комментарий на Евангеліе Матѳея Allen'a. Первый считаетъ легендарною почти всю ветхозавѣтную исторію до завоеванія евреями и раздѣленія земли Обѣтованной, причисляетъ сюда же почти всю исторію судей, переворачиваетъ вверхъ дномъ библейскую исторію о царяхъ, но съ большимъ уваженіемъ и симпатіями относится къ дѣятельности еврейскихъ пророковъ. Второй ставитъ евангеліе Матѳея въ полную зависимость отъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и указываетъ на заимствованія у Матѳея то изъ Евангелія Марка, то изъ такъ называемыхъ «Логій», или же

считаетъ многое вставками, сдѣланными позднѣйшимъ «издателемъ» Евангелія. Оба эти сочиненія отличаются большою ученостію, а сочиненіе Смита написано весьма художественно и положительно способно увлекать читателей. Въ виду ихъ отрицательнаго направленія мы ихъ, однако, не можемъ рекомендовать. Книга «Исторія христіанства апостольскаго вѣка» профессора McGiffert'a изложена съ спокойствіемъ и научными достоинствами, которыя дѣлаютъ ее весьма цѣнною для всякаго рода читателей; такими же достоинствами отличается книга проф. Allen'a «Христіанскія установленія», хотя многое въ ней и излагается съ протестантской точки зрѣнія. «Христіанскій пасторъ и дѣйствующая церковь» д-ра Gladden'a, хотя, по заявленію самого автора, и изложена съ протестантской точки зрѣнія и имѣетъ мало отношенія къ намъ, русскимъ, по разработкѣ разныхъ вопросовъ «Пастырскаго богословія», однако и для насъ по мѣстамъ глубоко интересна и поучительна, особенно тамъ, гдѣ наше пастырское богословіе совпадаетъ или можетъ совпадать съ ученіемъ протестантовъ, напримѣръ въ разныхъ дѣлахъ и вопросахъ учительства или церковной экономіи. Въ краткой замѣткѣ нѣтъ, конечно, возможности перечислить и дать хотя бы небольшой отзывъ о книгахъ этой «Интернаціональной богословской бібліотеки». Замѣтимъ только что на изданіе ея, повидимому, не щадили ни трудовъ, ни средствъ, ни знаній, и желающій ознакомиться съ ней найдетъ здѣсь удовлетворительное разрѣшеніе многихъ вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ въ настоящее время вниманіе и обыкновенныхъ читателей, и ученыхъ людей.

Свяци. М. Θ—скій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

СОДЕРЖАНИЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА

„Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ за 1910 годъ.

« С В Ъ Т О Ч Ъ .

РАСПЯТИЕ.—Иллюстр. на отдѣльн. листѣ.—Съ карт. В. М. Васнецова. СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ.—Иллюстр. на отд. листѣ.—Съ карт. В. М. Васнецова. СТРАШНЫЙ СУДЪ.—Иллюстр. на отдѣльн. листѣ.—Съ карт. В. М. Васнецова. У ПЛАЩАНИЦЫ.—Страничка изъ дневника.—А. В. Круглова. НА ГОЛГОФѢ.—Иллюстр. на отд. листѣ.—Штейбена. ПАСХА КРАСНАЯ.—Миниатюра.—В. Г. Рязанцева. СВѢТЪ ОТЪ КРЕСТА.—Иллюстр. на отд. листѣ.—С. В. Беклемишева. СВѢТЪ И ТЬМА.—Стихотвореніе.—А. В. Круглова. РАДОСТЬ.—Очеркъ.—А. Н. Догановичъ. ЛЕПЕСТКИ ЖИЗНИ.—Стихотвореніе.—А. А. Коринфскаго. ПОДВѢЧНОЕ ПЛАТЬЕ.—Разсказъ.—Л. А. Коцевольской. „РАННИМЪ УТРОМЪ, ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ЛѢСУ“...—Ф. И. Чернова. СТЕПЬ.—Стихотвореніе.—Н. В. Симборскаго. РУССКІЙ ВРАЧЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—Дра мед. В. К. Недзвецкаго. КРЫМСКІЕ НАБРОСКИ—IV.—КРАСОТЫ АЛУПКИ.—И. В. Попова-Пермскаго. СЪ ДОРОГИ.—(Изъ размышленій на перекутъ).—Проф. А. Ф. Басова. АРХИЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ И ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ ЯПОНИИ.—Е. ВЪ ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ.—Стихотвореніе.—П. П. Мироносицаго. ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ.—ПАСХА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.—Письмо съ Невскаго берега.—А. Э. Цвѣтковой. КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ: 1) Врачъ К. М. Поповъ.—Очерки душевной гигиены.—А. Н. Догановичъ.—2) Исторія Русско-Японской войны.—М. Е. Бархатова и В. В. Функс.—С.—3) Русскій Царь съ Царицею на поклоненіи Московскимъ святынямъ.—Ск. ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.—А. А. Горскаго. СМѢСЬ. (Иллюстрація въ текстѣ.—Виньетки и заставки).

« Д Н Е В Н И К Ъ П И С А Т Е Л Я .

ХУДОЖНИКЪ-ХРИСТИАНИНЪ.—(Вмѣсто бесѣды).—А. В. Круглова. ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ОТЪ ІОАННА.—Стихотв.—К. Н. Лѣдова. НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ И ПКОЛѢ. I.—Характеръ и темпераментъ.—М. В. Лысковскаго. II.—Библиографія. III.—Книги, полезныя для школьной и дѣтской бібліотеки. ОБО ВСЕМЪ. (Иисусъ Христосъ—свидѣтель.—На Страстной недѣлѣ въ Болгаріи.—Изъ жизни Православной Церкви въ Японіи.—Добровольцы Христовой рати.—Памяти Ст. В. Смоленскаго.—Полетъ Еоимова.—На поляхъ газетъ и журналовъ). КРАСНЫЯ СЛОВА. ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. (Иллюстраціи въ текстѣ.—Виньетки и заставки).

Подписка продолжается.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская ул., уг. Брюсовскаго пер., д. гр. Олсуевеой. Издателью-редактору А. В. Круглову.

Еженедѣльный, вѣспартійный, общественный и литературный журналъ

„КЪ СВѢТУ“.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ—3 р., на полгода—
1 р. 50 к., на мѣсяць—25 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Тверь, Власьевское Обиество Трезвости.

Журналъ ПРОДАЕТСЯ въ г. Вышнемъ Волочкѣ:

1. Въ помѣщеніи Успенскаго общества трезвости, въ Солдатской слободѣ. 2. Въ магазинахъ: С. Н. Бородина, А. Э. Сапайло, Н. И. Евсеѣва. 3. У газетчика Ухова.

Въ Успенскомъ обществѣ трезвости открыто и отдѣленіе Редакціи, съ приѣмомъ подписки на журналъ, объявленій, корреспонденцій и статей.

Программа журнала:

1. Религіозно-нравственный отдѣлъ (бесѣды, статьи религіозно-нравственнаго и бытового характера, очерки, рассказы и стихотворенія).

2. Дѣло трезвости на Руси (литературныя и научныя статьи по вопросу о пьянствѣ; борьба съ алкоголизмомъ у насъ въ Россіи и за границей путемъ различныхъ антиалкогольныхъ организацій; попечительства о народной трезвости; очерки жизни и дѣятельности приходскихъ обществъ трезвости; кружки и союзы трезвости; антиалкогольныя выставки, съѣзды; антиалкогольная литература).

3. Церковно-общественная жизнь. 4. Жизнь деревни. 5. Тверской край и мѣстная жизнь. 6. Изъ газетъ и журналовъ. 7. Переписка съ читателями. 8. Библиографія и смѣсь.

Цѣль журнала:

а) подъ знаменемъ вѣчныхъ завѣтовъ Христа звать читателя къ источнику истиннаго свѣта—Христу и правдѣ Его;

б) звать человѣка-христіанина къ освобожденію отъ пути неправды, грѣха и пороковъ, отъ всего того, что удаляетъ его отъ пути Божія и правды Его;

в) внести хоть слабыя лучи свѣта, лучи вѣры и знанія въ темную и бѣдную деревню;

г) раскрыть, наконецъ, предъ глазами читателей страшную картину пьянства народнаго, ужасную картину разложенія отъ пьянства семьи, общества, государства;

д) помочь тѣмъ, кто изнываетъ подъ бременемъ этой страсти и ищетъ выхода и свѣта;

е) поддержать и объединить всѣхъ тружениковъ на нивѣ на-

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Голосъ природы.

Цвѣты и зелень—даръ ожившей природы. Ожила земля. Сбросила съ себя оковы зимы съ ея свѣжымъ покровомъ и иною одеждой покрылась. Поля злачны, цвѣтеть лугъ, лѣсъ тѣнистъ и величаво держитъ густолиственный свой зеленый шлемъ. Въ воздухѣ аромать и хоры птицъ. Все радуется, растеть и торопится жить.

Вамъ душно, тоскливо въ стѣнахъ дома, тѣсно и безпокойно въ толпѣ. Тянетъ на просторъ, въ глухую тишь, уединенье, или туда, гдѣ даль голубая видна.

Вырвался. Долго ходилъ тамъ и тутъ, присѣлъ отдохнуть. Все молчитъ кругомъ и все въ то же время говорить. Глядишь кругомъ и не нагладисься, дышишь и не надышишься. Тихая, тихая радость проникаетъ все ваше существо,—сердце ваше, незамѣтно для васъ, раскрылось для лучшихъ и высшихъ чувствъ, и, растроганный, вы уносите далеко-далеко. Забылся. Лучшій міръ, какъ бы міръ грезъ передъ глазами. Великія минуты! Умѣй воспользоваться ими, и какъ много онѣ скажутъ и подскажутъ.

Какъ чудно кругомъ и великолѣпно,—но какъ все просто, все совершается какъ бы само собой, какое мирное движеніе въ природѣ. Вотъ и теперь вашъ слухъ въ нашемъ уединеніи оглашаютъ дивныя хоры и птицъ, и насѣкомыхъ, и даже самыхъ листовъ. Пѣсня съ пѣсней сли-

вается въ одинъ всеобщій гимнъ природы, покрываемый захватывающими трелями соловья. Вы слушаете и восхищаетесь. Но не одними ли только звуками ласкаете себя? Не за тѣмъ ли вы слѣдите, какъ красиво переливаются звуки, какъ разнообразятся и переплетаются они. Проникаютъ ли эти звуки въ глубь души и даютъ ли они почувствовать ту Силу, Которая сопровождаетъ быстрые шаги обновляющейся природы? — Вѣдь большинство скажетъ: нѣтъ и нѣтъ. Ищемъ развлеченія, отдыха, наслажденія, и просматриваемъ Силу обновленія.

«Такова судьба божественнаго, когда оно является въ своемъ простомъ видѣ!»

И это всюду такъ. Привыкаетъ человѣкъ къ простому и обыкновенному и скользитъ по нему своей душой. Оно не захватываетъ воодушевленіемъ и вдохновеніемъ его сердца, не наполняетъ его жизни. И, естественно, человѣкъ ищетъ, чѣмъ бы наполнить пустоту. У насъ теперь всѣ ищутъ. Иные и сами не знаютъ, что имъ надо и чего собственно они добиваются, но они ищутъ, страдаютъ неудовлетворенностью, мучаются. А истина, несущая смыслъ жизни и полноту цѣлей, такъ близко: она проста и открывается въ простомъ. Кто въ природѣ проникновенно усматриваетъ Отца природы, тотъ и во всемъ обыкновенномъ видитъ божественное начало,—тотъ уже на пути къ истинѣ. Люди же мудрятъ. И сѣтъ ихъ изысканій, которыя они почитаютъ мудрыми, совсѣмъ опутываетъ ихъ и запутываетъ въ лабиринтѣ неяснаго и непонятаго. Оттого-то и строится у насъ жизнь только по «последнему слову». Здѣсь же причина взаимнаго непониманія и ожесточенія. Здѣсь же надо искать объясненія привычки—громить все старое. — Это одинаково относится какъ къ гражданской, такъ и къ церковной жизни.

Негодуютъ многіе на церковность. Никакого впечатлѣнія не вынесъ отъ службы церковной, исповѣдь — одна формальность! зачѣмъ все это? Вотъ обычные возгласы. Но гдѣ искать вину?

Хорошее разъясненіе по этому поводу даетъ отечественный миссіонеръ-святитель. «Мнѣ приходилось на родинѣ слышать, говорить онъ, сужденіе, что желтолицый (китайцы, японцы)—натура скрытная, едва ли способная на полную откровенность, а отсюда и на настоящую исповѣдь. Но вотъ чему я былъ свидѣтель въ д. Сибецу (Японія). Собрались мы всѣ въ одной комнатѣ,—въ сосѣдней происходитъ исповѣдь. Всѣ сосредоточенно молчатъ. Вотъ одна изъ женщинъ долго, долго исповѣдуется: минутъ двадцать. Доносились до насъ вздохи, рыданіе, плачь. Не рѣшалъ я вопроса, о чемъ болитъ душа ея. Я мысленно обращался въ другую сторону. Я говорилъ: эхъ, родные земляки! Посмотрите, что дѣлаетъ благодать. Она одинаково умягчаетъ сердце, чье бы оно ни было. Ледь-сердце таетъ подъ дѣйствіемъ ея животворной теплоты, лишь бы человѣкъ не бѣжалъ отъ нея. Подъ ея вліяніемъ открываются тайники человѣческой души, и скрытныя природы дерзновенно открываютъ Богу болѣзни свои!.. Черезъ двадцать минутъ вышла христіанка къ намъ, и съ такимъ смиреніемъ, съ такою искренностью просила прощенія у всѣхъ, что ни одной души не было въ комнатѣ, кто бы въ эту минуту отъ умиленія не прослезился. Велико впечатлѣніе покаянныхъ слезъ! Мы всѣ молчали. Но что-то небесное, святое чувствовалось среди этого величаваго молчанія. Я пережилъ такія минуты, которыя забыть невозможно» (Еп. Сергій).

Такъ обыкновенное для однихъ—форма и утомительное исполненіе безсодержательной обязанности, для другихъ—источникъ силы и возрожденія.

И всюду такъ, какую область жизни ни возьми. Кто любить блескъ и шумъ, тотъ проходитъ мимо всего, что тихо, малозамѣтно, хотя бы и великолѣпно. Мало этого. Онъ попираетъ ногой это великолѣпное: люди съ спокойнымъ духомъ топчутъ колосья и цвѣты, покрываютъ ихъ кровью братьевъ своихъ. Только немногіе умѣютъ чувствовать дыханіе Силы, молодой земли, прозрѣвать Бога

въ природѣ и жизни. Отсюда и жизнь складывается глубоко различно. Для однихъ напрасны святыя порывы:

На жизненной сценѣ, залитой въ крови,
Довольно простора для рынка наживы
И тѣсно для свѣтлаго храма любви!

Другіе живутъ иначе, и чуткимъ сердцемъ своимъ, умягченнымъ мыслью о Богѣ, стремятся къ блаженству всемірнаго счастья и видятъ тамъ личное счастье свое. За вѣтъ Христа -- служить другимъ — понятенъ и доступенъ имъ. Поэтому ихъ правило:

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!..
Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой,
Упавшимъ руку подавай,
И слово истины высокою
Въ толпу какъ лучъ живой бросай.

Внимайте голосу природы!

* * *

По нивѣ прохожу я узкою межой. Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая. О, Божья благодать!—Всюду обновленная природа проявляетъ тысячи силъ, все пробуждаетъ отъ сна, все призываетъ къ дѣятельности. Природа не знаетъ лѣности. Малое и невзрачное наравнѣ съ большимъ и виднымъ развертывается для жизнедѣятельности. Что этимъ говорить намъ природа?

Трудись: жить и значить трудиться!

«Посмотри, разсуждаетъ св. Григорій Богословъ, Божья пчелка, расправивъ крылья и давно оставивъ улей, отправилась на трудъ и показываетъ свою мудрость. Она летаетъ по лугамъ и полямъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ и носитъ въ свой домикъ. Такъ одна. Другая обдѣлываетъ соты, замысловато переплетая шести-угольными

чашечки и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ вмѣстѣ для красоты и для прочности. А инныя складываютъ медь въ приготовленныя хранилища, воздѣлывая для пришлаго гостя сладкій, безъ плуга приготовленный, плодъ. О, если бы поступали всегда такъ и мы, Христовъ пчельникъ!, мы, имѣющіе предъ собой множество образцовъ мудрости и трудолюбія» (т. 4, сл. 44). Трудись добросовѣстно тамъ и надъ тѣмъ, гдѣ и надъ чѣмъ судилъ тебѣ Богъ.

Трудись, покуда сильны руки.
Иди, не падая душой,
Своей тернистою тропой,
Встрѣчая грудью молодой
Всѣ бури жизни трудовой.

Это — завѣщаніе всѣмъ нашей общей матери природы. И дорожать благоразумные этимъ завѣщаніемъ, и слѣдуютъ ему въ жизни своей. «Моимъ дѣтямъ, пишетъ отецъ въ духовномъ завѣщаніи, кромѣ даннаго имъ образованія не оставляю ничего. У меня не было ни малѣйшаго желанія копить капиталъ, который принесетъ проценты лѣности. Я неоднократно убѣждался въ жизни, какое благословіе и счастье заключается въ работѣ. Поэтому моимъ дѣтямъ пусть будутъ моимъ отцовскимъ благословіемъ слова: Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой. Всякій трудъ пусть считаютъ достойнымъ уваженія, и помнать примѣры изъ исторіи, какъ нѣкогда цвѣтуція нація пришли въ упадокъ оттого, что всѣ работы у нихъ исполнялись рабами» (Г. Кинкель). Но этого мало.

Въ мірѣ много силъ великихъ, а нѣтъ ничего въ природѣ сильнѣе человѣка. Мчится онъ, непобѣдимый, чрезъ волны сѣдого моря, сквозь ревущій океанъ. На коня густогриваго, на вола непокорнаго возлагаетъ ярмо. Осѣдлалъ онъ воздухъ и паръ и другія силы природы. Но ему, сильному умомъ и знаніемъ, способному улучшать, усовершенствовать все вышнее, предстоитъ устроить свое

обновленіе внутреннее, усовершенствуй себя самого. Трудись надъ самимъ собой.

Ежегодно, оживающая природа вручаетъ ему цвѣты и зелень, ведетъ въ храмъ и, возводя взоръ его отъ земли къ небу, говоритъ ему: обновляйся не только тѣломъ, но и духомъ. «Да обновится у тебя вся жизнь и всѣ пути твоей дѣятельности. Не сжимай ерѣпку въ рукахъ своихъ того, что, взятое въ руки, расплывается. Не ревнуй о томъ, что достойно не зависти, а ненависти. Займись своею постройкой. Вчера вмѣнялъ ты себѣ въ честь казаться, нынѣ вмѣни въ бѣольшую честь быть тѣмъ на самомъ дѣлѣ. Не все же быть у тебя только однимъ грезамъ и потугамъ. Позаботься о дѣйствительности. Вчера ты былъ любителемъ зрѣлицъ, окажись нынѣ любителемъ созерцанія. Вчера былъ злорѣчивъ и дерзокъ, нынѣ говори одно доброе и будь кротокъ. Вчера предавался излишеству, нынѣ служи цѣломудрію. Нынѣ пьешь вино, завтра пей воду. Вмѣсто напыщеннаго вида прими простую наружность, — изъ златоносца будь нищелюбивымъ. И будетъ для тебя небо новое и земля новая (Григорій Богосл., т. IV, стр. 148).

Внимай голосу природы, уясняй голосъ Вѣчной Правды и обновляйся!

Три вопроса.

Чтобы яснѣ представить себѣ подвигъ первоверховныхъ Апостоловъ, чтобы постичь величіе ихъ духа, силу ихъ вліянія на людей, за чтò прославляетъ ихъ церковь, надо перенестись мыслью къ тому времени и тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ выступили апостолы съ евангельской проповѣдью.

Ужась, отвращеніе и глубокую жалость представляло изъ себя нравственное состояніе челоѣчества въ моментъ появленія христіанской проповѣди. Челоѣкъ какъ будто забылъ о своемъ назначеніи, забылъ всѣ свои высшія стремленія и со всею разнузданностью дикой развращенной воли устремился ко злу всякаго рода. — «Бывало ли когда пороковъ больше, чѣмъ теперь? восклицаетъ Ювеналь,—вся сфера зла исчерпана; потомству нечего болѣе прибавить».—Люди съ болѣе возвышенной душой, съ болѣе благородными стремленіями, люди, возвышавшіеся надъ толпой своими понятіями, были большой рѣдкостью. Да и тѣхъ участь была печальная: ихъ преслѣдовали и гнали, какъ людей безпокойныхъ и положительно вредныхъ для общественнаго порядка. Тацитъ съ грустью говоритъ, что на его долю выпала горькая участь описывать только жестокія повелѣнія и распоряженія, непрерывные доносы и обвиненія, ложную дружбу и гибель невинныхъ, а болѣе и сказать не о чѣмъ.

Римскіе императоры представляютъ собою длинный рядъ безчелоѣчныхъ и безнравственныхъ тирановъ, для которыхъ страданія людей, казни, кровопролитія составляли какъ бы забаву и доставляли наслажденіе.—Прежде всего поражаетъ своими пороками Тиверій, хищный, вѣролом-

ный, кровожадный, лицемѣрный, сластолюбивый старикъ. Одно имя его самихъ римлянъ приводило въ ужасъ.— За нимъ слѣдуетъ Калигула, включившій даже коня своего въ число сенаторовъ. Онъ приказывалъ кормить звѣрей, назначенныхъ для игръ въ циркѣ, мясомъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмахъ.—Калигулу смѣнилъ Клавдій, извѣжвенный, слабый и духомъ, и тѣломъ. При дворѣ его происходятъ ужасныя злодѣянія, и онъ равнодушенъ ко всему. Для своего удовольствія и потѣхи народа онъ приказываетъ, напр., дать настоящее сраженіе, въ которомъ на смерть бились невольники и плѣнники: ихъ было до двадцати тысячъ человекъ. — За нимъ слѣдуетъ Неронъ, матереубійца. Онъ зажигаетъ Римъ и во время пожара съ удовольствіемъ поетъ стихи, изображающіе пожаръ Трои. Затѣмъ складываетъ вину пожара на христіанъ, предаетъ ихъ казнямъ, освѣщаетъ ими сады свои, предварительно обливъ страдальцевъ смолой и привязавъ къ деревьямъ своего парка. Славу свою онъ полагалъ не въ мудромъ управленіи народомъ, а въ искусствѣ пѣнія, въ танцахъ, въ рукоплесканіяхъ народныхъ.

Таковы были правители народные. Не лучше и народъ. Правители являются только показателями общаго состоянія. Они видѣе только потому, что стояли выше другихъ на ступеняхъ общественной жизни и болѣе имѣли средствъ для видной дѣятельности. Всѣ въ массѣ имѣли одинъ характеръ. Ювеналъ называетъ Римъ такимъ городомъ, который населяютъ только порочные люди.—Ап. Павелъ въ первой главѣ посланія къ Римлянамъ исчисляетъ ужасные пороки, какимъ были подвержены язычники при появленіи христіанства...—Правота и честность были совершенно изгнаны изъ жизненнаго обихода, ихъ замѣнили сластолюбіе и корысть.

Предъ вѣсомъ золота преклонялось все. «Если вы правы, но не имѣете возможности при этомъ заплатить, кому слѣдуетъ, денегъ,—не ходите къ судѣ, говоритъ Ювеналъ: неправая сторона побѣдитъ золотомъ... Что могутъ сдѣлать законы тамъ, гдѣ царствуютъ деньги?»

Роскошь приняла ужасающіе размѣры. «Она, говоритъ Сенека, до того усилилась, что никто не можетъ обойтись, не нарушая приличія, безъ золотой и серебряной посуды.—Въ одеждѣ и пищѣ простые люди старались спорить съ богатыми. Пирѣ и оргіи доходили до неистовства и часто сопровождались внезапною смертію веселящихся. Въ залѣ пировъ полы усыпались розами вродѣ ковра и посыпались нерѣдко золотымъ или серебрянымъ порошкомъ.—Многіе постели и подушки дѣлали изъ цвѣтковъ розъ. Одинъ богачъ, рассказываютъ, не могъ заснуть на такой постели оттого, что въ числѣ лепестковъ попался одинъ измятый, увядшій».—Всѣ тянулись за богатыми, всѣ искали богатства, чтобы окружить себя роскошью. Чтобы не отставать отъ богатыхъ, иные цѣлое отцовское наслѣдство проѣдали на одномъ обѣдѣ.

Жестокость и кровожадность были явленіемъ обычнымъ. Любимымъ удовольствіемъ и развлеченіемъ были кровавыя зрѣлища. Кровавыми играми увеселялись не только мужчины, но женщины и дѣти.—Съ невольниками обращались какъ съ животными или еще хуже: у римлянъ они работали въ цѣпяхъ, а привратниковъ приковывали къ воротамъ.

Всему этому потворствовала религія, пустая и безсодержательная. По выраженію св. Амвросія, языческая мистерія побуждала къ разбою и потворствовала страсти къ низшимъ, чувственнымъ удовольствіямъ. Развратъ усилился до невѣроятныхъ размѣровъ. Бракъ, эта связь общества, это основаніе гражданскихъ добродѣтелей, существовалъ въ дѣйствительности только въ протоколахъ судей,—въ сущности-же у всѣхъ онъ возбуждалъ полное отвращеніе. Разводъ сдѣлался необходимымъ предположеніемъ при заключеніи брака. По словамъ Тертуліана, развода ждали вездѣ какъ неизбѣжнаго плода брачнаго состоянія. Не было ни одной женщины, которая бы краснѣла въ минуты развода, а нѣкоторые изъ нихъ считали лѣта не какъ обычно, по числу консуловъ, а по числу

мужей своихъ.—Вся внѣшняя обстановка жизни была приспособлена къ тому, чтобы возбуждать сладострастіе. Статуи, картины, надписи... изображали сцены распутства. Театры, журналы и другія сочиненія въ большинствѣ шли въ томъ же направленіи. Распутствомъ хвалились, имъ увеселялись какъ добродѣтелю (Нѣвскій. О первыхъ христіан., стр. 7).

Вотъ среди какихъ людей, вѣяній и настроеній выходятъ апостолы на дѣло проповѣди. Являются они въ полномъ смыслѣ слова—овцами среди волковъ. Встрѣчаютъ ихъ насмѣшки, презрѣніе, озлобленность и гоненія. Я пребывалъ, говоритъ ап. Павелъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ было дано мнѣ по сорока ударовъ безъ одного, три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе,—много разъ былъ въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ и отъ язычниковъ, въ городѣ и пустынѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями. (2 Кор. 11, 23).—Но, несмотря ни на какія препятствія, опасности и затрудненія, онъ смѣло идетъ съ словомъ о Христвѣ: «много разъ былъ въ путешествіяхъ». Онъ спѣшитъ всюду, гдѣ нужно наученіе и вразумленіе, помощь и поддержка. Приходилъ къ однимъ, спѣшилъ къ другимъ, появлялся у тѣхъ, переносился къ этимъ: налеталъ быстрѣе вѣтра. И всюду картина была одна: бѣды смѣнялись трудами, труды бѣдами. Но мы видимъ, Апостолъ остался побѣдителемъ. «Одинъ вступаетъ во всякій родъ брани и, дыша огнемъ, для всѣхъ былъ неприступенъ и нестерпимъ,—однимъ тѣломъ обнималъ всю вселенную, однимъ языкомъ разсѣивалъ всѣхъ. Не съ такою силою множество трубъ поколебало каменные стѣны Іерихона, съ какою голосъ Павла ниспровергалъ своимъ звукомъ твердыни вражескія и привлекалъ къ нему противниковъ, обращая въ друзей» (Златоустъ).—Такъ дѣйствовали и другіе апостолы.

Спросимъ-же: кто убѣдилъ вселенную, кто заставилъ,

кто понудилъ каждый въ отдѣльности народъ оставить отеческіе обычаи и измѣнить образъ жизни? Рыболовъ ли, строитель ли палатокъ? Мытарь или не книжный человѣкъ? Да и слово апостоловъ было о Крестѣ. Крестись во имя Распятаго! Кого? Того, Кого они не знали и не видали...— Казалось бы, какъ можно выступать съ такою проповѣдью, кто въ состояніи внять и принять ее?— Однако словомъ апостольскимъ люди убѣждались и къ Распятому шли, оставляя своихъ боговъ и прорицателей. Откуда же сила убѣдительности апостоловъ?

Однажды я слышалъ, передаетъ св. Златоустъ, какъ христіанинъ спорилъ съ язычникомъ. Споръ былъ объ ап. Павлѣ и философѣ Платонѣ. Язычникъ старался доказать, что Павелъ былъ человѣкъ простой и неученый, а христіанинъ по простотѣ своей усиливался доказать, что Павелъ былъ ученѣе Платона. Получилось: что надлежало говорить христіанину, то говорилъ язычникъ, а что надлежало говорить язычнику, то защищалъ христіанинъ. Вѣдь если Павелъ былъ ученѣе Платона, то многіе справедливо заключили бы, что Павелъ побѣдилъ силою знанія и краснорѣчія. Но Павелъ былъ не столь ученъ, однако превзошелъ Платона. И здѣсь славная побѣда: неученый убѣдилъ и привлекъ къ себѣ учениковъ ученаго.— Это выше человѣческихъ соображеній, выше естественныхъ законовъ. А когда что дѣлается не по законамъ природы и выше ихъ, то, очевидно, это совершается силой выше человѣческой, силой божественной. Слабые покоряютъ сильныхъ, двѣнадцать побѣждаютъ всю вселенную, не употребляя оружія, но безоружные сражаются съ вооруженными. Ясно, что дѣйствовала чрезъ апостоловъ сила Божія. Побѣдилъ Христось, побѣдила благодать Божія, обильно ниспосланная и всецѣло воспринятая душою апостоловъ.

Всю душу свою, все сердце свое отдали апостолы Христу: и вселился въ нихъ Христось. Они не отдѣляли себя отъ Христа. Всякую мысль, всякое доброе движеніе воли

они понимали какъ силу Христову по слову Его: безъ Меня не можете вы дѣлать ничего (Іоан. 15,5).—Христосъ вознесся на глазахъ учениковъ. Но Онъ сказалъ: Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. И апостолы силою вѣры своей ощущали близость Христа съ такою живостью, какъ нѣкогда апостолъ Ѳома. Мало того, они къ высочайшей и непостижимой радости своей чувствовали неотдѣлимость всего существа своего отъ Христа, ощущая дѣйствительное присутствіе въ себѣ Христа: живу не я, а живетъ во мнѣ Христосъ, исповѣдуетъ свое состояніе ап. Павелъ. — Вотъ сила Христова и дѣлала слово апостоловъ пламеннымъ, волю ихъ въ трудахъ и бѣдахъ несокрушимою, умъ—яснымъ и всепрозрѣвающимъ. И неотразимо было ихъ вліяніе на окружающую среду.

Вмѣстѣ съ внутренней, духовной силой имѣла глубокое значеніе и жизнь апостоловъ. Внѣшнее все было въ полномъ гармоническомъ сочетаніи съ состояніемъ духа. Жизнь и вѣра не расходились. Вѣра была такимъ цѣннымъ и безусловнымъ закономъ, что воля и этотъ законъ представляли одно неразрывное цѣлое и безраздѣльно, полностью растворялись въ дѣятельности. Апостолы поражали не только словомъ, но и жизнью.

А жизнь—могучее средство доказывать истину вѣры. По этому поводу св. Златоустъ говоритъ: «доказывай вѣру и убѣждай своими дѣлами и жизнью. Когда я вижу, что ты похищаешь собственность другого, безъ мѣры скорбишь при утратѣ, или грѣшишь чѣмъ-либо другимъ, то какъ я повѣрю, что ты—христіанинъ, что есть воскресеніе и будущее воздаяніе. Многіе и неученые люди поражали умъ философовъ, громче трубы вѣщая истину своимъ поведеніемъ: это сильнѣе словъ. Если я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тѣмъ буду причинять другому зло, то какъ могу привлечь его словами, когда отгоняю дѣломъ. Уловляйте невѣрующихъ жизнью своей и изъ ихъ душъ создавайте церковь. Это—великое дѣло: ибо ничто не можетъ сравняться съ душой, даже

цѣлый міръ. Хотя бы ты раздалъ бѣднымъ безчисленныя богатства, ты не сдѣлаешь столько, сколько—обратившій одну душу. Кто участвуетъ въ этомъ дѣлѣ, тотъ уподобляется Петру и Павлу... Что говорю Петру и Павлу?—Больше того. Онъ будетъ устами Христовыми, какъ то сказалъ Богъ черезъ пророка: Если извлечешь драгоценное изъ ничтожнаго, то будешь какъ Мои уста. (Злат. т. 10, бс. 3, стр. 28).

Обинувъ взоромъ нравственное состояніе міра въ моментъ появленія христіанства и внимая голосу жизни и дѣятельности св. апостоловъ, дадимъ себѣ отвѣтъ по совѣсти и правдѣ на три вопроса. Первый. Наша жизнь, не смотря на внѣшнюю христіанскую окраску, не напоминаетъ ли очень многимъ жизнь языческую со всѣми ея ужасными нестроеніями? Второй. Религіозное просвѣщеніе, съ видимымъ усердіемъ вездѣ прививаемое, не потому ли мало плодотворно, что выливается въ одну бездушную внѣшность, у однихъ какъ исполненіе обряда, у другихъ какъ сухое, хотя и точное, изложеніе истинъ вѣроученія. Отсюда: не въ ущербъ ли религіозно-нравственной настроенности дается преимущественное значеніе развитію познанія, силѣ изъясненія и изслѣдованій—и затѣняется или вовсе забывается внутреннее, благодатное озареніе, постиженіе вѣры сердцемъ, или, что то же, опытное богопознаніе?—Третій. Не потому ли трудящіеся надъ исправленіемъ другихъ (великіе и малые!) не видятъ успѣха, что много говорятъ, а мало дѣлаютъ, или: одно говорить, а другое дѣлаютъ?

Въ отвѣтахъ на эти вопросы всякій по «роду своему» найдетъ себѣ не только упрекъ, но и урокъ!

Свящ. Н. Орловъ.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ,

МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО¹⁾.

Якоже образовано въ Числѣхъ въ ѿ и г и д и ні главахъ, идѣже пишутся слова послѣдующая: Моисей и Ааронъ и сынове ихъ, имуще службу святилища посредѣ сыновъ израилевыхъ. Аще кто чуждъ приступитъ, да умреть. Се аще смертный грѣхъ есть недостойнѣ приступити къ мѣстамъ святымъ, како мучимъ будетъ, иже не токмо недостойнѣ приступитъ, но возбраненъ отъ настоятеля своего и отъемлетъ Божія, а не своя. По мѣрѣ убо грѣха будетъ и казнь. Тяжкое бо согрѣшеніе и большій грѣхъ взыскуеть большаго отмщенія, понеже грѣху сугубу не довлѣеть отмщеніе единственное. Такожде по власти и достоинству согрѣшившаго грѣхъ вмѣняется тягчае.

Больши бо согрѣшаетъ царь отъемляй стяжанія церковная, неже начальникъ. И больши согрѣшаетъ начальникъ, неже князь. И князь согрѣшаетъ больши, неже комить, и комить больши согрѣшаетъ, неже воинъ, и воинъ согрѣшаетъ больши, неже простъ добродородный, и простъ добродородный больши согрѣшаетъ, неже простой человекъ. И господинъ тягчае согрѣшаетъ, неже рабъ, достоинство бо согрѣшающаго отягчаетъ грѣхъ, толико бо тягчае есть грѣхъ, елико согрѣшаяй больши есть. Въ ветхомъ убо

---

¹⁾ Окончаніе. См. майскую книжку *Душесп. Чтенія* за 1910 г.

законѣ подѣ казнью смертною никтоже елико святѣ, елико праведенѣ, благочестенѣ и благочиненѣ смѣяше къ мѣсту, въ немѣ же слава Божія бѣ, приступити, якоже пишется во Исходѣ, глава г, и во Исусѣ Навинѣ, глава е, сидевыми словесы: Изуй сапогъ твой отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немѣ же стоиши, свято есть. И во Исходѣ ѳі глава: Блудите, да не взыдете на гору, ниже прикоснетесь концемѣ ея, всякъ прикоснувшись горѣ смертію да умереть. Мы же христіане, грецы, русь, въ нихъ же вѣка скончаніе пріиде, иже подѣ временемѣ благодати рождени есмы и благодатию духовною прерождени, да правда наша преизобилуетѣ паче правды фарисейскія и книжникъ, не едина, еже не боимся во грѣсѣхъ въ церковь Божию внити и къ Святаѣ Святыхъ приступити. Но яже церковная и Божія суть, отняти не страшимся или татьбою, или хищеніемъ, или насильствомъ противу настоятельскія заповѣди. Въ семь неправда наша преизобилуетѣ и превосходитѣ всяку неправду книжникъ и фарисей, саддукей и язычниковъ, иже грабительства Богомъ своимъ не творятѣ, боговъ своихъ чествуютѣ, приносимаѣ приносятѣ, отъемлющимъ казни грозны наносятѣ. Мы же христіане въ таковыхъ Бога и святыхъ Его много безчествуемъ. Горе намъ, тяжекъ бо грѣхъ творить противу Бога, иже нечистѣ совѣстію къ церкви Божіей приступаеть! Тягчае же согрѣшаетѣ, иже нечистѣ вкупѣ и святотатецѣ приступаеть, да возметѣ отъ церкви, яже Богу освященна суть. И яко въ предреченныхъ свѣтлѣе есть, явленно же недостояше, ниже попускашеса въ ветхомъ законѣ прибѣгшаго къ церкви челоувѣка согрѣшенія ради какова отъ церкви взяти. Много паче нынѣ недостойтъ, но крѣпчѣ подѣ великою и тяжкою казнью заповѣдано, стяжанія, яже Богу и церкви сданная суть отняти. И аще челоувѣкъ осужденъ будетѣ смерти вѣчной, да еже не сотвори милости ни отъ своего имѣнія, праведно собраннаго, убогому и нищему, крѣпчае и много паче осужденъ будетѣ во огнь вѣчный, аще кто возметѣ чужая и наипаче цер-

ковная благая. Речется бо имъ праведнымъ судією во оный великій день суда милости не сотворимъ отъ своихъ стяжаній: Отыдите, проклятіи, во огонь вѣчный, вамъ и діаволу уготованный огъ вѣка: взалкахъ бо, и не дасте ми ясти, вжадахся, и не напоисте мене, нагъ бѣхъ, и не одѣясте мене. И тако и прочихъ дѣлѣхъ милосердія, яже довольно и полно исчитаетъ евангельская повѣсть, яко всѣмъ вѣрнымъ, чтущимъ ю, свѣта свѣтлѣе есть. Аще тѣмъ толь жестоко отвѣтъ дастся, и толь горька вѣчная мука, иже отъ своихъ благъ праведнѣ собранныхъ милостыни нищимъ не даша, каковъ, мниши, дастся отвѣтъ чужая отъ-емлющимъ, татьбу творящимъ, Божія и церковная вземлющимъ безъ страха и чествованія противу всякія правды божественныя и человѣческія. Аще убо заповѣдано божественнымъ закономъ, яко выше речено есть: отымати, яже человѣча суть, болши заповѣдано, разумѣется, яже Божія и церковная суть отымати. Тягчае бо грѣхъ есть сотворити неправду господиву, неже рабу, тяжчае согрѣшеніе противу царя, неже противу подвластника, тягчае противу Бога, неже противу человѣка единого рода грѣхомъ. Аще убо человѣкъ согрѣши къ человѣку, очистити его можетъ Богъ, аще къ Богу согрѣшитъ человѣкъ, кто помолится о немъ. Якоже пишетъ въ первой книгѣ Царствъ, глава ѿ. Сіе слово вельми внимати и ушесамъ предати должни суть не срамляющіися на церковная благая наступати и неподобнѣ безъ настоятельскаго освобожденія и поущенія отымати. Аще бо святотатство есть боговъ языческихъ и кумировъ ихъ принесенная благая отнати, болши святотатство вмѣняется отнати благая, живому Богу принесенная; кумиры языческія златые и серебряные имѣють укрѣпленіе, да никто безъ казни имъ принесенныхъ отнати можетъ. Много паче церковь истиннаго Бога сіе укрѣпленіе имѣти достойтъ, да никто безъ смертнаго казни церкви безсмертнаго Бога благая отнати возможетъ или дерзнетъ сопротивно творя, тяжкія муки временныя и вѣчныя достоинъ будетъ. Толь великое церков-

ное укрѣвленіе отъ святыхъ отецъ и міра царей Духомъ Святымъ дано. Да ты же единою данное или принесенное что ни буди или злато, или сребро, или село, или градъ, или животное, настоятель церковный сихъ собою или инымъ отъ церкви отлучити не можетъ, ниже инъ кто отняти можетъ, ниже къ тому въ неосвященную потребу, сирѣчь въ мірскую, отъити можетъ. Якоже пишется въ Левитѣхъ, на концѣ глава ̑, сицевыми словесы: вся яже Богу освященная, или человекъ, или животное, или село да не отыдетъ, ниже искупитися возможетъ. Елико единою будетъ освященно, свято святыхъ будетъ Господеви. Отъ сихъ словесъ свѣтло является еже всяка вещь, какова будетъ, аще Богу принесена будетъ единою, еже паки къ человеку отыти не возможетъ, ниже куплею, ниже искупленіемъ цѣны, ниже инымъ каковымъ обычаемъ.

Сего ради отъ сильнаго ниже грабительствомъ и неправеднымъ навываемъ той законъ никто отъ царей, ниже начальниковъ, ни иныхъ господъ мірскихъ порушити возможетъ. Понеже законъ Бога живаго и безсмертнаго есть, вышняго бо законъ отъ нижняго взятися не можетъ. Ниже поволити можетъ настоятель епископъ противу того закона. Понеже ниже господинъ можетъ поволити противу закона вышняго, когда заве не можетъ быти ученикъ больша учителя, ниже рабъ больша господина своего. Сего ради не порушенъ той законъ будетъ вовѣки. Яко выше речено въ Левитѣхъ писанное на концѣ книги: Еже единою Богу освященно и дарованно есть, всегда пребудетъ свято святыхъ Господу Богу нашему. Здѣ же внимати треба есть: Мнози бо царіе и начальницы и міра власти въ первоначальнѣй церкви, сребролюбствомъ водими, хотяще отняти злато, сребро и прочая стяжанія святымъ и церкви Божіей принесенная, разрушиша Божія законы и святыхъ образы, заповѣдаша честь и поклоненіе творити не инья ради вины; токмо да подъ тѣмъ покровомъ и подъ тѣмъ подписаніемъ власть, яже церковная бѣ, отнята, и къ своимъ богатствомъ и сокровищу приложить свободство безъ

вины да имѣють. Яко Іуліанъ кесарь отступникъ сотвори, иже желаніе святотатства евангельскимъ свидѣтельствомъ покрываше, егда имѣнія и стяжанія отымаше у христіанъ и церкви Божіей глаголя: Христось вашъ во евангеліи глаголетъ: Аще кто не отречется всѣхъ, яже имать, не можетъ быти ученикъ; и паки: Аще кто не оставитъ отца и мать, жену, домъ, села и вся, яже имать, нѣсть мене достоинъ. И паки: Не пецытеся, глаголюще, что ямы или піемъ, или во что облечемся, сихъ всѣхъ языцы ищуть, вѣсть бо Отець вашъ, яко сихъ всѣхъ требуетъ; не пецытеся о утріи. И паки: Не собирайте себѣ сокровище на земли, идѣже тля глеть и червіе поядають и татіе подкапываютъ и крадутъ: собирайте себѣ сокровища на небеси, идѣже ни тля глеть, ни червіе поядають и идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ. И паки: Чадца, коль не удобно есть уповающимъ на серебро въ царство Божіе внити; уне есть велбуду сквозѣ уши иголны пройти, неже богатому внити въ царство Божіе. И паки: Птицы небесныя гнѣзда имуть, Сынъ же Человѣческій не имать гдѣ главу подклонити. Сими и многими иными евангельскими свидѣтельствами увѣщеваше. Той же Іуліанъ предреченный, настоятелемъ христіанскимъ и церкви Божіей ни что достоинъ имѣти утверждаше, и вся ихъ и церкви Божіи подъ таковымъ покровомъ отымаше, и къ своему стяжанію приписываше. И паки глаголя: Блаженіи нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное. И паки: Не послѣдуйте злата ни сребра, ни мѣдницъ при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ниже дву ризъ, ниже сандалии, ни жезла, и многимъ инымъ евангельскимъ писаніемъ той Іуліанъ отступникъ покрываше сребролюбіе свое, да настоятелей, епископовъ и церкви Божіей стяжанія и иная благая стяжати возмогетъ. Ради сихъ и иныхъ прежде писанныхъ, вы епископи и пастыри церкви православныя, будете брежно уразумѣвая и мудри, яко змія, и прости, яко голуби, да здравымъ ученіемъ таковымъ отвѣщати можете. Воспомяните, понеже посла вы Христось Господь

вашъ учитель, яко овцы посредь волковъ. Не убойтеса, аще предадять вы на сонмища и игемоны, и предъ цари ради грабленія церкви, стяжаній вамъ порученныхъ и освященныхъ. Помяните убо, яже написано суть, Лука кї глава, сипе: Глаголю же вамъ, другомъ моимъ: не убойтеса отъ убивающихъ плоть и по сихъ ни что же могущихъ сотворити. Бойтеса же, по убіеніи плоти, имущаго власть послати душу въ геенну, сего бойтеса. Егда же ведутъ вы на сонмища предъ цари и игемоны и вельможи и властели, ради стяжанія церкви вашей, не пецитеса, како или что за преткновеніе речете, Духъ бо Святый Отца вашего, глаголай въ васъ, научить вы въ той часъ, что подобаеть вамъ глаголати. Такожде помяните слово Христово, еже написа вамъ Іоаннъ, глава сї: нѣсть рабъ больша господина своего. Аще мене поженоша, и васъ поженуть, аще слово мое соблюдоша, и ваше слово соблюдутъ, и сія сотворять вамъ ради имени моего, понеже не вѣдять пославшаго мя. Аще не быхъ азъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли. Нынѣ же обливенія не имуть о грѣсѣ своемъ. Сихъ ради предреченныхъ словесъ евангельскихъ, епископи и пастыри церковніи попеченіе имѣти должны суть, учени и разумни, да словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и здравымъ ученіемъ, стяжанія церкви своея защищати возмогутъ, по утверженіемъ святыхъ отецъ на сія написаннымъ и дарованнымъ, пастыри церковные могутъ церковей своихъ стяжанія, села и иная благая защищати и на защищеніе ихъ соблюденіемъ прилежно труждатися, да отъ иныхъ наступанія, ни отыманія и отлученія воспримуть. Ниже отъ себе достоить епископомъ сродникомъ своимъ духовнымъ людямъ или мірскимъ вещей и стяжаній церковныхъ, имъ порученныхъ, дати, даы бо благая церковная мірскимъ человекомъ и отъемлющимъ не противляся, яко святотатецъ посреди прочихъ еретиковъ вмѣнится. Такожде никто отъ кесарей, или царей, или начальниковъ, или инъ кто господинъ и мірскій человекъ можетъ епископовъ, пастырей и настоятелей

церковныхъ и клириковъ имъ порученныхъ судити, бити и обиду словомъ или дѣломъ нанести безъ казни и анаемы, ниже о церковныхъ вещехъ улагати или устроить, ниже вступатися свободоство имѣть. Аще ли сопротивно сотворитъ тѣмъ дѣйствомъ, правила божественными отлученъ отъ общества христіанскаго, разумѣтся, треба есть вѣдати, еже богатство церковное стяжаніе есть нищихъ и искупленіе плѣнныхъ. Такжеде грабителей вещей епископскихъ и пастырскихъ достойтъ отлучати, яко и церковныхъ грабителей, понеже пастырь женихъ своєю церкви наричется быти.

Сего ради ни епископъ въ вещахъ церковныхъ можетъ сотворити при смерти приказанія, еже кому что дати, понеже вся его вещи стяжанія суть церковная и про будущаго настоятеля сохраннымъ быти подобають. Грабители такихъ вещей или наступники анаемому проклятіе преобрѣтають, ниже услышатися достойтъ отъ лжехристіанъ, иже съ Іудіаномъ отступникомъ отъ евангельскаго писанія явити тщатся, яко Христосъ ничто же свое имѣяше и ни единого богатства собираше. Тако и церкви Христовѣй ни единого наслѣдства или стяжанія достойтъ имѣти. Собираеть же ся отъ евангелія Іоаннова, глава ѳі, еже Христосъ имѣяше ковчежець и пѣнязи, егда глаголется: рече же единъ отъ ученикъ его, Іуда Симоновъ Искаріотскій, иже и хотяше его предати, чесо ради муро се не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязь и дано нищимъ. Рече же сей, не яко о нищихъ печашеся, но понеже тать бѣ и ковчежець имый и вметаемая ношаше. И Іоаннь ѳі, глагола ему Іисусъ: еже твориши, сотвори скоро. Сего никто же разумѣ отъ возлежащихъ, къ чесому рече ему. Нѣдши же мняху, понеже ковчежець имѣяше Іуда, яко глагола ему Іисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ, или нищимъ нѣчто да дасть. Отъ предреченныхъ евангельскихъ словесъ явно разумѣтся, яко Христосъ и ученики Его ковчежець имѣша на истребу свою и на потребу нищимъ, и той преда, яко приставнику своему, да купитъ, яже суть

на потребу и нищимъ да дасть. И посему еже Христось, глава церкви, ковчежець имѣ, знаменоваше церкви своей въ будущее и нынѣ ковчежець и стяжанія и сокровища имѣти. Константинъ Великій, сынъ Еленинъ, царь вселенныя земля, даде церкви святѣй римстѣй многая благая подвижная и неподвижная: царства, страны, земли, грады, злато, сребро, яко является въ писаніи за златою печатью на сія учиненомъ, въ немъ же близъ конца сиче пишется: да не оскудѣтъ превьсота архіерейская нищетою, но да украшена будетъ славою и достоинствомъ римстѣй церкви.

Толико домъ нашъ, елико римскій градъ и вси италійскія и вси западныя страны, мѣста, грады, острова, яже окрестъ Италіи суть, отцу нашему Сильвестру и всѣмъ по немъ будущимъ подъ правую римскія церкви любовію даемъ и даруемъ о Христвъ челоувѣческаго рода искупитель. Мы же наше царство пренесемъ на востокъ въ Византію градъ и прочая, яко является въ писаніи за златою печатью на сіе дарованіе написанномъ: Яже здѣ должно есть вся слово вписати. Сіе дарованіе, бывшее Константиномъ, царемъ римстѣй церкви, Лодовикъ первый, царь римскій, и Каруль великій царь, и Отто первый, и Андрикъ, первіи римскіи цари, покрѣпиша. И мнози иніи священнаго царства начальницы и цари, ихъ же должно есть здѣ особнякъ по имянемъ вписати, яко римскаго царства царіе, римстѣй церкви безчисленная благая подвижная и неподвижная назнаменоваша и даша; тако и мнози иніи начальницы и князи иныхъ странъ и царствъ, разныхъ странъ міра и царствъ во многихъ міра странахъ своимъ епископомъ, пастыремъ церкви Божія, села, стяжанія за души своя и сродниковъ своихъ спасеніе подаваша и даже до днесъ по духовнымъ дають. Яко и здѣ видимъ въ достойномъ русскомъ отечествѣ и иныхъ странахъ міра, идѣже церковь Христова основана есть. И не токмо предреченныя начальницы просто церкви Христовѣ стяжанія подаваша, но отъ власти кесарскія грамотами и

писаніи и златыми печатми устроивше укрѣпиша. Да ни единъ епископъ, пастырь или священникъ съ села или съ состояній церковныхъ дань давати должевъ будетъ. Но свободна вся стяжанія имѣти будутъ, ниже властелемъ дань давати, по властели епископомъ, яко пастыремъ давати должны будутъ. Такжеже устроиша и подъ казнію уставиша, дабы мірстіи человекъны о вещехъ церковныхъ не улагали, ниже въ таковая вступалися, ниже имъ таковыя вещи приказуемы управлять противу воли пастырскія дерзають. Ниже мірскій человекъ въ дѣлѣхъ церковныхъ и клирическихъ судити или искати будетъ, ниже на свидѣтельство ни взысканіе на судѣ поущену достоинъ быти противу клирика, или въ дѣлѣхъ клирическихъ и церковныхъ. Сего ради аще таковая предреченная суть мірскимъ человекомъ возбранена, много паче и крѣпчае разумѣтся, да не церковная и клирическая данная возмогутъ отымати. И на большее уразумѣніе предреченныхъ, такжеже послѣдующихъ треба есть внимати словеса евангельская, яже пишутся, Лука ꙗкѣ, сипе: егда послахъ вы безъ мѣха и пиры и сапогъ, еда что лишени бысте? Ови же рѣша: ничесоже. Рече же имъ Иисусъ: но нынѣ, иже имать мѣхъ, да возметъ такжеже и пиру. А иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ мечъ. Ови же рѣша: Господи, се меча здѣ два. Въ сихъ евангельскихъ словесѣхъ не будемъ сопротивленія помышляти словесъ, но по разумному стоянію времени и по священному таинству о Христовѣ церкви разумѣти. Повеже рече Христосъ сія предреченная словеса ученикомъ своимъ, да назнаменуеть и явить церковь свою въ будущая времена при святыхъ пастырехъ и отцѣхъ въ временная и духовная наслѣдствовать стяжанія и двѣма мечи стяжанія защищити. Здѣ же разумѣти треба есть, еже мечъ есть сугубъ. Единъ мечъ есть вещественный, его же имѣяше Петръ апостоль, егда отрѣзаа ухо Малху въ вертоградѣ, яко четется во евангеліи въ Христовѣ страданіи. Той мечъ достоинъ пастыремъ церковнымъ имѣти защищеніе церкви

своея, даже и до своего кровопролитія, аще токмо духовнымъ мечомъ ничто же послѣшествуетъ. Второй мечъ есть духовный, его же Господь даде Петру и будущимъ по немъ, глаголя: аще ни тако послушаетъ тя, да будетъ ти, яко язычникъ и грѣшникъ, ими же словесы со властію вязати и рѣшити даде Господь ученикомъ своимъ отлученія и анаѳемъ преданія. И сію власть мы наречемъ мечомъ духовнымъ въ писаніихъ святыхъ; симъ мечомъ церкви защищаются и обороняются достоинъ первѣе. Аще ли по третіемъ наказаніи непослушники не сотворятъ повиненія и сопротивны пребудутъ не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити и Христу повинутися, тогда помощію плечей мірскихъ дѣйствовати могутъ мечомъ вещественнымъ на отвращеніе силы сопротивныхъ. Уже довольно и пространно въ предреченныхъ явно есть, еже царемъ, начальникомъ и міра сего властелемъ стяжаній церковныхъ и пастырскихъ насильствовати, отнимати или похищати, по уставу Святыхъ Отець и блаженныхъ царей, не достоинъ. И како пастыремъ, сопротивная творящимъ, сопротивлятися словомъ и дѣломъ и мечомъ толико духовнымъ, елико вещественнымъ. Нынѣ же правымъ чиномъ выизу писанныхъ явити хотимъ подобники про всѣ кесари, цари и начальники толико въ ветхомъ, елико въ новомъ законѣ, како и коею мукою праведнѣ мучими суть. Иже противу Божія заповѣди и Святыхъ Отець уставовъ и блаженныхъ царей законовъ церковная стяжанія, села и наслѣдствія отнати дерзнуша и дѣствомъ взяша и къ стяжаніямъ и сокровищамъ своимъ приложиша. И первое взыде на память писанное въ Давидѣ глава Ѡ и Ѣ, еже Навуходоносоръ, царь вавилонскій, отнати и отнесе сосуды златы и серебряныя отъ церкви, яже бѣ во Іерусалимѣ. И за сіе содѣянное той царства своего лишень бысть и отъ чловѣкъ раздѣленъ бысть и со скоты и звѣрьми жилище его бысть и траву, яко телець, ядаше.

Такожде Навуходоносоровъ сынъ Валтасаръ (Витасаръ)

царь, егда пирь творяше вельможамъ своимъ, тысяще мужемъ, тогда повелѣ принести сосуды золотыя и серебряныя, иже изнесе отецъ его Навуходносоръ отъ храма Господня, иже во Іерусалимѣ, піяше же и ядаше изъ нихъ самъ и сущіи съ нимъ. Въ той часъ явися рука чловѣча по запысты и писаше персты на празѣ стѣны палаты царевы. Царь же видѣніемъ тѣмъ измѣни лице свое, и разслабѣ чреслы и колѣномъ, и призва Даниила пророка и попроси его (и се, понеже не разумѣша сего лживіи пророцы и волхвы). Даниилъ же возрѣ на писаніе и разумѣвъ, рече сиде; мави, текель, еаресъ, еже есть се: измѣри Богъ царство твое и скончаніе его, и отыметса царство твое отъ тебе и отдастса мидомъ и персомъ, понеже дерзнулъ еси священные сосуды храма Господня осквернити. Пророкъ Даниилъ, глава ̑.

Такожде Антиохъ царь, наслѣдникъ Александра Великаго, вниде съ гордостію во Святая Святыхъ и взя престолъ золотый и вся сосуды его, золото, серебро и вся сокровища церкви Божія и отыде въ землю свою. Сего ради приобрѣте себѣ скорбь, тугу и смерть въ земли чуждей въ нищетѣ велицѣ, яко пишется въ Маккавейской первой книгѣ, глава ̑.

Въ ветхомъ завѣтѣ цари и мѣрстїи господа ни единыя власти въ священницѣхъ и стяжаніяхъ церковныхъ имѣша.

Сего ради Ровоамъ погуби царство свое, понеже священниковъ совѣта не послуша.

И царь Іозія проказою пораженъ бысть, зане чинъ священничъ себѣ похити.

Такожде Іоасъ, царь израилевъ, приведе плѣнена Амаза, царя іудова, и взять все золото и серебро и вся сосуды, яже обрѣтошася въ дому Господни, и возвратися въ Самарію, и за сіе содѣянное сократисася дніе его и погребенъ бысть со отцы своими, яко пишется въ четвертой книгѣ Царствъ, глава ̑і.

Такожде согрѣши Езекиа, царь іудовъ, егда введе пословъ вавилонскихъ въ хранилище ароматное и сокровища

дома Господня. Сего ради прогнѣвася на нѣ Господь, и рече ему Исаемъ пророкомъ: сія глаголетъ Господь: двіе прїидуть и отымутся вся сія въ Вавилонъ. Аще тако наказанъ бысть, иже токмо сокровище Господне и церковное иноплеменникомъ гордостію показа. Како мучень будетъ, иже не боится отнати е, противу Божія и пастыря своего заповѣди. Отъ предреченныхъ словесъ разумѣтся, еже церкви и пастыремъ ея достойтъ имѣти сокровище. Понеже и соборище церкви іудейскія сокровище имѣ, его же Езекия царь предреченный посламъ царя вавилонскаго показа.

Такожде Гай, римскій кесарь, мысль на похищеніе обрати, ни единого челоуѣка оставляя, челоуѣческая и божественная себѣ прїобрѣтя. Сего ради праведнымъ судомъ Божиимъ убиень бысть съ женою и чады и вси останцы рода его погибоша. Въ его же смерти время идолъ въ Римѣ просмѣяся, яко есть писано.

Такожде Неронъ, римскій кесарь, по мнозѣ мучительствѣ и по велицѣмъ христіанскомъ гоненіи и грабленіи стяжаній церкви Божія, яко явный врагъ отъ старѣйшинства римскаго осужденъ бысть праведнымъ судомъ Божиимъ: избѣжа убогъ и страненъ отъ града Рима и самъ себе въ отчаяніи погуби.

Такожде Галла, римскій кесарь, сребролюбствомъ водимъ наступаше толико на своихъ подвластниковъ, елико на христіанскія стяжанія противу всякія неправды. Сего ради попущеніемъ Божественнымъ самъ ся уби.

Такожде Вителлій, римскій кесарь, всякаго сребролюбія исполненъ, стяжанія церковная похищаше, на торжищи явно предъ народомъ убиень бысть и въ Тивръ рѣку, яко врагъ церковный, вверженъ бысть.

Такожде Домисіанъ, по многихъ злодѣйствѣхъ своихъ подвластникомъ и христіаномъ нанесенныхъ, всѣмъ челоуѣкомъ ненавистенъ бысть, пораженъ бысть Божиимъ судомъ, лѣта житія своего лѣ-го, яко живота не достойнъ.

Такожде Маріанъ, римскій кесарь, не бояся христіанъ

вредить и ихъ имѣнія сокровищу своему прилагати, истеченіемъ чрева дивственно, яко кесарства недостойнъ, погибе.

Такожде Коммодъ, римскій кесарь, врагъ и ненавистникъ рода христіанскаго и церкви Божія, въ лѣто вѣка своего 18-го, закланъ бысть устроеніемъ жены своея.

Такожде Марко Аврелій, кесарь римскій, ни единому памяти благу остави, церкви Божіей завидя и стяжанія собирая и сокровищу своему прилагая. Сего ради въ лѣто вѣка своего 18-е смертію отъ воиновъ своихъ убіенъ бысть, закупъ живота и кесарства лишенъ и тѣло его съ великою срамотою влекомо бысть по стогнамъ града Рима.

Такожде Александръ, кесарь римскій, въ Магунгіи германстѣй въ соборищахъ воиновъ своихъ ради сребролюбія своего и стяжаній церковныхъ взятыхъ погибе.

Такожде, яко пишется, Юлій, римскій кесарь, Максимъ прозвищемъ, во градѣ Авилегіи попущеніемъ Божественнымъ убіенъ бысть, гоненію и животу закупъ конецъ сотвори.

Такожде Декій, кесарь римскій, по убіеніи Сикстора, папы мученика, взыска сокровища церковнаго отъ блаженнаго Лаврентія діакона Валеріаномъ приказникомъ своимъ, Лаврентій же прежде разда нищимъ. Коя ради вины разгнѣвася Декій повелѣ блаженнаго Лаврентія на рѣдкѣ печи. По страданіи же святого Лаврентія кесарь Декій и Валеріанъ приказникъ его демономъ мучими, въ третій день по страданіи святого Лаврентія испусти горцѣ духъ во огонь вѣчный въ велицѣ пагубѣ и скорби и въ вѣки тамо пребудеть.

Такожде Галлъ, римскій кесарь, ради подобныхъ прочимъ дѣйствъ противу церкви Божія и пастырей объяденіемъ чрева умре. А сынъ его, законный наслѣдникъ кесарь, убіенъ бысть.

И Галіенъ, римскій кесарь, ради наступленія на церковная стяжанія отъ своихъ воинъ мечемъ пронзенъ бысть въ лѣто вѣка сего пятьдесятое, егда въ Медиоланъ внити хотяше.

Такожде Уалеріанъ кесарь, сребролюбія его ради, еже ко христіаномъ и церкви Божіей, божественною молнією устрашенъ и близъ Константина града отъ воиновъ своихъ убіенъ бысть.

И Провъ кесарь таковыя же ради вины отъ соборища вонъ своихъ убіенъ бысть.

И Фарусъ кесарь молнією божественною и блиставиємъ небеснымъ ради многого зла, еже сотвори церкви Божіей, погибе.

О Діоклетіанъ кесарь пишется, еже на всемъ востоцѣ и западѣ разори церкви Божія и имѣнія ихъ согровищу своему приложи; сего ради Божественнымъ судомъ по бѣснованіи немилосердія своего злѣ задушенъ бысть.

Такожде Максиміанъ кесарь тоя же ради вины злѣ скончася, исполненъ всякія тѣлесныя болѣзни и нецѣлюмя. О Іуліанъ кесарь отступницѣ пишется, еже егда бѣ ратуя на персы по мнозѣ злѣ сотворшемъ на церкви Божія, стяжанія ихъ къ своимъ прилагая, явися нѣкто воинъ незнаемъ (иже бѣ, яко глаголется, святой Меркурій, повелѣніемъ Пречистыя Дѣвы Маріи посланъ той же воинъ) вооруженъ и съ копіемъ пришедъ, порѣза конь свой острогами, копіе крѣпце направляя, дерзновенно Іуліана порази и посреди поверже и внезапно отшедъ, яко никогда явися. И сице Іуліанъ злѣ сконча животь свой. Понеже церковная стяжанія у пастырей множицею отягъ. Такожде Валенсъ кесарь церкви Божіей вельми тяжекъ бѣ, устави законъ, да мѣси и пастыріе церковніи воинствовати должны будутъ. И съ церковныхъ стяжаній двору его и воинству его да служатъ, на ополченіе воинство да собирають. Противляющися же злѣ повелѣ убивати. Коя ради вины той Валенсъ Божіимъ судомъ по убіеніи войска своего отъ готвъ въ домъ нѣкій пусть, да не убіенъ будетъ, прибѣжа, идѣже грѣховъ своихъ ради и съ домомъ сожженъ бысть, гнѣва Божія не избѣжа. Зено кесарь, сребролюбственнаго раскола помощникъ, скотское на церковныя пастыри и мужи правовѣрные и на церкви

Божія нося въ мысли своей мучительство, стяжанія церковная сокровищу своему прилагая. Сего ради такожде въ лѣто кесарства своего ̄ѵ злѣ умре. Анастасій кесарь, побораю по еретицѣхъ церковь Божию съ пастырями ея гоняше, стяжанія ихъ отъемля и къ сокровищу своему прилагая, приписываше. Сего ради праведнымъ судомъ Божиимъ отъ молвіи погибе. Маврикій кесарь ради грѣховъ своихъ, яже сотвори Христовѣ церкви, попущеніемъ Божиимъ отъ Фоки обезглавленъ бысть, и жена и чада его отъ Фоки же со всѣми останги рода погублеви быша, вкупѣ кесарства, жены и чадъ наслѣдниковъ лишень бысть. И той Фока кесарь, такожде мучитель я врагъ церковный и пастырскій, повелѣніемъ Иракліа погубленъ бысть попущеніемъ Божиимъ. Ираклій кесарь, того же сребролюбимъ и порока ради ереси монохелитскія, водянымъ недугомъ Божиимъ попущеніемъ одержимъ бысть, безъ врачеванія злѣ умре. Такожде Константинъ четвертый правовѣрныхъ мужей жизнь и церковь гоняше, стяжанія и вещи отъемля. Сего ради отъ воиновъ своихъ злѣ убиень бысть Божиимъ попущеніемъ праведнымъ. Іустиніанъ второй кесарь, сынъ Константина четвертаго, Сергіа папу римскаго изъ града Рима изгна, сокровище церковное къ своему прилагая. Сего ради Божиимъ судомъ отъ Льва кесаря четвертаго, кесарства, носа и языка вкупѣ лишень бысть и въ заточеніе посланъ. Того же Льва Филиппъ кесарь въ Константинъ градъ уби, за еже шестого собора отвержеса и не погребень бысть быти нарече. Филиппъ же кесарь такожде противу пастырей перьве Божія ратуя и шестый соборъ отрицаше, Божиимъ судомъ очей лишень бысть отъ Анастасіа кесаря, послѣдователя своего. Такожде Константинъ шестый, сынъ Льва кесаря, кесарства отча и немилосердія наслѣдникъ и уставовъ Святыхъ Отець гонитель, церковный разоритель, Богу и всѣмъ челоувѣкомъ ненавистливъ, казнью злою зажженіемъ божественнымъ пораженъ и злѣ ради грѣхъ своихъ умре, во огнь вѣчный мучитися посланъ. Уже довольно и преизлишно отъ на-

чала словесе сего многими подобнии немилосердая дѣйства и злыя казни, яже пріяша, многихъ кесарей явихъ. Како Божіимъ праведнымъ и неиспытаннымъ судомъ казнь приѣмлетъ человекъ той, иже разгордится и не хочетъ пастырской и епископа своего власти и заповѣдемъ повиновенія имѣти, но по воли своей незаконно жити, и яже суть Божія къ сокровищу своему приписывати и прилагати. Сего ради всякъ мірскій начальникъ и властель долженъ есть боятися Господа Бога своего и хранили законъ Божій и ходити и творити по всѣмъ, яже въ законѣ писана и повелѣна суть. И да не превознесетъ сердце его въ гордости на настоятели церковныя, ниже да уклонится на десно, или на шуе отъ заповѣдей пастыря своего. Да на многа время и на многія возможетъ царствовать лѣта, онъ и наслѣдницы его въ покойнѣ мирѣ и всѣхъ благъ довольствѣ отъ рода въ родъ на кесарствѣ и царствѣ своемъ. Здѣ же внимати вельми треба есть, еже вси цари іудейстіи бѣша идолопоклонницы и святотатства грѣшницы, опричь трехъ, си есть: Давида, Езекии, Іозии. Тѣмъ же праведнымъ судомъ Божіимъ оскудѣ царство іудейское, царскихъ ради и всѣхъ людей грѣховъ. Такожде мнози отъ Константина града царей ходиша въ сребролюбіи благая церковная отъемлюще, сего ради яко царство іудейское и съ царями своими вкупѣ погиге и достойно. Понеже царство вкупѣ и власть на пастыри церковныя, яко на своя войны имѣти дерзнуша. Мірстіи бо властели ни одинаго повелительства и власти на пастыри церковныя имѣти должны суть, ниже достоить имъ. Егда же власть имѣти надъ правительми и пастыри церковными и своими начнутъ гордости ради, или сребролюбія, или ненависти, или иныя коея ради вины, тогда близъ того властеля будеть погигель. Понеже паденіе есть человекъ погиглати святыхъ, яко пишется въ притчахъ, глава ѿ: царское бо и начальническое и прочихъ господь міра дѣло бити достойно есть праведная повелѣвати, а неподобная возбраняти. Сего ради всяка власть устроена

есть Богомъ, да зли и лукавиі чловѣцы отъ злыхъ дѣйствъ воздержани будутъ. Блази же посредѣ злыхъ покойнѣ и мирнѣ да поживутъ безъ неправдъ и невредимо. Того ради царіе и начальницы въ мірѣ семъ уставлени суть, да судъ, правду и управление подвластникомъ творять, честь бо царева по псалмописцу Давиду судъ любить. Имъ пристойтъ злыхъ казнити, пастырей своихъ защищати. Пастырь же церковный за господина своего временнаго молитися долженъ есть. Господинъ же пастыря своего съ вещми церковными защищати долженъ есть, селянинъ же тружdatся и питати обоихъ, толико господина своего временнаго, елико пастыря души своея долженъ есть. Сего бо ради мірстїи господа власть отъ Бога прїемлютъ, да на хулящихъ имя Божіе и враждующихъ пастыремъ и грабщихъ церковная достойну казнь будутъ налагати безъ милосердія. Но увы, царіе іудейстїи сего не сотвориша и много меньши царіе израильстїи и еще паче меньши царіе гречестїи и римстїи, сего ради глаголетъ на нихъ Исаіа, глава ѿ. Сего ради ведомы суть людїе мои плѣненны, понеже не имѣша разума видѣнія и благороднїи ихъ погибоша гладомъ, и общество и множество ихъ жаждою изсше. Сего ради расшири адъ душу свою и отверзе уста своя безъ всякаго срока потерпѣнія времени, да снидутъ крѣпчайшіи его и людїе его и высшіи и славнїи его къ нему, и наклонитя, и смирится мужъ, и очи высшихъ унизятя. За еже не вняпа слова псалмописца Давида, псаломъ рїї, въ началѣ предписаннаго, си есть: ты заповѣда заповѣди твоя сохранити зѣло. Ахъ, дабы сія внимали и разумѣли и послѣднимъ провидѣніе имѣли нашего времени царіе и начальницы, иже чужая похищаютъ и отъемлютъ, и иже отъ своихъ милостыни не творятъ, и нищихъ погнетаютъ, и убога и сира не слышають, и иже мзду на неповинномъ прїемлютъ и плѣнныхъ не искупають. И иже у пастырей, колико благая временная, толико духовная противу божественныхъ заповѣди дерзають отымати, да не когда прогнѣвается Го-

сподь и погибнуть отъ пути праведнаго. Дабы чли оно грозно слово Павла апостола въ первомъ къ коринѳяномъ посланіи глава ̑ сице: ниже грабители царство Божіе наслабдять. Всякъ бо человекъ, елико какова достоинства будетъ, погубить душу свою, аще взятаго церковнаго, егда возможно будетъ отдати, не исправить, ниже покаяніе сотворити восхоцетъ. Внимай о милостыни, яко бывають отнятыхъ вещей церковныхъ, яко ничто же пользуетъ ко спасенію. Творяй бо милостыню отъ грабленій церковныхъ за души своея спасенія, больши Бога прогнѣваетъ. Яко пишется во Іисусѣ Сираховѣ, глава ̑д: приносяй жертву отъ имѣнія убогихъ, яко иже жретъ сына предъ отцемъ его. Ко спасенію бо душевныхъ и къ полученію живота вѣчнаго не токмо не довлѣетъ чужая не похищати, церквей не грабити, но взыскуется, да и своя имѣнія, праведнѣ собранная, Господеви и нищимъ странно удалена да будетъ. Сего ради глаголется, Исаія, глава ̑н: разлومي алчущимъ хлѣбъ твой. Милостыня бо отъ вещей праведнѣ собранныхъ свята, погашаетъ грѣхъ, яко вода огонь. Научитесь сего ради нынѣ, царіе и князи міра, и разумѣйте преднаписанная судящии землю, и работайте Господеви съ страхомъ и радуйтеся съ трепетомъ, защищайте пастырей вашихъ съ великою честію, да не когда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути праведныхъ, яко вси царіе, начальницы и князи іудейстїи, израильстїи, римстїи и гречестїи, яко же выше въ преднаписанныхъ полѣе явленно есть. Сего ради научитесь нашего времени, о земстїи господа, мудрости и разума, да знаете подвластники вашими владѣти и управу творити, церкви и ихъ пастырей защищати, а не врежати, чтити, а не преткновенія творити и ихъ дарованіи свободнѣ и любезнѣ украшати, а не обнажати, да во вѣки въ небесныхъ съ Богомъ жилищехъ по семъ временномъ царствѣ царствовать возможете. Яко пишется въ Премудростѣхъ, глава ̑: безъ мудрости бо добрѣ мірстїи господа не могутъ. Тогда бо добрѣ управляется дѣло народное, егда философы

царствуютъ и царіе пророчествуютъ. Соломонъ убо, егда царь бысть, на отца своего сѣдалище возведенъ, премудрости у Господа просяше, презрѣвъ честь и богатство, яко пишется въ третьей книгѣ Царствъ, глава Г, юже отъ Бога и получи. Сего ради славнѣ царство свое въ велицѣ мѣрѣ и покои, паче всѣхъ царей мѣра, въ величѣй чести управляше. Царіе бо отъ праваго управленія, еже творити людемъ, наричутся; тѣмъ же, правѣ управляя, имя царское правѣ и праведнѣ держитъ. При древнихъ людехъ притча бѣ сице: царь будеши, аще благо твориши, аще ли не твориши, не будеши. Всякому бо властелю временному сего мѣра достойтъ быти щедролубовну, да любовенъ будетъ отъ подвластниковъ своихъ, не хищникъ, ни сребролюбецъ, да ненавистенъ не будетъ, ниже зѣло свирѣпъ, да не яко мучителя устрашаются. Достойтъ же ему быти милостиву, праведну, да на сѣдалищи судища своего разсыпати возможетъ всяко лукавство возарѣнемъ своимъ и потребити незаконныя и неправедныя и сопротивляющіися Божію закону; въ милосердіи же и истинѣ защищати неповинныя своя подвластники и церковь съ пастырьми любити и чествовати. Милость бо и истина хранятъ царя, и престоль его укрѣпится, яко пишется въ притчахъ, глава К. Сего ради властелю мѣрскому не достойтъ быти сребролюбну, хищнику и на церковная благая села и имѣнія наступати и къ своимъ приписывати, и пастыремъ своимъ претыканія творити. Но паче достойтъ быти мудру и сильну, злыхъ наказующу, и достойтъ быти милостиву, и сирымъ и пришельцемъ и къ своимъ подвластнымъ сладколюбителю, да и отъ нихъ паче возлюбленъ будетъ не по боязни, и да служатъ ему въ любви, а не въ боязни. Тогда бо господину правѣ и добрѣ служится, егда ему служба творится по любви, а не по боязни. Добродѣтельному господину пристойтъ любовное служеніе. Господину же мучителю и злomu хищнику, чловѣцы же подвластницы работаютъ не отъ любви, но отъ страха, да вреждени отъ него будутъ. Любовь бо и ми-

милосердіе, и истина, и правда щедраго господина къ своимъ подвластникамъ хранить честь, славу, хвалу, отечество и царство. Всѣхъ мірскихъ господъ милость украситъ престолъ его. Ни единому бо отъ всѣхъ челоуѣкъ достоинъ милость толико имѣти, елико начальникъ. Сего ради достоинъ начальнику мірскому любити милосердіе, истину и правду, да будетъ дѣломъ своимъ и подвластникъ своихъ праведенъ судія, да не судитъ по лицу, и да не будетъ на лица зрѣнія и мзды приѣмникъ. Честь бо царева судъ праведенъ любитъ и правду. Такожде достоинъ начальнику мірскому имѣти вѣрность соборную, да будетъ заповѣдей Божіихъ истинный и совершенный хранитель, и пастыря своего храбрый защититель и подвластниковъ своихъ милостивъ властель. Како же подвластники своими добрѣ владѣти кто можетъ, иже своему Господеви вышему, си есть Богу, покоритися отрицаетъ? Аще кто хочетъ православныя христіанскіе подвластные себѣ люди управляти, сему прежде достоинъ себѣ Божію правительству повинути: повинуваяся бо Богу господинъ истинный вмѣнится; безъ Бога ни едина есть власть. Понеже по великаго пророка Давида слову: въ силѣ Господни возвеселится царь и о спасеніи его возрадуется зѣло. И во псалмѣ 77: царь же возвеселится о Богѣ; безъ Бога бо царю ни едино есть веселіе, ни едина радость, ни едина честь, ни едина слава, ни едина хвала, но вѣчная болѣзнь, вѣчная тѣснота, безпрестанная скорбь и безконечная печаль. Господинъ мірскій, иже хочетъ да служатъ ему вѣрнѣ и любезнѣ подвластники его, той первѣе да служитъ Господу Богу своему, по словеси псалмописца Давида, псаломъ 78: внигда собратися людемъ вкупи и царемъ да работаютъ Господеви. И во Іисусѣ Навинѣ пишеть, глава 6: бойтеся Господа и работайте ему сердцемъ совершеннымъ. И Лука евангелистъ глаголетъ, глава 1: да работаемъ ему въ святости и правдѣ. И псаломъ 78 сице: и нынѣ царіе разумѣйте и накажитеся судящій землю. Что же разумѣти имъ достоинъ? Псалмописецъ

абіе приложи глаголя: работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ. Работати бо Богови, яко глаголетъ писаніе, царствовати есть, работати же чело-вѣку мука есть естества. Внимати же треба есть, еже власть и настоятельство духовное и мірское обое изволится отъ власти Божественныя. И сице толико мірская власть подъ духовною, елико отъ Бога духовное достоинство предложено есть, сего ради больши достоятъ власти духовной, неже мірской. По словеси блаженнаго Григоріа, невѣрствія получить грѣхъ, аще кто христіанина себе укрѣпляетъ быти, а апостольскому сѣдалищу повиновати-ся презираеть.

Въ Дѣяніихъ Апостольскихъ, глава Ѡ, пишется: повиноватися намъ достоятъ больши Богови, неже чело-вѣкомъ, сирѣчь, больши церкви и пастырю ея повиноватися намъ достоятъ во всемъ, неже господину мірскому. Откуда къ похвалѣ повинованія и послушанія рече нѣкто въ толкованіи на сіе Исаіино слово глава Ѡ: иди и разрѣши вре-тище отъ чреслъ твоихъ и сапоги возьми отъ ногъ твоихъ, и сотвори тако Исаіа, ходя нагъ и безъ сапоговъ: дивно, рече послушаніе, единою власницею облачаше мужъ благороднѣйшій (яко евреи предають), его же дщерь Манасіа царь поятъ въ жену, не устрამися нагъ ходити. Ни что честивѣ, ни что лучши вмѣни елико Господеви послушаніе творити. Сего ради и писаніе свидѣтельству-еть, еже послушаніе больши есть, неже жертва. Тѣмъ же творите послушаніе, о мірстїи господа, пастыремъ и на-стоятелемъ вашимъ, и давайте имъ милостыню: села, гра-ды, стяжанія, злато и сребро, яко и прежде васъ началь-ницы и князи, отцы, дѣды и прадѣды ваши твориша, ве-селаго бо дателя любитъ Богъ, яко пишется во второмъ посланіи къ Коринѣяномъ, глава Ѡ. Сего ради уготовайте сердца ваша Богу, о начальницы мірстїи, и работайте Ему единому и пастыремъ вашимъ достойнѣ, правѣ во всякомъ смиреніи и послушаніи, а не діаволу и мірови. Богъ бо въ настоящей жизни избавитъ вы отъ руку фи-

дистимлю, сирѣчь отъ руку всѣхъ враговъ вашихъ, яко пишется въ Царствѣ ѿ книзѣ, глава ̄. Аще ли цари со-противно сему сотворять, не повинующесе пастыремъ, тогда царство ихъ нѣсть царство, ниже царство ихъ постоянно и крѣпко быти можетъ. Разрушить бо ихъ судъ Божій палицею діавольскою, яко предреченныхъ всѣхъ кесарей и царей. Аще ли не воспріимуть наказанія и отягчатъ сердца своя, яко непокорный фараонъ, египетскій царь, тогда накажетъ ихъ Господь седмерицею, да сице отягчени сердцемъ безъ плода покаянія въ гнѣвъ и ярости Господни погибнуть отъ пути праведныхъ во огонь вѣчный и въ муку безконечную, идеже по словеси евангельскому будетъ плачь очесемъ и скрежетъ зубомъ, и идѣже мучители не оскудѣвають и мучиміи не умирають, но проклять мучится безъ избавленія выну во тьмахъ кромѣшныхъ, лишень зрѣнія лица и благодати Божественныя. И въ совершенномъ злѣ вопіеть, Іереміино слово глава ̄: проклять день, въ. онъ же родихся; проклять часъ, въ онъ же зачатъ мя мать моя. Внимай, еже обеще всякъ непослушный пастырю своему здѣ въ настоящемъ мучимъ будетъ, будущей начало творя мукѣ, во вѣки пребывающей. Здѣ же, дабы видѣли и разумѣли, что по сихъ во адѣ послѣдуетъ, по оному писанію Божественнаго словеси: сугубымъ сокрушеніемъ сокруши ихъ Господь и прочая. О власти же, силѣ и дѣлѣ благого пастыря треба есть внимати словеса евангельская сія: азъ есмь пастырь благій. Въ сихъ словесѣхъ услышимъ Господа Іисуса Христа, благого пастыря дѣла хваляща. Въ ней же предложити можаше, глаголя: азъ есмь пастырь благій, и посему, еже рече благій, назнаменуя и злыхъ пастырей быти, иже во евангеліи наемницы наричутся. Почему же пастырь благій познатися можетъ, являетъ глаголя: пастырь благій полагаетъ душу свою, положи за овцы своя, еже Христось творить учаше. Первѣе самъ своимъ дѣйствомъ предпоказа, понеже душу свою положи за овцы своя, сирѣчь, за сія, иже на судищи одесную стати

достоѣни суть, за яже въ настоящемъ ему послѣдоваша. Сего ради пастырь благій добръ Христосъ быти имать, понеже душу свою за овцы своя положи. Но егда нїи не суть блази пастыре, егда Петръ не бѣ благій пастырь, понеже и той душу свою положи за овцы? Сице и Павелъ и прочїи апостоли, сице и святїи мученицы, и святїи отцы, вси любве ради овца и церкви Божїя кровїю своею окроплени суть, вѣдомо есть. Все же тїи пастыри блази бѣша, не токмо еже кровь свою за Христа проліяша, но и за овцы и церковь Божїю проліяша кровь свою. И егда Искушитель нашъ толико пастырей благихъ будущихъ предвидя, что ради себе единого благого пастыря похваляше, глаголя: Азъ есмь пастырь благій; что же есть сіе, еже особнѣ единого пастыря похваляетъ токмо? Понеже единымъ пастыремъ благимъ единство всѣхъ благихъ пастырей знаменуетъ. Понеже Христосъ своимъ тѣломъ, еже есть церковь, едино тѣло есть. И сего ради истинно благій пастырь есть, иже съ прочими пастырьми уды своими единъ пастырь наричется. Или истиннѣ себе особнѣ, оставль прочихъ, благого пастыря именуетъ, да прочихъ бѣ равенству и благиости своей ничто же благиости явить имѣти. Ибо и тїи пастыре блази суть, не какои сія отъ единого пастыря прїемлютъ, сирѣчь отъ Бога, еже есть существеннѣ благъ. Человѣцы бо не могутъ отъ себе быти блази, но отъ Бога, иже существеннѣ благъ есть. Здѣ же пастыремъ церковнымъ сія внимати треба есть, сирѣчь, да первѣе внѣшняя благая неимущимъ всѣмъ щедрѣ и милосердѣ дають. Потомъ же, аще нужда будетъ, душу за погибающїя овцы положить и церковная благая села, стяжанїя и сокровище церковное храбрѣ даже до своего кровопролитїя защищаютъ. Ибо иже во время покоя не подасть помощи временная, немощенъ во время гоненїя и церковныхъ вещей отыманїя положить душу свою. О семъ Іоаннъ глаголетъ: аще кто видитъ брата своего требующа и затворить утробу свою отъ него, како любовь Божїя пребываетъ въ немъ? а еже па-

стыремъ добрымъ къ созиданію вѣрныхъ за овцы своя и за стяжаніе церкви своея душу свою положить достоинъ.

Той же Іоаннъ апостоль свидѣтельствуеть глаголя: яко Христось за ны душу свою положи, тако и мы должны есмы души наша за братію нашу положить. Къ сему и Соломонъ глаголетъ: егда сядеши за трапезою сильнаго, мудрѣ разумѣй, яже предложена суть предъ тя и послѣ руку твою, вѣдый, яко таковая достоинъ ти уготовати; яко бы рекъ, аще за трапезою сильнаго Бога, си есть къ престолу приступиши, разумѣй, яже предложена суть предъ тя, сирѣчь тѣло и крове тайну достойнымъ чествованіемъ помышля, и послѣ руку твою, сирѣчь, дѣла твоя, вѣдый, яко таковая ти достоинъ уготовати, си есть къ потребѣ вѣрныхъ за Господни овцы смерть пріяти, аще нужда будетъ. Суть въ церкви Божіи нѣцыи пастыри не добріи, иже во евангельскомъ словеси наемники наричутся, иже виною временнаго прибытка Христа проповѣдуютъ, яко апостоль глаголетъ: яже суть своя ищутъ, не яже суть Іисусъ Христова. Сего ради такові не пастыри, но правѣ наемницы наричутся, понеже не Божія ради любви овцы Господни, но за временную мзду насутъ. Отъ сихъ словесъ легко разумѣти можемъ, что есть разнство межъ пастыря благого, и межъ наемника. Оба убо суть въ церкви Божіей, оба властельствуютъ овцами, селы, стяжаніи и прочими церковными имѣніи, но разнственно. Пастырь бо воистинну Христа проповѣдуетъ; наемникъ же виною прибытка временнаго Христа проповѣдуетъ. Сего ради любими суть пастыри и послѣдуеми; наемники же терпими, ибо явственно понеже и тіи не весьма не ключими суть, но отчасти суть потребны, ими бо слово Христово проповѣдуется, аще и не исполняется. По оному Господню словеси, яже глаголютъ: творите, по дѣломъ же ихъ не трорите. Егда же такові путь истинный проповѣдуютъ, не толико спасенія тѣхъ ищутъ, имъ же проповѣдаютъ, елико своя потребности и сребра ради, или хвалы ради человѣческія. Услышающіи

же ихъ еще словесемъ ихъ благимъ вѣрують, дѣломъ же ихъ не послѣдствуютъ, той иже проповѣдуетъ, уже воспріять мзду свою и погибель имѣти будетъ. А имъ же проповѣдуется, будутъ имѣти прибыль. Наемникъ убо, егда видитъ волка грядуща, бѣжитъ, волкъ же на овцы Господня приходитъ. Егда кой же грабитель и святотатецъ и мучитель неправедный, властель мірской и врагъ церковный вѣрныхъ и смиренныхъ погнетаетъ, стяжанія церковная отъемлетъ, вдовы и сироты и пришельцы потѣсняетъ и вредаетъ, и безпрестанно стадо отходить вѣрныхъ, сокровища стада Господня къ своему прилагаетъ, и вѣрные люди потѣсняетъ,—таковыхъ волковъ, егда наемникъ видитъ, бѣжитъ. Егда бѣды временныя устрашаетъ гонителей и властію себѣ преданною и порученною противлятися не смѣетъ, таковымъ пастыремъ чрезъ Іезекііля пророка глаголетъ Господь: не взыдете противу, ниже положите стѣну за домъ Израилевъ, да станете на ополченіе въ день Господень. Противу же взыти сие разумѣется: властемъ и начальству міра сего на правѣ, что въ церкви Божіей и церковныхъ вещехъ, селѣхъ и стяжаній дѣйствующимъ свободнымъ гласомъ и храбрѣ церковною властію противлятися. Въ день же Господень за домъ Израилевъ стояти, сие разумѣется: неповинныя и Христовы овцы и стяжанія церковная, вся толико подвижная, елико неподвижная противу развращенныхъ человѣкъ неправдѣ по правдѣ и церкви святыя властію противлятися и защищати, и отмщати. Сихъ наемникъ не творитъ, понеже, егда видитъ волка грядуща, бѣжитъ не тѣломъ, но мыслию; бѣжитъ бо не мѣсто премѣняя, но не творя утѣшенія и помощи къ защищенію. Понеже токмо иже на внѣшняя и временная дышитъ, внутреннихъ стада Господня убавленій не брежетъ. Егда видитъ сильнаго противу церковныхъ стяжаній возстающа и села церкви своей и сокровища Господне въ грабительство идти, молчитъ и попускаетъ, и насильника не обличаетъ, ниже сопротивляется, и не смѣетъ властію церков-

ною наемникомъ противитися, бояся да епископства или игуменства и угодія временнаго не лишень будетъ. Како ея же ради вины наемникъ бѣжитъ, Господь являетъ во Евангеліи, глаголя: наемникъ же бѣжитъ, понеже наемникъ есть и не печется о овцахъ. Сего ради во время бѣды стати и душу свою положить за овцы не можетъ. Аще бо и владѣеть овцами, но не любитъ ихъ, понеже временныя мзды и славы мірскія и чести, и хвалы, и богатства отъ властей мірскихъ ищетъ и попеченія о овцахъ и церковныхъ стяжаніихъ, себѣ порученныхъ, мірскія ради боязни временнаго господина мало или ничто же имѣти являетъ. Благій же пастырь, понеже знаетъ овцы своя, и овцы знаютъ его, сирѣчь любитъ овцы своя и овцы любятъ его, и не бѣжитъ, егда видитъ волка грядуща. Но противу волка грядущаго себе поставляетъ, овцы своя храбрѣ ключи церковными защищаеть, церковная имѣнія, села, сокровища Господня отняти не попускаеть, ниже боится отъ могущаго тѣло взяти, но душу свою, въ любви за овцы своя и за церковь свою порученную, полагаетъ, кровь свою проливаетъ, бѣдамъ многимъ себе вдаетъ, отъ властей мірскихъ безчестуемъ бываетъ, и паки отъ сѣдалища своего изгнанъ бываетъ. Яже вся Бога ради и царства ради небснаго за спасеніе души своя каждый пастырь творити и страдати за овцы и за церковная имѣнія мужественнѣ долженъ есть, да животь вѣчный со благими всѣми пастыри получить. Идѣже будетъ опасное и истинное свободство, вѣчное благочестіе, безсмертное веселіе. Идѣже вся Троица Богъ пастырей и овецъ своихъ безконечно видимъ будетъ, и безконечно возлюбленъ, и безпрестанно хвалимъ. Сего ради благій пастырь въ заточеніе и скорбь міра сего и нужду вверженія да не боится мірскаго властеля. Ниже путемъ жизни сея оскудѣеть, да во отечествѣ мѣста не погубить, ниже закосненіе сотворить на защищеніе церковныхъ имѣній, но безскорбно противящимся и на церковная наступающимъ себе противу да поставитъ. На сопротивленіе бо такимъ

да не будетъ лѣнивъ, но паче вскорѣ таковыхъ отлучати властію имъ на то данною должны суть. Аще ли не послушаютъ и заповѣдь святыя церкви и власть пастырскую презрять, да будутъ держими, яко невѣрніи и язычницы, и яко анаѳемъ предани отъ святыя церкви. Всякъ убо, иже церковная стяжанія села или собровища отъемлетъ или насильствуетъ и вреждаетъ отъ Святыхъ Отець, отречень и отлучень наричется здѣ и въ будущемъ. Здѣ бо боязнь имать и сгубленіе временныя власти, въ будущемъ же погубить вѣчныя славы царства. Чудное Божіе прозрѣніе! Вся царства гордящаяся на церковь Божію разруши. Израиль убо въ десяти колѣнѣхъ іудовыхъ, противу воли Божіей согрѣшающихъ, въ Дамаскъ и Сирію раздѣли. И паки обои плѣнены суть отъ Ассирій и отъ Халдей; Іуда же отъ ефіоплянъ и египтянъ. И тѣи паки побѣждены отъ Ассирій и отъ Халдей. Ассиріи же, понеже на ся уповаша и дерзнуша и на церковь Божію и стяжанія церковная наступиша, отъ Халдей погибша. Халдеи и вавилоняне, направльшеся противу Господа, мидяномъ и персомъ покорени быша, тѣи же Александру Великому, Александръ же егда, яко Богъ себе возвышаше, ядомъ погибе. Царство же его на десять частей раздѣлено бысть, и потомъ римлянѣмъ покорено. Римское же кесарство, еже яко желѣзными зубы и ногти тѣлеса святыхъ раздираше, отъ большія части уже погибе, наконецъ же и все погибнетъ, егда царство Божіе просвѣтитъ. Понеже по евангельскому словеси, Матѳѣй, глава ̄: всяко древо, не творящее плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо. Къ велицѣй бо правдѣ судящаго приступить, да никогда лишени будутъ муки, иже въ сей жизни пребывая никогда лишается грѣха, и ни единъ дастъ урокъ времени отмщенія беззаконному и неправому, иже елико живяше не хотяше престати отъ грѣха. Кто дастъ имъ единова умрети, да не умирають во вѣки, иже рекутъ горамъ: падите на ны, и холмомъ: покройте ны. Что же есть рещи се, токмо еже хотятъ смертію смерти из-

быти, ниже возмогутъ, аще хотять или ни; во огнь всегда пребудуть по тяжкомъ словеси осужденія, егда речется имъ: не знаю васъ, отыдите отъ мене, проклятіи, во огнь вѣчный, вамъ и діаволу уготованный искони. Сія малая, архіепископе достойнѣйшій, господине честнѣйшій, по разуму моего осязанію отъ разныхъ писаній святыхъ отецъ въ едино разуму и достоинству твоему писахъ о православныя церкви свободствѣ, ея же врата ада не одолѣють. Въ сихъ пастырь церковный свѣтлѣ зрѣти можетъ, како господина своего мірскаго царя, или начальника временнаго чествовати, и отечески, яко сына, учити долженъ есть по евангельскимъ заповѣдемъ, да жизнь получитьи возможетъ вѣчную. Въ сихъ такожде и царь, мірскій господинъ, зрѣти можетъ, како ему пастыря церкви Божіа, правителя души своея, яко отца духовнаго, чествовати достоинъ, и ему во всѣхъ и по всему безъ роптанія, безъ прекословія, яже къ души своея спасенію пристоятъ, послушну быти. Безмѣрная вседержителю Богу Отцу и Слову и Параклиту воздаю благодарствія, иже настоящее писаніе наше отъ многихъ и разныхъ учителей писаній удѣлано въ настоящемъ мѣсѣмъ лѣтѣ, въ 2 каландѣ февраля даже до конца доведе. За сія сіе едино мнѣ зѣло требѣ есть отъ отечества твоего святаго, и смиреннѣ молю, дабы еси за мя злаго и окаяннаго, и тягчайшаго грѣшника межъ всѣхъ грѣшниковъ къ Богу молитву благоговѣйну сотворити извоилъ, да, молитвы твоея ради, всѣмъ грѣхомъ моимъ приѣмлю отпущеніе, въ землю апостольскую, сирѣчь въ райское веселіе, вкупѣ съ тобою возмогу благочестнѣ внити, идѣже царствуетъ Владыка и Господь нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, благословенный одесную Отца, о Его же имени поклоняется всяко колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ; Ему же слава и честь, и величество, и велѣдѣпота, сила и власть, владычество и царство въ вѣки вѣковъ, аминь.

ПРОСТЫЯ БЕСЪДЫ¹⁾.

Говоря до сихъ поръ о добрыхъ качествахъ и положительныхъ преимуществахъ дѣтства и молодости, мы вовсе не закрываемъ глазъ и на присущіе молодости нравственные минусы, недочеты и недостатки. Всякая фальшивая идеализація и пристрастное приращиваніе молодости далеко отъ насъ въ данномъ случаѣ. Мы, напримѣръ, нисколько не протестуемъ, когда дѣтей называютъ «глупенькими», неразумными и несмысленными малышами. Дѣти, конечно, не знакомы съ жизнью. Они дѣйствительно неопытны, неразвиты и беспомощны. И ужъ во всякомъ случаѣ Господь нашъ и Спаситель, такъ обласкавшій дѣтей и на вѣчныя времена поставившій ихъ образцомъ и примѣромъ для взрослыхъ, не могъ рекомендовать намъ всю жизнь оставаться неразумными и слабыми ребятами. Апостолъ Христовъ не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, когда говоритъ (какъ бы въ дополненіе и разъясненіе разсматриваемыхъ нами словъ небеснаго Учителя): «не бывайте дѣтьми по уму, но злобою младенствуйте» (1 Кор. 19, 20). Мы вполне согласны дальше, что не только малолѣткъ-подростку, но и сравнительно взрослому и образованному юношѣ свойственны многіе отрицательные и губельные черты и поступки, многія опасныя наклонности и стремленія. Горячей, несложившейся окончательно молодости часто не достаетъ благоразумной осмотрительности, расчетливой осторожности,

---

¹⁾ Околчавіе. См. майскую кн. *Душевн. Чит.* 1910 г.

умѣнья считаются съ обстоятельствами, мудро выждать удобный моментъ и дѣйствовать разсудительно, безъ излишней и вредной торопливости, безъ горячей безоглядности и неразумнаго риска. Молодость верѣдко бываетъ порывиста и безразсудна до сумазбродства, часто — что называется—хватаетъ черезъ край, часто идетъ на проломъ, силится—какъ говорятъ—лбомъ прошибить стѣву. Взвѣсить предварительно свои силы и силы препятствій, тщательно и разносторонне разсчитать всѣ возможности, всѣ шансы успѣха и неуспѣха, трезво выработать надежный и детально разработанный планъ дѣйствій, — такого старческаго здравого смысла не ждите отъ молодежи. Съ непосредственной и безудержной отвагой, что называется, «очертя голову», бросается молодость въ бой, лишь бы *дѣло и цѣль ея были благородны и возвышенны*. Мы нарочно подчеркнули послѣднія слова. Они сообщаютъ особый характеръ, особую окраску и значеніе ошибкамъ и недостаткамъ молодости. До нѣкоторой степени они даютъ право сказать, что молодость, и при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ недостаткахъ, въ общемъ все же симпатичнѣе, богаче добрымъ внутреннимъ содержаніемъ и потому ближе къ царствію Божію, чѣмъ слишкомъ разсудительная, осторожная зрѣлость и безсильная старость. Дѣло въ томъ, что источникъ, откуда вытекають ошибки и заблужденія молодости, самъ по себѣ дѣвственно — чистъ, здоровъ и цѣлѣносенъ. Этотъ источникъ, прежде всего, въ повышенной впечатлительности молодой души, въ исключительно обостренной способности ея отдаваться захватывающимъ запросамъ и задачамъ жизни всецѣло и беззаветно, что называется, «съ головой». Молодость не щадитъ себя. Она безкорыстно и безстрашно идетъ на встрѣчу опасности. Она готова на жертвы. Она прямолинейна, откровенна и благородна въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Не мелкія, узко-личныя выгоды двигаютъ благородною молодежью, а честное стоянье за правду, за справедливость, за общее благо. Всѣ порывы и стремленія

лучшей части молодежи направлены «на исканье правды вѣчной и душевной красоты». Пусть молодость въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ о жизни, въ своей оцѣнѣ разныхъ житейскихъ явленій часто поспѣшна, опрометчива, верхоглядна и легкомысленна. Непогрѣшимъ одинъ только Богъ. Человѣку свойственно ошибаться, и бѣда наша во-все не въ невольныхъ и неизбѣжныхъ заблужденіяхъ, а въ томъ гибельномъ самообольщеніи, когда человѣкъ вообразить, что онъ все уже порѣшилъ, все выяснилъ, все свелъ къ окончательной и непогрѣшимой формулѣ. Бѣда въ томъ, когда человѣкъ застынетъ въ своемъ мнимо-непогрѣшимомъ міровоззрѣніи, успокоится и заостенѣетъ въ нетерпимой враждебности къ чужимъ мнѣніямъ и не чувствуетъ необходимости въ провѣркѣ и поправкѣ своихъ взглядовъ. Это вотъ поистину «мертвая точка», конецъ духовному росту человѣка, безнадежная гибель и смерть души. Отъ такой смерти ошибки и промахи человѣка очень далеки, и особенно ошибки молодости. Молодость жизненна и честна, до извѣстной степени симпатична и поучительна даже въ своихъ ошибкахъ, увлеченіяхъ и крайностяхъ. Эти ошибки и увлеченія вовсе не признакъ душевной гнили и неизлѣчимаго умиранія. Это если и болѣзни, то болѣзни роста, болѣзни души здоровой (въ своей основѣ), жизнеспособной, страстно и упорно ищущей истины, неудержимо рвущейся впередъ, въ даль и просторъ жизни. Въ силу необычной молодой впечатлительности, горячая волна тревожныхъ поисковъ и страстной погони «за истиной» никого не захватываетъ съ такой властной силой, ни въ комъ не проявляется такъ бурно, какъ въ молодежи. Все — и увлеченія въ добрую сторону, и крайности въ сторону зла и заблужденій,— встрѣчается здѣсь въ сильно увеличенномъ масштабѣ. И это вполне понятно. Чѣмъ нѣжнѣе ткань, тѣмъ чувствительнѣе отзывается она на всякое раздраженіе. Съ огрубѣніемъ ея степень раздражительности значительно понижается, человѣкъ дряхлѣетъ и понемногу обращается въ

ходячую нравственную развалину, что, къ сожалѣнію, мы и видимъ на очень многихъ пожилыхъ людяхъ. Эти люди повторяютъ своей жизнью ту грустную «обыкновенную исторію», которую рассказалъ намъ Гончаровъ. Сущность ея, какъ извѣстно, въ крушеніи молодыхъ идеаловъ, въ превращеніи пылкаго и честнаго молодого мечтателя въ трезваго, уравновѣшеннаго, осторожнаго и тупо самодовольнаго практика, съ пренебрежительной провіей относящагося къ «завиральнымъ» идеямъ верхоглядной и зеленой молодости, — ко всему, что вредитъ личному спокойствію и выгодѣ, что выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ молчалинской «умѣренности и аккуратности». И это роковое несходство и взаимное непониманіе между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, между «отцами и дѣтьми», — непониманіе, обостряющееся иной разъ до полной неприязни и окончательнаго разрыва, опять-таки въ порядкѣ вещей и до извѣстной степени неизбежно. По самой природѣ своей, молодость — заклятый врагъ «золотой середины». У молодости широкое «большое сердце». Въ силу этого она (въ лучшихъ своихъ представителяхъ) органически не способна помириться съ отвратительно-уродливой житейской программой Щедринаскаго «Премудраго пискаря», ваглухо закупорившагося въ своей норѣ отъ всякаго участія въ общенужной живой работѣ, — съ головой ушедшаго въ одни «шкурные» интересы, въ ревнивое обереганіе своего чисто животнаго, — вѣрнѣе, — растительнаго прозябанія, съ вѣчнымъ дрожаньемъ и страхомъ за свою драгоценную особу. Наряду съ этой уродливой карриатурой на жизнь, молодости несимпатичны и многіе освященные стариной обычаи и правила, противны установившіеся шаблоны и вообще рутинна жизнь. Молодые люди — это по преимуществу люди инициативы, предприимчивости и творчества. Отвертываясь отъ проторенныхъ и углаженныхъ дорожекъ, они отважно ищутъ новыхъ, болѣе широкихъ и удобныхъ, путей жизни. Въ этомъ — неоцѣнимая заслуга молодости передъ жизнью, единственно-надежная основа всякаго про-

гресса и болѣе свѣтлой человѣческой будущности. И пусть въ критикѣ старины молодежь даже «зарвется» и договорится до нелѣпостей; пусть въ установленіи «новой жизни» она иногда «рубить съ плеча», внося въ жизнь ломку и безпорядокъ ¹⁾. Важно то, что она не даетъ заснуть и закаменѣть жизни, — что въ «стоячее болото» жизни она бросаетъ горячіе камни своего протеста и свѣжей критики, заставляя его отзываться хоть какимъ-нибудь шипѣніемъ, хоть чѣмъ-нибудь, говорящимъ о пробужденіи. Что дѣлать? Роды «новой жизни» какъ и рожденіе человѣка, не обходятся безъ болѣзненныхъ и мучительныхъ процессовъ. Путь къ истинѣ и лучшимъ порядкамъ жизни—тяжелый путь долгихъ исканій, блужданій, ошибокъ и разочарованій. Можно сколько угодно сокрушаться и возмущаться по поводу человѣческой ограниченности и неизбѣжности въ нашей жизни ошибокъ и заблужденій, но этимъ дѣла не поправишь. И какъ бы вы ни были возстановлены противъ молодой бурливости и «прыткости», необходимость заставить васъ признать, что безъ честныхъ увлеченій и крайностей молодости жизнь наша была бы не полна, покрылась бы плѣсенью, ржавчиной и въ концѣ концовъ замерла бы. Безъ дрожжевыхъ грибковъ, безъ броженія нѣтъ нужнаго окисленія въ тѣстѣ, нѣтъ силы и крѣпости въ напиткахъ. Безъ мятущейся, стремящейся впередъ молодости нѣтъ жизни.

Пусть въ молодости много неразумнаго задора; пусть со стороны духовнаго содержанія она еще далеко не уста-

---

¹⁾ При прочтеніи написаннаго у насъ возникло опасеніе,—какъ бы кто не заподозрилъ насъ въ симпатіи или хоть въ терпимо-снисходительномъ „мирволеньѣ“ ко всѣмъ крайнимъ увлеченіямъ молодежи (до безумно-разрушительныхъ наклонностей включительно). Въ огражденіе себя отъ подобныхъ тяжкихъ и несправедливыхъ нареканій, убѣдительноѣе просимъ останавливаться вниманіемъ не на отдѣльныхъ фразахъ и выраженіяхъ (можетъ быть, не всегда достаточно обдуманныхъ и безупречно-корректныхъ), а неуклонно имѣть въ виду *цѣльный и общій смыслъ статьи*.

новилась, не выяснилась, не опредѣлялась. Вѣдь она переживаетъ еще періодъ броженія, формировація, выработки характера и міровоззрѣнія. Удивительно ли, что въ жизни ея не малую роль играютъ временныя, преходящія настроенія,—что взгляды и симпатіи ея часто носятъ характеръ скороспѣлости, малопродуманности, недоношенности и—если угодно—печать наивности даже? И—скажите на милость,—что же опаснаго и непоправимаго заключается при данныхъ условіяхъ въ томъ непостоянствѣ, неустойчивости и измѣнчивости, которыя проявляются молодежью въ ея рѣшеніяхъ и практическихъ дѣйствіяхъ? Не наоборотъ ли? Не говоритъ ли это порывистое перебѣганье отъ рѣшенія къ рѣшенію о кипучей внутренней работѣ неспокойной и подвижной молодой натуры, о ея честныхъ и героическихъ усиліяхъ разсѣять тьму предрасудковъ, разрѣшить запутанныя загадки жизни и выбраться наконецъ на настоящую дорогу, на необманный свѣтъ Божіей истины и правды? Не будемъ смущаться, далѣе, если даже лучшія и возвышеннѣйшія мечтанія, порывы и стремленія молодости съ трудомъ, медленно и рѣдко воплощаются и прививаются къ жизни. Пусть даже безусловно благотворные, чреватые творческою и обновляющею силою, замыслы и предпріятія молодости сплосъ и рядомъ цѣликомъ проваливаются, «терпятъ полное фіаско» (по фельетонно-газетному жаргону дурнаго тона). Малый успѣхъ и даже полное крушеніе въ жизни многихъ молодыхъ плановъ и начинаній висколько ихъ не обезцѣниваетъ. Злобно-насмѣшливая встрѣча, враждебность и гоненія со стороны человѣческой массы—это вѣковѣчная судьба всего оригинальнаго, свѣжаго, несущаго въ жизнь благотѣльный переворотъ и обновленіе. Отсюда, безуспѣшность и грустная судьба многихъ молодыхъ порывовъ и запросовъ показываетъ только, что наша жизнь въ общемъ (въ толщѣ своей) очень низка, плоска, мизерна, убога и нищенски-бѣдна истинно-нравственнымъ содержаніемъ. Эта жизнь даетъ просторъ и вѣнчаетъ успѣхомъ дѣятель-

ность только безперемонныхъ «сыновъ вѣка сего», всѣхъ этихъ трезвенныхъ и разсудительныхъ дѣльцовъ и практиковъ - карьеристовъ съ ихъ беззащѣннымъ саморекламириваніемъ, съ угодливымъ подслуживаніемъ и рабскимъ приспособленіемъ къ господствующему теченію, съ безпрестанными компромиссами, гибкой нравственностью и податливой, покладистой совѣстью. Эти благоразумные «герои времени», довольствующіеся въ моральной области узенькой и упрощенной программой «золотой середины», все въ жизни раздѣливающіе «по подлому курсу рынковъ и торжищъ», все прикидывающіе на общепринятый въ общежитіи аршинъ и торгашескіе вѣсы, — эти эмансипировавшіе себя отъ широкихъ общечеловѣческихъ интересовъ дѣятели при всякомъ удобномъ случаѣ высококомѣрно и пренебрежительно высмѣиваютъ «безпочвенныхъ эвристикъ», закидываютъ грязью честные порывы молодости. Но «глупый смѣхъ къ чему не придирался?» Въдѣ Самъ Спаситель, на взглядъ многихъ *авторитетныхъ и компетентныхъ* судей казался мечтателемъ; но этотъ осмѣянный мечтатель, не имѣвшій, «гдѣ главу поклонити» (Мѣ. VIII, 20) перевернулъ и переродилъ міръ. Въ своемъ неизлѣчимомъ ослѣвленіи многіе успѣвающіе въ жизни осторожные *умники* не подозреваютъ, что они вовсе не почтенные, достойные всякаго уваженія «столпы» и «охранители» устойчивости и порядка жизни, а часто носители тлетворнаго духа мертвой неподвижности, разложенія и застоя, защитники износившихся и отжившихъ формъ и порядковъ жизни, гасители ея, исполняющіе роль излишняго и вреднаго тормоза и балласта на жизненномъ кораблѣ. Спросите себя безпристрастно, — откуда въ самомъ дѣлѣ исходятъ благодѣтельные толчки, двигающіе жизнь впередъ по пути усовершенствованія? На чьей сторонѣ истинно-творческія, зиждущія и вдохновляющія силы и стремленія? Кипучее горѣніе духа; свѣжее, остро-зоркое и чуткое нравственное чувство, помогающее человѣку распознавать даже и хитро замаскиро-

важное лицемѣріе; страстное и открыто выражаемое презрительное негодованіе и смѣлые, мужественные протесты противъ насилія, произвола и наглого попранія законовъ Божескихъ и человѣческихъ,— словомъ, самоотверженное, честное и неподкупное разоблаченіе и энергичная, беспощадная борьба съ темными и гибельными явленіями жизни, — борьба во имя справедливости, разумной свободы, правъ и достоинства человѣка, — вотъ чѣмъ люди живы, на чемъ держался міръ до сихъ поръ и на чемъ онъ будетъ держаться. Всѣ эти душевныя качества и вытекающія изъ нихъ благородныя поступки свойственны были тѣмъ героямъ и титанамъ духа, молодымъ и крѣпкимъ душою пророкамъ, Божьимъ избранникамъ и великимъ благодѣтелямъ человѣчества, которыхъ близорукій въ своей мнимой разсудительности міръ людской издавна окрестилъ презрительнымъ названіемъ «чудаковъ», «фантазеровъ», «юродивыхъ», «опасныхъ мечтателей» и т. п. Этихъ-то небесныхъ посланниковъ, несшихъ въ затхлую и промозглую атмосферу жизни животворный свѣтъ, творческое тепло и оздоровляющій *кислородъ* Божіихъ завѣтовъ, жадкіе и безумные люди не только высмѣивали, но и ожесточенно преслѣдовали, мучили и убивали, не подозрѣвая въ своей слѣпотѣ душевной, что—по слову Апостола (Евр. 11, 38)—весь нашъ узко-разсудительный міръ не стоитъ этихъ гонимыхъ идеалистовъ и энтузіастовъ.

Резюмируя все сказанное, можно смѣло и съ полнымъ правомъ повторить еще разъ: не столько опасны уклоненія молодежи въ сторону отъ признанныхъ устоевъ жизни, сколько опасно вялое равнодушіе къ поискамъ истины или утомленіе этой молодой кипучей тревогой и мучительной внутренней работой. Опасность не въ томъ, что молодежь увлекается черезъ мѣру, что она сомнѣвается во многомъ и съ неутомимой самоотверженностью рвется къ новому укладу жизни. «Въ томъ нѣтъ грѣха, что въ разныхъ книгахъ ты ищешь правды и Христа: то видишь свѣтъ въ постѣ, въ веригахъ, то вдругъ пытливая мечта тебя

завистливо уносить къ далекимъ, чуждымъ берегамъ... Въ томъ нѣтъ грѣха... *Кто въ дверь стучится, духовной жаждою томимъ, тому сомнѣніе простится, и будетъ Богъ отысканъ имъ. Судь ждетъ того, кто мысль о Богѣ заботой суетной убилъ и объ «украшенномъ чертогѣ» въ себѣ тоски не пробудилъ»* (А. Кругловъ). Опасно, когда молодая (по годамъ) душа старѣется, облѣнивается и черствѣетъ, — когда въ ней замираетъ бодрое, живое чувство жизни и ея великихъ, неумиряющихъ цѣлей, — когда на мѣсто молодой горячности и страстности въ опустошенной душѣ человѣка поселяется та безразличная и безцвѣтная «теплохладность», за которую Господь угрожаетъ «изблевати» человѣка изъ устъ Своихъ (Апок. III, 15—16).

Бѣда не въ увлеченіяхъ, а въ потерѣ способности къ этимъ увлеченіямъ, когда человѣкъ, подъ мертвящимъ и изсушающимъ дѣйствіемъ жизни, превращается въ какую-то бездушную деревяшку. А опошляющее и губительно-засасывающее вліяніе жизни дѣйствительно опасно и могуче. Въ жизни легко искалѣчить и изуродовать свой духъ, легко размѣяться на мелочи, принизить свои требованія и запросы отъ жизни, помириться съ ея пошлостью, отдать свои силы на рабское служеніе грошевымъ интересамъ и суетному тщеславію. Подъ дѣйствіемъ жизненнаго холода и «пошлага, развращающаго опыта», незамѣтно и нечувствительно линяютъ и стираются на человѣкѣ яркія краски богоподобія, силы изнашиваются, грубѣютъ, засоряются, и весь человѣкъ, когда-то живой и душевно-благородный, превращается въ какого-то нравственнаго банкрота или жалкаго инвалида, въ какую-то мертвую засушину, въ неприглядную и убогую «прорѣху» на чело-вѣчествѣ. Такимъ отжившимъ людямъ, съ охлажденнымъ сердцемъ, съ увядшими и поблекшими чувствами, остается только повторять въ приложеніи къ себѣ грустныя, вѣющія могильнымъ холодомъ, слова поэта: «я пережилъ свои желанья, я разлюбилъ свои мечты; остались мнѣ одни

страданія—плоды душевной пустоты». Бываетъ даже хуже и гораздо страшнѣе. У поэта остались хоть человѣческія страданія, хоть смутная тревога и грусть по ушедшей жизни. У другого и этотъ послѣдній остатокъ живой души выгорѣлъ до-тла. Иной вывѣтрившійся и опустившійся нравственно человѣкъ не только не болитъ сердцемъ за свое нравственное убожество, но еще и гордится и ставить себя въ заслугу происшедшую съ нимъ печальную нравственную метаморфозу.

Вотъ это-то постепенное измелъчаніе душевныхъ интересовъ, это-то незамѣтное, но неуклонное и беспощадное обкрадываніе нашей души жизнью и заставило великаго русскаго писателя указать юношамъ на необходимость мужественно и неослабно стоять на стражѣ своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ и твердо оберегать свою молодую душу отъ опустошающаго и очерствяющаго дѣйствія жизни. «Забирайте же съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, — не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ. Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно. Могила милосердїе ея; на могилѣ напишется: *здесь погребенъ человекъ*. Но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости» («Мертвыя души» Гоголя).

Обращаясь къ современной намъ жизни, нельзя съ тревогой не отмѣтить грозныхъ и зловѣщихъ признаковъ преждевременнаго одряхлѣнія, вырожденія и вымиранія въ насъ молодой беззавѣтной удали, доблести и вообще возвышенной молодой настроенности. Эти печальныя «знаменія времени», эти признаки усталости и старчества какъ будто явно нарастаютъ въ жизни нашего поколѣнія, давая основной тонъ, господствующее содержаніе и свою окраску нашей сумеречной, малодейной, вялой и унылой жизни. Откуда же нибудь взялъ извѣстный «пѣвецъ нашихъ дней» (Надсонъ) матеріалъ и краски для безоградной характе-

ристики современнаго намъ рыхлаго, развинченнаго и робко притаившагося поколѣнія.

*«Наше поколѣніе юности не знаетъ;
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ.
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ, первыхъ чувствъ раздвѣтъ...
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ;
Насъ томитъ безвѣрье, насъ томитъ тоска»...*

Страстною тоскою по утраченной бодрости и молодой энергіи жизни, горячимъ призывомъ встряхнуться и дружно стать въ ряды мужественныхъ борцовъ за счастье жизни звучать дальнѣйшія слова поэта:

*«О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей.
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть...
Загоритесь взоры, разверните крылья,
Закипи порывомъ трепетная грудь!
Дружно за работу, за борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука»...*

Подводя въ заключеніе послѣдніе итоги всему сказанному и сопоставляя свою ушедшую молодость съ наступившею зрѣлостью и старостью, невольно приходишь къ грустнымъ впечатлѣніямъ и выводамъ. До боли грустно, когда внимательно и безпристрастно оглянешься на свое свѣтлое прошлое и тусклое настоящее,—когда припомнишь и ясно сознаешь,—чѣмъ ты былъ и что сталъ». Со стыдомъ и болью сердечною приходится признать намъ тотъ несомнѣнный фактъ, что духовная жизнь многихъ изъ насъ (въ смыслѣ широты и мощи) теперь безспорно «на ущербѣ», и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе идетъ «на убыль», подъ гору. Страшно сознаться, что теперь многіе изъ

насъ не болѣе, какъ «бывшіе люди». Жутко при мысли, что когда-то похожіе на живыхъ людей, теперь, «къ добру и злу постыдно равнодушны», «мы сердцемъ хладные скопцы»...

И дай Богъ, чтобы не умирала въ насъ хоть эта святая грусть по утраченнымъ драгоценнымъ дарамъ своего дѣтства и молодости. Дай Богъ, чтобы воспоминаніе о чистыхъ дняхъ дѣтства и молодости всегда зажигало въ насъ сладкую грусть, добрую душевную растроганность, то умиленное настроеніе, когда всколыхнувшейся и встревоженной душѣ искренно хочется поплакать свѣтлыми, согрѣвающимися и освѣжающими слезами. Не стыдиться нужно этихъ очищающихъ и спасительныхъ слезъ, а вызывать ихъ почаще. Эти слезы—краснорѣчивые и неліцемерные свидѣтели того, что человекъ не совсѣмъ еще растерялъ душевную чуткость и нравственную порядочность. У такихъ людей невольно слезы подступаютъ къ горлу при мысли о невозвратимости плохо использованной или и вовсе глупо изжитой молодости. Больно въ душѣ отзываются для такихъ людей встающіе предъ ними вопросы: гдѣ они, бывые далекіе дни? Гдѣ дѣтскій миръ души—безоблачный и лучезарный? Гдѣ дѣтскій смѣхъ,—безпечный, ясный и заразительный? Куда скрылось оно—то яркое, глубокое и свѣтлое, какъ весеннее солнце, счастье, о которомъ такъ сладко мечталось въ далекіе дни вѣрующей молодости? Гдѣ товарищескіе кружки, собранія, пламенные споры и рѣчи? Гдѣ бессонныя ночи за увлекательнымъ, лихорадочно - порывистымъ трудомъ и вдохновенными, окрыляющими духъ мечтами? Нельзя не всплакнуть въ душѣ о бесплодно погибшихъ мечтахъ, о загубленныхъ надеждахъ, о развѣянныхъ и разбитыхъ порывахъ и запросахъ отъ жизни. Нельзя не поскорбѣть, вспоминая, какъ нерѣдко наша послѣдующая жизненная дорога заволакивалась непогодю и туманами душевнаго омраченія,— какъ нерѣдко сбивались мы съ истинной дороги. измѣняли дорогимъ завѣтамъ и планамъ своей мо-

лодости. Невольный вздохъ вырвется изъ глубины души при воспоминаніи о томъ, какъ богато расцвѣчено было наше юное время сокровищами душевными, и какъ много этихъ нѣжныхъ и благоуханныхъ цвѣтовъ сердечныхъ растеряли мы въ послѣдующей жизни, безжалостно втоптали ихъ въ пыль и соръ жизни, кощунственно забрызгали житейской грязью!..

Тѣмъ тщательнѣе должны мы побереечь уцѣлѣвшую красу души своей; тѣмъ энергичнѣе должны озаботиться въ оставшіеся дни жизни возмѣстить по возможности прежнія упущенія. И пусть образъ чистаго дѣтства и благородной молодости никогда не покидаетъ души нашей; пусть онъ свѣтитъ и согрѣваетъ ее, не давая ей заочевнѣть и заснуть окончательно. Молодость стоитъ того, чтобы никогда не забывать ее, никогда не выходить изъ-подъ благотворнаго вліянія теплыхъ и благодарныхъ воспоминаній о ней. То была, какъ мы видѣли, лучшая пора нашей жизни. Тамъ, въ молодости, неповторяющаяся свѣжесть и энергія чувствъ; тамъ непочатый избытокъ и мощный разцвѣтъ силъ; тамъ чудотворная вѣра и окрыляющая надежда на будущее; тамъ захватывающій интересъ, здоровый аппетитъ и вкусъ къ жизни. Молодости— и только ей— принадлежать всѣ восторги и чары бытія. Неотъемлемое достояніе и драгоценнѣйшее украшеніе молодой поры — мощный энтузіазмъ, одушевленный порывъ въ область свѣтозарнаго идеала, жажда подвиговъ, великодушныхъ дѣяній и благородной славы,—«жажда съ вѣрою святою къ цѣли доблестной итти»: Словомъ, все лучшее и истинно прекрасное, всѣ задатки къ самой полной, возвышенной, глубоко удовлетворяющей и дѣйствительно счастливой жизни,—все это дары незабвенной молодости. Предъ этой обаятельной, плѣнительной красотою, предъ этой жизнерадостной, бодрой и могучей силой дѣтства и юности блѣднѣютъ всѣ приобрѣтенія и преимущества зрѣлаго возраста. Послѣ очарованій и золотыхъ надеждъ молодости, всѣ и безъ того горькіе плоды «ума холодныхъ наблюденій

и сердца горестныхъ замѣтъ» дѣйствуютъ особенно удручающе на душу человѣка. Недаромъ поэтъ готовъ промѣнять всю нашу опытность и зрѣлость, всю житейскую умудренность и уравновѣшенность, всѣ добытыя годами тяжелыхъ успій положительныя знанія и вѣщныя успѣхи жизни на волненія, тревоги и порывы безпокойной, вѣчно мятущейся юности, — на способность беззавѣтно увлекаться и восторгаться, — на способность жить даже въ призрачномъ, фантастическомъ, но нарядномъ мѣрѣ несбыточныхъ грезъ, неисполнимыхъ надеждъ и обманчиво-волшебныхъ сновидѣній.

«Блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ», — молодъ въ благородномъ, разъясненномъ нами смыслѣ слова! Всецѣло блаженъ, кто и до конца дней своихъ, черезъ весь холодъ жизни, сумѣлъ пронести и сохранить молодую, чистую, бодрую, дѣятельно «алчущую и жаждущую правды», чуткую и возвышенно-идейную душу! Въ этихъ молодыхъ и дѣтскихъ качествахъ души нѣтъ спасенія. Верховный законъ жизни гласитъ вѣчно и неотвратимо: «если не будете какъ дѣти, не войдете вы въ царствіе небесное».

Святи. Іоаннъ Утѣхинъ.

ХРИСТІАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

II.

Современная біологія и христiанская вѣра въ Бога.

Въ своей космогоніи, изданной въ 1763 г., Кантъ происхожденіе вселенной приписываетъ механическимъ причинамъ, т.-е. только посредственно божественному дѣйствию; напротивъ органическій міръ онъ объясняетъ «непосредственнымъ божественнымъ устройеніемъ». Какъ на доказательство въ пользу этого, онъ указываетъ на то, что въ неорганическомъ мірѣ небесныхъ тѣлъ рядомъ съ порядкомъ замѣчается много неправильностей и уклоненій; «въ непосредственно же божественномъ устройствѣ никогда нельзя замѣтить цѣлей, не вполне достигнутыхъ, но вездѣ обнаруживается величайшая правильность и точность, какъ это замѣтно между прочимъ въ устройствѣ животныхъ». Такимъ образомъ изъ того факта, что животныя устроены цѣлесообразно, Кантъ дѣлаетъ выводъ о непосредственномъ творческомъ воздѣйствіи на нихъ Бога.

Геккель и другіе особенно любятъ опровергать это мнѣніе Канта; съ торжествомъ указываютъ они «на безпольныя или бездѣйствующія, даже опасныя и вредныя сооруженія (Einrichtungen)», замѣчаемыя у всѣхъ вышихъ растений и животныхъ. «Въ нашемъ собственномъ чело-

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Читенія* 1910 г.

вѣческомъ тѣлѣ мы имѣемъ такіе бесполезные *рудименты* ¹⁾ въ мускулахъ нашего уха, въ мигательной перепонкѣ нашего глаза ²⁾, въ грудныхъ соскахъ и молочныхъ желѣзахъ мужчины и въ другихъ частяхъ тѣла; а опасный червеобразный отростокъ нашей слѣпой кишки не только бесполезенъ, но и вреденъ». Противъ этого сильно протестуетъ Эдуардъ Гартманъ. Такой взглядъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуется только о незнаніи всеобщаго принципа природы—принципа возможно большаго сбереженія силъ. Природа вездѣ стремится къ тому, чтобы достигать своихъ цѣлей съ возможно меньшей тратой силъ. Поэтому при развитіи организмовъ она устраняетъ только то, что мѣшаетъ достиженію ея цѣлей. Какъ бы то ни было, но всѣ эти маленькія неправильности становятся совсѣмъ незамѣтными при сравненіи съ поразительною цѣлесообразностью, обнаруживающеюся въ устройствѣ организмовъ. Подумайте только объ удивительномъ устройствѣ глаза и поразительномъ сочетаніи мускуловъ нашей руки. «Всякій согласится, говоритъ Рейнке, что нашъ глазъ цѣлесообразно устроенъ для зрѣнія, наше ухо для слуха, нашъ носъ для обонянія». Чѣмъ глубже становятся познанія челоуѣка относительно царства растительнаго и животнаго, тѣмъ сильнѣе бываетъ и это впечатлѣніе; организація животныхъ и растений запечатлѣна цѣлесообразностью даже въ мельчайшихъ своихъ частяхъ. Вотъ этотъ именно фактъ и у Геккеля вызываетъ выраженіе удивленія предъ устройствомъ природы и заставляеть его сказать: «чудесный храмъ природы». *Фактъ цѣлесообразнаго*

¹⁾ „*Рудиментами* называются тѣ части животнаго и растительнаго тѣла, которыя не исполняютъ никакой функціи, не имѣютъ никакого физиологическаго значенія, однако обладаютъ вѣншимъ видомъ органа“. *Геккель Трансформизмъ и дарвинизмъ*; перев. Вихерскаго, 1900 г., стр. 11. *Прим. переводчика.*

²⁾ Это—„маленькая полудупная складка, лежащая во внутреннемъ углѣ нашего глаза, близъ корня носа, такъ называемая *plica semilunaris*“. *Геккель* тамъ же стр. 12. *Прим. перев.*

устройства органической природы въ общемъ не возбужда-
етъ сомнѣній и никѣмъ не опровергается, но сейчасъ же
возникають споры, лишь только ставится важнѣйшій
вопросъ біологіи: какъ объяснить эту цѣлесообразность,
эту цѣлесообразную дѣятельность природы?

Безъ сомнѣнія, самый простой и ближайшій отвѣтъ на
этотъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: немислима ни-
какая цѣль, если нѣтъ цѣлеполагающей и потому разум-
ной воли, каковъ Творецъ. Эту мысль открыто высказы-
ваетъ не какой-нибудь незначительный человѣкъ, а вели-
кій физикъ и фізіологъ Гельмгольцъ, говоря: «цѣлесооб-
разность въ строеніи и отправленіяхъ живыхъ существъ,
все болѣе и болѣе открывающаяся перемѣнчивой наукъ,
поистинѣ весьма удивительна. Она была главнымъ мо-
тивомъ къ сравненію жизненныхъ процессовъ съ дѣйствіями
разумно-сознательнаго принципа. Въ цѣломъ окружаю-
щемъ насъ мірѣ мы знаемъ только одинъ рядъ явленій,
обладающихъ подобными же свойствами. Это—произведе-
нія и дѣйствія разумнаго человѣка; и мы должны при-
знать, что въ безчисленномъ множествѣ случаевъ цѣлесо-
образность органической жизни оказывается несравненно
превосходнѣе способностей человѣческаго разума, такъ
что невольно возникаетъ готовность—приписать ей скорѣе
высшій, чѣмъ низшій характеръ». Кромѣ этого естество-
испытателя о томъ же говоритъ и философъ Кантъ: «Мы
никакъ не можемъ понять возможности происхожденія та-
кого міра, если не допустимъ существованія причины, дѣй-
ствующей цѣлесообразно». И В. Вундтъ соглашается, что
«вопросъ о происхожденіи организмовъ проще всего раз-
рѣшается ученіемъ о твореніи. Если живое тѣло является
искусно устроеннымъ механизмомъ, то скорѣе всего на
него слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведеніе воли, дѣй-
ствующей сообразно съ своими представленіями о цѣли.

Кажется, такого взгляда на происхожденіе организмовъ
прямо требуютъ отъ насъ нижеслѣдующіе два факта, ко-
торые сразу обращаютъ на себя наше вниманіе. Живот-

ный и растительный міръ хотя мы можемъ распредѣлять по классамъ, а эти потомъ опять располагать въ восходящей линіи по степени ихъ развитія, но эти факты, по словамъ Вирхова, повидимому свидѣтельствуютъ о неизмѣнности человѣческихъ расъ и видовъ животнаго царства. Существующіе въ настоящее время виды животныхъ и растеній отличаются постоянствомъ. Никому не удалось наблюдать въ дѣйствительности или показать въ опытѣ переходъ одного вида въ другой. Это признано всѣми.

То же самое слѣдуетъ сказать о возникновеніи жизни вообще. Существовало въ народѣ суевѣріе, будто дождевые черви происходятъ изъ влажной земли, а гады образуются изъ стружекъ;—но наука вполнѣ основательно отвергла это. Всѣ попытки—произвестъ организмы изъ неорганическихъ веществъ—потерпѣли полную неудачу. И въ самой природѣ такъ же мало могли указать это такъ называемое первичное зарожденіе (*Urzeugung*). Остается въ полной силѣ положеніе: *omne vivum ex vivo*, все живое происходитъ изъ живого.

Эти два наблюденія, кажется, неизбежно приводятъ къ мысли, что *органическій міръ произошолъ непосредственно отъ творческой десницы Божіей*. Такъ какъ въ дѣйствительности мы не находимъ подтвержденія того, что неорганическая природа сама собою преобразуется въ органическую и одинъ видъ развивается въ другой; то становится необходимымъ непосредственное вмѣшательство высшей Силы, чтобы понять возникновеніе жизни и живыхъ существъ, и притомъ эта Сила должна обладать разумомъ, потому что цѣлесообразность можетъ произойти только отъ воли, способной поставлать себѣ такую или иную цѣль.

Противъ этого самаго простаго и естественнаго взгляда дѣлаютъ *два главныхъ возраженія*: говорятъ, 1) что онъ прежде всего невозможенъ съ научной точки зрѣнія, потому что находится въ противорѣчій съ великими законами сохраненія матеріи и силы. Вѣдь вмѣшательство

сверхъестественнаго фактора въ естественное теченіе явленій увеличило бы количество энергіи во вселенной, а это недопустимо. Потому и жизнь со всѣми ея явленіями должна находить свое достаточное основаніе въ силахъ, уже существующихъ во вселенной. Всякая мысль о перерывѣ въ дѣятельности законовъ природы, о возникновеніи и исчезновеніи энергіи—не научна; 2) будто всякая мысль о томъ, что жизнь есть нѣчто особенное, совершенно излишня, потому что всѣ явленія жизни могутъ быть объяснены чисто механически. Правда, до сихъ поръ попытки въ этомъ отношеніи еще не вполне удалась, но начало этому уже положено. Потому допускать существованіе иныхъ причинъ жизни, кромѣ чисто механическихъ, было бы не инымъ чѣмъ, какъ отказомъ отъ изслѣдованія этого предмета (Faulbett der Forschung).

Первое возраженіе—очень слабо. Извѣстный профессоръ физики въ петербургскомъ университетѣ Хвольсонъ въ своей полемикѣ противъ Геккеля съ большою ясностію и силою доказалъ, что законы о сохраненіи матеріи и силы имѣютъ дѣйствіе только въ законченной системѣ. Но спрашивается: вселенная представляетъ ли изъ себя законченную систему или нѣтъ? На этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ утвердительный, но правильность его доказать никто не можетъ. Слѣдовательно такое утвержденіе есть мнѣніе, а не наука.

Возраженія Хвольсона во всякомъ случаѣ имѣли бы силу даже и тогда, если бы жизнь отличалась матеріальнымъ свойствомъ. Но возможности этого никакъ нельзя допустить. Такъ Э. Гартманъ утверждаетъ, что «отличительнымъ признакомъ жизни служить «функція безсознательнаго»,—«принципъ, управляющій матеріей, оказывающій вліяніе на распредѣленіе матеріальныхъ частицъ сообразно съ цѣлью жизни». «Онъ не производитъ никакой энергіи, но пользуется тѣмъ потокомъ энергіи, который непосредственно или посредственно исходитъ отъ солнца». Если это воззрѣніе правильно, если жизнь дѣйствительно

нематериальная величина; то ясно, что явления жизни не подчиняются закону сохранения энергии и следовательно ни в каком случае не может произойти нарушение этого великаго принципа.

Но это именно и слѣдуетъ сдѣлать предметомъ изслѣдованія. Съ этою цѣлю я обращаю свое вниманіе на *второе возраженіе*. Оно, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе; потому что научный принципъ: «самое простое объясненіе дѣйствительности всегда заслуживаетъ предпочтенія» всѣми признанъ за несомнѣнный; если механическихъ причинъ достаточно для объясненія того или другаго явления, то всякія другія подлежатъ устраненію. Поэтому мы и спрашиваемъ, *какъ же хотятъ объяснить жизнь и ея явленія изъ чисто механическихъ причинъ*.

Серьезная попытка такого объясненія стала возможной только послѣ того, какъ сдѣлано было великое открытіе *клеточки*, какъ «элементарной основной формы всякаго органическаго устройства». Извѣстно, что главными составными частями клеточки служатъ протоплазма и ядро. Вирхову мы обязаны доказательствомъ того, что клеточка фактически есть индивидуумъ, обладающій относительной самостоятельностью. Она образуетъ элементарный организмъ, изъ котораго, чрезъ размноженіе клеточки до миллиардовъ, вырастаетъ «царство клеточекъ», напр., наше тѣло.

Послѣ того, какъ сдѣлано было великое открытіе клеточки, стало возможно приступить къ объясненію въ собственномъ смыслѣ жизненныхъ явленій химически-физическимъ способомъ. По мнѣнію Оствальда, они суть только проявленія энергии. Характеристическимъ свойствомъ всѣхъ живыхъ существъ служитъ то, что имъ всегда присущъ токъ энергии, обыкновенно называемый смѣной вещества. Всѣ организмы, какъ было упомянуто, посредственно или непосредственно заимствуютъ свою жизнь изъ потока энергии, исходящаго отъ солнца. Этотъ процессъ состоитъ въ слѣдующемъ: энергія, исходящая изъ солнца въ видѣ

лучей, при содѣйствіи хлорофила, т.-е. красящаго вещества зеленыхъ частей растенія, разлагаетъ углекислоту на углеродъ и кислородъ. Послѣдній улетучивается, углеродъ же, соединяясь съ водой, въ большомъ количествѣ находящеюся въ клѣточкѣ, становится сахаромъ, углегидратомъ, удобосгораемымъ углеродистымъ соединеніемъ. Такъ какъ всякая удобосгораемая субстанція представляетъ изъ себя скопленіе потенциальной энергіи, то клѣточка чрезъ это пріобрѣтаетъ себѣ запасъ рабочей силы. Теперь этотъ запасъ медленно расходуется на поддержаніе жизни. Прежде всего вода и неорганическія, разъединенныя вещества при помощи корней растенія всасываются и поднимаются къ верху и служатъ къ образованію листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, ствола и вѣтвей.—Организмы, не содержащіе въ себѣ хлорофила, не могутъ почерпать себѣ жизненныя силы изъ лучистой энергіи солнечнаго свѣта непосредственно, но дѣлаютъ это только *посредственно*: для самосохраненія они пользуются химической энергіей, въ которую лучистая энергія солнечнаго свѣта преобразуется въ клѣточкахъ растеній. Такимъ образомъ животное живетъ химическими соединеніями, приготовленными растительнымъ царствомъ. Слѣдовательно, самосохраненіе организмовъ оказывается чисто химическимъ процессомъ. Но это свойство *самосохраненія* есть самая существенная принадлежность живыхъ существъ, составляющая основу ихъ характеристическихъ свойствъ. Даже и ростъ и размноженіе могутъ быть объяснены физико-химически. Ростъ происходитъ вслѣдствіе того, что ядро клѣточки раздѣляется пополамъ и каждая половинка его вырастаетъ въ полное ядро, заимствуя пищу себѣ изъ протоплазмы. За раздѣленіемъ ядра слѣдуетъ потомъ раздѣленіе самой клѣточки. Вслѣдствіе такого продолжительнаго простаго дѣленія изъ простой коренной клѣточки развивается растеніе или животное. Но какъ начинается вообще ростъ? Бактерія изъ окружающей ее питательной жидкости стремится усвоить какъ можно больше пищи.

Такъ какъ вслѣдствіе увеличившейся поверхности кѣточки становится возможнымъ усиленный притокъ питанія, то это приводитъ къ ея раздѣленію. Для объясненія процесса какъ роста, такъ и размноженія указываютъ на образованіе кристалловъ, какъ на аналогическое явленіе въ неорганическомъ царствѣ: и кристаллы растутъ, дѣлятся на части и образуютъ новые кристаллы. — При этомъ имѣетъ большое значеніе свойство всѣхъ живыхъ существъ — *раздражимость*; именно они обладаютъ способностью — реагировать на подѣйствовавшее на нихъ вліяніе. Для человѣка неосвѣдомленнаго эта способность представляется свойствомъ, принадлежащимъ только организмамъ. Но изслѣдованія новѣйшаго времени установили тотъ фактъ, что раздражимость отнюдь не составляетъ кореннаго различія между живымъ и неживымъ; напротивъ, всякое образованіе (*Gebilde*) обладаетъ раздражимостью; потому что въ каждомъ изъ нихъ измѣняются отношенія энергіи, въ зависимости отъ прилива къ нимъ или отлива отъ нихъ энергіи. Разница только въ томъ, что явленія реакціи въ организмахъ несравненно сложнѣе; но въ существѣ дѣла это явленіе одно и то же: какъ здѣсь, такъ и тамъ вслѣдствіе раздраженія—будетъ ли оно механическаго, химическаго, термическаго или электрическаго свойства—шаткое равновѣсіе въ образованіи (*Gebilde*) нарушается и оно приходитъ такимъ образомъ въ движеніе—Тѣ мѣста, въ которыхъ развивается увеличивающаяся чувствительность къ какому-нибудь виду энергіи, постепенно преобразуются въ опредѣленные органы чувствъ, реагирующіе или преимущественно, или исключительно на опредѣленные раздраженія: такъ глазъ реагируетъ на свѣтъ, ухо—на звукъ, вкусъ и обоняніе—на химическую энергію. У высшихъ организмовъ аппараты чувствъ отдѣлены отъ аппаратовъ назначенныхъ для реакціи; тѣ и другіе соединены между собою особыми проводниками, нервами. Даже въ развитыхъ организмахъ происходящія въ нихъ процессы находятся подъ владычествомъ «железныхъ за-

коповъ механики, химіи и физики. Кровообращеніе подчинено такимъ же гидростатическимъ законамъ, какъ и всякая жидкость. Глазъ есть камеробскура, ухо—акустическій аппаратъ, скелетъ—искусная система рычаговъ и т. д. — Наконецъ и *размноженіе* можетъ быть объяснено физико-химическимъ способомъ. У самыхъ низшихъ живыхъ существъ, которыя состоятъ изъ единственной клѣточки, размноженіе совершается посредствомъ простого дѣленія клѣточекъ. Высшіе организмы размножаются половымъ способомъ. Женское яйцо и мужское сѣмя суть простыя клѣточки. Чрезъ соединеніе ядра сѣмени съ ядромъ яйца изъ клѣточки послѣдняго образуется зародышевая клѣточка, изъ которой потомъ развивается весь организмъ. И эти явленія имѣютъ аналогіи въ неорганическомъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ процессы химическаго раздраженія имѣютъ рѣшающее значеніе. Извѣстно, что удалось при помощи чисто химическихъ воздѣйствій вызвать у морскаго ежа процессъ размноженія! Разсматриваемое съ химической точки зрѣнія зарожденіе есть не что иное, какъ химическое раздробленіе, изъ котораго потомъ происходятъ новыя химическія соединенія. — Все это можетъ служить доказательствомъ того, что специфически жизненные процессы имѣютъ свои аналогіи въ явленіяхъ неорганическаго міра, что и въ нихъ законы механики, физики и химіи имѣютъ безусловное значеніе, словомъ, что всѣ органическія явленія, по крайней мѣрѣ, въ сущности своей, могутъ быть отнесены къ разряду механически матеріальныхъ явленій.

Но какъ объяснить *происхожденіе различныхъ видовъ растений и животныхъ* чисто механическимъ путемъ? Эта задача долго не поддавалась разрѣшенію. И вотъ отъ развитія индивидуумовъ стали дѣлать умозаключенія относительно развитія всѣхъ организмовъ вообще, и здѣсь слѣдить за процессомъ развитія, начиная съ одноклѣточныхъ организмовъ и постепенно восходя до развитія чловѣка. Оказалось однакожь, что какъ у животнаго и ра-

стенія, такъ и у человѣка клѣточка одинакова и по своему веществу и по строенію. Но что же такое та дѣйствующая сила, отъ которой происходитъ разнообразіе въ развитіи организмовъ. Огвѣтъ на этотъ вопросъ далъ *Дарвинъ* въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» 1859. Его теорія достаточно извѣстна. Основная мысль ея такова: вслѣдствіе борьбы за существованіе происходитъ тщательная сортировка между формами, производимыми природою, такъ что между ними сохраняются только тѣ, которыя оказываются лучше всего приспособленными къ жизненнымъ условіямъ, или какъ выражается *Оствальдъ*: между видами организмовъ наиболее долговѣчными оказываются тѣ, которые наиболее прочны ¹⁾. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого предмета, оказывается, что здѣсь утверждаются три положенія: 1) Природа производитъ множество жизненныхъ формъ, безграничное разнообразіе самыхъ мелкихъ, случайныхъ отличій. 2) Изъ этого множества отбрасываются тѣ, которыя во время борьбы за существованіе оказываются менѣе приспособленными къ этому; нецѣлесообразное исчезаетъ; цѣлесообразное, то, что благодаря случайной разности въ строеніи, оказывается лучше приспособленнымъ къ жизни, сохраняется. 3) Эта случайно приобрѣтенная, болѣе цѣлесообразная особенность по наслѣдству передается потомкамъ. Вслѣдствіе увеличенія количества незначительныхъ разностей развитіе видовъ становится все разнообразнѣе; организація постепенно становится богаче, цѣлесообразнѣе. Такъ происходитъ одинъ видъ изъ другого чисто естественнымъ путемъ, т.-е. отъ чисто механическихъ, внѣшнихъ причинъ. Повидимому, здѣсь сдѣлано вполне удачно какъ чисто механическое объясненіе болѣе цѣлесообразнаго развитія отдѣльныхъ организмовъ, такъ и объясненіе про-

¹⁾ *Оствальдъ*. „Философія природы“; пер. Давыдовой. Спб. 1903 г. стр. 239.

исхожденія видовъ. «Философское значеніе естественнаго подбора, говоритъ зоологъ Вейсманъ, заключается въ томъ, что оно указываетъ намъ принципъ, который хотя и дѣйствуетъ безъ всякой цѣли, но все же достигаетъ цѣлесообразнаго результата чисто механическимъ путемъ». вмѣсто цѣлесообразности, бывшей осуществленіемъ напередъ составленнаго плана, является цѣлесообразность, возникающая безъ плана, чисто механически.

Однаго вопроса при этомъ Дарвинъ не касается, именно вопроса о происхожденіи первой клѣточки, жизни вообще. Слѣдуетъ замѣтить, что самъ Дарвинъ постоянно считалъ здѣсь необходимымъ дѣйствіе Творца Бога, вложившаго сѣмя жизни въ одну или немногія формы. Но его послѣдователи стали утверждать, что и первое возникновеніе жизни можно объяснить чисто механическимъ путемъ. Всѣми признано, что вещество, изъ котораго состоитъ клѣточка, протоплазма, разсматриваемая химически, специфически не отличается отъ неорганической матеріи. Тогда какъ прежде дѣлали различіе между органической и неорганической химіей, современной химіи во многихъ случаяхъ удалось произвести органическія вещества путемъ неорганическимъ. Хотя вопросъ о воспроизведеніи бѣлковины, въ которой полагаютъ въ собственномъ смыслѣ жизненное вещество, все еще не рѣшонъ, но думаютъ, что рѣшеніе этой задачи есть не болѣе, какъ вопросъ времени. Точно такъ же наукой уничтожено и различіе между неорганическими и органическими *формами*. Такъ въ каплѣ масла съ паразитическимъ сходствомъ можетъ быть воспроизведена механическимъ путемъ структура клѣточки. При такихъ обстоятельствахъ не возникаетъ ли совершенно естественно мысль, что когда-то, при особенно благопріятныхъ условіяхъ, изъ неорганическихъ веществъ образовалась простая *первичная клѣточка*? Само собою разумѣется, что при этомъ допускаютъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Подъ вліяніемъ влажной и очень насыщенной углекислотою атмосферы, а равно подъ

вліяніемъ болѣе высокой температуры, свѣта и сильныхъ электрическихъ токовъ образовался родъ «первичной слизи», нѣчто въ родѣ бѣлковины, главной составной части протоплазмы. Отсюда самъ собою образовался «первичный зародышъ», изъ котораго теперь происходитъ всякая жизнь.—Другіе допускаютъ, что такихъ зародышей было много, такъ что все живущее получило начало не отъ одной клѣточки. Спорятъ также и о томъ, совершается ли и теперь это первичное зарожденіе, или нѣтъ. Большею частію держатся послѣдняго мнѣнія, потому что не удалось ни наблюдать въ дѣйствительности процесса первичнаго зарожденія жизни, ни воспроизвести его путемъ опыта.

Такимъ образомъ нынѣ всѣ явленія жизни: во-первыхъ, процессы жизни, во-вторыхъ, происхожденіе видовъ и въ-третьихъ, возникновеніе самой жизни—объясняются механически, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Нигдѣ не обнаруживается необходимости—допускать вліяніе сверхъестественной силы. Для ея дѣятельности совсѣмъ нѣтъ мѣста.

Допустимъ на время, что это механическое объясненіе жизни есть твердо установленный наукою фактъ, — дѣйствительно ли тогда совсѣмъ не было бы мѣста во вселенной для живого Бога? и ужели вмѣстѣ съ этимъ у вѣры въ Бога отнята была бы всякая опора? Вамъ не трудно понять, что положеніе дѣла здѣсь точно такое же, какъ и въ космологіи. Здѣсь наукою установленъ фактъ, что мірозданіе представляетъ изъ себя необычайно громадный механизмъ. Слѣдовательно механическое объясненіе происхожденія живыхъ существъ не привноситъ сюда ничего новаго, но только даетъ понять, что этотъ механизмъ вселенной обладаетъ несказанно болѣе тонкимъ и удивительнымъ устройствомъ. Въ первомъ нашемъ чтеніи мы уже указали на то, что строго механическая законосообразность отнюдь не исключаетъ цѣлеполагающаго Творца. Когда думаютъ, что механическое объясненіе дѣлаетъ невозможнымъ объясненіе телеологическое, т.-е. объ-

ясненіе изъ цѣлей, то этимъ обнаруживаютъ только свою бессмысленность или слабость мыслительной способности. Самые глубокіе мыслители: Кантъ, Лотце, Вундтъ и Гартманъ прямо утверждаютъ, что одно требуется другимъ. Существенное свойство механизма состоитъ въ томъ, чтобы производить цѣлесообразныя дѣйствія, слѣдовательно быть телеологическимъ; слѣдовательно механизмъ и телеология прямо тождественны между собою. Машина работаетъ чисто механически, и однакожь она есть произведеніе ума, который при устройствѣ ея имѣлъ въ виду опредѣленныя цѣли. Если бы механизмъ природы не былъ устроенъ телеологически, т.-е. сообразно съ цѣлями; то онъ никакъ не могъ бы быть механизмомъ упорядоченныхъ законовъ, но былъ бы «бессмысленнымъ хаосомъ тупыхъ и своенравныхъ силъ». Поэтому если бы доказано было существованіе во вселенной абсолютнаго механизма, то съ этимъ вмѣстѣ было бы доказано существованіе здѣсь и абсолютной телеологии и наоборотъ. Такъ думаетъ Эдуардъ Гартманъ. Слѣдовательно, если бы даже и удалось все развитіе жизни объяснить чисто механически, то и тогда полагающая опредѣленныя цѣли творческая Воля никоимъ образомъ не исключалась бы, напротивъ прямо требовалась бы.

Здѣсь могутъ еще опереться на мнѣніе, что механизмъ жизни такъ же вѣченъ, какъ и механизмъ вселенной. Это и высказывали болѣе или менѣе опредѣленно. Нѣкоторые замѣчательные естествоиспытатели, какъ Гельмгольцъ и Томсонъ, которымъ теорія первичнаго зарожденія кажется очень проблематичной, принимаютъ космическую панспермію (смѣсь всякаго рода сѣмянъ или зародышей): по ихъ мнѣнію, первые зародыши жизни принесены на землю метеорами; слѣдовательно жизнь такъ же вѣчна, какъ и матерія. Но это предположеніе противорѣчитъ закону разсѣянія энергіи въ пространствѣ (Entropiegesetz); потому что этотъ законъ неизбѣжно приводитъ къ признанію конца, а потому и начала міра; чтобъ можно было утвер-

ждать безначальность міра, сначала нужно лишить всякаго значенія и силы этотъ законъ природы. Какъ субстанція, такъ и жизнь не могутъ быть вѣчными. Откуда получили свое начало та и другая? Вотъ здѣсь-то и открывается мѣсто для дѣятельности живого Бога. Нѣтъ ни одного научнаго доказательства, которое можно было бы привести противъ этого. Безъ этого же предположенія все оказывается висящимъ въ воздухѣ!

Я долженъ обратить вниманіе и на то, что при чисто механическомъ объясненіи жизни сущность «субстанціи» становится для насъ еще чудеснѣе и загадочнѣе; еще настойчивѣе дѣлается вопросъ: что такое — эта чудесная субстанція? Мы уже видѣли, что объ ея сущности мы не можемъ сказать ничего объективнаго; потому что мы не въ состояніи знать, что такое вещь въ себѣ, развѣ только для объясненія внѣшняго міра мы рѣшимся воспользо-ваться единственною вещью въ себѣ, которая дѣйствительно намъ извѣстна. Эта вещь въ себѣ — мы сами; но наше собственное существо—духовной природы; поэтому и сущность субстанціи можетъ быть только духовною. Здѣсь мы опять стоимъ непосредственно предъ лицомъ Бога, Который есть духъ. Истинная сущность субстанціи, которая служитъ источникомъ жизни, есть Богъ: *Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ*. Богъ не только сотворилъ міръ, но и Онъ только служитъ прочной опорой для него. Если мы не согласимся съ этимъ «супранатурализмомъ», то мы должны будемъ признать правильнымъ агностицизмъ, т.-е. отказаться отъ всякаго познанія сущности вещей. Такимъ образомъ оправдывается изреченіе: глубокое мышленіе не удаляетъ отъ Бога, но приводитъ къ Богу. Если бы механическое объясненіе оказалось даже и справедливымъ; то и въ этомъ случаѣ вѣра имѣла бы очень много воздуха для своего дыханія.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЛОДЪ ДУХА.

(Слово въ день Святаго Духа).

*Плодь Духа состоитъ во всякой бла-
гости, праведности и истинѣ* (Ефес.
5, 9).

Многообразны, чудны и благотворны дарованія, какими Духъ Святой, снисшедшій въ видѣ огненныхъ языковъ на апостоловъ, преисполнилъ ихъ въ день Пятидесятницы и чрезъ нихъ, чрезъ преемниковъ ихъ, чрезъ всѣхъ выразителей «Духа Христова» (ср. Рим. 8, 6) благодатно ущедряетъ и донинѣ Церковь Христову!

По св. апостолу Павлу, всякая благодать, праведность и истина являются плодомъ Духа Святаго.

На развитіи этой мысли читаннаго нынѣ «Апостола» намъ бы и хотѣлось остановить ваше вниманіе.

Итакъ, Духъ Святой—источникъ всякой благодати, праведности и истины.

Онъ — источникъ благодати, потому что *любовь Божія измилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. 5, 5).

Онъ—источникъ праведности, потому что *Духъ благодатный... ведетъ насъ въ землю правды* (Псал. 142, 10).

Онъ—*Духъ истины*, Который наставляетъ насъ на *всякую истину* (Іоан. 16, 13; ср. 1 Іоан. 5, 6).

Божьяго, поучаетъ насъ св. апостоль, никто не знаетъ, кромѣ Духа Божьяго... Мы приняли не духа міра сего, а

Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога (1 Кор. 2, 12).

Ошибочно думать, что Духъ Святой до сошествія Его на апостоловъ не дѣйствовалъ прежде въ родѣ человѣческомъ.

Духъ Святой, какъ воспѣваетъ наша Церковь православная, бѣ... присно, и есть, и будетъ (стих. на хвалит. службы Пятид., гл. 4-й).

Онъ былъ въ ветхозавѣтныхъ патріархахъ, былъ въ праведникахъ, былъ въ пророкахъ, былъ во всякой душѣ благочестивой и чистой.

Безъ Него никогда не совершалось ни одного истинно добраго дѣла.

Сошествіе Его на апостоловъ было тѣмъ не менѣе чрезвычайно важно и чрезвычайно благотворно для всего рода человѣческаго, потому что теперь по ходатайству Господа Иисуса Христа, восшедшаго на небеса и сидящаго одесную Бога Отца,—животворящій Духъ Святой торжественно явился въ чудесныхъ знаменіяхъ и началъ раздавать ученикамъ Христовымъ и всѣмъ вѣрующимъ во Христа благодатные дары, необходимые къ усвоенію спасенія.

Апостолы и другіе вѣрующіе, собранные въ Сіонской горницѣ, — получившіе Духа Святаго въ день Пятидесятницы, — были первыми живопріемными сосудами благодати Пресв. Духа.

Отъ апостольскихъ же ликовъ наченшій, Онъ излился потомъ на всякую плоть ¹⁾ и началъ дѣйствовать постоянно въ основанной Христомъ всемірной и вѣчной Церкви во исполненіе обѣтованія Христова, даннаго въ лицѣ Его учениковъ всѣмъ христіанамъ: *Я умолю Отца, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ* (Іоан. 14, 16). Теперь мы на вопросъ: *приняли ли вы Святаго Духа, увѣровавши, уже не можемъ отвѣчать, по-*

¹⁾ Стих. на стиховнѣ, гл. 3-й, въ нед. Пятид. вечера (срв. Дѣян. 2, 17 и Іоанъ 2, 28).

добно нѣвнѣимъ ученикамъ Іоанновымъ, о которыхъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, — мы даже и не слышали, есть ли Духъ Святый (Дѣян. 19, 2).

Нѣтъ, мы не только слышали о Немъ, но и пріяли Его, потому что мы христіане, по слову апостольскому, омылись и освятились, и оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего (1 Корин. 6, 11).

Каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова (Ефес. 4, 7). Въ Немъ (во Христвѣ) и вы... запечатлѣны обѣтованнымъ Святымъ Духомъ, Который есть залогъ наслѣдія нашего, для искупленія удѣла Его, въ похвалу славы Его — пишетъ тотъ же Апостоль, привѣтствуя вѣрующіихъ въ лицѣ Ефесскихъ христіанъ (Ефес. 1, 13, 14).

Всѣ вѣрующіе во Христа, будучи оживотворены Духомъ Святымъ, составляютъ великое тѣло Церкви, возвращающее все въ Господа и еще растущее возрастомъ Божіимъ (см. Ефес. 4, 15; Колос. 2, 19; ср. также Ефес. 2, 21—22).

Но намъ, христіанамъ, слѣдуетъ спросить свою совесть, особенно въ эти дни, посвященные прославленію Духа Святаго. — помнимъ ли мы завѣтъ апостольскій: не оскорбляйте Святаго Духа Божія, Которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія (Ефес. 4, 30), не угашаемъ ли мы въ себѣ этотъ Духъ Божій (ср. 1 Солун. 5, 19), Который мы должны возрывать въ себѣ, какъ даръ Божій (ср. 2 Тим. 1, 6)?

По слову ап. Павла, кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его (Рим. 8, 9), слѣдовательно, тотъ и не христіанинъ.

Что мы пребываемъ въ Немъ (въ Богѣ), и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего, пишетъ другой апостоль, возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 4, 13; ср. 1 Іоан. 3, 24).

А мы?! — Страшно и подумать, какъ мало достойны мы имени христіанскаго, потому что не Духъ Господа Иисуса Христа кроткаго и смиреннаго сердцемъ (Мѣ. 11, 29), заповѣдаващаго и намъ смиреніе (Лк. 14, 11; 18, 14; Мѣ.

23. 12), прошеніе обидь (Мѣ. 5, 39; Лѣ. 6, 29) и самопожертвованіе ради Него (Мѣ. 10, 39; Мр. 8, 35; Лѣ. 9, 24), а духъ ненависти, лжи и неправды, враждебный Христу, такъ властно паритъ въ нашей жизни!

Богъ въка сего ослѣпилъ наши умы, чтобы для насъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа (2 Кор. 4, 4)...

Это потому, что приняли мы не Духа отъ Бога, а духа міра сего (ср. 1 Кор. 2, 12).

Если, по слову апостольскому, *никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3), то тѣмъ болѣе никто не можетъ соблюсти вѣру свою въ Господа Иисуса Христа чистою и твердою, какъ только Духомъ Святымъ.

Только для христіанина, водимаго Духомъ Божиимъ (ср. Рим. 8, 14), не закрыть этотъ свѣтъ «благовѣствованія Христова».

Руководясь ученіемъ апостольскимъ, онъ сознаетъ и умомъ, и сердцемъ, что это «благовѣствованіе Христово» есть сила Божія ко спасенію всякому върующему... и въ немъ открывается правда Божія (Рим. 1, 16. 17); эта правда Божія явилась въ лицѣ Иисуса Христа Праведника, Котораго Богъ предложилъ въ жертву умилоствленія въ Крови Его чрезъ вѣру... къ показанію правды Его (Рим. 3. 21. 25. 26). Лишь эта Кровь Иисуса Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, можетъ очистить совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, для служенія Богу живому и истинному (Евр. 9, 14)!

Сколь тяжчайшему по вѣтому наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню Кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ (Евр. 10, 29).

Подавляя истину Христова благовѣствованія своею неправдою (срв. Рим. 1, 18) и Духа благодати оскорбляя,—мы закрываемъ для себя единственный путь къ единенію съ Богомъ, Создателемъ нашимъ.

Только Христосъ, по ученію апостольскому, *можетъ всегда спасать всѣхъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу* (Евр. 7, 25) и притомъ лишь при непосредственномъ участіи Духа Святаго:—*чрезъ Него (Христа Іисуса) мы имѣемъ доступъ къ Отцу въ одномъ Духѣ* (Ефес. 2, 18) ¹⁾.

Отрицаясь Духа Святаго, мы не имѣемъ даже нравственнаго права называть Бога—Отцемъ своимъ.

Это съ непререкаемою ясностью раскрылъ намъ св. ап. Павелъ: *Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго)... дабы намъ получить усыновленіе. А какъ вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче!* (Галат. 4, 4. 5. 6).

Сей самый Духъ Святой и есть Духъ усыновленія, *Которымъ мы зываемъ Отцу: Авва, Отче!*, и Онъ *свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы — дѣти Божіи* (см. Рим. 8, 15. 16).

Итакъ, мы — уже не дѣти Божіи, если приняли духа міра сего и не чтимъ Духа Святаго, — и не имѣемъ уже доступа къ Богу Отцу.

Какими страшными послѣдствіями для жизни міра сопровождается подобное удаленіе человѣка отъ Бога,—это ясно раскрылъ Господь Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Вотъ какія грозныя слова обращалъ нѣкогда Онъ къ народу еврейскому устами пророка Ісаія: *Беззаконія ваши произвели раздѣленіе между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши отвращаютъ лице Его отъ васъ, чтобы не слышать. Ибо руки ваши обогреты кровію и персты ваши—беззаконіемъ; уста ваши говорятъ ложь, языкъ вашъ произноситъ неправду. Никто не возвышаетъ голоса за правду и никто не вступаетъ за истину; надѣются на пустое и говорятъ ложь, зачинаютъ зло и рождаютъ злодѣйство...*

---

¹⁾ Вотъ почему Христовъ апостоль *Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовью Духа умоляетъ вѣрующихъ подвизаться вмѣстѣ съ нимъ въ молитвѣ за него къ Богу* (Рим. 15, 30).

И судъ отступилъ назадъ, и правда стала вдали, ибо истина преткнулась на площади, и честность не можетъ войти. И не стало истины, и удаляющийся отъ зла подвергается оскорбленію. (Исаи 59, ст. 2—4, 14—15) ¹⁾.

Ветхозавѣтные люди жили вѣрою въ откровеніе правды Христовой: — *Сохраниайте судъ и дѣлайте правду, ибо близко спасеніе Мое и откровеніе правды Моей* (Исаи 56, 1)—эти слова Божіи, безъ сомнѣнія, находили себѣ живой откликъ въ умѣ и сердцѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. «Правда Божія» имъ открывалась, по изъясненію св. ап. Павла, *отъ вѣры въ вѣру, какъ написано: праведный вѣрою живъ будетъ* (Аввак. 2, 4)—Римл. 1, 17.

Но и они—вѣтхозавѣтные люди, даже и не принадлежавшіе къ Богоизбранному народу еврейскому,—безотвѣтны предъ лицомъ правды Божіей, ибо что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, потому что Богъ явилъ имъ, и они должны были знать *праведный судъ Божій* (см. Рим. 1, ст. 20, 19, 32).

Поэтому во всѣ времена *открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ, подавляющихъ истину неправдою* (Рим. 1, 18).

Что же сказать о насъ, надъ которыми уже исполнилось пророчество о томъ, что *узритъ всякая плоть спасеніе Божіе* (Исаи 40, 5—Лк. 36), и для которыхъ нынѣ... *явилась правда Божія, о которой свидѣлствуютъ законъ и пророки, правда Божія чрезъ вѣру въ Иисуса Христа...* (Рим. 3, 21, 22)?

Какъ избѣжать намъ праведнаго гнѣва и суда Божія за подавленіе правды Христовой?

Никто другой, какъ только Святый Духъ, по слову са-

¹⁾ Въ подобномъ грѣховномъ состояніи могутъ пребывать не только отдѣльные люди, но и цѣлый народъ: *Я отнялъ отъ этого народа, говоритъ Господь, миръ Мой и милость и сожалѣніе*—возвѣстия нѣкогда Богъ тому же народу еврейскому черезъ пророка Іеремію (Іерем. 16, 5).

мого Христа Спасителя, может обличить міръ о грѣхъ и о правдѣ, и о судѣ (см. Іоан. 16, 8).

И Онъ придетъ обличитъ міръ о судѣ... что князь міра сего осужденъ (см. Іоан. 16, 8, 11).

Это значить, что князь міра сего осуждается Духомъ Святымъ въ жизни міра, того міра, который не можетъ принять Духа истины, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его (см. Іоан. 14, 17 ср. 1 Кор. 2, 14).

Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ вонъ (Іоан. 12, 31)—эти слова впервые были сказаны Христомъ, когда приближался часъ, на который Онъ и пришелъ (см. Іоан. 12, 27).

Не давайте мѣста діаволу (Ефес. 4, 27),—какъ умѣстно намъ всегда помнить этотъ завѣтъ апостольскій!

Идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего (Іоан. 14, 30), вѣдь, подобнымъ образомъ лишь Христосъ Единый Праведникъ могъ говорить о Себѣ, а намъ грѣшникамъ, если мы не желаемъ стать на сторону осужденнаго искони и побѣжденнаго врага Христова, остается только молить Духа Святаго, Обличителя и Судію всего зла въ нашей жизни, происходящаго отъ князя міра сего:

Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины—прииди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша!

А чтобы Онъ дѣйствительно пришелъ и вселился въ насъ, для того сотворимъ то, что св. апостоль Петръ совѣтовалъ сдѣлать іудеямъ въ день Пятидесятницы.

Отъ его проповѣди они *умилились сердцемъ*¹⁾ и сказали Петру и прочимъ Апостоламъ: *что намъ дѣлать, мужи братія?*

Петръ же сказалъ имъ покайтесь и получите даръ Святаго Духа (Дѣян. 2, 37, 38).

¹⁾ Умилились, конечно, подъ прямымъ воздѣйствіемъ Духа „*благодати и умиленія*“ (ср. Захаріи, 12, 10).

Если первое слово къ народу изъ усть апостольскихъ по принятіи ими Духа Святаго было *покайтесь*, то это, безъ сомнѣнія, потому, что покаяніе открываетъ нашей душѣ доступъ къ дальнѣйшимъ на нее дѣйствіямъ Духа Святаго, тогда какъ душа, не очищенная огнемъ покаянія, неспособна къ воспріятію благодати Пресв. Духа.

Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается (степ. антиф. 4 гласа)!

Не призвавъ напередъ къ себѣ въ чувствѣ сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ своихъ Духа Святаго, не призвавъ Его къ духу нашему, какъ можемъ мы грѣшники призывать святѣйшее имя Божіе и вопить къ небу гласомъ нечистыхъ усть своихъ?

Св. апост. Павелъ свидѣтельствуетъ, что *Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ: ибо мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно, но Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными* (Рим. 8, 26).

О подобной же благодатной помощи намъ въ молитвѣ Духа Святаго говорить и другой Христовъ апостоль, заповѣдая намъ христіанамъ: *вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, молясь Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божіей, ожидая милости отъ Господа нашего Іисуса Христа для вѣчной жизни* (Іуды, 1, 20, 21).

Да придетъ и да вселится въ насъ Духъ Святой, Духъ «всякой благодати, праведности и истины», чтобы «сохранить насъ въ любви Божіей» въ чаяніи «милости» къ намъ «отъ Господа нашего Іисуса Христа для вѣчной жизни»!

Свящ. М. Славскій.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Отношеніе патріарховъ къ русскому расколу по памятникамъ патріаршей письменности.

Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій нашей русской жизни—расколъ, пустивши свои корни еще въ XVI в., а, можетъ быть, даже и еще раньше, какъ справедливо полагаетъ авторъ статьи «О различныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи»³⁹⁾, въ періодъ патріаршества вступилъ въ открытую борьбу съ церковью⁴⁰⁾ за свою мнимо-истинную старину, за тотъ наслоившійся на русской религіозной мысли и жизни мракъ, который хотѣли разсѣять лучшіе представители религіознаго сознанія въ XVII вѣкѣ. Противъ этого печальнаго религіознаго дви-

---

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душен. Чт.* за 1910 г.

³⁹⁾ *Кіев. Унив. Изв.* 1869. Впрочемъ преосвящ. Филаретъ Черниговскій въ своемъ „Обзорѣ“ называетъ весьма страннымъ то мнѣніе, что расколъ явился незадолго до стоглаваго собора (1551 г.). Въ то время, говоритъ онъ, были только у иныхъ кое-какія странныя мнѣнія, изъ за которыхъ никто не отдѣлялся тогда отъ церкви, не дѣлалъ раскола. Томъ II, стр. 132.

⁴⁰⁾ Истор. Россіи Соловьева, т. IX, стр. 435—442. Факты, сообщаемые этимъ историкомъ, столько же мало вѣроятны, сколько и поразительны. Хочется не вѣрить тому, о чемъ онъ рассказываетъ, по необычайности жестокихъ обидъ и несправедливостей; повесенныхъ лучшимъ дѣятелемъ того времени (архимандритомъ Діонисіемъ) отъ людей самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ.

женія, вызваннаго крайней грубостію и невѣжествомъ его представителей, сколько по долгу верховныхъ пастырей русской церкви, столько же и по желанію примирить съ церковію отпадшихъ отъ нея членовъ ⁴¹⁾, возстали наши русскіе первосвятители (Никонъ, Іоасафъ II, Іоакимъ) и приняли всѣ мѣры къ прекращенію этого зла въ самомъ его началѣ, пока поднявшія это движеніе лица не успѣли еще объединиться между собой и сплотиться въ одну общую, достаточно сильную и крѣпкую организацію. Въ ряду этихъ мѣръ одною изъ самыхъ важныхъ была, несомнѣнно, патріаршая письменность, направленная къ обличенію какъ всѣхъ вообще заблужденій нашего русскаго старообрядства, такъ и очень многихъ въ этомъ ученіи частныхъ и подробностей. Тѣсная и неразрывная связь полемической письменности патріарховъ съ тяжелыми испытаніями, понесенными русской церковію въ XVII вѣкѣ, сообщила ихъ противураскольническимъ сочиненіямъ свой особенный нѣсколько жесткій характеръ, которымъ она въ значительной степени и отличается отъ сочиненій другихъ полемическихъ писателей послѣдующаго за патріархами періода. Первое столкновеніе и первая борьба съ какими бы то ни было новыми настроеніями въ общественной и особенно въ религиозной жизни народовъ никогда и нигдѣ не проходятъ совершенно спокойно, безъ оскорбительныхъ иногда другъ противъ друга обличеній, укоровъ, суровыхъ несдержанныхъ словъ и т. п. Не могли избѣжать этого и наши русскіе первосвятители въ сочиненіяхъ, направленныхъ ими противъ раскола. Такъ, на 63 и 64 страницахъ *Устава Духовнаго* высказываются отъ имени патр. Іоакима такія суровыя обличенія раскольниковъ, съ какими гораздо лучше было бы совсѣмъ здѣсь не встрѣчаться. И, къ сожалѣнію, то мѣсто, въ которомъ слышится какъ бы ожесточеніе патріарха противъ

---

⁴¹⁾ *Уставъ Духовный*, стр. 72—84. Рук. Соф. Библ., № 1504.

непокорнаго ему народа, звучать его грозные укоры и проклятія, является далеко не единственнымъ въ этомъ знаменитомъ посланіи. «Никита проклятый, говорится здѣсь, суздалецъ изверженный, да бродяги и растриги черницы... и инии невѣжды міряне, и неукы, самые худые люди, и ярыжные, съ кабакомъ пропойцы»... (Стр. 63 и 64). За такую ихъ злобу, говорится здѣсь въ другомъ мѣстѣ, не тобмо подобало бы съ такими невѣждами мужиками глаголати, но и зрѣти на нихъ, яко на псовъ бѣснующихъ, не годствовало бы. Безумнымъ же раскольникомъ (еще слова изъ *Увѣта Духовнаго*) никоими словесы не возможно есть увѣщати, точію воловымъ остномъ наказати ихъ подобаеъ. И по писанію: съ бумъ не умножи словесъ, яко не имать послушати⁴²⁾. Въ такомъ же духѣ пишетъ противъ раскольниковъ и патр. Іоасафъ II въ своемъ духовномъ завѣщаніи⁴³⁾.

Нечего уже и говорить о томъ, что въ *Увѣтѣ Духовномъ* желательно было бы встрѣтить болѣе кроткій взглядъ на расколъ и болѣе широкое пониманіе этого глубоко печальнаго для нашей страны религіознаго движенія. Но автору и издателю *Увѣта* нужно было бы слишкомъ высоко стоять надъ понятіями своихъ современниковъ, чтобы высказывать другіе взгляды на расколъ и на отношенія къ нему духовной и свѣтской власти. Самъ Дмитрій Ростовскій, при всей силѣ своего таланта и ума, не выска-

⁴²⁾ *Увѣтъ Духовный*, стр. 86, сравни стр. 230—236. Здѣсь патриархъ остается невѣренъ самому себѣ. Да и вообще въ „*Духовномъ Увѣтѣ*“ весьма нерѣдко встрѣчаются противорѣчія частныхъ выраженій и мѣстъ характеру всего сочиненія. Такъ на стр. 146—147 читаемъ: „иже убо речеть брату своему рака, повинень есть сонмищу, и иже речеть юродѣ, повинень есть гееннѣ огненнѣй; посему явлено, яко нѣсть отъ Бога сіи чловѣдцы. Святіи убо сего не сотвориша никогда же; послѣдоваша бо своему учителю, яко же рече: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и проч. А въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: Никита проклятый, суздалецъ изверженный и т. п.

⁴³⁾ Древн. рос. Библіоѳика, т. VI.

заль на расколъ другихъ болѣе глубокихъ взглядовъ, не выяснилъ историческихъ причинъ этого печальнаго движенія и не предлагалъ другого болѣе кроткаго и снисходительнаго отношенія къ старообрядцамъ помимо того, за которое высказался уже знаменитый составитель *Увѣта* ⁴⁴⁾. То было время, когда взгляды и понятія лучшихъ людей заключены еще были въ тѣсныя рамки исторически сложившихся формъ жизни, отступленіе отъ которыхъ считалось отступленіемъ отъ истины. Такъ смотрѣли на дѣло всѣ, не исключая и самыхъ лучшихъ дѣятелей нашей церкви. Неразрѣшимый до настоящаго времени вопросъ о широкой для всѣхъ вѣротерпимости могъ ли даже и подлежать обсужденію въ то безпокойное время, переполненное всякими и виѣшними, и внутренними нестроениями? Притомъ же можно полагать, что тѣ иногда чрезвычайно строгія и крутыя мѣры, какія предлагаетъ авторъ *Увѣта* къ примѣненію въ обращеніи съ раскольниками, можетъ быть, помимо его воли, внушены были ему именно дикимъ фанатизмомъ и необузданностію главныхъ виновниковъ этого новаго движенія, буквально раздиравшаго церковь. Кроткое и снисходительное отношеніе къ отступникамъ отъ ученія православной церкви, какое мы видимъ въ сочиненіяхъ Нила Сорскаго, Вассіана Косого и вообще въ жизни и сочиненіяхъ иноковъ Заволжскихъ и Бѣлозерскихъ монастырей въ XV и XVI ст., едва ли можно считать единственнымъ и безусловно обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія пастырей русской церкви, ближайшимъ образомъ сталкивавшихся съ фанатизмомъ и ожесточеніемъ первыхъ борцовъ за неприкосновенность всей вообще церковно-русской старины, какова бы она ни была сама по себѣ и какъ бы ни обязательны были въ ней тѣ или другія исправленія и перемѣны. Притомъ же въ XV,

---

⁴⁴⁾ „Розыскъ“ Дмитрія Ростовскаго. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что въ сей книгѣ въ первый разъ различены всѣ раскольническія секты и обнаружены заблужденія каждой. Другихъ достоинствъ онъ не указываетъ въ „Розыскѣ“. Словарь духовныхъ писат., т. I. стр. 127.

XVI и XVII вв. предки наши, за самыми незначительными исключениями, рѣшительно не могли имѣть тѣхъ взглядовъ на современные имъ вопросы, какихъ бы теперь могли пожелать имъ мы съ нашей точки зрѣнія. «Время своихъ слугъ поставляетъ».

Необыкновенно сильное распространение раскола при Петрѣ I и его преемникахъ вызвало довольно богатую по тому времени противораскольническую литературу ⁴⁵⁾. Еще больше сочиненій, направленныхъ противъ раскола, появилось въ XIX вѣкѣ. Измѣнившіяся условія русской жизни и болѣе тщательное изученіе внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ расколъ, дали полемической письменности второй половины XVIII и XIX вв. нѣсколько иной характеръ. Но и здѣсь еще весьма замѣтно сказывается все тотъ же духъ нетерпимости въ отношеніи къ раскольникамъ, тотъ же суровый исключительно карательный взглядъ на нихъ. Только въ лицѣ нѣкоторыхъ лучшихъ представителей нашей полемической письменности конца XVIII и начала XIX вѣка мы встрѣчаемъ уже болѣе снисходительное отношеніе къ несчастному религіозному упорству преданнаго грубому невѣжеству, но все же искренно и глубоко религіознаго народа ⁴⁶⁾.

Указывая на различныя историческія условія, какими вызывалась и обусловливалась полемическая письменность русскихъ патріарховъ, и признавая всю неотразимость

---

⁴⁵⁾ Сюда принадлежатъ полемическія сочиненія: Теофана Прокоповича, Питирима арх. Нижегородскаго, Теофилакта Лопатинскаго, Григорія Яковлева (сочиненія замѣчательныя по подробностямъ), Арсеція Мацѣевича († 1775 г.), Досифея Кержепскаго, Никифора Θεотоки († 1799 г.), митрополита Платона († 1812 г.), Андрея Журавлева и мн. др.

⁴⁶⁾ См. увѣщаніе къ раскольникамъ митр. Платона, въ которомъ вѣтъ духъ кротости и любви къ отпадшимъ отъ единенія съ церковію, равно и всѣ сочиненія о расколѣ А. Журавлева, прот. едино-вѣрческой церкви († 1813 г.). Самый отъявленный фанатикъ раскола ничего предосудительнаго не могъ сказать объ отцѣ Андрѣ. Обзоръ ч. II, Земство и расколъ. Шапова.

вліянія этихъ условій на характеръ и направленіе ихъ письменности, мы имѣемъ въ виду хотя въ нѣкоторой мѣрѣ смягчить тѣ упреки, какіе дѣлаютъ имъ иногда болѣе строгіе ревнители «духа любви ко всѣмъ и милосердія». Въ то время, когда на Красной площади и въ Грановитой палатѣ происходили страшные религіозные безпорядки, угрожавшіе опасностью всей русской странѣ, строгое и суровое обличеніе раскольниковъ, не всегда способныхъ понимать тихую переполненную любовью рѣчь своихъ пастырей, могло быть признано, въ разгарѣ борьбы, совершенно соотвѣтствующимъ и духу тогдашняго времени и переживаемому страной моменту. Притомъ же нельзя не имѣть въ виду и того, что духъ нетерпимости и суроваго преслѣдованія раскольниковъ слышится только въ отдѣльныхъ отрывочныхъ мѣстахъ письменности русскихъ патріарховъ. Въ общемъ же духъ и характеръ ихъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола, вѣтъ все та же, исполненная любви и самоотверженія, христіанская кротость, неисчерпаемое милосердіе и доброта, какими проникнуты всѣ другія сочиненія русскихъ патріарховъ. «Человѣче суетне, писалъ, обращаясь къ раскольникамъ, авторъ *Уетьта*, останися рати твоя на церковь, да не сокрушитъ тебѣ силы; не вводи рати: не бо аще съ чловѣкомъ борешися, то или одолѣши, или одолѣтъ тя: съ церковью же аще борешися, то одолѣти не можеши: Божіе бо есть всѣхъ крѣплѣйше... О, человѣче суетне! не слыша ли Господа глаголюща: идѣ же два или тріе собрани суть о имени моемъ, ту есмь посредѣ ихъ. Здѣ же, благочестивые цари, и толико архіереевъ, и множество народа любовію Христовою содержи ми во благочестіи,— то тамъ ли его нѣсть?!» Вообще, послѣднія страницы вступленія въ *Уетьтъ Духовный* дышатъ самымъ теплымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ. Здѣсь слышится уже голосъ добраго пастыря, готоваго душу свою положить за овцы; чувствуются слезы любящаго отца, вразумляющаго заблудшихъ чадъ своихъ. «Что бо ми свѣтъ сея жизни безъ

любви вашей», говорить онъ, обращаясь къ отступникамъ отъ вѣры и высказывая свои завѣтныя желанія ⁴⁷⁾. «Ей, христіане есмы, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, и сынове восточныя церкви; ей, всеусердно желаемъ спастися. Ей, наипаче о семъ всея жизни моя тщаніе полагаю, и въ молитвѣ о васъ сотворю поминаніе во дни и нощи, и скорби и бѣды подымую, да вы спасетесь» ⁴⁸⁾. Да и вообще въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ пастырская строгость соединяется съ отеческою любовію, ревность по вѣрѣ съ христіанскимъ милосердіемъ, временное осужденіе съ вѣчнымъ прощеніемъ, проклятіе съ благословеніемъ небеснымъ ⁴⁹⁾. И мы, можетъ быть, имѣемъ полное основаніе полагать, что наши патріархи, какъ полемическіе писатели, далеко не заслуживаютъ того упрека въ недостаткѣ любви и христіанскаго милосердія, какой, въ свое время, можетъ быть и справедливо сдѣланъ былъ знаменитому Іосифу Волоколамскому отъ людей, принадлежавшихъ къ аскетически нравственной школѣ препод. Нила Сорскаго, проникнутой широкимъ чувствомъ живой любви ко всѣмъ и полного во всемъ снисхожденія ⁵⁰⁾.

⁴⁷⁾ *Уеть Духовный*, стр. 44.

⁴⁸⁾ *Уеть Духовный*, стр. 73 на обор.

⁴⁹⁾ Духовная Грамата натр. Іоасафа въ Древней Росс. Вивлюенкѣ, т. VI, стр. 347 и 348. Тоже и *Уеть Духовный*.

⁵⁰⁾ *Кіев. Унив. Изв.* 1869 г. Іосифъ Волоколамскій старался доказать, что убить еретика молитвою или проклятіемъ все равно, что руками; а потому утверждалъ, что не слѣдуетъ давать ему пощады даже въ покаяніи, такъ какъ оно ложно и вынужденно. Необходимость казни еретиковъ онъ доказываетъ примѣрами ветхо-завѣтныхъ реввителей. Вологодскіе пустынники и старцы Кирилловскаго монастыря написали особое посланіе противъ Іосифа, въ которомъ укоряли его за защиту казни еретиковъ. Въ его взглядахъ они видѣли возвращеніе къ ветхому завѣту, теперъ уже оставленному. „Апостоль Пеѣръ, писалъ Іосифу, волхва Симона молитвою разбилъ за то, что онъ назывался Сыномъ Божіимъ; и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы недостойныхъ еретиковъ и грѣшниковъ пожрала земля. Если же Богъ приметъ еретика и грѣшника на покаяніе, то твоя молитва не будетъ услышана... Праведныхъ слѣдуетъ любить, а грѣшниковъ миловать“. *Древн. Росс. Вивл.*, т. XVI, стр. 424—428.

Наконецъ, нельзя не упомянуть здѣсь и о томъ, что въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ сказалось только самое первое знакомство съ расколомъ, безъ изученія внутреннихъ причинъ этого печальнаго религіознаго движенія и въ частности тѣхъ отдѣльныхъ направленій и сектъ раскола, съ которыми такъ подробно и обстоятельно познакомились всѣхъ св. Дмитрій Ростовскій въ своемъ «Розыскѣ». Но этого кажущагося недостатка нельзя было почти и избѣжать русскимъ патріархамъ. При нихъ только что начиналась еще открытая борьба съ расколомъ, и первые его обличители, естественно, могли и даже должны были останавливаться главнымъ образомъ на внѣшней, болѣе наглядной его сторонѣ, не вдаваясь уже въ изученіе внутреннихъ причинъ этого религіознаго движенія и тѣхъ отдѣльныхъ его развѣтвленій и сектъ, которыя едва только начали тогда формироваться въ отдѣльныя болѣе или менѣе замкнутыя въ себѣ религіозныя общины и согласія.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ КЪ ХРИСТИАНСТВУ.

IX.

Ветхозавѣтная литература.

Литература: Butler, *Analogy* (часть II, гл. III); Pécaut, *Le Christ et la Conscience*; Robertson Smith, *The Old Testament in Jewish Church* (2 изд.); Simon, *The Bible an Outgrowth of Theocratic Literature*; Ladd, *The Doctrine of Sacred Scripture*; Gladden, *Who wrote the Bible?*; Reuss, *Histoire du Canon des Saintes-Ecritures*; Buhl, *Kanon und Text des Alten Testaments*; Kirkpatrick, *The Divine Library of the Old Testament*; Driver, *Introduction to the Literature of the Old Testament*; Ryle, *The Canon of the Old Testament*, 1892.

Богъ далъ особенное откровеніе Израилю, и Онъ же далъ ему священныя книги. Это—не одно и то же. Откровеніе и Библия не суть синонимы. Откровеніе существовало задолго до того времени, какъ появилась Библия. Богъ открывалъ Себя въ исторіи, какъ Богъ всей земли, благодатно избравъ Израиля, чтобы онъ былъ главнымъ воспріемникомъ высшаго блага, заключающагося въ познаніи истиннаго Бога, и чтобы Израиль при обстоятельствахъ сдѣлался орудіемъ сообщенія этого знанія всему міру. Богъ открылъ себя въ сознаніи Израиля, какъ благодатное, избравшее его Существо, давшее пророкамъ духовное прозрѣніе въ истинное назначеніе Израильской исторіи. Первоначально это прозрѣніе дано было Моисею и потомъ другимъ пророкамъ, пророчества которыхъ сохранялись въ книгахъ, называющихся ихъ именами. Избраніе и промыслительное воспитаніе Изра-

иля, и постепенно полученное имъ прозрѣніе въ фактъ и цѣль его избранія—все это было важнымъ самооткровеніемъ Бога, хотя бы литература откровенія никогда и не возникала; и одно такое откровеніе послужило бы къ достиженію весьма важныхъ цѣлей, хотя, какъ замѣчаетъ епископъ Бѣтлеръ, и не всѣхъ цѣлей, какимъ отвѣчало письменное откровеніе и не въ такой же степени ¹⁾). Великія дѣла были совершены Богомъ для Израиля прежде, чѣмъ еврейская Библия начала существовать. Можно даже сказать, что лучшіе дни Израиля прошли прежде, чѣмъ появилась эта священная книга; что среди избраннаго народа, когда онъ былъ еще народомъ живого слова, Іегова присутствовалъ болѣе явно, чѣмъ когда Израиль сдѣлался народомъ писанной книги. Народъ книги былъ выродившимся народомъ, появленіе книги совпадало съ наступленіемъ сумерекъ легализма; а пользованіе ею было въ значительной степени идолопоклонническимъ и такимъ, что скорѣе клонилось къ сокрытію, чѣмъ къ откровенію Бога. Но это зависѣло не отъ ошибочности самой книги, а скорѣе отъ склонности къ заблужденіямъ ея читателей.

Если все это вѣрно, то не менѣе вѣрно и то, что данное откровеніе, такое, какое Богъ сообщилъ Израилю въ литературѣ откровенія, хотя и не было дѣломъ апріорной необходимости, было въ высшей степени вѣроятнымъ слѣдствіемъ откровенія. Говоря вообще, какой бы то ни было памятникъ о немъ былъ дѣломъ необходимымъ. Насколько устное преданіе могло быть средствомъ для сохраненія истиннаго знанія о самопроявленіяхъ Бога и насколько оно воплощало идею о Богѣ, это вопросъ второстепенной важности. Для насъ важно теперь только то, что если Богъ специально открылъ Себя Израилю, то было хорошо, чтобы и всѣ остальные люди получили свѣдѣнія объ этомъ фактѣ, о способѣ и мѣрѣ даннаго откровенія, такъ что письменный памятникъ, если и не былъ для сообщенія та-

---

¹⁾ *Analogy*, часть II, гл. III.

кого знанія средствомъ единственнымъ, то по крайней мѣрѣ былъ средствомъ весьма важнымъ. Что касается первой половины этого тезиса, то его истинность признается въ знакомыхъ намъ словахъ Псалтири: «родъ роду будетъ восхвалять дѣла Твоя и возвѣщать о могуществѣ Твоемъ. А я буду размышлять о высокой славѣ величія Твоего и о дивныхъ дѣлахъ Твоихъ. Буду говорить о могуществѣ страшныхъ дѣлъ Твоихъ, и я буду возвѣщать о величіи Твоемъ. Буду провозглашать память великой благодати Твоей и воспѣвать правду Твою»¹⁾. Что касается второй половины тезиса, то ученіе это выражено было такъ: «Богу угодно было, въ разныя времена и различными способами, открывать Себя и возвѣщать волю Свою церкви. Впослѣдствіи же, для лучшаго сохраненія и распространенія истины и для болѣе прочнаго утвержденія и удобства Своей церкви, для предохраненія ея отъ плоти и злобы сатаны и міра, Богу угодно было предать Свое откровеніе письмени. Священное писаніе сдѣлалось такимъ образомъ совершенно необходимымъ, а прежніе способы откровенія божественной воли теперь прекратились»²⁾.

Такое ученіе, какъ можно думать, не подлежитъ сомнѣнію, если только слова «совершенно необходимымъ» понимать въ томъ смыслѣ, что въ нихъ подразумѣвается высшая степень полезности, равняющаяся практической необходимости. Только тогда, когда эти слова истолковываются въ смыслѣ догмата, что безъ знакомства съ писаніемъ спасеніе совершенно невозможно, они могутъ создать предубѣжденіе въ родѣ того, какое случайно встрѣчается у лицъ, издѣвающихся надъ христіанствомъ, принимаемымъ ими за книгу откровенія. Нельзя отрицать того, что люди, вѣровавшіе въ несравненную важность священнаго писанія ветхаго и новаго завета, какъ подлинной записи божественныхъ откровеній, не всегда тща-

¹⁾ Пс. 144, 4—7.

²⁾ *Westminster Confession*, гл. I, отд. I.

тельно избѣгали поводовъ къ такому несчастному предубѣжденію. Такъ протестантскіе богословы, усвоившіе себѣ схоластическое направленіе, имѣли наклонность связывать идею откровенія съ памятникомъ о немъ такъ близко, что этимъ сообщалось ложное впечатлѣніе о точной функціи писанія. Библия была для этихъ богослововъ не только памятникомъ объ откровеніи, но и самымъ откровеніемъ, и потому знакомство съ памятникомъ считалось необходимымъ для участія въ самыхъ благахъ откровенія. Если люди не знали письменнаго откровенія, то Богъ никогда имъ не открывался, насколько это было имъ нужно. Интересный примѣръ такой наклонности сообщаетъ намъ Ричардъ Бакстеръ. Онъ и д-ръ Оуэнъ были вмѣстѣ членами комитета, назначеннаго англійскимъ парламентомъ подъ протекторатомъ Кромвеля, и должны были составить перечень основныхъ положеній относительно «вѣры въ Иисуса Христа». Въ составленномъ этимъ комитетомъ документѣ было изложено, что всѣ, исповѣдующіе христіанство, должны были получить право на свободное отправленіе своей религіи. Богословы, назначенные для исполненія важной задачи—установленія основаній религіозной вѣротерпимости, очень скоро нашли, по выраженію Бакстера, «какъ затруднительно было дѣло перечисленія основныхъ положеній». Среди спорныхъ пунктовъ, по показанію лица, отъ котораго заимствуются эти свѣдѣнія, былъ слѣдующій: знаніе священнаго писанія вполнѣ ли необходимо для спасенія? Д-ръ Оуэнъ вмѣстѣ съ другими отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно и хотѣлъ ввести основной догматъ, по которому «ни одинъ человекъ не можетъ получить спасительныхъ свѣдѣній о Богѣ иначе, какъ чрезъ священное писаніе»,—очевидно, желая воспользоваться этимъ догматомъ, какъ средствомъ для исключенія приверженцевъ католицизма отъ покровительства законовъ о вѣротерпимости. Бакстеръ, какъ и слѣдовало ожидать, твердо поддерживалъ противоположное мнѣніе, утверждая, что тезисъ Оуэна не есть ни основ-

ной, ни истинный, и что если среди католиковъ или какихъ-нибудь другихъ лицъ какой нибудь бѣднякъ—христианинъ будетъ вѣрить тому, чему научился изъ устнаго преподаванія отъ другихъ, даже не зная, существуетъ ли священное писаніе, то будетъ спасенъ, потому что написано, что вѣрующій спасется ¹⁾. Слабость положенія Оуэна очевидна, и не менѣе того очевидна и опасность его ученія, не столько въ томъ, что онъ неумѣстно суживалъ границы религіозной терпимости до нарушенія мира въ государствѣ, сколько въ томъ, что давалъ поводъ къ сильнымъ нападеніямъ на священное писаніе со стороны свободныхъ мыслителей въ родѣ Руссо, который легко опровергалъ методъ Оуэна чрезъ *reductio ad absurdum*. Какъ разнится отъ этого преувеличеннаго и опаснаго говоренія о Библии, которое позволилъ себѣ этотъ богословъ семнадцатаго столѣтія, трезвое, умѣренное, полное достоинства утвержденіе апостола Павла, говорившаго, что «все писаніе боговдохновенно и полезно» ²⁾. Апостолъ не счелъ нужнымъ излагать отрицательныхъ положеній о томъ, что намъ слѣдовало бы дѣлать, если бы у насъ не было писанія. Онъ удовольствовался только положительнымъ ученіемъ, что писаніе полезно для цѣлей религіознаго назиданія. Что бы ни случилось съ человѣкомъ, лишеннымъ возможности пользоваться помощію этого цѣннаго средства полученія благодати, несомнѣнно, по ученію апостола Павла, что человѣкъ, который имѣетъ въ своихъ рукахъ писаніе, пользуясь имъ съ разумніемъ, находится на свѣтломъ пути къ усовершенствованію, вполне вооруженный для всякихъ добрыхъ дѣлъ.

Польза и цѣнность еврейскихъ писаній зависятъ въ концѣ концовъ отъ того, что они суть литература откровенія, т.-е. памятникъ и толкованіе самооткровенія Бога Израилю. Это и нужно имѣть въ виду при сравненіи книгъ

¹⁾ *Reliquiae Baxterianae*, стр. 199.

²⁾ 2 Тим., 3, 16.

священнаго писанія съ другими книгами высоко назидательнаго характера. Если не обращать на этот фактъ надлежащаго вниманія, то всякій можетъ считать себя правомыслящимъ, поставляя нѣкоторыя книги на одинъ уровень съ Библіей и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше ея. Библія, такъ могутъ говорить, есть очень хорошая книга, безъ сомнѣнія полезная для назиданія. Но существуютъ также и другія книги, обладающія такими же свойствами, на примѣръ: Исповѣдь Августина, сочиненіе Тома Кемпійскаго О подражаніи Христу, не говоря о діалогахъ Платона или Размышленіяхъ Антонина. «Подумайте», говоритъ одинъ французскій мыслитель изъ школы Теодора Паркера, «зачѣмъ я буду искать для себя назиданія въ Библіи, которая перестала мнѣ нравиться, перестала побуждать меня къ покаянію, отвращать меня отъ зла, заставлятъ дѣлать добро? Не все ли равно, буду ли пользоваться ею, какъ своимъ ежедневнымъ хлѣбомъ насущнымъ, или она совсѣмъ исчезнетъ изъ моего дома? Конечно такъ. Я могу только сказать, что эта книга потеряла въ моихъ глазахъ всякій авторитетъ. Между Исповѣдью Августина, Размышленіями Боссюэ, сочиненіемъ О подражаніи Христу и Библіей я нахожу разницу только по степени, а не по природѣ»¹⁾. Отвѣтъ на это тотъ, что Библія не есть только книга богослужебная и еще менѣе, конечно, книга, принадлежащая только общей литературѣ, или только литературное наслѣдіе, полученное отъ еврейскаго народа. Разсматриваемая только съ богослужебно-назидательной или литературной точекъ зрѣнія, Библія, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, можетъ оказаться даже ниже книгъ, которыя можно было бы назвать. Но Библія есть единственная книга въ томъ отношеніи, что въ ней содержится литература, которая, по волѣ Промысла, выросла около историческаго откровенія Бога Израилю и составляетъ для этого откровенія какъ бы атмосферу, при

---

¹⁾ Pécaut, *Le Christ et la Conscience*, стр. 19, 20.

помощи которой распространяется солнечный свѣтъ. При помощи Библии знаніе о Богѣ распространяется по всей землѣ. Нѣтъ другой книги, кромѣ Библии, которая могла бы служить той же цѣли, а авторитетъ, которымъ она обладаетъ, можетъ быть отнятъ отъ нея только чрезъ отрицаніе дѣйствительности откровенія, котораго она есть памятникъ.

Во свѣтъ этой функціи другія свойства, приписываемыя богословами священному писанію, какъ, напримѣръ, совершенство и непогрѣшимость, вполнѣ понятны и подлежатъ защитѣ. Въ виду особенной природы священнаго писанія, какъ литературы откровенія, возможно придавать этимъ свойствамъ важный смыслъ, не доводя дѣла до нелѣпостей и преувеличеній. Въ этой связи весьма важно проводить различіе между тѣмъ, что отдѣльные вѣрующіе могутъ считать дѣломъ только своего личнаго убѣжденія, и тѣмъ, что вѣрующіе въ откровеніе обязаны непреложно признавать. Можно было бы думать, что писаніе вообще, и еврейское писаніе въ частности, характеризуются абсолютнымъ отсутствіемъ заблужденія въ передачѣ фактовъ или въ мнѣніяхъ. Но апологетъ имѣетъ право спросить: такая характеристика подразумѣвается ли необходимо цѣлью, для которой эти писанія были предназначены? Представляется очевиднымъ, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣсколько опасенъ, когда мы подумаемъ, въ какомъ состояніи находится теперь писаніе, которымъ мы обладаемъ. Для милліоновъ знать его возможно только чрезъ переводы, которые, какъ бы совершенно ни были исполнены, въ общемъ только несовершенно передаютъ смыслъ подлинника. Затѣмъ, даже для лицъ, знающихъ еврейскій и греческій тексты, эти послѣдніе не существуютъ въ своей первоначальной чистотѣ. Текстъ еврейской Библии, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло, никогда вообще не существовалъ въ совершенной неповрежденности. Безошибочный автографъ, защищаемый теперь съ такою ревностію нѣкоторыми лицами, есть теологическая фикція.

Конечно, такой автографъ можетъ существовать для какой-нибудь отдѣльной библейской книги, но никогда такого автографа не существовало для всей Библии. Она составлялась по частямъ въ теченіе длиннаго времени, и когда составлялись позднѣйшія ея части, прежнія теряли свою неповрежденность. И чтобы видѣть, какъ необходимо соблюдать осторожность въ нашихъ апріорныхъ требованіяхъ отъ Библии совершенства и безошибочности, слѣдуетъ хорошо помнитъ, въ какой формѣ писались слова еврейскихъ автографовъ. Они были написаны только согласными буквами, а гласныя предоставлялось дополнять самому читателю. Слѣдствіемъ этого было то, что ни одинъ человѣкъ, кромѣ самого писателя, не можетъ быть совершенно увѣренъ въ многочисленныхъ случаяхъ, что именно хотѣлъ сказать авторъ. Да и этотъ послѣдній по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени могъ позабывать, какая именно мысль приходила ему въ голову. Массоретскій еврейскій текстъ есть, поэтому, только приблизительно точная передача, сдѣланная іудейскими учеными, лишеннаго гласныхъ оригинала ¹⁾. Этотъ недостатокъ письменнаго еврейскаго языка составляетъ неудобную характеристику книги, которая обязана быть абсолютно точной во всѣхъ ея утвержденіяхъ, подѣ опасностью быть отброшенной въ сторону, если хоть одна ошибка, важная или неважная, была бы найдена въ ней. Нисколько не удивительно, если нѣкоторые изъ логически послѣдовательныхъ догматистовъ семнадцатаго столѣтія разрѣшали эту дилемму при помощи смѣлаго утвержденія, что гласныя точки въ еврейскомъ языкѣ были боговдохновенны ²⁾. Къ несчастію, такихъ мнѣній не могутъ принять теперь даже самые смѣлые догматисты. Единствен-

¹⁾ См. Professor Robertson Smith's *Old Testament in the Jewish Church*, лекц. 2-я, и Professor Kirkpatrick's *Divine Library of the Old Testament*, лекц. 3-я.

²⁾ Такъ *Formula Consensus Helvetica*. См. Нерре, *Die Dogmatik der Evangelisch Reformirten Kirche*, стр. 18, 19.

ный исходъ для насъ здѣсь остается въ томъ, что еврейская Библия полезна, въ высшей степени полезна для цѣли, для которой дана, не обладая всѣми воображаемыми добродѣтелями, какія стараются отыскать въ ней ея само-званные защитники. Соотвѣтственно такому взгляду на долю апологета остается только предъявленіе минимальныхъ требованій, которыми достигается вышеуказанная цѣль.

Чтобы служить своей цѣли въ качествѣ литературы откровенія, достаточно, чтобы еврейскія писанія составляли цѣнный памятникъ израильской исторіи въ главныхъ ея очертаніяхъ и достойное довѣрія толкованіе смысла этой исторіи. Вѣрующій человекъ построитъ гипотезу о томъ, что Богъ открывалъ Себя въ исторіи Израиля, какъ Богъ благодатной цѣли, и что изъ литературы откровенія, если она заслуживаетъ этого имени, возможно узнать достаточно объ этой исторіи, чтобы видѣть, какъ эта цѣль развивается, и получить руководство въ толкованіи существенныхъ фактовъ отъ людей, которымъ была вполне открыта тайна Господня. Не то необходимо, чтобы каждое историческое утвержденіе было корректно, но чтобы общее впечатлѣніе, производимое всей исторіей Израиля, какъ народа, стоявшаго въ особенныхъ отношеніяхъ къ Богу, было правильно, а религиозное пониманіе призванія Израиля и характера Божества въ связи съ этимъ призваніемъ, усвоенное пророками и воплощенное въ ихъ писаніяхъ, было объективно дѣйствительно. Если намъ нельзя будетъ положиться на эту исторію и въ ея главныхъ очертаніяхъ, какъ на исторію избраннаго народа, и на ея пророческое толкованіе, то у насъ не будетъ и никакого доказательства, что было когда-то преподано какое-нибудь спеціальное откровеніе. Но если, съ другой стороны, намъ можно будетъ положиться и на то, и на другое, то еврейскія писанія намъ нужно будетъ признать достаточными для этой цѣли. Они представятся предъ нами совершенными для той цѣли, для которой были даны,

и надежнымъ руководствомъ для нашей вѣры, нужды нѣтъ, сколько дефектовъ можетъ здѣсь найтись въ историческихъ воспоминаніяхъ, въ формѣ ли *lasciae*, или въ отдѣльныхъ фактахъ, представленныхъ не вполне точно.

Въ этомъ пунктѣ можетъ быть, естественно, предложенъ вопросъ, насколько религіозная цѣнность ветхаго завѣта опровергается современными критическими взглядами относительно позднѣйшаго происхожденія Пятикнижія и закона, какъ писаннаго кодекса. Вопросъ этотъ распадается на два: во-первыхъ, допуская, что эти критическіе взгляды корректны, — какую цѣнность имѣютъ соответствующія части Библии для читателя, совершенно незнакомаго съ критикой? Не заблуждается ли онъ вслѣдствіе своего незнакомства? Во-вторыхъ, насколько эти писанія сохраняютъ свою цѣнность въ качествѣ религіознаго руководства для тѣхъ, которые согласны съ выводами современнаго критическаго изслѣдованія?

Незнакомый съ наукой читатель смотритъ на Пятикнижіе, какъ на произведеніе Моисея, а на всѣ законы, которые въ немъ содержатся, какъ на данные Моисеемъ Израилю отъ имени Іеговы. При такомъ взглядѣ онъ считаетъ всѣ свѣдѣнія, которыя онъ находитъ въ Пятикнижіи относительно прошедшей исторіи Израиля и сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ, абсолютно и буквально точными. Если бы критическія теоріи были хорошо обоснованы, то такое подразумѣвательное довѣріе было бы до нѣкоторой степени устранено. По мнѣнію критиковъ нѣкоторые законы, напримѣръ, вложены въ уста Моисея, но въ дѣйствительности относятся къ гораздо болѣе позднему времени, если не какъ обычаи, то, по крайней мѣрѣ, какъ божественныя повелѣнія. Честный читатель такимъ образомъ вводится въ заблужденіе относительно фактовъ; нѣчто происходило не такъ, какъ онъ привыкъ думать. Не получить ли онъ ложнаго впечатлѣнія, если приметъ все, что утверждается относительно происхожденія Израиля въ книгѣ Бытія и относительно синайскаго законодатель-

ства въ послѣдующихъ книгахъ, какъ буквальное и вполнѣ точное? Конечно нѣтъ. Напротивъ, онъ просто, съ добавочною силою, получить здѣсь тѣ уроки, которые, по всякой теоріи, признающей откровеніе фактомъ, библейскія книги имѣли цѣлью сообщить. Онъ узнаетъ изъ этихъ книгъ, что Израиль былъ избраннымъ народомъ и что завѣтъ Бога съ Израилемъ образовался чрезъ посредство Моисея. Первая изъ этихъ истинъ живо представлена въ исторіи патриарховъ, изложенной въ книгѣ Бытія. Критически изучающій эту книгу можетъ сомнѣваться въ исторической точности многочисленныхъ подробностей разсказа книги Бытія; но если онъ человѣкъ вѣрующій, то приметъ разсказъ въ его общемъ значеніи, именно, что съ самаго начала Богъ приготовлялъ народъ, долженствовавшій встать къ Нему въ особенныя отношенія и исполнить важную обязанность въ религіозной исторіи міра. Незнакомый съ наукою человѣкъ извлекаетъ изъ этой исторіи тотъ же самый смыслъ, какъ и ученый, но только чтеніе книги производитъ на перваго гораздо болѣе сильное впечатлѣніе вслѣдствіе его подразумеваемаго довѣрія ко всѣмъ ея подробностямъ. То же самое и относительно закона. Для критика законъ принадлежитъ Моисею только въ томъ смыслѣ, что онъ былъ результатомъ развитія изъ историческаго мозаизма. Въ Моисеевомъ законодательствѣ левитскій кодексъ содержался только въ томъ видѣ, въ какомъ дубъ содержится въ жолудѣ. Ученіе объ единомъ Богѣ въ Десятословіи съ теченіемъ времени привело къ ученію объ единомъ храмѣ, а единый храмъ привелъ въ свою очередь къ опредѣленно урегулированному богослуженію. Для неученаго человѣка единый храмъ и священническій кодексъ принадлежатъ Моисею въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и Десятословіе. Согласно его понятіямъ, дерево не выросло, а создано уже вполнѣ взрослымъ, подобно тому, какъ для многихъ людей, жившихъ раньше, чѣмъ вошло въ моду эволюціонное ученіе, разные виды живыхъ тварей считались непосредственными

созданіями, а не медленнымъ продуктомъ вѣковаго развитія. Въ историческомъ и научномъ смыслѣ онъ можетъ допускать ошибку относительно происхожденія закона, подобно тому, какъ наши предки допускали такую ошибку относительно происхожденія видовъ; но самая эта ошибка клонится къ тому, что сильно вліяетъ даже на вѣрующаго критика, который съ трудомъ можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, что законъ, какъ онъ изложенъ въ Пятикнижій, принадлежитъ Моисею. Различіе между простецомъ и критикомъ заключается въ слѣдующемъ: критикъ утверждаетъ, что законъ выросъ изъ мозаизма, простецъ же— что онъ былъ данъ Моисеємъ.

Нельзя отрицать, что неученый читатель священнаго писанія теряетъ кое-что вслѣдствіе своего незнакомства съ критикой, постоянно принимая, что его заключенія хорошо обоснованы. Ему непонятно дѣйствительное теченіе исторіи Израиля, и онъ лишается всякаго назиданія, получающагося при интеллигентномъ взглядѣ на эту исторію. Затѣмъ, при недостаткѣ проникательности, многое въ историческихъ памятникахъ остается для него необъяснимой трудностью. Если, напримѣръ, законъ о томъ, что долженъ существовать единый храмъ, былъ данъ Моисеємъ, то какимъ образомъ случилось, что до извѣстнаго времени никто, даже пророки и благочестивые цари, по видимому, совершенно о немъ не вѣдали и нисколько его не цѣнили? И почему въ нѣкоторыхъ книгахъ Пятикнижія тщательно проводится различіе между священниками и левитами, тогда какъ во Второзаконіи они, по видимому, отождествляются? И почему левиты постоянно являются въ пятой книгѣ Моисеевой бѣдными, не пользующимися почетомъ людьми, тогда какъ въ среднихъ книгахъ Пятикнижія мы встрѣчаемся съ тщательно изложеннымъ законодательствомъ относительно ихъ нуждъ?

Существованіе такихъ научныхъ проблемъ предъ неученымъ читателемъ клонится, безъ сомнѣнія, къ уменьшенію получаемаго имъ назиданія. Но это зло не неизлѣ-

чимо. Критика можетъ быть популярной. Правда, въ этомъ дѣлѣ подразумѣвается нѣкоторая опасность, потому что прежнее уваженіе къ Библии можетъ быть утрачено, а никакого новаго знанія о ней не будетъ пріобрѣтено. Но эта опасность, которой вѣра бываетъ подвержена во всѣ переходныя времена, имѣетъ только временный характеръ. Нельзя говорить: предоставьте простецу пользоваться Библией, какъ ему угодно; пусть его извлекаетъ изъ нея все добро, какое могутъ извлекать изъ нея набожные люди, не имѣющіе никакого отношенія къ наукѣ. На дѣлѣ бываетъ иначе. Простецъ можетъ получить нѣкоторую пользу отъ Библии, достаточную для спасенія его души, не пользуясь помощію при этомъ критиковъ; но онъ не получитъ при этомъ всѣхъ благъ, какія только возможны. Библейской наукѣ онъ обязанъ даже и за то одно благо, что онъ въ состояніи безъ всякой критики читать свою Библию. Во-первыхъ, еврейскіе тексты съ гласными для указанія, какъ нужно читать и устранять всѣ возможныя двусмысленности, дали ему массореты. Во-вторыхъ, ученые, знающіе еврейскій и греческій языки, перевели ветхій и новый завѣты съ оригинальныхъ языковъ на народныя. Въ болѣе недавнее время эксперты занялись пересмотромъ этихъ переводовъ, постарались сдѣлать ихъ болѣе точными и привести Библию, переведенную на тотъ или другой разговорный языкъ, въ болѣе совершенное соотвѣтствіе съ лучшими текстами оригинала. Все это было сдѣлано раньше насъ. А теперь критики обратились къ тому, чтобы сдѣлать все, что только возможно, лучшее для народа. Исполненіе этой задачи относится къ будущему.

Но предположите, что все это сдѣлано. Дальнѣйшій вопросъ заключается въ слѣдующемъ: насколько незнакомые съ критикою простецы будутъ въ состояніи удержать свою вѣру въ Библию, какъ въ данное Богомъ и надежное руководство въ религіи? Въ этой связи теперь существуетъ весьма располагающее къ вѣрѣ размышленіе, что на осно-

ваніи критическихъ мнѣній о позднѣйшемъ происхожденіи левитскаго закона всѣ новозавѣтные приговоры относительно функціи закона и его значенія остаются не только неотмѣненными, но еще сильно подрѣпляются. На этотъ пунктъ намъ нужно здѣсь только указать, потому что по поводу этого у насъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. Но есть другой предметъ, на который слѣдуетъ обратить теперь вниманіе. Можно подумать, что если кто приписываетъ законы въ ихъ настоящей формѣ, какою они имѣютъ въ Пятикнижій, не Моисею и говорить, что они были позднѣйшаго происхожденія, то это служить свидѣтельствомъ плохой его вѣры,—онъ не признаетъ боговдохновенности лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи этихъ законовъ. Теперь, не выставляя себя особенными защитниками Евдры и его сотрудниковъ, допустимъ честно, что ихъ понятія, понятія ихъ вѣка и народа относительно литературной этики не были одинаковы съ нашими. Если критики правы, то еврейскіе издатели, ничто же сумняся, дѣлали все, что, по нашимъ понятіямъ, едва ли совмѣстимо съ литературною честностью. Они перемѣшивали старое и новое, древніе законы съ недавно сдѣланными прибавками; сообщали изреченія мудрыхъ вмѣстѣ съ своими издательскими комментаріями, не отличая одного отъ другого; собирали изреченія различныхъ мудрецовъ и пророковъ и издавали ихъ подъ однимъ именемъ; соединяли различныя версіи одного и того же событія въ одинъ послѣдовательный, хотя и не всегда чуждый противорѣчій, рассказъ, не подавая ни малѣйшаго намека на то, что они дѣлали именно это. Но что же дальше? Согласимся, что они отличались грубою нравственностью. Однако ихъ нельзя считать безнравственными, потому что между грубой нравственностью и безнравственностью существуетъ широкое различіе. Безнравственность есть нарушеніе общепризнаннаго нравственнаго закона; грубая нравственность сообразуется съ низкимъ нравственнымъ идеаломъ. Первая находитъ для себя выраженіе въ худой совѣсти и на

это можно смотрѣть, какъ на вѣчто, исключющее всякую боговдохновенность ¹⁾; послѣдняя совмѣстима съ доброю совѣстію, и свидѣтельствуешь о состояніи сердца, открытаго для вдохновенія отъ Бога. Деворра была женщина-героиня и истинно боговдохновенная пророчица; но она могла произнести такія слова: «по двѣ дѣвицы на каждаго война» ²⁾, совершенно не сознавая, что она произноситъ что-нибудь не деликатное или безнравственное. У насъ это сочтено было бы безнравственностью; но въ то время это было только очень грубая, варварская нравственность. Мы должны остерегаться прилагать слишкомъ строгія нравственныя мѣрки, слишкомъ твердыя нравственныя и отвлеченныя правила къ обстоятельствамъ, при которыхъ боговдохновенность возможна. Если будемъ дѣлать иначе, то создадимъ только затрудненія для себя и сыграемъ въ руку невѣрія. Свободные мыслители восемнадцатаго столѣтія, возражая противъ Библии, какъ мнимаго откровенія, предполагали, что если Богъ сообщалъ откровеніе, то долженъ былъ пользоваться для этого, въ качествѣ Своихъ орудій, самыми примѣрными людьми, гораздо лучшими въ сравненіи съ тѣмъ, какими являются выдающіеся характеры въ Библии. Утверждать, что Богъ не могъ сообщать Своего вдохновенія людямъ, способнымъ къ тому, что теперь называется у насъ *piâ fraud*, или дѣлать ихъ Своими агентами, значить выражаться въ томъ же самомъ духѣ. Здѣсь самый корень злбнаго априоризма, отъ котораго трудно отдѣлаться въ связи съ разсматриваемымъ классомъ вопросовъ. Можно прибавить, что тутъ еще замѣчается слѣдъ обычной тенденціи религіозныхъ людей покровительствовать Провидѣнію, т. е. обнаруживать болѣе ревности о чести и достоинствѣ Божіихъ, чѣмъ сколько ревнуетъ объ этомъ Самъ Богъ. Какъ

---

¹⁾ Исторіей Валаама возбуждается вопросъ, можетъ ли добрая совѣсть быть необходимымъ условіемъ боговдохновенности.

²⁾ Суд. 5, 30.

много такого говорилось въ связи съ священнымъ писаніемъ! Богъ долженъ былъ преподать писаніе съ согласными буквами, потому что въ противномъ случаѣ получается двусмысленность. Богъ долженъ былъ писать хорошо, аттическимъ греческимъ, свободнымъ отъ гебраизмовъ и эллинистическихъ варваризмовъ, иначе Его репутація, какъ автора, была скомпрометтирована. Онъ долженъ былъ пользоваться услугами лишь нравственно превосходныхъ людей въ качествѣ орудій Своего откровенія, иначе на Его святость налагается пятно вслѣдствіе людскихъ ошибокъ. Но что иное можно сказать обо всѣхъ этихъ и подобныхъ рѣчахъ, какъ не то, что все это — только неразумныя рѣчи друзей Іова, воображавшихъ себя покровителями и защитниками божественной праведности и думавшихъ, что ни одинъ добрый человѣкъ никогда не подвергся бы такимъ страданіямъ, какія выносилъ Іовъ? Самый лучшій отвѣтъ на подобнаго рода априорныя теоріи заключается въ ссылкѣ на факты. Праведный, говорилъ Іовъ, можетъ страдать, потому что я страдаю, — совершенно отказываясь отрицать факты потому, что они могли противорѣчить поверхностнымъ теоріямъ. Мы говоримъ, что Богъ можетъ вдохновлять и такихъ людей, которые допускаютъ литературныя, на нашъ взглядъ, ошибки, потому что книги Библии, гдѣ такъ называемыя литературныя ошибки допущены, носятъ на себѣ всѣ признаки боговдохновенности, — причемъ божественное въ насъ является свидѣтельствомъ божественности въ нихъ.

Естественно думать, что писаніе, какъ литературное откровеніе, обладало бы важнымъ преимуществомъ, если бы было собрано въ одномъ томѣ или если составлена была библіотека изъ священныхъ книгъ, которыя можно было бы подвести подъ эту категорію. На богословскомъ языкѣ — функція писанія требуетъ канона писанія ¹⁾. Теперь скажемъ, что исторія образованія ка-

¹⁾ Объ исторіи и значеніи термина см. Reuss, *Histoire du Canon des Saintes - Ecritures dans l'Eglise Chrétienne*, гл. XII.

нона, и ветхаго и новаго завѣтовъ, весьма насъ въ этомъ разочаровываетъ. Факты во всякомъ случаѣ не таковы, какіе естественно мы могли бы предполагать. Если бы кто-нибудь, вполне вѣруя въ божественное откровеніе и живо сознавая, какую цѣну имѣетъ письменная его записъ и толкованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая удостовѣриться, что письменное откровеніе не напрасно же было дано, принялся за составленіе апріорнаго очерка исторіи Библіи, то результатъ его изслѣдованій былъ бы таковъ: «такъ какъ каждое новое событіе во внѣшнемъ ходѣ откровенія имѣло историческій видъ, то Богъ, вслѣдствіе очень спеціальнаго промысленія, позаботился о томъ, чтобы въ это время находились подъ рукой свѣдущіе лѣтописцы и толкователи и дали ясный, точный и полный отчетъ обо всемъ, что дѣлалось и говорилось. Когда же писаніе было закончено, то оно надлежащимъ образомъ было засвидѣтельствовано и положено на сохраненіе въ безопасное мѣсто. Такимъ образомъ Богъ промыслилъ, для освѣдомленія всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, вполне точный памятникъ по исторіи отношеній Своихъ къ избранному народу отъ признанія Авраама до поселенія евреевъ въ землѣ обѣтованной, написанный людьми, по именамъ которыхъ называются части разсказа, ими изложеннаго. Тѣмъ же самымъ способомъ былъ промыслительно составленъ для пользы христіанской церкви полный, точный, чуждый противорѣчій разсказъ о жизни Христа, написанный свидѣтелями очевидцами и снабженный надлежащими отрицанію доказательствами. Когда же драма откровенія закончилась, то всѣ книги въ отдѣльности исчезли; въ это время всѣ онѣ были хорошо засвидѣтельствованы и объединены на глазахъ всего міра обществомъ отвѣтственныхъ лицъ, которыя единогласно произнесли свое сужденіе о томъ, какія именно книги должны войти въ священное собраніе». Какъ не похоже было дѣйствительное составленіе канона на эту вымышленную картину! Не мало книгъ, вошедшихъ въ составъ Библіи, анонимны, и не-

возможно опредѣлить съ достовѣрностью, когда или кѣмъ онѣ были написаны. Относительно такой книги, какъ книга Іова, въ этомъ не представляется особенной важности, потому что религіозное значеніе этой книги почти совсѣмъ не находится въ зависимости отъ того, когда она появилась и кто ее написалъ. Но сомнѣнія относительно времени написанія и подлинности Пятикнижія болѣе серьезны. Безспорно, что эти пять книгъ, приписываемыхъ Моисею, могли бы имѣть для насъ гораздо большее историческое значеніе, если бы не подлежало никакому сомнѣнію, что онѣ были написаны Моисеемъ, и не представлялось бы никакихъ основаній думать, что даже значительная часть содержащагося въ нихъ литературнаго матеріала, не говоря объ этихъ документахъ въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, на самомъ дѣлѣ не принадлежала вождю исхода. Взглядъ, усвоенный современными критиками на этотъ важный вопросъ, хорошо извѣстенъ. Намъ нѣтъ надобности обсуждать относящихся сюда вопросовъ, а достаточно только указать, что эти вопросы существуютъ, какъ одно изъ явленій, способныхъ насъ разочаровывать въ нашихъ чувствахъ къ священному писанію, и идутъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями, изложенными выше. Сомнѣнія относительно подлинности евангелій, особенно четвертаго,—вотъ еще одинъ фактъ подобнаго же рода. Существуетъ и еще много подобныхъ же фактовъ. Если бы дѣло заключалось только въ сомнѣніяхъ, возбуждаемыхъ современною критикою, относительно подлинности тѣхъ или другихъ книгъ ветхаго и новаго заветовъ, то набожный ученый могъ бы отнестись къ этому равнодушно, утѣшаясь мыслию, что современный умъ не терпитъ оковъ вѣры и вдается въ скептическія умозрѣнія относительно Библии, доходя до распушенности въ своихъ страстныхъ стремленіяхъ къ свободѣ. Но дѣло въ томъ, что такихъ сомнѣній не были чужды и люди древнихъ вѣрующихъ вѣковъ. Напримѣръ, въ древности высказывались сомнѣнія не менѣе, чѣмъ о семи книгахъ новаго за-

вѣта: Апокалипсисъ, посланіяхъ Іакова, Іуды, 2-мъ Петра, 2-мъ и 3-мъ Іоанна и къ Евреямъ. Есть основанія думать, что подобныя же сомнѣнія существовали и относительно нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, и что въ іудейской церкви, столько же, сколько и въ христіанской, существовали *antilegomena* ¹⁾. Правда, въ обоихъ случаяхъ сомнѣнія были въ концѣ концовъ тогда устранены. Однако какъ пріятнѣе было бы думать, что никогда не существовало никакихъ сомнѣній и даже поводовъ къ нимъ, потому что всякій можетъ сообразить, что разъ сомнѣнія существовали, то они могутъ возникнуть и опять. Колебанія іудейской и христіанской церквей въ дѣйствительности означаютъ то, что о канонѣ писанія никогда нельзя говорить, обходясь совершенно безъ всякихъ вѣроятностей.

Предшествующіе факты наводятъ на нѣкоторыя размышленія. Первое заключается въ томъ, что, очевидно Самому Богу не было угодно промыслить канона какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ и такъ, чтобы о немъ не возникало послѣ никакихъ споровъ. Понятно, что Богъ имѣлъ силу сдѣлать совершенно иначе, какъ понятно и то, что Онъ могъ сохранить текстъ писанія совершенно неповрежденнымъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ Богу не было угодно совершать того, что мы, смотря на это дѣло съ исторической точки зрѣнія, сочли бы за лучшее. Если, однако, не существовало чудеснаго промысленія, связаннаго съ самымъ произведеніемъ Библии, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы Богъ оставилъ ее безъ всякаго попеченія. Мы должны прилагать съ увѣренностію къ Библии правило Оригена, по которому ничего добраго и полезнаго для людей не происходитъ безъ Промысла Божія. Книга столь высоко отличная, какъ Библия, не могла

---

¹⁾ Они главнымъ образомъ принадлежатъ къ третьему отдѣлу еврейской Библии—Кетубимъ. См. объ этомъ Ryle, *The Canon of the Old Testament*, гл. VII.

появиться *sine nomine*. Въ этомъ люди всѣхъ школъ,—Гроцій ¹⁾, Майерсъ ²⁾, Гауссенъ ³⁾,—сходятся.

Второе размышленіе, на которое наводятъ вышеизложенные факты, заключается въ томъ, что известное количество сомнѣній относительно исторіи литературы откровенія, можетъ совмѣщаться съ осуществленіемъ цѣли, для которой, *ex hypothesi*, даны были писанія—служить религіознымъ руководствомъ для вѣры. Фактъ, что сомнѣнія существовали даже въ средѣ вѣрующихъ людей относительно подлинности нѣкоторыхъ книгъ священнаго писанія и каноничности другихъ, повидимому, заставляетъ насъ уклоняться отъ преувеличенныхъ взглядовъ на достовѣрность въ такого рода вопросахъ. Такіе взгляды не были бы умны какъ относительно нашей собственной пользы въ качествѣ индивидуальных вѣрующихъ, такъ и относительно общественнаго значенія вѣры. Предлагать людямъ альтернативы: все, или ничего, или вся Библия, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ, есть безпорное откровеніе Бога, или устраненіе идеи объ откровеніи со-всѣмъ; или абсолютно достовѣрный канонъ, или уничтоженіе самаго понятія о божественной цѣли въ связи съ собраніемъ писаній, которыя служатъ памятникомъ и иллюстраціей откровенія,—всѣ подобныя мнѣнія не отличаются особеннымъ остроуміемъ. Скорѣе нужно допустить бросающійся въ глаза фактъ, что возможно человеку быть искреннимъ и правовѣрующимъ, а также примѣрнымъ христианиномъ, и однако питать сомнѣнія, даже худо обоснованныя и неразумныя, относительно отдѣльныхъ книгъ писанія; другими словами, допустить, что цѣль писанія вообще—наставленіе людей въ вѣрѣ и святой жизни можетъ достигаться и тогда, когда нѣкоторыя отдѣльныя книги писанія считаются недостовѣрными. Что это воз-

1) *De veritate Religionis Christianae*, книга III, гл. IX.

2) *Catholic Thoughts on the Bible and Theology*, стр. 61.

3) *The Canon of the Holy Scriptures*, стр. 431.

можно, доказывается дѣятельностію, напримѣръ Лютера, который былъ весьма ортодоксальнымъ вѣрующимъ и христіаниномъ, былъ въ состояніи умѣло переводить еврейскія и греческія книги священнаго писанія на хорошій нѣмецкій языкъ, и однако тяжко сомнѣвался и даже усердно отвергалъ каноническое достоинство посланія Іакова, потому что, какъ ему казалось, оно противорѣчило ученію объ оправданіи вѣрою. Здѣсь самая ортодоксія Лютера была источникомъ его сомнѣній.

Если вѣрно, что фактически ортодоксія и благочестіе вполне уживаются съ сомнѣніями относительно каноничности нѣкоторыхъ частей писанія, то естественно возникаетъ вопросъ: какъ такую уживчивость сдѣлать наглядной теоретически? Для этой цѣли можно воспользоваться идеей объ организмѣ. Библію можно представить, какъ органической сборникъ писаній, гдѣ каждая отдѣльная книга занимаетъ свое надлежащее мѣсто и отправляетъ свойственную ей функцію. Но во всякомъ живомъ организмѣ одни органы имѣютъ важное значеніе, другіе нѣтъ. Есть части тѣла, разрушеніе которыхъ влечетъ за собою смерть; другія можно разрушать, не причиняя не только смерти, но даже и вреда здоровью.

«Нѣкоторыя части тѣла», пишетъ д-ръ Ходжъ, «болѣе важны, чѣмъ другія, и нѣкоторыя книги въ Библии лучше сохранились, чѣмъ другія. Между евангеліемъ Іоанна и книгами Паралипоменонъ можетъ существовать такое же большое различіе, какое между мозгомъ человѣка и волосами, покрывающими его голову; однако жизнь тѣла такъ же истинно выражается въ волосахъ человѣка, какъ и въ его мозгу»¹⁾. Д-ръ Ходжъ полагаетъ, что даже и неважное наблюденіе его служить нашей цѣли одинаково хорошо и безъ того, а эта цѣль заключается въ доказательствѣ, что могутъ существовать серьезныя сомнѣнія о нѣкоторыхъ библейскихъ книгахъ безъ всякаго ущерба для

¹⁾ *Systematic Theology*, I, 164.

вѣры. Волосы на головѣ составляютъ часть тѣла, однако человѣкъ можетъ жить и безъ нихъ. Подобнымъ же образомъ можно сомнѣваться относительно той или другой книги священнаго писанія, и однако извлекать изъ священныхъ книгъ ту пользу, для которой онѣ предназначены. Этимъ не высказывается инсинуаціи, что всѣ книги Библии, каноничность которыхъ сомнительна, такъ же мало важны для организма писанія, какъ волосы на головѣ человека для его тѣла. Кто можетъ сказать это о посланіи къ Евреямъ, о которомъ существовали сомнѣнія въ древней церкви? Цѣль наша заключается только въ томъ, чтобы высказать общее мнѣніе, которое могло бы оказать помощь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а не произносить какого-либо неблагопріятнаго мнѣнія о тѣхъ или другихъ священныхъ книгахъ.

Исторія образованія еврейскаго канона отличается большою темнотою. По мнѣнію современныхъ критиковъ, это было дѣломъ времени плѣна и послѣ плѣна. Основаніе было положено переписываніемъ Пятикнижія Ездрой или подъ его руководствомъ, и затѣмъ была постепенно возведена надстройка изъ пророковъ и псалмовъ. Къ Псалтири были въ концѣ концовъ прибавлены другія книги большею частію позднѣйшаго происхожденія, и все это вмѣстѣ составило группу, называемую въ еврейской Библии Кегубимъ, а у LXX агиографами ¹⁾. Къ этой смѣшанной группѣ, какъ было замѣчено, и относятся ветхозавѣтныя «антилегомена»—разныя книги, на примѣръ Паралипомонь, Есеирь, Пѣснь Пѣсней и Еклезіастъ, которыя, по видимому, были предметомъ спора въ іудейскихъ школахъ.

¹⁾ Ученые различаютъ три канона еврейскихъ писаній: 1) Законъ, законченный до 432 г. до Р. X.; 2) Законъ съ прибавленіемъ пророковъ, законченъ около 200 г. до Р. X.; 3) Полный канонъ закона, пророковъ и *писаній*, законченный около 100 г. по Р. X., но въ дѣйствительности установившійся за 100 лѣтъ до Р. X. См. Ryle, *The Canon of the Old Testament*—здѣсь полный отчетъ обо всемъ, имѣющемъ отношеніе къ этимъ тремъ канонамъ.

Если согласиться съ взглядомъ на послѣдствіе происхожденіе Библии, то въ душу прокрадывается непріятное чувство, что книжники слишкомъ переусердствовали при составленіи канона священныхъ книгъ, трудились гораздо больше, чѣмъ сколько по взгляду христіанина было бы желательно. Для книжника законъ имѣлъ высшее достоинство, а все пророчество и священная поэзія имѣли второстепенное значеніе. Однако самый фактъ, что пророки и псалмы нашли мѣсто въ еврейскихъ писаніяхъ кромѣ закона, показываетъ, что тутъ были въ дѣйствиіи и другія вліянія. Потому что этими частями Библии мы обязаны, вѣроятно, гораздо больше благочестію еврейскаго народа, чѣмъ заботѣ его наставниковъ изъ среды законниковъ. Книги остались потому, что ихъ цѣнили благочестивые люди во Израилѣ, и онѣ оказывали имъ помощь въ ихъ духовной жизни. Книжникамъ, когда они наконецъ принялись за составленіе канона, ничего не оставалось, какъ только согласиться съ приговоромъ, уже раньше произнесеннымъ народомъ Божиимъ ¹⁾

Законъ переживанія пригодившихся можетъ кому-нибудь показаться очень ненадежнымъ базисомъ для построенія ученія о канонѣ. Въ дѣлахъ религіи вошло въ обычай требовать большей достовѣрности, чѣмъ сколько ея есть въ наличности. Для людей этого закала пріемлемъ только устарѣлый взглядъ на образованіе еврейскаго канона, который основывается на іудейскихъ традиціяхъ позднѣйшаго происхожденія. Эти традиціи приписываютъ Ездру, Нееміи и великой синагогѣ, какъ она была названа, очень важную заслугу въ дѣлѣ собиранія священныхъ книгъ. Легенда приняла двѣ формы, одна очень нелѣпа, другая довольно рациональна. Согласно свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ четвертой книгѣ Ездры, апокрифическомъ сочиненіи, относящемся къ концу перваго вѣка до Р. Х.,

---

¹⁾ См. объ этомъ Prof Robertson Smith's *Old Testament in the jewish Church*, 2 изд., стр. 163.

священные книги погибли во время плѣна, а Ездра чудесно возстановилъ ихъ по вдохновенію. Преданіе болѣе трезвое, встрѣчающееся въ Талмудѣ, приписываетъ Ездру, Нееми и людямъ великой синагоги только дополненіе канона, а раннѣйшія произведенія приписываются другимъ авторамъ: Пятикнижіе Моисею, псалмы Давиду и т. д. Люди великой синагоги написали только книги, которыя содержатся въ мнемоническомъ словѣ кандага; книгу Іезекіиля, двѣнадцати малыхъ пророковъ и Есеири¹⁾. Это преданіе было послѣ измѣнено въ томъ смыслѣ, что приписало Ездру болѣе важную функцію. Согласно этой позднѣйшей версіи преданія, Ездра и великая синагога собрали въ одинъ томъ прежде разбросанныя книги, распредѣливъ ихъ подъ тремя заглавіями: законъ, пророки и кетубимъ.

На это преданіе смотрятъ весьма различно. Прежде оно подразумѣвательно считалось истиннымъ, и существовало мнѣніе, по которому канонъ ветхаго завѣта *simul et semel* установился подъ вліяніемъ божественнаго вдохновенія, полученнаго Ездрой и великой синагогой. Въ болѣе недавнее время на это стали смотрѣть съ меньшимъ уваженіемъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что существованіе великой синагоги—чистый мифъ, и ея дѣятельность по составленію канона—вымыселъ. Другіе, какъ Эвальдъ, держались того мнѣнія, что «великая синагога», хотя существованіе ея и обставлено легендами, не была учрежденіемъ миѳическимъ. Мы съ своей стороны должны удовольствоваться тѣмъ, что, относя это явленіе ко мраву легализма, такъ и предоставляемъ этому темному предмету оставаться темнымъ.

Гораздо больше значенія сравнительно съ талмудическими преданіями относительно составленія священныхъ книгъ имѣетъ одно положительное утвержденіе въ одной книгѣ до-христіанскаго происхожденія, показывающее,

¹⁾ См. Oeler о канонѣ у Герцога.

что въ то время, когда эта книга была написана, собраніе священныѣхъ книгъ уже существовало. Такое утверждение встрѣчается въ книгѣ Іисуса, сына Сирахова, вѣроятное время написанія которой 130 г. до Р. Х. Въ прологѣ къ этой книгѣ встрѣчается ясная ссылка на существовавшее тогда собраніе въ трехъ отдѣлахъ: законъ, пророки и другія народныя книги. Ссылка эта показываетъ, что собраніе существовало уже довольно продолжительное время и было предметомъ изученія для дѣда писателя и подало поводъ къ требованію перевести его на греческій языкъ. Въ 150 г. до Р. Х. или около того, еврейская Библия, хотя и не въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы теперь ее имѣемъ и неполная, заключала въ себѣ по крайней мѣрѣ книги всѣхъ трехъ категорій ветхозавѣтнаго канона. Если какихъ книгъ и недоставало здѣсь въ то время, то онѣ могли принадлежать къ послѣдней изъ этихъ категорій подъ заглавіями: «другія книги», «писанія». Если критическій взглядъ на позднѣйшее происхожденіе книги Давида вѣренъ, то она могла быть въ числѣ недостающихъ книгъ. Самая эта книга свидѣтельствуешь о существованіи собранія пророческихъ книгъ въ словахъ: «я, Давидъ, сообразилъ по книгамъ»¹⁾, а эти книги были тѣ, въ которыхъ содержались пророчества Іереми.

Такъ какъ сынъ Сираха есть первый извѣстный свидѣтель о существованіи еврейскаго канона, полного по крайней мѣрѣ въ его отдѣлахъ, то другой хорошо извѣстный іудейскій писатель, Іосифъ, есть важный свидѣтель о содержаніи канона въ то время, когда онъ писалъ, т.-е. около конца перваго христіанскаго столѣтія. Онъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ своемъ сочиненіи противъ Апіона въ связи съ попыткой показать достовѣрность еврейской исторіи сравнительно съ исторіей грековъ. То, о чемъ онъ говоритъ, полезно привести подробно:

¹⁾ Дан., 9, 2.

«Поэтому у насъ имѣется не безчисленное множество книгъ, противорѣчащихъ одна другой, а только двадцать двѣ книги, гдѣ изложена исторія всего прошедшаго времени, и эти книги заслуженно считаются божественными. Изъ нихъ пять принадлежатъ Моисею и въ нихъ содержится законъ и излагается рядъ событій отъ сотворенія челоуѣка до смерти Моисея. И это протяженіе времени покрываетъ собою почти три тысячи лѣтъ. Но отъ смерти Моисея до царствованія Артаксеркса, который послѣ Ксеркса управлялъ персами, послѣдующіе пророки записали событія своего времени въ тринадцати книгахъ. Остальныя четыре книги содержатъ въ себѣ гимны во славу Божію и наставленія, особенно полезныя для жизни челоуѣка. Отъ времени Артаксеркса до нашего времени событія, которыя совершились, сохранились въ писаніи, однако эти памятники не сочтены были достойными такого же довѣрія, потому что точнаго слѣдованія пророковъ не существовало. Но какъ мы вѣримъ въ свои писанія, объ этомъ свидѣтельствуемъ наше поведеніе. Никто не осмѣливается ни прибавить что-либо къ нимъ, ни убавить или измѣнить ихъ. Всѣмъ іудеямъ отъ самаго ихъ рожденія свойственно смотрѣть на нихъ, какъ на заповѣди Божіи и пребывать въ нихъ, а если нужно, то и умереть за нихъ съ радостію»¹⁾.

Много было разсужденій по вопросу, какимъ образомъ содержаніе еврейскихъ каноническихъ книгъ въ ихъ настоящемъ видѣ распредѣлить такъ, чтобы ихъ вышло двадцать двѣ. Эта проблема интересна въ томъ отношеніи, что тутъ желательно удостовѣриться, всѣ ли книги нашей еврейской Библии были включены въ списокъ Іосифа. Единственная книга, о которой высказывались при этомъ сомнѣнія, есть книга Есѣирь. Въ общемъ же можно принять за достовѣрное, что списокъ Іосифа совпадалъ съ ветхо-

---

¹⁾ Contra Apionem, 1, 8.

завѣтнымъ канономъ ¹⁾). Другой интересный пунктъ приведеннаго мѣста въ томъ, что здѣсь проводится различіе между священнымъ писаніемъ и другими іудейскими книгами и указывается для этого основаніе—потому что не существовало точнаго слѣдованія пророковъ. Около времени Іосифа іудеи начали сознать различіе между каноническими и неканоническими книгами ветхаго завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ дошли до узкой теоріи о причинахъ такого различія. Каноническою книгой считалась только та, которая была написана признаннымъ пророкомъ. Другимъ книгамъ, какъ бы онѣ ни были хороши, было отказано отъ помѣщенія въ канонъ, потому что онѣ не были написаны подъ вліяніемъ пророческаго вдохновенія.

Эта теорія Іосифа даетъ поводъ къ интересному вопросу: что служить свидѣтельствомъ о каноничности? На этотъ вопросъ отвѣчали неодинаково. По одному взгляду только та книга принадлежитъ къ разряду каноническихъ, которая объявлена такою со стороны церкви. Но въ этомъ случаѣ просто оставляется безъ отвѣта предшествующій вопросъ,—чѣмъ же именно руководилась церковь, произнося свое сужденіе? Другой взглядъ таковъ: изъ книгъ ветхаго завѣта каноническая та, которая была составлена пророкомъ, а изъ новаго — апостоломъ. Но при такомъ взглядѣ предполагается вѣкоторое знаніе авторовъ и ихъ общественнаго положенія, во многихъ случаяхъ не отличающагося точностью. Кальвинъ, понимая неудовлетворительность такихъ рѣшеній, предложилъ слѣдующее правило: Духъ Божій въ писаніяхъ свидѣтельствуетъ о нихъ нашему собственному духу, даетъ намъ твердую увѣренность въ боговдохновенности ихъ и божественности, и такимъ образомъ дѣлаетъ насъ независимыми и отъ авторитета церкви, и отъ всѣхъ внѣшнихъ вопросовъ относительно подлинности книгъ. Это — хорошее правило, если прилагать его къ писанію въ его цѣломъ, но оно не мо-

¹⁾ Таковъ взглядъ Рила. См. *The Canon* и проч., гл. VII.

жетъ оказать намъ помощи именно тогда, когда мы въ ней особенно нуждаемся, именно относительно нѣкоторыхъ книгъ, каноничность которыхъ оспаривалась, или внутреннее содержаніе которыхъ наводитъ на сомнѣнія. Духъ Божій можетъ помочь намъ, когда мы чувствуемъ затрудненія относительно евангелія Іоанна и посланія къ Евреямъ. Но можно ли говорить такъ относительно книги Есеиръ, Пѣсни Пѣсней и Екклесіастъ? И еще одно предположеніе возможно. Выясните общее направленіе писанія и затѣмъ сообразите, находится ли та или другая священная книга въ согласіи съ этимъ общимъ направленіемъ. Другими словами, полезное свидѣтельство о каноничности, если и не единственное, заключается въ органической функціи книги. Обслуживаетъ ли какая-нибудь отдѣльная книга общую цѣль литературы откровенія, находится ли она въ согласіи съ назначеніемъ этой литературы и главнымъ ученіемъ? Этого метода придерживался Лютеръ. Въ его рукахъ онъ привелъ къ неудовлетворительнымъ заключеніямъ, потому что Лютеръ имѣлъ слишкомъ узкій взглядъ на Библию, которая, по его мнѣнію, должна была только служить оправданіемъ его ученія о спасеніи чрезъ вѣру. Если примѣнять это мѣрило съ большою строгостію, то можно довести Библию до весьма малыхъ размѣровъ. Но если, однако, наши воззрѣнія на *raison d' être* писанія будутъ отличаться достаточной широтой, то указанное правило можетъ оказать намъ помощь при разрѣшеніи многихъ каноническихъ проблемъ. Для насъ нисколько не затруднительно будетъ видѣть, что четвертое евангеліе есть интегральный членъ въ новозавѣтномъ организмѣ, несмотря на сомнѣнія въ подлинности этого евангелія, и столь мало затруднительно будетъ для насъ и рѣшеніе вопроса о каноническомъ достоинствѣ посланія къ Евреямъ, если бы даже и вполнѣ было достоверно, что оно не написано ни апостоломъ Павломъ, ни кѣмъ-либо другимъ изъ апостоловъ. Проблемы, остающіяся неразрѣшенными и оставляющія насъ въ постоян-

номъ сомнѣніи, будутъ относиться только къ книгамъ, имѣющимъ меньшую важность ¹⁾).

Свящ. М. Θ—ій.

---

¹⁾ Книга Іова, если прилагать къ ней это мѣрило каноничности, имѣетъ право на мѣсто среди книгъ свящ. писанія, потому что занимается проблемой объ отношеніи правды Бога, какъ нравственнаго Правителя, къ индивидуальному опыту. Она, правда, не рѣшаетъ этой проблемы, но отрицаетъ поверхностныя рѣшенія и оставляетъ вопросъ открытымъ. *Пѣснь Пѣсней Соломона, толкуемая въ буквальныйъ смыслъ, какъ рассказъ объ истинной любви, направленный противъ лживости царскаго царства,* правильно также помѣщена въ канонѣ, какъ подпора истинной религіи; потому что все, что ни дѣлалось для водворенія чистоты отношеній между полами, дѣлалось для служенія Іеговѣ,— въ служеніи Ваалу была сильная примѣсь разврата. Книга Руевъ служить свидѣтельствомъ о всеобщности благодатныхъ цѣлей Божіихъ и противодѣйствуетъ наклонности избраннаго народа ненавидѣть чужеземцевъ. Та же цѣль и книги прор. Іоны, примемъ ли мы ее, какъ дѣйствительную исторію или какъ притчу.

ЧУДЕСА АНТИХРИСТА.

(Г. Торнь. „Когда наступилъ мракъ“).

Въ наше тревожное и смутное время ни одинъ вѣрующій, а тѣмъ болѣе православный, не можетъ не чувствовать, не ощущать нѣкоторой тревоги. Та неистовая и страшная, воистину дьявольская вражда противъ вѣры и христіанства, которая давно уже объявила ему смертельную войну, съ теченіемъ времени все усиливается и дѣлаетъ все бѣльшіе и бѣльшіе успѣхи. Чувствуется, и чувствуется ясно, дуновеніе послѣдняго и рѣшительнаго врага христіанства—антихриста, предтечи котораго множатся буквально съ каждымъ днемъ и энергично дѣйствуютъ, приготовляя ему путь. Съ этою цѣлью враги христіанства особенно усердно стараются обратить противъ него науку и научныя открытія, какъ въ области исторической и естественно исторической (геологія, палеонтологія и т. д.) и другихъ, такъ и въ области такъ называемой евангельской критики. Это приближеніе антихриста въ особенности чувствовалъ покойный Вл. С. Соловьевъ и съ необыкновенною ясностью и подробностью выразилъ въ своихъ «Трехъ разговорахъ»¹⁾. Чувствуется также, что враги Христа, съ такимъ усердіемъ подкапывающіеся подъ Его

¹⁾ Вообще мысль о возможной близости кончины міра не покидала покойнаго философа въ послѣдніе годы его жизни и особенно ясно выражена была имъ въ предсмертной его статьѣ „По поводу послѣднихъ событій“ (мѣтомъ 1900 года). Въ этой статьѣ Вл. С. упоминаетъ, что таково же было убѣжденіе и его отца, покойнаго историка Сергѣя Михайловича Соловьева (Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. VIII).

дѣло и такъ недобросовѣстно старающіеся обратить противъ Него всякое научное открытіе, не отступили бы даже и предъ подлогомъ, если бы только надѣялись, что подлогъ этотъ не будетъ обличенъ и обнаруженъ.

Что такія мысли въ настоящее время дѣйствительно приходятъ иногда въ голову вѣбрующимъ, доказываетъ появившаяся недавно въ Англии книга Г. Торна: «Когда наступилъ мракъ... Исторія одного великаго заговора» ¹⁾. Это — фантазія, въ формѣ почти романа, изображающая исторію одного такого подлога. Исторія, разумѣется, вымышленная, но отнюдь не невѣроятная.

Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти является богатый англичанинъ Константинъ Шуэвъ. Это колоссально богатый и въ высшей степени энергичный человекъ еврейскаго происхожденія, членъ парламента, но—завзятый атеистъ и лютый врагъ христіанства. Онъ состоитъ даже главою антихристіанской партіи въ парламентѣ, хотя притворяется терпимымъ и даже, для отвода глазъ, жертвуетъ иногда деньги на стипендіи въ церковно-приходскія школы. Тѣмъ не менѣе всѣ его помыслы, всѣ его стремленія и усилія и все его богатство—направлены, хотя и незамѣтно для постороннихъ — только къ одной цѣли, уничтоженію христіанской религіи. Это еще неизвѣстно обществу, но это совершенно ясно и несомнѣнно для молодого талантливаго священника и пламеннаго христіанина Базиля Гортра. Онъ убѣжденъ и открыто высказываетъ, что Шуэвъ — антихристъ, что въ умѣ его зрѣетъ адскій замыселъ противъ христіанства и что христіанству нужно ожидать отъ него большихъ бѣдъ. Свиданіе и разговоръ съ Шуэвомъ превращаютъ его увѣренность въ ничѣмъ непоколебимое убѣжденіе. Онъ ясно и съ ужасомъ видитъ, что изъ глазъ Шуэва смотритъ душа Искаріота и что онъ антихристъ, и это высказываетъ въ глаза самому Шуэву. И опасенія Гортра сбываются въ

---

¹⁾ Изданіе Суворина. Спб., 1910 г.

полной мѣрѣ и въ непродолжительномъ времени. Въ душѣ Шуэва дѣйствительно зрѣеть чисто дьявольскій планъ, и орудіемъ для его выполненія онъ избираетъ хранителя библейскихъ древностей Британскаго музея профессора Роберта Льевелина.

Профессоръ Льевелинъ—большая знаменитость и пользуется заслуженною извѣстностью «величайшаго современнаго авторитета по древностямъ и по исторіи Малой Азіи». Но при всемъ этомъ онъ—безнравственный человекъ и кутила, хотя и умѣетъ тщательно скрывать отъ большой публики свои похождения. Веселая, широкая и распутная жизнь заставила его задолжать Шуэву громадную сумму денегъ. Этимъ и пользуется Шуэвъ. Онъ предлагаетъ Льевелину сфабриковать въ величайшей тайнѣ одну якобы древнюю противохристіанскую надпись и за это обѣщаетъ ему не только простить ему весь его долгъ, но дать ему и еще большую сумму. Въ случаѣ же отказа со стороны Льевелина, Шуэвъ угрожаетъ ему процессомъ, который обнаружить предъ всею Англіею его скандальную интимную жизнь, а это, при строгости нравовъ въ Англіи, для Льевелина, вдобавокъ находящагося наканунѣ полученія титула баронета, будетъ гражданскою смертію. Съ невыразимымъ ужасомъ, хотя и самъ онъ, повидимому, атеистъ, выслушиваетъ Льевелинъ предложеніе Шуэва и отъ ужаса даже лишается чувствъ, но выбора и выхода для него нѣтъ, и онъ принимаетъ предложеніе. Какъ разъ къ этому времени получается султанскій фирманъ, которымъ дозволяется англійской комиссіи, производящей раскопки въ Палестинѣ, начать раскопки въ такихъ мѣстахъ, куда доселѣ не допускали европейцевъ. При содѣйствіи Шуэва, Льевелинъ беретъ годовой отпускъ и уѣзжаетъ секретно, почти тайкомъ, — якобы для поправленія здоровья, въ Александрію. Шуэвъ, увѣренный уже въ осуществленіи своего адскаго плана, не можетъ скрыть злобной радости.—«Близокъ день — злорадно похваляется онъ предъ Гортромъ—когда рухнетъ все горделивое зда-

ніе вашего христіанства. Это произойдетъ внезапно, но крушеніе будетъ полное. И вы, вы увидите это. Вашъ блѣдный Назорейнинъ умретъ среди горькаго смѣха всего міра, умретъ такъ же, какъ умеръ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, но на этотъ разъ ужъ никто не воскреситъ Его. Мы убьемъ Его вѣрнѣе, чѣмъ синедрионъ и всѣ солдаты. Сказка о крестѣ и Богочеловѣкѣ исчезнетъ съ лица земли. Храмы покроются мракомъ забвенія. Современемъ вы вспомните мои слова и будете помнить ихъ, пока сами не превратитесь въ прахъ». Нѣкоторые намеки дѣлаетъ и Льевелинъ. Тяжелое предчувствіе близкой и страшной бѣды наполняетъ душу Гортра — и это предчувствіе не обманываетъ его.

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и Англію, да и весь міръ, потрясаетъ страшное извѣстіе: руководителемъ работъ на новыхъ раскопкахъ близъ Іерусалима извѣстнымъ археологомъ Хандсомъ найдены нѣсколько древнихъ гробницъ и въ одной изъ нихъ — каменная плита съ такою надписью:

— «Я—Іосифъ изъ Аримаеи—взялъ тѣло Іисуса Назорейнина изъ гроба, гдѣ оно было сначала положено, и похоронилъ его въ этомъ мѣстѣ».—Такимъ образомъ выходило, что Христосъ никогда не воскресалъ. — Добавлялось, что извѣстный ученый Льевелинъ и знаменитый берлинскій ученый Шмельдеръ, освидѣтельствовавши надпись, признали ее подлинною.

Никакими словами невозможно описать смятеніе, которое поднялось во всемъ мірѣ, когда стало извѣстно объ этомъ открытіи. Казалось, міръ сорвался съ своихъ устоевъ. Тутъ только поняли всѣ, что такое христіанство и какую могучею сдерживающею нравственною силою было доселѣ оно. Весь міръ точно сошелъ съ ума. Нравственная разнузданность дошла до послѣдней степени; мусульмане подняли голову и готовились объявить войну христіанскимъ государствамъ; буддисты проповѣдывали новое воплощеніе Будды; Индія готовилась отложиться отъ Анг-

ліи, и призракъ всемірной войны стоялъ на порогѣ. Процентныя бумаги упали до такой степени, до какой онѣ не падали еще никогда, и множество богатыхъ людей разорились и стали нищими. Разореніе угрожало даже самому Шуэву. Между тѣмъ хлѣбъ и всѣ жизненные припасы дорожали съ каждымъ днемъ. Фабрики стали, лишивъ заработка цѣлыя массы людей. Всевозможныя преступленія противъ женщинъ усилились въ страшной прогрессіи. Исчезновеніе вѣры въ божественность Христа, признаніе миеомъ рожденія Христа отъ Дѣвы и Духа Святаго и явленія воскресшаго Христа Маріи Магдалинѣ svelи женщину съ пьедестала, на который поставило ее христіанство. Человѣчество возвращалось къ первобытному, языческому періоду; наступилъ ужасъ и мракъ великій (Быт. 15, 12); ни одна страна не наслаждалась безопасностью; колебались знаменитыя торговыя фирмы; ни на одну колонію нельзя было положиться. По всему міру беззаконіе и преступленіе справляли кровавый пиръ. Съ каждымъ днемъ дѣла шли все хуже и хуже. Всѣ потеряли голову, и даже духовенство—протестантское и англиканское—растерялось и обнаружило постыдное малодушіе. Хандсъ, потрясенный сдѣланнымъ имъ открытіемъ, впадаетъ въ мрачную меланхолію и умираетъ отъ порока сердца. Сами Шуэвъ и Льевелинъ, вначалѣ торжествовавшіе и ликовавшіе и удостоившіеся бурныхъ овацій, чувствуютъ себя крайне нехорошо: смутная тревога проникаетъ въ ихъ сердца и увеличивается съ каждымъ днемъ; Шуэву, кромѣ того, грозитъ разореніе.

Гортръ, въ первое время ошеломленный открытіемъ, скоро однако опомнился и началъ энергично дѣйствовать. Припоминая все бывшее раньше, онъ ни одной минуты не сомнѣвался, что «открытіе» есть мошенническая продѣлка Шуэва и Льевелина, хотя его и его друзей охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что до такой степени могли пасть люди, вдобавокъ извѣстные, уважаемые и ученые. Но какъ доказать поддѣлку? Чѣмъ доказать лож-

ность открытія, подлинность котораго торжественно засвидѣтельствовали столь знаменитые ученые? Чтò могъ противопоставить ихъ авторитету простой священникъ?— Помощь приходитъ съ той стороны, откуда всего менѣе могъ ожидать ее Гортръ. Бывшая возлюбленная Льевелина заболѣваетъ смертельною, хотя и медленною болѣзнью и начинаетъ думать о Богѣ, душѣ и адѣ, о чемъ прежде никогда не думала, начинаетъ посѣщать церковь и знакомится съ Гортромъ. Гортръ, слышавшій о ней и раньше, проситъ ее вывѣдать отъ Льевелина исторію «открытія». Льевелинъ, все еще любящій Гентъ—такъ зовутъ эту женщину—поддается ея просьбамъ и, обрадованный ея мнимымъ возвращеніемъ къ нему, съ непостижимымъ легкомысліемъ, отъ котораго, впрочемъ, бываютъ несвободны иногда и знаменитые ученые, рассказываетъ ей все. Оказывается, что Льевелинъ уѣзжалъ не въ Александрію, а въ Іерусалимъ. Тамъ онъ жилъ подъ строжайшимъ ивгогнито, ходилъ въ одеждѣ священника, а по ночамъ высѣкалъ эту надпись; когда же она была готова, подкупленный имъ хранитель музея древностей при раскопкахъ грекъ Іонидесъ тайкомъ положилъ ее въ одну хорошо знакомую ему дѣйствительно древнюю гробницу.—Нужно было дѣйствовать немедленно. Милліонеръ Майхель Ванхоэ, еврей, принявшій христіанство и преданный церкви всей душой, глава англиканъ въ парламентѣ и политическій и религіозный противникъ Шуэва, отправляетъ въ Іерусалимъ корреспондента вліятельной газеты съ порученіемъ во что бы то ни стало разоблачить поддѣлку. Корреспонденту, при помощи турецкой администраціи, удается добиться отъ Іонидеса письменнаго признанія въ преступленіи. Это публикуется во всеобщее свѣдѣніе отъ имени англійскаго правительства, съ указаніемъ виновниковъ поддѣлки. Невообразимое радостное религіозное одушевленіе овладѣваетъ народомъ. Въ смертельномъ ужасѣ Шуэвъ и Льевелинъ пытаются чрезъ наемныхъ убійцъ отдѣлаться отъ Гортра и корреспондента, но это не удается

имъ. Львелина убиваетъ разъяренная толпа, а Шуэвъ, неуспѣвшій застрѣлиться, сходитъ съ ума. Церкви переполнены народомъ. Религіозное одушевленіе не имѣетъ никакихъ границъ. Прихожане тестя Гортра, священника Байерса, который въ эти тяжелые и страшные дни не малодушествовалъ и каждый день молился съ ними въ церкви, собравшись къ нему въ домъ, не находятъ словъ, чтобы отблагодарить его за его мужество и любовь къ нимъ и выразить свою радость. «Какъ сердечны, какъ искренни были эти люди! Байерсу, казалось, никогда еще не удавалось заглянуть такъ глубоко въ глубину душъ, скрывавшихся подъ грубой и шероховатой оболочкой. Стыдясь своего прежняго равнодушія, они хотѣли выказать Байерсу, какъ они высоко цѣнятъ его непоколебимую твердость.—Вы подавали намъ всѣмъ примѣръ—сказалъ хриплымъ голосомъ прядильщикъ съ суровымъ лицомъ. Глаза его блестѣли, а губы дрожали.—Мы относились къ церкви не такъ, какъ слѣдуетъ—сказалъ другой—но вы увидите, что все перемѣнится. — Да, наша вѣра была слаба, но сердца многихъ христіанъ сгорали отъ печали и стыда за послѣдніе мѣсяцы. — И толпа людей, неизящно, хотя и по праздничному одѣтыхъ, съ грубыми лицами и грубою рѣчью, тѣснилась около Байерса, выражая признательность и уваженіе, которые невыразимо трогали стараго священника. Никогда еще не былъ онъ такъ близокъ имъ. Онъ смутно началъ догадываться, что мудрая божественная воля дозволила проявиться этой неправдѣ, этимъ бѣдствіямъ, чтобы сильнѣе укрѣпить въ людяхъ вѣру.

— Мы никогда не забудемъ, что вы сдѣлали для насъ.— Если прежде мы были равнодушны къ религіи, теперь мы станемъ истинными христіанами. — Хвала Господу, что Онъ повѣдалъ намъ истину, и да проститъ Онъ намъ, что мы Его забыли!—говорили посѣтители. Казалось, воздухъ трепеталъ, насыщенный любовью и благоговѣніемъ. Всѣ опустились на колѣна. Это была странная сцена. Въ

богато убранной гостинной группа пожилых почтенныхъ мужчинъ и женщинъ опустилась на колѣна около креселъ, стульевъ и столовъ. Плечи вздрагивали отъ сдерживаемаго волненія; изъ груди вырывались слабыя рыданія. Для большинства изъ присутствовавшихъ это былъ величайшій моментъ ихъ духовной жизни. Конfirmaція, покаяніе и причащеніе — всѣ эти эпизодическіе этапы христіанской жизни выполнялись большею частью вѣрующихъ только формально, безъ внутренняго огня. И только теперь эти люди ощутили глубокую любовь ко Христу...

Въ слѣдующую Пасху церковь Байерса была набита биткомъ. Своды ея потрясали могучіе, побѣдные, восторженные голоса:

— Христось воскресъ!

Помимо выдуманной главной фабулы повѣсти, въ общемъ, впрочемъ, весьма правдоподобной и вѣроятной и исполнѣ возможной въ настоящее время, все остальное въ ней интересно, правдиво и поучительно. Характеристики преобладающихъ типовъ прихожанъ протестантскихъ и англиканскихъ церквей, турецкихъ властей въ Св. Землѣ и ихъ обычнаго образа дѣйствій, ея природы и обитателей и т. п. — все это живо и интересно. Весьма симпатичны здѣсь представители англиканскаго духовенства. Кремъ Гортра, Байерса и непоколебимаго въ вѣрѣ капеллана Вильсона, здѣсь любопытенъ типъ лондонскаго викарія (настоятеля церкви) Райпона. Это человекъ неукротимой энергіи. Имѣя значительныя личныя средства и еще столько же получая доходу, онъ тратитъ на себя поразительно мало и часто забываетъ пообѣдать, вспоминая о ѣдѣ лишь тогда, когда видитъ обѣдающихъ. (Замѣчательны также громадныя доходы англійскихъ священниковъ).— Книга написана весьма живо и интересно, проникнута непоколебимою вѣрой и согрѣта искреннимъ, неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ и можетъ быть прочтена съ интересомъ и удовольствіемъ.

Свящ. Н. Колосовъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инова).

«Надежда Израиля, Спаситель его во время скорби. Для чего Ты—какъ чужой въ этой земль, какъ прохожій, который зашелъ переночевать? Для чего Ты... какъ слабый, не имьющій силы спасти?.. Твое имя наречено надъ нами, не оставляй насъ!..» (Иер. 14, 9). Удивительныя слова, пророчественно указывающія на Спасителя нашего Иисуса Христа, не имѣвшаго на Своей землѣ гдѣ главы приклонить. Какъ понятенъ, при взглядѣ на Распятаго Страдальца, вопль пророка: «для чего Ты... какъ слабый, не имьющій силы спасти?..» Не такъ ли взывалъ Новый Израиль и взываетъ доселѣ Своему Спасителю во всѣхъ невзгодахъ и испытаніяхъ: «Твое имя наречено надъ нами, не оставляй насъ!..»

* * *

«Не оставляй насъ!..» Смотри, взывая такъ Господу, не заслуживаешь ли болѣе того, чтобы Господь укорилъ Тебя: «Ты оставилъ Меня, говоритъ Господь, отступилъ назадъ, поэтому Я простру на тебя руку Мою и погублю тебя: Я усталъ миловать!..» (Иер. 15, 6). Грозныя слова для насъ нераскаянныхъ, неблагодарныхъ и жестоковыхъ.

* * *

«Благо тому, кто терпѣливо ожидаетъ спасенія отъ Господа, ибо не на вѣкъ оставляетъ Господь, но—послалъ

горе, и помилуетъ его»... (Плачь Іер. 3, 26 и дал.)... Скорбящіе и страждущіе въ земныхъ горяхъ и напастяхъ! Слушайте и утѣшайтесь: не простой смертный говоритъ вамъ это, а великій пророкъ Божій, или правильнѣе сказать—Самъ Утѣшитель Духъ Божій устами сего пророка.

* * *

«*Хотя я упалъ, но встану. Хотя я во мракъ, но—Господь свѣтъ для меня*» (Михея 7, 8)... Такъ говори, грѣшникъ, и не отчаивайся въ прощеніи и помилованіи. Не паденіе страшно, а *лежаніе*. Спѣши востать, ибо если по пословицѣ люди *лежагаго не бьютъ*, то врагъ какъ разъ наоборотъ—именно лежагаго то и спѣшитъ добить, затоптать, связать узами неразрѣшимыми неисцѣльнаго паденія.

* * *

«*Сынъ чтитъ отца и рабъ господина своего. Если Я Отецъ, то гдѣ почтеніе ко Мнѣ? И если Я Господь, то гдѣ благоговѣніе предо Мною?..*» (Малах. 1, 6)... Горечь сихъ укоровъ особенно чувствительна должна быть для тѣхъ, которые никакъ не относятъ себя къ невѣрующимъ и отвергающимъ богопочтеніе. Нѣтъ, тутъ разумѣются тѣ, которые считаютъ и называютъ себя дѣтьми Отца небеснаго, рабами Господа своего. И тѣмъ непростительнѣе, тѣмъ тяжелѣе грѣхъ ихъ непочтенія и неблагоговѣнія предъ Отцомъ и Господомъ ихъ, предъ Которымъ они ведутъ себя въ жизни оскорбительно для Его и Отцовства, и Господства, недостойно же и своего богосыновства и богонаслѣдія.

* * *

Не такъ боремся мы за свое достояніе и свои священнѣйшія права, какъ борется врагъ за обладаніе нами, и такъ легко не выпуститъ онъ никого изъ своего окаян-

наго плѣна. Жестоко и долго бореть онъ всякими способами грѣшника по его обращеніи и жестоко мститъ ему за исправленіе, срывая свою досаду при всякомъ удобномъ случаѣ.

* * *

Чувства усиленнаго покаянія и устремленія къ Себѣ Господь посылаетъ часто въ предвидѣніи какого-либо великаго искушенія и испытанія, готоваго постигнуть человека, или даже скорой его смерти, чтобы человекъ совершенно очистилъ себя отъ грѣховъ и всякой нечистоты, и усиленною жаждою помилованія Божія усилилъ въ себѣ и способность принять въ свою душу сугубое помилованіе и благодать, по ревности Владыки къ Своему созданію.

* * *

О, Господи милосердый! Будь милостивъ къ моему ничтожеству, убожеству, нищетѣ и крайнему недостоинству. Не боюсь я самой жестокой оцѣнки меня другими, ибо самъ знаю себя лучше всѣхъ и презираю болѣе всѣхъ самъ себя. Не оскорбляться мнѣ надо самымъ ярымъ презрѣніемъ меня другими, ибо самъ знаю и исповѣдую, какъ плохъ я предъ Тобою. Благодарю моихъ обидчиковъ и презрителей, что они лучше даютъ мнѣ чувствовать это и сильнѣе взывать къ Твоему помилованію.

* * *

Три раза молилъ апостоль Павелъ объ избавленіи отъ пакостника плоти. Но Господу не угодно было исполнить его молитву. Три раза и Самъ Господь не былъ услышанъ въ саду Геесиманскомъ Отцомъ небеснымъ. Такъ и мы иногда должны съ покорностію принять и неслышаніе, терпя Господню волю.

* * *

До насъ были люди на землѣ, будутъ и послѣ насъ. Какой маленькій кусочекъ времени принадлежить намъ на безпредѣльной полосѣ времени. Это—*наше* время, *наши* посѣвъ, *наша* страда. О, пользуйся, не теряй ни секунды даромъ. Поспѣши. Вонъ тучи сгущаются на горизонтѣ, убирай твой духовный сѣнокосъ, чтобы не залило его потоками внезапнаго ливня. Торопись, лихорадочно торопись: близко время, когда уже будетъ поздно и; ничего нельзя будетъ поправить и сдѣлать.

* * *

Правда очень часто такъ и не находитъ торжества своего на землѣ. Многіе до смерти борются за нее, изнемогая и падая въ борьбѣ. Надо, однако, вѣрить, что царство правды не здѣсь, и если даже не достигается эта правда на землѣ, то вѣрно она возьметъ свое за предѣлами сей жизни и не можетъ никогда остаться побѣжденною зломъ и ложью.

* * *

Сколько кругомъ насъ скорбящихъ! Сколько повсюду и явнаго, и скрытаго горя, слезъ, рыданій, до безысходнаго отчаянія. Господи! Помоги Ты намъ несчастнымъ, бѣдствующимъ и озлобленнымъ. Отеческою жалостію Твоею воззри на насъ и обрати къ Тебѣ: тогда съ Тобою не страшны будутъ для насъ никакія скорби и страданія.

* * *

«*Не гнѣвайся, Господи, безъ мѣры и не вѣчно помни беззаконіе. Воззри же: мѣя всѣ—народъ Твой*» (Ис. 64, 9)... И по праву созданія, и по праву возсозданія и искупленія Тобою, мы всѣ — истинно народъ Твой, Господи! Ты имѣешь полное право гнѣваться на насъ и отвратить отъ насъ лице Твое навсегда. Мы вполне заслужили этотъ праведный гнѣвъ Твой. Но за насъ ходатайствуетъ Твоя

же благость, воплотившаяся въ лицѣ Сына Твоего возлюбленнаго, и это воплощеніе безпредѣльной божественной любви Твоей подвигаетъ Тебя доселѣ на всякую жалость, долготерпѣніе и помощь всѣмъ намъ, нареченнымъ именемъ драгоцѣнной любви Твоей.

* * *

Царице Небесная! О, какое Ты дивное, величественное средоточіе столькихъ христіанскихъ горячихъ, чистыхъ, святыхъ порывовъ, молитвъ, надеждъ и слезныхъ упованій. Какъ къ солншку—далекому, но и для всѣхъ одинаково доброму и легкодоступному, устремлены къ Тебѣ сердца, жаждущія тепла и свѣта. И Ты, какъ истинное солншко, согрѣваешь и просвѣщаешь всѣхъ съ высоты Твоей небесной, оправдывая чаянія жаждущихъ отъ Тебя материнскаго утѣшенія.

А. І.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ІАКОВЪ,
архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій.**

(† 20 мая 1850 года).

Въ текущемъ 1910 году исполнилось шестьдесятъ лѣтъ со дня кончины высокопреосвященнѣйшаго Іакова, архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, скончавшагося 20 мая 1850 года въ С.-Петербургѣ.

Нижегородская архивная комиссія, какъ видно изъ сообщенія мѣстныхъ газетъ ¹⁾, готовится почтить память этого нижегородскаго архіепископа, потрудившагося немало для мѣстной археографіи. Въ засѣданіи этой комиссіи, бывшемъ 2 апрѣля, заслушивалось предложеніе одного изъ членовъ комиссіи объ изданіи сборника, посвященнаго памяти епископа Іакова (Вечеркова) въ виду шестидесятилѣтія со дня его смерти. При этомъ было указано, что документы, служащіе матеріаломъ для сборника, хранятся въ Саратовѣ ²⁾. Было также высказано, что преосвященный Іаковъ принималъ большое участіе съ покойнымъ П. И. Мельниковымъ въ трудахъ по разборкѣ архивныхъ документовъ и по дѣламъ раскола. Комиссія поручила предсѣдателю и правителю дѣлъ ознакомиться съ матеріаломъ проектируемаго сборника.

Преосвященный Іаковъ, въ мѣрѣ Іосифъ Ивановичъ Вечерковъ, былъ сынъ дьякона, родился 4 апрѣля 1792 года

---

¹⁾ *Воляръ*, № 91.

²⁾ Часть такихъ матеріаловъ находится и въ моемъ собраніи.

въ Курской губерніи, слободѣ Серебрянѣ, Новоскольскаго уѣзда. Учился въ Бѣлградской семинаріи,—по окончаніи курса былъ оставленъ въ той же семинаріи учителемъ математики и нѣмецкаго языка, поэзіи и реторики. Онъ хотѣлъ жениться, но невѣста его была наканунѣ свадьбы во время грозы убита громомъ. Въ 1816 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса магистромъ въ 1819 году 22 августа онъ принялъ постриженіе съ именемъ Іакова и назначенъ смотрителемъ Сѣвскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1823 году перемѣщенъ на должность ректора въ Екатеринославскую семинарію съ званіемъ профессора богословскихъ наукъ и члена духовной консисторіи. Въ 1827 году нареченъ архимандритомъ Григорьевскаго Бизюкова монастыря ¹⁾. Въ 1832 году 27 марта рукоположенъ во епископа Саратовскаго и Царицынскаго. Саратовской епархіей онъ управлялъ около 15 лѣтъ, гдѣ присоединилъ болѣе 20 тысячъ раскольниковъ и крестилъ до 2000 калмыковъ и евреевъ. Въ 1835 году получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. 13 февраля 1847 года онъ переведенъ на Нижегородскую кафедру. Въ 1849 году пожалованъ саномъ архіепископа и вызванъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. 20 мая 1850 года скончался отъ горловой чахотки 58 лѣтъ, а 23 мая погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Ѳедоровской церкви съ лѣвой стороны.

Въ пятнадцатилѣтнее управленіе Саратовской епархіей преосвященный Іаковъ главное вниманіе свое обратилъ на искорененіе раскола. При помощи приглашенныхъ имъ особыхъ миссіонеровъ онъ учредилъ особую комиссію для борьбы съ расколомъ. Также успѣшно шло обращеніе калмыковъ, которымъ преосвященный Іаковъ помогалъ и деньгами. Немало преосвященный собралъ раскольническихъ рукописей, и самъ писалъ по расколу на основаніи

---

¹⁾ Въ Херсонской губерніи.

добытыхъ имъ въ раскольническихъ молебныхъ источникахъ.

Современникъ его, одинъ саратовскій сельскій священникъ говорить ¹⁾, что преосвященный Іаковъ «при обзорѣнн епархіи всегда почти говорилъ съ раскольниками, ходилъ къ начетчикамъ въ дома и велъ съ ними продолжительныя бесѣды. Самимъ имъ лично множество старообрядцевъ присоединено къ православію и единовѣрію (кажется до 16.000 душъ); но на то, каковы были священники раскольническихъ приходовъ, по умственному и нравственному ихъ состоянію, сомнительно, чтобъ обращалъ онъ должное вниманіе, такъ какъ мнѣ были извѣстны священники нѣкоторыхъ раскольническихъ приходовъ, и могу сказать, что жизнь ихъ была далеко не безукоризненна. При томъ, лучшихъ и взять было негдѣ. Самъ онъ былъ истинный монахъ: часто служилъ, много говорилъ поученій, много читалъ, жизнь велъ уединенную, былъ постникъ до изумленія, но къ духовенству былъ ужасно строгъ.

Каждый воспитанникъ семинаріи предъ рукоположеніемъ во священника долженъ былъ выучить наизусть нагорную бесѣду Спасителя и прочитать ее кафедральному протоіерею, а наканунѣ самаго рукоположенія долженъ былъ въ крестовой церкви, въ присутствіи преосвященнаго, сказать себѣ назиданіе: преосвященный давалъ тему, какойнибудь текстъ изъ посланій апостольскихъ, вродѣ: «настой благовременнѣ»... или: «священникъ долженъ быть ни пьяница, ни убійца»... Воспитанникъ долженъ былъ составить на заданный текстъ проповѣдь и произнести».

Другой его современникъ пишетъ ²⁾, что Іаковъ былъ извѣстенъ своей строго-подвижнической жизнью. Жилъ онъ въ Саратовѣ въ небольшомъ одноэтажномъ, выходившемъ на Царицынскую улицу, деревянномъ домикѣ, при вполнѣ монашеской обстановкѣ, гдѣ въ его крошечной безъ оконъ спальнѣ лежалъ на деревянной кровати пу-

¹⁾ *Русская Старина*, 1882 г., февраль, стр. 383.

²⁾ *Ibid.* 1898 г., августъ, стр. 330.

ховичежь и подушка, которые онъ на ночь всегда снималъ и спалъ на голыхъ доскахъ. Іаковъ въслѣдствіи обладалъ прозорливостью, и, когда его перевели архіепископомъ въ Нижній-Новгородъ, былъ такой случай: въ холеру 1847-го года проѣзжала изъ Петербурга черезъ Нижній одна хорошо извѣстная ему саратовская дворянка Рылѣва, пожертвовавшая свои дома саратовскому женскому монастырю. Въ Нижнемъ она была у преосвященнаго, который благословивъ отдалъ ей какую-то маленькую посылочку на имя ея сестры. Но Рылѣва по случаю праздника осталась еще на одинъ день въ Нижнемъ, чтобы отстоять архіерейскую службу. Увидя ее подъ конецъ обѣдни, когда сна подошла подъ благословеніе, Іаковъ настойчиво и озабоченно сказалъ ей, чтобы она торопилась домой, что ее крайне удивило. Возвратясь же въ Саратовъ, послѣ семидневной ѣзды на почтовыхъ, Рылѣва нашла свою сестру умершей уже третій день. И по вскрытіи посылки преосвященнаго Іакова оказались молитва и вѣнчикъ, которые вкладуются на покойниковъ и предназначавшіеся этой умершей».

О. Моршкинъ дополняетъ біографію преосвященнаго Іакова ¹⁾. Саратовская епархія служила притокомъ и гнѣздомъ для раскольниковъ всѣхъ сектъ, особенно молоканъ. Іаковъ обратилъ на нихъ все свое вниманіе, самъ принималъ къ нимъ поѣздки, входилъ съ ними въ состязанія и убѣждалъ ихъ доказательствами, заимствованными изъ уважаемыхъ ими книгъ. Но на раскольниковъ не столько дѣйствовали его убѣжденія, сколько подвижническая его жизнь. Раскольникъ невольно внималъ тихому и слабому голосу архіерея, похожаго на отшельника, изможденнаго, сухого, съ впалыми глазами и щеками, съ ввалившейся грудью, вышедшаго какъ бы изъ пустыннаго скита или изъ подземной пещеры. Если присоединить къ этому молву о его жизни, суровой, постнической, объ

---

¹⁾ Сборникъ Император. Рус. Историч. Общ., т. 113, стр. 149.

изнуреніи тѣла тяжелыми желѣзными веригами, то легко можно объяснить себѣ то впечатлѣніе, которое производилъ Іаковъ вообще на всѣхъ, а по преимуществу на нашихъ старовѣровъ. Бесѣды съ старообрядцами естественно обратили вниманіе преосвященнаго на наши отечественныя древности какъ церковныя, такъ и гражданскія, и Іаковъ полюбилъ археологію, чему служатъ доказательствомъ нѣсколько оставшихся послѣ него сочиненій археологическаго содержанія. Да и самъ преосвященный писалъ Погодину ¹⁾: «Занимаютъ меня древности религіозныя и гражданскія, но больше я занятъ дѣлами раскола».

Испросивъ у Святѣйшаго Синода дозволеніе учредить въ Саратовской епархіи миссію для обращенія раскольниковъ, преосвященный Іаковъ назначилъ въ нее нѣсколько протоіереевъ и священниковъ, знакомыхъ съ расколомъ. Изъ нихъ особенно выдѣлились самъ начальникъ миссіи о. Моисей, протоіерей Палладій и священникъ Исидоръ Родіоновъ. «Эти три лица ²⁾ были главными дѣятелями миссіи. Огромными успѣхами своими она особенно была обязана тому, что пособниками ея неофициально были благочестивые люди всѣхъ сословій. Направляемые опытною рукою о. Моисея и о. Палладія, они рѣшались на такіе подвиги, на которые никакъ бы не отважился ни одинъ изъ официальныхъ членовъ миссіи. Благодаря ихъ усердію, въ келіи архіерейской было извѣстно все, что дѣлается въ самомъ отдаленномъ раскольниковскомъ гнѣздѣ: никакой буеракъ или трупца съ подземною келіей и потаенными выходами не могли скрыть разыскиваемого или бѣлаго попа; никакими деньгами не могъ откупиться тотъ изъ расколоучителей, котораго нужно было взять и предать суду».

«Къ сожалѣнію, въ современномъ ему губернаторѣ г. Саратова Переверзевѣ ³⁾ преосвященный встрѣтилъ зна-

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова, кв. 10, стр. 419.

²⁾ Домашн. бесѣда, 1861 г., №№ 42 и 43, стр. 801—802.

³⁾ О немъ записка Вигеля—III, стр. 28.

чительное препятствіе и затрудненіе въ исполненіи благихъ своихъ намѣреній и предпріятій, зато онъ былъ утѣшенъ искреннимъ содѣйствіемъ штабъ-офицера корпуса жандармовъ, полковника П. И. Б—ва, который былъ, можно сказать, правою рукою архипастыря и посредникомъ его въ сношеніяхъ съ губернскими властями. На горожанъ, большая часть которыхъ была заражена расколомъ, и многіе, по своему богатству, были главною его опорой, преосвященный дѣйствовалъ частію лично, частію чрезъ миссіонеровъ или членовъ «саратовскаго братства». Удивительно въ этомъ случаѣ терпѣніе и самоотверженіе архипастыря! Не разъ приходилось ему получать отказъ въ домахъ раскольниковъ, къ которымъ онъ ѣздилъ для того, чтобъ свести знакомство. Преосвященный не смущался и не огорчался этимъ; онъ отправлялся къ нимъ въ другой и третій разъ и таки добивался своего. Такое необычайное терпѣніе и снисходительная настойчивость имѣли послѣдствіемъ то, что самые отъявленные раскольники и первые богачи въ городѣ, влияние которыхъ было велико на единомысленниковъ, какъ-то: Г—въ, С—ковъ и С—иковъ, по убѣжденію архипастыря, присоединились къ единовѣрческой церкви¹⁾.

Ревность преосвященнаго Іакова объ обращеніи заблудшихъ была вознаграждена, въ самомъ началѣ личныхъ трудовъ его, обращеніемъ Г—ва, богатаго саратовскаго купца. Послѣ многихъ увѣщаній, то чрезъ миссіонеровъ, то лично, архипастырь успѣлъ наконецъ убѣдить его перейти въ единовѣрческую церковь, которой до того времени не было въ Саратовѣ. Когда же Г—въ изъявилъ свое согласіе, то, по ходатайству преосвященнаго Іакова, дозволено было отъ Св. Синода открыть ему у себя единовѣрческую церковь.

Ан. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ibid. 802—803.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Комета Галлея.

О кометѣ Галлея, еще задолго до ея появленія, въ разныхъ газетахъ и журналахъ было помѣщено много сообщеній. Народъ былъ приготовленъ къ ея явленію. Специалисты и ученые астрономы замѣчательно вѣрно опредѣлили точное время появленія кометы въ небесномъ пространствѣ, высказывая предположенія о ея составѣ, быстротѣ движенія и вычисляя пространство, на которое комета удалена отъ земного шара. По мѣрѣ того, какъ приближалось время появленія кометы, въ газетахъ помѣщались телеграммы съ разныхъ концовъ міра о различныхъ ожиданіяхъ и приготовленіяхъ къ ея встрѣчѣ. Во многихъ мѣстахъ земного шара находились люди, которые истолковывали появленіе кометы на небѣ и прохожденіе земли сквозь хвостъ ея, какъ приближеніе «кончины міра».

Въ Испаніи, напримѣръ, населеніе ожидало комету съ большимъ безпокойствомъ. По ночамъ на улицахъ многихъ городовъ и селеній толпами собирался народъ. Въ церквахъ совершались молебствія. Многие стали посѣщать храмы и даже исповѣдывались и каялись въ своихъ грѣхахъ.

Это было, конечно, хорошо, но вотъ что примѣчалось худого. Было очень много самоубійствъ изъ страха предъ кончиною міра. И вообще населеніе нѣкоторыхъ городовъ было охвачено паническимъ страхомъ.

Гдѣ-то въ Персіи доморощенные астрономы объявили, что 6 мая наступитъ конецъ міра, и до того перепугали правовѣрныхъ, что многие изъ нихъ вырыли глубокія ямы, гдѣ хотѣли спрятаться отъ «небеснаго гѣва».

Въ Австріи среди населенія, особенно въ провинціи, началась паника. Многие запасались кислородомъ, боясь умереть отъ удушливыхъ газовъ небесной гостыи. Иные крестьяне, въ ожиданіи «конца міра», распродали свое имущество и предались пьянству.

Не обошлись безъ подобныхъ приготовленій и въ разныхъ темныхъ углахъ нашего обширнаго отечества.

Дѣйствительные ученые астрономы, гдѣ только они есть, единогласно сообщали о томъ, что, несмотря на соприкосновеніе хвоста кометы съ землей, опасаться какой-либо катастрофы нѣтъ никакихъ основаній. Если бы темной массѣ народа это было извѣстно, то, можетъ быть, было бы меньше слышно о «дикихъ» приготовленіяхъ къ концу свѣта.

Нашъ московскій астрономъ проф. В. К. Церасскій предупреждалъ, что комета Галлея едва ли будетъ даже замѣтна населенію и ожидать отъ нея какихъ-либо особенныхъ послѣдствій не придется.

Среди единогласныхъ сообщеній дѣйствительно ученыхъ астрономовъ, однако, рѣзко выдѣлялось сообщеніе о кометѣ Галлея одного нашего соотечественника, примкнувшаго къ сонму астрономовъ и объявившаго себя знатокомъ астрономіи. Это извѣстный г. Морозовъ, авторъ шумѣвшей книги «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ».

Читая сообщенія, переданныя корреспондентомъ одной московской газеты о томъ, что дѣлалось въ Пулковской обсерваторіи въ ночь на 6 Мая, приходилось удивляться, какъ еще и въ большихъ городахъ нашего отечества не доходили до «особенныхъ» приготовленій къ концу свѣта изъ-за кометы Галлея. Имя г. Морозова публикѣ извѣстно, и къ его сочиненіямъ нѣкоторые относятся съ довѣріемъ. По крайней мѣрѣ приходилось слышать: «что, читали «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ»—Морозова?—Теперь поставьте крестъ на вашемъ Апокалипсисѣ».

Но вотъ что происходило въ Пулковской обсерваторіи, если только можно вѣрить сообщившему о томъ газетному корреспонденту.

Наканунѣ (5 мая) туда прибыли многіе профессора уни-верситета, академики и, между прочимъ, авторъ «Откровенія въ грозѣ и бурѣ»—Н. А. Морозовъ. Населеніе съ любопытствомъ спрашивало прибывшихъ въ Пулковъ ученыхъ, что грозитъ въ случаѣ прохожденія земли черезъ хвостъ кометы и нужно ли принимать какія нибудь мѣры. Каковъ былъ отвѣтъ астрономовъ, среди которыхъ былъ г. Морозовъ, неизвѣстно; но надо предполагать, что послѣднимъ было сообщено населенію о близкой кончинѣ міра, такъ какъ, по убѣжденію г. Морозова, этого нельзя было избѣжать.

Астрономы въ ученое диспутѣ старались разбить созданную Морозовымъ теорію измѣненій, которыя должны

претерпѣть отъ столкновенія съ хвостомъ кометы поверхность луны. Въ разгарѣ спора Морозовъ, обращаясь къ диспутантамъ, сказалъ:

— Подождите, господа, завтра, къ вечеру, вы убѣдитесь, былъ ли я правъ, если только мы всё не задохнемся въ душныхъ парахъ натрія, который, навѣрно, находится въ ядрѣ и хвостѣ кометы.

Въ 11 ч. вечера Морозовъ отправился въ обсерваторію, попрощаться, по его словамъ, съ луною.

Направивъ телескопъ на луну, онъ почти серьезно говорилъ:

— Прощай Платонъ, прощай Коперникъ, прощайте Кеплеръ и Тиховъ. Въ послѣдній разъ смотрю я на васъ сегодня. На разсвѣтѣ ничего отъ васъ не останется. Завтра, если только вихрь не снесетъ меня въ бездну, я увижу новую луну. Простите навѣки!

Астрономы ожидали прохожденія земли чрезъ хвостъ кометы въ 5 ч. 31 м. по пулковскому времени. Ровно въ это время въ обсерваторіи раздался голосъ Морозова:

— Господа, начинается!

Началось прохожденіе кометы предъ солнцемъ. Но астрономы съ грустью говорили:

— Никакихъ признаковъ прохожденія кометы! И черезъ часъ всё покинули наблюдательные пункты.

Одинъ только Морозовъ, видимо разочарованный, долго не хотѣлъ сдаваться и продолжалъ возиться у громаднаго рефрактора, ища въ небесномъ пространствѣ комету Галлея.

Но, вопреки его убѣжденному ожиданію, никакого свѣтопреставленія не состоялось.

Однако, есть люди, которые заблужденіе г. Морозова относительно кометы извиняютъ и даже находятъ его «красивымъ и интереснымъ». Мы прибавимъ отъ себя, что если г. Морозовъ могъ такъ ошибиться, рассматривая вопросы по своей спеціальности, то не допустилъ ли онъ еще большей ошибки, сунувшись въ почти совершенно незнакомую ему область библейской эзегетики и пытаясь опредѣлить время написанія Апокалипсиса по такому метеорологическому явленію, какъ «гроза и буря», которое, конечно, ему еще менѣе было извѣстно, чѣмъ обстоятельства появленія кометы Галлея?

П. Павловъ.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Подвигъ опытнаго познанія Бога.

Время давно свѣяло съ народной памяти дѣла, способствовавшія подъему народно-политическаго самосознанія и религіозно-нравственнаго чувства на Руси, — оно же глубоко замело вѣковой пылью кости бойцовъ за русское дѣло. Но память о святомъ пустынножителѣ, преподобномъ Сергіѣ, доселѣ паритъ въ народномъ сознаніи подобно тому, какъ гробъ его съ нетлѣющими останками невредимо высится надъ землей. Чѣмъ дорога народу эта память? Что она говоритъ ему, его уму и сердцу?—Трудно современнымъ, засохшимъ въ абстракціяхъ, языкомъ изобразить живыя, глубоко скрытыя движенія вѣрующей народной души. Въ эту душу запахло какое-то сильное и свѣтлое впечатлѣніе, произведенное неуловимыми, безшумными нравственными средствами, про которыя не знаешь, что и рассказать. Виновику впечатлѣнія давно ушелъ, исчезла и обстановка его дѣятельности, а впечатлѣніе все живетъ, переливаясь свѣтлою струей изъ поколѣнія въ поколѣніе (Ключевскій).

И всегда будетъ жить и дѣйствовать все тѣми же неуловимыми, безшумными средствами. И потому именно, что сила вліянія Преподобнаго въ той полнотѣ вѣрующаго духа, какой явленъ жизнью его,—въ глубокомъ и полномъ проявленіи христіанскаго настроенія, завѣщаннаго Евангелиемъ, — въ постиженіи Бога не только умомъ, но и сердцемъ. Высота духа и близость къ Богу, которыми

жилъ Преподобный, и вождельныи народному сердцу. Это сердце желаетъ и ищетъ перенять и усвоить тотъ путь, которымъ слѣдовалъ Преподобный. А путь этотъ не мірской, и міромъ часто забывается. Но чѣмъ болѣе вглядываешься въ этотъ путь, тѣмъ ближе, тѣмъ дороже онъ дѣлается.

Жизнеописаніе преп. Сергія говоритъ, что, достигнувъ семилѣтнаго возраста, Вареоломей, будущій Сергій, отданъ былъ родителями въ ученіе грамотъ. Менѣе чѣмъ съ двѣнадцатилѣтнаго возраста Вареоломей началъ стараться жить тою жизнью подвижника, которой уже не покидалъ до самой смерти. Онъ держалъ строгій постъ, по средамъ и пятницамъ не вкушалъ пищи, какъ то дѣлали тогда многіе благочестивые люди, — усердно посѣщалъ храмъ Божій и дома большую часть времени проводилъ въ молитвѣ. Усердно читалъ онъ святаыя книги, учащія благочестію. Двадцати трехъ лѣтъ Вареоломей сдѣлался монахомъ съ именемъ Сергія. Монашествованіе свое онъ началъ не въ монастырѣ, а въ пустынѣ. Пустыня была настоящая, суровая: кругомъ на большое разстояніе во всѣ стороны — дремучій лѣсъ, въ лѣсу ни единого жилища человѣческаго, ни единой человѣческой стези, — видѣть и слышать можно было только птицъ и звѣрей. Въ пустынномъ уединеніи прожилъ онъ около двухъ лѣтъ. За это время его занятіемъ были какъ трудъ въ лѣсу и огородъ, такъ преимущественно неопустительное отправленіе всего круга ежедневныхъ службъ, чтеніе и всегдашнее богомысліе.

Итакъ, началъ Преподобный съ науки. Постигая науку, стремится проникнуть въ область вѣры, становится строгъ и требователенъ къ себѣ, настойчиво отдается богомыслію, старается постигнуть тайны вѣры, постигнуть Бога. Всѣ силы духа и тѣла направляются къ этой цѣли. И это обычное начало подвижническаго пути.

. «Есть два вѣдѣнія, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ: одно предшествуетъ вѣрѣ, другое порождается вѣрой, первое—

естественное, второе — духовное. Естественное вѣдѣніе есть путь къ вѣрѣ и къ Богу. Будучи вложено въ природу нашу, оно само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать въ Бога. Эта вѣра производитъ въ насъ страхъ, — страхъ же побуждаетъ къ покаянію, а покаяніе приводитъ туда, гдѣ дается духовное вѣдѣніе, или ощущеніе таинъ, которое въ послѣдствіи и рождаетъ вѣру истиннаго созерцанія. Естественное вѣдѣніе есть ступень, по которой человѣкъ восходитъ на высоту вѣры, въ духовное вѣдѣніе. Кто ощутитъ невидимое, сокровенное, у того чрезъ ощущеніе рождается вѣра, но иная высшая, не противная первой, но утверждающая ту вѣру. Эту вѣру называютъ созерцательной» (Доброт., изд. 2, т. 2 й, стр. 344). — «Кто слышитъ только внѣшній и плотской голосъ, поучаетъ св. Левъ Великій, тотъ слышитъ тварь, — Богъ же есть Духъ и Его можно слышать только чрезъ Духа. Лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога не то, которое выработано усиліями разсудка и выпотѣніемъ мозга, — но то, которое возгорается отъ небснаго огня въ сердцахъ нашихъ и вноситъ въ душу божественный свѣтъ». А искать богопознанія лишь въ книгахъ и писаніяхъ, — значитъ искать живого между мертвыми. Здѣсь нужно духовное осязаніе. «Мы должны стремиться видѣть Бога своими глазами, слышать своими ушами, и наши руки должны осязать Слово жизни. Душа, какъ и тѣло, имѣетъ свои чувства: вкусите и видите, какъ благъ Господь!» (Августинъ).

Чувства души, чувствительность ея ко всему духовному и развивается въ человѣкѣ постепенно: подвигъ воздержанія тѣла, молитва и богомысліе являются воспитательными средствами. А такъ какъ міръ съ его обычнымъ шумомъ и суетой развлекаетъ и разсѣиваетъ душу, то ищущіе Бога уединяются, — кто въ стѣнахъ, кто въ пустынѣ, чтобы точнѣе опредѣлить себя и внимательнѣе «собрать» себя. Почему нужно и насколько полезно уединеніе, говорить намъ слѣдующая древняя повѣсть. Три

усердные къ добродѣтельной жизни инока рѣшили воспринять на себя подвигъ. Первый—примирять враждующихъ, второй — служить больнымъ, третій удалился на безмолвіе въ пустыню. Примирявшій враждующихъ имѣлъ очеь скудный успѣхъ. Утомившись, онъ пришелъ къ брату, посвятившему себя на служеніе больнымъ,— но и того нашель ослабѣвшимъ, немогущимъ болѣе продолжать своего служенія. Тогда оба согласились повидаться съ пустынникомъ. Пришедши къ нему, они повѣдали ему скорбь свою и умоляли сказать имъ, что онъ пріобрѣлъ въ безмолвіи. Пустынникъ, почерпнувши воды, налилъ ее въ чашку и сказалъ: посмотрите. Тѣ посмотрѣли и ничего тамъ не увидѣли: вода была мутна. Прошло нѣкоторое время, пустынникъ опять говоритъ: посмотрите! Вода устоялась, и они увидѣли свои лица, какъ въ зеркалѣ. Пустынникъ продолжалъ: живущій среди людей не видитъ себя, такъ какъ развлекается міромъ; когда же онъ придетъ на безмолвіе, усматриваетъ живущій въ себѣ грѣхъ. Это зрѣніе своихъ грѣховъ даетъ устроеніе душѣ, подобное чистымъ зеркальнымъ водамъ. Смотрю на грѣхи свои и ужасаюсь, какъ бы смотря въ глубокую пропасть, отъ одного вида которой начинаетъ кружиться голова. И рыдаю. Еще рыдаю, а ужъ внезапно и непримѣтно мѣняется въ сердцѣ печаль на радость, восхитительную радость, какъ будто кто-то говоритъ моему сердцу: нестижимый Благодѣтель можетъ сдѣлать тебя соучастникомъ вѣчной радости! Вѣрую этому, не въ силахъ не вѣрить этому, и въ тихое, упоительное веселіе погружается все существо мое. — Такъ, сосредоточившись, углубляется челоуѣкъ внутрь себя и внутренними таинственными религіозными переживаніями приближается къ уясненію таинствъ вѣры. Недоступное силѣ ума становится доступнымъ сердцу, очищаемому отъ «суетныхъ приверженій». И вѣра по уму, неустойчивая и склонная къ колебаніямъ, крѣпнетъ вѣрою сердца, создавая крѣпкій оплотъ для воли.

Положивъ основаніе, приступаютъ къ стройкѣ. Преподобный Сергій и совершалъ это строительство всю свою жизнь. Жизнь Преподобнаго шла по точно очерченному плану: служить Богу, приближаться къ Нему, постигать Его. — Какъ ни уединялся онъ, но не могъ долго оставаться безвѣстнымъ: не можетъ городъ укрыться, стоя на верху горы (Мѡ. 5, 14). Слава о немъ быстро распространялась, и многіе монахи и міряне начали посѣщать его. Нѣкоторые селились подлѣ него и несли подвиги монашеской жизни. Собравшіеся сподвижники, равно какъ и посѣтители монастыря, осложняли жизнь пустынника, но и дѣлали болѣе широкимъ поле дѣятельности. Работая вмѣстѣ съ другими и служа другимъ, душа Преподобнаго крѣпла силой: борьба закаляетъ борца. Много говоритъ жизнеописатель о томъ, каковъ былъ Сергій въ отношеніи къ себѣ самому,—но въ полнотѣ одному Богу вѣдомы труды и боренія, подъятыя подвижникомъ, но тщательно скрываемыя отъ глазъ людскихъ. Въ отношеніи къ другимъ людямъ, чтѣ уже никакъ не могло быть скрыто, Преподобный исполненъ былъ смиренія безмѣрнаго, былъ тихъ и кротокъ, незлобивъ и простъ безъ всякаго лицемерія. Онъ былъ «старецъ чудный, говорившій словесы тихими и благоувѣтливыми, былъ исполненъ благодати Св. Духа, силою которой могъ дѣйствовать на самыя дикія, загрубѣлыя сердца». Чудный старецъ, святой Сергій! вотъ какъ обычно выражались о немъ современники. Удостоены онъ былъ небесныхъ видѣній и небесныхъ откровеній. Если бы время и обстоятельства позволили итти шагъ за шагомъ за жизнеописателемъ Преподобнаго, то мы увидѣли бы въ подробности, какой великій-великій трудъ, какія необыкновенныя тяготы тѣлесныя и духовныя выносилъ Преподобный.—И это было необходимо, такъ какъ служило одной общей цѣли жизни—приближенія къ Богу. Дѣянія ведутъ къ боговидѣнію. Такъ свидѣтельствуетъ опытъ подвижниковъ.

«Хорошо вѣровать во Христа, говоритъ Симеонъ, Но-

вый Богословъ, но надобно вѣровать и Христу, вѣрить всѣмъ словамъ Его, вѣрить, что истинны тѣ блага, какія Онъ обѣщаль. И всѣ, кто жилъ преподобно и праведно, потому жили праведно, что вѣровали обѣтованіямъ и угрозамъ Христа. Отъ души исповѣданіе Христа и исполненіе воли Его — въ существѣ одно и то же дѣло. Вѣра, если дѣлъ не имѣеть, мертва. Почему мертва? Потому что не имѣеть въ себѣ Бога животворящаго, сказавшаго: кто любитъ Меня, тотъ заповѣди Мои исполняетъ, Я и Отецъ придемъ къ такому и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14, 23), чтобы присутствіемъ Своимъ воскресить изъ мертвыхъ того, кто пріобрѣтаетъ такую дѣятельную вѣру, оживотворить его и дать ему видѣть Самого Христа, въ немъ воскресшаго и его воскресившаго. По мѣрѣ вѣры человѣкъ получаетъ помощь и живость на исполненіе воли Христовой» (Слово 30 и 43).—А когда человѣкъ преуспѣваетъ въ добродѣтели, преуспѣваетъ и въ познаніи Бога. Для насъ, привыкшихъ витать въ отвлеченностяхъ, пріученныхъ думать, что постигать и познавать—значитъ воспринимать умомъ, высказанная мысль можетъ показаться смущающей. А между тѣмъ въ дѣлѣ вѣры именно такъ. Не столько наука даетъ возможность постигать истину о Богѣ, сколько приближаетъ къ этой истинѣ добродѣтельная жизнь. «Отъ заповѣдей раждаются добродѣтели, говоритъ тотъ же святой, а отъ добродѣтелей ясными дѣлаются таинства, скрытыя въ буквѣ Писанія. Посредствомъ добродѣтелей и заповѣдей открывается для насъ дверь вѣдѣнія, — дверь, чрезъ которую является намъ Христосъ, сказавшій про исполнителя Его воли: Я возлюблю его и явлюся ему Самъ. И открываетъ Онъ Себя завѣдомо, знательно, осязательно. Другимъ же какимъ-либо способомъ достигнуть сего невозможно. Все это надлежитъ познать самымъ дѣломъ и испытать всѣмъ чувствомъ души, чтобы стяжать въ себя Бога, Который возводилъ бы тебя съ Собою на небеса теперь, въ сей жизни, безъ тѣла, а послѣ въ другой жизни воскресилъ

бы тебѣ и тѣло твое, содѣлавъ его вседуховнымъ, и носиль бы тебя, Самъ тобою носимый, сый надъ всѣми Богъ».

Ту же мысль выясняетъ и пр. Серафимъ. «Молитва, постъ, бдѣніе и всякія другія дѣла христіанскія, сколь ни хороши они сами по себѣ, однако не въ дѣланіи только ихъ состоитъ цѣль нашей жизни: они служатъ только средствомъ для достиженія этой цѣли. А цѣль жизни христіанской состоитъ въ стяжаніи Св. Духа Божія. — Если разсудить правильно о заповѣдяхъ Христовыхъ и апостольскихъ, такъ дѣло наше христіанское состоитъ не въ увеличеніи счета добрыхъ дѣлъ, а въ извлеченіи изъ нихъ большей выгоды, т.-е. въ вѣщшемъ приобрѣтеніи обильнѣйшихъ даровъ Св. Духа. Поэтому всегда испытывайте себя, въ Духъ ли вы Божию обрѣтаетесь, или нѣтъ, — и если — въ Духъ Божию, благословенъ Богъ! не о чемъ горевать: хоть сейчасъ на страшный судъ Христовъ. Ибо «въ чемъ застану, въ томъ и сужду». Если же нѣтъ, то надо разобрать, отчего, по какой причинѣ Господь оставилъ насъ, и снова искать и доискиваться Его, и не отставать до тѣхъ поръ, пока искомый Господь, Богъ Духъ Святой, снова будетъ съ нами Своею благодатью. Намъ теперь кажутся странными и непонятными слова Св. Писанія о явленіи Бога людямъ. А непонятнаго тутъ нѣтъ ничего. Происходитъ это непониманіе оттого, что мы удалились отъ простора первоначальнаго христіанскаго вѣдѣнія (которое посылается въ сердца людей, алчущихъ и жаждущихъ правды Божіей) и подъ предлогомъ просвѣщенія зашли въ такую тьму, что намъ кажется непостижимымъ то, что древніе ясно разумѣли. Такъ Іовъ, когда друзья укоряли его въ томъ, что онъ хулитъ Бога, отвѣчалъ имъ: какъ это можетъ быть, когда я чувствую дыханіе Вседержителя во ноздрѣхъ моихъ, т.-е. какъ я могу хулить Бога, когда Духъ Святой со мной пребываетъ. Если бы я хулилъ Бога, то Духъ Святой отступилъ бы отъ меня, а вотъ я и дыханіе Его ощущаю въ

ноздряхъ моихъ. Бога и благодать Духа Святаго люди не во снѣ видѣли и не въ мечтаніи, и не въ изступленіи воображенія разстроенаго, а истинно, въявѣ» (Бесѣда пр. Сераф. съ Мотовиловымъ).—Такъ черезъ добродѣтельную подвижническую жизнь приближается къ Богу, обожествляется христіанская душа.

* * *

Подвигомъ жизни своей пр. Сергій явилъ себя истиннымъ воиномъ Христа Бога, — въ него вселился Пресвятый Духъ, силою Котораго онъ, Преподобный, былъ свѣтло украшенъ. — Вотъ онъ—полный и совершенный христіанинъ, въ которомъ дивно, гармонически развиты всѣ силы души, умъ, сердце и воля. Отсюда и вѣра его полная и совершенная. Онъ не устами только исповѣдуетъ вѣру. Догматы вѣры для него не сухія и мертвенно-отвлеченныя истины, отличающія одно исповѣданіе отъ другого, а правда о Богѣ, источникъ нравственныхъ требованій. Нравственность же и догматы вмѣстѣ были указателемъ и путеводителемъ къ вѣчно-текущему Источнику живой воды, къ Которому онъ припадалъ непрестанно жадными устами.—Въ жизни временной «на страсти вельми подвижался», въ пѣніи, бдѣніи и пощеніи образцомъ былъ для своихъ учениковъ. Все это было не формальное исполненіе предписаній закона, не сводилось къ вычитыванію положеннаго уставомъ, а было хвалою Богу и молитвой къ Нему: приди и вселися, — все это назначалось къ тому, чтобы приблизить себя къ Богу и Бога приблизить къ себѣ и осязать Его. Слово вѣры воплощалось въ чувствѣ, и «сухой скелетъ догмата облекался въ плоть и кровь». Душа и тѣло глубоко приобщались Самого Духа-Утѣшителя. Человѣкъ достигъ высшаго предѣла знанія и состоянія: онъ сталъ созерцать Бога.

Міръ видѣлъ и знаетъ высоконравственную и подвижническую жизнь преподобнаго Сергія. Высоко цѣнить и

преклоняется предъ лицомъ «во плоти ангела и небеснаго человѣка», любить въ немъ то, чего не видитъ у себя, но чего жаждетъ душа его. И притокъ паломниковъ къ гробу Преподобнаго не прекращался никогда, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ жизни и настроеніи русскаго общества. Помнать русскіе люди и дни, посвященные памяти Преподобнаго: приходятъ поклониться ему.—Приходятъ и уходятъ. Уходятъ ободренные, освѣженные подобно тому, какъ «мутная волна, прибываясь къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопратномъ мѣстѣ и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей». Вздохнулъ человѣкъ воздухомъ близости къ Богу, пережилъ сладостный моментъ этой близости, пополнилъ, сколько сумѣлъ, траты, сдѣланныя изъ нравственнаго запаса, завѣщаннаго подвижниками, — или по крайней мѣрѣ воскресилъ въ душѣ своей образъ совершеннаго христіанина и потребность подвига опытнаго познанія Бога, — въ знакъ этихъ внутреннихъ переживаній поставилъ свѣчу къ лику Преподобнаго, и съ обновленнымъ духомъ идетъ обратно на дѣла свои въ суету мірскую.

Опасность самообольщенія.

Всякій долженъ испытать и несомнѣнно увѣриться, истинна ли та вѣра, которой онъ держится,—и если нѣтъ, то надо отыскать, гдѣ та единая истинная, которая ведетъ къ истинному Богу.—Это не только писанный законъ (2 Кор., 13, 5), но требованіе нашего духа, нашего сердца, требованіе всей природы нашей, разумной и свободной.

Томился внутренней, духовной неудовлетворенностью князь Владиміръ: онъ искалъ истинную вѣру, жаждалъ душою своей истиннаго Бога. Искали Его и русскіе люди. И вотъ событіе изъ ихъ жизни. По порученію князя идутъ русскіе послы испытывать, чья вѣра лучше. Въ Греціи присутствуютъ они за христіанскимъ богослуженіемъ. И такъ они отозвались о «греческомъ законѣ»: «ввели насъ греки туда, гдѣ служатъ они Богу своему, и не знаемъ, на небѣ или на землѣ были мы. Нѣтъ такого вида и красоты такой на землѣ... Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, не принимаетъ горькаго,—такъ и мы не можемъ быть при прежней вѣрѣ».

Что заставило людей говорить такъ о греческой вѣрѣ? Блестящая обстановка храма, пышность и великолѣпіе богослужебныхъ формъ? Но блескъ и пышность не чужды были и язычеству.—Можетъ быть, поразила пословъ княжескихъ содержательность молитвословій? И этого нѣтъ: имъ не понятенъ былъ языкъ грековъ. Убѣдилъ ихъ тотъ религіозный порывъ, какой пережила ихъ душа. Къ душамъ ихъ, ищущимъ Бога и раскрытымъ для призывающей благодати Духа Божія, прикоснулась истина Христо-

ва,—ощутили люди близость Бога. И неизъяснимымъ довольствомъ наполнилось сердце ихъ. Они внутри себя нашли Бога: внутренній опытъ сильнѣе всякихъ словъ и доводовъ указалъ, гдѣ истина.

Явленіе это не новое. «Состояніе, въ которомъ человекъ сознаетъ, что Богъ его есть истинный Богъ, и самъ онъ есть божій,—когда, подобно ап. Томѣ, онъ говоритъ въ сердцѣ своемъ Богу: Господь мой и Богъ мой!, а къ себѣ говоритъ: божій есмь, божій есмь (Исаи, 44, 5), такое состояніе есть единое истинное состояніе человека, есть единый и рѣшительный признакъ присутствія въ человекѣ Бога, присутствія духовной жизни» (Еп. Теофанъ. Письмо).

* * *

Я ощущаю Бога! Такимъ образомъ, когда удостовѣреніе истины заключено въ моемъ душевномъ переживаніи, то «я», личное усмотрѣніе и чувство, являются на первомъ мѣстѣ въ качествѣ рѣшающаго начала. Здѣсь можетъ оказаться большая опасность для души: она можетъ впасть въ самообольщеніе. Кому неизвѣстно, какъ измѣнчивы могутъ быть наши впечатлѣнія, какъ легко можетъ человекъ увлечься мечтой, принявъ ее за дѣйствительность.

Возьмите сектантство. Вѣдь въ сущности всѣми противниками церкви владѣетъ тотъ или иной духъ. Всѣ ищутъ живого Бога, всѣ хотятъ быть въ живомъ общеніи съ Нимъ, всѣ горятъ духомъ. Приглядитесь къ жизни сектантовъ. Какая у нихъ сплоченность, какое строгое соблюденіе принятыхъ правилъ въ отношеніи другъ друга; какъ охотно они поддерживаютъ другъ друга и берегутъ личность и права своего сочлена,—какой энергіей и воодушевленіемъ звучитъ ихъ проповѣдь. И все это оттого, что сильны... духомъ. А сила духа является отъ сознанія, что они въ Богѣ и съ Богомъ,—отъ тѣхъ таинственныхъ ощущеній близости Божества, которыя они переживаютъ

во время своихъ молитвенныхъ тайнодѣйствій. Хотя по существу эти ощущенія—«иллюзорны», вызваны разстроеннымъ, до болѣзненности—односторонне направленнымъ воображеніемъ,—но для нихъ (сектантовъ) они истинны и убѣдительны.

Когда душа полна сознанія, что достигнуто наилучшее устроеніе себя, что воля моя слилась съ волей божественной, что чрезъ осѣненіе Духомъ освящена моя природа, тогда сердцу остается переживать радость довольства. Сектанты и переживаютъ ее, переживаютъ не только довольство, но и самодовольство, самообольщенно чувствуютъ свою святость. Въ церкви они не нуждаются и ничье руководство имъ не нужно: они въ Богѣ. Подпасть такому самообольщенію и значить, по святоотеческому выраженію, впасть въ «прелесть».

* * *

Впасть въ «прелесть» есть опасность и у тѣхъ, кто живетъ въ церкви, подчиняется уставамъ ея и приступаетъ къ таинствамъ.

«Крайности, откуда бы онѣ ни являлись, равно вредны, разсуждаетъ Кассіанъ Римлянинъ,—излишество поста и пресыщеніе чрева, чрезмѣрность бдѣнія и продолжительность сна и прочія излишества. Мы знаемъ нѣкоторыхъ, непобѣжденныхъ чревобѣсіемъ, но низложенныхъ чрезмѣрнымъ постомъ, и впавшихъ въ ту же страсть отъ чрезмѣрной слабости. Помню, что и я испыталъ нѣчто подобное, постясь до того, что потерялъ позывъ къ пищѣ,—три дня пребывалъ безъ пищи и нисколько не желалъ ея, если бы другіе не понудили меня принять ее. И сонъ до того удался отъ глазъ моихъ, что я, проводши много ночей безъ сна, молилъ Господа, чтобы мнѣ хоть немного заснуть. Отъ неумѣренности въ воздержаніи былъ въ большой опасности подпасть духу самомнѣнія».

Излишества могутъ быть и духовныя, и не во внѣшнемъ распорядкѣ жизни: самообольщеніе подстерегаетъ

насъ всюду. «Мы помнимъ, говорить тотъ же преподобный, старца Ирона. Онъ пятьдесятъ лѣтъ велъ въ пустынь самый суровый образъ жизни, хранилъ строгое воздержаніе, болѣе всѣхъ предавался уединенію. Послѣдую собственному помыслу, онъ до такой степени старался о безмолвіи, уединеніи и постѣ, что и въ праздникъ Пасхи не приходилъ въ церковь. Долго прельщаемый своею волей, онъ принялъ въ себя ангела сатаны, т. е. подпалъ искушающей мысли—броситься въ глубокий ровъ, чтобы опытомъ удостовѣриться, что онъ не подверженъ никакой опасности по слову Писанія: на рукахъ возьмутъ тебя, и не споткнешься. Омрачившись смысломъ и не различивъ въ умѣ своемъ того, кто дѣлаетъ ему внушеніе, онъ въ полночь бросился въ ровъ. И... разбился... Съ высоты жизни низвергся въ бездну смерти». (Добротолюбіе, ч. 29, ст. 5).

Отъ временъ и странъ далекихъ переносимся къ себѣ, къ своему времени. «Посѣтилъ меня, рассказываетъ епископъ Игнатій (Брянчаниновъ), аеонскій іеросхимонахъ. Онъ поразилъ меня особо-приподнятымъ настроеніемъ. И началъ я просить его: сдѣлай милость, научи меня молиться,—ты живешь въ первомъ на землѣ монашескомъ мѣстѣ, среди тысячъ монаховъ, изъ которыхъ, несомнѣнно, многіе знаютъ молитвенное тайнодѣйствіе, и по примѣру великихъ аеонскихъ свѣтильниковъ, каковы, напримѣръ, Григорій Синаитъ, Григорій Палама, преподаютъ другимъ добытое ихъ опытомъ. Монахъ немедленно согласился, и—къ ужасу моему—съ величайшей горячностью началъ передавать способъ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу, у него разгорячены и кровь, и воображеніе,—онъ въ самодовольствѣ, онъ въ восторгѣ отъ себя и отъ своего подвига. Давъ ему высказаться, прошу разъяснить мнѣ ученіе святыхъ отцовъ о молитвѣ. Оказалось, аеонецъ совсѣмъ незнакомъ съ святоотеческимъ ученіемъ и отъ моей просьбы былъ въ недоумѣніи. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ и не нуждался въ руководствѣ: обольстилъ

себя мечтой. Представь себѣ, говорилъ онъ между прочимъ, сколько уже разъ, когда я стоялъ на молитвѣ, приходила мнѣ мысль, что ангелы вотъ-вотъ восхитятъ меня и поставятъ меня на Аеонъ...—Выяснилось далѣе, что монахъ носить вериги, почти не спитъ, мало вкушаетъ пищи и чувствуетъ въ тѣлѣ такой жаръ, что зимою не нуждается въ теплой одеждѣ. Къ концу бесѣды пришло мнѣ на умъ поступить такъ: сталъ я просить аеонца, чтобы онъ испыталъ способъ молитвы, преподаанный святыми отцами. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобы умъ во время молитвы погружался весь въ содержаніе молитвы, и—по слову св. Іоанна Лѣствичника—вмѣшался въ словахъ молитвы. Умъ, неразвлеченно молящійся, утѣсняетъ сердце, а сердце сокрушенное и смиренное Богъ не унижаетъ. Аеонецъ согласился. Черезъ нѣсколько дней приходитъ со словами: Что ты со мною сдѣлалъ? Какъ я попробовалъ молиться по твоему указанію, то всѣ мои видѣнія пропали и ужъ никакъ я не могу возвратиться къ нимъ!—Изъ дальнѣйшихъ словъ обнаружилось, что уже нѣтъ въ немъ прежней самонадѣянности, и онъ готовъ слушать указанія другихъ. И я далъ ему совѣтъ: старайся не отличать отъ другихъ наружностью, такъ какъ это ведетъ къ высокоумію,—сними съ себя вериги и отдай мнѣ, и продолжай молитву, какъ указали св. отцы. Черезъ мѣсяцъ аеонецъ былъ у меня и сказывалъ, что жаръ въ тѣлѣ у него прекратился, что онъ нуждается въ теплой одеждѣ, спитъ гораздо болѣе прежняго, но чаще появляются слезы покаянія. (Жизнеопис. Игнатія, изд. 1881 г., стр. 129).

Думается, этихъ двухъ свидѣтельствъ довольно, чтобы видѣть, какъ легко впадаютъ люди въ пагубное самообольщеніе. Въдъ все: слово, дѣло, мысль и даже самую молитву употребляютъ люди во зло себѣ, сами того не замѣчая и искренно горя исканіемъ лучшаго и совершеннѣйшаго... Что же спасаетъ отъ этого зла?

Князь Владиміръ и русскій народъ по принятіи христіанства прежде всего ищутъ руководства въ нѣдрахъ Церкви Христовой. Подобно «вупцу, ищущему добраго бисера», радуются высокой духовной радостью, что нашли истину Божью,—но чтобы построить жизнь по точному указанію Евангелія Христова и сдѣлать ее богоугодной, они отдаются водительству Церкви въ лицѣ опытныхъ въ христіанскомъ подвигѣ мужей, присланныхъ патріархомъ константинопольскимъ, среди которыхъ былъ особо свѣтлый мужъ, митрополитъ Михаилъ.

И для всѣхъ корабль, въ которомъ безопасно переплывается море искушеній и соблазновъ, есть Церковь. Возглавленная Христомъ, все оживляющимъ, она даетъ руководство всѣмъ и во всякихъ обстоятельствахъ какъ словомъ писаннымъ, такъ и примѣромъ, опытомъ жизни христіанскихъ подвижниковъ. Слово Священнаго Писанія изъяснено словомъ святоотеческимъ.

Опасность самообольщенія предотвращается послушаніемъ этому руководителю.

Въ руководствѣ и совѣтѣ нуждался апостоль языкъ, ап. Павелъ. Пошелъ я въ Іерусалимъ, говорить онъ о себѣ, чтобы видѣть Петра и Іакова, и предложилъ имъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался (Гал. 1, 18; 2, 2). Такъ «сосудъ избранія» сознается, что имѣлъ вужду въ совѣтѣ предшествовавшихъ ему апостоловъ. Кто же будетъ столь гордъ и кичливъ, чтобы смѣлъ утверждаться на личномъ усмотрѣніи, на одномъ собственномъ мнѣніи!—И боговидецъ, Моисей-пророкъ, внушаетъ ту же мысль, когда говоритъ: вопросы отца твоего—и возвѣститъ тебѣ, вопросы старцевъ твоихъ—и скажутъ тебѣ (Втор. 32, 7).

Ищите же, уясняйте себѣ прямой и правый путь къ Богу, возгрѣвайте въ себѣ огонь Господень. «Богъ нашъ—огнь», говоритъ Писаніе. Отъ дѣйствія этого огня постепенно угасаетъ огонь грѣховный. Божественный огонь чистъ, тонокъ и свѣтелъ и сообщаетъ уму истину, а

сердцу—чужное спокойствіе. Но не ошибитесь: человѣческаго разгоряченія не примите за дѣйствіе божественнаго огня. Многіе ошиблись и впади въ пагубное самообольщеніе, мрачными облаками котораго и повинѣ закрыто отъ міра солнце правды. Умоляю васъ: держитесь ученія Христовой Церкви,—оно будетъ руководить васъ къ блаженной вѣчности. Возженъ великій свѣтильникъ въ Церкви Христовой—ученіе Духа Святаго, воспринятое и въ жизнь проведенное добрыми послѣдователями Христа. Не устремляйте взора вашего къ другимъ свѣтильникамъ, свѣтящимъ на различныхъ путяхъ. Одинъ путь святой истины ведетъ къ спасенію, прочіе пути ведутъ къ гибели. Многіе трудятся, многіе страдаютъ, многіе подвизаются, но увѣнчаны будутъ только подвизающіеся законно. Истинный законный подвигъ во Христѣ Іисусѣ и Св. Духѣ—въ оградѣ Святой Восточной Церкви. (Еписк. Игнатій. Письма, стр. 89).

Свящ. Н. Орловъ.

пытываетъ разныя превращенія прѣжде, чѣмъ достигнетъ своей высшей и окончательной формы. Поэтому окончательная стадія есть образецъ, по которому можно судить обо всемъ остальномъ. Эта истина имѣетъ двѣ стороны. Съ одной стороны мы должны изучать Христа въ ветхомъ завѣтѣ такъ, какъ изучаемъ растеніе въ его сѣмени или какъ бабочку въ ея зародышѣ. Но это значитъ также, что ветхій завѣтъ недостаточенъ настолько, насколько въ немъ нѣтъ прямой рѣчи о Христѣ, подобно тому, какъ личинка недостаточна настолько, насколько она не есть еще бабочка, или подобно тому, какъ вселенная была бы неполной и сравнительно не имѣющей смысла вещью до тѣхъ поръ, пока эволюціонный процессъ не завершился въ человѣкѣ. До сихъ поръ церковь отдавала больше предпочтенія первой сторонѣ истины, чѣмъ послѣдней. Она съ бѣльшимъ вниманіемъ относилась къ присутствію Христа въ ветхомъ завѣтѣ, чѣмъ къ Его отсутствію. Она именно хотѣла съ такою точностью удостовѣриться въ этомъ присутствіи, что почти совсѣмъ не обращала вниманія на Его отсутствіе. Она такъ читала ветхій завѣтъ, что личинка дѣлалась бабочкой преждевременно, и весь смыслъ откровеннаго развитія, прогресса и роста становился совершенно темнымъ. Это замѣчаніе относится спеціально къ пророчеству, которое, будучи толкуемо исторически, есть прекрасный лунный свѣтъ во время темной ночи, но въ рукахъ толкователей, слишкомъ заботившихся о приданіи пророчеству спеціально христіанскаго смысла, оно походитъ на луну, которая свѣтитъ при дневномъ солнечномъ разсвѣтѣ, издаетъ блѣдный, тусклый и безполезный свѣтъ. Это же замѣчаніе относится также и къ нравственнымъ понятіямъ и религіозному настроенію ветхозавѣтныхъ святыхъ, какъ они отразились въ ихъ писаніяхъ. Не допускали, чтобы послѣднія казались недостаточными, какими они по временамъ были, а защищали ихъ, оправдывали, преобразовывали подъ впечатлѣніемъ, что все иное не будетъ мириться съ почтеніемъ, подобаю-

щимъ Слову Божію. Доходитъ здѣсь до логическихъ крайностей значить отрицать ученіе новаго завѣта о первобытномъ характерѣ и природѣ ветхаго завѣта. Павелъ сравниваетъ законъ съ системой воспитателей и наставниковъ, подъ руководствомъ которыхъ наслѣдникъ обѣтованія воспитывался въ періодъ своего малолѣтства. Удивительно ли, что и мысли ребенка сообразовались съ системой, подъ руководствомъ которой онъ жилъ; или, говоря иначе, что замѣтны слѣды законническаго духа въ благочестіи людей, которымъ мы обязаны составленіемъ ветхозавѣтной Библии? Зачѣмъ медлить признать явленія, которыя просто служатъ къ оправданію приговора новаго завѣта, произнесеннаго объ эпохѣ приготовленія? Сильно проникнутый мыслию о несостоятельности подобныхъ воззрѣній, я приступаю теперь къ указанію особенно выдающихся недостатковъ ветхозавѣтной религіи, какъ они отразились въ еврейскихъ писаніяхъ ¹⁾.

1. Пророчества и нѣкоторые псалмы служатъ показателемъ высочайшаго уровня ветхозавѣтной религіи. Мы должны здѣсь припомнить такія свѣтлыя и полныя лиризма выраженія, какъ: «хотя бы не расцвѣла смоковница»; «Господь Богъ есть солнце и щить» и многія другія, чтобы ясно видѣть, какой удивительно новозавѣтный былъ духъ у ветхозавѣтныхъ писателей, и, сколько бы легалистическихъ тѣней ни покрывало страницы еврейскихъ писаній, имъ однако не были неизвѣстны радость усыновленія, довѣріе къ любви Небеснаго Отца. Однако этотъ духъ сыновства не достигъ своего совершенства даже въ людяхъ, которые, подобно пророкамъ, сильно приближались къ типу новозавѣтнаго благочестія. То здѣсь, то тамъ мы встрѣчаемъ у нихъ и жалобы, показывающія, что они какъ будто не вполнѣ понимали любовь Божію

---

¹⁾ Въ дальѣйшемъ повторяются существенныя положенія, изложенныя въ книгѣ *The End of Revelation* (стр. 150—7) съ добавленіемъ нѣсколькихъ подробностей.

и не вполне вѣрили въ нее. Даже людямъ, которые пѣли: «хотя бы не расцвѣла смоковница» и говорили о Богѣ небесномъ, мысль, выраженная въ ихъ пѣснопѣніяхъ и рѣчахъ, не давалась легко. Это была побѣда, одержанная въ борьбѣ съ сильными сомнѣніями. Пророкъ Аввакумъ спрашивалъ съ отчаяніемъ, какимъ образомъ Богъ могъ смотрѣть на дѣла варварской жестокости, которыя совершались злыми людьми противъ праведныхъ, а псалмопѣвецъ, вслѣдствіе подобныхъ же опытовъ, подвергался искушенію сомнѣваться, дѣйствительно ли Богъ есть Всеблагое Существо даже для людей, чистыхъ сердцемъ. Эта привычка къ жалобамъ, по поводу мрачныхъ сторонъ человѣческаго опыта, была слабой стороной пророческаго благочестія. Она сильно противоположна однообразно спокойному, непобѣдимо торжественному тону новаго завѣта, въ которомъ ни въ одномъ изреченіи нельзя найти отзвука плача Іереміи: «почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ»¹⁾? На горѣ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ Своимъ ученикамъ радоваться той участи, на которую жаловались пророки: «радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали пророковъ»²⁾. Различіе это обязано своимъ происхожденіемъ не какому-либо героизму людей новаго завѣта сравнительно съ тѣми, которые жили при прежнемъ завѣтѣ. Оно возникло скорѣе вслѣдствіе новаго воззрѣнія на жизнь, которая началась съ пришествіемъ Христа, потому что по ученію Его послѣдній въ царствѣ небесномъ больше, чѣмъ самый величайшій изъ пророковъ. Противоположность такого настроенія указываетъ на дѣйствительный шагъ впередъ въ религіозномъ развитіи міра. Тутъ введено было то, что остроумно названо было «методомъ внутренняго». Пророки (включая въ ихъ среду и псалмопѣвцевъ) думали, что благо, свидѣтельствовавшее о милости Божіей, слыш-

¹⁾ Іер. 12, 1.

²⁾ Матт. 5, 12.

комъ большую имѣло связь съ внѣшнимъ благополучіемъ. Что они не думали такъ всегда, видно изъ пѣсни Аввакума: «хотя бы не распѣла смоковница... но и тогда я буду радоваться о Господѣ». Однако методъ внѣшняго былъ естественъ для людей ветхаго завѣта. Самый идеалъ грядущаго добраго времени для Исаи заключался въ мудромъ управленіи и обиліи пищи. И это не было личной особенностью этого пророка. Это возникало прямо изъ самой природы Моисеева законодательства, которое было завѣтомъ Бога съ народомъ, и потому имѣло своей сферой дѣйствія политическую и соціальную жизнь этого народа. Моисей, отъ имени Бога, обѣщаль долготѣіе дѣтямъ, почитавшимъ своихъ родителей, и національный успѣхъ Израилю, пока онъ будетъ вѣренъ Іеговѣ. Потому всѣ благочестивые израильтяне, жившіе въ ветхомъ завѣтѣ, обладали болѣе или менѣе матеріальными представленіями о *summit bonum*. Богатство, большія семьи, продолжительность жизни были обѣщаны имъ за хорошее поведеніе. Для людей съ такими представленіями о счастіи, вытекающими прямо изъ Синайскаго завѣта, разочарованія были неизбѣжны, и приносили съ собою мракъ, сомнѣванія, затрудненія, жалобы и даже мысли, очень близкія къ пессимистическому атеизму, какъ это встрѣчаемъ мы у Екклесіаста, съ его монотоннымъ, печальнымъ разсужденіемъ о «суетъ суетъ». Здѣсь высказывается мысль, которой слѣдовало бы избѣгать такъ же, какъ мы избѣгаемъ яда. Въ нравственномъ міропорядкѣ не существуетъ вполнѣ точнаго и совершеннаго соотвѣтствія между жребіемъ и поведеніемъ въ здѣшнемъ мірѣ, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ народномъ опытѣ. Тотъ, кто думаетъ иначе, вынуждается, рано или поздно, логикой событій, сомнѣваться или въ своей собственной праведности, или въ справедливости Божіей, или же очерствляется сердцемъ въ своихъ болѣзненныхъ колебаніяхъ между этими двумя родами сомнѣнія. Нѣкоторыя книги ветхаго завѣта, на примѣръ книга Іова, выражаютъ это сомнѣніе

во всей его длинѣ, ширинѣ и трагической глубинѣ. Сомнѣніе было ихъ самымъ *raison d'être*. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, онѣ были необходимымъ элементомъ въ литературѣ первоначальнаго откровенія. Въ нихъ ветхій завѣтъ произноситъ надъ самимъ собой приговоръ о своей недостаточности. Въ этой связи мы можемъ ясно видѣть, почему даже такую пессимистическую книгу, какъ Екклесіастъ, слѣдовало помѣстить въ канонѣ. Она показываетъ, къ чему приводитъ методъ внѣшняго, методъ, потерявшій къ себѣ довѣріе чрезъ *reductio ad absurdum*. Ни одинъ человѣкъ, обладающій интеллигентнымъ представленіемъ о ветхозавѣтной религіи и ея недостаткахъ, не будетъ возражать противъ того, что книга Екклесіастъ удержана въ канонѣ. Единственнымъ основаніемъ для возраженій было бы только предположеніе, что, признавая эту книгу канонической, мы обязаны считаться со всѣми изложенными въ ней мнѣніями. Однако такое предположеніе, какъ было уже объяснено, ошибочно относительно всего ветхаго завѣта вообще, и *a fortiori* относительно книги Екклесіастъ въ частности. Но насколько мнѣнія проповѣдника, который пишетъ отъ лица Соломона, не могутъ считаться нормальными и авторитетными, настолько и его книга, помѣщенная въ канонѣ, указываетъ намъ, какъ именно мы не должны мыслить. Странствовать по всему міру, ломая руки и съ заплаканнымъ лицомъ, и кричать въ это время *vanitas vanitatum*, потому что такъ сказано въ книгѣ Екклесіастъ, это значить не понимать великаго урока, который въ ней данъ. Урокъ заключается не столько въ томъ, что все суета, сколько въ томъ, что самый ветхій оказался недостаточнымъ, приводя сына этого завѣта къ такому отчаянію. Въ новомъ завѣтѣ, предсказанномъ Іереміей, была тяжкая нужда, когда дѣла дошли до такого положенія.

2. Второй недостатокъ ветхозавѣтной религіи, даже въ томъ ея видѣ, въ какомъ она проповѣдывалась пророками, есть *мстительность*. «Да увижу я мщеніе Твое надъ ни-

ми»—такъ молится даже мягкосердечный Іеремія, относя свои слова къ своимъ соотечественникамъ, которые преслѣдовали его по причинѣ его вѣрности ¹⁾; и много подобныхъ же изреченій можно найти въ пророческихъ писаніяхъ и псалтири. Мы не должны осуждать лицъ, изрекавшихъ, по нашимъ понятіямъ, столь несвященныя моленія, и кичиться предъ ними. Было бы стыдомъ для малѣйшаго въ царствѣ небесномъ, для всякаго человѣка, живущаго въ царствѣ благодати, если бы онъ не былъ въ этомъ отношеніи лучше, чѣмъ самыя лучшіе изъ самыхъ достойнѣйшихъ людей въ ветхомъ завѣтѣ. Высокій идеалъ терпѣнія былъ данъ намъ въ заповѣдяхъ и примѣрѣ Христа, и, какъ замѣчаетъ д-ръ Оуэнъ, комментируя недостатки, допускавшіеся ветхозавѣтными святыми: «вся наша покорность, и въ дѣятельности и поведеніи, составляетъ слѣдствіе раскрытія и откровенія Бога въ насъ» ²⁾. Мстительность пророковъ и псалмопѣвцевъ не была безнравственностію, но была порожденіемъ грубой нравственности; она не была нарушеніемъ высокаго образца, какъ это было бы у насъ, но согласовалась только съ низшимъ образцомъ. Законный завѣтъ допускалъ и даже укрѣплялъ подобный духъ. «Глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу» ³⁾—вотъ о чемъ говорилось въ кодексѣ гражданскаго права, даннаго Израилю. Даже болѣе, молитвы о наказаніи враговъ сдѣлались почти необходимыми вслѣдствіе ходячихъ представленій о нравственномъ порядкѣ міра. Теорія заключалась въ томъ, что Богъ награждалъ человѣка соотвѣтственно его дѣламъ. Отсюда не наказывать врага значило произносить вердиктъ въ его пользу и противъ человѣка, которому нанесено оскорбленіе. Молитва была обращеніемъ къ Судіи всей земли рѣшить дѣло между двумя лицами,

---

¹⁾ Іер., 20, 12.

²⁾ См. его трактатъ о 129 псалмѣ.

³⁾ Исх. 21, 24.

злѣдѣмъ и тѣмъ, которому пришлось пострадать. Оскорбленный могъ быть довольно благодушенъ, чтобы не желать никакого вреда челѣвѣку, который обращался съ нимъ несправедливо. Но онъ не могъ допустить, чтобы злѣдѣйства совершались предъ лицомъ всего міра и предъ его собственной совѣстью. Было не терпимо, чтобы всѣ обстоятельства слагались такъ, что изъ нихъ можно было сдѣлать выводъ: Богъ считаетъ врага моего правымъ, а меня не правымъ. Эта общественная, а не частная страсть къ мести раскрываетъ предъ нами тайну мстительности ветхозавѣтнаго святого. Во многихъ случаяхъ частныя чувства не подлежатъ сомнѣнію, молитва объ отмщеніи въ дѣйствительности высказывается отъ имени всего Израильскаго общества. Это замѣчаніе приложимо, вѣроятно, ко многимъ изъ такъ называемыхъ мстительныхъ псалмовъ.

Все это можно говорить въ защиту мстительнаго элемента въ ветхозавѣтной литературѣ. Однако онъ есть не подлежащій сомнѣнію фактъ. Но христіане не призываются осуждать его въ духъ самодовольства, какъ мало призываются они и къ отрицанію самаго его существованія, и еще менѣе къ одобренію его и подражанію ему, или къ цитированію писаній ветхаго завѣта для оправданія своихъ собственныхъ мстительныхъ страстей. Такое пользованіе ветхозавѣтнымъ писаніемъ, не остающееся безъ примѣровъ въ новозавѣтныя времена, есть варварское, позорное, и свидѣтельствуетъ только о невѣріи въ Спасителя Іисуса Христа.

На недостаткахъ закона, изложеннаго въ Пятикнижій, нѣтъ надобности останавливаться подробно. Христосъ сказалъ все, что нужно, о грубости гражданскаго законодательства, приписываемаго Моисею. Его критика изложена въ немногихъ словахъ, но отличается большой глубиной. «Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злѣму»¹⁾. Этимъ однимъ

¹⁾ Матѣ. 5, 38 39.

изреченіемъ Онъ показалъ Себя критикомъ Моисеева гражданскаго кодекса и обличилъ грубое правосудіе, приспособленное къ нравственно грубому состоянію общества. Что Онъ разумѣлъ въ нагорной проповѣди, то ясно выразилъ по другому случаю, указывая, что Моисеевъ законъ о разводѣ данъ только по жестокосердію ¹⁾. Если кто-нибудь поразмыслить объ этомъ принципѣ, то увидитъ что многое въ законоположительной квигѣ Израиля подлежало отмѣнѣ съ наступленіемъ новаго завѣта, который принесъ съ собою обновленіе сердца и совершенный законъ любви, написанный въ сердцахъ.

Литература послѣдствѣннаго періода, когда, по мнѣнію критиковъ, обрядовый кодексъ вступилъ въ полное дѣйствіе, отличается недостатками, возникшими изъ системы, при которой она возникла, тѣнями, брошенными на страницы священной книги іудействомъ, начало которому положилъ Ездра. Относящаяся сюда литература включаетъ книги Паралипоменонъ, Ездры, Нееміи, Есѣиръ и нѣкоторыя изъ псалмовъ. Три недостатка можно отмѣтить здѣсь: любовь къ обрядности, исключительное, враждебное отношеніе къ чужеземцамъ и склонность къ болѣзненному самодовольству или самооправданію.

Первый изъ этихъ недостатковъ замѣтенъ въ первой и второй книгахъ Паралипоменонъ. Мы уже неоднократно указывали на обрядовый духъ автора, и теперь намъ нѣтъ надобности повторять то, о чемъ было уже говорено. Что авторъ этихъ книгъ былъ благоговѣнно преданъ храму и богослуженію, это можетъ видѣть всякій, кто дастъ себѣ трудъ внимательно прочесть то, о чемъ онъ пишетъ. Само по себѣ тутъ не было бы ничего похожаго на заблужденіе. Мы должны специально отмѣтить только излишекъ или исключительность его интереса къ этимъ предметамъ. О грѣхахъ Давида здѣсь замалчивается и даже рассказывается очень бѣгло объ его заслугахъ

¹⁾ Мате. 19, 8; Марк. 10, 5.

родинѣ въ качествѣ воина и свѣтскаго князя; онъ является на этихъ страницахъ преимущественно какъ человекъ, занятый приготовленіями къ постройкѣ храма и организацией богослуженія по левитскому образцу. Опушенія и сокращенія въ рассказѣ могли произойти здѣсь отъ особенной точки зрѣнія, но намъ нужно теперь отмѣтить самый взглядъ писателя и то, что въ немъ подразумѣвается. Онъ занятъ обрядностію всецѣло. Она есть не только нѣчто, равняющееся праведности, но и представляется почти единственно нужнымъ дѣломъ. Преданность храмовому богослуженію тутъ очевидно есть главное требованіе. Правда, не слѣдуетъ думать, что писатель Паралипоменонъ совсѣмъ индифферентенъ къ моральнымъ интересамъ. Онъ не думаетъ и не желаетъ внушить, что не важно, какіе человекъ совершаетъ грѣхи, хотя бы, подобно Давиду, онъ былъ виновенъ въ прелюбодѣянніи и убійствѣ, если только онъ всегда и съ должнымъ вниманіемъ относится къ техническимъ обязанностямъ религіи. Не всѣ мысли писателя отличаются такимъ характеромъ. Однако, по своей ревности къ религіознымъ интересамъ, онъ представляетъ жизнь Давида такъ, что неблагоприятный для писателя выводъ можно сдѣлать. Пророки, какъ Амосъ и Исаія, не могли написать такихъ книгъ, какъ Паралипоменонъ. Они такъ страстно стремились къ правдѣ, имѣли такое тонкое чувство о бесполезности религіи, разведенной съ нравственностью, что не могли взяться за очеркъ жизни Давида, гдѣ исключены были бы всѣ ея темныя стороны и только восхвалялась бы его ревность къ Богу. Сравнительно съ атмосферой, какою мы дышимъ на горныхъ вершинахъ еврейской поэзіи, духъ здѣсь совершенно иной. Тутъ насыщенный ладаномъ воздухъ храма, а не крѣпительный воздухъ, вѣющій на альпійскихъ высотахъ нравственнаго долга ¹⁾.

¹⁾ Поднимался вопросъ, слѣдовало ли писатель Паралипоменонъ традиціи, писалъ ли самостоятельно подъ вліяніемъ современнаго ре-

Слѣды гордаго національнаго самолюбія, связаннаго съ ненавистью къ чужеземцамъ, были открыты критиками въ большей части книгъ, принадлежащихъ послѣднѣйшему періоду. Прежде, чѣмъ ссылаться на тексты, цитируемые въ доказательство этого, можетъ быть необходимо будетъ пояснить, что этотъ недостатокъ въ религіозномъ настроеніи іудеевъ послѣ Ездры не слѣдуетъ смѣшивать съ мстительностію, уже указанною. За полученныя обиды законно было мстить какъ израильтянамъ, такъ и не израильтянамъ. Чувство, о которомъ мы должны теперь говорить, есть чувство отвращенія къ не израильтянамъ, какъ такимъ, просто какъ «чуждымъ обществу Израиля, и чуждымъ завѣтамъ обѣтованія». Оно могло возникать или вслѣдствіе гордости или страха. Во дни Спасителя оно происходило преимущественно отъ гордости. Религіозные іудеи того времени, гордо сознавая свое отношеніе, какъ народа завѣта, къ Богу, смотрѣли на язычниковъ съ высокоуміемъ и презрѣніемъ. Вотъ что вышло изъ избранія, должно принятаго за монополію божественнаго благоволенія: злобая, гордая, узко-сердечная ненависть къ человѣческому роду. Вопросъ въ томъ, можно ли прослѣдить эту ненависть въ періодъ, когда были написаны каноническія книги, или прослѣдить чувство, сродное съ нимъ или способное развиться изъ него? Слѣдуетъ сказать прежде всего, что нѣтъ, нельзя прослѣдить этого чувства въ дѣятельности Ездры и Нееміи, когда они настаивали на разводахъ съ языческими женами и отказывались отъ всякаго общенія съ самарянами. Это могли быть мѣры ошибочной суровости, но они вызваны были не гордостью, а страхомъ предъ оскверненіемъ. Далѣе, отвращеніе отъ чужеземцевъ, изъ какого бы источника ни происходило, несомнѣнно не есть единственный пре-

---

лигіознаго духа, производившаго историческія измѣненія, или руководился сознательною дидактическою цѣлью. Шульцъ высказывается въ пользу третьяго мнѣнія. См. *Alttestamentliche Theologie*, стр. 70.

обладающій тонъ послѣпльннй литературы. Какъ указано въ предыдущей главѣ, въ нѣкоторыхъ псалмахъ слышатся любовные звуки универсализма; и если критики правы въ усвоеніи позднѣйшей даты книгамъ Руоѣ и Іоны, то онѣ служатъ свидѣтельствомъ о существованіи среди послѣпльннхъ іудеевъ благожелательныхъ и родственныхъ чувствъ къ чужеземнымъ народамъ ¹⁾. Мы осмѣливаемся высказать и третье замѣчаніе, именно, что если даже зернышко фарисейскаго чувства къ язычникамъ можетъ быть найдено въ позднѣйшихъ книгахъ, то это было безсознательнымъ дѣломъ ихъ писателей, которое не представлялось предъ ними такимъ, какимъ оно представляется намъ при свѣтѣ новаго завѣта. Эти писатели желали выразить не гордое презрѣніе къ язычеству или отвращеніе отъ него, а лишь признательность и благодарность къ славной божественной милости. Тутъ замѣтна духовная ограниченность, во она есть недостатокъ, проистекающій изъ законной системы, которая вполнѣ клонилась къ изоляціи; тутъ нѣтъ порока природы или постыдной страсти, возникающей въ чуждомъ любви къ ближнимъ и самолюбивомъ сердцахъ.

Слѣды національнаго самомнѣнія противъ безбожныхъ язычниковъ были открыты такими осмотрительными писателями, какъ Шульцъ, въ большей части книгъ, принадлежащихъ къ послѣпльннй литературе. Въ нѣкоторыхъ псалмахъ, напримѣръ 73, Израиль называется горлипей, а язычники изображаются людьми безумными ²⁾. У Даниила земля Израиля часто называется «прекрасной страной» ³⁾, а народъ Израильскій «святыми Всевышняго» ⁴⁾.

---

¹⁾ Шульцъ предполагаетъ, что въ книгахъ Іоны и Руоѣ выражалась реакція противъ направленія реформы Ездры. *Alttestamentliche Theologie*, стр. 417.

²⁾ Ст. 18 и 19.

³⁾ 8, 9; 11, 16. 41.

⁴⁾ 7, 18. 21. 25. 27.

Нѣчто подобное въ Паралипоменонъ, гдѣ даже царство десяти колѣнъ считается языческой страной, и, какъ такое, игнорируется и признается недостойнымъ на мѣсто въ исторіи народа Божія. Несчастія царей іудейскихъ, какъ, напримѣръ, Иосафата, въ связи съ его морской экспедиціей, объясняются его связями съ нечестивыми царями Израиля ¹⁾. Въ книгѣ Есѣирь мстительный духъ противъ языческихъ враговъ достигаетъ до свирѣпости, которую иначе трудно объяснить, какъ не порывомъ несдержанной естественной страсти противъ лицъ, о которыхъ, такъ какъ они принадлежали къ гонимымъ, даже и не предполагается, чтобы они имѣли какое-нибудь право на человѣческое съ ними обращеніе ²⁾.

Въ фарисейскомъ характерѣ гордое самомнѣніе по отношенію къ языческому міру сопровождалось одинаково гордымъ самомнѣніемъ и по отношенію къ Богу. Существуетъ ли какой-нибудь слѣдъ этого послѣдняго чувства въ позднѣйшей еврейской канонической литературѣ? Если таковой существовалъ, то это не удивительно, потому что іудейство, обращая большое вниманіе на обрядность, клонилось къ развитію внѣшне-формальнаго типа праведности, съ которымъ легко объединяется самомнѣніе. Такіе слѣды въ каноническихъ книгахъ іудейскаго періода могли бы только свидѣтельствовать о фактѣ, что израильская религія вступила въ фазу, подразумевавшую нѣкоторыя духовныя опасности, и приготовила насъ къ положенію

---

¹⁾ 2 Парал. 20, 35. Объясненіе несчастія, данное этимъ писателемъ, тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ соответствующемъ разсказѣ 3 Цар. 22, 49. Охозія проситъ позволенія присоединиться къ предпріятію, но Иосафатъ *отказываетъ* ему въ этомъ.

²⁾ См. объ этомъ и другихъ текстахъ Schultz, стр. 415—419. О книгѣ Есѣирь Драйверъ (*Introduction*, стр. 457) замѣчаетъ: „слѣдуетъ допустить, что направленіе книги Есѣирь не таково, какое господствуетъ въ ветхомъ завѣтѣ; но мы не имѣемъ никакого права требовать на апріорныхъ основаніяхъ, чтобы во всѣхъ частяхъ Библии интересы разсказчика въ такой же степени были подчинены Духу Божію“.

дѣль, съ которыми насъ знакомятъ евангелія. Теперь, что касается вопроса о самомъ фактѣ, можно видѣть, что если нѣтъ никакихъ слѣдовъ проникновенія самооправданіемъ, то существуетъ однако нѣкоторыя бессознательныя проявленія того, что имѣеть съ нимъ подозрительное сходство, въ характерахъ людей, сдѣлавшихся намъ извѣстными за этотъ періодъ. Мы имѣли уже случай отмѣтить особенный тонъ молитвъ Нееміи,—явленіе, которое привлекло меня въ то время, когда я еще не имѣлъ возможности развить мысли, занимающія насъ въ настоящей главѣ. Эти усердныя моленія: «помяни меня, Боже мой, во благо мнѣ», поразили меня тогда, какъ поражаютъ и теперь, потому что тутъ замѣтно нѣчто новое, нѣчто, не согласующееся съ идеей апостола Павла объ оправданіи, нѣчто требующее объясненія. Я намекнулъ также на сознаніе совершенной національной праведности въ 43 псалмѣ, въ словахъ: «все это пришло на насъ, но мы не забыли Тебя и не нарушили завѣта Твоего. Не отступило сердце наше, и стопы наши не отклонились отъ пути Твоего». Это не есть необходимое самооправданіе, потому что люди могутъ испытывать какъ народныя, такъ и личныя страданія. Однако это изреченіе поразительно противоположно пророческому образу мышленія и возможно, что псалмопѣвецъ выражается здѣсь въ духѣ того времени, когда святость ставилась въ преувеличенную зависимость отъ обрядовыхъ подробностей и церемоніальныхъ правилъ и для нея имѣли не особенное важное значеніе справедливость, любовь и милосердіе, и смиренномудренное хожденіе предъ Богомъ ¹⁾).

Эти и другіе недостатки ²⁾ ветхозавѣтнаго благочестія

---

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ, также въ Пс., 7, 9, 10; 17, 2—5; 25, 1—5, Cheyne (*Bampton Lectures on the Psalter*, стр. 369) находитъ „заявленія о невинности, несогласующіяся съ нормальнымъ христіанскимъ мышленіемъ и чувствомъ“.

²⁾ Предполагали, что пища Давида и трехъ отроковъ при царскомъ дворѣ служить указаніемъ на аскетическій духъ, какъ элементъ іудей-

не представляютъ никакого преткновенія для интеллигентной христіанской вѣры. Они только выясняютъ предъ нами истину, что Богъ, который многократно и многообразно глаголаеъ Израилю чрезъ пророковъ и псалмопѣвцевъ, не изрекъ еще Своего окончательнаго, совершеннаго слова. Они показываютъ, что еврейскія писанія, будучи истиннымъ свѣтомъ съ неба, были только свѣтомъ, который свѣтилъ во время темной ночи до времени полнаго солнечнаго разсвѣта.

Свящ. М. Ѡ—кій.

скою религіи того времени, когда была написана книга Данила. Объ общемъ религіозномъ направленіи іудейства этого періода Шульцъ замѣчаетъ: „религія только для закона. Нравственность равняется исполненію законныхъ дѣлъ“. Въ доказательство Шульцъ ссылается на 1 Парал. 5, 25; 10, 10; 13, 10; 28, 7; 29, 19; Есѣ. 4, 3. 16 (постъ и проч.); Пс. 119, 164 (седмидневная молитва); Дан., 1, 8—16 (аскетическое воздержаніе); 6, 10 (методичная молитва).

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ.

Въ защиту животныхъ.

Есть у православныхъ христіанъ благочестивый и поучительный обычай, установленный и освященный матерью нашей — Церковью Христовою. Каждую весну, прежде чѣмъ выгонять скотину на пастбище, мы служимъ надъ стадами водосвятный молебенъ, на которомъ возносимъ Богу и особыя молитвы объ умноженіи скота и сохраненіи его здоровья. «Благослови стадо скотовъ и умножи ихъ, и избави отъ губительнаго недуга» (Молитва при выгонѣ скота на пастбище въ Требникѣ).

Что означаютъ эти наши моленія надъ стадами? Дѣло ясное: если св. Церковь благословила насъ молиться за своихъ животныхъ, значитъ эти животныя *достойны* молитвъ за нихъ предъ Богомъ, достойны благословенія Божія. А если Богъ принимаетъ молитвенныя ходатайства за животныхъ, если скотъ нашъ находится подъ охраною и благословеніемъ Божиимъ, то намъ — временнымъ его хозяевамъ—надо обращаться съ нимъ кротко и заботливо. Молясь за своихъ животныхъ, ты долженъ помнить, что они—созданіе Божіе, а Богъ—Творецъ и Владыка всякой твари—помнить, охраняетъ и милуетъ самое, повидимому, ничтожное Свое твореніе. *Господь любитъ все существующее и ничтъмъ не инушается* (изъ того), *что создалъ* (Притч. XI, 26). *Не пять ли птицъ — спрашиваетъ Спаситель— ильнятыя двумя (малыми) монетами? И ни одна изъ нихъ не забыта передъ Богомъ* (Лк. XII, 6). Всякое Свое тво-

реніе Господь создалъ для того, чтобы оно жило свое время и несло свою службу. Намъ—людямъ—Господь поручилъ животныхъ здѣсь, на землѣ, для того, чтобы мы разумно пользовались ихъ трудомъ, ихъ службой и охраняли ихъ отъ ненужныхъ страданій и излишнихъ мученій. А если такъ, если мы только временные распорядители и надсмотрщики надъ скотиной, то намъ и придется въ свое время отвѣчать предъ Творцемъ и Владыкой міра за ненужныя и жестокія муки животныхъ.

А между тѣмъ, къ стыду и горю нашему, обращеніе съ животными у насъ куда какъ дико, позорно и возмутительно-безсердечно. Вотъ *картинка*, которой очень часто можно любоваться въ нашей жизни, — картинка, къ которой мы такъ привыкли и приглядѣлись, что она почти и не трогаетъ насъ.

«Подъ жестокой рукой человѣка
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калька,
Непосильную ношу влача.

Вотъ она зашаталась и стала...

«Ну!» Погонщикъ *полтно* схватилъ
 (Показалось кнута ему мало)
 И ужъ *билъ ее, билъ ее, билъ...*

Ноги какъ-то разставивъ широко,
Вся дымаясь, осѣдая назадъ,
 Лошадь *только вздыхала глубоко*
 И глядѣла... (такъ люди глядятъ,
 Покоряясь *некравымъ* порядкамъ).
 Онъ опять: *по спинь, по бокамъ,*
 И, впередъ забѣжавъ, по лопаткамъ,
И по плачущимъ кроткимъ глазамъ»...
 (Некрасовъ. «О погодѣ»).

Судите сами, добрые люди,—что это такое? Гдѣ у человѣка сердце послѣ этого? Да и можно ли назвать такого истязателя человѣкомъ? Не дикарь ли это скорѣе, не

звѣрь ли бездушный и безчувственный, неспособный понять, что скотина не мертвый камень, а живое существо, чувствующее и покой, и болѣзни, и довольство, и страданія?.. Нужно дойти до крайняго ожесточенія и помраченія душевнаго, чтобы не понимать, что замороженная, устарѣвшая, больная или обезсиленная безкормицей и дѣтенкомъ-сосункомъ лошадь не въ состоянїи тащить непосильную тяжесть, и побои только отнимаютъ у нея послѣднія силы. «Если бы лошадь умѣла говорить, она могла бы сказать своему неразумному хозяину:—что ты бьешь меня? Развѣ ты не видишь, что я старая кляча? Развѣ ты не знаешь, что ты умѣешь только бить меня, но не умѣешь кормить? Развѣ не видишь ты, что я кормлю дѣтенка-сосунка, да и работаю изъ послѣднихъ силъ до упаду? Корми меня, и если я не буду работать, ну тогда взыскивай».

Развѣ эти горькія укоризны и жалобы не справедливы въ приложенїи ко многимъ изъ нашихъ хозяевъ? Въ томъ-то и горе наше, что деревянное бездушіе и безчувственность въ отношенїи къ жизни и здоровью животныхъ—не дѣло только отдѣльныхъ, рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ; тутъ еще не изъ-за чего было бы волноваться особенно: отдѣльныя уродливыя и безобразныя явленїя неудалимы изъ человѣческой жизни. Къ сожалѣнїю, безсердечность и варварское отношенїе къ животнымъ—явленїе, широко распространенное и крѣпко засѣвшее въ нравахъ нашего простолюдинъ. Кнутъ и побои—необходимое и излюбленное у простолюдиновъ средство прищипорить и подогрѣть бодрость и энергію уставшей и замороженной лошади. Кнутъ у насъ служитъ вмѣсто корма, вмѣсто овса. На уродливо-шутливомъ языкѣ грубыхъ и невѣжественныхъ крестьянъ отхлестать лошадь кнутомъ значитъ «подсыпать ей овсеца». Даже болѣе широкая, «чистая» публика немного проявляетъ чувствительности къ страданїямъ животныхъ. Вѣдь извергъ-погонщикъ, возмутительно-дико расправляющійся съ невинной лошадыю

въ выше приведенной нами картинкѣ, не что иное, какъ только наиболѣе зрѣлый продуктъ нашихъ же невѣроятно жестокихъ нравовъ. Вѣдь зрѣлице истязаній лошади, вошедшихъ въ приведенную уличную «картинку», привело бы въ содроганіе свѣжаго, жалостливаго и чувствительнаго человѣка. Мы же проходимъ мимо такихъ «картинокъ» почти съ тупымъ равнодушіемъ, какъ мимо привычной и примелькавшейся «обыденщины». Очевидно, нервы наши сильно притупѣли отъ этой надобѣвшей *обыденщины* и уже не способны отвѣчать съ должной силой на боль и страданія несчастныхъ животныхъ.

Здѣсь кстати отмѣтить еще одно своеобразное проявленіе нашихъ невозможныхъ, истинно варварскихъ нравовъ, — проявленіе, всею силою своей жестокости и возмутительной несправедливости обрушивающееся опять-таки и прежде всего на тѣхъ же несчастныхъ животныхъ. Сюда относятся тѣ верѣдкіе случаи, когда несчастное животное является у насъ своего рода «козломъ отпущенія», отвѣтчикомъ за чужіе грѣхи. Какъ известно, въ простомъ народѣ не стѣсняются немилосердно бить, увѣчить и даже убивать чужую скотину, когда эта послѣдняя повадилась лазить въ нашъ огородъ, травить кормъ для нашего скота или засѣянное поле. Какъ будто скотина повимаеть, кому принадлежитъ тотъ или другой огородъ, то или другое поле! Какъ будто виновата тутъ скотина, а не ея хозяинъ, или — прежде всего — самъ же хозяинъ незащищеннаго скотскаго корма и *неогороженнаго огорода* (у насъ и такіе каламбуры возможны, не на словахъ только, а и въ самой дѣйствительности)!.. Въ дикой безжалостности къ животнымъ, въ возмутительномъ поправіи при этомъ всякой справедливости и самыхъ простыхъ требованій благоустроеннаго человѣческаго общества у насъ идутъ еще далѣе. Жестокая расправа съ чужой скотиной у насъ практикуется иногда, какъ одно изъ средствъ *мести* и сведенія личныхъ счетовъ со своими досадчиками и недругами. Бьютъ, калѣчатъ и убиваютъ

ни въ чемъ неповинное животное только по зависти, досадѣ и злобѣ на его хозяина...

Отъ этого звѣрства,—отъ этихъ, къ счастью все же не совсѣмъ заурядныхъ случаевъ варварскаго истязанія животныхъ, обратимся къ житью-бытью скотины въ нашей обыденной жизни, въ сферѣ обыкновеннаго простонароднаго хозяйства. И здѣсь найдемъ мы мало отраднаго и утѣшительнаго. Какъ извѣстно, все вообще простонародное хозяйство запечатлѣно характеромъ крайняго неразумія и невѣжества. На почвѣ этого-то темнаго невѣжества и вырастаетъ наша грубая и бездушная невнимательность къ самымъ первымъ, жизненно-важнымъ потребностямъ своихъ домашнихъ животныхъ. Правда, жестокость къ скотинѣ здѣсь не проявляется такъ рѣзко и озлобленно, какъ въ указанныхъ раньше случаяхъ, но все же житье нашихъ домашнихъ животныхъ въ общемъ очень неказисто, даже прямо жалко, убого, тяжело и мучительно. Можно сказать смѣло, что зло, проявляющееся сравнительно въ мягкихъ, безобидныхъ формахъ, но вошедшее въ обиходъ, въ «норму», опаснѣе и страшнѣе отдѣльныхъ, бросающихся въ глаза и рѣзко-крикливыхъ его проявленій. Немилосердныя уличныя истязанія животныхъ могутъ вызвать протесты со стороны сердобольныхъ людей, вмѣшательство и привлеченіе къ отвѣтственности со стороны полиціи или кого-либо изъ обществъ «покровительства животныхъ». Но домашнее, будничное, изо дня въ день идущее истощеніе животныхъ отъ безкормицы, отъ невозможныхъ помѣщеній, отъ грубо-безчувственнаго, беззаботнаго и невнимательнаго отношенія къ скотинѣ... какъ услѣдить за этимъ? И какъ пресѣчь зло, вошедшее въ «нравы», питаемое и невѣжествомъ, и традиціями, и экономическою захудалостью простонародья?..

Чтобы лучше отѣннить безобразія нашего обычнаго обращенія со скотиной и оцѣнить весь вредъ, который отсюда получается для нашего же хозяйства, сравнимъ хозяйственные порядки въ отношеніи къ скотинѣ у на-

шего простонародья и таковыя же у народовъ просвѣщенныхъ. Высокая культурность, просвѣщеніе и воспитанность передовыхъ народовъ сказывается весьма ощутительно и отрадно и на содержаніи домашнихъ животныхъ. Помѣщенія для домашняго и рабочаго скота тамъ вообще удобныя, сухія, теплыя, просторныя, свѣтлыя. По крайней мѣрѣ, въ эту сторону направляются всѣ возможныя усилія, такъ какъ огромная важность для скотины хорошаго помѣщенія сознается тамъ чуть ли не каждымъ малышомъ-подросткомъ. Для оздоровленія помѣщеній для скота ихъ постоянно чистятъ и провѣтриваютъ. Лошадей, иногда и коровъ, въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ ежедневно чистятъ и какъ можно чаще купаютъ. Кормъ скоту выдается въ опредѣленные часы и опредѣленной мѣрой. Работа задается посильная, подходящая. Особенно берегутъ животное въ послѣднія недѣли ношенія приплода, когда скотина «тяжела» (какъ говорятъ у насъ). Немудрено, что скоть тамъ рослый, сильный, бодрый, какъ бы отборный и холеный. Немудрено, что этотъ скоть даетъ своему хозяину доходъ, у насъ неслыханный, или несетъ рабочую службу вдвое и втрое большую противъ нашего скота. И эту необычно повышенную (количественно и качественно) работу заграничный скоть справляетъ легко, не надрываясь и не мучаясь... У насъ же, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ—одно горе, неразуміе и варварство. У насъ сплошь и рядомъ видишь такія безобразныя явленія: хозяинъ гдѣ-нибудь на базарѣ угощается съ пріятелями чаемъ и водкой, а бѣдная лошадь его въ упряжи и безъ корма стоитъ въ это время чуть не цѣлый день на морозѣ, на дождѣ, на вѣтру. Пріѣдетъ пьяный хозяинъ домой и нерѣдко и на ночь оставитъ лошадь въ хомутѣ, безъ призора и корма. И эта безсердечная невнимательность къ нуждамъ животныхъ проявляется не въ отдѣльныхъ только случаяхъ (вродѣ приведеннаго), но окрашиваетъ собою все наше ежедневное обращеніе со скотиной. Каторжный трудъ часто съ желѣзомъ во рту,—гнояныя раны,—жгу-

чія, мучительныя язвы и болячки подъ хомутомъ и сѣделкой,— ломота въ костяхъ отъ простуднаго ревматизма,— страданія отъ опоя,—уродливая, дурацкая сбруя,—неподмазанныя телѣги, — дурнаяковка, — безкормица, сырость, грязь и холодъ въ помѣщеніи,—побои, истязанія и увѣчья... вотъ изъ чего слагается и какъ рисуется картина русскаго обращенія со своими «кормильцами». Такого возмутительнаго безобразія въ просвѣщенныхъ странахъ нигдѣ не встрѣтишь. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и у просвѣщенныхъ народовъ обращеніе съ животными въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оставляло желать ничего лучшаго. Правда, что и вообще на землѣ подчиненныя члвкъ живыя существа по винѣ своего жестокаго господина часто надрываются, стонуть, трепещуть, изливаются кровью. Но только въ русской жизни, да у нѣкоторыхъ дикарей, постыдная, ненужная жестокость, яростныя терзанія и бессмысленно-гнусныя расправы съ животными составляютъ чуть не заурядное явленіе. Что же удивительнаго, если скотъ нашъ еле ноги таскаетъ, постепенно мельчаетъ, чахнетъ, болѣетъ и выражается. Жалко смотрѣть на нашу скотину весною при первомъ выгонѣ на пастбище. Свѣжаго члвчка коробитъ это зрѣлище. Вполнѣ естественно, что стада наши часто поражаются эпидемическими опустошительными болѣзнями. Да и въ розницу, по отдѣльнымъ хозяйствамъ, заболѣваемость и падежъ скота у насъ непомерно велики и разорительны. Да и можетъ ли быть иначе, когда наша тупая безчувственность по отношенію къ скотинѣ простирается до того, что иной разъ несчастная лошадь, заморенная и обезсиленная голодовками и непомерною работою, падаетъ и околѣваетъ у насъ въ упряжѣ, на ходу, въ дорогѣ, на работѣ...

Насколько велики убытки отъ такого «хозяйничанья» говорить — кажется — излишне. Изнуряя и ослабляя силы животныхъ систематически и безпощадно, доводя свой скотъ до болѣзней и безвременной смерти, мы прямо и

очень сильно бьемъ самихъ же себя, бьемъ по своему собственному карману. Здѣсь, въ частности, намъ хотѣлось бы обратить особое вниманіе нашихъ доморощенныхъ хозяевъ на помѣщенія для скотины. Впереди мы коснулись этого предмета, но только вскользь, мимоходомъ. Между тѣмъ, съ негодными помѣщеніями для скота связанъ такой вредъ для здоровья животныхъ и такая огромная убыточность въ хозяйствѣ, что объ этомъ не грѣхъ будетъ сказать еще нѣсколько словъ. У насъ вообще, а въ темномъ простонародѣ особенно, слабо учитывается огромное значеніе для скотины свѣта, тепла, возможно свѣжаго воздуха, сравнительной опрятности и чистоты въ помѣщеніи. А между тѣмъ, результаты, какихъ можно достигнуть разумнымъ устройствомъ и содержаніемъ помѣщенія, прямо поразительны въ смыслѣ поднятія доходности и работоспособности домашнихъ животныхъ. Не очень давно мнѣ пришлось прочесть, какъ одинъ русскій помѣщикъ изъ южныхъ губерній, долго занимавшійся хозяйственнымъ скотоводствомъ безъ успѣха, чуть не въ убытокъ себѣ, наконецъ не пожалѣлъ большихъ затратъ на устройство образцоваго скотнаго двора. Мощный дворъ, непроницаемые для сырости полы въ помѣщеніяхъ, сточныя трубы и приспособленія для немедленнаго удаленія всякихъ нечистотъ изъ стойлъ, большія окна на солнечную сторону, вентиляція (провѣтриваніе) съ отсутствіемъ «сквозняка», частая чистка и мытье коровъ (щетками и даже съ мыломъ), выгонъ животныхъ въ теплую погоду на солнце, на вольный воздухъ и т. п.... все это, говорю, на первыхъ порахъ потребовало не малыхъ расходовъ; но эти расходы быстро и съ лихвою окупились. Благодѣтельные результаты этихъ затратъ превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Молочность коровъ увеличилась *впятеро* и даже больше противъ прежняго, а количество и стоимость потребляемаго каждой коровой корма даже уменьшились. Въ результатъ чистѣйшій, чуть не чудесный барышъ. А секретъ успѣха

самый простой. Нашъ разумный хозяинъ-помѣщикъ вполне основательно и справедливо рассчиталъ, что гораздо лучше, легче и выгоднѣе содержать разумно *двадцать* хорошихъ коровъ, чѣмъ цѣлую *сотню* коровъ, обезцѣненныхъ въ своей доходности и производительности дурнымъ за ними уходомъ. И здѣсь, оказывается, сила не въ количествѣ, а въ качествѣ. Обратите при этомъ вниманіе на экономію хотя бы только въ кормѣ, въ расходахъ и хлопотахъ по уходѣ за скотомъ. Что держать пятокъ коровъ, что два десятка ихъ!.. Хоть бы это простое соображеніе своей собственной, явной и крупной выгоды заставило образумиться нашихъ невѣжественныхъ хозяевъ! Развѣ не заманчиво въ самомъ дѣлѣ, когда одно хорошее, здоровое, сильное и породистое животное обслуживаетъ и вознаграждаетъ васъ съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ три-четыре изъ болѣзненныхъ, заморенныхъ и ослабленныхъ дурнымъ содержаніемъ? Но велики еще наше невѣжество, неразуміе, рутинность и боязнь новизны. Станешь говорить о разумныхъ приѣмахъ хозяйства, пойдутъ извѣстныя отговорки и оправданія своего доморощенного хозяйства. «Наши отцы и дѣды не мудрили много, а — слава Богу — жили не хуже насъ». «Это все барскія затѣи». «Господамъ и помѣщикамъ хорошо мудрить-то: у нихъ и деньги бѣшенныя, и работниковъ сколько угодно»... Какъ будто въ самомъ дѣлѣ крестьянъ, такъ разсуждающихъ, призываютъ непременно гнаться за помѣщиками. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ нашему крестьянину уже рѣшительно ничего нельзя сдѣлать по части улучшенія и оздоровленія хотя бы помѣщеній для своей скотины. Просто лѣнь, неподвижность и безпросвѣтное невѣжество наше виноваты въ томъ, когда помѣщенія для скота у насъ прямо отвратительны и убійственны. Непролазная грязь, сплошная темнота, гниль и промозглое или сперто-удушливое зловоніе—вотъ неизбѣжное украшеніе нашихъ «на-дворныхъ построекъ». Невѣжество же и обереганье себя отъ *лишнихъ* хлопотъ заставляютъ нашихъ темныхъ горе-

хозяевъ держать скотину взаперти, въ темнотѣ, въ холодѣ и сырости, когда на открытомъ дворѣ и солнце, и тепло, и сухо. Держать скотину безъ нужды въ неволѣ, чтобы она не *безпокоила* хозяина, не *надопдала*, не залѣзала бы, куда не слѣдуетъ, не сбѣжала бы со двора. Иной разъ (говорю «съ натуры») *заботливая* и *предусмотрительная* хозяйка по цѣлымъ недѣлямъ держитъ вновь приобрѣтенныхъ куръ гдѣ-нибудь подъ поломъ или подъ печкой, опять-таки изъ предосторожности, какъ бы необжившіяся на новомъ мѣстѣ куры куда-нибудь не сбѣжали. Вообще неразуміе и прямо преступное варварство наше въ уходѣ за животными непроходимы. Въ концѣ-концовъ получается такая неприглядная картина жизни нашихъ домашнихъ животныхъ: если лѣтомъ скоть нашъ (по крайней мѣрѣ, лошадь) изнемогаетъ отъ непосильной работы, то зимой ему еще тяжелѣе отъ невозможнаго помѣщенія и безкормицы.

Вмѣстѣ съ матеріальнымъ, чисто хозяйственнымъ ущербомъ, наше безжалостное и неразумное обращеніе со скотиной вноситъ губельное опустошеніе и разореніе и въ нашу духовную и бытовую жизнь, закрѣпляя въ насъ зловредную грубость, дикость нравовъ и всѣхъ бытовыхъ отношеній. Привыкнувъ съ дѣтства грубо, безжалостно и часто звѣрски-жестoko обращаться со скотиной, мы постепенно теряемъ жалость и чувствительность къ горю, страданіямъ, къ боли и окружающимъ насъ людямъ. Русскій человѣкъ отъ обвужающей его грубости и жестокаго обращенія со скотиной съ дѣтства постепенно грубѣетъ, черствѣетъ душою, ожесточается, теряетъ мягкость, чувствительность, человѣчность, жалостливость и сердечность. Грубость, часто совершенно ненужная и бессмысленная, насквозь проѣла нашу душу, срослась вплотную съ нашей жизнью, цѣликомъ заполонила ее. Мы съ ранняго дѣтства вырастаемъ въ развращающей атмосферѣ невѣроятной грубости и преступной жестокости. Не будемъ говорить про наши страшныя драки, когда въ звѣрскомъ

остервенѣніи доходятъ до ужасныхъ увѣчій человѣка, до кусанья и грызни зубами, до сокрушенія реберъ и проламыванія головы. Посмотрите вы на крестьянскихъ подростковъ и деревенскихъ, въ особенности фабричныхъ, парней. Нѣкоторые изъ нихъ прямо щеголяютъ своей грубостью, какъ своего рода удалствомъ и молодечествомъ. Иной ухарь—парень—чисто репейникъ какой или жгучая крапива. Не справишь съ нимъ дѣла, чтобы не зацѣпиться, не уколоться, не обжечься. Такой «сорви-голова», со своей постоянной и неразборчивой хлесткостью на словахъ, со своими вызывающими манерами, самъ напрашивается, самъ ищетъ перебранки и ругани. «Отбрить» другого человѣка, «оборвать», «обрѣзать», «облаять», поднять его на смѣхъ, уколоть и обидѣть—для нѣкоторыхъ безпардонныхъ «задиръ» и «словесныхъ наѣздниковъ» изъ простонародья—прямое удовольствіе, проявленіе какого-то достоинства и превосходства.

А вѣдь начинается эта оголтѣлая дикость, какъ и всякое дѣло, съ маленькаго, съ пустяковъ, на первый взглядъ вовсе не страшныхъ, почти невинныхъ; заражается она, между прочимъ, и съ небрежнаго вначалѣ, безцеремоннаго и легкомысленно-беззаботнаго обращенія съ животными и произведеніями природы. Съ годами зло постепенно растетъ и наконецъ обращается въ какое-то бессознательное, мимовольное, чисто рефлекторное проявленіе характера человѣка. Что тутъ особенно страшно, это именно бессознательность, какая-то темная стихійность, невозмутимость, чуть не благодушіе при совершеніи жестокихъ и безобразныхъ поступковъ. Если угодно, приведу вамъ примѣръ изъ области именно безобидныхъ, обычныхъ, но тѣмъ болѣе характерныхъ и выразительныхъ явленій нашей жизни. Намъ, сельскимъ священникамъ, частенько приходится ѣздить на деревенскихъ подводахъ. И вотъ на протяженіи 5—6 верстъ иной возница подростокъ, а то и взрослый крестьянинъ всю душу изматываетъ вамъ чуть не безпрестаннымъ грубымъ дерганьемъ и рваньемъ ло-

шади за возжи, съ непремѣнно грубымъ, почти злобнымъ окрикомъ и ругательными прозвищами по адресу той же безотвѣтной лошади. Никакой злобы противъ лошади у крестьянина въ данномъ случаѣ нѣтъ (злоба только притворная, показная,—только въ сердитомъ голосѣ, въ тонѣ, а не въ душѣ). Да и не на что ему злиться: лошадь идетъ исправно, насколько хватаетъ ея силъ и умѣнья. Тѣмъ не менѣе оставить въ покоѣ даже и исправно везущую лошадь хозяинъ *не можетъ*. Ему просто *не терпится*. «Руки», какъ говорятъ, «чешутся». Дурное и бессмысленное обыкновеніе—безъ всякой нужды грубо дергать возжами и кричать на лошадь въ дорогѣ—съ дѣтства вошло въ привычку, сладить съ которой крестьянинъ не можетъ, да—похоже—и не хочетъ.

Отъ обращенія съ животными бросимъ бѣглый взглядъ и на наше «хозяйничанье» въ области бездушнѣй природы. Это явленія одного порядка, другъ друга дополняющія въ иллюстраціи русской бытовой культурности. Одинаково ярко сказывается наша необразованность, невоспитанность, слѣпое неразуміе и нерасчетливость и въ антикультурномъ неуваженіи у насъ къ цѣлости и сохранности чужихъ, особенно общественно-казенныхъ предметовъ,—въ неумѣннѣ или нежеланнѣ достойно цѣнить и бережно-разумно пользоваться дарами природы. На отношеніи нашемъ къ бездушнымъ, совершенно неповиннымъ и не трогающимъ насъ вещамъ и предметамъ даже сильнѣе, чѣмъ на животныхъ, проявляется наша убогая темнота и прискорбная дикость. Здѣсь мало говорить объ одномъ простомъ неуваженіи и близорукой небрежливости по отношенію къ ненужнымъ намъ въ данное время предметамъ. Здѣсь иногда во всей красѣ и силѣ выступаютъ на сцену жизни самое голое озорство, самыя возмутительныя безобразія и губительныя, разрушительныя инстинкты дебошнрства, уродованія, ломки, порчи и безудержнаго, безогляднаго вандализма. Вотъ вамъ *картинка* «съ натуры». По темнымъ и уединеннымъ улицамъ города про-

ходить ночью компанія подвыпившей мастеровой молодежи и ни съ того, ни съ сего, просто—чтобы разгулять свою дурь и сытость, начинаетъ ломать на ходу посаженные вдоль тротуаровъ молодыя деревца и ихъ огражденія.. Нужны ли тутъ какіе-нибудь комментаріи? Вѣдь это же истиннѣ что-то чудовищное, сумасшедшее и ужасающее по своей полной *безсмысленности и нелѣпости*. Что-то непонятное.. Вотъ тутъ и говори про любовное, благоговѣйное, чисто религиозное отношеніе ко всему живому, ко всей видимой природѣ, какъ къ живому храму Божію, гдѣ человѣкъ долженъ вести себя, какъ истинный намѣстникъ и представитель на землѣ Самого Творца, какъ истинный первосвященникъ и разумный первоучастникъ въ непрерывномъ богослуженіи вселенной. Мы же вступаемъ въ прекрасный и свѣтлый храмъ природы съ обычной душевной неумытостью и отталкивающей неопрятностью. Съ ногъ до головы запыленные всякой житейской грязью, гадостью и безчувственной грубостью, мы ведемъ себя въ Божьемъ мірѣ наподобіе извѣстныхъ своей нечистоплотностью домашнихъ животныхъ. вмѣсто благочинія и благоговѣйнаго богослуженія, вмѣсто бережнаго поддержанія, обереганія и творческаго содѣйствія мощному и свободному росту всякой окружающей насъ жизни, мы вносимъ въ величественное святилище вселенной одно безобразіе и кощунственное оскверненіе святыни; мы варварски душимъ, расхищаемъ, калѣчимъ и убиваемъ не нами созданную жизнь. «Подъ жестокой рукой человѣка», подъ дѣйствіемъ нашихъ опустошительныхъ, хищническихъ и прямо смертоносныхъ пріемовъ «эксплуатаціи» богатствъ и даровъ природы, многіе, нѣкогда цвѣтущіе и благословенные уголки и мѣстечки земные превращаются въ мертвыя пустыни. Впрочемъ, какъ ни дико подобное хищничество, оно все-таки понятно. Тутъ есть и цѣль, и смыслъ. Тутъ въ виду быстрая нажива и барыши («а гдѣ до прибыли коснется, не только тамъ гусямъ, и людямъ достается»). На этомъ дѣло не останавливается. Мы видѣли,

что наша дикость доходить иногда до полной безцѣльности и бессмысленности, до ломки и порчи предметовъ ради самой ломки и порчи. И замѣчательно, что и эта совершенно ненужная вакханалія въ царствѣ и сердцѣ природы запечатлѣна у насъ характеромъ опять-таки какаго то обезоруживающаго беззлобія, какой то простоты, естественности и обыденности. Ломають у насъ никому не мѣшающіе предметы, мучать и терзають безобидныхъ маленькихъ животныхъ или дразнятъ ихъ часто безъ всякой злобы, такъ, *отъ нечего дѣлать*. Иной разъ у насъ это просто «забава», «развлеченіе», «потѣха». Въ такихъ *забавахъ* мы упражняемся съ ранняго дѣтства. *Для забавы и удовольствія* наши ребята съ увлеченіемъ разоряють птичьи гнѣзда, выщипываютъ живымъ птицамъ перья, съ большимъ интересомъ забавляются бросаньемъ камней въ кошекъ и собакъ и т. под.

Чего же ждать отъ такихъ безсердечныхъ сорванцовъ въ дальнѣйшей ихъ жизни? Что мудренаго, если изъ такихъ дѣтей вырастають бездушные обидчики, мучители и тираны своихъ женъ и семейныхъ,—безчувственные изверги, у которыхъ сердце заросло мохомъ, какъ говорятъ? Это не люди, а какіе-то злые звѣри, которыхъ видъ крови и истязаній не только не трогаетъ въ сторону жалости и сострадательности, а доставляетъ имъ чуть ли не пріятное удовольствіе... Тутъ не помогутъ никакія общества «покровительства животныхъ». Насажденіе мягкости, человѣчности и благородства въ нравахъ должно вестись черезъ дѣтское воспитаніе. Тутъ-то вотъ и встаетъ передъ родителями и воспитателями «малыхъ сихъ» ихъ священнѣйшій долгъ передъ жизнью. Если хотите серьезно бороться съ одичалостью и огрубѣлостью жизни, начинайте съ корня, съ зародышей зла. Во всякомъ дѣлѣ есть свой порядокъ, своя постепенность. Безъ азовъ, безъ азбуки не научишься читать. Есть свои азы, своя азбука и въ духовно-сердечной жизни человѣка. Приучите человѣка съ дѣтства къ осторожному, ласково-теплому и любовному

обращенію со всякимъ живымъ существомъ, привейте ему нѣжную жалость къ боли и страданіямъ животныхъ,— тогда онъ будетъ мягокъ и въ обращеніи съ людьми. Если человѣку жалко и муху обидѣть, если ему дорогъ и мила каждая былинка, каждый цвѣточекъ въ полѣ, онъ не способенъ будетъ обижать и мучить людей. Такимъ образомъ, нормальная и здоровая жалость человѣка къ животнымъ составляетъ въ общемъ довольно вѣрное ручательство и за его общую, цѣльную доброту и «праведность» въ жизни. Недаромъ у Премудраго сказано, что именно «*праведники* милуютъ души скотовъ своихъ». (Притч. 12, 10).

Много говорили и писали о необходимости бережнаго обращенія съ произведеніями природы и особенно съ живыми ея существами. Но что подѣлаешь съ разными людьми—выродками, съ бездушными и одичавшими безнадежно озорниками и негодяями? Такихъ «отпѣтыхъ» озорниковъ никогда и ничѣмъ не вразумишь. Имъ не втолкуешь, что ломать безъ нужды чужія вещи, портить чужія насажденія, а тѣмъ болѣе мучить живыя существа значитъ творить преступное безчинство и злое надругательство надъ чужимъ трудомъ и надъ прямой волей Высшаго Хозяина жизни. Они не поймутъ, что кощунственное безчиніе въ жизни и расхищеніе природы отнимаетъ у нихъ самихъ человѣческое достоинство, позоритъ ихъ и вычеркиваетъ навсегда имена ихъ изъ ряда разумныхъ Божіихъ созданій. Остается поэтому говорить съ людьми, хоть нѣсколько воспримчивыми къ голосу благоразумія. Но и при этомъ не будемъ сразу слишкомъ требовательны и торопливы. Дѣло наученія и воспитанія людей требуетъ очень много терпѣнія и медленной постепенности со стороны культурно-просвѣтительныхъ работниковъ. Поэтому, если даже болѣе или менѣе разсудительные и чувствующие простолюдины, вслѣдствіе темноты душевной, не доросли еще до бережнаго и любовнаго обращенія съ произведеніями человѣческаго труда и со всякимъ твореніемъ Божіимъ (съ сохраненіемъ котораго не связанъ

нашъ ближайшій и прямой интересъ), то—по крайней мѣрѣ—постараемся внушить и привить имъ возможно разумное обхожденіе хотя со своей домашней скотиной. Не гоняясь за многимъ, постараемся разъяснить и вѣдрить въ душѣ человѣка - простолюдина хоть ту простую истину, что обращаться немилосердно и жестоко со своей домашней скотиной для сколько-нибудь разумнаго человѣка совершенно уже непростительно. Вѣдь тутъ, въ бережномъ и разумномъ уходѣ за своимъ скотомъ, замѣшана не чья иная, а наша собственная, прямая и явная выгода.

Сравнительное неразуміе животныхъ, ихъ неволя и полная зависимость отъ хозяина-человѣка должны бы еще болѣе побуждать насъ къ внимательному, терпѣливому и снисходительно-ласковому съ ними обхожденію.

Вѣдь животныя чувствуютъ ласку, цѣнятъ ее и до трогательности сильно привязываются къ доброму и ласковому хозяину. Не забудемъ, что животныя—такія же чувствующія созданія, какъ и мы; для нихъ такъ же мучительно не только тѣлесныя, но и *душевныя страданія*. Они страдаютъ не только отъ побоевъ, но и могутъ грустить, тосковать и убиваться по разоренному гнѣзду своему, по отнятымъ дѣтенышамъ, по уведеннымъ товарищамъ. Бывали случаи, когда лошадь или собака не жалѣли своей жизни, чтобы спасти отъ опасности своего хозяина.

А сколько у животныхъ удивительной, самой нѣжной привязанности къ своимъ друзьямъ и дѣтенышамъ!

Наконецъ, человѣческое достоинство и простая благодарность къ скоту за его услуги и вѣрную службу намъ должны бы побуждать насъ жалѣть и миловать его. Вѣдь безъ животныхъ человѣкъ почти не могъ бы существовать.

Какъ же послѣ этого не отнестись къ животнымъ съ чувствомъ искренняго участія и глубокой признательности? Какъ не цѣнить заслуги особенно своихъ домашнихъ

животныхъ, этихъ ближайшихъ и специальныхъ нашихъ слугъ и помощниковъ? Какъ не пожалѣть этихъ несчастныхъ порабощенныхъ страдальцевъ, смиренно и преданно отдающихъ намъ свои силы, свой трудъ, свою шерсть, молоко, дѣтенышей, свою свободу, свои нѣжныя привязанности, привычки и всѣ впечатлѣнія своей жалкой кратковременной жизни? На то и данъ человѣку разумъ, на то и поставленъ онъ владыкою міра (Быт. 1, 26), чтобы быть для животныхъ высшимъ разумнымъ другомъ, добрымъ и милосерднымъ хозяиномъ, царемъ—хранителемъ и защитникомъ, а не грубымъ мучителемъ и истязателемъ ихъ. Постыдно и преступно забывать вѣрную службу, старательность, терпѣніе, самоотверженную преданность намъ домашней скотины и за все это платить ей черною неблагодарностью. Вѣдь домашнія животныя—наши ближайшіе товарищи и спутники жизни, наши вѣрные соратники и сотрудники, наши кормильцы и вѣрные, надежные друзья. Вѣдь сами же мы молимся при выгонѣ скотины на пастбище о здоровіи и благополучіи своихъ животныхъ! Какъ же послѣ этой молитвы остается въ нашей душѣ мѣсто для безжалостнаго и жестокаго обращенія съ ними? Одно изъ двухъ: или мы молимся о скотинѣ неискренно, только на словахъ, только отбывая заведенный обрядъ и принятый обычай, или сами себѣ противорѣчимъ, идемъ въ разрѣзъ съ самими собою, съ одной стороны молясь о здоровьѣ животныхъ, а съ другой нанося ущербъ этому же здоровью своею грубостью и безсердечностью. И выходитъ, что въ отношеніи къ животнымъ мы сами одною рукою разрушаемъ то, что творить другая. Въ томъ и другомъ случаѣ молитва наша пуста, неразумна, недѣйствительна и даже противна Богу.

Сводя къ нулю, къ пустому звуку, къ одной обрядовой церемоніи свои же молитвенныя благопожеланія животнымъ, мы чрезъ свое неразумное и безсердечное обращеніе со скотиной являемся и прямыми, злостными ослушниками и противниками высшаго Покровителя, Творца и

Хозяина всего живущаго. Слово Божіе ясно заповѣдуетъ заботиться о животныхъ, кормить и беречь ихъ. «Если есть у тебя скоть, призирай (охраняй) его»,—сказано у премудраго сына Сирахова (Сир. VII, 24). «Не затвори уста вола молотяща». Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ законъ требовалъ «и врагу безъ вреда возвращать заблудившагося осла» (Исх. XXIII, 4). Всякое животное, какъ я говорилъ уже, есть твореніе Божіе, порученное намъ для бережнаго и разумнаго имъ пользованія. Всякое животное принадлежитъ собственно не намъ, а Богу, и мы—мучители и истязатели животнаго—являемся виноватыми въ превышеніи власти, въ злоупотребленіи довѣріемъ Владыки и Творца міра.

Отсюда и пастухи наши могутъ извлечь для себя полезныя уроки. У насъ званіе пастуха не пользуется почетомъ. Но почему? Потому только, что въ пастухи идутъ обыкновенно люди бѣдные, захудалые. Само же по себѣ дѣло пастуха—дѣло очень почтенное и отвѣтственное. Пастухъ—лицо, облеченное довѣріемъ вѣсколькихъ семей, часто цѣлаго общества. Онъ беретъ подъ свою охрану стадо животныхъ почти на цѣлую половину года. Поэтому пастухи, которые по лѣности и небрежности держатъ стадо по цѣлымъ днямъ на одномъ, давно вытопанномъ и потравленномъ мѣстѣ (хотя могли бы найти участокъ для пастбища съ болѣе обильнымъ кормомъ), тяжело грѣшатъ и предъ своими довѣрителями—людьми, и предъ Высшимъ Хозяиномъ животныхъ,—предъ Богомъ.

Всѣмъ же намъ весьма не мѣшаетъ поучиться должному обращенію съ животными у св. угодниковъ Божіихъ и вообще у людей просвѣщенныхъ, съ душою мягкою, чувствительной и сострадательной. Въ житіяхъ святыхъ не мало встрѣчается указаній на то, какъ кротко, любовно и ласково обходились угодники Божіи съ животными. Этою кротостью и ласкою они творили прямо чудеса, приручая и привязывая къ себѣ самыхъ непокорныхъ, опасныхъ и кровожадныхъ животныхъ. Такъ, про препо-

добнаго Герасима — «грачевника» (4 марта) рассказываетъ слѣдующее... Однажды преподобный, вообще очень любившій животныхъ и со стараніемъ лѣчившій ихъ, встрѣтилъ въ пустынѣ хромающаго льва. У послѣдняго отъ занозы затекла и сильно распухла нога. Святой старецъ сжалился надъ страданіями животнаго и ласково подошелъ къ нему. Дикій звѣрь не изъявилъ никакихъ признаковъ неудовольствія и враждебности. Онъ сразу учуялъ въ подошедшемъ человѣкѣ не врага, а друга, и покорно подчинился всѣмъ дѣйствіямъ Святого. Преподобный осторожно и умѣло извлекъ изъ ноги животнаго занозу, очистилъ и обвязалъ рану полотномъ и пошелъ-было своей дорогой. Но левъ, облегченный отъ страданій, не захотѣлъ разстаться со своимъ благодѣтелемъ и добровольно пришелъ съ нимъ въ монастырь. Преподобный самъ кормилъ льва, присматривалъ за нимъ и приучилъ его караулить осла, возившаго воду на нужды монастыря. Когда осель—водо-возъ былъ украденъ, левъ самъ сталъ возить въ монастырь воду. Когда Преподобный умеръ, благодарный левъ долго тосковалъ, жалобно рычалъ (не то же ли, что рыдалъ?) и издохъ на могилѣ своего благодѣтеля. Кому тавже незнакомы глубоко-умилительныя картинки, на которыхъ изображены препод. Сергій или препод. Серафимъ Саровскій, кормящій въ лѣсу изъ своихъ рукъ медвѣдя? Жалостливость и ласковость къ животнымъ дѣлаютъ привлекательными людей. А доброе, жалостливое и сострадательное сердце снискиваетъ намъ и милость Божию. «Блаженни милостивіи, яко ти помиловани будутъ». «Блаженъ (человѣкъ), иже и скоты милуетъ».

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Тотъ, кому Я подамъ хлѣбъ»... И, омочивъ, подалъ Иудѣ. Какая деликатность Божественнаго Учителя! Не называетъ по имени предателя, а указываетъ знакомъ вниманія, имѣвшимъ силу мольбы—не допустить задуманнаго столь гнуснаго и неблагодарнаго поступка—предательства.

* * *

«Проходилъ Иисусъ всѣ грады и веси, исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ»... Проходить и теперь, встрѣчая самое разнообразное къ Себѣ отношеніе: одни и теперь, какъ прежде, ищутъ и получаютъ отъ Него всякую помощь и утѣшеніе. Другіе—не приѣмлютъ Его, какъ самаряне. Иные—снова распинаютъ Его своими дѣяніями. Иные—какъ Закхей—сами рады Небесному Гостю и радуютъ и Его своимъ усердіемъ. Другіе—какъ муро благовонное на ноги Его изливаютъ свою любовь къ Нему. Все то же, что было тогда при земной жизни Его, повторяется и теперь.

* * *

Монахъ, какъ юродивый, долженъ итти на всякія оскорбленія и скорби, коихъ у него всегда бываетъ немало и въ монастырѣ. Считаая себя хуже всѣхъ, онъ иногда намѣренно долженъ вызывать другихъ на оскорбленіе себя, чтобы лучше дать себѣ почувствовать дѣйствительную свою негодность и ничтожество.

* * *

Многіе въ міру бываютъ усерднѣе къ посѣщенію службъ церковныхъ, чѣмъ въ монастырѣ. Здѣсь чувствуется обыкновенно даже нѣкое охлажденіе и ослабленіе усердія. Это, во-первыхъ, въ силу привычки и частаго ежедневнаго посѣщенія службъ. А во-вторыхъ—и въ силу того, что вы почувствуете въ монастырѣ обязательность посѣщенія службъ. Въ міру стремятся къ службамъ съ тайною усладою въ душѣ, что совершается какой-то подвигомъ, не для каждаго мірянина обязательный, но посильный и желательный. А въ монашествѣ врагъ томитъ такихъ обязательностію, нравственно чувствуемою, и гаситъ въ душѣ сознаніе и чувство подвига. Такимъ служба становится часто даже скучна. Но эта скука, одолюваемая постояннымъ самопониженіемъ, выше и спасительнѣе, чѣмъ услада службами при мірской жизни, по едва уловимому тайному тщеславію и высокоумію, близко похожему на знаменитое: *«нѣсмь якоже прочіи»*...

* * *

Сколько возвышенныхъ истинъ, сколько трогательнаго въ Евангельскомъ повѣствованіи о посѣщеніи Божіей Матерію Своей сродницы Елисаветы. *«Ты—Царя носиши, и азъ—воина. Ты—Слово, и азъ—Гласъ, проповѣдающъ царство небесное»*... — такія слова влагаются Церковью въ уста Елисаветы при свиданіи съ Богоматерью. Одна, носившая во чревѣ Богочеловѣка, Начальника Новаго Завѣта, другая—величайшаго изъ пророковъ и рожденныхъ женами—онѣ знаменовали въ эту минуту чудное, величественное, таинственное сближеніе и любвеобильное соединеніе обоихъ Завѣтовъ, начатыхъ женщиною.

* * *

«Познаешь друга въ несчастіи своемъ»... мудро говорится гдѣ то. Такого Друга въ несчастіяхъ и скорбяхъ своихъ познала и русская душа—въ безчисленныхъ дивныхъ знаменіяхъ заступничества Матери Божіей. Въ труд-

нѣйшія, критическія минуты испытаній, когда не оставалось никакой человѣческой помощи, когда—казалось—должна была погибнуть Св. Русь, вступалась за насъ Небесная наша Воевода и даровала намъ полное избавленіе и свободу отъ нашихъ враговъ и бѣдствій. Слава Тебѣ, неизмѣнный, незамѣнимый, неосцѣненный Другъ нашъ! Будь вѣренъ до конца нашихъ страданій—Твоей жалости и состраданію къ намъ грѣшнымъ и недостойнымъ.

* * *

Сколько преступленій совершается по нуждѣ, по совершенной безвыходности и беспомощности положенія, въ борьбѣ за существованіе, за кусокъ хлѣба. Какъ долженъ быть тонокъ и пронизателенъ судъ человѣческій въ сужденіи о такихъ дѣяніяхъ, въ которыхъ часто болѣе виноваты мы своею безсердечностію, своимъ забвеніемъ и небреженіемъ къ заповѣди Христовой и святѣйшему званію христіанскому, которому если бы мы были вѣрны, какъ слѣдуетъ, не могло бы быть среди насъ бѣдныхъ, нуждающихся въ кускѣ хлѣба до ужасной возможности совершить преступленіе, а слѣдовательно—не было бы и большинства заключаемыхъ въ темницы. О, я вижу, что тамъ сидитъ очень часто не чужая преступность, а наша собственная—наше безсердечіе къ ближнему, наше забвеніе и небреженіе къ св. завѣтамъ и духу Христовой вѣры. Тамъ сидитъ наше жестокосердіе и безчеловѣчіе не къ ближнему только нашему, а къ Самому Божественному Основателю нашей вѣры. *«Мнѣ сотвористе!»*—могъ бы укорить Онъ насъ въ этихъ заключенныхъ нами преступникахъ. Но нѣтъ. Онъ предпочитаетъ говорить даже и теперь не то, что побуждаетъ Его справедливость, а то, что милосердіе. *«Мнѣ сотвористе!»*—говоритъ Онъ тѣмъ, кто придетъ облегчить хотя словомъ участія тяжкую участь этихъ несчастныхъ, доведенныхъ до своего тяжкаго положенія часто нашею преступною къ нимъ небрежностію и безпечностію.

* * *

«Господи! всегда оскудѣвати крѣпости моей духовной, не остави мене»!.. Уже я вижу въ себѣ ослабленіе и оскудѣніе этой крѣпости. Уже предваряетъ она, а можетъ быть—сопровождаетъ победа еще не столь замѣтное, но вѣрное ослабленіе моей тѣлесной крѣпости грядущею старостію и близостію къ предѣламъ жизни сей.

* * *

Намъ, земнымъ, дорого все земное. Но небесные чело-вѣки—святые Божіи—живутъ другою жизнію, имѣютъ свои сужденія о земномъ и о землѣ. Придетъ время, и намъ не нужно будетъ ничто земное. И намъ это земное будетъ казаться совершенно незаслуживающимъ нашего вниманія—такъ же чуждымъ и далекимъ намъ, какъ теперь многимъ чуждо и далеко все небесное.

* * *

«Ада Побѣдителю»... Что же предъ такимъ побѣжденнымъ всякія другія наши скорби? Господи! Предъ Тобою и адъ не устоялъ. Сокруши и нашъ адъ — адъ нашихъ скорбей, эту хотя и малую, но столь болѣзненную частицу ада, сокрушеннаго страданіемъ, смертію и воскресеніемъ Твоимъ. Такъ думай и молись, христіанинъ, въ твоихъ скорбяхъ и страданіяхъ.

* * *

Почему море заволновалось подъ учениками Христовыми, плывшими «на онъ полъ»? Св. Отцы объясняютъ, что ради Іуды, предателя Христова...

Нашъ душевный корабль переполненъ своего рода Іудами—страстями и грѣхами. Неудивительно, что и нашъ корабль терзается душевными волненіями и житейскими бурями. И если бы не Господь, наше тихое Пристанище, простиралъ намъ руку помощи, житейское море давно утопило бы насъ.

* * *

Каждый день твоей жизни можетъ принести неожиданно рѣзкую переѣну: сегодня смѣхъ, завтра плачь. Утромъ здоровье, вечеромъ болѣзнь. Только что радость, и тотчасъ скорбь. Сейчасъ жизнь, а черезъ часъ смерть. Одна неизмѣнно да пребываетъ надежда наша—Господь и Пречистая Матерь Его. И въ радости, и въ скорби, и въ здоровьи, и въ болѣзни—пусть они будутъ тебѣ одинаково близки, памяты и любезны.

* * *

Грѣхъ — нашъ истинный Іуда — предатель, льстецъ и воръ: предатель, обѣщая свободу, а давая рабство. Льстецъ — обѣщаетъ сладость, а повергаетъ въ горечь. Воръ—обкрадываетъ дни и часы, данныя намъ на покаяніе, и опустошаетъ душу нашу съ ея благодатными дарованіями и приобрѣтеніями.

* * *

Сколько повсюду жертвъ грѣха, страстей и пороковъ! Господи! Сколько гибнетъ Твоего достоянія, Твоихъ чадъ, Твоихъ сокровищъ. Какъ понять это непостижимое явленіе? Какъ не удивиться столь странному дѣлу—гибнетъ *Божіе*—то, что кажется не должно бы подлежать ни гибели, ни тлѣнію, ни хищенію отъ врага Божія, который и самъ есть поразительнѣйшее противорѣчіе всему своему и происхожденію, и назначенію.

* * *

Хотѣлъ бы я любить Господа. Думается, что я люблю Его. Но вѣдь есть любовь—оскорбленіе. Не такую ли любовь и я люблю моего Любимаго, оскорбляя Его непослушаніемъ, безчисленными измѣнами и нечистыми помыслами и дѣяніями?

* * *

Царице Небесная! И Тебя я люблю. Но и Тебѣ тоже— не оскорбленіе ли любовь моя? Какъ можетъ быть пріятна Тебѣ любовь грѣшника, постоянно Тебя огорчающаго, постоянно Тебѣ неблагодарнаго, постоянно распинающаго Сына Твоего? Какъ можетъ быть пріятна Тебѣ любовь предателя Сына Твоего, любовь вновь пронзающаго сердце Твое непорочное лютымъ оружіемъ скорби за вторично распинаемаго Сына Твоего? Не такова ли любовь къ Тебѣ, какъ это ни больно сказать.

* * *

«Святый Ангеле, предстоай окаянной моей души»... Предстояніе Ангела моей душѣ полно величайшаго значенія. Ангелъ предстоитъ благоговѣнно всякой душѣ человѣческой, какъ дивному дѣлу Божію, какъ образу Своего Творца, какъ святилищу славы Его. А мы этотъ образъ Творца, это святилище Божіе постыдно позоримъ, безчестимъ всякими мерзостями. Ангелъ плачетъ, видя это, горькими слезами, но все же не отходитъ отъ насъ далеко. Такъ ему дорого и оскверненное жилище и достояніе Божіе.

* * *

Что проку мнѣ, если бы у меня не было никакихъ особенныхъ грѣховъ? Не все ли равно, что—хотя нервный, но пустой кошелекъ? Надо, чтобы въ этомъ кошелекѣ было что, надо мнѣ положительное духовное богатство. И если я сего не имѣю, нѣтъ мнѣ никакого проку въ одномъ кошелекѣ. Я такъ же нищъ, убогъ, жалокъ, какъ и всѣ.

* * *

Сотникъ проситъ Иисуса о помощи чрезъ старцевъ іудейскихъ, и тѣ съ дерзновеніемъ молятъ за него: *«достойнъ есть, емуже даси сіе, любитъ бо языкъ нашъ и сон-*

мище той созда намъ»... Смирение сотника поразительно, а вмѣстѣ и достоинство его. Но—сколько были достойны просившіе за него? Они спустя нѣкоторое время молятъ Пилата: «распи Его!»

* * *

Какъ трогательна судьба Крестителя Господня Іоанна! Величайшій дѣвственникъ гибнетъ отъ руки блудницы. Величайшій постникъ и подвижникъ гибнетъ отъ рукъ пьяницъ и развратниковъ. Тотъ, для котораго всѣ блага міра были ничто, падаетъ отъ руки тѣхъ, которымъ показалось, что онъ эти блага у нихъ оспариваетъ и отнимаетъ. Тотъ, который жизнь свою всецѣло отдалъ Богу, теряетъ ее отъ дерзкой руки отдавшихъ свою жизнь сатанѣ. Какое насиліе, какое великое мученичество, какое страданіе—умирать съ этими мыслями о такомъ бѣшенномъ ослѣпленіи и неразуміи людей!

* * *

Имѣю дерзновеніе сказать, что милосердію Божіей Матери къ намъ дано превосходить самое даже милосердіе Божіе—не потому, чтобы человекъ могъ превосходить въ семь Божество, но потому, что Господь такую даровалъ намъ Самъ Помощницу и Заступницу—за Ея выдающуюся любовь къ намъ, состраданіе и близость.

А. І.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ІАКОВЪ,
архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій¹⁾.**

(† 20 мая 1850 года).

Послѣ сего преосвященный обратилъ особенное вниманіе на купца Кабанова, начальника секты, слывшей въ городѣ подъ именемъ *Кабановской* ²⁾). Въ домѣ его жилъ главный учитель этой секты, а въ саду была часовня и пруды для перекрещиванья. По ходатайству преосвященнаго, послѣдовало общее распоряженіе, чтобы раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ въ его епархіи вновь не открывать, а пришедшихъ въ ветхость не починять. Зная, что часовня Кабанова требуетъ починки, преосвященный поручилъ довѣреннымъ людямъ строго наблюдать, чтобы она не была исправлена тайно. Въ скоромъ времени ему доложили, что въ наступающую ночь кабановцы намѣрены починить свою часовню, и что все нужное къ тому у нихъ подготовлено. Преосвященный немедленно далъ знать объ этомъ полиціи, которая, подъ начальствомъ преданнаго дѣлу православія частнаго пристава, въ указанное время окружила домъ Кабанова и застала раскольниковъ за работой, вслѣдствіе чего часовня ихъ и была запечатана. Впрочемъ, и послѣ этого,

---

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую книжку *Душен. Чтенія* за 1910 г.

²⁾ Собственно самъ Кабановъ и его послѣдователи принадлежали къ сектѣ перекрещенцевъ-новожеевъ.

служеніе въ домѣ Кабанова продолжалось, и расколоучитель все-таки проживалъ тамъ. Преосвященный рѣшился, во что бы то ни стало, обнаружить секту и задержать ея учителя. Одна благочестивая женщина, жена писаря 3-й городской части, добровольно вызвалась послужить сему дѣлу, по усердію къ церкви. Получивъ на это благословеніе преосвященнаго, она явилась къ Кабанову и изъявила желаніе вступить въ ихъ секту, на что, разумѣется, получила согласіе Кабанова. Назначенъ былъ день ея перекрещиванія, и сдѣланы всѣ нужныя къ тому приготовленія, то-есть, такъ какъ дѣло было зимою, то въ одномъ изъ садовыхъ прудовъ прорубили прорубь и подѣлали подмости. Когда же назначенная къ перекрещиванью женщина, обязанная веревками подъ мышки, уже стояла на подмосткахъ, а учитель готовъ былъ погрузить ее въ холодную купель въ присутствіи самого Кабанова и другихъ важнѣйшихъ членовъ секты обоихъ половъ, вдругъ явилась полиція и перехватала всѣхъ участниковъ вмѣстѣ съ расколоучителемъ ихъ. Лишась чрезъ это главной опоры своего толка, секта обезсилѣла и мало-по-малу разсѣялась, а сынъ самого Кабанова въпослѣдствіи присоединился къ единовѣрческой церкви.

Та же самая женщина оказала потомъ и другую не менѣе значительную услугу церкви открытіемъ учителя другой тайной секты, похожей на прежнихъ *моремщиковъ* и *самосожигателей*.

Существованіе этой секты обнаружилъ слѣдующій случай: еще до прибытія въ Саратовъ преосвященнаго Іакова, появился въ селѣ Копенахъ одинъ молодой изувѣръ, который неизвѣстно какимъ образомъ убѣдилъ нѣсколько десятковъ безумцевъ лишить себя жизни, ради вѣчнаго спасенія. Для этого онъ собралъ ихъ въ овинъ съ тѣмъ, чтобъ зажечь его и скрыть слѣды кроваваго своего дѣла. Ужъ онъ успѣлъ порубить топоромъ до тридцати чело-вѣкъ и принялся за ребенка, котораго (страшно вымолвить) принесла родная мать на эту бойню, рѣшась сама

присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Но чувство материнское превозмогло изступленіе фанатизма: увидавъ окровавленный и еще трепещущій трупъ ребенка, она бросилась изъ овина и опрометью побѣжала по селу, оглашая его воплями: «Спасите, спасите!» Изувѣвъ былъ схваченъ, наказанъ и сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на всю жизнь. Но чрезъ нѣсколько времени онъ успѣлъ какъ-то убѣжать оттуда и въ то время, когда поступилъ на Саратовскую епархію преосв. Іаковъ, онъ, какъ носились слухи, проживалъ недалеко отъ села Увѣ-ка ¹⁾, скрываясь отъ преслѣдованія земской полиціи. Преосвященный Іаковъ, свѣдавъ о возобновленіи этой ужасной секты, рѣшился чрезъ преданныхъ ему людей сперва открыть убѣжище ея учителя и предать его въ руки правосудія. И опять вызвалась на это дѣло сказанная женщина, не взирая на то, что оно сопряжено было съ явною опасностію для ея жизни. Оградясь благословеніемъ и молитвами архипастыря, она отправилась въ село Увѣкъ, долго проживала тамъ подъ какимъ-то предлогомъ и таки достигла того, что была представлена каторжнику-учителю этой секты, вошла въ его довѣріе и, неоднократно посѣщая его, будто бы для душевспасительной бесѣды, успѣла тщательно высмотрѣть подземное логовище этого изверга. Онъ проживалъ въ лѣсномъ буеракѣ, въ пещерѣ съ разными выходами, не зная которыхъ трудно было бы захватить его. По указанію истинной героини вѣры и человѣчества, логовище звѣря-человѣка было окружено командою военною, и злодѣй подвергся заслуженному наказанію.

Какъ ни безумны начала этихъ русскихъ феллагеровъ ²⁾, какъ ни противно ихъ ученіе человѣчеству, но къ этой сектѣ принадлежалъ одинъ изъ значительныхъ гражданъ Саратова, купецъ Л—въ и поддерживалъ ее своимъ влія-

---

¹⁾ Въ 11 верстахъ отъ Саратова.

²⁾ Индѣйскіе душители.

ніемъ и богатствомъ. При неутомимомъ преслѣдованіи преосвященнаго Іакова, богопротивная и ужасная секта эта совершенно уничтожилась ¹⁾.

Вокругъ Саратова въ оврагахъ и буеракахъ, во время поступленія на епархію преосвященнаго Іакова, было немалое число скитовъ и келій, въ которыхъ укрывались преимущественно послѣдовательницы разныхъ раскольническихъ толковъ, получавшія содержаніе отъ богатыхъ купцовъ. Преосвященный Іаковъ для увѣщанія ихъ посылалъ игуменю и старицъ Саратовскаго дѣвичьяго монастыря. Увѣщанія эти, соединенныя съ законными мѣрами со стороны гражданскаго начальства, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что многія изъ келейницъ возвратились въ свои семейства, и наконецъ скиты и келіи ихъ совсѣмъ опустѣли.

Но самымъ важнымъ дѣйствіемъ преосвященнаго Іакова и саратовскаго братства было открытіе и разсѣяніе секты скопцовъ. Секта эта перешла въ Саратовъ изъ Аткарскаго уѣзда и быстро распространилась въ городѣ, заразивъ семьи многихъ изъ значительныхъ саратовскихъ гражданъ. Открытіе этой зловреднѣйшей изъ всѣхъ раскольническихъ сектъ представляетъ особенныя трудности, ибо послѣдователи ея, для сокрытія своего богопротивнаго толка отъ власти церковной и гражданской, входятъ въ наши церкви, даже приобщаются для вида и съ явнымъ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ величайшему таинству изъ таинствъ. Въ своихъ моленныхъ и домахъ они хоть и имѣютъ иконы, но тоже для того, чтобы отвести глаза православныхъ отъ своего «радѣнія», которое они отправляютъ по особому уставу, ими самими вымышленному.

Начальникомъ и распространителемъ этой секты въ Саратовѣ былъ купецъ В. И. П—овъ, носившій у нихъ

¹⁾ Чрезъ обращеніе въ единовѣріе купца С—ва ослабѣло и потомъ обратилось къ единовѣрческой же церкви основанное имъ „согласіе“ секты псповщинской, имѣвшее своихъ послѣдователей до 10.000 душъ.

званіе «саратовскаго пророка». Узнавъ о Пономаревѣ ¹⁾ и нѣкоторыхъ членахъ братства, П—овъ свелъ съ ними знакомство и сталъ учащать къ нимъ на бесѣды съ цѣлію привлечь ихъ со временемъ въ свое «согласіе». Пономаревъ и друзья его не вдругъ домыслились, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, тѣмъ болѣе, что П—овъ искусно велъ съ ними разговоры о вѣрѣ: онъ ничего не отвергалъ, но и ни съ чѣмъ не соглашался; въ сужденіяхъ его была замѣтна какая то неопредѣленность, недосказанность, мѣшавшая видѣть въ немъ отъявленнаго еретика. По времени однакъжъ Пономаревъ заподозрилъ П—ова въ скопчество и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія преосвященнаго Іакова, объяснивъ при семъ случаѣ, что, какъ кажется, секта эта успѣла уже пустить корни свои въ Саратовѣ. Преосвященный, посовѣтовавшись съ жандармскимъ полковникомъ Б—ымъ, сталъ убѣждать одного изъ членовъ саратовскаго братства купца А. И. Залетнова войти въ ближайшее сношеніе съ этой сектой и такимъ образомъ открыть ее; для этого онъ долженъ былъ изъявить желаніе поступить въ число ея членовъ. Много нужно было имѣть для этого душевной крѣпости и самоотверженія: Залетновъ, не такъ давно женившійся, подвергался опасности быть оскопленнымъ насильственно въ одно изъ ихъ ночныхъ собраній. Долго колебался онъ, долго убѣждали его къ этому друзья и наконецъ самъ архипастырь. «По-вѣрь мнѣ, другъ мой», говорилъ онъ: «что если бъ это было возможно, я самъ бы пошелъ къ нимъ, дабы обнаружить и исторгнуть эти плевелы. Вѣрую, что Господь сохранить тебя невредимымъ. Ступай съ Богомъ!» Залетновъ согласился и, объявивъ П—ову свое намѣреніе вступить въ ихъ «согласіе», получилъ дозволеніе явиться въ ихъ ночное собраніе.

Не мало было опасенія за него и со стороны друзей,

---

¹⁾ Человѣкъ близкомъ къ преосвященному Іакову, одному изъ членовъ противораскольническаго саратовскаго братства.

которые проводили своего товарища на подвигъ почти до самаго мѣста, гдѣ собирались скопцы. Твердо вѣруя въ благословеніе своего архипастыря и обнадеженный Б—ымъ, зорко слѣдившимъ за ходомъ этого опаснаго дѣла, Залетновъ благополучно прошелъ всѣ мистическія испытанія ¹⁾, былъ принятъ въ число членовъ секты и посвященъ во всѣ ея таинства. Отговариваясь подъ разными предлогами отъ оскотленія, онъ однакожъ начиналъ опасаться насильственной операціи и сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ. На общемъ совѣтѣ, съ благословенія преосвященнаго Іакова и согласія полковника Б—ова, положено было присоединить къ Залетнову для вспоможенія въ случаѣ опасности еще двухъ единомышленныхъ собратій—купца С. В. Чекенева и мѣщанина А. С. Любимова. Укрѣпленные благословеніемъ и бесѣдою архипастыря, они введены были къ скопцамъ Залетновымъ, якобы пріобрѣтенные его усердіемъ, выдержали всѣ обрядныя испытанія и были посвящены въ нѣкоторыя тайны общества, но тоже успѣли кое-какъ отговориться до времени отъ оскотленія.

По вступленіи такимъ образомъ въ секту, Залетновъ, Чекеневъ и Любимовъ частію чрезъ Пономарева, а частію лично сообщали преосвященному разныя свѣдѣнія объ ея таинствахъ и, что особенно важно, достали списки ихъ пѣсенъ, писанные собственноручно главными членами секты, такъ называемыми «пророками» ихъ.

Но дѣло шло къ развязкѣ довольно медленно по причинамъ, отъ нихъ не зависящимъ. Полковникъ Б—овъ, свѣдавъ отъ преосвященнаго Іакова о существованіи и открытіи секты скопцовъ, отнесся объ этомъ къ высшему своему начальству, испрашивая разрѣшенія захватить сектантовъ въ одно изъ ихъ собраній. Долго не было ни-

---

¹⁾ Новичекъ обязанъ, ставъ на колѣни передъ „пророкомъ“, и освящая себя обѣими руками вдругъ крестнымъ знаменіемъ, кланяться ему, умоляя удостоить его принятія въ свое общеніе; причемъ долженъ произнести отреченіе отъ церкви и разныя другія клятвы.

какого отвѣта на это представленіе, а между тѣмъ неизвѣстно какимъ путемъ дошелъ до саратовскихъ скопцовъ изъ Петербурга слухъ, что правительству уже извѣстны ихъ собранія, и чтобы поэтому они были осторожнѣе. Слѣдствіемъ этого было то, что иногородніе члены секты немедленно разѣхались по своимъ мѣстамъ. Въ то же время гражданскій губернаторъ П—въ получилъ предписаніе принять самыя дѣятельныя мѣры къ открытію находящейся въ Саратовѣ секты скопцовъ. Этимъ все дѣло было испорчено: П—въ немедленно принялся разыскивать секту обычнымъ форменнымъ порядкомъ и, конечно, ничего не нашелъ; онъ поспѣшилъ донести, что, хотя въ Саратовѣ и есть много раскольническихъ сектъ, но скопческой рѣшительно нѣтъ, за вѣрность чего онъ твердо ручается.

Вскорѣ послѣ этого Б—овъ получилъ въ отвѣтъ на представленіе разрѣшеніе отъ своего начальства захватить скопцовъ, но было уже поздно: захватывать было некого, ибо иногородніе разѣхались, а мѣстные скопцы прекратили свои собранія.

Такимъ образомъ прошло полгода. Боязливые толки мало-по-малу стихли; скопцы пріободрились. Пономаревъ и томившіеся ожиданіемъ развязки его товарищи съ радостію услышали, что въ Саратовѣ опять начинаютъ съѣзжаться изъ разныхъ городовъ «пророки съ пророчицами», и что на Святки они соберутся всѣ на свое «радѣніе». И дѣйствительно, къ этому времени пріѣхали всѣ гости, а именно: московскій пророкъ, купецъ Б—ковъ съ пророчицею, пророкъ изъ с. Переѣзда, Аткарскаго уѣзда, пророкъ изъ Самары и нѣкоторые другіе. Собраніе было назначено въ домѣ купца Б—това, по обычаю секты, въ глубокую полночь, а ночь нарочно выбрана самая ненастная, когда была сильная мятель и вьюга. Въ это собраніе положено было принять, по предварительному условію, въ число сектантовъ и Пономарева, который рѣшился наконецъ уступить будто бы убѣжденіямъ П—нова, давно уже

за нимъ ухаживавшаго, а главное для того, чтобъ отвлечь отъ себя и отъ товарищей своихъ подозрѣніе, уже начинавшее рождаться между скопцами.

За часъ до собранія Пономаревъ отправился къ преосвященному и, принявъ отъ него благословеніе, прямо изъ архіерейскаго дома пошелъ къ полковнику Б—ову. Здѣсь было все уже готово: Б—овъ, нарядивъ Пономарева жандармомъ, оставилъ его при себѣ, а команду раздѣлилъ на двѣ части: одни пѣшіе, переодѣтые простыми мужиками, пошли впередъ, другіе конные, въ полной формѣ и при сабляхъ, слѣдовали за ними нѣсколько поодаль. Подойдя къ сборному мѣсту, Б—овъ велѣлъ пѣшимъ идти впередъ съ Пономаревымъ и занять, по его указанію, всѣ входы и выходы въ домъ, а конныхъ оставилъ при себѣ, готовыхъ явиться тамъ же по первому востребованію.

Домъ Б—това былъ во дворѣ, въ глубинѣ сада. Первый отрядъ тихо приблизился, покровительствуемый темнотою и непогодой; нѣсколько человекъ мгновенно перелѣзли черезъ заборъ, захватили часовыхъ, отбили ворота и заняли всѣ выходы, другіе окружили домъ. Тотчасъ дали знать полковнику, который немедленно прибылъ съ остальною частью команды. Онъ и Пономаревъ пошли внутрь дома,—по необъяснимой какой то оплошности скопцовъ, двери въ сѣни оставались незапертыми; сборище, усердно занятое своимъ «радѣніемъ», не слышало ничего происходившаго на дворѣ. Б—овъ и Пономаревъ вошли въ сѣни, потомъ въ прихожую и наконецъ въ залу.

Зала была ярко освѣщена лампами. Посреди стоялъ столъ, накрытый бѣлою скатертью, на столѣ крестъ и евангеліе. Справа тянулась цѣпь мужчинъ босыхъ въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ; у cadaго изъ нихъ въ лѣвой рукѣ былъ бѣлый платокъ и восковая зажженная свѣча; слѣва цѣпь женщинъ въ бѣлыхъ сарафанахъ,—на головахъ у нихъ повязаны бѣлые платки, въ лѣвой рукѣ также бѣлые платки и зажженные свѣчи.

Испуганные неожиданнымъ появленіемъ жандармовъ,

сектанты бросились въ разныя стороны. Залетновъ, Чекеневъ и Любимовъ, увидя своихъ избавителей, уцѣпились за пророковъ, умоляя ихъ съ притворнымъ испугомъ: «Помогите, родименькіе, спасите, погибаемъ!» Тѣ было вырваться отъ нихъ, но напрасно: вошедшая команда, по указанію Пономарева, стала вязать присутствующихъ, начиная съ пророковъ и пророчицъ; арестованныхъ сажали на лошадей и отводили за карауломъ въ домъ Б-ова. Всѣхъ схваченныхъ оказалось 30 человекъ¹⁾. Немедленно снятъ былъ съ нихъ первый допросъ, на которомъ они чистосердечно признались во всемъ и объяснили цѣль своего собранія.

Поутру Б—овъ лично донесъ губернатору, говоря, что онъ въ прошлую ночь задержалъ какихъ-то странныхъ людей, но кто такіе, не знаетъ. П—въ тотчасъ же поѣхалъ къ нему въ домъ. «Что это за народъ?» спросилъ онъ съ удивленіемъ, увидавъ толпу въ бѣломъ одѣяніи.—Скопцы, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Б—въ. П—въ пораженъ былъ какъ громомъ, припомнивъ недавнее свое донесеніе и черезчуръ самонадѣянное ручательство, но однакожь скоро оправился и поздравилъ полковника съ заслугою, оказанною имъ церкви и обществу. Онъ поѣхалъ домой въ досадѣ, какъ на Б—ова, такъ и на всѣхъ участниковъ этого дѣла. Вся тяжесть мщенія, разумѣется, должна была обратиться на слабыхъ, не имѣв-

---

1) Одна пророчица успѣла было спастись, спрятавшись во время общей суматохи въ чуланъ, подъ платъя. Утромъ, вовсе не подозрѣвая, кто открылъ ихъ сборище, она пришла къ Пономареву и, считая его своимъ единомышленникомъ, рассказала все, что случилось: „Слышала ли, что нашихъ родименькихъ схватили? Одна я спаслась. Что дѣлать теперь?“—Да что дѣлать,—отвѣчалъ Пономаревъ,—если есть деньги, такъ можно все исправить.—Не бѣда, если бѣ она на деньги пошла,—сказала пророчица.—Такъ что жъ долго думать?—сказалъ Пономаревъ.—Идемъ сейчасъ къ полковнику, онъ человекъ добрый, да притомъ и знакомый мнѣ. Авось и своихъ выручимъ.—Пророчица согласилась и была задержана вмѣстѣ съ прочими.

шихъ другой защиты, кромѣ своей правоты и невинности.

Арестованные отправлены были въ острогъ. А такъ какъ по скорости дѣла при допросѣ ихъ не были соблюдены нѣкоторыя формальности, не было депутата со стороны купечества, то подсудимые, *неизвѣстно по чьему наущенію*, при переислѣдованіи дѣла, отреклись отъ первыхъ своихъ показаній, утверждая, что они были «пристрастными». Такимъ образомъ, дѣло, само по себѣ ясное, затянулось надолго. Залетновъ, Чекеневъ, Любимовъ и Пономаревъ, какъ прикосновенные къ дѣлу, обязаны были подписками никуда не выѣзжать изъ города впредь до рѣшенія онаго, черезъ что понесли значительные убытки по торговлѣ, особенно двое первыхъ, ибо, въ силу этого запрещенія, они въ теченіе четырехъ лѣтъ не могли быть ни на одной ярмаркѣ.

Начались безконечные и часто пристрастные допросы; дѣло выростало числомъ листовъ и становилось сложнѣе и запутаннѣе. Оно поведено было такъ, что вся вина свалилась на Пономарева. Подсудимые научены были показывать единогласно, что онъ-то и есть глава ихъ секты, что онъ самъ собиралъ ихъ, обучалъ пѣснямъ и всѣмъ таинствамъ, да потомъ и выдалъ. Два бургомистра, одинъ молоканской, а другой поповщинской секты, враждебные между собою, но согласные въ ненависти къ православію, открыто говорили Пономареву: «Что, голубчикъ, ты пришелъ къ намъ секты открывать, погоди же, вотъ мы тебя упечемъ!» Злоба торжествовала, но Господь, защитникъ правыхъ сердцемъ, разорилъ всѣ ея ковы: на очныхъ ставкахъ съ Пономаревымъ и его товарищами, сектанты, несмотря на явное содѣйствіе имъ слѣдователей, спутались въ своихъ показаніяхъ и остались виновными. Особенно помогли этому представленныя Пономаревымъ и приложенныя къ дѣлу самимъ преосвященнымъ пѣсни скопческія, писанныя собственноручно П-вымъ и другими скопцами. «Кто писалъ эти пѣсни?» спрашивалъ ихъ По-

номаревъ на очныхъ ставкахъ. «Если бы я училъ васъ, какъ вы показываете, то я и писалъ бы ихъ, и они были бы у васъ. Покажите же, гдѣ онѣ? Нѣтъ вы писали ихъ для меня и моихъ товарищей, потому то онѣ и у насъ».

Четыре года однакожъ длилось это дѣло. По окончательному приговору пророки, пророчицы и главные члены этой секты были сосланы въ Сибирь на поселеніе, а прочіе, прикосновенные къ дѣлу, оставлены подъ надзоромъ полиціи.

Ан. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

Спрашивается: *о механическом объясненіи жизни можно ли по праву сказать, что оно есть общепризнанная научная истина?* Въ дѣйствительности на него смотрять совсѣмъ иначе. Яснѣ всего это открывается при рѣшеніи вопроса о возникновеніи жизни; потому что *первичное зарожденіе* теперь признано невозможнымъ. Въ началѣ развитія предполагають маленькое ядро бѣлковины самаго простѣйшаго свойства. Но химическій *матеріалъ* клѣточки на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не отличается простотой, напротивъ имѣеть необыкновенно сложную природу. Онъ можетъ произойти только вслѣдствіе сложныхъ приѣмовъ ученаго химика; вотъ почему онъ нигдѣ, кромѣ органическихъ соединеній, въ природѣ и не встрѣчается. «Ни одинъ химикъ, по мнѣнію Рейнке, не призналъ бы такую «случайность» возможной». «Производство органическихъ соединеній изъ неорганическаго матеріала возможно только благодаря цѣлесообразной работѣ человѣка или благодаря дѣятельности живой клѣточки—вотъ несомнѣнный результатъ химическаго изслѣдованія нашихъ дней». Этотъ процессъ состоитъ въ слѣдующемъ: бѣлковина можетъ образоваться только вслѣдствіе разложенія (Reductio) углекислоты, селитряной кислоты и сѣрной кислоты, т.-е. эти соединенія должны освободиться отъ кислорода. Химику удастся это только благодаря тому, что онъ заставляетъ

---

¹⁾ Продолженіе. См. июньскую кн. *Душепол. Читенія* 1910 г.

воздѣйствовать на нихъ такія вещества, которыя имѣють большее сродство съ кислородомъ, чѣмъ углеродъ, селитра и сѣра. Но такія разлагающія вещества еще не могли находиться на корѣ земной, появившейся вслѣдствіе охлажденія; потому что они необходимо были насыщены кислородомъ гораздо прежде, чѣмъ температура земли понизилась до того, что на ней стало возможно развитіе жизни. Поэтому оказывается совершенно недопустимымъ предположеніе, что разложеніе углекислоты, селитряной и сѣрной кислоты совершилось «само собою» (Рейнке).

Но если бы даже и можно было воспроизвести матеріаль кѣлѣчки изъ неорганическихъ веществъ чисто механическимъ способомъ, то все же отъ этого никоимъ образомъ не могла бы возникнуть въ немъ самая жизнь. Хотя Геккель утверждаетъ, что жизнь есть естественное слѣдствіе своеобразныхъ углеродистыхъ соединеній, хотя химія въ настоящее время и воспроизвела синтетически углеродистыя соединенія, но всѣ эти соединенія оказались не имѣющими жизни. «Чѣмъ отличается живой быкъ отъ только что убитаго, у котораго бѣлковыя вещества остаются еще въ совершенной цѣлости»? Этотъ вопросъ Хвольсона грубоватъ, но онъ проливаетъ свѣтъ на совершенную невозможность отыскать въ вещественныхъ элементахъ причину особенностей жизни.

Подобно матеріалу кѣлѣчки и *строеніе* ея не можетъ произойти «само собою» чрезъ зарожденіе изъ неорганическихъ веществъ. Приверженцы ученія о механическомъ возникновеніи жизни въ началѣ развитія полагають кѣлѣточку совершенно простаго устройства, чтобы сдѣлать удобопонятнымъ ея «случайное» происхожденіе. Но уже первая кѣлѣчка должна быть аппаратомъ для превращенія лучистой энергіи солнца въ химическую. Такъ какъ это есть крайне сложный химическій процессъ, то и самая простѣйшая кѣлѣчка есть необычайно тонко устроенная машина. «Приходишь въ изумленіе при видѣ удивительно простаго и пѣлесообразнаго устройства кѣлѣчки,

производящей столь много химических преобразований, а между тѣмъ по величинѣ своей она равняется только тысячной долѣ булавочной головки; а химику какъ много понадобилось бы для этого сосудовъ и приготовлений! Если человѣческій умъ и сможетъ химически произвести вещество клѣточки, то устроить клѣточку изъ этого вещества никогда не удастся ему. «Имѣя въ виду сложность самой простой клѣточки и тотъ фактъ, что она при всѣхъ обстоятельствахъ есть работающая машина, мы должны согласиться съ тѣмъ, что разница въ величинѣ чуда была бы относительно незначительною, произошла ли бы благодаря случаю изъ химическаго образовательнаго матеріала только клѣточка, или вдругъ рыба, ворона или роза» (Рейнке).

Впрочемъ если бы и удалось приготовить механическимъ путемъ образованіе (Gebilde) со строеніемъ клѣточки, то это образованіе все еще не имѣло бы жизни. Неорганическія вещества нерѣдко производятъ формацию, въ морфологическомъ отношеніи поразительно похожую на клѣточку, но ей недостаетъ главнаго—внутренней активности, способности самосохраненія, истинной жизни. Живой организмъ похожъ не просто на лампу, но на лампу, обладающую способностью—доставлять себѣ необходимое для нея масло. Для жизни, кромѣ органическаго вещества и органической формы, «требуется еще нѣчто иное, по словамъ Гартмана, нѣчто идеальное, что обнаруживается въ храненіи и въ постоянной образовательной дѣятельности чрезъ смѣну вещества». Если и можно ожидать, что будетъ объясненъ химически процессъ самосохраненія, то этого нельзя сказать относительно его возникновенія. У приверженцевъ ученія о механическомъ происхожденіи жизни я нигдѣ не встрѣчалъ серьезной попытки объяснить, какъ могла возникнуть механически эта сила самосохраненія, составляющая основное свойство жизни.

Если будутъ твердо помнить объ удивительныхъ свойствахъ клѣточки, то уже не будутъ болѣе считать «совсѣмъ

понятнымъ» то, какъ изъ неорганическаго вещества когда-то сама собою образовалась органическая жизнь. Здѣсь нельзя ожидать помощи отъ теоріи, что «случай» есть творецъ вселенной. «Лапласъ вѣроятность того, что одинаковое направленіе планетныхъ движеній есть дѣло случая, опредѣляя какъ отношеніе 1:536870912. Сколько же нулей нужно было бы прибавить къ послѣднему числу, чтобы выразить вѣроятность случайнаго возникновенія цѣлесообразно организованныхъ существъ»? Это говорю не я, но естествоиспытатель и философъ Вундтъ. Я желалъ бы, чтобы мнѣ по совѣсти отвѣтили на вопросъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ повѣрить тому, что карманные часы или паровая машина могли развиться совершенно случайно, вслѣдствіе чисто механическихъ причинъ. Ни одинъ человекъ не можетъ допустить такой возможности! Но въ такомъ случаѣ еще менѣе возможно допустить такое возникновеніе клѣточки, потому что клѣточка есть машина безконечно болѣе тонкаго устройства. Кто отрицаетъ первое и считаетъ возможнымъ второе, тотъ не обладаетъ истинной добросовѣстностью. Во всякомъ случаѣ, говоря словами Рейнке, теорія самопроизвольнаго зарожденія погибла безнадежно. Механическія и химическія силы ни при какихъ условіяхъ не въ состояніи произвести живое существо. Такимъ образомъ матеріалистическое міровоззрѣніе падаетъ какъ карточный домикъ». Происхожденіе жизни, безъ чудеснаго воздѣйствія сознательно творящаго Бога, есть непостижимая загадка.

Но этого мало. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого вопроса исчезаетъ даже всякое правдоподобіе того, будто жизненные процессы, слѣдовательно въ особенности самосохраненіе, ростъ и распространеніе жизни могутъ быть объяснены физически-химическимъ способомъ. Большого вниманія заслуживаютъ возраженія профессора физиологической химіи Георга Бунге противъ утвержденія, будто «жизненные процессы изучены гораздо больше, чѣмъ дѣйствія неорганическихъ силъ природы». Исторія

физиологія свидѣтельствуєтъ о совершенно противоположномъ. Процессы, которые считали объяснимыми физически-химическимъ способомъ, оказываются весьма сложной природы и не поддаются никакому объясненію. Такъ прежде всего обмѣнъ вещества и силы, которымъ поддерживается самосохраненіе живыхъ существъ, есть безъ сомнѣнія химическій процессъ. Но для объясненія его недостаточно однѣхъ физико-химическихъ силъ. Клѣточка есть не только въ высшей степени сложная машина, но и машина высшаго устройства; она—не только химическая лабораторія, но еще производитъ работу какъ образованный химикъ, управляющій совершающимися въ ней химическими измѣненіями. Клѣточка всегда обнаруживаетъ самостоятельность въ своихъ реакціяхъ на данныя условія. «Стѣнки клѣточки пропускаютъ съвозъ себя только то, чего требуетъ ихъ клѣточка, сообразно съ качествомъ и количествомъ подлежащихъ ей задачъ,—пропускаютъ разное въ разныя времена и въ разномъ направленіи,—и отталкиваютъ то, что въ данный моментъ не соответствуету цѣли. Слѣдовательно это — производство выбора, а никакъ не механической процессъ. Клѣточка производитъ для себя не только рабочіе матеріалы, но даже ихъ подготовку, въ нѣкоторомъ родѣ полуфабрикаты, которые она держитъ въ запасѣ и окончательно приготавливаетъ ихъ въ тотъ моментъ, когда они бываютъ нужны ей. Слѣдовательно клѣточка есть машина высшаго качества, а не механически устроенный аппаратъ вродѣ карманныхъ часовъ или музыкальнаго ящика» (Рейнке). Какъ объяснить эту способность клѣточки? Можно указать прежде всего на такъ называемые катализаторы. Химическіе процессы ускоряются или замедляются вслѣдствіе присутствія веществъ, пребывающихъ неизмѣнными. Такія вещества называютъ катализаторами ¹⁾. И въ клѣ-

---

¹⁾ „Катализаторъ—это такое вещество, которое измѣняетъ скорость химической реакціи, не принимая участія въ конечныхъ продуктахъ

точкахъ присутствіе такихъ катализаторовъ необходимо, потому что иначе сгораніе углеродистыхъ соединеній совершалось бы слишкомъ медленно и отъ того они не были бы пригодны въ физиологическомъ отношеніи; они называются окисляющими катализаторами или оксидазами ¹⁾.— Ужели же отъ этого дѣйствительно становятся понятными тѣ таинственные процессы въ клѣточкѣ? Тогда необходимо было бы приписать разумъ этимъ катализаторамъ! Но они служатъ не болѣе, какъ средствомъ въ рукахъ «невидимаго Химика», но замѣнить Его самого они никогда не могутъ. Все это невольно приводитъ насъ къ мысли, что въ этомъ важнѣйшемъ жизненномъ процессѣ самосохраненія непрерывно проявляетъ свою дѣятельность «высшій, подобный человѣческому, Разумъ».

Само собою понятно, что то же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ жизненныхъ процессахъ, а въ особенности о половомъ размноженіи. И здѣсь встрѣчаются химическіе процессы; но все же сущность самаго явленія есть и остается непостижимой загадкой. Прежде всего непонятно, какъ при размноженіи совершается наследственная передача родовыхъ свойствъ и даже индивидуальныхъ особенностей. Уже въ яйцѣ должно быть вѣрно отпечатлѣно то и другое; потому что то и другое передается по наследству. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь цитируемая у Рейнке слова Крѣнига: «въ одномъ мѣстѣ организма мужчины образуются безчислен-

---

реакціи». *Оствальдъ*—Эволюція основныхъ проблемъ химіи пер. подъ ред. Шпитальскаго. М. 1909, стр. 220.

„Каталитическая сила состоитъ, повидимому, въ томъ, что то или другое вещество однимъ своимъ присутствіемъ, а не своимъ средствомъ можетъ разбудить дремлющія при данной температурѣ средства, такъ что вслѣдствіе этого элементы въ какомъ-нибудь сложномъ веществѣ перегруппировываются въ такой новый порядокъ, которымъ вызывается болѣе сильная электрохимическая нейтрализація“. (Тамъ же стр. 211).

¹⁾ *Оствальдъ*—Философія природы; пер. Давыдовой подъ редак. Радлова. 1903, стр. 235, лекція 15.

ныя его копїи микроскопическихъ размѣровъ—сперматозои. Въ каждой отдѣльной копїи содержится оригиналь до мельчайшихъ подробностей, хотя совершенно непостижимо, какимъ образомъ каждая малѣйшая часть тѣла могла отобразиться или получить жизнь въ мѣстѣ зарожденія копїи или лучше миллионъ копїй. Почти столь же чудесно образованіе яичекъ въ женскомъ организмѣ; потому что каждое яичко точно такъ же, очевидно, есть до ничтожнѣйшихъ мелочей вѣрная копїя оригинала. Ко всему этому теперь присоединяется еще непостижимая загадка, состоящая въ томъ, что двѣ копїи—сперматозой и яичко, соединяются другъ съ другомъ для воспроизведенія единой общей копїи двухъ данныхъ оригиналовъ, причѣмъ копїя имѣетъ больше сходства то съ однимъ, то съ другимъ оригиналомъ, но часто въ ней обнаруживается и значительное своеобразное отличіе отъ нихъ». «Какимъ образомъ сперматозой столь микроскопической величины, что въ одной кубической линїи такихъ, какъ онъ, умѣщается 500 миллионъ, достигаетъ того, что всѣ особенности отца передаются сыну» (Бунге)? И все таки дѣлали попытки—найти аналогичныя этому явленія въ неорганическомъ царствѣ. Такъ Оствальдъ говоритъ: «существуютъ напримѣръ въ южной Россїи многочисленныя озера, образовавшіяся изъ концентрированныхъ растворовъ глауберовой соли и вслѣдствіе испаренія отлагающія кристаллы. Въ лѣтнюю жару они высыхаютъ и кристаллы вывѣтриваются. Когда же потомъ осенью озера снова наполняются водой, то всегда оказываются на лицо условія для возникновенія новыхъ содержащихъ воду кристалловъ... Такъ, вслѣдствіе смѣны временъ года, происходитъ правильная смѣна поколѣній кристалловъ»¹⁾. Оствальдъ, говоря это, не хочетъ сказать, что эти сходные процессы тождественны, а желаетъ только изъ формальнаго согласованія вывести возможность соотвѣтственныхъ процессовъ въ

---

¹⁾ Тамъ же стр. 246—247.

органическомъ мірѣ и устранить мнѣніе, будто такія явленія вообще не принадлежать къ физико-химическому міру ¹⁾. Но я не вѣрю, чтобы кто-нибудь могъ серьезно увидѣть здѣсь «типическое сходство съ цѣлесообразною дѣятельностью организмовъ». И при объясненіи жизненныхъ явленій механическая теорія не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее упованій.

Наконецъ я желалъ бы обратить вниманіе еще на такъ называемую смерть отъ старости, въ отличіе отъ смерти насильственной. Въ особенности Гартманъ стоитъ на томъ, что съ чисто ватуралитической точки зрѣнія она оказывается совершенно загадочнымъ явленіемъ. Нельзя привести ни одного достаточнаго основанія въ объясненіе того, почему организмъ при полномъ здоровьѣ вдругъ начинаетъ старѣть. Стараются найти выходъ изъ этого затрудненія при помощи предположенія, что никакое саморегулированіе организма не можетъ вполне достигать своей цѣли, а потому въ концѣ концовъ всякій организмъ вслѣдствіе продолжительнаго накопленія въ немъ неправильностей (Störungen) неизбежно утрачиваетъ то состояніе, при которомъ только и возможно продолженіе жизни ²⁾. Но это въ концѣ концовъ должно было бы оказать влияніе и на состояніе цѣлаго рода и привести ко всеобщему вырожденію. Но такъ какъ этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, то упомянутое объясненіе должно быть признано ложнымъ. Съ механической точки зрѣнія старческая смерть такъ же мало объяснима, какъ и другія жизненные явленія.

Въ противовѣсъ вышеизложеннымъ выводамъ могутъ сослаться на то, что если иногда механическое объясненіе (жизненныхъ явленій) кажется намъ неудовлетворительнымъ, то все же оно не невозможно. Но есть факты, которые доказываютъ его невозможность. И прежде всего,

---

¹⁾ Тамъ же стр. 248.

²⁾ *Освальдъ*—Философія природы, стр. 236.

размноженіе организмовъ происходитъ въ необычайной прогрессіи, а умирая организмъ превращается въ ничто. Изъ этого открывается, что органическая сила не подлежитъ закону сохраненія силъ, что она вовсе не какая-нибудь энергія, но есть нечто иное. Такимъ образомъ всякое механическое объясненіе жизни является прямо не возможнымъ.

Противъ этого столь же рѣшительно говорить существованіе и другого факта; всякое механическое явленіе можетъ имѣть и обратное теченіе (umkehrbar) т.-е. возвратиться къ тому, съ чего началось. Если бы жизненные явленія были механическаго свойства, то курица напиримѣръ должна бы опять сдѣлаться яйцомъ. Но это невозможно, а слѣдовательно развитіе организмовъ никакъ не можетъ быть чисто механическимъ процессомъ. Знаменитый физикъ Оствальдъ поэтому имѣлъ право сказать: «утвержденіе, будто всѣ явленія природы легко могутъ быть отнесены къ явленіямъ механическимъ, никакъ не можетъ быть названо даже на что-нибудь пригодной рабочей гипотезой (als brauchbare Arbeitshypothese) ¹⁾; оно не болѣе, какъ грубое заблужденіе». Это неоспоримо. Попытка объяснить жизненные процессы только механическими причинами оказывается совершенно несостоятельной въ научномъ отношеніи.

Ожидаетъ разсмотрѣнія еще третій вопросъ: не можетъ ли быть признано состоятельнымъ, по крайней мѣрѣ, механическое объясненіе различія видовъ? Самъ Дарвинъ допускалъ мысль, что зародышъ всякой жизни созданъ Богомъ; но дальнѣйшее развитіе этого зародыша, по его мнѣнію, можетъ быть объяснено механически. Возможно ли это?

---

¹⁾ Рабочая гипотеза (Arbeitshypothese, working hypothesis) есть „временное принятіе опредѣленныхъ возможностей изъ бездны неизвѣстнаго, допускаемое какъ средство для научныхъ изслѣдованій“. Оствальдъ. „Философія природы“, стр. 155.

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ необходимо отдѣлить ученіе объ общемъ происхожденіи видовъ (Descendenztheorie) отъ дарвинизма въ собственномъ смыслѣ, отъ ученія объ естественномъ подборѣ чрезъ борьбу за существованіе (Selectionslehre). Величіе Дарвина въ томъ именно и полагаютъ, что онъ для происхожденія видовъ, признаваемого и другими, открылъ механической принципъ развитія, а именно отборъ (Selection). Поэтому прежде всего я ставлю вопросъ: удалось ли дѣйствительно обосновать эту теорію происхожденія (Descendenztheorie)? Доказательства въ пользу ея очень слабы. Никакому сомнѣнію не подлежитъ тотъ фактъ, что переходъ одного вида въ другой ни разу не былъ подтвержденъ точными доказательствами. «Непосредственный опытъ не указалъ ни одного случая дѣйствительнаго преобразованія несомнѣннаго вида въ другой», говоритъ Э. Гартманъ. И не какой-нибудь незначительный ученый, а самъ Вирховъ утверждаетъ: «ни разу не удалось прослѣдить преобразование одной расы въ другую. Негръ остается негромъ и въ Америкѣ, а европейскій поселенецъ остается европейцемъ и въ Австраліи». Такимъ образомъ общее происхожденіе видовъ— не фактъ, но гипотеза.

И доказательства въ пользу ея совершенно недостаточны. Геккель утверждаетъ, что какъ яйцо, такъ и сперма человѣка совершенно сходны съ яйцомъ и спермой остальныхъ млекопитающихъ; тоже слѣдуетъ сказать объ ихъ эмбрионахъ на первыхъ стадіяхъ ихъ развитія. Этотъ фактъ можетъ быть объясненъ только предположеніемъ о происхожденіи ихъ отъ одной общей родовой формы. На основаніи этого онъ развилъ потомъ извѣстный биогенетическій основной законъ: исторія зародыша есть краткое повтореніе исторіи рода. Но въ настоящее время Гофмейстеръ открылъ уже 125 различныхъ видовъ бѣлковины! По всей вѣроятности, это говоритъ въ пользу того, что у всякаго вида бѣлковина отличается своими особыми свойствами. Точно такъ же и строеніе клѣточки у разныхъ

видовъ существенно различно, такъ что спеціалисты эмбриологии, подобно Либеркюну, рѣшаются утверждать: «смѣшайте въ сосудѣ всякаго рода эмбрионы, и я о каждомъ изъ нихъ скажу вамъ, какого онъ происхожденія». Но эти слова не болѣе, какъ самообольщеніе автора. «Все неразвившееся, несовершенное должно быть болѣе или менѣе похожимъ одно на другое», справедливо говоритъ Грабовскій. Такимъ образомъ это доказательство въ пользу происхожденія видовъ отъ одного общаго корня падаетъ само собою.

Столь же мало говорило бы въ пользу кровнаго родства и то, если бы въ животномъ царствѣ былъ одинъ общій образецъ тѣлеснаго строенія; потому что сходство развитія очень возможно и при различіи исходныхъ пунктовъ. Сама природа даетъ намъ доказательства того, что это возможно. «И царство минераловъ въ различныхъ формахъ кристаллизаціи показываетъ намъ типы, которые точно такъ же, какъ и органическіе типы, по степенямъ своего сродства располагаются въ естественную систему, но все же никому не придетъ на умъ — на этомъ основаніи думать о генеалогическомъ возникновеніи сложнѣйшихъ типовъ изъ болѣе простыхъ» (Э. Гартманъ). Идейное сродство не то же, что сродство генеалогическое. Поэтому-то и сродство формъ тѣла обезьяны и человѣка никакъ не можетъ служить доказательствомъ происхожденія ихъ отъ одного корня или кровнаго родства между ними, точно такъ же, какъ и тотъ фактъ, что возможно кровосмѣшеніе между шимпанзе и человѣкомъ. Онъ доказываетъ только сходство ихъ между собою, но не происхожденіе ихъ обоихъ одного изъ другого. Впрочемъ въ настоящее время наука различаетъ 17 разныхъ типовъ животнаго царства. Попытки—произвести ихъ отъ одного общаго образца, по мнѣнію очень многихъ естествоиспытателей, оказались совершенно неудачными. Хотя Геккель въ своихъ популярныхъ сочиненіяхъ все еще продолжаетъ утверждать: «теперь въ нашихъ рукахъ дѣйствительно на-

ходятся всѣ главные документы относительно нашей родословной»; но въ своихъ научныхъ произведеніяхъ онъ выражается гораздо осторожнѣе; здѣсь онъ говоритъ: «само собою разумѣется, что наша родословная во всѣхъ своихъ частяхъ есть зданіе, построенное изъ гипотезъ». Но и тутъ сказано слишкомъ много. Вирховъ въ 1892 г. заявилъ: «всѣ усилія—найти непрерывную послѣдовательность между восходящими ступенями развитія отъ животнаго до человѣка, оказываются напрасными. Нѣтъ на самомъ дѣлѣ никакого проантропоса, никакого человѣка-обезьяны. Missing link (недостающее звено) оказалось созданіемъ воображенія». Уже построеніе этой родословной есть дѣло очень сомнительное, какъ это доказалъ въ особенности зоологъ Флейшманъ. Приверженцы эволюціонной теоріи свои главныя доказательства въ ея пользу находятъ благодаря тому, что они сравниваютъ между собою только отдѣльные члены тѣла, а не все его строеніе. Такъ постепенность развитія лошадинаго копыта изъ ноги о пяти пальцахъ въ ногу съ однимъ пальцемъ представляется очень яснымъ; но какъ только при сравненіи обращаютъ вниманіе и на черепа животныхъ, то сейчасъ же становится очевиднымъ, что переходъ отъ одного къ другому невозможенъ.

Такимъ образомъ доказательства въ пользу теоріи эволюціи (*Abstammungslehre*) оказываются очень не достаточными. Но несмотря на это почти всѣ естествоиспытатели придерживаются ея, потому что въ ней все еще много очень правдоподобнаго, какъ и потому еще, что давнишнее понятіе о видѣ слилось съ современнымъ естествознаніемъ.

Но при такомъ положеніи дѣла никто не можетъ заподозрить въ ненаучности того, кто рѣшился бы отвергнуть ученіе объ эволюціи во всемъ его объемѣ; вѣдь въ пользу этого ученія нѣтъ ни единого неопровержимаго доказательства! И все-таки, съ религіозной точки зрѣнія, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія протестовать противъ

этого ученія о развитіи. Начало и продолженіе всякаго бытія и развитія мы приписываемъ Богу; больше этого здѣсь намъ ничего не можетъ сказать религіозное сознаніе. *Какъ* Богъ совершалъ это развитіе, относительно этого вѣра не сообщаетъ намъ никакихъ разъясненій. Каждый ли отдѣльный организмъ Богъ образовывалъ изъ неорганическаго вещества, или же Онъ производилъ одинъ организмъ изъ другого,—это съ религіозной точки зрѣнія совершенно безразлично.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Нравственное и обрядовое ученіе православной Церкви по памятникамъ патриаршей письменности.

Переходя къ опредѣленію свойствъ и особенностей патриаршей письменности, равно относящихся ко всѣмъ родамъ ихъ литературной дѣятельности, нельзя не отмѣтить того, что во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ излагается главнымъ образомъ нравственное и обрядовое ученіе христіанской церкви, какъ болѣе соотвѣтствующее и общему религіозно-нравственному настроенію самихъ патриарховъ и данной степени развитія того общества, къ которому обращались они въ своихъ пастырскихъ наставленіяхъ и увѣтахъ. Въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, упрекая всю нашу древнюю духовную письменность за ея крайнее пристрастіе къ внѣшней сторонѣ религіи—къ обрядамъ и къ правиламъ чисто практической жизни и дѣятельности—дѣлаютъ, конечно, кощунный упрекъ и патриаршей письменности⁵¹⁾. Дѣйствительно, раскройте любое сочиненіе русскихъ патриарховъ, и вы увидите, къ чему главнымъ образомъ направлялись всѣ ихъ мысли и стремленія. Такъ, первый русскій патриархъ Іовъ, на первыхъ же страницахъ своего посланія

---

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую книжку *Душеп. Чит.* за 1910 г.

⁵¹⁾ Кіевскія Универс. Извѣстія 1869 года.

къ Грузинскому митрополиту Николѣ⁵²⁾, желая, повидимому, познакомить грузинскихъ христіанъ съ первыми и основными истинами христіанскаго вѣроученія, касается, однако, и почти исключительно одной лишь обрядовой стороны христіанства. «Многа и различна устроенія, говоритъ онъ, чины же и уставы, правила и законы отъ божественныхъ апостолъ пріять св. церкви. Та же по апостолѣхъ богоноснїи отцы много предаша и наверхиша св. соборнѣй и апостолѣстѣй церкви. Подобнѣ чины и устроенія и весь уставъ христіанскїй, и на поставленіе патріархомъ молитвы, и уставы, и чины, и расчиненія, и предѣлы кождо ихъ, и мѣста, и сѣдалища митрополитомъ, и архіепископомъ и т. д. Молитвы на крещеніе, еже отрицатися сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и на обрученіе, и на вѣнчаніе, и на покаяніе, и на причащеніе животворящаго тѣла и т. п. Пѣсни же и пѣнія, и сѣдалны, тропари и кондаки, и степенны и всенощные уставы, и пѣнія Господнимъ праздникомъ... Посты же и моленія, и поклоненія животворящему кресту и честнымъ и святымъ иконамъ, начертанія же письмены и иными вещами въ святыхъ церквахъ и на священныхъ сосудѣхъ... Изображенія Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Матери... Сихъ завѣщаша писати и покланятися имъ и божественному Евангелію, и священнымъ сосудомъ и священнымъ божественнымъ храмомъ... «Сія есть вѣра», заключаетъ патріархъ, св. апостолъ, яже научени быша отъ Бога»⁵³⁾.

Немного отвлеченныхъ истинъ высказалъ патріархъ Іовъ и тогда, когда опровергалъ различныя еретическія ученія. Смотри на дѣло съ своей точки зрѣнія, онъ и здѣсь останавливался главнымъ образомъ на внѣшнихъ и обрядовыхъ сторонахъ еретическаго ученія, осторожно обходя все то, что требовало болѣе отвлеченныхъ

⁵²⁾ Рукопись Соф. Библ., № 1475.

⁵³⁾ *Христіанское Чтеніе* 1869 г., № 11, стр. 871 и 872. Рукоп. Соф. Библ., № 1475.

суждений объ истинахъ христіанскаго вѣроученія. Чтобы короче познакомиться съ общимъ духомъ его сочиненій, нужно прочесть лишь нѣсколько строкъ изъ того же посланія патріарха къ Грузинскому митрополиту Николѣ, гдѣ онъ подводитъ какъ бы итогъ своимъ сужденіямъ объ ересяхъ, волновавшихъ тогда Христову церковь ⁵⁴).

Не менѣе характерно въ этомъ отношеніи и поученіе патр. Іосифа: оно такъ же, какъ и посланіе Іова, согрѣто чувствомъ живой любви къ вѣрнымъ, и такъ же богато правилами христіанской нравственности съ очень подробнымъ изложеніемъ ученія объ обрядахъ церковныхъ. Здѣсь прежде всего онъ предостерегаетъ вѣрующихъ отъ іудейскихъ обычаевъ (8 стр.), предлагаетъ священникамъ правила—кого нужно отлучать отъ церкви и на какое время (13 стр.); заповѣдуетъ исполнять церковное пѣніе со страхомъ, по чину и уставу, входить въ церковь и особенно въ алтарь, примирившись съ врагами; запрещаетъ простымъ людямъ, кромѣ параклетиарха, входить во святой алтарь; совѣтуетъ во время молитвы не озираться вспять и о земномъ не мыслить въ часъ той (стр. 14 и 15). Далѣе священникамъ заповѣдуетъ не носить красныхъ ризъ и короткаго платья; причащать людей заповѣдуетъ отъ чаши владычни и не собирать для причащенія вся части: Христову и Богородицыну, и Предтечеву, и заздравныя и заупокойныя; на божественной службѣ брать тремя перстами обѣихъ рукъ часть съ дискаса пречистаго тѣла Христова едину, а не вси, и возносить мало, и творить надъ дискомомъ крестъ осѣненіемъ, глаголя: «вонемъ! святая святымъ» (41—43 стр.); чашу омыватъ укропомъ и отирать губою часто, трижды... да не осквернитъ муха даровъ или мышъ; аще ли что отъ нихъ вкусить отъ небреженія іерейскаго, то осудится вельми въ будущій вѣкъ. Молитвы заповѣдуетъ патріархъ читать не поспѣшно («съ

⁵⁴) *Христіанское Чтеніе* 1869 г., № 11, стр. 877 и 878.

бораостію»), но съ кротостію, внятно и чинно ⁵⁵⁾). Изложениемъ догматическихъ истинъ христіанскаго вѣроученія въ тѣсномъ смыслѣ поученіе патріарха Іосифа вообще очень небогато. Только въ самомъ началѣ этого поученія онъ излагаетъ довольно обстоятельно права и обязанности священнаго сана, касаясь уже не одной только внѣшней, но и внутренней стороны этого служенія ⁵⁶⁾).

Есть, наконецъ, нѣсколько сочиненій русскихъ патріарховъ съ исключительно нравственнымъ содержаніемъ, въ которыхъ подробно начертаны правила жизни и дѣятельности вѣрующихъ. Лучшимъ образцомъ въ этомъ родѣ можетъ служить поученіе патріарха Адріана о должностяхъ каждаго чина ⁵⁷⁾), гдѣ съ полною тщательностію прослѣжены патріархомъ всѣ стороны жизни и дѣятельности человѣка во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ. Этимъ же нравственно назидательнымъ характеромъ отличаются и тѣ поученія патріарха Іоакима, которыя онъ предлагалъ своей паствѣ при извѣстныхъ болѣе или менѣе важныхъ событіяхъ въ исторической жизни народа ⁵⁸⁾).

Правда, въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ вообще не встрѣчается уже такихъ мелочныхъ подробностей касательно обрядовъ и правилъ христіанской нравственности, какія встрѣчаются, напр., въ знаменитыхъ вопросахъ Кирика, писателя XII вѣка, въ Домостроѣ Сильвестра, въ постановленіяхъ Стоглаваго собора и т. п. ⁵⁹⁾. Тѣмъ

⁵⁵⁾ Поученіе патр. Іосифа къ духовному и мірскому чину.

⁵⁶⁾ Поученіе патр. Іосифа къ духовному чину, стр. 1—5.

⁵⁷⁾ Рукоп. Соф. Библ., № 1503.

⁵⁸⁾ Рукоп. Соф. Библ., № 1504. Поученіе патр. Іоакима въ напествѣ варваръ весьма замѣчательно также по глубинѣ чувства и красотѣ рѣчи. Ibidem.

⁵⁹⁾ Кіевскія Универс. Извѣстія 1869 г. Въ нашей древней духовной письменности вообще очень часто встрѣчаются указанія на такіе казуистическіе вопросы, которые никогда не имѣли и не могли имѣть серьезнаго значенія въ практической жизни и дѣятельности народа. Такъ, преподобный Θεодосій, въ своемъ поученіи къ народу говоритъ, между прочимъ, и о томъ, что „вутью установлено благословлять въ

не менѣе, главная тема, главная мысль, проходящая чрезъ всѣ роды патріаршей письменности — это нравственность и обрядъ въ самыхъ разнообразныхъ приложеніяхъ къ жизни и дѣятельности человѣка. Предъ взоромъ патріарховъ-писателей всегда, какъ замѣтно, предносился свѣтлый и возвышенный идеаль жизни человѣка-христианина; они сличали этотъ идеаль съ наличнымъ уровнемъ нравственной жизни своихъ пасомыхъ и, замѣчая въ ней много несогласнаго съ этимъ идеаломъ, направляли всѣ силы своего ума и сердца къ тому, чтобы, путемъ цѣлаго ряда нравственныхъ наставленій, предлагаемыхъ вмѣстѣ съ подробнымъ ученіемъ объ обрядахъ церковныхъ, дать нравственной жизни своихъ пасомыхъ новое направленіе и указать болѣе вѣрный путь къ послѣдующему ихъ нравственному усовершенствованію.

Съ этой точки зрѣнія литературная дѣятельность русскихъ патріарховъ, несмотря на свой исключительно нравственно-обрядовой характеръ, можетъ быть разсматриваема какъ письменность, вполне отвѣчающая нуждамъ и запросамъ времени и того общества, для котораго писали свои посланія русскіе патріархи. Важность ихъ письменности въ этомъ отношеніи опредѣляется не столько ея литературнымъ достоинствомъ, сколько полной удобопримѣнностью ея къ условіямъ и требованіямъ общественной жизни того времени и общественной дѣятельности. И въ

честь и похвалу святымъ, а не въ оставленіе грѣховъ; что обѣдъ и ужинъ за упокой благословлять не установлено, равно какъ приставлять къ кутьѣ воду или класть на кутью яйца“. Θεодосій запрещаетъ также пѣть тропари во время пира за чашами, развѣ только три: одинъ во славу Христа Бога, въ началѣ обѣда, другой во славу Дѣвы Маріи, въ концѣ обѣда, третій за здравіе Государя; „а болѣе не позволяемъ“, говоритъ онъ. Такимъ же характеромъ запечатлѣны и нѣкоторыя частныя наставленія его инокамъ касательно хожденія въ церковь. Исторія Макарія, т. II, стр. 97. Въ посланіи къ великому князю Изяславу преподобный Θεодосій очень серьезно отвѣчаетъ на предложенный ему вопросъ о томъ, можно ли въ день воскресный, еже есть недѣля, закалать вола или овна... и ѣсть ихъ мясо.

самомъ дѣлѣ, можно ли судить о достоинствѣ какъ всей вообще древней церковной письменности, такъ въ частности и о достоинствѣ письменности русскихъ патріарховъ безъ ближайшаго сопоставленія ея съ нравственной жизнію, съ извѣстнымъ складомъ взглядовъ и понятій того христіанскаго общества, среди котораго жили патріархи и къ которому они обращались съ своими совѣтами и наставленіями. Какой бы то ни было историческій фактъ, оторванный отъ жизни и взятый внѣ связи съ предшествующими и послѣдующими за нимъ фактами, едва ли можетъ быть обыслѣдованъ съ должной полнотою. Это же слѣдуетъ сказать и о патріаршей письменности. То, что можетъ показаться въ ней слабою и блѣдною стороною при однихъ требованіяхъ критическаго анализа, при другихъ — можетъ представиться въ совершенно иномъ свѣтѣ и получить совершенно другое значеніе, искупающее всѣ кажущіеся въ этой письменности недостатки и односторонности. Жизнь воспитываетъ людей, жизнь ставитъ имъ тѣ или другія задачи для рѣшенія; жизнь же устанавливаетъ и то направленіе, которому неизбѣжно слѣдуютъ умы при рѣшеніи этихъ задачъ, при выполненіи данныхъ требованій. Но какова же была русская религіозно-нравственная жизнь въ то время, когда изъ-подъ пера русскихъ патріарховъ появлялись время отъ времени памятники ихъ скромной литературной работы?

Религіозно-нравственное состояніе общества въ періодъ жизни и дѣятельности русскихъ патріарховъ.

Не особенно привлекательными чертами изображаютъ русскую жизнь XVII вѣка наши русскіе историки. Они называютъ этотъ періодъ такимъ временемъ, когда самыя отстадыя умы, почти довольные тѣми условіями, среди которыхъ развивалась русская жизнь въ XVII столѣтіи, искали какого бы то ни было выхода изъ того замкнутаго положенія, изъ тѣхъ нездоровости и недоразвитости, которыя, какъ кошмаръ, душили русское общество. Ум-

ственные, нравственные и религіозныя понятія людей были до такой степени узки и односторонни, что полная картина тѣхъ взглядовъ и понятій, которые въ XVII вѣкѣ составляли сумму всего знанія, представляется почти невѣроятной. Застой, коснѣніе, узкость умственного горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимають человека надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ окружающую его нравственную атмосферу, удваиваютъ его умственныя и нравственныя силы, — однимъ словомъ полный недостатокъ просвѣщенія характеризуетъ наше общество XVII вѣка ⁶⁰⁾. Знаменитый сербъ Крижаничъ въ своихъ «Политичныхъ Думахъ» такъ писалъ о нравственномъ состояніи общества въ его время: «Расплодился въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству и т. п. Нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины, женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умирають». Крижаничъ сравниваетъ русскихъ съ турками и говоритъ, что русскимъ у турокъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. «Эти невѣрные не менѣ насъ грѣшатъ противоестественнымъ грѣхомъ, говоритъ онъ; но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не станетъ имъ хвастаться, ни упрекать другого» ⁶¹⁾. Слѣдовательно, у насъ въ Россіи этотъ грѣхъ считался почти обычнымъ, не вызывающимъ у многихъ даже естественнаго чувства стыдливости. Всѣмъ хорошо извѣстны тѣ

⁶⁰⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII.

⁶¹⁾ „Читая описаніе этихъ язвъ у нашего серба, замѣчаетъ Соловьевъ въ своей Исторіи, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровью при исполненіи печальнаго долга обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобы обличать; при обличеніи онъ предлагалъ и соотвѣтствующія къ исправленію зла средства. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII.

грустные выводы, къ кагимъ пришелъ Крижаничъ, изучивши русскую жизнь своего времени въ такихъ мрачныхъ подробностяхъ. Подобно ему говорить о нравственномъ состояніи русскаго общества XVII вѣка и Симеонъ Полоцкій: «умножилась въ людѣхъ злоба, жаловался онъ, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство и вельпыя игрища, грабежи, хищенія и т. п.» ⁶²⁾.

Голштинскій ученый, Адамъ Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ 1634—1636 гг., жалуется на грубость русскихъ и на ихъ чрезмѣрную склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, даже противоестественнымъ порокамъ ⁶³⁾. Онъ отдаетъ полную справедливость умственнымъ способностямъ и ловкости русскихъ въ дѣлахъ, но жалуется на ихъ лживость ⁶⁴⁾. Ученый англійскій докторъ, Самуилъ Коллинсъ, бывшій восемь лѣтъ врачомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ ⁶⁵⁾ и въ 1666 году возвратившійся въ Англію со многими подарками и похвальнымъ аттестатомъ, такъ писалъ о состояніи русскаго народа въ XVII вѣкѣ: «Онъ совершенно преданъ невѣжеству, не имѣетъ никакой образованности ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ дѣлахъ и наукъ боится, какъ огня, видя въ нихъ чудовище. Въ церкви у нихъ пять или шесть человекъ читаютъ громко въ одно и то же время: одинъ посланіе, другой псаломъ, третій молитву и т. д.» ⁶⁶⁾. Дру-

⁶²⁾ См. въ Словарѣ писателей духовнаго чина о Симеонѣ Полоцкомъ. *Православное Обзорніе* 1860 г., № 10 и 11.

⁶³⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. IX.

⁶⁴⁾ Онъ же рассказываетъ, что въ первый день праздника Пасхи (въ Москвѣ), послѣ обѣдни, кабаки наполнились народомъ, духовными и свѣтскими, мужчинами и женщинами; на улицахъ валялись пьяные; утромъ на другой день подняли много мертвыхъ. *Ibidem*.

⁶⁵⁾ Чтеніе въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846 годъ, № 1. Въ Россію онъ прибылъ, какъ полагаютъ, въ 1659 году, съ царскимъ комиссаромъ Гебдономъ, посланнымъ въ Голландію и другія государства, пригласить на царскую службу врача, аптекаря, офицеровъ и разныхъ художниковъ. *Ibidem*.

⁶⁶⁾ Чтеніе въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1846 г., № 1.

гой иностранный писатель, нѣмецъ Шаумъ, говоритъ съ еще большимъ пренебреженіемъ о нравахъ и обычаяхъ русскаго народа: «русскіе всѣхъ на свѣтѣ грѣшнѣе (подлинныя слова этого писателя) по причинѣ своего законнаго суевѣрія и безбожія. Ибо, хотя они и заняли нѣчто у грековъ отъ истинной христіанской вѣры, но, подѣ видомъ и именемъ христіанъ, остаются прямыми варварскими язычниками⁶⁷⁾. То-то христіане! Въ церквахъ у нихъ всегда шумъ, да гамъ, безъ ума и безъ порядка; да и «Отче нашъ» они прочитать не умѣютъ; не говорю уже о другихъ заповѣдяхъ, или о другихъ частяхъ св. катехизиса»⁶⁸⁾. Иностранные писатели вообще даютъ самыя неелестныя отзывы о русскомъ народѣ и, къ сожалѣнію, нѣтъ основаній заподозривать ихъ въ намѣренной клеветѣ на чуждый имъ русскій народъ; такъ какъ и наши отечественные писатели XVII вѣка говорятъ почти то же самое объ умственномъ и нравственномъ состояніи современнаго имъ общества⁶⁹⁾. Такъ, мы имѣемъ, напр., пѣвый рядъ замѣчательныхъ грамотъ патріарха Іосифа, гдѣ онъ въ поразительныхъ чертахъ изображаетъ различныя безпорядки и нестроенія въ жизни современнаго ему общества; подробно описывая поведеніе христіанъ въ церквахъ, монастыряхъ и въ частной домашней жизни⁷⁰⁾.

⁶⁷⁾ Шаумъ участвовалъ въ походахъ шведовъ на Россію и потому говоритъ обо всемъ, какъ очевидецъ. Чтеніе въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1847 г., № 2.

⁶⁸⁾ Опускаемъ возмутительныя подробности о нравахъ русскаго народа, по свидѣтельству Шаума. Эта одна изъ самыхъ мрачныхъ картинъ нашего прошлаго. Можно думать, что этотъ ученый нѣмецъ видѣлъ лишь нѣсколько частныхъ случаевъ грубой безнравственности русскихъ и поспѣшно вывелъ отсюда общее о нихъ заключеніе. *Dona, Deus!* Любопытный можетъ подробно познакомиться съ сочиненіемъ Шаума изъ перваго источника. Чтеніе въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1847 г., № 2.

⁶⁹⁾ Русское государство въ половинѣ XVII в. Крижанича (Политичныя Думы). Котошихинъ о состояніи русскаго общества въ XVII вѣкѣ.

⁷⁰⁾ См. также его поученія ко всѣмъ христіанамъ. Акты Экспедиціи, IV т., стр. 481—487.

«Во время христіанскаго богослуженія, гсворить патріархъ, отъ крику и писку прокураторовъ, которые ходять по церквамъ съ образы и съ блюды, и съ целенами милостыни просить, православнымъ христіаномъ божественнаго чтенія и пѣнія не слышать; да тѣ жъ въ церкви Божіи приходять, аки разбойники, съ палки, а подь тѣми палки у нихъ бывають копейца желѣзныя, и бываетъ у нихъ межъ собой драка до крови и лая (ругань) смрадная; а по Господню словеси, нищимъ велѣно просить стоя внѣ церкви, у церковныхъ дверей и т. п.»⁷¹⁾. «Нѣціи же точію имя христіанское на себѣ носяще, а окаяннѣ дьяволомъ омрачени суть и поспѣхомъ его обдержими, и въ влятвы, и въ хулы, и въ нечестія, и въ тѣлесныя нечистоты себе ввергше, и самому естеству безстуднѣ, творять чрезъестественное беззаконіе, садомскую реку пагубу, ея же и въ безсловесныхъ нѣсть; ходять забывше вышній страхъ и муку, уготованную нечестію, ея же и самъ сатана трепещеть, а сіи нечествуютъ»... «Страны на ны смущаются, хулою о насъ низводятся; мы же сами собою исчезаемъ нестроенія ради и другъ другу несовѣтія ради, понеже погубихомъ крѣпкую, еже о Бозѣ, мудрусть, отъидохомъ отъ добра и проч., и проч.»⁷²⁾. По первому впечатлѣнію, какое получается при чтеніи этихъ строкъ, кажутся почти невѣроятными описываемые патріархомъ нравственные недостатки общества; но это первое впечатлѣніе скоро изглаживается, и читатель невольно чувствуетъ полную достовѣрность приведенныхъ словъ святителя,— чувствуетъ, что предлагаемая имъ, послѣ этихъ суровыхъ обличеній, нравственные правила были въ устахъ русскаго пастыря не сухой отвлеченной доктриной, высказываемой имъ на всякій случай, какъ предохранительная мѣра отъ возможныхъ въ будущемъ пороковъ и престу-

⁷¹⁾ Ibidem. Стр. 481. Сравни рассказы Шаума о богослуженіи русскихъ.

⁷²⁾ Поуч. патр. Іосифа христіолюбивымъ княземъ и судіямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Стр. 16 и 22.

пленій, но чисто практическимъ требованіемъ, вызваннымъ самою жизнію русскаго народа, тѣмъ глубокимъ нестроеніемъ общества, какого мы имѣли уже случай коснуться.

И въ своемъ временномъ отвѣтѣ на этотъ запросъ, произведенномъ истинною пастырскою любовью и полнымъ большою внутренней силы и значенія, заключается, нѣтъ сомнѣнія, великая заслуга русскихъ первосвятителей. «Время своихъ слугъ поставляетъ», говоритъ митрополитъ Фотій, и потому было бы несправедливо требовать отъ русскихъ патріарховъ какихъ бы то ни было научно-богословскихъ изслѣдованій въ такое время, когда все вниманіе ихъ останавливалось почти исключительно на различныхъ, вкравшихся въ церковь и общество, злоупотребленіяхъ и порокахъ. Не отозваться же на эти нужды и запросы времени, не ослабить, насколько возможно, указанныхъ нестроеній и безпорядковъ въ жизни русскаго общества,—это значило бы оставить церковь и отечество на расхищеніе и гибель. Время патріаршества было временемъ вѣдшаго благоустроенія и упорядоченія жизни церковной, и потому самое лучшее, что могли сдѣлать патріархи для русскаго народа своими письменными трудами, было именно то, что они сдѣлали. Когда человекъ нуждается еще въ самомъ необходимомъ, когда онъ не имѣетъ чѣмъ утолить свой голодь и жажду, то едва ли цѣлесообразно было бы предлагать ему хотя и пріятныя, но не необходимыя для него лакомства. Точно то же и въ вопросахъ нравственной жизни человека! Когда общество мало еще знакомо съ самыми элементарными понятіями религіи и нравственности христіанской ⁷³⁾, когда оно не умѣетъ еще сознательно отличить добра отъ зла, правой руки отъ лѣвой и т. п. ⁷⁴⁾, тогда едва ли уже умѣстно

⁷³⁾ Tragoedia Demetrio-Moscovitica. Чт. въ Общ. Исторіи, 1847 г., № 2.

⁷⁴⁾ Ibidem. стр. 1. Исторія Россіи Соловьева, т. XIII.

предлагать ему тѣ или другія свѣдѣнія объ отвлеченныхъ истинахъ христіанской религіи, мало постижимыхъ даже и для самаго опытнаго и сильно развитого разсудка. Конечно, основныя христіанскія истины должны необходимо лежать въ основаніи вѣры и надежды каждаго истиннаго сына церкви; безъ знанія этихъ истинъ религіозно-нравственная жизнь человѣка является часто очень шаткой и неустойчивой, какъ бы сильно ни управляло имъ его нравственное чувство. Но столько же, если еще не болѣе, вѣрна и та мысль, что постиженіе основныхъ догматовъ вѣры, обоснованное на болѣе или менѣе сознанныхъ данныхъ, возможно только для человѣка, приготовленнаго къ этому долгимъ и серьезнымъ развитіемъ. Но возможно ли считать подготовленнымъ къ этому русское общество XVII вѣка, хотя бы и въ лицѣ болѣе просвѣщенныхъ его членовъ? Была ли тогда почва для обильнаго сѣянія тайнъ вѣры,—почва, на которой насажденная христіанская истина могла бы принести плодъ сторицею, не порастая терніемъ на разореніе и погибель церкви ⁷⁵⁾? Замѣчательный дѣятель въ исторіи русской церкви, Максимъ Грекъ, былъ хорошо знакомъ съ отвлеченными богословскими истинами; во хорошо зная степень умственного и нравственного развитія русскаго народа, и онъ, какъ показываютъ его сочиненія, не считалъ своею первою обязанностію развивать въ своихъ сочиненіяхъ исключительно «основные вопросы» жизни и дѣятельности христіанина, отвлеченныя догматическія понятія. Главное свое вниманіе онъ также сосредоточивалъ на частныхъ правилахъ жизни и поведенія христіанъ, въ чемъ общество того

---

⁷⁵⁾ Исторія русскаго раскола подтверждаетъ эту мысль весьма ясно. То бурное религіозное движеніе, которое вызвано было, повидимому, очень незначительною реформой въ устройствѣ русской церкви, показываетъ, какъ осторожно нужно было обращаться съ тѣми традиционными взглядами и понятіями русскихъ людей XVII в., въ которыхъ ихъ воспитала сама жизнь, давшая то, а не другое направленіе русской мысли.

времени прежде и больше всего нуждалось ⁷⁶⁾). Въ исторіи русской церкви XVI и XVII вв. было нѣсколько лицъ, значительно возвышавшихся надъ современнымъ имъ обществомъ. Они не довольствовались уже исполненіемъ одной обрядовой стороны религіи, но хотѣли войти въ духъ ея, узнать сокровеннѣйшія таинства христіанскаго вѣроученія ⁷⁷⁾).

Но многіе ли изъ нихъ находили тогда возможнымъ ратовать за истинный и животворный смыслъ христіанскаго вѣроученія противъ излишней привязанности всѣхъ къ религіозной внѣшности и обрядамъ? Даже пастыри церкви того времени не были настолько развиты и знакомы съ догматическими истинами христіанской вѣры, чтобы разумно понимать и прилагать ихъ къ практикѣ своей жизни и своей пастырской дѣятельности. Поэтому, когда патріархъ Іосифъ, обличая современное ему общество въ разныхъ порокахъ и преступленіяхъ, говоритъ, что «чистители іерей, приставницы, таковыхъ вѣдуще въ себѣ, не

⁷⁶⁾ Митроп. Евгеній говоритъ о сочиненіяхъ Максима Грека, что въ нихъ находится весьма много свѣдѣній о современныхъ ему въ Россіи предрасудкахъ и порокахъ во всѣхъ званіяхъ, и что онъ, при христіанскомъ смиреніи, вездѣ былъ строгъ противу злоупотребленій и развратовъ своего времени, часто даже до „негодованія и ожесточенія“. Словарь писателей духовнаго чина, т. II, стр. 33.

⁷⁷⁾ Къ разряду такихъ людей прежде другихъ нужно причислить Матвея Башкина, Троицкаго игумена Артемія, Порфирія (также игумена), Феодорита Кольскаго и Іоасафа Бѣлобаева, монаха Соловецкаго монастыря, которые не хотѣли уже довольствоваться одними обрядами религіи, но старались проникнуть въ самую сущность ея, узнать то, что кроется въ христіанствѣ за тѣми внѣшними формами христіанской жизни и богослуженія, въ которыхъ нѣкоторые поставляли всю сущность вѣры и благочестія. Кому не извѣстны продолжительныя и жаркія бесѣды Башкина съ попомъ Симеономъ (его духовникомъ) о духѣ Евангелія, о христіанской любви, свободѣ и т. п., бесѣды, за которыми высказано было такъ много глубокаго пониманія истиннаго смысла христіанской религіи и такъ много благочестиваго чувства и ревности по вѣрѣ. См. Русс. Проповѣдничество въ XV и XVI вв.

исправляютъ и не обличаютъ; стражіе, дѣлатели винограда Божія, область пріимше искореняти и насаждати, не дѣчатъ и не исправляютъ, и не возстаютъ по Возѣ, ревнуя за истину⁷⁸⁾, то въ его голосѣ слышится не просто упрекъ іереямъ въ небреженіи къ своему высокому дѣлу, по лѣности или по нежеланію служить нуждамъ своихъ пасомыхъ, но скорѣе слышится жалоба на недостатки религіознаго развитія самихъ іереевъ, вслѣдствіе чего они не могли уже быть полезными хранителями вертограда Христова. Если же и священники были въ то время мало знакомы съ отвлеченно-богословскими истинами христіанской вѣры, если они нуждались еще въ первоначальномъ на этотъ предметъ наставленіи⁷⁹⁾, то что сказать объ остальныхъ вѣрующихъ? Съ исторической точки зрѣнія, достоинство литературныхъ памятниковъ измѣряется не тѣмъ только, могутъ ли они удовлетворить требованіямъ современной намъ критики, но ихъ болѣе или менѣе близкимъ отношеніемъ къ жизни и понятіямъ именно того общества, для котораго они написаны. А съ этой стороны письменность русскихъ патріарховъ можетъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ. Въ ней высказано все-то, что было подготовлено русской жизнію въ теченіе не одного, не двухъ, не трехъ, но многихъ столѣтій. Она была самымъ естественнымъ выраженіемъ тѣхъ условій жизни и развитія русскаго народа, среди которыхъ воспитались и сами патріархи, вынесшіе изъ школы жизни не мечтательныя фантазіи о мірахъ небесныхъ, но глубокое и всестороннее пониманіе современныхъ имъ нуждъ и потребностей общества и самое полное вниманіе къ этимъ нуждамъ. Патріархи не были дѣятелями, опередившими жизнь и понятія своего времени настолько, чтобы не оставалось уже ничего общаго между ихъ личными взглядами и по-

---

⁷⁸⁾ Поученіе патр. Іосифа христіолюбивымъ княземъ, судіямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, стр. 19.

⁷⁹⁾ Акты историческіе, т. II, № 104.

натіями народа. Они были только лучшими его представителями, съ болѣе чистыми религіозными убѣжденіями и болѣе совершенною жизнью. Вотъ почему они и внесли въ памятники своей письменности только то, что имъ дала сама же жизнь, тѣ историческія условія, среди которыхъ воспитывались тогда всѣ лучшіе представители жизни и мысли русскаго общества. Поэтому было бы несправедливо и требовать отъ литературной дѣятельности русскихъ патріарховъ того, что могло обнаружиться въ литературныхъ памятникахъ писателей другихъ эпохъ и при совершенно другихъ уже историческихъ условіяхъ ⁸⁰).

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

⁸⁰) Исторія русс. литературы Галахова. Южно-русское проповѣдничество въ XVI и XVII вв.

М А В З О Л Е Й .

Исчезнет мавзолей, падутъ кресты, колонны
И надпись... Люди всѣ къ забвенію наклонны,—
Погибнуть имена и всѣ слѣды стремлений,
Могучихъ замысловъ и слабыхъ исполненій.
Повѣрьте мнѣ, друзья, что мавзолей намъ лишній,
Что лучше, если насъ добромъ помянетъ ближній.
И долго жить въ сердцахъ и памяти людей
Надежнѣй, чѣмъ имѣть роскошный мавзолей!

В. К. Недзвецкій.

ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ.

День гаснетъ, всюду тѣнь, и только крестъ сіяетъ.
Ввиду грядущей тьмы трепещетъ слабый умъ.
Безсильны всѣ слова—обрывки смѣлыхъ думъ,
И только вѣры свѣтъ еще не угасаетъ...

В. К. Недзвецкій.

„КЪ ЗАПАДНЫМЪ“¹⁾.

Наша Русь—незамѣтныхъ героевъ страна,
Край безвѣстно погибшихъ талантовъ она.
Сколько въ ней силъ, ума безкорыстно сгараеть—
Это вамъ не понять, это Богъ только знаетъ.
Сколько горя снесла ты, Великая Русь,
Какъ тяжель подвигъ твой—и сказать не берусь!

В. К. Неодвецкій.

---

¹⁾ Названіе взято изъ писемъ Василія Великаго.

Ветхозавѣтное ученіе о происхожденіи человѣка ¹⁾.

Ветхозавѣтная религія учитъ о человѣкѣ, что онъ сотворенъ по образу и подобію Божію. Такимъ своимъ ученіемъ она проводитъ болѣе возвышенный взглядъ на человѣка, въ сравненіи съ древними естественными религіями. При общемъ натуралистическомъ характерѣ почти всѣхъ языческихъ религій самое отождествленіе природы человѣческой съ божественной сущностію не возвышало его надъ міромъ видимымъ, вещественнымъ. Земля — общая мать боговъ и людей. Въ еврейской религіи Божество представляется превыше всего конечнаго и вещественнаго. Поэтому человѣкъ при своемъ только богоподобіи получаетъ несравненно болѣе достоинства, чѣмъ при языческомъ отождествленіи его съ Божествомъ.

Правда, и по библейскому ученію человѣкъ созданъ изъ земли, но Богъ вдыхаетъ въ этотъ новосозданный организмъ жизнь непосредственно отъ самого себя. Дыханіе жизни, или душа живая, приписывается въ Библии и всѣмъ другимъ земнымъ тварямъ, но у нихъ она возникаетъ при посредствѣ силъ прежде созданной вещественной природы: «и сказалъ Богъ: да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую... да произведетъ земля душу живую по роду ея» (Быт. 1, 20, 24). У животныхъ жизненное начало, одушевляющее ихъ, одного происхожденія съ вещественнымъ міромъ: изъ него оно и возникло. У

---

¹⁾ Изъ уроковъ по Основному Богословію въ Виѣанской семинаріи.
часть II.

человѣка душа живая — непосредственное дыханіе усть Божіихъ. Итакъ, человѣкъ—не ступень только или новое звено въ ряду другихъ земныхъ созданій, въ немъ есть нѣчто сверхъ того, что находится въ другихъ тваряхъ. Значить, напрасно говорятъ часто о зоологической очевидности животнаго происхожденія человѣка. Если бы это было такъ, то зоологія должна быть такой наукой, которая главнымъ образомъ или даже исключительно можетъ давать рѣшеніе по вопросу о судьбѣ человѣка и смыслѣ человѣческой жизни. Между тѣмъ при изученіи человѣка главное мѣсто должно быть отведено другой наукѣ—психологіи. Психологія учитъ насъ, что душа человѣка отлична отъ души животнаго и есть простое духовное существо. Но простое духовное существо по своей природѣ не можетъ развиваться изъ чего-либо другого: оно можетъ произойти только путемъ творенія. Значить, душа человѣка не можетъ возникнуть путемъ развитія.

Своеобразность библейскаго ученія о происхожденіи человѣка всегда привлекала къ себѣ вниманіе научно-философской мысли и вызывала многія и страстныя возраженія. Прежде главнымъ противникомъ его былъ матеріализмъ, который утверждалъ, что психическая дѣятельность человѣка составляетъ одну изъ функций физическаго организма. Мысль есть продуктъ мозга,—таково было возрѣніе грубаго матеріализма. Но теперь, когда обнаружилась несостоятельность его, когда выяснилось, что психическія явленія невозможно объяснить изъ матеріальныхъ, то на смѣну матеріализма выступилъ монизмъ, составляющій главное теченіе современной философской мысли. Монизмъ выходитъ изъ признанія психическаго начала въ физическихъ атомахъ. Человѣческая жизнь есть органическое соединеніе атомовъ, одаренныхъ психическою силою,—гармоничное движеніе этихъ атомовъ. Значить, монизмъ не допускаетъ существованія самостоятельной духовной субстанціи въ человѣкѣ, но сводитъ все содержаніе душевной жизни на опредѣленную сумму матеріальныхъ движеній атомовъ. Психическое и физическое

суть лишь два способа проявленія одной и той же реальности, или сущности.

Главная слабость монизма заключается въ томъ, что онъ не объясняетъ человѣческой индивидуальности, сознательной личности. Сознаніе человѣка нельзя выводить изъ бессознательныхъ психическихъ процессовъ. Это принудило монизмъ сдѣлать уступку, приписавши атомамъ, кромѣ движенія и жизни (психики), еще сознаніе. Эта уступка сама по себѣ уже обличаетъ слабость монизма, но и она мало помогаетъ дѣлу. Человѣку присуще сознаніе своего «я» не просто лишь какъ центра соотношенія психическихъ явленій, логическаго субстрата (носителя) или субъекта душевныхъ состояній, какъ понимаетъ монизмъ,—онъ владѣетъ сознаніемъ своей личности, какъ начала самоопредѣляющаго и самосознающаго. Самосознаніе выдѣляетъ его изъ ряда механическихъ вещей міра, служить залогомъ его свободнаго самоопредѣленія, творчески-разумной дѣятельности. Всѣ душевныя явленія человѣка, не говоря уже о фактахъ внѣшняго бытія, относительны, а самосознаніе человѣка отличается характеромъ безусловности, абсолютности. Не напрасно самосознаніе человѣка мыслится рядомъ съ свободой. Но свобода не можетъ принадлежать кругу механическихъ относительныхъ явленій. Значитъ, самосознаніе есть фактъ абсолютный, и онъ можетъ найти, для себя оправданіе лишь въ Богѣ, Его абсолютной божественной жизни.

Тѣмъ не менѣе Дарвинова теорія трансформациі или эволюціонизма, т.-е. естественнаго перерожденія низшихъ формъ въ высшія, ближайшимъ образомъ обезьяновидныхъ въ человѣческую, и теперь еще пользуется значительнымъ кредитомъ. Законами или факторами развитія по Дарвину являются наслѣдственность, борьба за существованіе и естественный подборъ, благодаря которымъ выживаютъ только наиболѣе приспособленные.—При оцѣнкѣ Дарвиновой теоріи важно прежде всего установить, о какихъ приспособленіяхъ идетъ здѣсь рѣчь — о первичныхъ или о вторичныхъ. Очевидно, первый, появившійся на землѣ,

организмъ долженъ былъ обладать всѣми основными, первичными свойствами живого вещества: способностью дышать, ассимилировать (уподоблять), расти, размножаться, такъ или иначе реагировать (отвѣчать) на внѣшнія раздраженія. Эти основныя свойства организма есть вмѣстѣ съ тѣмъ первичныя приспособленія къ жизни. Безъ нихъ немислима самая жизнь. Они положили начало всѣмъ остальнымъ приспособленіямъ, которыя можно назвать вторичными, производными приспособленіями. Пояснимъ примѣромъ. Дыханіе есть первичное приспособленіе всякаго организма къ жизни, но у различныхъ организмовъ, въ связи съ условіями ихъ существованія, это первичное приспособленіе осуществляется при помощи разнообразныхъ органовъ дыханія, весьма разнообразно функционирующихъ. Вотъ это то разнообразіе формъ одной и той же функціи, осуществляемой при помощи различныхъ органовъ, называемъ мы вторичными, производными приспособленіями. Теперь спрашивается: что можетъ сказать дарвинизмъ о возникновеніи первичныхъ приспособленій? Ничего. Онъ принимаетъ ихъ, какъ вѣчто данное, онъ исходитъ изъ нихъ во всѣхъ своихъ теоретическихъ построеніяхъ и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о вторичныхъ приспособленіяхъ. Онъ, такимъ образомъ, не объясняетъ самаго главнаго.

Другой важный недостатокъ Дарвиновой теоріи состоитъ въ томъ, что она предполагаетъ совершенно механическое, автоматическое дѣйствіе принимаемыхъ ею законовъ развитія. У Дарвина собственно нѣтъ развитія въ смыслѣ ряда измѣненій, внутренне вытекающихъ одно изъ другого, а просто накопленіе случайныхъ мелкихъ измѣненій подъ вліяніемъ не внутренней, а внѣшней причины—отъ дѣйствія условій природы, случайно пріобрѣтенной полезной особенности. Напримѣръ. При усиливающихся холодахъ сохраняются тѣ особи, которыя имѣютъ особенно густой мѣхъ, и изъ потомковъ опять сохраняются тѣ, которые обладаютъ этой особенностью. Животныя съ менѣе густымъ мѣхомъ погибаютъ. Указанный недостатокъ Дар-

виновой теоріи сознается новѣйшими эволюціонистами, которые, поѣтому, вносятъ въ нее поправки. Первое предположеніе всякаго развитія, говорятъ они, есть воля къ жизни, воля къ борьбѣ за существованіе, которая побуждаетъ къ сохраненію своей собственной жизни и къ произведенію и сохраненію потомства. Значить, отдѣльныя существа не пассивно подвергаются развитію, втискиваются въ новую форму не механически дѣйствующими причинами, а направляются своей собственной волею, безъ которой не могло бы быть и рѣчи о борьбѣ за существованіе. Эту мысль особенно развилъ Вундтъ. Всѣ органическія дѣятельности, по его словамъ, суть первоначально проявленія воли. Подъ волею здѣсь разумѣется способность къ дѣятельности и развитію въ опредѣленномъ направленіи, заложена въ каждомъ органическомъ тѣлѣ.— Но эта поправка не объясняетъ всего. Кромѣ слѣпой, инстинктивной воли къ жизни, въ каждомъ организмѣ есть разумная, самосознающая себя воля въ человѣкѣ, и ея нельзя объяснить ни изъ какихъ процессовъ природы. Правда, въ послѣднее время потрачено много усилій для доказательства того положенія, что будто бы человѣкъ по своей душевной организаціи ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда животныхъ, у которыхъ есть также цѣлый особый психическій міръ: есть чувствованія, желанія, умъ. Такимъ образомъ стирается грань между животными и человѣкомъ. Но такое очеловѣченіе животныхъ, усвоеніе имъ даже разумности, по признанію авторитетныхъ ученыхъ психологовъ (Вундтъ, Васманнъ, которому принадлежитъ интересная книга: «Итоги сравнительной психологіи»), принадлежитъ ходячей, а не научной психологіи. То, что можетъ быть объяснено у животныхъ простой чувственной ассоціаціей или дрессировкой, признается, безъ достаточной научной критики, за признакъ и доказательство разумности животныхъ. Животнымъ же, на самомъ дѣлѣ, не достаетъ духовныхъ функцій человѣка. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Вундтъ: «не физическія препятствія мѣшаютъ животному говорить, какъ иногда полагали; способность

артикуляціи рѣчи у многихъ животныхъ была бы достаточно велика, чтобы дать мысли вѣшнюю форму, если бы только не было недостатка въ самой мысли. Поэтому на вопросъ, отчего животныя не говорятъ, вѣрнѣйшимъ будетъ отвѣтъ: потому что имъ нечего сказать».

Нѣкоторые эволюціонисты указываютъ на очевидное будто бы сходство между дикарями и обезьянами подъ тропиками. Въ Австраліи встрѣчаются племена, которыя почти не имѣютъ языка: они мычатъ. Половые сношенія совершаются стадно и періодически. Изображенія ихъ вызываютъ чрезвычайно тяжелое чувство. Невольно будто бы возникаетъ мысль, нѣтъ ли генетическаго родства между обезьянами и дикарями.—Но, прежде всего, дикарь—ненормальный человѣкъ, ниспавшій въ свое печальное состояніе изъ болѣе высокаго положенія. Все въ немъ носитъ отпечатокъ извращенія. Это подтверждается многими научными изысканіями. Далѣе. Способность дикаря быстро подниматься въ психическомъ отношеніи, лишь только подадутъ ему руку помощи, необъяснима для эволюціонистовъ. Для насъ это не представляетъ ничего непонятнаго, потому что дремлющую силу разбудить можно, а у дикаря именно дремлютъ тѣ силы, которыя дарованы ему Богомъ при твореніи, тогда какъ несуществующей силы—хотя бы умственной—природа произвести не можетъ. Пусть какой-нибудь каннибалъ видимо немногимъ выше обезьяны. Все дѣло въ томъ, что непрерывные ряды совершенствующихся поколѣній ведутъ отъ этого каннибала къ Платону и Гете, тогда какъ обезьяна не совершенствуется. Въ этомъ случаѣ, очевидно, сказывается неодинаковая возможность пользоваться приблизительно одинаковой организаціей, т.-е. сказывается несмѣнное различіе психическихъ энергій.

Самое вѣшнее сходство между человѣкомъ и высшими человѣкообразными обезьянами (антропоидами) въ анатомическомъ строеніи ихъ не должно быть преувеличиваемо. Между людьми и антропоидами на самомъ дѣлѣ наблюдаются рѣзкія различія. Всего лучше и объективнѣе опи-

сываетъ эти различія Ранке въ своемъ двухтомномъ трудѣ: «Человѣкъ», переведенномъ на русскій языкъ. Упомянемъ лишь нѣкоторые пункты. При фотографическомъ снимкѣ посредствомъ лучей Рентгена съ продольнаго разрѣза верхней бедренной кости человѣка и обезьяны тотчасъ можно видѣть, кому принадлежитъ данная кость, — человѣку или обезьянѣ. Въ строеніи черепа у человѣка и обезьяны замѣчается столь рѣзкое различіе, что перебросить мостъ надъ пропастью между черепнымъ строеніемъ человѣка и обезьяны нельзя. Посредствующаго звена здѣсь до сихъ поръ не найдено.—Наконецъ биогенетическій законъ Геккеля, на который съ торжествомъ указывали эволюціонисты, что будто бы человѣческій зародышъ въ своемъ развитіи послѣдовательно проходитъ чрезъ всѣ формы животнаго царства—отъ амфибіи до млекопитающаго, на повѣрку оказался ложнымъ. Геккель обосновалъ этотъ законъ, какъ было раскрыто послѣ солидными учеными, на поддѣлкѣ рисунковъ формъ человѣческаго зародыша.

Ив. Николинъ.

СОВѢТЪ МОЛОДЫМЪ ДѢВЦАМЪ.

Рѣчь къ воспитанницамъ 4-й московской женской гимназіи, окончившимъ курсъ ученія, произнесенная на актѣ 31-го мая 1910 года.

Напутствуя васъ, дорогія наши питомицы, всеми благожеланіями на предстоящую вамъ новую, самостоятельную жизнь, при послѣдней бесѣдѣ съ вами обращаюсь къ вамъ съ наставленіемъ святого Апостола: *стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь.* Будьте тверды въ исповѣданіи православной вѣры, въ которой вы родились и воспитаны.

Вы знаете, конечно, что нынѣ во имя всяческихъ свободъ открылось въ обществѣ религиозное шатаніе. Есть нынѣ отпавшіе отъ православія въ католичество или лютеранство. Иные же увлекаются ученіемъ такъ называемыхъ евангельскихъ христіанъ, которые хвалятся, будто они только уразумѣли истинный смыслъ евангельскаго ученія, церковь же находится въ заблужденіи, и этимъ соблазняютъ легковѣрныхъ. На самомъ же дѣлѣ они тодько искажаютъ евангельское ученіе.

Мы именуемся православными христіанами и вѣруемъ, что въ православной церкви содержится христіанское ученіе во всей чистотѣ и неповрежденности. Но вѣдь и римскіе католики и лютеране также утверждаютъ, что у нихъ хранится истина, то же говорятъ и разныя сектанты.

Чѣмъ же мы удостовѣряемся, что дѣйствительно истинное христіанское ученіе хранится только въ православной церкви?

Отвѣтъ на это даетъ намъ исторія.

Было время, когда церковь Божія была едина; до по-

ловины девятаго столѣтія не было раздѣленія. Не было тогда ни католиковъ, ни лютеранъ. При разности обрядовъ, единство вѣры соблюдалось во всей вселенской церкви, христіанское ученіе было исповѣдуемо такъ, какъ оно предано было Иисусомъ Христомъ и апостоламъ, опредѣлено и изъяснено на вселенскихъ соборахъ. Это не могутъ отрицать ни католики, ни лютеране и всѣ разномыслящіе.

Православная церковь и содержитъ истинны вѣры неизмѣнно такъ, какъ вѣровала древняя нераздѣленная церковь, не вводя никакихъ новыхъ догматовъ и не исключая изъ вѣроученія никакихъ истинъ, содержимыхъ церковію съ первыхъ временъ христіанства. Припомните—я не разъ передавалъ вамъ — безпристрастные англиканцы путемъ изученія церковной исторіи пришли къ убѣжденію, что «свѣтъ на востокъ». Потому они и относятся къ намъ съ такимъ уваженіемъ и давно уже стремятся къ соединенію съ православною восточною церковію.

И дѣйствительно, въ чемъ мы отступили отъ древняго ученія церкви? Въ чемъ измѣнили это ученіе? Въ этомъ не могутъ уличить насъ и враги православной церкви.

Итакъ, въ древности церковь была едина. Но потомъ единство было нарушено; послѣдовало печальное раздѣленіе, а затѣмъ и искаженіе догматовъ вѣры. Отдѣлившіеся отъ единенія съ вселенскою церковію римскіе католики измыслили новые догматы, которыхъ древняя нераздѣленная церковь не знала. Напримѣръ, начали учить, что Духъ святой исходитъ отъ Отца и Сына, что римскій папа есть глава церкви, намѣстникъ Иисуса Христа, тогда какъ Глава церкви есть Самъ Иисусъ Христосъ; придумали ученіе объ индульгенціяхъ, о чистилищѣ и въ этихъ измышленіяхъ дошли до крайности, провозгласивъ догматъ о непогрѣшимости папы, то-есть будто онъ непогрѣшимъ въ ученіи о вѣрѣ и нравственности. Но забыли они, что были папы и еретики, осужденные соборами.

Другіе же христіане, впослѣдствіи отпавшіе и отъ римско-католической церкви, именуемые протестанты, впали

въ другую противоположную крайность. Въ стремленіи очистить яко бы исповѣданіе вѣры отъ папскихъ измышленій, они отвергли многіе догматы, которые были искони содержимы церковію. Отвергли апостольскія преданія, священство, такъ что лютеранское вѣроисповѣданіе явилось не церковію, а просвѣтительнымъ учрежденіемъ. Предоставивъ же каждому толковать священное писаніе по своему произволу, дали бытіе безчисленнымъ религіознымъ сектамъ.

Итакъ, мы имѣемъ твердую, несомнѣнную увѣренность, что православная церковь есть хранилище истинной христіанской вѣры. Она есть столпъ и утвержденіе истины. Тако вѣруйте и тако отвѣщайте всякому вопрошающему о вашемъ упованіи.

Прот. Д. Пивницкій.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ТЕОФАНА

къ редактору журнала „Душеполезное Чтеніе“
Протоіерю В. П. Нечаеву (впослѣдствіи Еп. Виссаріону)
1872—1892 г.

---

19 ноября 80 г.

Милость Божія буди съ вами!

Виновать! Чай не поспѣлъ съ письмомъ! Ну—ужь какъ знаете, такъ и поступите съ нимъ, — теперь ли напечатать или въ генварской книжкѣ. Въ генварскую, можетъ быть, поспѣветъ дополненіе къ сему письму, какъ значится въ концѣ.

Въ общее собраніе писемъ къ разнымъ лицамъ вы помѣщаете ли эти письма? Я той мысли, чтобъ ихъ туда помѣщать. И это помѣститъ. Особо же мнѣ пришлите десятокъ оттисковъ, какъ прошлый разъ.

Оттиски перваго письма въ С.-Петербургѣ дѣлались въ большомъ количествѣ для безмездной раздачи. Николай Васильевичъ писалъ, что это дѣлали іереи Питерскіе. Объ оттискахъ, или о позволеніи сдѣлать ихъ для той же цѣли, недавно спрашивалъ прот. Васильевъ отъ лица какихъ-то іерарховъ. Такъ и говорите, что оттиски есть въ С.-Петербургѣ.

Преосв. Гурію я пошлю по одному экземпляру и скажу, чтобъ печаталъ самъ, если хочеть,—только не для продажи, а для раздачи: такъ это можетъ итти противъ штундистовъ.

Съ Тернеромъ вступать въ споръ не думаю. Въ письмѣ

его не видно, чего онъ хочетъ. Я писалъ ему, совѣтуя ему вмѣсто споровъ блюсти ученіе православной церкви и слушаться пастырей.

Благодарствую за ваше содѣйствіе изданію книгъ моихъ. Слова св. Симеона пришлю чрезъ недѣлю. Все—лѣность. Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

8 марта 81 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Спѣшу отвѣтить вамъ на счетъ посланій. Всѣ три посланія — въ одну книгу. Я думалъ, что еще на мѣсяцъ будетъ посланія къ Титу, а оно уже кончилось. — И не успѣлъ я заготовить введеніе въ посланіе къ св. Тимоѳею; толкованіе-то давно готово, а введенія нѣтъ. Стану готовить. Можетъ быть, и успѣю ко второй трети мѣсяца; а не успѣю, ужъ придется мѣсяцъ пропустить. Бѣда, полагаю, не такъ велика.

Спѣшу докончить св. Симеона. Слова кончены; перевожу главы. И послѣднія слова и эти главы,—кои суть резюме словъ — сокровище, коему цѣны нѣтъ. — Словъ остальныхъ на столько листовъ, сколько послалъ прошлый разъ; да столько же будетъ захвачено главами. Соображайте. Можетъ быть, въ этомъ году и кончить бы можно.—Останутся еще св. Симеона гимны—стихами писанные.—Ихъ 50; заглавливаются тоже—*слова*. Ихъ переводить ли, недоумѣваю. Когда придетъ время, тогда и рѣшимъ. Ихъ хватить на книжку еще; но она будетъ менѣ первыхъ.

За оттиски благодарствую. Противъ Пашкова много можно писать; и буду, когда придетъ охота. Теперь полная апатія ко всему. А она еще подтяжелена горькимъ случаемъ нашимъ, отъ котораго столбнякъ нападаетъ. Увы — намъ! За хулы на истину Божию, допущенную у насъ, наказываетъ насъ Богъ. — Не покаемся, какъ бы хуже чего не было!

Писать что-либо противъ того, что болтають въ газетахъ, и охоты нѣтъ, и не слѣдуетъ.

Требуются письма. Будуть-будутъ. Но теѣерь ни что не лезетъ изъ головы. Вотъ откупоримся съ началомъ весны, тогда, можетъ быть, расшевелится кровь и голова.

Благодарствую за трудъ держанія корректуры по статьямъ не печатнымъ, а рукописнымъ, изъ книги о молитвѣ.

Корректуру держащій желаетъ знать, какъ духовная жизнь—къ темпераментамъ?—Душевная жизнь подлежитъ сильному вліянію темпераментовъ, а духовная отрѣшенна отъ всего. Съ этого отрѣшенія начинается и зрѣетъ подъ непрерывными актами отрѣшенія. Въ духовной жизни, кромѣ ея самой, есть переработка души. Этотъ трудъ подлежитъ вліянію темпераментовъ,—но, кажется, только *трудъ*, а не существо дѣла (трудъ легче и тяжелѣе), которое все обращено бываетъ на природу, а не на видоизмѣненія ея, подъ условіями земного быта.

Вопросъ о поминовеніи мы съ вами рѣшали, не съ того смотря конца. Въ церкви идетъ поминовение безостановочное всѣхъ христіанъ вселенской церкви. Начинается это съ полуночницы и оканчивается повечеріемъ. — Что касается до частныхъ поминовеній, то для нихъ церковь только чинъ поминовенія представляетъ, совершать же сіе не ея дѣло. — Всякій христіанинъ долгъ имѣть молиться о своихъ родителяхъ и родныхъ умершихъ, и молится. Чувствуя, что его единичная молитва немощна, обращается онъ къ церкви, вѣруя, что ея молитва доходивъ до Бога, какъ и есть. Въ удовлетвореніе сихъ потребностей вѣрующихъ св. церковь и имѣетъ чинъ поминовенія. Большихъ благодѣтелей она и безъ этого поминаетъ (создателей храма... и подоб.); а поименно всякаго поминать не ея дѣло, и возможности нѣтъ. — Прибавляетъ ли что частный поминъ родныхъ къ общему?—Конечно. Но какъ же это? — Такъ Богъ устроилъ, что однихъ кромѣ общаго помина и частно поминають родные, а другіе остаются съ однимъ общимъ поминовеніемъ. — Чего же ради такъ? Зачѣмъ задѣлены? Этотъ вопросъ станетъ на

ряду съ вопросами о бѣдныхъ. Зачѣмъ эти задѣлены, за-
тѣмъ и тѣ. — У Бога нѣтъ задѣла. Всѣмъ идетъ правое
раздѣленіе.

Я зналъ одного протоіерея, который въ своемъ при-
ходѣ такъ дѣлалъ: когда на проскомидіи придетъ время
помянуть, онъ давалъ знакъ, — и всѣ прихожане всякій
читалъ имена своихъ родныхъ усопшихъ и живыхъ,—а
онъ только говорилъ: помяни Господи, съ выемомъ ча-
стицъ, сколько успѣеть.

Благослови васъ, Господи, и помоги тянуть свое дѣло.
Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Полоцкія торжества.

(Личныя впечатлѣнія).

Послѣ того какъ св. мощи преподобной Евфросиніи были поставлены, 23-го мая, въ древней Спасовой церкви, въ ея обители, въ газетахъ перестали появляться телеграммы и корреспонденція... Кончились ли Полоцкія торжества? Нѣтъ! Для бывлой Полоцкой земли, нынѣшней православной Бѣлоруссіи, кончились долгіе годы томительныхъ ожиданій возврата св. княжны въ свой домъ, но торжество Полоцка не только не кончилось, но растетъ и должно еще расти, охватывая весь Бѣлорусскій край и сосѣднія губерніи.

Надъ достояніемъ Олега и Владимира Святого, Полоцкой землею, взошло солнце, и лица хмурыхъ бѣлоруссовъ освѣтились радостью и надеждою на лучшую долю, на болѣе, чѣмъ теперь, отрадную жизнь. Тяжелыя житейскія условія и многовѣчный ходъ исторіи, отдавшей исконно-русскій край въ обладаніе католической Польши и Литвы на 400 лѣтъ, наложили особый отпечатокъ на бѣлорусса извнѣ и на его душу.

Раздѣлъ Польши и присоединеніе Сѣверо-Запада къ Россіи, несомнѣнно, повернули колесо исторіи съ польско-литовскаго пути, но слѣды иновѣрнаго господства сохранились въ краѣ и до нашихъ дней и эти слѣды сдѣлали три пята: пята іезуита, воспитывавшаго цѣлый рядъ поколѣній, пята колонизированнаго и окатоличеннаго дворянства и пята еврейства. Три названныхъ силы, высасывая духовные и матеріальные соки изъ обширнаго края, гнетомъ ложились, разумѣется, на крестьянъ. Подъ гнетомъ гибли ихъ силы, увядали радости и улыбки, а вмѣсто пѣсенъ слышался стонъ. «Рабы, влачащіе оковы, веселыхъ пѣсенъ не поютъ». По той же причинѣ, весьма одаренные бѣлоруссы, вообще, отличающіеся пылкимъ живымъ

воображеніемъ и сосредоточеннымъ умомъ, не могли выказать всѣхъ своихъ духовныхъ силъ и не дали, имѣя для этого все, столько славныхъ, сколько ихъ дали великороссы и малороссы. Бѣлоруссъ хилъ, вялъ, нерѣшителенъ. Онъ не зналъ татарскаго ига и, поэтому, казалось бы, къ нему не должны были привиться черты, какія привились къ русскимъ, на которыхъ обрушились монгольскія орды: сдержанность, скрытность, лесть и т. п., а между тѣмъ, онѣ свойственны и бѣлоруссамъ. Привилось отъ польскаго владычества!

И вотъ этотъ хилый, вялый, нерѣшительный народъ встрепенулся и даже словно бы переродился. Въ то время, когда св. полоцкая княжна возвращалась къ отеческимъ гробамъ, Бѣлоруссія почувствовала притокъ свѣжихъ силъ. У крестьянъ, которые, подобно куликамъ, ютятся возлѣ болотъ, въ лѣсахъ, вдругъ отросли за спиною крылья и подняли ихъ на высоту, на какую способенъ поднять бодрый духъ. Но народный духъ дѣйствительно бодръ, бодръ потому, что не порвалъ съ природою и согрѣтъ вѣрою. Въ Полоцкѣ, куда собралась на нашихъ глазахъ вся православная и только-отчасти католическая Бѣлоруссія и явила зрѣлице прекрасно-величественное, мы видѣли приближенный, жалкій своею скудостью народъ, однако же сохраняющій въ душѣ внутреннюю, высокую правду. Могуче разливаясь, тысячи восторженныхъ голосовъ славили воскресшаго Христа, славили свою святую княжву и, пламенѣя,— пусть наивной!— вѣрою, стремились покаяться у раки св. Евфросиніи въ прегрѣшеніяхъ и исповѣдавшись приобщиться св. Тайнъ и новой жизни.

Тутъ было все своеобразно; здѣсь было то, чего не увидишь въ средней Россіи. Я помню открытіе мощей св. Серафима Саровскаго и я утверждаю, что невозможно себѣ представить, не бывъ на мѣстахъ, разницы между бѣлоруссомъ, загнанымъ въ болота и лѣса, и великороссомъ промышленнаго района, волжаниномъ или южаниномъ, на которыхъ крѣпко лежитъ осадокъ фабрично-заводской копоти и которые обвѣяны сквернымъ духомъ городовъ. У нихъ нѣтъ ни застѣнчивости, ни стыдливости бѣлорусса, ни его тоски по небу, по красотѣ.

Десятки крестныхъ ходовъ шли изъ глубинъ Виленской и Витебской губерній, отъ Варяжскаго моря, и въ то время, какъ народное море изливалось въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ рукахъ паломниковъ зеленѣли вѣтви. Я спро-

силъ крестьянъ, впервые увидавъ, что означаютъ эти вѣтви и зачѣмъ онѣ въ рукахъ?

— Пастыри сказали: братіе! преклонимся святой съ вѣтвями!

Я понялъ, и слезы сдавили мнѣ горло: народъ съ надеждою притекалъ къ преподобной; и тутъ я убѣдился, какая тѣсная связь у православнаго бѣлорусса съ пастыремъ, и какъ онъ, пастырь, необходимъ въ качествѣ нравственнаго авторитета и вождя православно-бѣлорусскому приходу. Государственная Дума, поднявшая гоненіе на церковно-приходскую школу, показала себя только недругомъ бѣлорусской деревни, которой церковная школа давала утѣшеніе и отраду. Бѣлорусскій священникъ не только служитель Бога и исполнитель требъ въ узкомъ смыслѣ, но онъ также стражъ православія и миссіонеръ. Божъ о божъ съ воинственнымъ католичествомъ отнюдь не можетъ и не должно быть развѣиванія религіозно-школьнаго вліянія, если мы не хотимъ торжества и притомъ полнаго торжества католической пропаганды. Добросовѣстно-исполняющій свой долгъ бѣлорусскій священникъ способствуетъ *обрусенію русскаго* края гораздо болѣе, чѣмъ тьмы-темь чиновниковъ, петербургскихъ циркуляровъ и угрозъ. Недаромъ онъ ненавистенъ ксендзамъ; и недаромъ къ своему пастырю жметса паства, находя лишь въ немъ оплотъ и щитъ противъ неустаннаго латинства.

Мы видѣли множество поломниковъ: это все участники крестныхъ ходовъ. Они входили въ Полоцкъ съ стройнымъ пѣніемъ воодушевляющихъ и чарующихъ православныхъ пѣснопѣвій. Кто же научилъ такъ пѣть деревню? Духовенство. И бѣлоруссы это оцѣнили; они стремятся въ свои убогія церкви помолиться, послушать проповѣди и односельчанъ-пѣвчихъ. Они говорятъ: «запоюць—и ты, якъ на небѣ. А дьяцѣкъ одинъ што? якъ шамель (шмель) гудзѣць»... Въ Полоцкъ, чтобы собрать на ночлегъ разбредшихся въ разныя стороны своихъ, женщины или крестьяне водружали на видномъ мѣстѣ флагъ съ *крестомъ*. И отъ этого креста вѣетъ вліяніемъ церковно-приходской школы, всякое умаленіе правъ которой на руку ксендзамъ. Сравнивая положеніе священниковъ и ксендзовъ въ Бѣлоруссіи, какъ и вообще въ Сѣверо-Западной Россіи, можно сказать, что первые—атакуемые, а вторые—атакующіе. Но уже давно признано, что тяжеле ждуть атаки, чѣмъ атаковать. Православнымъ миссіонерамъ не свойствененъ неумолимый натискъ и фанатическій пылъ, ка-

кими отличаются католическіе миссіонеры. И это зависит не отъ большаго или меньшаго усердія и не отъ большей или меньшей преданности идеѣ, а отъ закваски... Несомнѣнно, что религіозная проповѣдь находитъ себѣ оправданіе уже въ томъ, что, какъ научно доказано, нигдѣ и никогда на землѣ не было народа или народа безъ религіозныхъ понятій или представленій. (Голландецъ Тиле справедливо называлъ религію всеобщимъ человѣческимъ явленіемъ). Призывъ къ Богу—величайшій призывъ, и развѣ не призывомъ къ покаянію, т. е., къ отрѣшенію отъ земного и суетнаго ради небеснаго, начинается Христова проповѣдь? Однако, смыслъ польско католической проповѣди въ Бѣлоруссіи заключенъ вовсе не въ укрѣпленіи «тепленькихъ» въ христіанской вѣрѣ и не въ обращеніи равнодушныхъ къ Христу, а въ совращеніи въ католицизмъ православныхъ, причемъ преслѣдуются политическія цѣли и, чтобы ихъ достигъ, папскіе слуги не брезгаютъ никакими средствами.

Отнимая хоть крупицу вліянія и близости къ пасомымъ у православнаго священника, дѣлаютъ не что иное, какъ только бросаютъ лишнее зерно на католическую ниву. Какъ бы полезно ни трудились гражданскіе учителя, они, все же, не дадутъ православно-бѣлорусской деревнѣ того, что она получаетъ отъ церковно-приходской школы. Въ средней Россіи, гдѣ въ великорусское населеніе почти не вкраплено инородцевъ, и ксендзъ болѣе остороженъ и рѣдокъ, можно смотрѣть на школу нѣсколько иначе, именно, какъ на питомникъ, гдѣ подрастающимъ поколѣніямъ постоянно передаются всяческія блага, необходимыя для удержанія на высотѣ уже достигнутой государствомъ образованности и обезпеченія продолженія ея. Совершеннолѣтніе суть исполнители національной работы. Дѣло школы, чтобы малолѣтніе, созрѣвъ, стали звеньями одной, трудовой, цѣпи, проходящей чрезъ столѣтія. Въ сѣверо-западной Россіи требованія къ вашей школѣ и шире, и опредѣленнѣе: здѣсь она должна закалять православныхъ людей, ибо здѣсь вокругъ нихъ кружатся злые вихри ино-вѣрія.

А бѣда въ томъ, что бѣлоруссъ,—по отзывамъ Семеновскаго, А. Киркора и М. О. Кояловича, знатоковъ края,—набоженъ, доврѣчивъ и черезчуръ ужъ простъ. Уловить такого въ сѣти не представляетъ особаго труда. Просвѣщеніе въ области въ зародышѣ, правительственная заботливость выражается слабо; присмотрѣвшись къ бѣло-

руссу и къ его деревенской жизни, убѣждаешься въ томъ, что онъ какой-то одинокій въ своемъ отечествѣ, полузабытый, не согрѣтый солнышкомъ обще-русской близости и бюрократическаго попеченія. Его желанія не ахти какія, требовать чего-либо онъ какъ-будто бы и не въ состояніи, но и желанія и требованія увеличиваются сами собою вмѣстѣ съ развитіемъ бѣлорусскаго самосознанія...

Когда мощи препод. Евфросиніи переносились изъ Кіева въ Полоцкій Спасо-Евфросиніевъ монастырь, то за ними всегда слѣдовало множество богомольцевъ. Торжественное шествіе сопровождали сестры Краснаго Креста, и на этихъ сестеръ бѣлорусская деревенщина смотрѣла какъ на врачей, нарочно посланныхъ, чтобы лѣчить больныхъ. Къ нимъ обращались за помощью отъ самыхъ застарѣлыхъ болѣзней. О чемъ же это говорить, какъ не о беспомощности деревень? И какъ то странно послѣ этого слышать выкрики интеллигенціи о любви къ народу и готовности потрудиться для него, не щадя силъ. На словахъ, да! но не на дѣлѣ.

Возвратимся, однако, къ бѣлорусскому крестьянству. Что видимъ? видимъ, что оно, какъ сотни лѣтъ назадъ, такъ и теперь, вдыхаетъ въ себя вредныя испаренія болотъ, не видитъ просвѣта въ горькой жизни, остается безъ врачебной помощи и это, когда интеллигентскіе выкрики не прекращаются, а всевозможныя техники и врачи пухнуть съ голода въ городахъ, очевидно, не нуждающихся въ ихъ услугахъ. Отчего же эти голодающіе не идутъ въ деревню, жаждущую ихъ? Идите, господа, къ бѣлоруссамъ: будете и сыты, и пчелами станете, а не коптителами неба! Но они не пойдутъ,—помилуйте, глушь, тоска!.. Имъ легче пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ задуматься надъ очевиднымъ: а вѣдь въ глуши то живетъ еще и помѣщикъ, священникъ, учитель...

Въ Витебскѣ и Полоцкѣ, у св. евфросиніевыхъ мощей, крестьяне вздыхая говорили: «якъ панства мало!» Передаваясь изъ усть въ уста и, разумѣется, проникая въ душу, слова эти не рождали ли въ ней скорби и страшнаго вопроса: если паны (господа) не пришли къ православнои святой, то отчего? Во власти ли они религіозной вѣры, или они уже отшатнулись отъ вѣры,—отъ этого маяка, который ведетъ миллионы ихъ—крестьянъ,—и за православный свѣтъ котораго они отдавали себя на поруганія и истязанія?

— «Якъ мало было панства!»

Это разнесется по деревнямъ и не понизитъ-ли подъемъ народнаго духа и народнаго восторга отъ пережитыхъ свѣтлыхъ часовъ возлѣ святой княжны? Не увянутъ ли зеленныя вѣтви—надежда,—съ которыми десятки тысячъ деревенскихъ бѣлоруссовъ входили въ Полоцкъ, а ранѣе того—въ Витебскъ, въ Могилевъ и т. д.? Не сгустятся ли еще больше туманы надъ бѣлорусскими деревнями, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ прекратиться? Въ самомъ дѣлѣ, если народъ и интеллигенція расходятся; если великій народный праздникъ для интеллигенціи чуждъ, то какой-же итогъ? Чего ждать въ будущемъ государству и отъ государства? Да, безъ помощи образованнаго общества деревенціи не вырваться изъ трясины и лѣснаго мрака, но и безъ народа нѣтъ спасенія интеллигенціи. И на что свѣтъ, если онъ не одолеваетъ ночи?

Но религіозныхъ, хорошихъ бѣлоруссовъ жаль. Панство, разъ оно не утратило совсѣмъ гражданской чуткости, пусть не медлитъ, а идетъ къ нимъ съ тѣмъ, что просвѣтляетъ и дѣлаетъ цѣнной человѣческую жизнь и можетъ служить могучимъ противовѣсомъ польско-католической пропагандѣ. Надо помнить: чѣмъ болѣе спимъ мы, тѣмъ старательнѣе уловляютъ ксендзы и подсобники ихъ. Между прочимъ, не просто они украшаютъ снаружи и внутри костелы, елико возможно; не просто вслѣдъ за нашими крестными ходами выходятъ съ «ангельскими» хорами и оркестрами музыки; они стараются восхитить зрѣніе и слухъ, умъ и сердце православнаго бѣлорускаго крестьянина; рядомъ съ этимъ, какъ бѣдны православныя храмы въ Бѣлоруссіи! А надо ли доказывать, что бѣдная отдѣлкою церковь, напримѣръ, въ Москвѣ, между прочими величавыми, сіяющими, блистающими храмами не производитъ такого гнетущаго впечатлѣнія на вѣрующаго человѣка, какъ видъ сплошь убогихъ въ епархіи церквей. Пышный костель и жалкая церковь, стоящіе другъ противъ друга, какъ вы думаете, не жгутъ душъ православныхъ бѣлоруссовъ?! Но они бѣдны, какъ болотныя вулики. *И вотъ куда (въ Бѣлорусскія епархіи!) необходимо направлять лепты — на украшеніе православныхъ храмовъ.* Это дѣло богоугодное и государственнаго значенія; эта одна сторона «панской» дѣятельности, ибо другая сторона—въ устремленіи интеллигенціи въ деревенскую глушь съ цѣлью потрудиться для нея, опираясь на всѣ свои знанія. Народъ же умѣетъ вознаграждать и вознаграждаетъ трудящихся для него. Матери должны, вмѣстѣ

съ молокомъ своимъ, впитывать въ дѣтей убѣжденіе, что ихъ прямой долгъ служеніе обездоленнымъ и полузрячимъ! Пора не каплями, а волнами смывать народное неустройство и невзгоды. Надо быть на стражѣ.— «Якъ мало панства!» А панство въ отвѣтъ: нѣтъ, бѣлоруссъ, много насъ и съ тобою мы, хотимъ потрудиться «для тебя». Вотъ, что надо!

Павелъ Россіевъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова* и *Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

СОДЕРЖАНИЕ МАЙСКОЙ И ИЮНЬСКОЙ КНИГЪ ЖУРНАЛА
„СВѢТОЧЬ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ за 1910 годъ.

«СВѢТОЧЪ».

БУДУЩІЙ ИНОКЪ.—Иллюстр. на отдѣльн. листѣ.—Съ карт. Богданова-Бѣльскаго. ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬИ—Иллюстр. на отд. листѣ.—Съ карт. В. М. Васнецова. СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ—Иллюстр. на отд. листѣ.—Съ карт. В. Маковского. ВДОХНОВЕНИЕ.—Стих.—А. В. Круглова. СУХІЕ ЦВѢТЫ—Сказка жизни.—А. Н. Догановичъ. „ТО, ЧТО БЫЛО, ТОГО НЕ ДАНО НАМЪ ВЕРНУТЬ“...—Стих.—Д. И. Павлова. ПОРВАННЫЯ СТРУНЫ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть 1-я. Гл. I—XIII.—А. А. Красовской. „ЛѢТНЕЕ СОЛНЦЕ ИГРАЕТЪ ЛУЧАМИ“...—Стих.—Б. В. Каховскаго. ОБЩІЙ ВИДЪ ТЕРЕМОВЪ ВЪ МОСКВѢ.—Иллюстр. на отд. листѣ. СИМФОНІЯ ВЕСНЫ.—Этюдь.—Н. А. Мучника. СОВРЕМЕННОЕ ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ И ЕГО РОЛЬ ВЪ БУДУЩЕЙ ВОЙНѢ—Окончаніе.—Полковника генеральн. штаба М. А. Дормана. ПЕРЕЖИТОЕ.—Воспоминанія—Часть 3 я. Глава VIII—IX.—А. В. Круглова. „Я НЕ ЗНАЮ—БОГДА, НЕ ПОЙМУ—ПОЧЕМУ“...—Стих.—К. П. Медвѣдскаго. САНДПУ и МУКЛЕНЪ.—Воспоминанія.—I.—Л. Н. Бѣльковича. ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭКСКУРСІЙ.—Впечатленія и встрѣчи.—I.—Л. А. Коцевольской. ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ.—Стих.—А. К. „ЗОВЕТЪ ВЕСНА ЛУЧОМЪ ЖИВЫМЪ“...—Стих.—Ф. И. Чернова. ПОДЪ КРИТИЧЕСКИМЪ СКАЛЬПЕЛЕМЪ.—Крит. этюдъ.—А. А. Горскаго. ИСКРЫ.—ИСТОРІЯ СЪ ЧЕМОДАНАМИ.—Комедія въ 2-хъ дѣйств.—Н. В. Каховскаго. НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ. (Иллюстраціи въ текстѣ.—Вишѣтки и заставки).

«ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ».

БЕСѢДА.—Живые уроки.—I. На похоронныя деньги.—II. „Равнодушный“.—А. В. Круглова. НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ. I.—Странички. 1—О памяти.—2—Школьная душа.—3—Развлеченія для лондонскихъ дѣтей.—М. В. Безобразовой. II.—Библиографія. III.—Книги для школьной, дѣтской и семейной бібліотеки. ПТИЦЕЛОВЪ—Иллюстр. на отд. листѣ.—Съ карт. В. Г. Перова. ХРАМЪ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО ВЪ МОСКВѢ.—Иллюстр. на отд. листѣ. ЧУДО-БОГАТЫРЬ.—Стих.—Д. П. Варлыгина. ИЗЪ ПОЛОЦКА.—(Письмо въ редакцію).—Путника. КЕЛЬЯ ПРЕП. ЕВФРОСИНИ ПОЛОЦКОЙ.—Иллюстр. на отд. листѣ. ОБО ВСЕМЪ. (Св. Евфросинія, княжна Полоцкая. Снимокъ съ иконы. Иллюстр. на отд. листѣ.—Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая. Этюдъ. Зрителя.—Слѣдованіе св. мощей преподобной Евфросиніи.—Князь-соколь.—У князя Пожарскаго. Иллюстр. на отд. листѣ.—Памяти И. З. Сурикова.—Некрологи: Протопресвитеръ А. А. Желобовскій, Вл. И. Семеновъ, Полина Віардо, Элиза Ожешко.—Охота на лисицъ въ церкви—Безпримѣрный подвигъ нашихъ войскъ.—Полетъ на воздушномъ шарѣ). ВНИМАНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ. КРАСНЫЯ СЛОВА. ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. ПОТРЕВОЖЕННЫЕ.—Деревенскіе силуэты.—А. В. Круглова. Листы 3 и 4.—(Безплатное приложеніе).—Въ концѣ журнала. (Иллюстраціи въ текстѣ.—Вишѣтки и заставки).

Подписка продолжается.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская ул., уг. Брюсовскаго пер., д. гр. Олсуфьевой. Издателью-редактору А. В. Круглову.

П Р И Р Е Д А К Ц И И
„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея **Д. Ѳ. Касицына**, редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІИ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой. Т. III, вып. 1. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) **Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году** Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) **Костромскія поученія за 1897 годъ.** Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) **Костромскія поученія за 1898 годъ.** Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) **Костромскія поученія за 1899 годъ.** Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) **Костромскія поученія за 1900 годъ.** Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) **Костромскія поученія за 1901 г.** Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) **Костромскія поученія за 1902 годъ.** Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) **Костромскія поученія за 1903 годъ.** Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 9) **Костромскія поученія за 1904 годъ.** Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) **Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ.** 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) **Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ:** Іереміи, Іезекіиля, Давиила, Іоиля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) **Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исаи.** Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) **Голосъ пастыря.** 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) **Духовная пища.** Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) **Изъясненіе молитвы Господней.** Ц. 15 к. 16) **Христіанскіе уроки.** Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) **Сборникъ для назидательнаго чтенія.** Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) **Духовный свѣтъ.** Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 19) **О вечернѣ.** Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣновъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе **Д. Касицына.** Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврическій. Ц. 1 р. съ пересылк.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 гг по 15 к. за каждое десятилітіе

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Радость богосозерцанія.

Высшая радость человѣка, по свидѣтельству Евангелія, видѣть Бога (Мѡ. 5, 8).—Въ этой радости жили перво-зданные люди до своего паденія. Ихъ чистая, свѣтлая душа искала и соприкасалась съ Высшей Чистотой: человѣкъ былъ, какъ Богъ (Быт. 3, 22). Это соприкоснове-ніе, лицезрѣніе и близкое общеніе съ всеблаженнымъ Богомъ давало сердцу человѣка довольство и блаженство, а уму свѣтъ яснаго и совершеннаго вѣдѣнія.

Но грѣхъ повредилъ природу. Далеко ушелъ отъ Бога человѣкъ. Иные изъ людей совсѣмъ забыли Бога, другіе помнятъ Его, но потеряли путь къ Нему,—хотѣли бы они «обрѣсти Его и осязать», но не нашли въ себѣ на то силы.

А этотъ потерянный путь такъ простъ, такъ близокъ къ намъ. Открой сердце для Бога, и Богъ явится къ тебѣ. Христось близъ тебя. Онъ у дверей сердца твоего стоитъ и стучитъ. А вы только обратитесь къ Нему и просите, «просите и получите, и радость ваша будетъ совершенная,—вы теперъ имѣете печаль, но опять вы увидите Меня, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ отъ васъ» (Іоан., 16, 22).

Какъ радуется человѣкъ тою радостью, которую обѣщаль Христось, говорить намъ примѣръ апостоловъ, бывшихъ свидѣтелями «преображенія Господня».

Лицо Христа просіяло, какъ солнце, одежды Его сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ (Мѡ. 17, 2). Преобразился Хри-

стось. Обыкновенное человѣческое тѣло и одежда приняли другой видъ. Все стало свѣтлымъ, заблестало неземнымъ свѣтомъ. Божественная слава осіяла и исполнила собою человѣческое и земное естество. И увидѣли ученики славу Божию, насколько могли они видѣть естественнымъ зрѣніемъ сверхъестественное, божественное. Увидѣли и... пережили моментъ неопикуемой радости. Господи, въ восторгѣ восклицаетъ ап. Петръ, какъ хорошо намъ здѣсь! Если хочешь, мы построимъ три палатки: Тебѣ, Моисею и Іліи. И не зналъ онъ, что говорилъ (Мр. 9, 6). Такъ необыкновенно радостно было на сердцѣ, что хотѣлось какъ можно долѣе удержать эту радость; хотѣлось, чтобы не недѣли, мѣсяцы, годы, а всю жизнь не оставляла эта восторженная радость. Скажи, восклицаетъ апостоль, и мы сейчасъ устроимъ жилище, гдѣ будешь всегда пребывать Ты и Твои святые собесѣдники, а мы останемся здѣсь и будемъ зрителями «небесной славы». Намъ при наличности переживаемой радости не надо ничего ни отъ жизни, ни отъ земли, ни отъ людей. Ни время, ни земля, хотя бы мы цѣлую вѣчность жили на ней, не дадутъ намъ болѣе и совершеннѣйшей радости. Апостоль былъ внѣ себя отъ охватившихъ его восторженныхъ чувствъ.

Вотъ совершенная, чистая, святая радость, предъ которой блекнутъ всѣ радости міра. Эта радость зрѣнія Бога и Божественной славы въ человѣческомъ естествѣ, разъ пережитая сердцемъ, дѣлается насущной потребностью сердца, предметомъ исканія, воспламеняетъ сердце сильнѣйшимъ огнемъ любви къ Подателю этой радости, изгоняетъ изъ души всѣ недоумѣнія и сомнѣнія относительно тайнъ вѣры, вызываемыя пытливостью ума, и, приближая такимъ образомъ душу къ Богу, вливаетъ въ нее твердость, стойкость и силу терпѣнія. Сила человѣческая крѣпнетъ небесною силой. Вотъ почему церковныя пѣснопѣнія, прославляющія праздникъ Преображенія, говорятъ, что апостолы удостоены были необычайнаго видѣнія «божественной славы» затѣмъ, чтобы «егда уз-

рять Христа распинаема, страданіе разумѣють вольное и мірови проповѣдаютъ, яко Онъ воистину Отчее сіяніе.

* * *

Зрѣли «славу Божию» и не одни апостолы. Жизнь мучениковъ и преподобныхъ преизобилуетъ сказаніями о лицезрѣніи ими Бога.—Мученица Варвара, на примѣръ, послѣ жестокихъ мученій была брошена въ темницу. Здѣсь она въ тяжкихъ страданіяхъ молится Христу словами Пророка: Не оставь меня, Господи, не отступи отъ меня, вонми въ помощь мою (Пс. 37, 22). Когда она молилась, въ полночь сильный свѣтъ озарилъ ее, и предсталъ предъ нею Христосъ. Дерзай и не бойся. Я съ тобою!—сказалъ Онъ.—О, какую она сладость испытала, когда увидѣла Его. Какъ воскъ отъ огня, такъ таяла она отъ желанія соединиться съ Богомъ,—какъ полна рѣка во время разлива, такъ преисполнена была она любовью къ Богу... И пребывала св. Варвара въ темницѣ какъ бы на небѣ, пылая подобно серафимамъ славословіемъ Богу, не презрѣвшему рабы Своей. И мученія и самую смерть приняла она безъ страха и содроганія, такъ какъ духовнымъ взоромъ своимъ продолжала лицезрѣть Христа, какъ видѣла Его тѣлесными очами. Я съ тобою!—эти слова съ особою силой вспоминала она въ минуты острыхъ мученій,—эти слова озарили свѣтлой улыбкой радости лицо мученицы послѣ того, какъ она, вздохнувъ послѣдній разъ, отдала душу Богу (Чт. Мин.).

Видѣнія небесныя укрѣпляютъ вѣру людей и поддерживаютъ ихъ въ трудахъ подвижническихъ.—Небесную славу удостоился видѣть преподобный Серафимъ. «Вотъ я, убогій, говоритъ онъ о себѣ, восхищенъ былъ въ небесныя обители, въ тѣлѣ или безъ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть. О той радости и сладости, которую я вкушалъ, и сказать невозможно. Если бы келлія наша была полна червей и черви эти ѣли нашу плоть во всю временную жизнь, то надо бы было согласиться, чтобы только не лишиться той не-

бесной радости».—Подъ впечатлѣніемъ небснаго видѣнія несеніе подвига дѣлается долгомъ крестоношенія и утрачиваетъ гнетущую мысль о тяжести креста,—подвигъ становится естественной необходимостью. Человѣкъ понялъ, для чего онъ долженъ жить,—понялъ, какъ надо жить, чтобы быть достойнымъ той великой радости, которую сердце пережило въ моментъ видѣнія. Страхъ потерять надежду на эту радость обезцѣниваетъ всѣ радости земныя, ограждаетъ душу отъ искушеній, и трудъ ради Бога дѣлается сладостнымъ...

Видѣнія небсныя даютъ возможность ощутить близость Бога, и прикоснувшіеся къ краю ризы «Святыхъ Святѣйшаго» уже невольно обращаютъ лицо свое къ небу. Святитель Тихонъ Воронежскій свидѣтельствуемъ, какое глубокое впечатлѣніе производятъ на душу необычныя видѣнія. Въ молодости, когда онъ былъ еще міряниномъ и былъ на учительской должности, часто и сильно задумывался онъ надъ вопросомъ, какъ устроить свою жизнь. Родные и близкіе ему люди доказывали, что необходимо ему вступить въ бракъ и служить... Внутренній голосъ влекъ къ созерцательной жизни и уединенію. — Трудно было сдѣлать рѣшительный шагъ. Молодость и окружающая среда влекли въ міръ, а душа въ нѣдрахъ своихъ таила тяготѣніе къ монастырю. На такомъ распутіи, въ раздумьи и нерѣшительности возложилъ онъ на Бога печаль свою и сталъ молиться. Скажи мнѣ, Господи, путь, куда я пойду!—такъ взывалъ онъ часто устами и сердцемъ. Вотъ въ это-то время имѣлъ онъ видѣніе, о которомъ вспоминалъ онъ съ восторгомъ до конца своей жизни. Однажды въ свѣтлую майскую ночь вышелъ онъ на крыльцо, которое было на сѣверную сторону, и размышлялъ о небѣ и вѣчности. Вдругъ предо мной, рассказывалъ въ Задонскѣ св. Тихонъ, какъ бы разверзлись небеса, и увидѣлъ я такое сіяніе и свѣтъ, что браннымъ языкомъ сказать и умомъ понять невозможно. Глаза померкли отъ этого свѣта. Это было на короткое время.

Небо опять приняло естественный видъ. Отъ этого видѣнія я возымѣлъ особенно горячее желаніе къ уединенной жизни, и долго послѣ того чувствовалъ удовольствіе и восхищался умомъ; и понынѣ — прибавлялъ онъ, — когда вспоминаю, то ощущаю въ сердцѣ своемъ веселіе и радость. (Жит. св. Тихона по изд. 1862 г., стр. 10).

И не только сами богосозерцатели ощутительно переживали особенный подъемъ духа и восторженное состояніе сердца, и вдохновлялись на подвигъ, но ихъ примѣръ, ихъ слово, полное сильнѣйшаго настроенія, имѣютъ силу неотразимо дѣйствовать на душу человѣка. Слово и примѣръ ихъ вызываютъ любовь къ духовной жизни, даютъ уснувшей и погрязшей въ земныхъ дѣлахъ и утѣшеніяхъ душѣ толчокъ къ пробужденію, въ изсохшее сердце, опустившееся, отчаявшееся, вливаютъ животворяныя струи смысла жизни, научаютъ время оцѣнивать при свѣтѣ вѣчности, а землю—при свѣтѣ неба.—Одному пашковцу въ частной бесѣдѣ стали читать выдержки изъ твореній св. Симеона, новаго богослова. Тотъ, недовѣрчиво относившійся ко всему церковному и неохотно приступившій къ слушанію, по мѣрѣ углубленія въ предметъ становился все внимательнѣе и внимательнѣе,—отъ мыслей богоноснаго отца приходилъ въ изумленіе и умиленіе...—Другой случай: врачъ, бывший революціонеръ, сознавался, что когда онъ думалъ, что уже нигдѣ нѣтъ новыхъ источниковъ жизни, случайно прочитанныя имъ страницы изъ Исаака Сирина приковали къ себѣ его умъ своей глубиной, а сердце—своей силой. Св. Исаакъ показалъ ему, по его словамъ, реальность бытія иного міра.—Вотъ онъ—духъ истиннаго богосозерцанія, духъ истиннаго миссіонера—отшельника, пробивающаго брешь въ сердцѣ современнаго интеллигента. И все это потому, что «святые отцы говорятъ о странѣ, въ которой сами были» (Новоселовъ. Забытый путь, стр. 55).

Откровенія неба доступны не однимъ избранникамъ, обрекшимъ себя на подвижничество и отшельничество. И міръ давно знакомъ съ ними. Типичный голосъ его слы-

шимъ отъ одного изъ современныхъ мірянъ. «Вспоминается мнѣ, рассказываетъ онъ о себѣ, одинъ моментъ моей личной жизни. Я сильно мучился тогда религіозными вопросами. Послѣ бурнаго періода теоретическихъ отрицаній и нравственныхъ паденій я рвался къ радостному берегу положительной религіи. Было лѣто. Я лежалъ на травѣ, смотрѣлъ на голубое небо и думалъ о томъ, о чемъ думалъ тогда каждую минуту: что такое Богъ? И вотъ мнѣ стало казаться, что я поднимаюсь отъ земли, что кругомъ меня такое же ясное голубое небо, какъ передо мной, и я полетѣлъ впередъ. Дальше, дальше. Я напрягалъ все существо свое, чтобы не останавливаться, чтобы представить себѣ безконечность. Я лечу миллионы, сотни миллионъ верстъ, но конца все нѣтъ; я сознаю, что лечу въ безпредѣльность. Нѣтъ края, нѣтъ конца!. Мнѣ жутко и радостно, страшно и свѣтло становится отъ этого загадочнаго слова. А я все лечу... Что-то ширилось и росло въ моей душѣ, точно новый міръ открывался. Безконечность!. Вотъ то слово, чрезъ которое, если человѣкъ существомъ своимъ его переживетъ, не можетъ не познать Бога. И синее небо кругомъ меня все плыло и плыло куда то, а я становился все меньше и легче. Душа была полна такихъ чудныхъ звуковъ: она коснулась вѣчности. Господь былъ близко, рядомъ... И не было конца, а была лишь вѣчная, безграничная радость...—Я лежалъ нѣсколькихъ часовъ въ глубокомъ обморокѣ,—но когда пришелъ въ себя, для меня было ясно одно: буду ли я грѣшить, падать, погибать, окунусь ли опять въ темную, грязную жизнь, буду ли самолюбивъ, жестокъ, лживъ,—но я никогда—никогда не забуду того, что узналъ. Я могу упасть въ пропасть, но въ душѣ своей и туда унесу Небо. И Оно спасетъ меня въ концѣ концовъ!—И съ тѣхъ поръ вокругъ себя я чувствую какую-то уютность и ласку, чувствую радость жизни, счастье безконечности,—а въ минуты грѣха — острую боль и обиду за себя самого» (Свенцицкій. Письма ко всѣмъ, стр. 67).

Говорить о богосозерцаніи,—всякому понятно,—значить говорить о предметѣ, котораго не всякое око видѣло, не всякое ухо слышало. А такіе предметы всегда возбуждаютъ въ людяхъ сомнѣнія, недоумѣнія. И только всесторонній опытъ можетъ быть убѣдительнѣе, и то для непредубѣжденнаго. Вотъ почему и приведено свидѣтельство опыта изъ разныхъ областей жизни.

Вести показанія этого опыта въ сознаніе людей, воскресить въ душѣ исканіе Бога, исканіе радости богообщенія, исканіе правды Божіей—это насущный долгъ нашихъ дней по преимуществу.—Кому не ясно, какое опустошеніе въ народной душѣ производятъ нынѣшнія модныя теоріи и ученія, проникнутыя тономъ исключительно практическимъ и матеріальнымъ. Этотъ современный матеріализмъ очень удобенъ, такъ какъ очень понятенъ всѣмъ и общедоступенъ. Онъ съ большой ловкостью и удобствомъ отбрасываетъ трудные вопросы для ума и упраздняетъ сложныя задачи духа,—умѣетъ всѣмъ угодить и много пообѣщать. Доводы его просты и до осязательности ясны. И прельщаются имъ многіе, не замѣчая, что попадаютъ въ брѣвную и тѣсную клѣтку. Въ этой заманчивой снаружи клѣткѣ такъ тѣсно, такъ холодно и голодно, что расти человѣкъ уже не можетъ. Желѣзныя прутья больно врѣзаются ему въ грудь, и яркія краски лица смѣняются восковымъ цвѣтомъ покойника. Душа, прикованная къ землѣ, безъ свѣта небеснаго чахнетъ, уродуется, обезсиливаетъ.

Чтобы духъ человѣческой могъ свободно вздохнуть и дать просторъ всѣмъ силамъ, заключеннымъ въ нашей душѣ, человѣкъ долженъ смѣло взглянуть туда, куда ему нынѣшнее правтическое направленіе запрещаетъ смотрѣть подъ страхомъ всенароднаго осмѣянія. Онъ долженъ сбросить съ себя ярмо рабства отъ духа времени, ярмо, полусознательно взятое очень многими. Духъ человѣка долженъ начать новую жизнь,—и въ сущности не новую, но забытую, отброшенную, поруганную и осмѣянную,—

долженъ возвратить сродную себѣ стихію, а эта стихія— Богъ.

Страхни, гражданинъ, эту наносную пыль, застилающую глаза, осиль охватившее душу увлеченіе внѣшнимъ и матеріальнымъ, и тогда... «со всѣхъ сторонъ раздвинутся предъ нимъ долго душившія его стѣны духовной тюрьмы. Онъ узритъ Бога. Онъ почувствуетъ себя не только гражданиномъ земли, но и гражданиномъ неба. Онъ пойметъ, какъ узка, мертва, ненужна, бессмысленна была его жизнь. Онъ пойметъ, что не зналъ самаго главнаго: смысла жизни своей и смысла жизни міра. Онъ почувствуетъ себя соединеннымъ со всѣми людьми, жившими тысячи лѣтъ назадъ, и со всѣми, которые будутъ жить когда-либо,— почувствуетъ себя живущимъ общею жизнью съ природою, съ людьми, съ міромъ, съ Богомъ. И пойметъ тогда, какое счастье чувствовать жизнь, какое счастье не знать одиночества, любить всѣхъ, жить для всѣхъ и чаять грядущаго воскресенія.

Восторгъ новый, невѣдомый охватитъ его душу,—радость, все существо проникающая, наполнить его,—и ему спасенному, прозрѣвшему, преображенному духомъ, захочется всей жизнью своей служить и славословить Того, Кто создалъ и эту жизнь, и эту радость».

Радость «успенія».

Въ приморскомъ городѣ Газѣ жилъ человекъ, по имени Еглонъ, много лѣтъ бывший судьей и владѣвшій большимъ состояніемъ. Передъ смертью такъ онъ рассказывалъ о себѣ: моя юность протекла спокойно, не зналъ я жизненныхъ заботъ. Когда сдѣлался взрослымъ, меня назначили судьей, и видѣлъ я ото всѣхъ довѣріе и почетъ. Къ довершенію всего я былъ счастливый семьянинъ. Но вотъ однажды постигла меня тяжелая болѣзнь, нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ я въ постели, и врачи сказали: онъ умереть. Въ это время явился ко мнѣ ангелъ смерти. Лицо его показалось мнѣ страшнымъ, и я заклиналъ его пройти мимо.

Онъ прошелъ, и я выздоровѣлъ. Жизнь шла еще болѣе привлекательно. У меня было въ это время двое дѣтей. Видѣть, какъ они росли, было для меня то же, что дышать весеннимъ днемъ. Тогда всѣ мои сограждане говорили: какой онъ счастливый и дома, и внѣ дома! — Но вотъ пришла чума. Оба ребенка умерли. Мать ихъ слегла въ постель и говорила: малютокъ не стало, и я не переживу ихъ! — Такъ говорила она и дѣйствительно умерла. Я остался одинъ среди своей роскоши. Домъ мой сдѣлался для меня и слишкомъ широкимъ, и слишкомъ тѣснымъ. Тогда въ жестокомъ негодованіи на жизнь я сталъ звать ангела смерти. Онъ явился ко мнѣ, но прошелъ мимо меня съ своимъ мрачнымъ лицомъ, и я въ слѣдъ закричалъ ему: въ морской глубинѣ я найду тебя, чтобы ты соединилъ меня съ тѣми, кого отнял... Что мнѣ земная жизнь! — И пошелъ я на берегъ моря.

Но по дорогѣ услышалъ въ одной избушкѣ стоны и вошелъ туда. Тамъ лежала на полу женщина, рвавшая на себѣ волосы; семеро дѣтей плакали вокругъ нея. Возлѣ стоялъ сгорбленный старикъ. Что съ ней? спросилъ я. Старикъ отвѣчалъ: Въ послѣднюю бурю мужъ ея, мой сынъ, утонулъ вмѣстѣ съ своей лодкой. Богачъ, ссудившій его деньгами на расходы, потребовалъ теперь ихъ обратно,—онъ взялъ все, что нашель, а завтра выгонить насъ изъ избушки.—Мнѣ стало жаль ихъ. Я перевелъ ихъ въ свой домъ и помогалъ имъ. И вотъ съ тѣхъ поръ я просвѣтлѣлъ умственно; я созналъ, какъ бѣденъ я предъ лицомъ Божиимъ, и что самъ я предъ Нимъ гораздо болѣе должникъ въ сравненіи съ тѣми, кому помогалъ.

Вотъ нынѣ я опять видѣлъ ангела смерти. Я вижу его третій разъ, и скоро я узнаю его. Но уже не такимъ, какъ прежде, я видѣлъ его. Въ дни безмятежнаго счастья онъ явился мнѣ ангеломъ — губителемъ, — въ дни тяжелыхъ страданій — тюремщикомъ, назначеннымъ подавать заключеннымъ чашу съ ядомъ. Теперь же я узнаю въ немъ того, кто онъ есть на самомъ дѣлѣ,—узнаю вѣстника мира, друга, который пришелъ, чтобы увести меня туда, гдѣ мое сокровище.—И я иду охотно, съ радостью.—Склонился старикъ на изголовье и умеръ (Крумахеръ).

Итакъ, когда человѣкъ переживалъ счастливую пору довольства, успѣха, покоя, когда въ вопросахъ земного благополучія заключена была жизнь и все ея содержаніе,—смерть навѣвала ужась. Когда постигали несчастія, потери, испытанія—смерть была мрачна, но казалась единственнымъ исходомъ, избавляющимъ отъ скорбей. И только тогда, когда взоръ человѣка оторванъ былъ отъ земли, когда понялъ человѣкъ, что онъ человѣкъ, т.-е. существо, челою въ вѣчность обращенное, когда сердце начало искать Бога и смирилось подъ Его законъ любви и милосердія,—только тогда человѣкъ прозрѣлъ и ясно различилъ, что предъ нимъ въ лицѣ смерти не врагъ, но бла-

гожелатель, соединяющій его съ тѣмъ и тѣми, кто и что близко и дорого сердцу его. И смерть перестала быть страшной.

Не то же ли надо сказать и о радости христіанскаго «успенія»?

* * *

И христіане къ вопросу смерти относятся часто не похристіански.

Дитя бѣгаетъ по цвѣтущему лугу и гоняется за мотылькомъ. Его зовутъ домой. О, какъ досаденъ этотъ зовъ! — Почему? Человѣку нравится жить внѣ себя, его тѣшитъ разнообразіе и разсѣянность, ему весело на лонѣ природы, богатой, разнообразной, непрестанно обновляющейся и какъ-будто вѣчно празднующей. И, конечно, что лучше раздолья, простора, свободы при постоянной смѣнѣ предметовъ, явленій, впечатлѣній! И бѣжить дитя по роскошнымъ ксврамъ весны, которыми щедро она устилаетъ землю. Споткнулся ребенокъ, упалъ, ушибся, усталъ, что до этого? Онъ горитъ жизнерадостностью, некогда ему останавливаться на мелкихъ огорченіяхъ.

Такъ и взрослые. Какъ прекрасенъ свѣтъ со всѣми его обаяніями, приманками, планами, надеждами и удовольствіями! «Куда ни взгляни, вездѣ какъ будто волшебствомъ рисуются картины блаженства и манятъ къ наслажденію.—Вонъ тамъ узорчато разнообразными формами ослѣпляютъ зрѣніе виды богатства, очаровываетъ воображеніе прелесть роскоши. Неужели не стоитъ труда достигнуть сокровища и, сдѣлавшись его обладателемъ, украсить имъ свою жизнь? И искатель драгоценнаго камня неутомимо бѣжить за блестящимъ метеоромъ, пока не успокоится подъ камнемъ могильнымъ.— Вотъ отсюда идетъ тропинка на ту высокую гору, облитую радужнымъ сіяніемъ почестей, славы и власти. Неужели не стоитъ возможныхъ усилій подняться на эту высоту и вступить въ ряды той блестящей фаланги, чтобы жизнь шла шире, сдѣлалась показнѣе, выпуклѣе и для всѣхъ»

замѣтнѣе? И маленькій кесарь рѣшается на борьбу со всѣми препятствіями, идетъ, падаетъ, встаетъ, пока... не пробьетъ его грозный часъ, и онъ услышитъ съвозъ звонъ и шумъ орденовъ и чиновъ и соединенной съ ними славы роковыя слова: ты отъ земли, и земля твой удѣлъ!—Вотъ здѣсь большое собраніе народа,—раздаются пріятные звуки веселья. Неужели не стоитъ нѣсколькихъ часовъ времени, чтобы, вмѣшавшись въ эту веселую толпу, раздѣлить съ нею ея радость? И заботливо ищетъ человѣкъ удовольствій, пока не притупится окончательно вкусъ, и не изсягнетъ живое чувство...—Такъ всю свою жизнь мы большею частью проводимъ внѣ себя, гоняясь то за матеріальными выгодами, то за внѣшнимъ блескомъ, то за пустыми развлеченіями. Весну жизни смѣняетъ лѣто, за лѣтомъ быстро приходятъ осень и зима... Вдругъ все блекнетъ, замираетъ» (Карповъ. О самопознаніи).—Замираетъ! И все тутъ? Да, заботы, скорби, борьба и... смерть,—послѣ всѣхъ суетъ—холодная могила: это общая пристань, общій удѣлъ. Какъ же не назвать смерть страшною?—И многіе боятся ея.

Этотъ страхъ убиваетъ духъ человѣка. — Въ виду неотвратимости «страшнаго» конца падаетъ бодрость духа, и погружается человѣкъ въ матеріальныя стихіи земного, рабски подчиняется дѣйствующимъ въ нихъ законамъ и приходитъ къ выводу:

Живи, какъ все живетъ! Минутною волной

Плесни и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,

И не дерзай вставать на буйный споръ со мной
(природой),

Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!

Другіе, нося тотъ же рабскій духъ предъ неизбѣжнымъ, трусливо озираются на эту необходимость,—и смерть, когда она приходитъ, влечутъ какъ разлучницу съ тѣми благами, которыя были близки сердцу ихъ.—Тотъ же тонъ отчаянія слышится и съ другой стороны, когда обращаютъ люди лицо свое къ ангелу смерти, чтобы онъ, какъ всеобщій тюремщикъ, подаль чашу съ ядомъ для избав-

ленія отъ скорбей. Хроника самоубійствъ, о чемъ уже говорилось, ежедневно даетъ массу иллюстрацій.—Тому же грѣху повинны и тѣ, кто старается замолчать смерть. А стараются у насъ молчать о смерти, чтобы не говорить о безсмертіи и не трогать вопросъ вѣчности.

Достигнуть полной политической свободы, свергнуть экономическое рабство, водворить на землѣ счастье и довольство,—вотъ предметъ, о которомъ многіе мечтаютъ и мечтой искренно увлекаются. Мы будемъ свободны, мы побѣдимъ преграды, мы подчинимъ себѣ законы необходимости и войдемъ въ новое царство. Не будетъ ни властей, ни судей, ни тюремъ; каждая свободная личность станетъ царемъ вольнымъ и могучимъ. Мы сорвемъ съ рукъ кандалы и разорвемъ цѣпи рабства, мѣшающія счастью... Заманчивые виды!—И пусть сбудутся эти мечты. Много ли въ томъ радости? Условія для развитія личности, допустимъ, созданы, но *ваша* личность развиваться не можетъ: она, призванная бороться за необходимыя внѣшнія условія, лишена внутренняго содержанія, внутренней силы—«абсолютной цѣнности». Безъ мысли о безсмертіи весь смыслъ жизни сводится къ борьбѣ внѣшней. Но если путемъ борьбы все обѣщанное будетъ достигнуто, какой будетъ смыслъ дальнѣйшаго существованія? Пока передъ глазами «торжествующій врагъ», внутренняя пустота скрыта за ширмой ожидаемой побѣды. А зачѣмъ будетъ жить и какими разумными и прочными интересами будетъ человекъ жить, если всѣ сказанныя надежды осуществятся? Какъ ни живи, удѣлъ одинъ—смерть. «Если не побѣждена смерть, всякая побѣда—ложь, праздныя слова, обольстительный миражъ. Ложь, что человекъ—царь, что онъ свободенъ, что жизнь идетъ впередъ,—ложь потому, что со всей своей свободой и побѣдой, чуть остановится сердечный клапанъ, царь превращается въ гниющій, зловонный кусокъ мяса. Увлекательныя рѣчи о царствѣ счастья на землѣ обманываютъ довѣрчивыхъ людей, приводятъ ихъ къ пустой, безпросвѣтно-мрачной могилѣ и говорятъ: ложитесь туда, вы свободны! Въ борьбѣ со зломъ

жизни люди забываютъ главное и возлюбленное дѣтище зла—смерть». Нужно придумать лѣкарство не только противъ неурядковъ общественной жизни, но и противъ смерти. Но что можетъ дать здѣсь та или иная форма правленія, такой или иной общественный строй? Нынѣшніе «спасители міра» понимаютъ, что вопросъ о смерти и побѣдѣ надъ ней долженъ отвлекать взоръ людей въ сторону Христа Спасителя,—а этого они не хотятъ и молчать о смерти, дважды страшась ея: и тѣломъ, и духомъ.

Такъ затемняется и искажается понятіе о смерти и отношеніе къ ней въ душахъ, поработанныхъ практическимъ духомъ времени.—Очистимъ чувства, и узримъ въ неприступномъ свѣтѣ воскресеніе Христа!

* * *

Христось воскресъ. Попралъ смертію смерть. И мы знаемъ, что «воскресившій Господа Іисуса Христа воскресить и насъ чрезъ Него и поставитъ предъ Собою». Кратковременное и легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ избыткѣ вѣчную славу. Земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный (2 Кор., 4 14.). Христось воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ (1 Кор., 15, 20). Христось Спаситель неоднократно говорилъ народу, что всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ голосъ Сына Божія и услышавши оживутъ. И вѣруемъ мы, что Христось расторгнулъ узы смерти (Дѣян. 2, 24).—Чрезъ эту вѣру смерть дѣлается «успеніемъ», сномъ тѣла, которое, истлѣвъ въ землѣ, во время свое опять восстановлено будетъ и соединится съ душой. Въ этомъ—радость нашего упованія: «радуйтесь и паки реку: радуйтесь!»

Нашъ духовный отецъ, Авраамъ, за двѣ тысячи лѣтъ увидѣлъ день Христовъ и возрадовался (Іоан., 8, 56). За пятнадцать вѣковъ впередъ смотрѣлъ терпѣливый страдалецъ Іовъ и среди тяжчайшихъ испытаній исповѣдалъ вѣру въ живого Искупителя (Іовъ, 19, 25). За ты-

сячу лѣтъ до Христовой пасхи радовался Давидъ освобожденію души изъ ада (Пс. 15, 10). Эта радость воскресенія для вѣчности даетъ мужество матери Маккавеевъ; она видѣла страданія сыновей, но не пролиwała слезъ: не жестокою она была, а вѣрующею. Сонмъ мучениковъ и преподобныхъ, неисчислимое количество вѣрующихъ испытали и исповѣдали эту радость. Возрадовалась пресвятая Богородица, когда получила отъ ангела вѣсть о приближеніи кончины.—«Иду ко Христу, чтобы быть съ Нимъ всегда!» вотъ обычный, тержественно-радостный возгласъ умиравшихъ за имя Христово.—Съ пасхальными пѣснопѣніями отходили въ вѣчность подвижники вѣры Христовой.

Такъ говоритъ опытъ христіанской жизни. И онъ ни мало не расходится ни съ показаніями совѣсти, ни съ соображеніями ума.

Совѣсть наша требуетъ признанія, что добро должно торжествовать надъ зломъ. Потому-то и переживаетъ сердце наше чувство особеннаго довольства, высокую радость при самоотверженномъ подвигѣ или вообще при совершеніи добраго дѣла. Предъ вами могутъ предстать во всей красѣ силы ума и знанія, можетъ блеснуть неподражаемое искусство,—но все это способно лишь удивлять, заставляя преклоняться, почитать, прославлять. А добро имѣетъ силу, какой нѣтъ нигдѣ еще: оно умягчаетъ сердце, умиляетъ, даетъ высокое состояніе восторга.—Христось воскресъ и обѣщаль вѣрующимъ воскресеніе: здѣсь торжество жизни надъ смертію, торжество добра надъ убивающимъ душу зломъ. Потому-то «успеніе» и радуется сердце вѣрующаго, въ терпѣніи совершающаго свое земное крестоношеніе. Христіанинъ и въ моментъ смерти «смерти празднуетъ умерщвленіе», ощущая «яного житія вѣчнаго начало».

Этой радости сердца не мѣшаютъ недоумѣнія ума, если онъ не одностороненъ. Апостоль Павель въ посланіи къ Коринѣскимъ христіанамъ подробно говоритъ о воскресеніи, стараясь приблизить эту истину къ человѣческому пониманію посредствомъ сравненій изъ растительнаго

царства. Изъ зерна, брошеннаго въ землю, вырастаетъ стебель, цвѣтокъ, дерево,—такъ и изъ погребеннаго въ могилѣ тѣла образуется новый совершеннѣйшій организмъ. Тайна произрастанія дерева изъ зерна въ сущности не меньше, чѣмъ тайна воскресенія. Та и другая для насъ непостижима. Но только къ первой мы привыкли, а потому считаемъ ее естественной; второй никогда опытно не наблюдали, а потому признаемъ ее чудесной. Но это чудесное только сверхъестественно, но не противоестественно,—а потому вполне приемлемо не только сердцемъ, но и умомъ.

Для вразумленія тѣхъ, кто не понимаетъ смерти, боится ея, съ отчаяніемъ плачетъ надъ умершимъ, предложу одинъ примѣръ. «Этотъ примѣръ изъ языческой жизни. Былъ языческой вельможа, имѣвшій единственнаго сына. Когда вельможа по языческому обряду приносилъ въ Капитоліѣ жертву своимъ идоламъ, доходить до него вѣсть, что его сына не стало. Онъ не оставилъ жертвы, которая была въ рукахъ его, не заплакалъ, даже не вздохнулъ, но отвѣтилъ: пусть хоронятъ его,—я знаю, что я родилъ сына смертнымъ!—Посмотрите на это мужество. Что будетъ съ нами, если діаволъ въ самый день суда выведетъ его противъ насъ предъ Христомъ и скажетъ: этотъ почитатель мой, котораго я обольщалъ своими кознями, чтобы онъ служилъ глухимъ и слѣпымъ истуканамъ, которому я не обѣщалъ ни воскресенія, ни рая, этотъ доблестный мужъ, узнавъ о смерти своего сына, не опечалился и не вздохнулъ, и не оставилъ при этомъ извѣстїи моего капища, а Твои христіане? Что скажемъ мы тогда?» (Злат., т. 6-й, стр. 605).

Итакъ, вѣрующій, при видѣ смерти отри слезы, прекрати вздохи, удержи рыданіе, и вмѣсто этой печали прими на себя печаль спасительную, печаль раскаянія передъ Богомъ въ непониманіи какъ жизни, такъ и смерти, смирись подъ ярмо евангельской любви и радостно облобызай истину «успенія».

Свящ. Н. Орловъ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Сила Божія въ немощи совершается».

(Къ 7-му Августа—дню памяти преподобнаго отца нашего Пимена многоболѣзненнаго).

Воспоминаемый нынѣ св. Церковью преподобный Пимень болынымъ родился на свѣтъ, болынымъ и выросъ, но эта тѣлесная болѣзнь предохранила его отъ болѣзни душевной и отъ всякія нечистоты. Многократно упрашивалъ онъ родителей своихъ отпустить его въ монастырь, но тѣ, будучи чадолюбивыми и желая его имѣть своимъ наслѣдникомъ, не соглашались на это. Однако же, когда болѣзнь блаженнаго мужа усилилась, и жизнь его была въ опасности, родители, вынужденные симъ, принесли его въ Печерскій монастырь, прося живущихъ въ немъ преподобныхъ отцевъ молиться о сынѣ, да исцѣлѣтъ отъ недуга. Много потрудились въ молитвѣ о семъ преподобные, но не принесло это пользы болящему, который самъ тоже усердно молился, но не о здравіи, а о продолженіи болѣзни, ибо боялся, какъ бы по выздоровленіи родители не взяли его изъ монастыря. Огорченъ онъ очень былъ тѣмъ, что находившіеся при немъ родители не разрѣшали его постричь, и началъ усердно молиться, да ими же вѣсть судьбами исполнить Господь желаніе сердца его. И вотъ однажды ночью, когда родители и прислуга спали, вошли къ нему Ангелы свѣтлыя, нѣкоторые въ образѣ юношей, другіе же—въ образѣ игумена и братіи, со свѣчами въ

рукахъ и имѣя при себѣ также евангеліе, власяницу, мантию, куколь и все необходимое для постриженія, и обратились къ нему съ вопросомъ, желаетъ ли онъ постричься; по полученіи же утвердительнаго отвѣта, постригли его, во всемъ согласно уставу, въ великій ангельскій образъ, съ нареченіемъ Пименомъ, а вручая ему свѣчу, сказали, что свѣча эта до сорока дней не погаснетъ, и еще проrekli, что онъ всегда будетъ болѣть, причемъ выздоровеніе его будетъ знаменіемъ смерти. Затѣмъ постригавшіе его отошли въ церковь, взявъ въ полотенцѣ волосы его, которые положили на гробницѣ преподобнаго Θεодосія. Братія, услышавъ пѣніе, поспѣшили къ Пимену, но застали тамъ спящими отца, мать и прислугу, которыхъ и разбудили, а самого болящаго, радости исполненнаго, одѣтымъ во все иноческое одѣяніе. На вопросъ братіи, новопостриженный разсказалъ, какъ все было. Оказалось, что церковь послѣ вечерняго пѣнія все время была заперта. Когда же ее отворили, то нашли на гробницѣ преподобнаго Θεодосія лежащими въ полотенцѣ волосы. Узнавъ обо всемъ происшедшемъ, игумень очень удивился и началъ тщательно узнавать, кто бы могъ блаженнаго Пимена постричь, но справки эти ни къ чему не привели. Когда же и свѣча, которой обыкновенно хватаетъ только на одинъ день, продолжала горѣть неугасимо сорокъ дней и сорокъ ночей, тогда всѣ братія пришли къ убѣжденію, что постриженіе Пимена было дѣломъ Божиимъ. Увѣрившись въ семъ, объявили Пимену, что бывшее съ нимъ вмѣняется ему въ уставное постриженіе. Блаженный же сей мужъ, согласно прореченію постригавшихъ его, много лѣтъ лежалъ, будучи одержимъ тяжкою болѣзною, которою тяготились и гнушались приставленные къ больному люди, ивогда по два, по три дня оставлявшіе его безъ пищи и питія; но онъ съ радостью все терпѣлъ и Бога благодарилъ. Случилось нѣкогда, что другой подобный больной былъ принесенъ въ Печерскій монастырь и постриженъ. Братія, назначенныя для служенія больнымъ,

отнесли этого болящаго въ то помѣщеніе, гдѣ лежалъ блаженный Пимень, дабы сразу обоимъ оказывать услугу, но услуги эти были такъ небрежны, что иногда больные изнемогали отъ жажды. Тогда блаженный Пимень сказалъ другому болящему: «братъ! такъ какъ служащіе намъ гнушаются смрада, происходящаго отъ нашей болѣзни, то, если бы возставилъ тебя Господь, не согласился ли бы ты ходить за мной?» Когда тотъ объявилъ, что до смерти готовъ бы служить болящимъ, блаженный Пимень отвѣтилъ: «вотъ Господь исцѣляетъ тебя, и отнынѣ, выздоровѣвъ, служи мнѣ и подобнымъ мнѣ; на тѣхъ же, кто нерадитъ о службѣ этой, Господь наведетъ лютую болѣзнь, да, будучи наказаны, спасутся». И тотчасъ всталъ больной и сталъ служить Пимену, а нерадивыхъ, нехотѣвшихъ служить больнымъ, постигла болѣзнь. Исцѣлѣвшій же отъ недуга иннокъ, немного послуживъ, въ свою очередь возгнушался больнымъ братомъ и, оставивъ блаженнаго въ одиночествѣ, ушелъ въ другое помѣщеніе. И вдругъ внезапно самъ заболѣлъ и три дня не могъ встать; наконецъ, мучимый жаждою, началъ призывать: «помилуйте меня, Господа ради,—умираю отъ жажды». Братія же, услышавъ сей зовъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, возвѣстили о семъ блаженному Пимену, который сказалъ: «что сѣеть человѣкъ, то и пожнетъ»; но не желая воздавать зломъ за зло, преподобный просилъ братію сказать болящему собрату: «зоветь тебя Пимень: встань и иди къ нему». Какъ только произнесены были эти слова, больной выздоровѣлъ, всталъ и направился къ Пимену. Блаженный же долго наставлялъ и увѣщевалъ выздоровѣвшаго терпѣть до конца и памятовать, что и болящій, и служащій одинаковой удостоиваются мзды. Доблественный же страдалецъ и праведнаго Іова истинный подражатель, Пимень святой, безпрестанно благодаря Бога, двадцать лѣтъ страдалъ. Когда же приспѣло время его отшествія, блаженный мужъ внезапно выздоровѣлъ, обошелъ всѣ келліи, простился съ братією и испросилъ прощенія у всѣхъ.

Затѣмъ вошелъ въ церковь, причастился св. Таинъ и, поклонившись гробу св. Антонія, указалъ мѣсто, гдѣ желалъ бы быть погребенъ. Бесѣдуя послѣ сего съ братією, много чудеснаго и тайнаго имъ открылъ, и наконецъ объявилъ, что пришли за нимъ постригшіе его. Тотчасъ послѣ словъ тѣхъ, возлегъ и отошелъ ко Господу. Братія же съ великою честью похоронили его на указанномъ имъ мѣстѣ, въ пещерѣ...

Взирая на пройденный преподобнымъ Пименомъ жизненный путь и на скончаніе жителства его, чему поучимся въ житіи сего блаженнаго мужа? Поучимся терпѣнію въ болѣзняхъ и скорбяхъ, поучимся и прощенію обидъ, наипаче же остановимся мыслью на благодатномъ проявленіи дѣйствія силы Божіей въ немощи человѣческой. Какъ мы видѣли, вся жизнь преподобнаго Пимена, отъ юныхъ дней и до кончины, была сплошнымъ страданіемъ: прикованный къ одру болѣзни, оскорбляемый небреженіемъ человѣческимъ, онъ все безропотно переносилъ, взирая на вѣчное мздовоздаяніе, и, поистинѣ, вѣнца, равнаго мученическому, достоинъ явился еси, ибо развѣ не мученіе то, что претерпѣлъ и выстрадалъ блаженный сей мужъ? Разница только въ томъ, что св. мученики обыкновенно подвергались, правда, страшнымъ мученіямъ, но которыя, болѣе или менѣе скоро, оканчивались смертью; св. же Пименъ десятки лѣтъ мучился! Но при всемъ томъ, при всѣхъ претерпѣваемыхъ мукахъ, преподобный никогда не возропталъ, возлагая все упованіе на Господа, Который изрекъ: *претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ* (Мѡ., X, 22). И это твердое упованіе на милость Божію, это терпѣливое несеніе креста, это непрестанное памятованіе о жизни безконечной привлекли на страдальца благоволеніе Божіе, и многоболѣзненный, немощной Пименъ, укрѣпляемый свыше, еще при жизни сподобился особыхъ благодатныхъ даровъ прозрѣнія и чудотворенія. Воистину, сила Божія въ немощи совершалась! И намъ необходимо непрестанно содержать въ умѣ, что не на силы свои, не

на разумъ свой, не на князи, на сыны человѣческіе, надлежитъ возлагать свои надежды, а единственно на спасающую силу Божию, которая въ немощи совершается, т.-е. посылается смиреннымъ, сознающимъ свою грѣховность, свою никуда негожесть. Разъ мы смиримся подъ крѣпкую руку Божию, Господь не оставитъ насъ и немощь нашу восполнитъ Своею всеильною благодатію, ею же наставляемы, возможемъ творить дѣла Божіи. Какія же это дѣла Божіи? *Ина слава солнцу и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор., XV, 41),—вотъ что надо помнить! Творить дѣла Антонія Великаго, Сергія Радонежскаго и другихъ великихъ угодниковъ—не всѣмъ подъ силу, не всѣмъ дано. Но трудиться во славу Божию, имѣть сердце сокрушенно и смиренно, памятовать о томъ, что всѣмъ намъ подобаешь явиться на страшномъ судищѣ Христовѣ—это для всѣхъ христіанъ обязательно. Каждый подвижайся въ своемъ кругу; въ званіи, въ немъ же призванъ, въ томъ и пребывай; не задавайся высокими цѣлями, а дѣлай отъ сердца ввѣренное тебѣ малое дѣло,—и спасенъ будешь! Главное, надлежитъ помнить и всемѣрно заботиться, да не обуметь насъ тьма грѣховная, но да ходимъ въ свѣтѣ дѣлъ богоугодныхъ, изъ коихъ первое и главное—на себя ненадѣяніе, въ твердомъ упованіи, что Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать! И сія всеильная благодать да поможетъ намъ, грѣшнымъ и смиреннымъ, совершать свое спасеніе, непрестанно памятуя, что *сила Божія въ немощи совершается*. И если тако проживемъ, то спасемся! Наоборотъ, «кто не соблюдетъ великаго смиренномудрія, говоритъ св. Макарій Великій, то предастся онъ сатанѣ и обнажается отъ данной ему Божественной благодати, и тогда обнаруживается его самовнѣніе, потому что онъ нагъ и бѣденъ. Посему, обоющающійся Божіею благодатію долженъ пребывать въ великомъ смиренномудріи и сердечномъ сокрушеніи, почитать себя нищимъ и ничего неимѣющимъ, думать: «что

имѣю у себя, все то чужое, другіи мнѣ далъ, и когда захочетъ, возьметъ у меня». Кто такъ смиряетъ себя предъ Богомъ и людьми, тотъ можетъ сохранить данную ему благодать, какъ сказано: *смиряться вознесетъ*. Будучи Божиимъ избранникомъ, да осуждаетъ онъ самъ себя, и будучи вѣрнымъ, да почитаетъ себя недостойнымъ. Такия души благоугождаютъ Богу и животворяются Христомъ»¹⁾. Сего да сподобитъ насъ Господь молитвами блаженнаго Пимена!

«Слава и честь вѣчныя».

(Къ 11-му августа—дню памяти преподобныхъ отецъ нашихъ Теодора и Василія Печерскихъ).

Блаженный Теодоръ, будучи въ міру, имѣлъ большое богатство, но оставилъ все мірское и, раздавъ богатство нищимъ, присоединился къ сонму черноризцевъ Печерскихъ и, добръ подвижаясь, преуспѣвалъ въ добродѣтели. Повелѣніемъ же игумена поселился въ пещеръ, называемой Варяжскою, гдѣ много лѣтъ прожилъ, упражняясь въ воздержаніи. Врагъ спасенія нашего, искушая подвижника, привелъ ему на мысль сожалѣніе о розданномъ имѣніи, которое было бы весьма кстати въ преклонные годы, при изнеможеніи плоти и скудости монастырской пищи. Теодоръ поддался искушенію и, сожалѣя о нищетѣ своей, началъ приходиться въ отчаяніе, дѣлаясь этою скорбью съ друзьями своими, въ числѣ которыхъ былъ нѣкій черноризецъ Василій, жизни истинно-иноческой. Желая утѣшить Теодора, Василій принялъ въ немъ участіе и уговаривалъ, тѣннаго ради богатства, не терять награды небесной. Образумился Теодоръ и слезное принесъ раскаяніе во грѣхъ своемъ. Василія же всячески благодарилъ за свое вразумленіе. Однажды случилось Василію, послушанія ради, отлучиться на три мѣсяца изъ монастыря.

¹⁾ Добротолубіе, изд. 2-е, т. 1-й, Наставленіе св. Макарія Великаго, стр. 239.

Врагъ воспользовался этимъ и, явясь въ образѣ Василия, указалъ Θεодору на сокрытыя въ пещерѣ золото, серебро и драгоцѣнные сосуды. Нашедши сокровище, Θεодоръ хотѣлъ было, по наущенію бѣсовскому, оставить монастырь съ тѣмъ, чтобы, купивъ имѣніе, жить въ міру, но какъ разъ въ то время возвратился Василій, однажды уже спасшій Θεодора отъ помышленія злого, и пришелъ въ пещеру къ своему другу, желая узнать, какъ онъ подвизается о Господѣ. Многихъ трудовъ стоило Василю убѣдить Θεодора въ бѣсовскихъ козняхъ и въ своемъ трехмѣсячномъ отсутствіи. Наконецъ, убѣжденный Василюемъ и другими старцами, въ разумъ истины пришелъ Θεодоръ и съ тѣхъ поръ всякаго, приходящаго къ нему, испытывалъ молитвою Иисусовою. Отъ толикаго рва и гибели избавленный Θεодоръ ископалъ глубокую яму, въ которую и скрылъ обрѣтенное сокровище. Молился же вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанно Господу сей блаженный мужъ, дабы даровано ему было забвеніе того мѣста, гдѣ скрыто сокровище, и дабы отнята отъ него была страсть сребролюбія, что и ниспослано было благимъ Человѣколюбцемъ. Желая же всячески противиться дерзости бѣсовской и избѣгать праздности, порождающей духовное разслабленіе, Θεодоръ поставилъ въ пещерѣ своей жерновъ и началъ работу на братію, принося изъ монастыря зерно и ночью его перемалывая, не забывая при этомъ однако и труда молитвеннаго; при наступленіи же дня, муку относилъ и зерно вновь приносилъ. И такъ много лѣтъ работая, значительно облегчалъ трудъ работникамъ монастырскимъ. Долгими подвигами достигъ Θεодоръ побѣды надъ врагами нашего спасенія и, ограждая себя молитвою и трудомъ, разрушалъ козни діавольскія. Но не могъ снести сего бѣсъ и ополчался всячески на вѣрныхъ рабовъ Божіихъ Θεодора и Василия, побѣдительною силою Христовою отгонявшихъ всѣ раженныя стрѣлы лукаваго. Такъ, между прочимъ, проискамы вражими, дошелъ до князя Мстислава Святополковича слухъ о богатствѣ,

скрытомъ въ Θεодоровой пещерѣ, и слухъ этотъ былъ сообщенъ князю бѣсомъ, въ образѣ Василія. Призвалъ къ себѣ Θεодора князь и спросилъ о сокровищѣ. Отвѣчалъ ему блаженный: «Говорятъ, что еще при жизни преподобнаго Антонія въ пещерѣ этой скрыто было имущество варяжское, почему и именуется она варяжскою. Я лично видѣлъ тамъ безчисленное количество золота и серебра, а также сосуды латинскіе». На предложеніе князя—отдать это сокровище ему, блаженный Θεодоръ отвѣчалъ: «Мнѣ ничего не нужно изъ того, что мнѣ не полезно, отъ чего я отрекся; все бы вамъ отдалъ, но отнял у меня Господь память о мѣстѣ, въ которомъ скрытъ кладъ». Не повѣрилъ этому князь и приказалъ старца мучить, и мучили его до того, что власяница была вся въ крови; затѣмъ приказано было повѣсить его въ сильномъ дыму и подложить подъ него огонь. Князь еще разъ обратился къ Θεодору, говоря: «почто губишь себя, не отдавая сокровища намъ». Θεодоръ же отвѣчалъ: «истину говорю тебѣ, что, молитвами брата моего Василія, и тогда спасенъ я былъ отъ сребролюбія, и нынѣ отнял у меня Господь память о мѣстѣ, гдѣ скрыто обрѣтенное сокровище». Князь, услышавъ это, приказалъ привести Василія, который засвидѣтельствовалъ, что пятнадцать лѣтъ не выходилъ изъ своей пещеры и никому не говорилъ о сокровищѣ. Тогда всѣ предстоящіе сказали: «при насъ всѣхъ ты говорилъ князю». Василій же отвѣчалъ: «всѣхъ васъ прельстилъ бѣсъ; я не видѣлъ ни князя, ни васъ». Разгнѣвался князь и повелѣлъ безъ милости мучить Василія; наконецъ, отягченный виномъ, не стерпѣвъ и стрѣлою пронзилъ блаженнаго сего мужа. Василій же, вынимая стрѣлу изъ тѣла своего, сказалъ князю: «этою стрѣлою вскорѣ и самъ узавленъ будешь»,—что, дѣйствительно, по немногомъ времени и сбылось: Мстиславъ, сражаясь съ княземъ Давидомъ Игоревичемъ, былъ застрѣленъ.

Но возвратимся къ мученіямъ, претерпѣннымъ старцами. Еле живыхъ ихъ ввергли въ темницу, гдѣ въ ту же ночь

уснули честною предъ Господомъ смертію оба преподобные, и извелъ Господь изъ темницы души ихъ исповѣдаться имени Его святому во свѣтѣ присносущномъ. Узнавъ о семъ, братіи пришли и взяли тѣлеса святыхъ страдальцевъ, которыхъ и погребли въ пещерѣ Варяжской, гдѣ трудолюбно и богоугодно подвизались почившіе. Но впослѣдствіи перенесены въ пещеру преподобнаго Антонія, гдѣ и нынѣ угодники Божіи нетлѣнно почиваютъ во одеждахъ и власнищахъ окровавленныхъ, также пребывающихъ нетлѣнными. Такимъ образомъ преподобные страдальцы, побѣдители страсти сребролюбія, не серебромъ тлѣннымъ и златомъ, но *славою и честію вѣчною* вѣнчавы, чего да сподобить и насъ Господь въ день снѣ молитвами святыхъ страсотерпцевъ! Что же для достиженія сего надлежитъ намъ дѣлать? Ничего иного, какъ подражать преподобнымъ Феодору и Василию. Но неужели, скажутъ иные, неужели для сего удаляться въ пещеру? Да, надобно *удаляться*, но не въ пещеру, ибо не всѣ вмѣщаютъ словесе сего, а отъ всего суетнаго, тлѣннаго, грѣховнаго, не прилагать сердца къ богатству и почестямъ земнымъ, на Господа все упованіе возлагая, Тому Единому всю жизнь посвящая. Но для этого, возражать, если не въ пещеру, то во всякомъ случаѣ надо уединиться въ монастырь. Ошибаются тѣ, которые такъ рассуждаютъ. Господь *всѣмъ* хочетъ спастись. Заловѣдидавы Господомъ *для всѣхъ*. На *всякомъ* мѣстѣ владычество Его. Жизнь семейная, общественная благословлена Богомъ, но необходимо изгнать изъ этой жизни все то, что противно закону Христову. Трудно это, но не невозможно. Царствіе Божіе съ усиліемъ достигается, и узкимъ путемъ идутъ всѣ истинные рабы Божіи. Безъ усиленнаго труда нельзя достигнуть возможнаго на землѣ совершенства. Необходимо самоограниченіе, подчиненіе своей свободолюбивой воли—волѣ Божіей, и се—громадный трудъ всей жизни, се—можно сказать, въ потѣ лица воздѣлываніе почвы души своей... но за то сколь сладокъ плодъ, отъ сего произрас-

таюшій: царствіе небесное,— со всіми святыми въ вѣчной славъ Божіей пребываніе! Есть изъ за чего потрудиться! Но чѣмъ усиленнѣе мы труждаемся во спасеніе, тѣмъ болѣе ополчается на насъ князь міра сего, всячески ухищряясь отвратить насъ отъ Христа. Изъ житія преподобнаго Θεодора мы видѣли, сколь многихъ трудовъ стоила ему борьба съ діаволомъ, какъ подвижникъ Божій даже подпалъ было подъ власть князя бѣсовскаго, но милостью Божіею спасся отъ вѣчной гибели. На невнимательнаго, нерадиво живущаго діаволь не обращаетъ вниманія, такъ какъ таковой уже и безъ того во власти князя тьмы. Но бодреннаго, трезвеннаго врагъ всячески подстерегаетъ, и малѣйшее ослабленіе вниманія, малѣйшее колебаніе подвизающагося обращаетъ въ свою пользу, не пренебрегая никакими для того средствами. Содержа сіе въ умѣ, памятуя и подвигъ преподобныхъ Θεодора и Василія, запечатлѣнный мученическою ихъ кончиною, потщимся отвращать очи наши отъ суеты, станемъ добръ, станемъ со страхомъ земное теченіе совершать, паче всего помышляя о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судищѣ Христовѣ,— и если такъ проживемъ, то *славою и честью вѣчною* въ день онъ награждены будемъ!

«Трудъ о Господѣ».

(Къ 17-му августа—дню памяти преподобнаго отца нашего Алипія, иконописца Печерскаго).

Во дни благовѣрнаго князя Кіевскаго Всеволода Ярославовича, при игуменѣ преподобномъ Никонѣ, родителями опредѣленъ былъ въ монастырь Печерскій, въ наученіе иконному дѣлу, воспоминаемый нынѣ св. Церковью блаженный Алипій, который научился иконописанію у греческихъ иконописцевъ, украсившихъ великую Печерскую церковь. Полюбивъ иконописаніе, сей праведный мужъ не только на иконахъ искусно лики святыхъ изображалъ, но и добродѣтели ихъ въ душѣ своей отображалъ. При этомъ

трудился во славу Божию, — игумену и братіи писалъ иконы безъ всякаго вознагражденія, а если слышалъ, что гдѣ-либо въ церкви обветшали иконы, то бралъ ихъ къ себѣ и подновлялъ безмездно. Когда же случалось ему нѣчто получать за трудъ, то полученное раздѣлялъ на три части: одну часть употреблялъ на предметы, потребныя для иконописанія, другую—на милостыню нищимъ, третью—на нужды монастырскія. Постриженный въ ангельскій образъ и почтенный саномъ священства преподобный еще бѣльшими добродѣтелями просіялъ. Главное, онъ старался избѣгать праздности, подражая въ этомъ отношеніи древнимъ святымъ отцамъ, постоянно занятымъ какимъ-либо руководіемъ, и самому верховному апостолу Павлу, который о себѣ изрекъ: *требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои* (Дѣян. 20, 34)... Много лѣтъ подвизался подвижникъ Божій, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. *Ночь* въ бдѣніи, молитвахъ и поклонахъ упражняясь, — *днемъ*, со всякимъ смиреніемъ, нестяжаніемъ, чистотою, терпѣніемъ, постомъ, любовью, размышленіемъ о Божественномъ, занимался руководіемъ—писаніемъ иконъ. Никогда не видѣли Алпія безъ дѣла; только Божественная служба, которую онъ посѣщалъ неопустительно, отвлекала его отъ иконописанія. Подкрѣпляемый непрестанною молитвою, блаженный мужъ неустанно трудился и отъ плодовъ трудовъ своихъ не забывалъ дѣлиться съ немущими. За то и Богъ еще здѣсь на землѣ его превознесъ, даромъ чудесъ еще при жизни удостоивъ, а по блаженномъ преставленіи вѣнцемъ нетлѣнія и славы небесной украсивъ... Но не въ нашихъ задачахъ излагать во всѣхъ подробностяхъ житіе богомудраго мужа. Остановимся вниманіемъ на выдающейся чертѣ святого—неустанномъ его трудолюбіи. Вспомнимъ и великаго знатока души человѣческой, преподобнаго Ефрема Сирина, который извѣстную великопостную молитву свою началъ ничѣмъ инымъ, какъ словами—«Господи и Владыко живота моего, *духъ праздности* не даждь ми!» Праздность—мать

всѣхъ пороковъ. Уныніе, любоначіе, празднословіе и многое множество всякихъ грѣховъ — вотъ послѣдствія праздности. Наоборотъ, трудолюбно живущій утверждаетъ въ цѣломудріи, смиренномудріи, терпѣвнн и любви, зрнть свои прегрѣшенія и не осуждаетъ брата своего, себя почитая окаяннѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Трудъ долженъ быть тѣлесный и умственный. Конечно, молодому чело- вѣку болѣе возможности упражняться въ трудѣ тѣлесномъ, нежели челоуѣку въ лѣтахъ: съ годами ослабѣвають силы; замѣняй его тогда какимъ-либо другимъ видомъ труда, но никогда не пребывай въ праздности, которая многихъ, даже добрѣ настроенныхъ, въ концѣ концовъ губнть. Не- возможно указать какое-либо общее правило, кому въ какомъ трудѣ подвизаться: избирай себѣ каждый занятіе по роду своего званія, но никогда не пренебрегай ни тѣмъ, ни другимъ видомъ труда. Главное, чтобы всякій трудъ обязательно *перемежался* молитвою, и даже не только перемежался, но и *сопровождался* ею, по заповѣди: *не- престанно молитесь* (1 Сол. 5, 17). Говоримъ въ первомъ случаѣ о молитвѣ обыкновенной, церковной и домашней, и во-второмъ случаѣ—объ *умной* молитвѣ, т.-е.—тайной, непрерывной, къ которой стремиться должны всѣ мы, но въ полной мѣрѣ она, конечно — удѣлъ совершенныхъ... Перемежаться же и сопровождаться молитвою, очевидно, можетъ только *трудъ о Господѣ*, т.-е. благословенный Господомъ, ибо много есть видовъ труда, можетъ быть, даже весьма сложнаго, утомительнаго, но не для цѣлей благихъ, не во имя Господне предпринимаемаго, и на та- кой трудъ, конечно, неблаговоительно взираетъ Господь: надлежитъ памятовать, что если не *Господь созиждетъ домъ*, т.-е. благословнть вообще всякое благое предпріятіе, то *всѣ* будутъ *трудиться зжждущн* (Пс. 126, 1), т.-е. не будетъ успѣха этому труду, который, можетъ быть, и окончится благополучно на землѣ сей, но на вѣсахъ Бо- жія правосудія не только ни во что же вмѣнится трудив- шемуся, но даже можетъ привести къ вѣчному осужде- нію. Существенно важно, чтобы трудъ не былъ въ ущербъ

долгу и званію христіанскому. Трудись, въ потѣ лица твоего хлѣбъ твой, но никогда не забывай «единого на потребу», сіе всегда на первый планъ ставя. Конечно, инокъ, какимъ былъ воспоминаемый нами св. Алипій, болѣе способовъ удѣлять время молитвѣ церковной и сокровенному о Христѣ дѣланію, но и всѣмъ намъ, людямъ мірскимъ, надлежитъ всячески стремиться воспитывать въ себѣ молитвенный духъ—сіе великое утѣшеніе на землѣ, сію лѣствицу, возводящую на небо, сей огонь, согрѣвающій и освѣщающій душу нашу, охлажденную суетою и омраченную страстями. Паче всего старайся, христіанинъ, поддерживать въ себѣ св. ревность о богоугожденіи, трезвись, бодрствуй, да не найдетъ внезапно часъ той, егда брѣнное тѣло съ душой должно будетъ разлучиться. Да не погаснетъ въ тебѣ священный сей огонь, сія хотя бы только искра Божія, — которая, какъ бы ни была мала, но можетъ обратиться въ пламень, имже истребятся всѣ грѣхи твои! Что же это за пламень? Подъ пламенемъ симъ надлежитъ разумѣть—отъ всея души и отъ всего помышленія—стремленіе христіанина къ освѣщенію себя благодатными таинствами церковными и добрыми дѣлами по отношенію къ ближнему. И если сіе соблюдемъ,—недалече будемъ отъ спасенія. Внимательный къ себѣ христіанинъ всегда найдетъ возможность, во всякомъ званіи, при всѣхъ положеніяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ, совмѣщать занятія и труды мірскіе съ дѣланіемъ во славу Божию, во спасеніе души. Но се — великая наука, се — трудъ цѣлой жизни, се—удѣлъ чистыхъ сердцемъ, которые духовными очами еще здѣсь на землѣ Бога зрятъ и, несомнѣнно, *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12) въ жизни вѣчной узрятъ! Потщимся же труды свои земные такъ располагать, чтобы трудами сими не затемнилось въ насъ званіе христіанина; приложимъ всѣ усилія избѣгать великаго зла—праздности, будемъ всегда памятовать, что въ трудѣ—наше спасеніе, но трудъ долженъ быть *о Господѣ!* Да поможетъ намъ въ исполненіи сего молитвами своими великій трудолюбецъ св. Алипій!

«Пути—разные, цѣль—одна».

(Къ 27-му августа—дню памяти преподобныхъ отецъ нашихъ Кукши священномученика и Пимена постника).

Не многословно изложеніе житія воспоминаемыхъ нынѣ святыхъ мужей, но многому насъ научаютъ дѣла ихъ.

Блаженный священномученикъ Кукша, пострѣженникъ Печерскій, пріялъ на себя нелегкій подвигъ просвѣщенія людей во тьмѣ и сѣни смертной сидящихъ—проповѣдывалъ слово Божіе среди вятичей и многихъ изъ нихъ обратилъ ко Христу и крестилъ. Извѣстно, что много чудесъ онъ сотворилъ—прогонялъ бѣсовъ, дождь съ неба свелъ, озеро иссушилъ и вообще различныя удивительныя знаменія проявлялъ. И за всю свою ревность о Христвѣ вѣнца мученическаго сподобился: послѣ многихъ мученій, невѣрными убитъ былъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ. Въ то самое время блаженный Пименъ постникъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ подвизался богоугодно и, великаго своего ради пощенія и труда, пріялъ отъ Бога дарованіе не только исцѣлять недужныхъ, но и провидѣть будущее и далече отстоящее, неизвѣстное и тайное. Многихъ болящихъ сей блаженный мужъ чудотворно исцѣлялъ и много пророчествовалъ, между прочимъ, отшествіе свое ко Господу за два года предсказавъ. Такъ и убійство блаженнаго Кукши, далече отстоявшаго, прозрѣвъ, среди великой церкви Печерской сталъ и громко возгласилъ: «братъ нашъ Кукша сегодня на разсвѣтѣ убитъ». И по изреченіи сего, блаженный Пименъ въ тотъ же день преставился ко Господу,—вмѣстѣ со св. Кукшею и ученикомъ его. Итакъ, добрые воины Христовы, въ обители Печерской начало полагавшіе, но разными затѣмъ путями шедшіе, одновременно отошли туда, гдѣ всѣмъ любящимъ Господа уготованы благая, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша. Сихъ благихъ да спо-

добьемся и мы молитвами св. подвижниковъ Божіихъ Кукуши и Пимена, житіемъ своимъ земнымъ угодившихъ Господу и намъ указующихъ путь ко спасенію. Но, скажутъ,—одинъ, изшедъ со странническимъ посохомъ въ рубахъ изъ монастыря, проповѣдывалъ слово Божіе невѣдущимъ Христа; другой— всю жизнь подвизался въ обители въ ивнѣяхъ, бдѣнѣяхъ и пощеніяхъ; какъ подражать тому и другому? Сего и не требуется. Избирай себѣ каждый *свой* путь ко спасенію—въ званіи ли иноческомъ, въ проповѣданіи ли слова Божія, въ дѣланіи ли мірскомъ; но на всѣхъ путяхъ сихъ имѣй главною цѣлью *добрый отвѣтъ* на страшномъ судищѣ Христовѣ, коего удостоены будутъ только тѣ, которые въ жизни сей дѣятельно совмѣщаютъ любовь къ Богу съ любовью къ ближнему. Св. Кукуша, одушевленный горячей любовью къ Господу, спасенія ради душъ человѣческихъ, во имя любви къ ближнему, много претерпѣлъ въ жизни сей и, апостольскій подвигъ совершая, запечатлѣлъ свою горячую ревность о Христѣ и пламенную любовь къ людямъ мученическою кончиною. Св. Пимень, возлюбивъ Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, всю жизнь посвятилъ Господу, тихое и безмолвное житіе иноческое проводя. Вознося непрестанно горячія молитвы къ Подателю всѣхъ благъ, блаженный Пимень молился и о себѣ, и о людскихъ невѣжествахъ, и много помогалъ людямъ святыми своими молитвами. Это ли не служеніе ближнему, это ли не любовь къ роду человѣческому? Итакъ, подвижники Божіи, разными путями шедшіе, но одушевленные одними и тѣми же чувствами—истинною любовью къ Богу и къ ближнему, оба угодили Господу, тѣмъ самымъ и намъ указуя, что во всякомъ званіи, во всякомъ состояніи возможно спасеніе: надо только памятовать, что *главное дѣло—дѣйствительная жизнь въ духъ Христовомъ*, достигнуть коей безъ помощи Божіей невозможно. Для сего надобно усердно молиться. «Та молитва хороша», говоритъ святитель Теофанъ, «которая оканчивается припадениемъ къ Богу съ

чувствомъ: *ими же вси судьбами, спаси мя*¹⁾. Другими словами, необходимо всецѣлое преданіе себя волѣ Божіей. И всеблагій Господь никогда не отвращаетъ Лица Своего отъ ищущихъ Его. Самъ устрояетъ пути жизни нашей ко спасенію, Самъ насъ «просвѣщаетъ, укрѣпляетъ, оживляетъ, всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, побѣждаетъ»²⁾. Предадимъ же самихъ себя и другъ друга водительству Божію, непрестанно взывая: *скажи мнѣ, Господи, путь, вонъже пойду!* И благій Человѣколюбецъ, молитвами св. угодниковъ Божіихъ Кукши и Пимена, управить путь нашъ ко спасенію! Подай, Господи!

А. З.

---

¹⁾ Епископъ Теофанъ. Путь ко спасенію. Изд. 1879, стр. 262.

²⁾ Тамъ же, стр. 264.

ХРИСТИАНСТВО и НАУКА ¹⁾.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что мысль о развитіи сама по себѣ никоимъ образомъ не противорѣчить вѣрѣ въ Бога. И при развитіи существъ органическихъ чисто механическимъ путемъ, какъ предполагаетъ это дарвинизмъ, было бы много простора для дѣятельности личной (божественной) Силы. Есть даже мыслители, которымъ (и въ числѣ ихъ Дарвину) Богъ, уже въ самомъ началѣ творенія міра вложившій въ него задатки всякаго развитія, представляется несравненно совершеннѣе, чѣмъ Богъ, продолжающій и послѣ воздѣйствовать на свое твореніе, усовершенствуя и дополняя его. При всемъ томъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что непосредственное религиозное чувство неохотно мирится съ механизмомъ, который не находится въ постоянной зависимости отъ Бога, но обладаетъ относительной самостоятельностью. Но въ настоящее время положеніе этого вопроса совсѣмъ не таково, чтобъ только теорія механическаго объясненія происхожденія видовъ признавалась вѣрною, чтобъ только Дарвиново *ученіе объ отборѣ* (Selectionslehre) пользовалось всеобщимъ признаніемъ. Напротивъ оно уже признано несостоятельнымъ, такъ что зоологъ Флейшманъ могъ говорить «о полномъ крушеніи его въ предѣлахъ болѣе узкой спеціальной науки».

Ошибочно уже первое предположеніе Дарвина, будто природа даетъ множество жизненныхъ формъ въ тѣхъ

---

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол.* Чтенія 1910 г.

мельчайшихъ уклоненіяхъ (отъ нормы), которыя, накапливаясь въ продолженіи милліоновъ лѣтъ, производятъ перемѣну въ типѣ цѣлаго вида. Конечно, представляютъ себѣ такъ процессъ этого измѣненія очень удобно, но дѣло не въ этомъ, а въ подтвержденіи его фактами. И въ настоящее время существуютъ такіе факты; иначе дарвинизмъ никогда не могъ бы пріобрѣсти такого господствующаго вліянія. Въ самой природѣ можно указать явленія постепеннаго преобразования. Посредствомъ искусственнаго подбора могутъ быть измѣняемы свойства растений и животныхъ и измѣненный типъ ихъ можетъ сдѣлаться постояннымъ. Но это преобразование остается въ тѣсныхъ границахъ и совершается сообразно съ опредѣленными цѣлями размноженія и потому оно ни безпредѣльно, ни механически произвольно. Слѣдовательно, происхождение видовъ не можетъ быть результатомъ постепеннаго накопленія мелкихъ и мельчайшихъ уклоненій (отъ нормы). Противъ этого настойчиво говорятъ и факты палеонтологіи; потому что если бы различіе видовъ происходило путемъ постепеннаго преобразования, то непременно были бы найдены промежуточныя формы. При великомъ множествѣ, въ какомъ онѣ должны были бы находиться, совершенно невозможно допустить ихъ полное исчезновеніе. Поэтому открытіе промежуточныхъ звеньевъ для дарвинизма есть жизненный вопросъ. Это ясно понимаютъ и его защитники. Отсюда понятны ихъ неутомимые поиски такихъ переходныхъ звеньевъ, отсюда понятно ихъ торжество, когда имъ покажется, что они нашли такой промежуточный членъ. Но именно непрерывность въ ходѣ развитія и не поддается доказательствамъ. Прежде всего недостаетъ доказательства постепеннаго перехода отъ обезьяны къ человѣку; а слѣды этого должны были бы сохраниться. Въ 1894 г. Дюбуа открылъ возбуждавшій много толковъ черепъ «человѣка обезьяны съ Явы»; но изъ 24 естествоиспытателей 17 и между ними Вирховъ признали этотъ черепъ подлиннымъ *обезьяньимъ* черепомъ;

а новое изслѣдованіе геологическихъ свойствъ мѣста нахожденія этого черепа привело къ тому, что упомянутое «открытіе» окончательно отнесено къ области басень.

Какъ утверженіе, что все развитіе совершалось постепенно и незамѣтно, оказывается мало соотвѣтствующимъ фактамъ, такъ мало состоятельнымъ оказывается и второе положеніе, что борьба за существованіе есть движущая сила развитія, будто она отбрасываетъ все нецѣлесообразное и сохраняетъ то, что вслѣдствіе случайной перемѣны оказывается лучше приспособленнымъ для жизни. Сообразно съ этимъ Дарвинъ долженъ былъ притти къ выводу, что сохраняются и дѣлаются устойчивыми только тѣ особенности, которыя полезны для борьбы за существованіе. Но это не согласно съ данными опыта; потому что, какъ доказалъ Негели, самыми устойчивыми оказываются тѣ именно морфологическія особенности, которыя для сохраненія особей не имѣютъ значенія, и сохраняются даже прямо вредныя для организма построенія (Einrichtungen). Отсюда понятно, почему Вундтъ сказалъ: очевидно, слишкомъ ничтожна вѣроятность того, чтобы при совершенно случайныхъ индивидуальныхъ перемѣнахъ полезная для организма перемѣна могла произойти столько разъ, сколько это нужно для ея укрѣпленія и размноженія. Здѣсь не можетъ помочь дѣлу и ссылка на безконечное число лѣтъ, потому что отъ этого увеличилось бы число и неблагоприятныхъ измѣненій.

Но рѣшающее значеніе имѣетъ слѣдующее возраженіе Спенсера: въ борьбѣ за существованіе могутъ быть полезными только разившіяся, достигшія законченности преимуществъ, а не тѣ, которыя находятся въ процессѣ развитія. Уже каждое незначительное измѣненіе въ организмѣ должно бы доставлять ему выгоду, если бы оно имѣло цѣнность для отбора. Но въ дѣйствительности бываетъ совершенно наоборотъ: то или другое измѣненіе организма можетъ принести ему пользу только тогда, когда оно достигнетъ значительной степени. Но могли ли при-

нести какую нибудь пользу зародыши крыльевъ во время преобразованія ихъ изъ переднихъ ногъ? Несомнѣнно, они были бы только вредны. — Вообще коренная ошибка заключается въ предположеніи, будто выше организованныя животныя находятся въ самыхъ лучшихъ условіяхъ и при борьбѣ за существованіе. Но и такой смѣлый послѣдователь Дарвина, какъ Вейсманъ, долженъ былъ признать тотъ фактъ, что лучше всего приспособленными къ жизни оказываются именно организмы одноклѣточные, а высшіе организмы подвергаются гораздо бѣльшимъ опасностямъ. Какая же червяку польза быть выше организованнымъ существомъ?

Наконецъ есть фактъ, который не подчиняется никакому механическому объясненію: это фактъ координированныхъ дѣйствій. Для того, чтобъ, напр., измѣненіе въ образованіи зубовъ могло оказаться полезнымъ для организма, необходимо, чтобъ одновременно произошла перемѣна и въ пищеварительныхъ органахъ. Перемѣна въ устройствѣ цвѣтотъ и перемѣна въ устройствѣ сосательныхъ органовъ у насѣкомыхъ, помогающихъ оплодотворенію цвѣтотъ, оказываются полезными только въ томъ случаѣ, когда происходятъ въ одно и то же время. Это законъ соотношенія (*Korrelationsgesetz*), признанный и Дарвиномъ, господствуетъ во всей природѣ; онъ только и можетъ пролить свѣтъ на постепенное морфологическое усовершенствованіе на землѣ. Но откуда происходитъ это соотвѣтствіе, это равеніе въ ходѣ развитія, совершающагося въ совершенно различныхъ областяхъ, это одновременное и согласное измѣненіе (въ органахъ)? Безъ сомнѣнія, это совершенно необъяснимо при помощи дарвиновскаго принципа отбора. Здѣсь обнаруживается безсиліе всякой механической теоріи. Это неизбѣжно приводитъ насъ къ мысли, что «въ основаніи всего творенія лежитъ идеальный планъ» (Эд. Гартманъ).

Во всякомъ случаѣ дарвинизмъ оказывается недостаточно обоснованнымъ: во-первыхъ самая измѣняемость (ор-

ганизмовъ) не безпредѣльна, но вращается въ очень тѣсныхъ границахъ; да и развитіе не можетъ быть результатомъ постепеннаго накопленія и перехода по наслѣдству мельчайшихъ уклоненій отъ нормы; потому внѣшняя полезность для борьбы за существованіе не можетъ быть рѣшающимъ принципомъ развитія. Отборъ, по словамъ Гартмана, дѣйствуетъ только какъ зубецъ (Sperrklinke) въ зубчатомъ колесѣ развитія и какъ соединитель (Korrellung) многихъ рядомъ другъ съ другомъ дѣйствующихъ машинъ соотносительнаго развитія. Зубецъ и соединитель безъ сомнѣнія въ высшей степени важны въ машинѣ, но они не составляютъ цѣлой машины или даже въ собственномъ смыслѣ двигателя машины. О «всемогуществѣ естественнаго подбора» поэтому совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи. Дарвинизмъ въ собственномъ смыслѣ въ настоящее время и съ естествонаучной и съ философской точки зрѣнія есть устарѣвшее воззрѣніе.

Поэтому-то многіе естествоиспытатели опять возвращаются къ такъ называемому *лямаркизму*. *Лямаркъ*, умершій въ 1829 г. извѣстный естествоиспытатель, старался объяснить развитіе не изъ внѣшнихъ механическихъ, но изъ внутреннихъ духовныхъ причинъ: твореніе органическаго міра происходитъ вслѣдствіе употребленія и неупотребленія самихъ органовъ; слѣдовательно въ сущности оно есть самотвореніе. Эту мысль особенно остроумно раскрылъ Вундтъ. Онъ указываетъ на тотъ фактъ, что на высшихъ ступеняхъ развитія становятся совершенно автоматическими тѣ движенія, которыя на низшихъ ступеняхъ были движеніями, управляемыми волею. Такъ сокращеніе пузырей, которое у самыхъ низшихъ животныхъ соотвѣтствуетъ дѣятельности сердца, происходитъ не въ правильные промежутки времени, но находится въ зависимости отъ произвольныхъ внутреннихъ импульсовъ, между тѣмъ какъ въ высшихъ организамахъ дѣятельность сердца совершается произвольно. Въ индивидуальномъ развитіи мы можемъ наблюдать то же самое: вслѣдствіе

упражнения, движения становятся автоматическими; воля избавляется от тяжести управления ими и получает свободу для выполнения других высших задач. Так постепенно происходят въ организмъ прочныя перемѣны, передаваемые по наслѣдству и сохраняемыя потомствомъ. Это совершается по принципу гетерогоніи цѣлей: объективно достигнутая цѣль постоянно идетъ дальше предшествующаго ей цѣлемотива. Такъ учитъ Вундтъ о самотвореніи органическаго міра.

Эта теорія настолько лучше и выше чистаго дарвинизма, насколько она объясняетъ развитіе не механическими, но съ самаго начала духовными причинами. Но спрашивается, возможно ли въ самомъ дѣлѣ удовлетворительно объяснить все развитіе употребленіемъ и не употребленіемъ органовъ и подтвердить это фактами опыта? Значительная часть возраженій, направленныхъ противъ дарвинизма, и по отношенію къ этой теоріи сохраняетъ свою силу. И здѣсь должны бы сохраниться въ цѣлости промежуточныя звенья ряда (органическихъ измѣненій); потому что это развитіе могло совершаться только очень постепенно и медленно. Далѣе рѣшительно невозможно понять, почему мы и теперь не можемъ наблюдать развитія человѣка изъ обезьяны, если дѣйствительно только употребленіе служить причиною увеличенія мозга. Но важнѣе всего то, что послѣдствія усиленнаго употребленія или не употребленія органовъ суть только вѣдше фізіологическаго свойства; они рѣшительно неспособны объяснить систематическое измѣненіе типовъ. Эдуардъ Гартманъ ссылается здѣсь на результаты новѣйшей эмбриологіи. «Она учитъ, что всѣ важнѣйшіе органы предначертаны посредствомъ дѣленія клѣточекъ уже въ очень раннее время индивидуальной жизни. Морфологически обособившійся органъ всегда указываетъ на свое происхожденіе отъ сѣменныхъ клѣточекъ въ зародышѣ, но никогда не указываетъ на позднѣйшее пріобрѣтеніе его уже сформировавшимся, самостоятельно живущимъ животнымъ». Соответственно этому

развитіе не можетъ быть ни результатомъ постепеннаго приспособленія, ни результатомъ самостоятельнаго употребленія органовъ. Такимъ образомъ и лямаркизмъ не подтверждается фактами.

Вслѣдствіе этого въ новѣйшее время все больше и больше пріобрѣтаетъ послѣдователей между естествоиспытателями иной взглядъ на развитіе: развитіе, говорятъ, происходитъ не постепенно, но скачками. Съ этой теоріей не находятся въ противорѣчій и факты палеонтологіи; ей нѣтъ нужды доказывать существованіе промежуточныхъ звеньевъ развитія. Теорія эта находится въ соотвѣтствіи и съ закономъ эмбриологіи: всѣ главные органы необходимо уже предобразованы въ бороздкахъ яйца (Furchungen). Скачокъ въ развитіи происходитъ вслѣдствіе преобразованія зародыша, вслѣдствіе развитія яйца, вслѣдствіе инороднаго зарожденія (heterogene Zeugung). Она наконецъ подтверждается и опытомъ. Уже въ старыхъ книгахъ по садоводству было обращено вниманіе на то, что большая часть разновидностей появляется неожиданно, какъ напримѣръ махровые цвѣты, чрезвычайное множество волосковъ у махровой розы, не имѣющая усовъ земляника. На основаніи этого и опираясь на свои вновь произведенные опыты, Брисъ и другіе построили такъ называемую *теорію перемѣнъ* (Mutationstheorie): хотя постепенное видоизмѣненіе постоянно имѣетъ мѣсто, но оно не выходитъ за предѣлы родового типа; дѣйствительный переходъ отъ породы къ породѣ совершается вслѣдствіе толчка, вслѣдствіе крупной перемѣны, а не какой-нибудь незначительной разницы. Въ пользу этой теоріи собрано не мало доказательствъ. «Раки, перенесенные изъ прѣсной воды въ соленую и наоборотъ, въ продолженіе жизни немногихъ поколѣній, производятъ типъ новой породы съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ организаціи. Птицы, съ осторожностью переводимыя отъ питанія зернами къ питанію мясомъ и наоборотъ, вслѣдствіе цѣлесообразнаго соотношенія и приспособленія ихъ организма, измѣняютъ

свойства своей кишечной системы. Растения, лишонныя нормальныхъ органовъ для всасыванія воды и встрѣчающія препятствія къ образованію ихъ вновь, производятъ цѣлесообразно совершенно новыя проводники для воды (Hydatoden). И даже перемѣна въ окраскѣ тѣла «для защиты отъ враговъ (Schutzfärbung) происходитъ не вслѣдствіе постепеннаго приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ, какъ думали дарвинисты, но вслѣдствіе внутренней силы (Regsamkeit) живого существа, и это совершается въ одной и той же генерации, даже въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Этимъ у дарвинизма отнимается одно изъ видныхъ доказательствъ въ его пользу (Otto).

Такимъ образомъ новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что развитіе происходитъ не постепенно, но скачками (sprunghaft), что обозначается терминомъ *халматогенесисъ*. И это скачками совершающееся развитіе совсѣмъ независитъ отъ внѣшнихъ механическихъ причинъ, не есть также результатъ употребленія существующихъ уже органовъ; но сама жизнь своей собственной внутренней подвижностью и силой производитъ перемѣны, какъ нѣчто новое. Къ тому же это новое возникаетъ не въ готовомъ уже организмѣ, но обусловливается особымъ дѣленіемъ клѣточекъ въ зародышѣ. Уже яйцо въ яичникѣ материнскаго организма подвергается измѣненію, т.-е. начинается инородное зарожденіе (heterogene Zeugung), метаморфоза зародыша. Наконецъ такая, скачками совершающаяся, перемѣна происходитъ не безцѣльно, но подчиняясь закономѣрному стремленію къ разнообразію, въ цѣлесообразно намѣченныхъ направленіяхъ.

Очевидно, эта теорія находится въ полномъ противорѣчій съ механическимъ пониманіемъ жизненнаго развитія. На мѣсто привлекательной ясности механическихъ явленій она ставитъ непостижимую тайну: изъ невѣдомыхъ глубинъ бытія исходятъ возбужденія и толчки къ образованію новыхъ формъ жизни и къ постепенному усовершенствованію ихъ. И все это совершается съ высшей степени цѣлесообразно и планомѣрно.

Такимъ образомъ выяснилось, что во всей области биологіи ученіе о механическомъ происхожденіи жизни оказалось совершенно непригоднымъ. Механическимъ способомъ не удалось объяснить ни жизненныхъ явленій, ни возникновенія самой жизни, ни происхожденія видовъ. Напротивъ, во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ биологіи мы стоимъ предъ непостижимой тайной: мы не знаемъ, ни что такое жизнь, ни какъ она развивается, ни какъ распространилась она во множествѣ явленій.

Отсюда становится понятнымъ, почему естествоиспытатели все болѣе и болѣе видятъ себя вынужденными къ признанію такъ называемаго *витализма*: рядомъ съ химическими и физическими силами принимаютъ существованіе еще особенной «жизненной силы» и слѣдовательно возвращаются къ давно уже повидимому оставленнымъ воззрѣніямъ. *Неовитализмъ* имѣетъ дѣльный рядъ защитниковъ.— Но противъ него слышится много смѣлыхъ и основательныхъ возраженій. Что же такое въ самомъ дѣлѣ эта такъ называемая «жизненная сила»? Она совсѣмъ виситъ въ воздухѣ, она есть чистая выдумка. Признать существованіе ея въ дѣйствительности было бы позволительно только въ томъ случаѣ, если бы вполнѣ извѣстныхъ намъ силъ было недостаточно для объясненія жизненныхъ явленій. Но такой случай совершенно невозможенъ. Несомнѣнно то, что однѣ физическія силы не объясняютъ намъ жизненной проблемы,—при господствѣ однихъ механическихъ, химическихъ и физическихъ законовъ не могутъ обнаружиться въ дѣйствительности именно характеристическія свойства жизни; но это вполнѣ возможно при содѣйствіи *духовныхъ силъ*. Сила, творящая, сохраняющая и развивающая жизнь, непременно должна быть духовною силою. На это указываетъ вся совокупность фактовъ. Уже происхожденіе первой клѣточки, какъ мы видѣли, само по себѣ непостижимо, безъ содѣйствія разумной силы. Но поелику человекъ ни разу не изобрѣлъ клѣточки и никогда не могъ образовать ее изъ ея составныхъ частей; то она, очевидно, есть произведеніе ума, стоящаго безко-

нечно выше ума человѣческаго; иное объясненіе этого явленія невозможно. Негели утверждаетъ, что необходимо принять ученіе о первичномъ зарожденіи, говоря: «отрицать первичное зарожденіе значитъ проповѣдывать чудо». Но въ настоящее время нельзя считать первичное зарожденіе научнымъ, и слѣдовательно нѣтъ возможности миновать чуда. Происхожденіе жизни совершенно непостижимо безъ дѣятельности разумнаго Творца. Поэтому Рейнке требуетъ по крайней мѣрѣ двухъ дней творенія, и всякій не предубѣжденный человѣкъ долженъ согласиться съ нимъ.

Къ мысли о существованіи высочайшаго, цѣлеполагающаго Разума столь же необходимо приводить отвѣтъ на вопросъ: какъ произошли виды? Потому что развитіе происходитъ самопроизвольно и притомъ совершенно цѣлесообразно и въ высшей степени планомѣрно; въ особенности здѣсь я напоминаю о законѣ соотношенія (*Korrelationsgesetz*); но такъ дѣйствовать можетъ только разумный духъ. Этотъ-то духъ не только сотворилъ матеріальный міръ, но и творчески воздѣйствовалъ на ходъ развитія, необходимаго для происхожденія видовъ: безъ особенной дѣятельности Бога было бы совершенно невозможно происхожденіе жизни и ея разнообразія.

Еще далѣе ведетъ насъ размышленіе о жизненныхъ явленіяхъ. Что такое сила, которая поддерживаетъ жизнь, и удаленіе которой производитъ смерть? Кто руководитъ чудесными химическими преобразованіями въ клѣточкѣ и управляетъ непонятными процессами наследственности и размноженія? Жизнь, ея сохраненіе и ея проявленіе объясняется только изъ постояннаго воздѣйствія на ея физическую основу со стороны внѣ ея находящейся духовной силы. Все это дѣйствительно производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто «въ каждой организаци, какъ говоритъ Рейнке, находится невидимый зодчій, который по наследству получается отъ материнскаго организма, строитъ его, начиная съ зародышевой клѣточки до окончанія его развитія, и управляетъ сложными процессами взрослага организма сообразно съ объединяющей все идеей».

Отсюда понятны слова известнаго зоолога Бера: Природа для мыслящаго наблюдателя есть непрерывное откровение непостижимой Первоосновы». Еще яснѣе говорить объ этомъ одинъ изъ гениальнѣйшихъ физиковъ нашего времени Томсонъ: «всѣ живыя существа находятся въ зависимости отъ постоянно дѣйствующаго Творца и законодателя». Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современной биологіи—Эд. Гартманъ той же самой мысли, съ своей точки зрѣнія, даетъ такое выраженіе: «если бы «безсознательное» въ какой-либо моментъ перестало направлять свою дѣятельность на тотъ или другой существующій организмъ, то онъ въ то же самое мгновеніе лишился бы души, т.-е. сталъ бы мертвымъ и былъ бы безошадно разрушенъ законами матеріи». Здѣсь слышится какъ будто отзвукъ словъ Псалмопѣвца: *«отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ персть свою возвращаются. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли»* (Псал. 103, 29. 30).

«Вѣра въ Бога, говорятъ, ненаучна». Но безпристрастное изученіе фактовъ профессору Рейнке даетъ гораздо большее право сказать: «атеизмъ несовмѣстимъ съ безпристрастнымъ изученіемъ природы». Всякій конечно въ правѣ отвергнуть выводъ о необходимости бытія Божія, но тогда ничего не останется, кромѣ полнаго агностицизма, принципиальнаго отреченія отъ какого бы то ни было объясненія (явленій природы). А какъ скоро рѣшаются сдѣлать попытку такого рода, то оказываются стоящими предъ живымъ Богомъ. Во всякомъ случаѣ, при такой наличности фактовъ, честному человѣку невозможно защищать мысль, что наука свидѣтельствуетъ противъ вѣры. Истина заключается какъ разъ въ противоположномъ положеніи, и только вслѣдствіе капризнаго упорства можно оспаривать то, что вѣра и наука говорятъ не противъ другъ друга, но другъ за друга.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Жизнь наша—путешествіе къ Царству Небесному. Одни идутъ туда вѣрнымъ путемъ и прямымъ, другіе—извилистою дорогою, уклоняясь отъ прямого направленія болѣе или менѣе, но все таки не безъ надежды дойти до цѣли. Третьи, наконецъ, идутъ совсѣмъ не въ ту сторону, и приходятъ... во адъ, куда тоже есть и прямые, вѣрные пути, не оставляющіе заранѣе никакого сомнѣнія относительно того, куда они приведутъ.

* * *

«Откуда это мнѣ такая радость, что пришла ко мнѣ Матерь Господа моего?!» Какое дивное выраженіе неподдѣльной святой радости и величія совершающагося событія. «Пришла ко мнѣ Матерь Господа моего»... Это узнано не человѣческими средствами познанія, а благодатію Духа Божія—прозорливо. О, Елисавета! Какъ блаженна и ты, сподобившаяся первою исповѣдать величіе и славу Матери Господа нашего и давшая и намъ примѣръ достойнаго Ея возвеличенія и убоженія.

* * *

«Матерь Господа моего!» Приди и ко мнѣ Ты, приди радостію упованія на Тебя, защищенія Твоего, покрова и утѣшенія. Приди, Матерь Господа моего, въ часъ кончины

моя—заступить и избавить отъ окаяннаго врага, ободрить и утѣшить надеждою спасенія—о, единственная надежда спасенія нашего!

* * *

Врагъ мститъ намъ не только на насъ самихъ, но и на близкихъ или подчиненныхъ нашихъ, когда это причиняетъ намъ искреннюю, острую скорбь и болѣзнь. Всячески досаждаеть намъ окаянный, чтобы возмутить душу нашу, отвлечь отъ спокойнаго служенія Богу и безмятежнаго погруженія въ молитву и Богомысліе.

* * *

Ослабѣлъ во мнѣ духъ молитвенный... Опустѣло сердце, охладѣваетъ все болѣе и болѣе душа... Господи! Возгрѣй меня огнемъ Божественной Твоей ревности и любви. Отъ Тебя всякое даяніе благо. Никто не привлекается къ Отцу Небесному и Тебѣ, токмо Тобою же. О, Милосердый! Привлеки и меня Твоею благодатною силою и ревностію.

* * *

Какъ радуется и торжествуетъ врагъ, когда подъ разными благовидными предлогами ему удастся отвлечь вниманіе и волю человѣка отъ добраго дѣла—отъ молитвы, покаянія, богослуженія, благотворенія. А человѣкъ—о, какъ онъ въ эти минуты глупъ и жалокъ, не сознавая, что служить предметомъ такой радости врага. Насъ озлобляетъ и крайне возмущаетъ и бѣситъ то, если мы видимъ злорадство другого при нашихъ неудачахъ, затрудненіяхъ, скорбяхъ и страданіяхъ. О, если бы мы могли видѣть все злорадство нашего исконнаго врага и возмутиться его злобною радостію при всѣхъ его удачахъ въ нашихъ паденіяхъ и послабленіяхъ.

* * *

Смерть Матери Божіей... Какъ это дивно, непостижимо, поразительно для вѣрующаго сердца. Божія Матерь—во гробѣ, бездыханна. Матерь Жизни—безмолвна и безжизненна. Виновница столькихъ благодѣяній намъ, всего блаженства и безсмертія нашего—припечатана печатію смерти, хотя и не восторжествовавшей болѣе трехъ дней. Невыразимо трогательная, полная священнаго изумленія тайна.

* * *

Если ты не согрѣшишь въ томъ или другомъ грѣхѣ, не превозносишься надъ согрѣшившими. Грѣхъ—наше общее несчастье, и нѣтъ намъ возможности похвалиться предъ другими. Нѣтъ иного отзыва на грѣховное паденіе ближняго, кромѣ сдѣланнаго однимъ мудрымъ подвижникомъ: «сегодня очь, а я—завтра».

* * *

«Рука Господня не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззаконія ваши произвели раздѣленіе между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши отверщаютъ Лице Его отъ васъ, чтобы не слышать»... (Исаія, 59, 1—2). Достоинно и праведно судишь Ты насъ, Господи! Нѣтъ другого виновника всѣхъ бѣдствій и страданій нашихъ, кромѣ насъ самихъ, да врага окаяннаго, похищающаго насъ отъ Твоей Отеческой благодати и человѣколюбія.

* * *

«Увѣряя Иисусъ, Сынъ Твой, Богородице, и Богъ нашъ, два естества Своя, яко убо человекъ умираетъ и якоже Богъ востаетъ. И Ты, Богомати,—закономъ естества умрети благоизволи, да не невѣрнымъ привидѣніе мкнется смотреніе»... (Стихир. на стих.). Глубокая и весьма важная мысль о значеніи смерти Божіей Матери. Эта смерть, какъ и смерть Сына Божія, служила между прочимъ доказательствомъ того, что Сынъ Божій не привидѣніе, не

мечтаніе только, какъ учили нѣкоторые еретики, а истинный человѣкъ, какъ истинный и Господь. Если Онъ—привидѣніе, только казался намъ человѣкомъ, то и Матерь Его должна быть такимъ привидѣніемъ. Если же Онъ истинно подъялъ и жизнь, и смерть человѣческую, то смерть Божіей Матери такъ же была необходима, какъ и Его смерть, побѣжденная въ томъ и другомъ случаѣ Его силою, въ знаменіе и нашей побѣды, которую Онъ дастъ въ свое время.

* * *

Не Предтечи жаль, а жаль грѣшниковъ окаянныхъ, изъза которыхъ пролилась его драгоценная кровь. Участь Предтечи стала отъ этого только еще блаженнѣе, еще трогательнѣе. А окаянные убійцы его—еще омерзительнѣе, еще гнуснѣе. Дщери Іерусалимскія! Не плачьте о Страдальцѣ, плачьте о причиняющихъ страданіе палачахъ и убійцахъ.

* * *

«Возлюбиши Господа всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твою»...—заповѣдано намъ. А мы—любимъ Его едва половиною, или $\frac{1}{4}$ -ю, $\frac{1}{1000}$ -ю, $\frac{1}{1000000}$ -ю долею души, а другую гораздо большую несравненно часть отдаемъ міру, оуетъ, плоти, діаволу...

* * *

«Судьбы Твои, Господи, бездна многа»... Если наша маленькая жизнь такъ иногда богата и сложна, обильна всевозможными событіями и поучительными обстоятельствами, то что же милліоны жизней въ Твоемъ руководствѣ и жизнь всѣхъ міровъ, плавающихъ надъ землею во всей вселенной? Поистинѣ, нѣтъ мѣры премудрости и всемогущества Господа нашего, Творца и Промыслителя вселенной.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ІАКОВЪ;
архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій ¹⁾.**

(† 20 мая 1850 года).

Преемникъ Переверзева, гражданскій губернаторъ С—овъ, былъ человекъ добрый и преданный церкви. При его содѣйствіи преосвященный Іаковъ успѣлъ уничтожить Иргизскіе монастыри—это крамольное гнѣздо поповщинской секты,—и Узени—притонъ секты молоканской. Когда въ 1836 году было назначено отереть вновь три города въ Саратовской губерніи, С—овъ, посовѣтовавшись съ архипастыремъ, рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для уничтоженія означенныхъ вертеповъ раскола, служившихъ обыкновенно убѣжищемъ всякому, кто имѣлъ надобность скрыться отъ преслѣдованій закона. Мѣстомъ для двухъ новыхъ городовъ были назначены Николаевская слобода — центръ иргизскихъ монастырей, и Узени — центръ молоканской секты.

Благому предпріятію сему немало способствовало и то, что одинъ изъ этихъ монастырей, Воскресенскій, былъ уже обращенъ въ единовѣріе. Благосостояніе его подъ управленіемъ духовнаго начальства прямо указывало на необходимость, для блага самихъ же старообрядцевъ, подчинить духовному начальству и остальные иргизскіе монастыри. Правительство могло бы, на основаніи постановлений, просто уничтожить раскольническіе монастыри, какъ

---

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую книжку *Душен. Чтеніе* за 1910 г.

незаконно существовавшіе, но оно хотѣло оказать обитателямъ ихъ снисхожденіе, дозволивъ имъ законное существованіе въ союзѣ съ православною церковью на условіяхъ единовѣрія.

Руководясь такими правилами, мѣстное начальство, не прибѣгая еще къ мѣрамъ рѣшительнымъ, въ 1836 году пыталось разузнать напередъ расположенность, по предмету обращенія къ единовѣрью, обитателей Средне—Никольскаго монастыря. На первыхъ порахъ они были не прочь оказать безпрекословное повиновеніе правительству. Возможность скораго и безотлагательнаго обращенія ихъ казалась до того достовѣрною, что, по сдѣланному о семъ отъ начальника губерніи всеподданнѣйшему донесенію, послѣдовало Высочайшее соизволеніе объ обращеніи Средне—Никольскаго мужскаго монастыря въ единовѣрческій. Но когда воля царская была предъявлена жителямъ обители, и назначенныя для исполненія оной лица прибыли 8 февраля 1837 года въ монастырь, то иноки, сверхъ всякаго чаянія, рѣшительно отвергли увѣщанія архимандрита Зосимы и участіе земской полиціи, объявивъ, что они безъ согласія окрестныхъ жителей ничего сдѣлать не могутъ, на томъ основаніи, что монастырь и церковь построены усердствующими старообрядцами, и что они только стражи сего мѣста. Между тѣмъ въ монастырь собралось до 300 окрестныхъ жителей, и лжемонахи, ободренные появленіемъ ихъ, оказали еще большее сопротивленіе. Толпа потребовала объявленія ей Высочайшаго повелѣнія и, по выслушаніи его, рѣшительно объявила, что не допуститъ отдать церковь для единовѣрія, хотя бы то стоило крови. Послѣ тщетныхъ увѣщаній къ повиновенію, приглашены были и другіе гражданскіе чиновники, но всѣ усилія ихъ оказались безуспѣшными: монахи и толпа опять потребовали объявленія имъ Высочайшаго повелѣнія и опять отказались отъ повиновенія. Архимандритъ Зосима, повидимому, успѣлъ убѣдить настоятеля Корнилія и нѣкоторыхъ изъ братіи къ принятію единовѣрія, но

только повидимому, потому что эти лица на самомъ-то дѣлѣ только раздували пламя мятежа. Когда Зосима пошелъ въ церковь вмѣстѣ съ чиновниками,—толпа, подстрекаемая монахами, загородила имъ дорогу, и въ ту жъ минуту поднялся набатный звонъ на колокольнѣ. Опасаясь оставаться въ монастырѣ на ночь, архимандритъ Зосима со всею свитою уѣхалъ въ Николаевскъ, отстоящій недалеко отъ монастыря.

Число мятежныхъ раскольниковъ, запершихся въ монастырѣ, возрастало все болѣе и болѣе, такъ что на другой день ихъ было уже до 500 человекъ. Мѣры кротости и снисхожденія, употребленныя со стороны начальства, ни къ чему не повели: мятежники продолжали упорствовать даже и тогда, когда были прочитаны имъ статьи изъ уголовныхъ законовъ касательно того, чему подвергаютъ себя они за сопротивленіе верховной власти. «Всякую казнь перетерпимъ,—кричали они,—но волею не уступимъ нашу церковь!» Около монастыря поставленъ былъ караулъ, а обо всемъ случившемся донесено высшему начальству.

Въ такомъ положеніи мятежное состояніе скопища раскольниковъ оставалось безъ особенныхъ замѣчательныхъ приключеній до 21 февраля, когда вечеромъ прибылъ въ монастырь начальникъ губерніи и приказалъ православнымъ, собравшимся около монастыря въ числѣ 800 человекъ, выводить раскольниковъ за монастырскую ограду. Но темнота ночи помѣшала понятымъ распознавать раскольниковъ. Произошло большое смятеніе, а набатный звонъ во всѣ колокола взволновалъ окрестныхъ раскольниковъ, которые со всѣхъ сторонъ начали стекаться на помощь къ монастырю. Многіе явились съ ружьями, кистенями, дубинами; завязалась драка. Раскольники успѣли отбить всѣхъ забранныхъ понятыми, а между тѣмъ набатный звонъ продолжался до полуночи. Очевидно стало, что монастыря нельзя было взять иначе, какъ открытою силой.

На другой день начальникъ губерніи приказалъ понатымъ разойтись по домамъ, а самъ отправился въ монастырь для увѣщанія буйствовавшихъ. Видя, что ничто не помогаетъ, онъ предложилъ архимандриту Зосимѣ отправиться, впредь до востребованія, въ единовѣрческой Воскресенской монастырь и донести о ходѣ дѣла высшему начальству. По полученіи новыхъ распоряженій, (9 марта) въ монастырь отправленъ былъ чиновникъ для отобранія отъ монаховъ и окрестныхъ жителей, собравшихся въ монастырь, согласія или несогласія ихъ къ добровольному повиновенію, но раскольники объявили, что скорѣе умрутъ, нежели согласятся отдать свою церковь. Засимъ 12 марта прибыли въ Николаевскъ—командированный губернаторомъ отрядъ внутренняго гарнизоннаго батальона, одна конноартиллерійская резервная батарея, саратовская пожарная команда съ пожарными трубами и до двухъ тысячъ челоувѣкъ окрестныхъ крестьянъ православныхъ. Въ тотъ же день прибылъ въ Николаевскъ и самъ начальникъ губерніи. Еще разъ предложено было монахамъ и собравшейся тамъ толпѣ добровольно покориться, причемъ было имъ объявлено, что если они будутъ упорствовать, то монастырь будетъ взятъ силою, а они подвергнутся суду и строгому наказанію. Отвѣтъ былъ отрицательный. Тогда приказано было выдвинуть пожарныя трубы и лить воду на бунтующихъ. Мятежники смѣшались, команда бросилась хватать главныхъ зачинщиковъ, и въ одинъ часъ все кончилось безъ малѣйшаго кровопролитія. Связанные подъ стражею отправлены были въ Николаевскъ, а находившіеся въ монастырь два бѣглыхъ попа и два дьякона препровождены къ епархіальному начальству.

Тотчасъ же, для принятія монастыря, приглашенъ былъ архимандритъ Зосима, который совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ и окропилъ св. водою иконы и площадь монастырскую. Такимъ образомъ 13 марта 1837 года на мѣстѣ иргизскаго расколыническаго явился единовѣрческой монастырь. 20 марта освящена на древнемъ антиминсѣ

соборная церковь во имя св. чудотворца Николая. Лице-мѣръ Корнилій и нѣсколько человекъ его единомышленниковъ за оказанное сопротивленіе власти сосланы были въ закавказскія области, изъ престарѣлыхъ три монаха препровождены въ саратовскій Спасо-преображенскій монастырь, а другіе трое—въ Петровскій-николаевскій.

По устроеніи монастыря, архимандритъ Зосима возвратился въ свой Высоковскій единовѣрческій монастырь, а исправленіе должности настоятеля Никольско-единовѣрческаго монастыря поручено было достойнѣйшему іеромонаху, казначею Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря, Арсенію. Но Никольскій монастырь недолго оставался мужскимъ. Въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ обращенъ въ женскую единовѣрческую обитель, на содержаніе которой назначены доходы съ угодій и хозяйственныхъ заведеній прежняго монастыря.

Обращеніе въ единовѣріе верхне Спасо-преображенскаго раскольническаго монастыря совершилось тихо безъ всякихъ особыхъ понужденій со стороны правительства. Монастырскіе жители, выслушавъ объявленную имъ Высочайшую волю, изъявили полную готовность сдать какъ монастырь, такъ и все имущество, ему принадлежащее, въ вѣдѣніе единовѣрческаго начальства, а на увѣщаніе принять единовѣріе отвѣчали, что они еще не приготовились къ этому. То же было и съ Покровскимъ женскимъ монастыремъ. Настоятельница монастыря и бѣлицы удалились изъ обители, продали свои дома и заведенія, такъ что вскорѣ на мѣстѣ монастыря осталась лишь часовня, изъ которой въ 1843 году построена въ г. Николаевскѣ церковь во имя св. Іоанна Предтечи.

Изъ монастырскихъ жителей одни тотчасъ же перешли въ единовѣріе, а другіе по времени. Настоятелемъ ихъ назначенъ Трифілій, по отзыву преосвященнаго Іакова, простой и кроткій, но имѣющій большое вліяніе на раскольниковъ.

Обращеніе иргизскихъ раскольническихъ монастырей

къ единовѣрію было весьма благодѣтельно не только для Саратовской губерніи, но и для всей Россіи. Ни упорные раскольники, ни дерзкіе преступники законовъ и вредные члены общества теперь уже не имѣютъ возможности скрывать свои преступленія въ иргизскихъ монастыряхъ подъ личиною старой вѣры. Съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрію изъ Саратовской губерніи выбыли въ большомъ числѣ самые упорные и грубые монахи и монахини, которые поддерживали расколъ деньгами, гостепріимствомъ, склонностію заводить непозволительныя связи и другими преступными средствами. Грубость монаховъ простодушные саратовцы считали ревностію по старой вѣрѣ и, обольщаемые безнаказанностію преступленій скрывавшихся въ монастыряхъ, дѣлались сами грубыми и преступными. Прежде существованіе монастырей питало въ раскольникахъ обольстительную мысль, что расколъ не противенъ правительству: въ обращеніи же ихъ къ единовѣрію ясно увидѣли, что потворства имъ нѣтъ и быть не можетъ. Благодѣтельныя слѣдствія такихъ рѣшительныхъ мѣръ имѣлъ утѣшеніе видѣть и преосвященный Іаковъ: криволюкскіе раскольники, самые злые и упорные союзники упраздненныхъ монастырей, въ проѣздъ архипастыря уже не скрывались и не бѣгали отъ него, какъ прежде, напротивъ, охотно кланялись ему, собирались около него и вступали въ бесѣду смиренно и почтительно. Прежде раскольники и даже православные толпою стремились въ иргизскіе монастыри на богомолье. По обращеніи же ихъ къ единовѣрію всѣ мало-по-малу стали посѣщать православныя храмы. Прежде бѣглые попы и монахи, развѣзжая по раскольникамъ, исправляли у нихъ духовныя требы и сѣяли расколъ между православными,—послѣ раскольники сами принуждены были поневолѣ обращаться къ православнымъ священникамъ, и расколъ, лишенный главной своей опоры, сталъ ослабѣвать въ своей силѣ. Народъ пересталъ слышать хулы на церковь, пересталъ встрѣчать изувѣрныхъ лицемѣровъ и ханжей — модельщицъ.

Мало того, какъ прежде иргизскіе раскольническіе монастыри служили опорой и главными рассадниками раскола, такъ, послѣ своего обращенія, они сдѣлались защитой единовѣрія. Простолудины, какъ прежде были подражателями въ отпаденіи отъ церкви, такъ послѣ легко дѣлались подражателями и въ возсоединеніи съ нею.

Въ заключеніе всего скажемъ, что начальникъ миссіи, о. игуменъ Моисей, сошелъ съ своего поприща ранѣе, чѣмъ можно было ожидать, судя по его высокимъ дарованіямъ и довѣрію, которымъ онъ пользовался вначалѣ. Преосвященный, вмѣстѣ съ назначеніемъ о. Моисея начальникомъ миссіи, сдѣлалъ его настоятелемъ Петровскаго монастыря въ санѣ игумена. Это назначеніе связало свободу его дѣйствій и служило источникомъ многихъ скорбей, которыя приготовили ему раннюю могилу. Недовольные благимъ его вліаніемъ на архипастыря въ особенности потому, что оно нерѣдко отражалось и на рѣшеніи консисторскихъ дѣлъ, нашли случай повредить ему по званію настоятеля монастыря, который для сего съ умысломъ наполнили «подначальными» (язва всѣхъ монастырей вообще и самое вѣрное средство нарушить внутренній миръ въ любомъ изъ нихъ); одинъ изъ нихъ, священникъ К—инъ, извѣстный всей епархіи тѣмъ, что разъ до 12 былъ подъ слѣдствіемъ и всякій разъ умѣлъ искусно выпутываться самъ и запутывать другихъ, подалъ на о. Моисея доносъ, исполненный самыхъ гнусныхъ клеветъ. Враги ѓ. Моисея воспользовались этимъ и изъ искры, ихъ же стараніемъ добытой, раздули цѣлый пожаръ, въ пламени котораго истаяла чувствительная душа боголюбиваго старца. Состояніе его духа во время этихъ скорбей прекрасно изображается слѣдующими строками изъ письма его къ Пономареву отъ 4 іюля 1840 года: «нападенія на меня, о коихъ вы, можетъ быть, слышали, какъ волны, совозслѣдующія одна за другою. Скорблю о томъ, что по сіе время не получилъ еще дара терпѣнія Іовля, между тѣмъ какъ необозримый еще рядъ скорбей готовится мнѣ. Свер-

кающія въ глазахъ моихъ могилы и памятники обнадеживаютъ меня вѣчнымъ успокоеніемъ, по благодушномъ окончаніи возлагаемыхъ Промысломъ Божиимъ подвиговъ христіанскихъ. *Блажени мертвіи, умирающіе о Господь: ей, благолетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ*».

Желанія и предчувствія старца скоро сбылись: въ 1843 году онъ добровольно сложилъ съ себя должность настоятеля и перешелъ на жительство въ архіерейскій домъ, а въ 1845 году въ пять часовъ пополудни послѣ пасхальной утрени, или во время ранней литургіи, почилъ отъ трудовъ и скорбей своихъ мирною христіанскою кончиною, съ напутствіемъ св. Таинъ, елеосвященія и евхаристіи. Узнавъ о кончинѣ Моисея, преосвященный Іаковъ тотчасъ пришелъ въ его келью и, благословивъ усопшаго, сказалъ: «Христосъ Воскресе! Сей старецъ подвигомъ добрымъ подвизался,»—и самъ отслужилъ надъ нимъ литію ¹⁾.

Преосвященный Іаковъ въ Нижній Новгородъ прибылъ въ 1847 году, 19 февраля около 12 часовъ и направился прямо въ кафедральный соборъ, гдѣ послѣ молебствія сказалъ краткое слово. «Прибытіе владыки въ Нижній ²⁾ было задолго предупреждено общимъ мнѣніемъ о немъ, какъ о святителѣ, имѣющемъ великія, неоспоримыя достоинства. Такъ одни ожидали видѣть въ немъ сильнаго поборника православія, другіе—любителя церковности и ревнителя о благолѣпнн храмовъ, иные—ревностнаго покровителя наукъ, въ особенности археологіи, а всѣ вообще—мудраго, добраго и справедливаго начальника, отличавшагося высокою нравственною жизнію. И въ своихъ ожиданіяхъ никто не ошибся: такимъ точно новый архипастырь и явился для всѣхъ. Дѣятельность свою въ Нижнемъ Новгородѣ онъ началъ тѣмъ, что осмотрѣлъ всѣ церкви, обращая вниманіе на степень ихъ благолѣпія, на количе-

¹⁾ Ibid. 843—850.

²⁾ *Епарх. Нижегород. вѣдомости*, 1895 г., № 12, стр. 316—320.

ство и качество церковной утвари, на количество имѣющихся духовныхъ книгъ, на древности и достопримѣчательности церкви и проч. Замѣчая гдѣ-либо древнія рукописи и рѣдкія книги, онъ бралъ ихъ себѣ въ домъ для прочтенія и разсмотрѣнія. Подобнымъ образомъ онъ поступалъ и въ другихъ мѣстахъ Нижегородской епархіи, не опуская изъ виду ни одного замѣчательнаго въ церковно-историческомъ отношеніи предмета. А въ Печерскомъ древнемъ монастырѣ онъ открылъ до 1000 столбцовъ, или письменныхъ свитковъ, не обращавшихъ на себя до того времени почти никакого вниманія. Всѣ эти столбцы розданы были для переписки, а подлинныя отосланы были въ С.-Пб. Археологическую Комиссію. Точно также и другое ученое общество, именно Русское Географическое Общество, получавшее отъ высокопреосвященнаго Іакова свѣдѣнія о Саратовской епархіи, начало получать подобныя же свѣдѣнія и о Нижегородской епархіи, доставляемая ему, по его приказанію и распоряженію, отъ разныхъ духовныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ епархіи. Собираніемъ такихъ частныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній высокопреосвященный Іаковъ, однако, не довольствовался. Ему хотѣлось имѣть полное, возможно стройное и систематическое описаніе Нижегородской епархіи, подобное тому, какое имѣлось для Саратовской епархіи. Это дѣло возложено было имъ на профессора семинаріи іеромонаха Маркія (впослѣдствіи составителя «жизнеописанія» высокопреосвященнаго Іакова и будущаго епископа Нижегородскаго и архіепископа Донскаго), который, при помощи собранныхъ имъ матеріаловъ, и сталъ составлять требуемое описаніе, помѣщая оное въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Изъ предпринятаго іеромонахомъ Маркіемъ труда, при жизни высокопреосвященнаго Іакова, приведена къ окончанію только одна часть этого труда, именно составлена въ 1849 году «Исторія Нижегородской іерархіи» — сочиненіе, доселѣ остающееся незамѣненнымъ источникомъ для свѣдѣній въ этомъ родѣ. Какъ истинный

любитель просвѣщенія и добрый поощритель научныхъ трудовъ, высокопреосвященный Іаковъ съ заботливостью отыскивалъ по своей епархіи и другихъ способныхъ къ литературному труду людей, давая имъ соотвѣтствующія ихъ знаніямъ и талантамъ порученія. Онъ хотѣлъ, чтобы все епархіальное начальство приносило плоды отъ тѣхъ знаній, которыя оно когда-то получало въ семинаріи. Хотѣлъ и требовалъ, чтобы священники неопустительно и ревностно проповѣдывали слово Божіе, составляя свои поученія просто и удобопонятно для каждаго слушателя и подкрѣпляя сказанное словомъ чрезъ примѣръ доброй пастырской жизни. Любовь и способность къ проповѣданію слова Божія онъ старался привить духовнымъ лицамъ еще съ годовъ ихъ школьнаго обученія, почему онъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ такъ же, какъ и въ Саратовѣ, весьма нерѣдко посѣщалъ мѣстную семинарію и при своихъ посѣщеніяхъ настоятельно внушалъ ученикамъ богословскаго класса чаще упражняться въ составленіи проповѣдей и приобрѣтать себѣ навыкъ говорить оныя даже безъ приготовленія (экспромptomъ). Тѣ же совѣты онъ давалъ и ученикамъ философскаго (средняго) отдѣленія и даже вмѣнилъ имъ въ обязанность писать по три проповѣди въ годъ и приучаться къ произношенію ихъ въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя. Вообще говоря, отношеніе высокопреосвященнаго Іакова къ Нижегородской семинаріи было самое благосклонное и доброжелательное. Независимо отъ его высшаго руководства учебною и воспитательною частями въ семинаріи, онъ старался дать возможно большія средства къ умственному развитію учениковъ, поэтому весьма охотно и щедро обогащалъ семинарскую бібліотеку своими пожертвованіями — книгами и рукописями и другими предметами, служившими къ увеличенію знаній учениковъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Всѣ книги и другія учебныя пособия, которыя высокопреосвященный получалъ въ даръ отъ ученыхъ обществъ, отъ авторовъ, издателей и частныхъ владѣльцевъ сихъ

предметовъ, онъ непремѣнно препровождалъ въ семинарскую библіотеку. Въ числѣ этихъ пожертвованій, кромѣ книгъ богословскаго и философскаго содержанія, есть много книгъ медицинскихъ и агрономическихъ и притомъ на разныхъ языкахъ; есть также и значительныя коллекціи минераловъ, гербаріевъ и монетъ. Что касается пожертвованныхъ высокопреосвященнымъ рукописей, то таковыя, напримѣръ рукописи «О расколѣ въ Саратовской епархіи» и «Статистическое описаніе оной епархіи», составляютъ такой драгоцѣнный матеріалъ для изученія раскола, что этимъ матеріаломъ пользовались и пользуются не только мѣстные изслѣдователи раскола, но и иногородніе. Помянутыя рукописи перебували во всѣхъ нашихъ духовныхъ академіяхъ и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, согласно требованіямъ сихъ учебныхъ заведеній, и сослужили службу многимъ изъ нашихъ ученыхъ специалистовъ въ ихъ работахъ по изученію раскола. Помѣщенные въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1857 и 58 г. статьи: «Обращеніе иргизскихъ монастырей къ единовѣрію», а также: «Общество людей Божіихъ» и «Историческія свѣдѣнія о молоканской сектѣ», по признанію авторовъ этихъ статей, составлены по рукописямъ высокопреосвященнаго Іакова».

Ан. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УСПЕНИЕ БОГОМАТЕРИ.

Богоматерь на смертномъ одрѣ,
А предъ Нею въ великой печали,
Изъ далекихъ собравшихся странъ,
Благовѣстники мира стояли.
Они видѣли въ Ней свою Мать...
И теперъ, всѣ съ слезой на рѣсницахъ,
Ея волю желаютъ узнать,—
Что имъ скажетъ предъ смертью Царица.
Гдѣ искать имъ отнынѣ себѣ
Средь гоненій и бѣдъ утѣшенья?
Кто пошлетъ имъ въ неравной борьбѣ
Силу, мужество и подрѣпленье?..
И вотъ слышать они Ея гласъ,
Полный ласки, любви сердечной:
'Не оставлю Я сирыми васъ,
Пребывать съ вами буду я вѣчно,
Только подвигъ апостольства свой
Терпѣливо и бодро несите,
Дайте людямъ свѣтъ вѣры святой.
А пока, мои чадца, простите>...
То послѣднія были слова
Херувимовъ честнѣйшій Дѣвы,
И поникла Ея голова
Къ изголовью подъ плачь и напѣвы...
И свершился тутъ чудеса:

Самъ Господь Ея душу, ликуя,
Огъ юдоли вознесъ въ небеса,
Хоръ же ангеловъ пѣлъ: Аллилуйя!..
И взирая на то торжество,
Ликъ Апостольскій былъ въ восхищеньи:
Позабылъ онъ свое сиротство
И оставилъ на вѣкъ празднество
Въ честь Ея—Приснодѣвы—успенья.

I. Ев—ій.

ОБЪ ОДЕЖДАХЪ ХРИСТА.

(Слово въ день положенія Ризы Господней въ Москвѣ 10 іюля¹⁾).

Въ евангеліяхъ очень мало говорится объ одеждахъ Христа, какія носилъ Онъ во время Своей земной жизни. Первое упоминаніе о нихъ встрѣчается въ разсказѣ объ Его рожденіи, когда Богоматерь «спеленала Его» (Лук. 2, 7) и положила въ ясли. Таково простое, совершенно безыскусственное сообщеніе евангелиста изъ времени первоначальнаго дѣтства Спасителя, когда только что рожденный Младенецъ,—Божіе Слово, приобщившееся нашей человѣческой плоти и крови,—былъ лишень свободы Своихъ тѣлесныхъ движеній любящей рукою Своей Матери. Затѣмъ краткій намекъ на одежды Спасителя дѣлается евангелистами въ разсказѣ объ исцѣленіи кровоточивой женщины (Мате. 9, 20. 21; Марк. 5, 27. 30; Лук. 8, 44), прикоснувшейся къ «краю» одежды Его, и это обыкновенно даетъ поводъ толкователямъ разсуждать при объясненіи указадныхъ мѣстъ и вообще объ одеждахъ Христа. Рѣшеніе вопроса, чтѣ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «край», довольно затруднительно. Были ли это «кисти» на одеждѣ, которыя носились іудеями во исполненіе заповѣди, данной въ законѣ, или же просто «кайма», «подборка», «подрубка», въ собственномъ смыслѣ «край» одежды Христа? Изъ евангелій не видно, чтобы Ему дѣлались когда-либо со стороны книжниковъ и фари-

---

¹⁾ Произнесено 10 іюля 1910 г. въ Моск. Успен. соборѣ.

сеевъ упреки въ томъ, что Онъ не соблюдалъ этого законнаго установленія; Самъ же Онъ упрекаетъ лицемъровъ въ томъ, что они увеличиваютъ «воскрилія (кисти) одежды своихъ». На этомъ основаніи предполагаютъ, что законныя «кисти» были принадлежностью одежды Христа.

Какъ бы то ни было, одно не подлежитъ сомнѣнію: Спаситель носилъ тѣ же одежды, какія носились Его современниками, ничѣмъ и висколько отъ нихъ не отличаюсь. Онъ былъ Царь, но никогда не надѣвалъ никакого царскаго одѣянія. Соблюдая краткость, можно сказать, что Христосъ носилъ тѣ одежды, въ которыхъ изображаютъ Его на иконахъ и картинахъ разные живописцы: нижній «хитонъ»,—длинная одежда съ рукавами, похожая на нашу рубашку,—поясъ, сандаліи (Іоан. 1, 27), и сверху хитона—плащъ въ видѣ большого платка, сдѣланнаго изъ самой простой матеріи. Если бы Христосъ носилъ какія-нибудь необыкновенныя одежды, то евангелисты, вѣроятно, отмѣтили бы этотъ фактъ, какъ они сдѣлали это объ одеждахъ Іоанна Крестителя, отличавшихся отъ одеждъ прочихъ іудеевъ. Одежды Христа, если не были совершенно бѣдны, то во всякомъ случаѣ не были богаты. Онѣ измѣнились во время Его преображенія, сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ.

Нѣкоторыя перемѣны въ Его обычныхъ одеждахъ наступаютъ только съ началомъ Его страданій. Когда воины взяли Его въ Геосиманіи, то, конечно, Онъ предсталъ на судъ предъ первосвященниками Анной и Каіафой въ Своихъ собственныхъ одеждахъ. Однако къ нимъ сдѣлано было, не Самимъ Христомъ, а другими, и небольшое добавленіе: это была вервь, которою Онъ былъ связанъ (Іоан. 18, 12, 24), если только на вервь можно смотрѣть, какъ на принадлежность одежды.

Очень важно и поучительно отмѣтить, что если въ другихъ случаяхъ евангелисты мало обращаютъ вниманія на внѣшность Христа вообще и въ частности на Его одежды, то, говоря объ Его страданіяхъ, они нѣсколько подробнѣе

останавливаются на этомъ послѣднемъ предметѣ. Слѣдя за событіями страданій, видимъ, что въ это время Христа то лишаютъ Его собственныхъ одеждъ, то перемѣняютъ ихъ, то возвращаютъ ихъ Ему. Одежды между прочимъ какъ бы указываютъ здѣсь на различныя стадіи Его страданій. Такъ, когда Онъ отправленъ былъ на судъ къ Ироду, то, говорится въ евангеліи, «Иродъ съ своими воинами, уничтоживъ Его и насмѣявшись надъ Нимъ, одѣлъ Его въ свѣтлую одежду и отослалъ обратно къ Пилату» (Лук. 23, 11). Слова «свѣтлая одежда» могутъ не обозначать непременно «бѣлой» одежды, а означаютъ вообще одежду какого-нибудь яркаго цвѣта, можетъ быть розовую или красную. Думаютъ даже, что одежда, въ которую облекъ Христа Иродъ, и была именно тою самою «хламидою червленою» (Матѣ. 27, 28), которую надѣли на Христа послѣ римскіе воины. Неизвѣстно, велѣлъ ли въ это время Иродъ снять съ Христа Его собственныя одежды и замѣнить ихъ своей «свѣтлой» одеждой, или же эта послѣдняя была только накинута поверхъ Его одеждъ. Но цѣль, которую имѣлъ въ виду при этомъ Иродъ, понятна. Неудовлетворенный поведеніемъ Христа, выразившимся въ Его полномъ молчаніи, и зная о томъ, что Онъ обвинялся въ присвоеніи Себѣ царскаго достоинства, этотъ слабоумный и порочный правитель захотѣлъ поглумиться надъ Христомъ и не могъ придумать для этого ничего другого, какъ только облечь Его въ насмѣшливое царское одѣяніе.

Во время суда надъ Христомъ у Пилата, Пилатъ велѣлъ подвергнуть Его бичеванію. Въ это время сняты были съ Него Его собственныя одежды. Но неизвѣстно, были ли онѣ надѣты тотчасъ послѣ бичеванія,—дважды или трижды одѣвали и раздѣвали Христа во время Его страданій, начиная отъ бичеванія до Его крестной смерти. Послѣ бичеванія Пилатъ предалъ Христа іудеямъ на распятіе. Какъ осужденный на страшную и позорную смерть, Онъ находился теперь во власти грубыхъ и жестокихъ

воиновъ, которые могли Его измучить, хотя и не до самой смерти. Онъ отведенъ былъ римскими воинами въ «преторію», гдѣ жилъ Пилатъ, когда находился въ Іерусалимѣ, т.-е. вѣроятно на обширный дворъ, примыкавшій ко дворцу Пилата, окруженный казармами, гдѣ жили воины. Когда Христосъ, связанный и только что изреченный бичеваніемъ, появился среди нихъ, они «собрали на Него весь полкъ»,—римскую когорту, составлявшую десятую часть римскаго легіона, приблизительно отъ пятисотъ до шестисотъ человекъ. Возможно, что въ дальнѣйшихъ издѣвательствахъ надъ Спасителемъ не всѣ эти воины принимали участіе. Къ римскимъ воинамъ приведенъ былъ теперь преступникъ, о которомъ они знали, что Онъ вообразилъ Себя земнымъ царемъ и за это осужденъ былъ на крестную казнь. Онъ вообразилъ Себя, такъ могли рассуждать воины, царемъ, но дѣйствительность показала, что Онъ ошибся. Такимъ образомъ тутъ получились двѣ противоположности: съ одной стороны слишкомъ высокое о Себѣ мнѣніе, а съ другой—предстоящій преступнику крестный позоръ. На этой именно противоположности между дѣйствительностію и мнимымъ царскимъ достоинствомъ и построены были грубыя и жестокия шутки и издѣательства воиновъ. Нужно было придумать нѣчто такое, что съ одной стороны свидѣтельствовало бы и предъ Самимъ Христомъ, и предъ воинами объ Его царскомъ достоинствѣ, а съ другой стороны совершенно ясно показывало бы, что это достоинство было дѣйствительно мнимое. Для этой цѣли римскіе воины воспользовались *одеждами* Христа. Собственныя, обычныя одежды Его не свидѣтельствовали и не могли свидѣтельствовать о томъ, что Онъ былъ Царь. Поэтому воины достали старую, изношенную «хламиду», или «багряницу»,—родъ или длинной одежды, или короткой военной мантии, которая у настоящихъ царей и правителей изяшно и красиво прикрѣплялась пряжкой на правомъ плечѣ. Окружавшимъ Христа мучителямъ было, конечно, извѣстно,

что въ такія мантии облакаются въ торжественныхъ случаяхъ сами римскіе императоры. Багряница получила такое употребленіе со времени одного изъ первыхъ римскихъ царей, Нумы Помпиія, преемника Ромула на римскомъ престолѣ. Ее надѣвали также македонскіе и другіе цари въ знакъ принадлежащаго имъ царскаго достоинства. Пусть теперь старая, поношенная, ни на что больше негодная одежда послужитъ выраженіемъ смѣшной идеи, которую усвоилъ Себѣ «Царь Іудейскій!» Противоположностью царской коронѣ или царскому вѣнцу долженъ былъ послужить вѣнецъ, сдѣланный не изъ золота и не украшенный драгоценными камнями, а изъ колючаго терновника, иглы котораго могли вонзаться въ голову. А противоположностью царскому скипетру была простая палка, данная воинами въ руки Христа. Такимъ образомъ они сдѣлали Его похожимъ на царя, но съ соблюденіемъ полной противоположности всякому дѣйствительному царскому достоинству. Если царь стоитъ выше всѣхъ своихъ подданныхъ, то плѣнный, осмѣянный царь, осужденный на казнь, царь, такъ сказать, въ полномъ отрицательномъ смыслѣ, не только ниже своихъ подданныхъ, но ниже и всѣхъ людей. Будучи отрицательной величиной, Онъ, однако, Царь. Такому царю началось подобающее царямъ поклоненіе, но опять въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. «Воины насмѣхались надъ Нимъ, говоря: радуйся, Царь Іудейскій! И плевали на Него, и, взявши трость, били Его по головѣ».

«И, когда насмѣялись надъ Нимъ, сняли съ Него багряницу, и одѣли Его въ одежды Его, и повели на распятіе». «Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ блаж. Іеронимъ, что когда бичуется Христосъ и принимаетъ оплеванія, то на Немъ—не Его собственныя одежды, а данныя Ему по причинѣ нашихъ грѣховъ. Но когда Онъ распинается (отводится на распятіе) и надъ Нимъ прекращаются издѣвательства, то Онъ получаетъ Свой собственныя одежды». При самомъ распятіи одежды Христа опять были съ Него сняты. Нѣкоторые отцы церкви и церковные писатели (св. Аен-

насій, Амвросій, блаж. Августинъ и другіе) думаютъ, что Христось былъ распятъ совершенно нагимъ, и такимъ образомъ позоръ Сына Человѣческаго доведенъ былъ до самой крайней возможной степени. Другіе думаютъ, что во время распятія Христось обвязанъ былъ «лентіемъ» (полотенцемъ), какъ обыкновенно Онъ изображается у насъ на крестѣ, и для этого послѣдняго мнѣнія существуютъ нѣкоторыя основанія въ древнемъ церковномъ преданіи. Когда Онъ былъ распятъ, то принимавшіе участіе въ распятіи воины раздѣлили одежды Его между собою, раздравъ ихъ на четыре части, по части каждому воину. Но хитонъ Его, который былъ не сшитый, а весь тканый сверху донизу, они пожалѣли раздирать и бросили жребій, кому достанется. Въ это время исполнилось древнее пророчество: «раздѣлили ризы Мои между собою и объ одеждѣ Моей метали жребій».

Казалось бы, что въ такомъ раздѣленіи и раздираніи одеждъ не заключалось собственно никакихъ страданій. Но псалмопѣвецъ, написавшій вышеприведенное пророчество, смотритъ на это какъ будто нѣсколько иначе и представляетъ раздѣленіе одеждъ не какъ нѣчто, только сопутствующее страданіямъ, но и какъ самое страданіе. «Я пролился, какъ вода». «Всѣ кости мои рассыпались». «Сила моя изсохла, какъ черепокъ». «Языкъ мой прильпнулъ къ гортани моей». И рядомъ съ этими страданіями и такое страданіе, какъ раздѣленіе одеждъ. Человѣкъ обыкновенно бываетъ привязанъ къ своимъ собственнымъ одеждамъ. Онъ сильно волнуется и беспокоится, когда ихъ у него похищаютъ. Доставляя нравственное страданіе, лишеніе одеждъ можетъ быть однимъ изъ самыхъ крайнихъ выраженій человѣческаго горя и униженія.

Если бы, подобно римскому сотнику и покаявшемуся разбойнику, распинавшіе Христа воины и не тронулись дальнѣйшими страшными событіями распятія, то и въ такомъ случаѣ было бы вѣроятно, что они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, постарались бы сохранить одежды Христа, эти «богатства Его бѣдности», которыхъ они

тогда еще не въ состояніи были какъ слѣдуетъ оцѣнить. Если войны не могли сохранить одежду Христа по религіознымъ побужденіямъ, то могли сдѣлать это по суевѣрію, потому что извѣстно, что одеждамъ казненныхъ преступниковъ и до сихъ поръ приписывается нѣкоторая особенная сила и онѣ служатъ для цѣлей волшебства. Какъ ни темна дальнѣйшая исторія одеждъ распятаго Христа, можно съ вѣроятностію предполагать, что нѣкоторыя изъ нихъ были сохранены и сберегались, какъ святыня. Часть этихъ одеждъ по преданію съ незапамятныхъ временъ принесена была въ Грузію, гдѣ сохранялась долгое время. Разумѣется, совершенно невѣроятно, чтобы стали хранить эту ризу Господню, какъ святыню, если бы только это былъ обыкновенный кусокъ матеріи. Объ одной изъ частей ризы Господней существуетъ преданіе, относящееся къ VII вѣку. Почти чрезъ тысячу лѣтъ, въ XVII вѣкѣ, Грузія была завоевана персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который, будучи друженъ съ нашимъ царемъ. Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, прислалъ ему часть ризы Господней, взятую имъ въ Грузіи, въ драгоценномъ ковчегѣ. Это было великимъ постомъ, въ мартѣ 1625 года. «Осматривавшіе ковчегъ увидѣли въ немъ ризу полотняну, ткавую, красноватую и давнихъ лѣтъ». Эта святыня была однако принята тогдашними Московскими благочестивыми людьми сначала не безъ сомнѣній. Говорили, что «безъ истиннаго свидѣтельства принять ее нельзя», потому что «слово невѣрныхъ (каковымъ былъ самъ шахъ Аббасъ и принесшій ризу въ Москву посолъ его Урусамбекъ) безъ испытанія во свидѣтельство не принимается». Но потомъ подлинность святыни была засвидѣтельствована исцѣленіями и чудесами, и ее торжественно положили въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. А праздникъ установленъ былъ 10 іюля, потому что великимъ постомъ, когда принесена была риза, установленіе новаго праздника признано было неудобнымъ.

Святи. М. Оивейскій.

Пастырь добрый, въ скорбяхъ бодрый духомъ¹⁾.

IV.

Не увывай, не падай духомъ! Вотъ девизъ Златоустаго святителя, которому онъ неуклонно слѣдовалъ въ своей жизни. Самая пустынность Кукуза для него не имѣла значенія, и дикая пустыня не наводила на него и тѣни унынія. Онъ не чувствовалъ разобщенности своей съ паствою, и дальность разстоянія не препятствовала Златоусту быть въ союзѣ съ нею. Въ своихъ письмахъ къ особенно близкимъ ему лицамъ изъ его паствы онъ увѣряетъ въ полной неразлучности съ ними, находя въ перепискѣ съ ними великое для себя утѣшеніе. Словомъ, онъ и въ дикомъ захолустѣ чувствовалъ себя такъ же удобно, какъ и въ большомъ городѣ, душою не разлучаясь съ близкими. Прекрасно объясняетъ это слѣдующее мѣсто изъ письма къ Поливію²⁰⁾:

«Изъ черты городской земли и изъ городскихъ стѣнъ насъ изгнали; но собственно изъ города изгнать не могли. Если городъ—вы, а мы всегда съ вами и въ васъ, то ясно, что, и живя здѣсь, мы живемъ въ томъ городѣ. Вы не изгнали насъ изъ своихъ душъ—я въ этомъ увѣренъ; точно также и мы, куда бы насъ ни удалили, всюду унесемъ въ своемъ сердцѣ всѣхъ васъ, нашихъ ревностныхъ приверженцевъ. Это не даетъ намъ чувствовать ни пу-

---

¹⁾ Окончаніе. См. майскую кв. *Духовн. Чит.* за 1910 г.

²⁰⁾ *Ibid.*, стр. 795.

стынности мѣста нашего заключенія (хотя оно самое пустынное во всей вселенной), ни осаднаго положенія его со стороны разбойниковъ (хотя оно ежедневно въ осадѣ), ни происходящаго вслѣдствіе того голода, потому что тѣломъ мы пригвождены здѣсь, а душою постоянно у васъ».

«Пустынное мѣсто—Кукузъ, пишетъ онъ далѣе къ другому лицу, и кромѣ того опасное для жительства, постоянно находящееся въ осадномъ положеніи вслѣдствіе страха, наводимаго разбойниками; но ты, и не бывши въ немъ, превратилъ его въ рай. Въ самомъ дѣлѣ, когда доходятъ до насъ вѣсти о твоей великой ревности, о твоей искренней и горячей любви къ намъ (а отъ насъ ничто не скрывается, несмотря на такую отдаленность нашего мѣстопребыванія), то, считая благорасположеніе къ намъ твоей мѣрности величайшимъ для себя сокровищемъ и неизреченнымъ богатствомъ, мы проникаемся такою радостію и почерпаемъ отсюда такое величайшее утѣшеніе, что представляется будто бы живемъ въ самомъ безопасномъ городѣ»²¹⁾.

Для любви истинной, взаимной, не существуетъ преградъ, разстоянія. Чудныя строки читаемъ мы въ письмѣ къ пресвитерамъ и монахамъ: «Вы указываете на нашествіе исаврійцевъ, какъ на причину по которой не могли къ намъ прибыть. Но я утверждаю, что вы прибыли къ намъ, что вы съ нами и что нашествіе исаврійцевъ насколько не помѣшало вашему прибытію. Таковы крылья любви: мгновенно и безъ всякаго труда они переносятъ насъ всюду, сколько бы гдѣ ни существовало препятствій»²²⁾.

«Мы удалены въ Кукузъ, пишетъ онъ епископу Іерусалимскому Іоанну, но не удалились отъ любви къ вамъ. То зависѣло отъ другихъ, а это—отъ насъ»²³⁾. «По мѣсту

²¹⁾ Ibid., письмо къ Элену, стр. 745—746.

²²⁾ Ibid., письмо къ пресвитерамъ и монахамъ Θεодоту, Николаю и Херею.

²³⁾ Ibid., стр. 692.

мы далеко отъ васъ отстоимъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ еп. Θεодосію, но по любви мы подлѣ васъ,—неразлучны и связаны съ вами душой. Такова любовь: ее не затрудняетъ пространство, не расторгаетъ разстояніе; но легко облетаетъ она всю вселенную, соединяя взаимно любящихъ другъ друга. Это самое и мы испытываемъ теперь, всюдунося васъ въ своемъ сердцѣ ²⁴).

«Велико разстояніе пути, раздѣляющее насъ, читаемъ мы далѣ въ письмѣ Златоуста къ одному изъ его доброжелателей, не мало прошло и времени послѣ того, какъ мы разстались съ твоею достопочтенностію; кромѣ того,—многое множество неотступныхъ дѣлъ, страшнѣйшая пустынность нашего мѣстопребыванія, невыносимое осадное положеніе, нападенія, набѣги разбойничьи, разныя другія стѣсненія, немощь здоровья... Но при всемъ этомъ ничто не ослабило нашей любви къ тебѣ: мы хранимъ ее въ полной силѣ и въ полномъ цвѣтѣ, нося тебя въ умѣ своемъ, гдѣ бы мы ни были, имѣя незабвенную о тебѣ память и навсегда запечатлѣвъ въ своемъ сердцѣ благородство твоей души, независимость, неизмѣнность, непреклонность твоей искренней любви и горячность твоего расположенія къ намъ» ²⁵).

Живая связь Златоуста съ паствою давала ему возможность знать ея жизнь, и письма его полны то руководствомъ, то утѣшеніями, то похвалами добродѣтелей. Между письмами его находимъ посланія въ такимъ лицамъ, съ которыми онъ не былъ знакомъ лично. Поводомъ къ письму служила высота добродѣтелей тѣхъ лицъ. И привѣтствуя всякую свѣтлую божію искру въ умѣ человѣческомъ, Златоустъ не останавливался передъ тѣмъ—знакома ли или неизвѣстна совсѣмъ эта личность. «Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ онъ въ одномъ такомъ письмѣ,

---

²⁴) Ibid., стр. 693.

²⁵) Ibid., письмо къ Кондідиону, стр. 664.

можно дружески полюбить людей, которые далеко отъ насъ и которыхъ мы никогда не видали»²⁶⁾.

Читая письма святителя Иоанна, еще поражаешься и тою искренностию, теплотою чувства и любовію, какими они проникнуты. Усердный къ перепискѣ, онъ искалъ того же и отъ почитателей своихъ и, если только замедляли они съ своими письмами, кротко укорялъ ихъ въ небреженіи къ его любви. Такъ проводилъ онъ жизнь свою въ изгнаніи. Ревностный къ насажденію благочестія и живой проповѣди Божія слова онъ, кромѣ письменнаго руководства своею паствою, посылалъ и къ язычникамъ окрестныхъ мѣстностей проповѣдниковъ евангелія, всюду, такимъ образомъ, сѣя сѣмена слова Божія и собственнымъ словомъ и писаніемъ и чрезъ посредство другихъ лицъ. И свыкшись вполнѣ съ своимъ положеніемъ, Златоустый святитель не хотѣлъ оставлять Кукуза. Своихъ ходатаевъ, заботившихся объ облегченіи его участи, онъ просилъ не хлопотать о перемѣнѣ мѣста его жительства. Такъ поступалъ онъ, имѣя ввиду свое здоровье, которое успѣлъ укрѣпить въ Кукузѣ.

«Что же касается мѣста нашего изгнанія, писалъ онъ, то пусть пока не хлопчуть о немъ болѣе. Правда, Кукузь—глухое мѣсто; но за то мы здѣсь спокойны и, благодаря постоянному жительству на одномъ мѣстѣ, успѣли значительно поправить свое здоровье, разстроенное въ дорогѣ. А если вы заставите насъ опять переѣзжать съ мѣста на мѣсто, это будетъ послѣдній конецъ намъ, особенно теперь, когда зима у воротъ»²⁷⁾.

Но чего опасался святитель, то и случилось. Только здѣсь постарались не друзья его, а враги. Упомянутое письмо относится къ 404 году, а 407 годъ послужилъ роковымъ въ жизни свят. Иоанна. Въ этомъ году ненависть его недоброжелателей, не довольствуясь пустынною Ку-

²⁶⁾ Ibid., письмо къ монашествующимъ Ромалу и Ризу, стр. 673.

²⁷⁾ Ibid., письмо къ Псавію.

куза, повлекла невиннаго страдальца далѣе, и этого-то пути измученное болѣзнями его тѣло не вынесло. На пути въ новое мѣсто изгнанія—городъ Питиунтъ, пастырь добрый, гонимый за правду почилъ въ маленькомъ безвѣстномъ городкѣ Команахъ.

Миновало съ того времени 15 столѣтій. Многія преданія за этотъ періодъ времени сглаживаются, но это прошлое не уничтожило памяти о великихъ заслугахъ святи-теля Іоанна, его страданіяхъ, скорбяхъ и болѣзняхъ, его самоотверженной преданности къ церкви, которой не забывалъ онъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. И поминая эти заслуги, церковь вселенская должна особенно чтить его свѣтлую память.

14 сентября, въ день Воздвиженія честнаго вѣста Христова, праведный духъ Златоуста вознесенъ былъ въ міръ, гдѣ нѣтъ ни скорбей, ни страданій, ни клеветы и лжи, гнетъ которыхъ ложится въ здѣшнемъ мірѣ на тѣхъ, кто твердо и неуклонно идетъ путемъ Христовымъ.

Святитель Іоаннъ почилъ у гроба мученика Василиска. Самъ страдалецъ, онъ испускаетъ духъ свой у гроба страдальца же за имя Христово. Церковное преданіе говоритъ намъ, что оба эти страдальца, давно почившіи и близкіи къ кончинѣ, имѣли свиданіе, что свят. Іоанну въ сонномъ видѣніи являлся Василискъ, извѣщая его о переселеніи въ лучшей міръ. И извѣщенный такимъ чудеснымъ образомъ, Златоустъ, приготовившись какъ слѣдуетъ къ кончинѣ, встрѣтилъ радостно часъ ея.

Тѣло его недолго оставалось на мѣстѣ кончины. Да и могла ли оставить тамъ его навсегда паства, горячо любившая святи-теля! Торжественно останки его перенесены были въ столицу Византійской имперіи, гдѣ онъ трудился и перенесъ много страданій. Враги его мало-по-малу исчезли: главные виновники отошли на судъ Божій, а о другихъ не было слышно. И случилось по слову святи-теля: «Были листья... но подулъ вѣтеръ, и они опали; была мякина—и развѣялась, а зрѣлый плодъ открылся; было

олово и растаяло, а золото осталось чистымъ. Кто гонить ихъ? Никто; но совѣсть — ихъ врагъ, сопровождающій грѣхи. Они знали, что дѣлали. Такъ и Каинъ хотѣлъ убить брата своего; когда онъ хотѣлъ убить, то дѣйствовала страсть, а когда совершилъ преступленіе, то, стесняя и трясыйся, сталъ ходить по всей вселенной²³⁾.

Истина слишкомъ очевидная для того, чтобы съ нею не согласиться.

Святитель Іоаннъ Златоустъ давно умеръ, но слава его въ христіанской церкви съ вѣками все росла и росла. Его имя, будучи тѣсно связано съ богослужебнымъ культомъ, будетъ вѣчно повторяться въ устахъ вѣрующихъ. Церковь вселенская въ лицѣ его имѣетъ своего учителя, а посему должна особенно благоговѣнно чтить его память, освященную 15-вѣковою славою. Его дивный талантъ дара слова и послѣ смерти поучаетъ вѣрующій міръ: творенія Златоуста переведены на всѣ языки христіанскихъ народовъ. Въ нихъ онъ обнаружилъ такое глубокое пониманіе Св. Писанія, что его объясненіями пользовались весьма многіе толкователи. Почти каждый изъ нихъ, съ того времени и до нашихъ дней, объясняя ту или иную священную книгу или часть ея, не обходится безъ упоминанія о Златоустомъ святителѣ, а то и приводитъ болѣе или менѣе подробныя выдержки изъ его твореній.

Вообще, слово святителя Іоанна Златоуста служило и служить назиданіемъ для всего христіанскаго міра.

Священникъ Г. Н. Корсунъ.

---

²³⁾ Твор., т. III. Бесѣда о жепѣ Хананейской (по возвращеніи изъ первой ссылки).

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ВЕОФАНА

къ редактору журнала „Душеполезное Чтеніе“
Протоіерю В. П. Нечаеву (впослѣдствіи Еп. Виссаріону)
1872—1892 г.

---

19 апрѣля 81 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Христось воскресе!

Насилу я собрался съ силами!—И се—конецъ словъ св. Симеона съ главами его и старца его,—и толкованіе посланій св. Павла къ Тимоѳею!

О печатаніи—нечего сказать. Все, какъ обычно. Только не забудьте, когда придуть главы... на верху страницъ печатать: богословскія (забыль, какъ тамъ озаглавлено) и дѣятельныя главы. А главы старца Симеона—такъ: Подвижническое слово старца Симеона благоговѣйнаго.— Можно на двухъ страницахъ, какъ развернешь книгу—одну надпись.

Въ пославіяхъ же—только надо раздѣлять ихъ особыми осьмушками,—такъ: толкованіе посланій св. Павла къ Тимоѳею, слѣд. осьмушка—введеніе (одно для обоихъ). Послѣ введенія—опять особая осьмушка съ надписью: толкованіе перваго посланія св. Павла къ Тимоѳею, — съ слѣд. осьмушки: толкованіе. Для втораго посланія тоже отрядить особую осьмушку — для напечатанія: толкованіе втораго посланія и проч.

Можно бы пораньше послать, но мы бываемъ заняты и вамъ три недѣли не шлемъ посылокъ.

Моя лѣньность торжествуетъ, имѣя теперь полную свободу лежать на койкѣ, даже съ боку на бокъ не перворачиваясь!

Благослови васъ Господи!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

1 января 82 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Спѣшу препроводить къ вамъ опечатки. Немного дѣло это замѣшалось. Дней десятокъ меня не было дома; да книга шла, вѣроятно, съ тяжелымъ поѣздомъ,... вотъ и протанулось.

Оглавленіе печатайте, какъ и положили: схоже съ тѣмъ, какъ оно печаталось въ первомъ выпускѣ. Я не выписываю его особо... Если сіе нужно, устройте тамъ это дѣло.

По улаженіи всего потрудитесь мнѣ переслать полсотни или передайте сей трудъ племяннику.

Я совсѣмъ позабылъ, сколько желалъ какой книги оттисковъ. И напуталь.

Привошу вамъ благодарность за ваши книжки—многоназидательныя. Посылаю вамъ писемъ въ С.-Петербургъ 25 экзмп.—И еще можно прислать, если будетъ приложеніе имъ.

Привошу благодарность за вашу готовность помочь изданіямъ по дѣлу корректуры.—Помогите, пожалуйста.

Поздравляю васъ съ праздникомъ прошедшимъ и съ новымъ годомъ наступившимъ. Даруй Господи вамъ обновленныхъ силъ и журналу вашему новыхъ путей распространенія.

Спасайтесь!

И о мнѣ Бога молитесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

12 августа 82 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Не отказываюсь. Какъ только будетъ что, пришлю. Но теперь ничего нѣтъ. Такая напала апатія, что хоть трава не расти, ни за что не хочется взяться.—Развѣ, можетъ быть, не разохочусь ли что-нибудь написать противъ штунды. Одинъ ревнитель пробрался въ селенья зараженныхъ этимъ, приобрѣлъ довѣріе,—и они ему выдали свои тетрадки, гдѣ изображено ихъ исповѣданіе, и на словахъ передали кое-что, чего нѣтъ въ томъ исповѣданіи. Порывался онъ самъ писать противъ, — и присылалъ ко мнѣ все это... чтобъ я сказалъ ему что-либо въ пособіе... Я сказалъ—и подзадорилъ его... Но теперь и самому приходится на мысль взяться за перо... Разгорится ли охота, не знаю. Но когда разгорится, буду писать и присылать вамъ...

За толкованіе къ Евреямъ—нѣсколько разъ брался... и не началъ.

Дальше этого что-либо загадывать ужъ не приходится.

Благодарствую за помощь при печатаніи перваго выпуска Симеона, Новаго Богослова.

Печатаніе писемъ теперь, думаю, кончается. Потрудитесь прежде брошюровки прислать ихъ для просмотра и отмѣтки погрѣшностей.

Что бранять пр. Макарія, это для его души спасительно.—Онъ достоинъ всякаго уваженія.

Противъ нигилистовъ писать куда мнѣ... это надо многоученымъ.

Благослови васъ Господи!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Эрудиція русскихъ патриарховъ, какъ писателей.

Стараясь съ возможно большей правильностію опредѣлить то мѣсто, какое должна занять въ нашей духовной письменности литературная дѣятельность русскихъ патриарховъ, мы коснулись въ предыдущей главѣ тѣхъ условій русской жизни, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать нашимъ патриархамъ. Мы видѣли, что Россія стояла въ XVII вѣкѣ въ совершенномъ отдаленіи отъ того великаго движенія, которое повсюду почти наблюдалось въ вѣкѣ возрожденія на западѣ наукъ и искусствъ, и совершенно чужда была тѣхъ возвышенныхъ интересовъ, которые пробуждены были этимъ движеніемъ. Правда, получивъ исповѣданіе своей вѣры отъ христіанской Византіи, она, при содѣйствіи греческаго языка, могла бы усвоить себѣ образованность древней Греціи, во многомъ превосходившую образованность Рима. Но ограниченное вліяніе Византіи на русскихъ и нераспространенность между ними греческаго языка не оставляли никакого почти мѣста для такихъ заимствованій⁸¹⁾. Русская школа до XVII вѣка почти неизмѣнно сохраняла одинъ и тотъ же характеръ, нисколько почти не измѣняясь и не развива-

---

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую книжку *Душеп. Чит.* за 1910 г.

⁸¹⁾ *Кіевск. Унив. Извѣстія* за январь 1869 г.

ясь съ теченіемъ времени. Учебный идеаль въ половинѣ XVII вѣка оставался тотъ же самый, какъ и въ X. Свѣтская мудрость не закрадывалась въ нашу древне русскую школу, да и вообще грамота низведена была у насъ на степень ремесла, необходимаго для отправленія церковныхъ службъ—и только ⁸²⁾. Кабенцель, бывшій въ Москвѣ въ 1576 году, замѣчаетъ, что во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся въ обителяхъ; а потому изъ тысячи едва ли одинъ найдется, который бы умѣлъ читать и писать ⁸³⁾

Таковы были условія умственного и нравственного развитія Россіи, среди которыхъ приходилось подготовляться къ своему будущему служенію нашимъ патріархамъ. Можно ли послѣ этого искать въ ихъ сочиненіяхъ обширныхъ научныхъ свѣдѣній и тѣхъ строго критическихъ примѣновъ въ изложеніи мыслей, какіе считаются теперь безусловно обязательными къ примѣненію въ современныхъ намъ научно-литературныхъ произведеніяхъ. При болѣе нетребовательномъ отношеніи къ письменности русскихъ патріарховъ, скорѣе нужно удивляться богатству и разнообразію свѣдѣній, какими располагали патріархи, чѣмъ порицать ихъ за недостатокъ научной разработки того матеріала, какой находился тогда въ ихъ распоряженіи. Нѣтъ нужды, что всѣ свѣдѣнія, которыми богата наша патріаршая письменность, относятся до однихъ лишь богословскихъ областей знанія, и что значенію свѣтскихъ наукъ въ сферѣ богословскихъ изслѣдованій они совсѣмъ почти не оставляютъ мѣста. Въ своей специально богословской области они хорошо владѣютъ своимъ матеріаломъ, располагая имъ, какъ увидимъ послѣ, совершенно

---

⁸²⁾ Кіев. Унив.р. *Извѣстія* за тотъ же годъ.

⁸³⁾ De legat. ad Moscov, ed. Starcziewsky, page 15, 39, 40. Это же извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ Моржерета (1600 г.), который говоритъ, что науками въ Москвѣ не многіе занимаются. Записки Моржерета, 260.

свободно, безъ усиленнаго и кропотливаго подыскиванія извѣстныхъ свѣдѣній и фактовъ, нужныхъ для доказательства той или другой истины. Патріархи, какъ можно видѣть изъ ихъ сочиненій, отчетливо изучили священное писаніе, писаніе св. отцовъ и учителей церкви, соборныя и апостольскія правила и исторію греческой и римской имперіи, насколько соприкасалось все это съ задачами и цѣлями ихъ собственнаго служенія. Для примѣра можно указать здѣсь на посланія патріарха Іова, въ которыхъ цитаты изъ св. писанія, изъ соборныхъ и апостольскихъ правилъ и изреченій св. отцовъ и учителей церкви, постоянно переплетаются съ собственными мыслями патріарха и съ разными историческими фактами, которыми особенно богато посланіе къ Грузинскому митрополиту Николѣ ⁸⁴⁾. Всего же замѣчательнѣе по обилію каноническихъ и историческихъ свѣдѣній представляется намъ то мѣсто его посланія, въ которомъ онъ старается доказать незаконность вмѣшательства свѣтской власти въ область власти духовной. Здѣсь онъ говоритъ о поступкѣ Ахара, восхитившаго возложеніе: «ризу пестру и обручъ златъ, и двѣсти дидрахмъ, и языкъ златъ;» о Дааванѣ, Авиронѣ и Коревѣ, приразившихся священству; объ Озіи царѣ, «прежде многодобрѣтельномъ, а потомъ возгордившемся и восхотѣвшемъ власти священническія»; объ Озанѣ ⁸⁵⁾, прикоснувшемся къ кіоту съ благочестивымъ намѣреніемъ удержати его и въ тотъ же часъ страшно наказанномъ отъ Бога; объ Августѣ и Тиверіи, Гайѣ, Клавдіи и Неронѣ, «ратовавшихъ на святую церковь» и страшно осужденныхъ Богомъ; о Констанціи и Галлѣ, объ Юліанѣ и парицѣ Евдокіи, о Львѣ царѣ, иже отъ Саврія, и его сынѣ Копронимѣ, которые «вся епископія и монастыри во свою власть восхитиста и ереси умножиша и погибоша». И по сихъ прочіи, говоритъ патріархъ, цари и князи, и

⁸⁴⁾ Рук. Соф. Библиот., № 1475. Христіанское Чт., 1869 г., № 11.

⁸⁵⁾ Оза, современникъ царя Давида.

мучители такожь сотвориша и погибоша ⁸⁶). Но съ чѣмъ особенно пріятно встрѣчаться въ сочиненіяхъ патріарха Іова,—такъ это съ его необыкновенно живой и непринужденной рѣчью, въ которой какъ бы теряется самое различіе между мѣстами священнаго писанія, приводимыми патріархомъ, и его собственными выраженіями. Раскройте какую хотите страницу его посланія, и вы убѣдитесь въ этомъ непосредственно.

Ту же завѣтную мысль о независимости церковной власти отъ свѣтской авторъ посланія къ Грузинскому митрополиту Николѣ старается доказать и каноническими постановленіями нашей церкви, причемъ обнаруживаетъ весьма достаточное по тому времени знакомство съ этимъ предметомъ. Онъ ссылается на тридцатое правило св. апостоловъ объ изверженіи епископовъ, получившихъ свою власть чрезъ мірскихъ князей, на третье правило седьмого вселенскаго собора о томъ же предметѣ, на правила Ладивійскаго собора и т. п. ⁸⁷). Далѣе идетъ новый подборъ историческихъ примѣровъ въ доказательство той мысли, что для блага церкви и народа недостаточно одного невмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви и даже покровительства ей, но необходимы еще съ ея стороны страхъ, цѣломудріе и пламенная любовь къ Богу. Здѣсь патріархъ указываетъ на заповѣдь Господню—вознести престолъ Соломона, если онъ не отвержется повѣлій Господнихъ; говоритъ о бѣдственномъ состояніи еврейскаго народа въ царствованіи Ехоніи и Седекіи, и напротивъ о его благоденствіи въ правленіи Зоровавеля, Иисуса Оседекова и Ездры. Дальше говорится о попраніи и оскверненіи церкви и народа при Антиохѣ; о нападеніи персовъ на церковь Божію и истребленіи недостойно живущихъ въ ней; о побѣдѣ царя Ираклія надъ персами; о

⁸⁶) Посланіе Іова къ Грузинскому митрополиту Николѣ. *Христіанское Чтеніе*, 1869 г. № 11, стр. 881—884.

⁸⁷) *Ibidem*, стр. 884—886.

созданіи христіанскихъ храмовъ, разрушенныхъ персами и т. п. ⁸⁸). Въ сочиненіяхъ патріарха Іова нельзя не замѣтить и той особенной черты, что вездѣ, гдѣ можно, онъ старается дѣлать нравственное обращеніе къ лицамъ, которымъ пишетъ свои посланія. Онъ нѣсколько разъ повторяетъ одну и ту же заповѣдь, «соблюдать божественныя повелѣнія, имѣть всегда въ сердцѣ страхъ Господень и разумъ благъ, скверныхъ тщеславій отъметаться и блюстися отъ творящихъ распри и раздоры» ⁸⁹). Эта его любимая мысль, которую онъ варьируетъ вездѣ, гдѣ только можно уклониться отъ прямого и объективнаго изложенія предмета. Особенно же замѣтно это тамъ, гдѣ онъ приводитъ примѣры изъ исторіи: здѣсь въ каждомъ словѣ его и каждомъ примѣрѣ проглядываетъ желаніе поскорѣе покончить съ этимъ историческимъ матеріаломъ и обратиться къ фактамъ современной жизни, чтобы сдѣлать то или другое примѣненіе къ ней изъ разныхъ поучительныхъ примѣровъ всемірной исторіи.

Нужно ли, далѣе, говорить о томъ обширномъ знаніи священнаго писанія, правилъ св. апостоловъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, сочиненій древнихъ отцовъ и учителей церкви, какое мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ патріарха Никона. По оставшимся отъ него памятникамъ, состоящимъ большею частію изъ официальной переписки его съ врагами, можно подумать, что этотъ грозный святитель русской церкви воспитывался при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни и просвѣщенія. Сочиненія его буквально поражаютъ cadaго неистощимымъ богатствомъ тѣхъ общихъ свѣдѣній, какими обладалъ этотъ русскій первосвятитель ⁹⁰). Можно думать, что именно это обиліе матері-

⁸⁸) *Христіанское Чтеніе*, 1869 г., № 11, стр. 887—889.

⁸⁹) *Ibidem*, Рукоп. Соф. Библ., № 1475, стр. 166.

⁹⁰) И это вполнѣ подтверждается необыкновенно лестными отзывами о патр. Никонѣ царя Алексѣя Михайловича. Государь обыкновенно такъ писалъ къ этому патріарху: „Избранному и вѣрностоятельному

ала и было главной причиною того, что въ основѣ не только цѣлыхъ его сочиненій объ извѣстныхъ предметахъ церковнаго благоустройства, но и въ основѣ частныхъ разсужденій непремѣнно полагалась взятая изъ какого-нибудь каноническаго источника мысль, почти ступшевы-вающая его личное участіе въ обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ. За массою свѣдѣній, такъ щедро расточаемыхъ патріархомъ въ своихъ сочиненіяхъ, за авторитетомъ и разнообразіемъ безчисленныхъ цитатъ, приводимыхъ патріархомъ изъ священнаго писанія, соборныхъ правилъ и т. п., почти совсѣмъ не видно самого автора. Тѣмъ не менѣе его сильная обличительная мысль, сильная сама по себѣ, по своему строго логическому развитію, пріобрѣтаетъ еще больше силы, ставъ подъ знаменемъ высшей божественной мудрости.

Не менѣе богатыми и разнообразными по содержанію представляются намъ и тѣ мѣста въ сочиненіяхъ патріарха Никона, которыя онъ обосновываетъ на соборныхъ и апостольскихъ правилахъ, или которыми онъ подтверждаетъ свои мысли и сужденія. Для патріарха достаточно одного вопроса, одного частнаго случая, чтобы сгруппировать всѣ правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, относящіяся къ этому вопросу и такъ или иначе его уясняющія. Такимъ является патріархъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Таковъ онъ и въ своихъ возраженіяхъ Паксію и Стрѣшневу, гдѣ съ очень большой полнотой и обстоятельностью онъ говоритъ о независимости духовныхъ лицъ отъ свѣтской власти. Здѣсь на нѣсколькихъ страни-

---

пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердному, беззловивому, наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О, крѣпкій воине и страдалече Царя небеснаго, о, возлюбленный мной любимиче и содружебниче, св. Владыко; Пишу сице свѣтлосіяющему во архіереяхъ, аки солнцу, свѣтающему по всей вселеннѣй, тако и тебѣ, сіяющему по всему нашему государству благими нравы и дѣлы добрыми, великому господину и богомольцу нашему“... Акты Экспедиціи, т. IV, стр. 76.

дахъ ⁹¹⁾ сгруппированы имъ всѣ, относящіяся къ этому вопросу правила святыхъ апостоловъ (38, 40, 41, 10, 11, 12, 45, 35), четвертаго вселенскаго собора (9, 20 и 150), седьмого вселенскаго (3), Лаодикійскаго (33, 36, 13), Карфагенскаго (9, 76, 97, 75, 106) и Антиохійскаго (11, 12 и 19) помѣстныхъ соборовъ съ подробными къ нимъ примѣчаніями ⁹²⁾.

Не менѣе богаты сочиненія патріарха Никона и разными историческими фактами. Особенно много такого матеріала содержится въ его знаменитой перепискѣ съ Палиемъ и Стрешневымъ по вопросу о независимости церкви отъ государства, причемъ весь этотъ матеріалъ изложенъ здѣсь еще съ большей силой и выразительностію, чѣмъ съ какою изложенъ онъ былъ въ свое время въ столько же знаменитомъ по своему содержанію и изложенію посланіи патріарха Іова къ Грузинскому митрополиту Николѣ ⁹³⁾. Предъ читателемъ этой переписки снова проходятъ всѣ болѣе или менѣе замѣчательные факты, относящіеся до вмѣшательства свѣтской власти въ область власти духовной ⁹⁴⁾; воскресаетъ долгая и упорная борьба церкви съ государствомъ; въ жертву которой принесено было когда-то столько напрасныхъ усилій, трудовъ, ничего положительнаго не принесшихъ церкви личныхъ подвиговъ.

Въ виду такого обилія и разнообразія свѣдѣній, повсюду разсыянныхъ въ сочиненіяхъ патріарха Никона, нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ иногда слишкомъ произвольно располагалъ своимъ литературнымъ матеріаломъ, приравливая его исключительно къ личнымъ об-

⁹¹⁾ Записки Отдѣленія русской и славянской Археологіи, 1861 г., т. II, стр. 453—459.

⁹²⁾ То же мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ мѣстной патріарха Никона объ Уложеніи. *Ibidem*, стр. 471, 489 и т. п. На стр. 488 правила соборовъ только означены въ выносѣхъ, но не напечатаны въ текстѣ мѣстной; то же самое и на стр. 490.

⁹³⁾ *Христіанское Чтеніе*, 1869 г., ноябрь, стр. 881—884.

⁹⁴⁾ Записки Отдѣленія русской и славянской Археологіи, стр. 449—453. Субботинъ. Дѣло патріарха Никона, стр. 186.

стоятельствамъ своей жизни и дѣятельности, иногда безъ всякой уже осмотрительности ⁹⁵). Въ этомъ отношеніи сочиненія патріарха Никона носятъ на себѣ какой-то особенный отпечатокъ. Даже самый слогъ его письменной рѣчи значительно отличается отъ литературнаго слога другихъ русскихъ патріарховъ, не исключая и патріарха Іоакима, воспитанника Кіевской коллегіи ⁹⁶). Въ сочиненіяхъ патріарха Никона нерѣдко встрѣчаются какія-то особенныя, ему одному свойственныя, грамматическія сочетанія и обороты рѣчи, требующіе отъ читателя крайне напряженнаго вниманія къ тому, о чемъ пишетъ патріархъ, и очень большой въ его сочиненіяхъ начитанности. Иначе, читающій сочиненія патріарха Никона никогда не выведетъ впечатлѣнія, равносильнаго достоинству его произведеній ⁹⁷).

⁹⁵) Это можно видѣть изъ посланія патріарха Никона къ царю Алексѣю Михайловичу, написаннаго въ іюнь 1659 г. Тамъ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нынѣ же, егда торжествованъ рожденія княжны Анны Михайловны, единъ азъ, яко песь, лишень богатая ваша трапезы... Самъ ты, великій государь, не невѣси божественное писаніе, о часомъ первѣ злыхъ истязави будемъ. Алчевъ бѣ, рече, и не накормите мя. Сіе же речеса не аки о алчныхъ печашася Христоръ, во любовь составляя. Понеже не богатый се можетъ творити, но и нищъ, и всякъ; понеже никто не лишаяйся лишень бываетъ дневныя своей пищи, аще и нищъ есть. Аще бы о нищихъ точию печаловался Христоръ, не бы инде глаголахъ: не пецетеся, что асте... Се и азъ пишу не яко хлѣба лишаяся, но милости и любви истязуя и т. н. Субботинъ, Дѣло патріарха Никона, стр. 184 и 185. Сравни записки Отдѣленія русской и славянской Археологіи, стр. 433, 434, 491 и 492.

⁹⁶) Читай *Ученье Духовный* и поученія патріарха Іоакима въ Рукописи Софійской Библіотеки, за № 1504.

⁹⁷) Записки Отдѣленія русс. и слав. Археологіи, 1861 г., т. II, стр. 464 и 465. Здѣсь патріархъ пишетъ о томъ, что нужно воздавать славу единому Богу и не измѣнять славу Божію въ славу человѣческую и четвероногихъ скотъ и птицъ: „яко да научимся и мы, говорить патріархъ, не приписывати на ся божественную славу, глаголанную отъ пророкъ и апостолъ, ниже написаватися, расширяяся посреди божественныхъ тайнъ ветхаго завѣта и новаго, якоже есть

Не менѣ достойны вниманія, по богатству и разнообразію содержанія, и всѣ вообще сочиненія патріарха Іоакима⁹⁸⁾. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить въ этомъ отношеніи на группировку историческихъ примѣровъ въ его полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскольниковъ, и прежде всего въ томъ мѣстѣ, гдѣ патріархъ говоритъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Святитель начинаетъ свой рассказъ повѣствованіемъ о христіанской жизни первыхъ временъ христіанства, говоритъ о дѣятельности апостоловъ, греческихъ императоровъ, русскихъ князей для блага Христовой церкви, и только послѣ весьма подробнаго историческаго очерка благосостоянія Христовой церкви въ древнія времена, переходитъ къ временамъ Алексѣя Михайловича и нарочитаго собора «на изысканіе церковнаго благочинія»⁹⁹⁾. Самая исторія исправленія книгъ, изложенная у патріарха

написано въ библии московскаго друку (друкарня-книгопечатня, друкарь-книгопечатникъ) царское изображеніе на орлѣ и на конѣ, гордо вельми и съ приписаніями пророческими, иже о Христѣ пророчествоваша. Божественные же таинства, древнее и новое, Христовы крестъ и воскресеніе, ово, якоже крестъ Христовъ, т. е. распятіе, мало превышено въ тѣснотѣ и безславіи; ово же, якоже воскресеніе Христа Бога нашего, сточниль себѣ и славу своей, коню и орлу; ово же, якоже самого Христа Бога нашего, прениже всякія своя слава и подъ ногами коня и орла и въ тѣснотѣ и бѣдѣ безславія“ и т. п. Такія мѣста повсюду встрѣчаются въ сочиненіяхъ патріарха Никона. Чит. его мнѣнія объ Уложеніи. Грамата патріарха Никона о моровой язвѣ написана болѣе правильнымъ и чистымъ языкомъ, но и тамъ часто встрѣчаются такія же неясности. Древн. русс. Вивл., т. VI, стр. 262—282.

⁹⁸⁾ См. *Уеть Духовный*. Поученіе патр. Іоакима въ Рук. Соф. Библ. № 1504. Его же духовное завѣщаніе въ исторіи Петра Великаго.

⁹⁹⁾ *Уеть*, стр. 17 и слѣдующія. Здѣсь патріархъ говоритъ о дарахъ Духа святаго, наставляющаго и умудряющаго вѣрныхъ. Изъ греческихъ императоровъ, воздвигнутыхъ на отгнаніе всякаго нечестія, онъ упоминаетъ о великомъ царѣ Константинѣ, Θεодосіи, Маркіанѣ, Іустиніанѣ „и проч. иныхъ благочестивыхъ царяхъ“. Изъ русскихъ говоритъ только о св. князѣ Владимірѣ и прямо переходитъ ко временамъ Алексѣя Михайловича и патр. Никона.

Иоакима весьма подробно и обстоятельно, также говорить о значительной начитанности патриарха Иоакима по вопросам церкви и вѣры Христовой. Сдѣланный имъ при этомъ перечень древнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, по которымъ производилась повѣрка искаженнаго текста русскихъ богослужебныхъ книгъ временъ патриарха Никона, былъ такъ законченно полонъ, что въ концѣ его патриархъ Иоакимъ, съ чувствомъ полного удовлетворенія, могъ сказать слѣдующее: «Здѣ убо явно есть всѣмъ, и умъ имѣяй воистину можетъ разсудить, како бысть и чего ради книжное правленіе и въ церкви святѣй чинное изрядство. Ибо не туне, и не якоже прилучися, но многимъ совѣтомъ и соборами»¹⁰⁰)... Конечно, съ современной точки зрѣнія на расколъ, многое въ Увѣтѣ Духовномъ можетъ показаться излишнимъ, мелочнымъ, не стоящимъ такого кропотливаго труда, какой, по всей вѣроятности, затраченъ былъ на тщательную и неутомимую группировку вошедшаго въ это сочиненіе матеріала; но въ то время, когда составлялось это духовное увѣщаніе, самое сильное вліяніе на раскольниковъ могли имѣть сочиненія, написанныя, можетъ быть, именно въ такомъ духѣ и характерѣ, въ какомъ написанъ былъ Увѣтъ Духовный. Обличеніе незначительныхъ и мелочныхъ раскольническихъ заблужденій, вызываемое настоятельными нуждами церкви, могло считаться тогда, можетъ быть, единственно вѣрнымъ путемъ, по которому необходимо было итти къ предположенной патриархомъ цѣли, и всѣ современныя воззрѣнія на этотъ предметъ, прекрасныя сами по себѣ, едва ли могли считаться въ то старое и суровое время подлежащими полному во всемъ примѣненію въ практикѣ жизни церковной.

При такомъ благопріятномъ сужденіи объ эрудиціи русскихъ патріарховъ, не можетъ не возникнуть вопроса и о томъ, откуда могли почерпнуть патріархи свои обширныя познанія, если въ Россіи того времени было очень мало

¹⁰⁰) Увѣтъ Духовный, стр. 44.

даже самыхъ элементарныхъ школъ, въ которыхъ сообщались одни лишь начальныя свѣдѣнія. Но вопросъ этотъ можетъ разъясниться для насъ очень легко и какъ бы самъ собою, если мы вспомнимъ, что въ древней Россіи было много библіотекъ и книгъ при церквахъ, монастыряхъ, царскихъ палатахъ и т. п., откуда русскіе патріархи, при своей любви къ знанію, и могли заимствовать все лучшее и необходимое. Такъ изъ XII вѣка сохранилось извѣстіе о замѣчательной библіотекѣ московскихъ князей. По словамъ Виттермана, лютеранскаго пастора города Дерпта, взятаго въ плѣнъ при Іоаннѣ Грозномъ, библіотека эта состояла изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ и хранилась подлѣ княжескихъ покоевъ, подъ двумя каменными сводами. Карамзинъ полагаетъ, что эта библіотека отчасти собрана была древними князьями, отчасти же книги ея были привезены въ Москву царевною Софіею изъ Рима (исторія Карамзина, т. VII, стр. 107). Максимъ Грекъ, когда Василій Іоанновичъ показалъ ему эту библіотеку, воскликнулъ: «Государь! Вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства,—ни Италия, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепель многія сочиненія нашихъ богослововъ,—спасеннаго моими единовѣрцами отъ варваровъ-магометанъ». Клоссіусъ полагаетъ, что Московская библіотека погибла въ смутное время, можетъ быть при сожженіи Москвы въ 1611 году¹⁰¹⁾. Но кромѣ этой библіотеки было въ Россіи много другихъ, не столько замѣчательныхъ, но также очень богатыхъ библіотекъ (патріаршая въ Москвѣ, Софійская въ Новгородѣ и т. п.), изъ которыхъ наши любители духовнаго просвѣщенія и могли заимствовать все болѣе существенное и болѣе необходимое для ихъ литературныхъ произведеній.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁰¹⁾ Клоссіусъ. Библ. Василія IV и Іоанна IV; въ журналѣ *Минист. Народн. Просв.* за 1834 годъ, за іюнь мѣсяцъ.

ЗАПОВѢДИ БЛАЖЕНСТВА.

(Изъ Евангельскихъ мотивовъ. Матѳ. гл. 5).

Не для того, чтобъ мы гордились,
Намъ жизнь отъ Господа дана,
Иль злобною мыслью возносились,
Иль наслажденьями упились,
Въ которыхъ править сатана.

* * *

Нѣтъ, «духомъ нищи» и смиренны,
Должны въ высотахъ мы летать,
Душой молиться умиленной,
И въ откровеньяхъ сокровенныхъ
Должны мы Бога понимать.

* * *

И плакать горько, безутѣшно,
Что не достичь намъ высоты,
Что грѣшны все мы безнадежно
И что не видимъ мы безбрежной
Въ природѣ дивной красоты.

* * *

Должны мы сердцемъ очищаться
Отъ злыхъ порывовъ и страстей,
Чтобъ можно съ солнцемъ намъ равняться,
И въ нашихъ мысляхъ отражаться
Могло въ красѣ оно своей.

* * *

Должны мы истину тревожно
 Среди людей и тьмы искать,
 Щадить враговъ своихъ упорныхъ,
 Ихъ тихимъ словомъ, если можно,
 И лаской братской укрощать.

* * *

Намъ нужно Господа примѣромъ
 Свой духъ усталый подбѣрять
 И кроткимъ быть нелицемѣрно,
 И всѣхъ любить, любить безмѣрно,
 И оскорбленія прощать.

* * *

Междоусобій стонъ кровавый
 Молитвой жгучей устранять,
 Чистосердечно, не лукаво,
 Отъ ссоръ безумныхъ и безславныхъ
 Въ нихъ впавшихъ братьевъ ограждать.

* * *

И къ младшимъ братьямъ милосердно
 Должны мы руку простирать;
 Гдѣ есть нужда, итти поспѣшно,
 Всѣмъ, безъ различья и усердно,
 Любовно помощь подавать.

* * *

И если злостнымъ наущеньемъ
 Враги насъ будутъ донимать,
 Насъ мучить будутъ съ изступленьемъ
 И, насыщаясь жадкимъ мщеньемъ,
 Отвсюду будутъ изгонять,

* * *

Должны мы кротко и безстрастно
Навѣты злыя принимать,
Хранить всегда примѣръ прекрасный,
И намъ не будетъ больше счастья,
Какъ жизнь за Господа отдать.

* * *

Тогда небесное сіянье,
Святая радость въ насъ войдетъ,
И наши долгія страданья,
И мечь людей, непониманье,
Далеко въ прошлое уйдетъ.

* * *

И насъ Священная Десница
За руку слабую возьметъ
И вмѣстѣ съ трепетной зарницей,
Съ блестящей, радостной денницей,
Въ селенья райскія введетъ!

А. III—а.

НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ¹⁾.

Трудъ есть призваніе человѣка, нравственная обязанность его со временъ Адама и Евы. Поэтому, повидимому, справедливъ социализмъ, когда онъ провозглашаетъ трудъ единственнымъ источникомъ права на жизнь. «Только трудящійся достоинъ пропитанія»,—пользуется онъ словами Апостола для выраженія своей мысли, и только трудовое общество справедливо и достойно жизни. Прославленіе труда стоитъ въ центрѣ всякой социалистической этики, и разсужденія объ организаціи труда, объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, между трудомъ и прибылью образуютъ ядро всѣхъ социалистическихъ теорій.

Но правдивость и возвышенность въ оцѣнкѣ труда социализмомъ — только видимыя. Эта правдивость имѣетъ свою цѣну развѣ только въ качествѣ протеста противъ праздности обезпеченныхъ лицъ и классовъ. Преимущество положенія, важность сана, богатство не только не могутъ быть оправданиемъ праздности и безопасности, но еще обязываютъ къ усиленному труду. Итакъ, социализмъ какъ будто правъ, когда требуетъ труда отъ всѣхъ, но онъ односторонне опредѣляетъ самый трудъ. Въ этомъ его первая и основная ошибка. Социализмъ цѣнитъ только такъ называемый производительный трудъ—физическій и экономическій. По его мнѣнію, только матеріальное не-

---

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравственному Богословію въ Виенской семинаріи.

посредственное участіе въ производствѣ доставляетъ человѣку мѣсто въ обществѣ. Цѣнность духовнаго труда или отрицается имъ, или признается ничтожной. Трудъ умственный и творческій, трудъ мыслителя и художника, трудъ, открывающій новые пути и средства для побѣды надъ зломъ этого міра, не оказывается цѣннымъ настолько, чтобы давать право на жизнь. Отъ всѣхъ равно требуется безкачественный матеріальный трудъ, отъ творческаго гевія, какъ и отъ простаго ремесленника. Качественность труда, его разнообразность съ индивидуальностію человѣка здѣсь приносятся въ жертву количеству работы, опредѣляемому извѣстной продолжительностью рабочихъ часовъ и затратою мускульной энергіи. Соціализмъ утверждаетъ, что всякая цѣнность опредѣляется исключительно количествомъ экономическаго труда. Но это потому, что онъ не признаетъ никакихъ другихъ началъ жизни, кромѣ экономическихъ, превращаетъ матеріальный, производственный процессъ въ цѣль, самодовѣющую и подчиняющую себѣ все. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ обожествляетъ экономическій производительный трудъ, обращаетъ производственный процессъ въ какой то фетишь, ставитъ Маммова на мѣсто Бога

Отсюда вытекаетъ другая существенная ошибка соціализма во взглядѣ на трудъ. У соціализма нѣтъ силъ и возможности освятить трудъ и трудовую общественность, одухотворить матерію подлиннымъ религіознымъ сознаніемъ, потому что онъ разсматриваетъ религію въ лучшемъ смыслѣ, какъ частное дѣло каждаго, слѣдовательно какъ нѣчто побочное, неважное. Ему непонятна мысль о трудѣ радостномъ, трудѣ благословенномъ. Трудъ — для него только проклятіе, подъ тяжестью котораго сгибается онъ. «Идеаломъ будущаго царства труда», по выраженію Каутскаго, оказывается не любовь къ труду и даже не свобода труда, а освобожденіе отъ него, если не полное, то возможно большее, такъ какъ «для истиннаго соціалиста трудъ есть зло, трудящійся сверхъ необходимости — не ге-

рой, а безумецъ, довести трудъ до минимума—вотъ стремленіе социализма¹⁾. Такъ какъ въ социалистическомъ трудѣ нѣтъ религіознаго и нравственнаго содержанія, то, несмотря на апофеозу его въ социализмъ, трудъ съ социалистической точки зрѣнія—не святыня, а тягота, повинность по необходимости или дѣло разсчета, а не нравственный долгъ.

Едва ли не болѣе всего вооружается социализмъ противъ видимой несправедливости въ оцѣнкѣ или, лучше сказать, въ вознагражденіи различныхъ видовъ труда. Такъ называемый культурный трудъ—учебаго, тѣмъ болѣе художника, адвоката—оплачивается лучше и выше, чѣмъ трудъ поденщика. На фабрикѣ есть различіе въ оплатѣ труда техниковъ и простыхъ мастеровыхъ. Но вѣдь высшія формы работы предполагаютъ болѣе долгую подготовку къ ней—въ смыслѣ общаго развитія и техническаго навыка,—продолжительное расхищеніе болѣе дорогихъ вспомогательныхъ средствъ, большую затрату нервной силы, а также соответственное возвышеніе потребностей жизни. Такимъ образомъ, оставаясь въ предѣлахъ социалистической внѣшне-уравнительной нравственности, нельзя по существу возражать противъ неодинаковаго распредѣленія платы или вознагражденія за трудъ.

Неожиданнаго, но сильнаго своимъ авторитетомъ въ извѣстныхъ кругахъ, союзника находитъ себѣ социализмъ въ лицѣ Толстого. Онъ также цѣнитъ только физическій трудъ и притомъ въ одной лишь формѣ его—земледѣльческой. Прочія формы труда онъ считаетъ бесполезными или прямо вредными. Онъ, по его мнѣнію, ничего не даютъ простолюдинамъ, а только закрѣпляютъ недолжный строй общественной жизни, при которомъ одни—крестьяне—трудятся, а другіе—люди средняго и высшаго класса—тунеядствуютъ.

---

¹⁾ Вах. Religion of Socialism.—Цитать взятъ у Кожевникова. Отношеніе социализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности, стр. 54.

Но ясно, что если бы всё отдалось земледѣльческому труду, то человѣчество остановилось бы на очень низкой ступени матеріальнаго и духовнаго преспѣянія. Хорошую отповѣдь Толстому мы встрѣчаемъ у ветхозавѣтнаго мудреца Сираха: «мудрость книжная приобрѣтается въ благопріятное время досуга, и кто мало имѣетъ своихъ занятій, можетъ приобрѣсть мудрость. Какъ можетъ сдѣлаться мудрымъ тотъ, кто править плугомъ и хвалится бичемъ, гоняетъ воловъ и занятъ работами ихъ, и котораго разговоръ только о волахъ? Сердце его занято тѣмъ, чтобы проводить борозды, и забота его о кормѣ для телицъ» (38, 24—27).—Теперь крестьянинъ уже почувствовалъ желаніе умственной пищи, которую не добудешь сохой и бороной. Между университетами, академіями и низшими народными школами есть несомнѣнная связь. Не бесполезны для крестьянъ простолюдиновъ судъ немзодоимный, научно-популярныя книги, раціональное хозяйство, улучшеніе орудій производства. А все это выработано не простолюдинами, не сохой, а наукой и людьми такъ называемаго городского, культурнаго труда.

Толстой вооружается противъ городского труда между прочимъ потому, что послѣдній часто связанъ со многими злоупотребленіями. Такъ, онъ иногда требуетъ чрезмѣрнаго напряженія мускульной силы, а иногда носить грубо механическій характеръ, какъ напримѣръ на фабрикахъ, или поглощаетъ все время и всѣ силы рабочаго, такъ что немногіе часы перерыва въ работѣ отдаются исключительно физическому отдыху, а для мыслей и чувствъ идеальнаго и духовнаго порядка не остается времени и силъ. Приведемъ примѣръ такого грубаго мускульнаго труда. Всякій навѣрное видѣлъ въ большихъ гостинницахъ «корридорныхъ», которые, надрываясь и задыхаясь, тащатъ на себѣ многопудовые сундуки на четвертый и пятый этажи. Никого не поражаетъ наглядная несообразность. Приѣзжаетъ въ гостинницу постоялецъ съ поклажей. Хотя ему самому взойти на лѣстницу было бы только полез-

нымъ упражненіемъ, онъ садится въ подъемную машину, а вещи его, для которыхъ, казалось бы, машина именно и предназначена, вваливаются на спину корридорнаго. Человѣкъ превращается въ простое орудіе для производства или перемѣщенія вещественныхъ богатствъ.—Но само собой разумѣется, что при извѣстныхъ условіяхъ такимъ характеромъ можетъ отличаться и трудъ земледѣльческій, крестьянскій въ собственномъ смыслѣ. Чеховъ въ одномъ изъ своихъ маленькихъ рассказовъ, которые такъ удавались ему, говорить о крестьянскомъ трудѣ: «всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнуть спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожать за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь боятся смерти и болѣзней, всю жизнь лѣчатся, рано блекнуть, рано старятся и умираютъ въ грязи и вони; ихъ дѣти, подростая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ—только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодь, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути въ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить... Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка—въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни» (Домъ съ мезониномъ). Подобныя впечатлѣнія отъ крестьянскаго труда выносятъ и другіе наблюдатели крестьянской жизни, какъ напримѣръ Глѣбъ Успенскій.

Теперь мы можемъ установить условія, при которыхъ трудъ становится нравственнымъ. Первое условіе состо-

ить въ томъ, чтобы область экономическаго матеріальнаго труда не обособлялась и не утверждалась, какъ самостоятельная, себѣ довлѣющая. Не слѣдуетъ, значить, признавать матеріальный трудъ и вещественное богатство самостоятельнымъ благомъ и окончательною цѣлью человѣческой дѣятельности, хотя бы въ области хозяйственной, ставить въ этомъ смыслѣ Маммона на мѣсто Бога. И трудъ долженъ опредѣляться «единымъ на потребу». Вспомнимъ здѣсь поучительный примѣръ евангельской Марфы, которой торопливый, поглощающій все ея вниманіе, трудъ вмѣсто радости приноситъ раздраженіе противъ сестры и Божественнаго Гостя. «Господи, или Тебѣ и нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить?» (Лук. 10, 40).

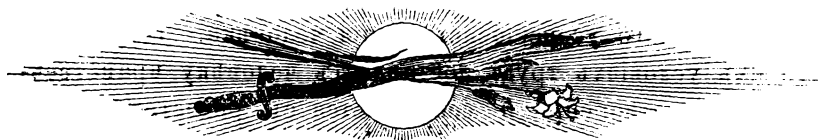
Второе условіе состоитъ въ томъ, чтобы производство совершалось не на счетъ производителей, чтобы ни одинъ изъ нихъ не становился только орудіемъ производства, а обладалъ досугомъ и возможностью къ достойному человѣческому существованію и духовно-нравственному развитію и совершенствованію. И не только наши ближніе—разумныя существа, но даже матеріальная природа не должны быть лишь страдательнымъ и безразличнымъ орудіемъ экономическаго производства или эксплуатаціи. «Воздѣлывать землю» (Быт. 3, 23) съ евр. буквально значить «служить землѣ», т.-е. не истощать и разрушать ее, а улучшать ее, вводить ее въ большую силу и полноту бытія и въ этомъ смыслѣ одухотворять ее. Цѣль труда по отношенію къ матеріальной природѣ не есть лишь пользованіе ею для добыванія вещей и денегъ, а совершенствованіе ея самой—оживленіе въ ней мертваго, одухотвореніе вещественнаго. По отношенію къ трудящимся личностямъ нужно стремиться къ тому, чтобы трудъ ихъ не былъ, по выраженію пророка, «не въ сытость» имъ (Ис. 55, 2). Цѣль труда—насыщать человѣка, т.-е. дать толчокъ къ развитію и упражненію физическихъ силъ, обезпечить матеріальное благосостояніе, пропитаніе и одежду

(1 Тим. 6, 8), быть источникомъ духовнаго развитія и нравственнаго усовершенствованія чловѣка. Только при такихъ условіяхъ трудъ доставляетъ чловѣку нравственное удовлетвореніе и совершается съ радостнымъ одушевленіемъ.

«Для чего отвѣшивать серебро за то, что не хлѣбъ, и трудъ свой за то, что не насыщаетъ?» (Ис. 55, 2).

Ив. Николинъ.

НОВОЗАВѢТНАЯ ТЕМА. Мате. 23, 27.

Пепла съдого полна вся изъ блага мрамора урна—
Дивный ваятеля трудъ достояніе смерти содержать!..
Такъ, вѣроятно, не разъ попадутся цвѣтушіе люди,
Жалко влачащіе вѣкъ вѣ любви и спасительной вѣры—
Съ виду здоровая жизнь урнѣ съ прахомъ усопшихъ
подобна!

В. Недзвецкій.

ДІОНИСІЯ ФУРНЕЙСКАГО ЭРМИНІЯ,

или изложеніе иконописнаго искусства, „подлинникъ“ и
важные неизданные его источники, впервые печатаемые съ
предисловіемъ полностью по оригиналу.

А. ПОПАРИГОПУЛО-КЕРАМЕВЪ. Сиб. 1909¹⁾.

Императорское Русское Археологическое Общество изда-
ло на греческомъ языкѣ извѣстное на Востока сочине-
ніе іеромонаха Діонисія фурноаграфіота, которымъ еще въ
первой половинѣ XVIII вѣка пользовались многіе русскіе
иконописцы. Надо замѣтить, что часть этого сочиненія,
особенно въ изображеніяхъ св. Троицы и нѣкоторыхъ
греческихъ святыхъ, вошла въ русскіе рукописные под-
линники, хотя далеко въ несовершенномъ видѣ. Это сочи-
неніе Діонисія еще въ половинѣ XIX вѣка обратило на
себя вниманіе извѣстнаго ученаго преосвященнаго Пор-
фирія Успенскаго, который помѣстилъ въ «Трудахъ Кіев-
ской Духовной Академіи» въ теченіе 1867 и 1868 гг. рядъ
статей по греческой иконографіи въ связи съ трудомъ
Діонисія.

Къ «Эрминіи» живописца Діонисія, изданной Археоло-
гическимъ Обществомъ, редакторъ сдѣлалъ предисловіе,
въ которомъ излагается исторія происхожденія текста
«подлинника». Имъ указаны и разные списки этого сочи-
ненія, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время иконогра-
фовъ, затѣмъ дѣлается краткій критическій обзоръ спи-

¹⁾ Denis de Fournou. Manuel d'icongraphie chrétienne.

сковъ и позднѣйшихъ изданій, перечисляется содержаніе §§, сличаются разные списки со стороны содержанія, указываются погрѣшности «подлинника» Симонида, дѣлается выводъ, что «подлинникъ» Діонисія представляетъ изъ себя превосходную систему агиографическаго искусства, и что, по преданію, аѳонскіе монахи иконописцы настолько овладѣли имъ практически, что это сочиненіе лежитъ въ основѣ всей «агиографіи Восточной церкви въ ея византійской высотѣ».

Сочиненіе Діонисія начинается посвященіемъ Приснодѣвѣ Маріи: О, свѣтозарная, благодатная Богородица Марія! Многорѣчивый витія и любомудренный врачъ Лука, опытный во всякомъ знаніи, наставникъ и учитель священнѣйшій и велегласнѣйшій провозвѣстникъ, и списатель евангельскихъ событій, желая всѣмъ доказать святое благоговѣніе къ богоблагодатному величію Твоему, призналъ должнымъ посвятить Твоему царственному лицу не иное какое-либо произведеніе духовныхъ дарованій своихъ, а живописное и художественное изображеніе достойно зримаго и умилительнаго лика Твоего, который онъ видѣлъ своими очами—изображеніе на доскахъ разными красками и позлащенной мусією. Ему поревновалъ и я, недостойный, и думая, что захотѣтъ значить то же, что сдѣлать, началъ учиться иконописанію, дабы исполнить свое желаніе и вмѣстѣ долгъ благоговѣнія къ величію Твоему и къ дивной красотѣ Твоей. Но я много погрѣшилъ, думая такъ, ибо способности мои не вполне соотвѣтствовали моему желанію и усердію. Однако, чтобы не лишиться пользы отъ неуспѣшныхъ трудовъ своихъ, я сподобился посвятить Тебѣ, по крайней мѣрѣ, ученіе о художествѣ моемъ, составленное и написанное съ большимъ прилежаніемъ, сколько позволялъ мнѣ собственный опытъ и знаніе, обогащенное свѣдѣніями о разныхъ способахъ живописи. Въ этомъ ученіи всѣмъ даровитымъ отъ природы живописцамъ указаны начатки этого изящнаго искусства, свойство и употребленіе красокъ и предметы

исторической живописи, т.-е., какъ и на какихъ мѣстахъ священныхъ храмовъ изображать ихъ, дабы благолѣпною живописью представить созерцаемую умомъ твердь церкви, и преимущественно лучезарный и благодатный ликъ Твой, непрестанно напечатлѣваемый въ душахъ всѣхъ благочестивыхъ людей, имѣющихъ быть до скончаанія вѣка, и дабы они, взирая на него здѣсь на землѣ и возносясь умомъ своимъ къ первообразу, надѣялись созерцать вѣчныя красоты, видѣнія коихъ сподобиться бы и мнѣ святыми молитвами Твоими ¹⁾).

Въ предварительномъ наставленіи всякому, кто желаетъ учиться живописи, Діонисій, между прочимъ, говоритъ: Сія книга составлена мною съ большимъ усердіемъ для того, чтобы ею, во славу Божию, руководствовалась вся во Христѣ братія моя—сохудожники, которые примуть ее, и которыхъ прошу молиться о мнѣ. А если бы кто по зависти и злонавію захотѣлъ порицать сей добросовѣстный трудъ мой, тотъ пусть знаетъ, что онъ вредитъ самъ себя, какъ нѣкто сказалъ: «зависть есть зло и отъ нея только и добра, что она колетъ глаза и сердце». А я, какъ вѣдаетъ Господь, не имѣлъ другого желанія, кромѣ того, чтобы по возможности принести пользу тому способному ученику, который пожелаетъ пріобрѣсть эту мою книгу. Къ нему-то и обращаю слово мое съ великою любовію.

Въ части I—*технологіи*—говорится о приготовленіи клея, какъ лить гипсъ, какъ левкасить иконы, какъ золотить и готовить киноварь, лазурь, какъ дѣлать по-московски, по-критски, какъ дѣлать лицо и т. д.

Часть II. *Какъ изображаются чудеса Ветхаго Завета.* О девяти чинахъ, о паденіи Денницы, созданіе Адама и Евы, изгнаніе изъ рая, плачь и пр.; затѣмъ всѣ событія и лица Ветхаго Завета: праотцы, св. жены, греческіе мудрецы, говорившіе о домостроительствѣ и о воплощеніи Христа.

¹⁾ Переводъ преосв. Порфирія.

Часть III. *Какъ изображаются евангельскія событія.*

Часть IV. *Символическая. Притчи.* Божественная литургія. «Всякое дыханіе». Апокалипсисъ и т. д.

Часть V. *Агиографическая.* Какъ изображаются Богородичные праздники, чудеса, мученики.

Часть VI. *Разныя темы.* Жизнь истиннаго монаха, смерть грѣшника, смерть праведника, смерть монаха, ядущаго тайво. Здѣсь монахъ закутанъ одѣялами, изъ устъ его выползаётъ большая змѣя; надъ нимъ стоитъ дьяволъ и въ сердце его вонзаётъ трезубецъ, и т. д.

Любопытны указанія, какъ изображать событія, наприм., плачь Адама и Евы: рай заключенъ, у двери его пламѣнѣтъ мечъ, а напротивъ рая Адамъ и Ева сидятъ полунагіе и рыдаютъ, терзая волосы на главахъ своихъ.

Устрашеніе фараона, взявшаго Сару, жену Авраама: въ чертогѣ царь фараонъ спитъ на золотомъ одрѣ, надъ нимъ паритъ ангелъ, устрашая его мечомъ, а Сара въ сторонѣ молится.

На паперти храма изображаются греческіе философы съ изреченіями на хартіяхъ о воплощеніи Христовомъ.

Плутархъ, плѣшивый старецъ, съ остроконечною бородою, говоритъ: «Превышему изъ всѣхъ не придумывается никакое начало—Слово изъ него, а не изъ другого кого-либо. И ясно открылось, что Божія премудрость и Слово содержать предѣлы земли».

Аристотель, старецъ съ курчавою бородой, говоритъ: «Не трудно рожденіе Бога, ибо въ немъ само собою осуществляется Слово».

Затѣмъ въ томъ же родѣ описываются изображенія Аполлонія, Солона, Фукидида, Платона, Фидона, Софокла, Оуда, царя египетскаго, Валаама прорицателя, Сивиллы мудрой.

Изображеніе иконы «Живноснаго источника» передается такъ: золоченая кушель, посрединѣ Богородица съ простертыми вверхъ руками; впереди Христосъ, съ Евангелиемъ у груди, благословляетъ на обѣ стороны, говоря:

«Я—вода жизни». Два ангела держатъ каждый одной рукой корону надъ главою Христа. У одного въ свободной рукѣ хартія: «Радуйся, источникъ чистый и живиносный»; у другого: «Радуйся, источникъ чистый и Богопріемный»... Съ обѣихъ сторонъ купели патріархи, архіереи, іереи, діаконы, цари и царицы, начальники и начальницы, обтирающіеся водой и пьющіе ее.

Объ изображеніи Пресв. Богородицы Діонисій пишетъ, что ростъ у нея—средній, лицо пшеничнаго цвѣта, волосы темнорусые, глаза каріе и пріятныя, брови удлиненныя, носъ средній, руки и персты продолговатыя.

Она была смиренна, непритворна, незлобива, одѣвалась благопрістойно и любила одежды одноцвѣтныя, что доказываетъ омофоръ ея, хранящійся въ ея храмѣ.

Въ V части подробно описано, какъ изображать чудеса св. Георгія и другихъ святыхъ.

Въ приложеніи помѣщены списки съ рукописей съ XVI—XVII вв.

- 1) Эрминія иконописнаго искусства.
- 2) Эрминія стѣнной живописи.
- 3) Эрминія первенствующей церкви.
- 4) Книга иконописнаго искусства.
- 5) Исторія храма или обзорѣніе храмовой живописи.

Въ концѣ книги сдѣлано заключеніе подъ заглавіемъ: «Откуда заимствовали мы живописаніе иконъ и поклоненіе имъ». Тутъ Діонисій пишетъ, что мы поклоняемся не краскамъ и художественному произведенію, какъ злословятъ враги нашей церкви, но Господу Богу нашему, который на небесахъ. Св. Василій говоритъ, что почитаніе иконы переходитъ въ первообразъ. Смотри на икону Богоматери, мы вспоминаемъ, что Св. Дѣва получила отъ Бога такую благодать, что сдѣлалась матерью Сына Божія, и до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ пребыла дѣвою. То же скажемъ и объ иконахъ святыхъ. Взирая на изображеніе мученика, тотчасъ же припоминаемъ, что онъ былъ подобный намъ, но терпѣніемъ сво-

имъ побѣдилъ мучителей, обличилъ идолослуженіе и истинность вѣры христіанской доказалъ своею кровію. То же надо сказать и объ иконахъ святителей и преподобныхъ мужей и женъ.

Въ оттискѣ къ пятому приложенію значится: «Написано въ 1674 году, мѣсяца августа 28. Рука Давида священнослужителя».

Къ книгѣ приложенъ обстоятельный именной указатель. Было бы желательно, чтобы этотъ знаменитый иконописный «подлинникъ» былъ обстоятельно переведенъ и распространенъ между русскими иконописцами, часто позволяющими себѣ дѣлать фантастическія изображенія не только священныхъ событій, но и св. угодниковъ. Выше упомянутыя выдержки изъ «Эрминія», переведенныя преосвященнымъ Порфиріемъ, значительно устарѣли и далеко неполны. При томъ помѣщенныя болѣе 40-а лѣтъ тому назадъ въ специальномъ журналѣ онѣ не только не доступны русскимъ иконописцамъ, но даже и не извѣстны, да и книжки эти «Трудовъ Кіевской Духовной Академіи» уже давно составляютъ библиографическую рѣдкость.

Ан. Титовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Научная защита религии.

(В. Джемс. Многообразіе религіознаго опыта).

Весною текущаго 1910 года вышла книга, сразу обратившая на себя вниманіе необычностью своего содержанія. Это книга англійскаго ученаго Вильяма Джемса «Многообразіе религіознаго опыта»¹⁾. Необычность эта заключается въ томъ, что авторъ ея, «послѣдователь англійскихъ позитивистовъ, рѣшительный сторонникъ эмпирическаго метода», по выраженію переводчика, выступилъ на защиту религіи и, что всего важнѣе, выступилъ на основаніи данныхъ опыта. Извѣстная часть ученыхъ и философовъ, отвергающихъ религію, называетъ ее суевѣріемъ и предрасудками; нашъ авторъ суевѣріемъ и предрасудками называетъ именно такіе взгляды на религію и безъ церемоніи осмѣиваетъ «сектантовъ науки» и рационалистовъ, отвергающихъ религію. Понятіе о религіи у него, правда, слишкомъ широко, и далеко не со всѣми его выводами и взглядами можно согласиться; но религія для него—не только истинный и законный источникъ истины и нравственности, но даже наиболѣе истинный и законный таковой источникъ. Свои утвержденія и выводы нашъ авторъ подтверждаетъ и иллюстрируетъ громаднымъ количествомъ свидѣтельствъ о различныхъ религіозныхъ состояніяхъ и переживаніяхъ множества людей. Жаль только, что онъ или мало знаетъ, или намѣренно игнорируетъ необъятную область исторіи древней христіанской церкви и святоотеческой литературы, не говоря уже о нашей православной церкви, о которой, повидимому, онъ не имѣ-

¹⁾ Переводъ съ англійскаго Малахіевой-Мировичъ и Шикъ, подъ ред. Лурье. Издан. журн. „Русская Мысль“. Москва, 1910.

еть никакого представленія, и свои примѣры и свидѣтельства беретъ преимущественно изъ исторіи и литературы католической церкви, да и то уже большею частью позднѣйшаго времени, и протестантизма съ его развѣтвленіями и сектами.

Не имѣя въ виду дѣлать подробной характеристики и разбора книги Джемса, мы замѣтимъ только, что онъ значительно расширяетъ область душевной жизни включеніемъ въ нее области «подсознательнаго» (сублиминарнаго), т. е. полусознаваемаго, неясно нами чувствуемаго, но тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ факты, имѣющаго громадное вліяніе на нашу душевную жизнь и дѣятельности. Это «подсознательное» онъ признаетъ (что и развиваетъ, и доказываетъ подробно въ своей книгѣ) не только столь же важнымъ источникомъ нашего познанія, какъ и область яснаго и отчетливаго логическаго сознанія, но даже доминирующимъ, господствующимъ надъ этимъ послѣднимъ.

Въ своей обширной книгѣ Джемсъ подробно разсматриваетъ и анализируетъ цѣлый рядъ религіозныхъ состояній и переживаній: религію и неврозъ, религію душевнаго здоровья и страданій, раздвоеніе личности, обращеніе, святость и аскетизмъ, мистицизмъ, отношеніе философіи къ религіи и др.

Въ своей замѣткѣ мы попытаемся изложить въ возможномъ порядкѣ и системѣ нѣкоторыя наиболѣе интересныя и важныя выводы и взгляды Джемса, хотя многое намъ, по необходимости, придется передавать въ отрывочномъ видѣ.

Прежде всего, Джемсъ возстаетъ и возстаетъ энергически противъ такъ называемаго медицинскаго матеріализма, который пытается обезцѣнить нѣкоторыя религіозныя переживанія только потому, что они возбуждаются извѣстными, иногда даже болѣзненными состояніями нашего организма, будто бы «подрывающими высокую духовную цѣнность» этихъ переживаній. «Иначе, говоритъ нашъ авторъ, не останется ни одной мысли, ни одного ощущенія, ни одной научной доктрины, которая сохранила бы цѣну раскрытія истины... Смѣшно и говорить объ этомъ. Какое право имѣемъ мы думать, что природа обязана выполнить всѣ свои задачи только съ помощью нормальныхъ умовъ? Въ уклоненіи отъ нормы разума она можетъ найти болѣе удобное орудіе для выполненія своихъ замысловъ».

Нѣсколько дальше говорится о превосходствѣ религиозныхъ, въ особенности христіанскихъ, настроеній предъ философскими. И философы, въ особенности стоики, могутъ обнаруживать чувство и подчиненности неизбѣжному, но стоикъ повинуется сурово, съ тяжестью и холодомъ въ сердцѣ и никогда не можетъ освободиться отъ чувства, что этотъ законъ—тяжкое иго. Тамъ—холодное подчиненіе необходимости, здѣсь — восторженная ясность духа. Разница здѣсь—какъ между пассивностью и активностью, между оборонительнымъ и наступательнымъ, между полярнымъ и тропическимъ климатомъ. Стоикъ Маркъ Аврелій говорить: «если боги не заботятся обо мнѣ и моихъ дѣтяхъ, то у нихъ есть къ тому основанія»; Іовъ вопіеть: «нынѣ Онъ ввергнулъ меня въ гибель, а завтра утѣшусь въ Немъ».—Маркъ Аврелій *подчиняется* міровому плану, вѣрующій радостно сливается съ нимъ. Онъ *преисполненъ* имъ, готовъ итти восторженно и любовно на встрѣчу божественному предначертанію... Религія враждебна не только дерзкой ироніи, но также мрачному ропоту и жалобамъ... Для религіи покорность Всевышнему никогда не можетъ показаться рабствомъ. Слепое подчиненіе не находятъ въ ней мѣста; его замѣняетъ благостное чувство во всѣхъ степеняхъ его, начиная съ состоянія безмятежнаго покоя и кончая высшимъ предѣломъ энтузіазма.

«Когда люди озарены свѣтомъ истиннымъ, они отрекаются отъ всякаго желанія, отъ всякаго выбора и предають себя и весь міръ въ руки Бога Предвѣчнаго. Каждый озаренный этимъ свѣтомъ человѣкъ можетъ сказать: «да буду я для воли Божіей тѣмъ, что для меня рука моя». Такіе люди обрѣтають покой душевный и свободу... они живутъ въ полной покорности Богу, въ совершенной свободѣ горячей любви... И когда человѣкъ не желаетъ и не стремится ни къ чему, только къ Единому Богу, не блага своего ищетъ, а славы Божіей, то Всемогущій даетъ ему всѣ радости, все блаженство, міръ душевный, отдохновеніе и утѣшеніе и введетъ въ царство небесное. Блаженъ тотъ, кто воистину найдетъ этотъ путь спасенія... Такое счастье, связанное съ сознаниемъ близкаго присутствія Духа Божія, счастье ни съ чѣмъ несравнимое... не только возможно и доступно намъ здѣсь, въ этомъ мірѣ: оно также лучшее и необходимое доказательство бытія Бога.

Только память о Богѣ, мысль о Немъ даетъ намъ вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ чувство, что Онъ съ нами,

даетъ благоговѣйное и любовное общеніе съ Нимъ, внушаетъ намъ стремленіе и любовь къ Нему... Хотите ли избѣгать страданій? Помните постоянно о Богѣ и въ счастіи, и въ несчастіи, во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни. Не ссылайтесь на трудность и важность тѣхъ дѣлъ, какими вы заняты: вы можете всегда помнить, что Богъ видитъ васъ, что вы ходите подъ Его взоромъ. Если тысячу разъ въ часъ вы забываете это, оживляйте тысячу разъ это воспоминаніе. Если вы не въ силахъ непрерывно выполнять это предписаніе, то дѣлайте это по крайней мѣрѣ какъ можно чаще; и, подобно тѣмъ, кто въ суровую зиму часто приближается къ очагу, такъ и вы возможно чаще подходите къ тому пылающему огню, который согрѣваетъ вашу душу.

Значеніе и прелесть cadaго часа жизни зависятъ отъ тѣхъ возможностей, какія онъ влечетъ за собой. Если человѣкъ вѣритъ, что всѣ наши переживанія полны глубокаго нравственнаго смысла, что наши страданія имѣютъ непреходящее значеніе; если ему кажется, что Небо милосердно къ землѣ; если все для него дышитъ вѣрою и надеждою,—горечь жизни не отравитъ его дней, и они будутъ полны для него смысла и цѣнности. Но если, наоборотъ, человѣкъ убѣжденъ, что жизнь его протекаетъ среди леденящаго холода и ужасовъ всеобщей борьбы, что она лишена вѣчнаго смысла, какъ это утверждаетъ чистый натурализмъ и популярно-научный эволюціонизмъ нашего времени,—то жизнь для него теряетъ всякую цѣну и становится унылой и безсвязной вереницей дней. Для натурализма, воспитаннаго на современныхъ космологическихъ теоріяхъ, человѣчество находится въ такомъ положеніи, какъ если бы оно жило на замерзшемъ озерѣ, окруженномъ непроходимыми скалами, съ сознаниемъ, что мало-по-малу ледъ долженъ растаять, и что неизбежно близится ужасный день, когда онъ подломится: неминуемая и безславная гибель—вотъ людская участь. Чѣмъ радостнѣе жизнь, чѣмъ ярче дневное солнце, чѣмъ прекраснѣе ночные огни, тѣмъ ужаснѣе сознавать горькій смыслъ человѣческаго существованія... Религія обладаетъ чудесною властью самаы невыносимыя страданія человѣческой души превращать въ самое глубокое и прочное счастье... Увѣруйте въ вѣчную жизнь, какъ это дѣлаетъ простой народъ, и жизнь земная осмыслится для васъ».

Приведенные отрывки представляютъ собою какъ бы

резюмэ изъ пѣсколькихъ главъ книги. Здѣсь есть и выдержки изъ церковныхъ писателей и собственные разсужденія автора, и замѣчательно, какъ и тѣ и другія гармонируютъ между собою.

Но самыя лучшія мѣста въ книгѣ—это несомнѣнно тѣ, гдѣ авторъ говоритъ о святости и о святыхъ. Приведемъ (въ сокращеніи) нѣкоторыя изъ нихъ.

Сказавъ о томъ, что излишняя доброта въ нашемъ мірѣ нерѣдко приводитъ къ противоположнымъ результатамъ, къ злоупотребленіямъ, авторъ продолжаетъ:

«Однако, каждый изъ насъ вѣрно чувствуетъ, что если бы міръ управлялся одною неумолимою законностью и жестокосердіемъ; если бы въ немъ не было людей, которые сначала помогаютъ своему ближнему, а потомъ уже разсуждаютъ, достоинъ ли онъ этого; если бы между нами не нашлось ни одного человѣка, способнаго простить обиду и пожалѣть обидчика; если бы нѣкоторые изъ насъ не предпочитали лучше въ тысячу разъ быть обманутыми, чѣмъ жить, подозрѣвая окружающихъ въ обманѣ; если бы никто не руководствовался въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ непосредственными побужденіями, а всѣ подъ рядъ поступали бы по общимъ правиламъ благоразумія,—жить въ нашемъ мірѣ было бы несравненно хуже, чѣмъ теперь... Святые, съ ихъ любовью къ людямъ, такъ сильно превышающею обычныя нормы, являются пророками будущаго. И во многихъ случаяхъ имъ удается еще въ предѣлахъ настоящаго воплотить свои чаянія. Относясь ко всѣмъ людямъ, несмотря на ихъ прошлое и на ихъ отталкивающій видъ въ настоящемъ, какъ къ существамъ достойнымъ любви, они поистинѣ чудеснымъ образомъ преобразуютъ природу этихъ людей и, силою своего примѣра и ожиданія отъ человѣческой души только хорошаго, пробуждаютъ въ ней стремленіе къ добру. И мы должны согласиться, что милосердіе и любовь къ ближнему во всей чрезмѣрности ихъ проявленій, какія мы наблюдаемъ у нѣкоторыхъ святыхъ, должны быть признаны творческой соціальной силой, стремящейся осуществить въ человѣчествѣ ту степень добродѣтели, какую только одни святые считаютъ возможной. Такимъ образомъ святые являются создателями добра. Способность человѣческой души къ развитію неизмѣрима. Многіе изъ тѣхъ, кого всѣ окружающіе считали нравственно погибшими, духовно перерождались, причемъ они сами больше всѣхъ дивились совер-

шившейся въ нихъ перемѣнѣ, — поэтому никогда нельзя раньше утверждать о человѣкѣ, что его спасеніе при помощи любви невозможно. Даже объ извергахъ человѣческаго рода нельзя сказать, что они навсегда останутся такими. Мы не знаемъ всей сложности элементовъ, входящихъ въ составъ каждой личности, не знаемъ, пламя какихъ чувствъ можетъ запылать въ ней, и, не видя всѣхъ сторонъ многогранника, которому можно уподобить характеръ человѣка, часто не подозреваемъ, какіе источники возвышенной жизни таятся въ немъ... Христосъ умеръ за всѣхъ безъ исключенія, и мы не имѣемъ права отчаяваться ни въ комъ изъ насъ... Святые съ своимъ избыткомъ милосердія являются великими хоругвеносцами этой вѣры, лучемъ свѣта, прорѣзающимъ тьму. Они — отдѣльныя, свергающія на солнцѣ брызги великаго потока, предтечи новой жизни. Мірѣ еще не съ ними, и потому среди его суетныхъ дѣлъ жизнь святыхъ часто кажется ему лишеною смысла. А между тѣмъ призваніе ихъ жизни — оплодотворить міръ, оживить тѣ сѣмена добра, которыя безъ нихъ не дали бы всходовъ. Послѣ того, какъ святой пройдетъ передъ нами, мы не можемъ больше оставаться такими, какими были раньше. Пламя всегда порождаетъ пламя. И безъ того чрезмѣрнаго довѣрія, какое высказываютъ святые къ достоинству человѣка, мы погрузились бы въ состояніе духовнаго застоя... Святые обладаютъ творческою силой; въ энтузіазмѣ, который порождаетъ въ нихъ вѣра, они черпаютъ власть надъ людьми, какая невозможна для мелкихъ натуръ, руководящихся однимъ благоразуміемъ. Своимъ примѣромъ они убѣждаютъ насъ въ возможности торжества началъ, противоположныхъ житейской мудрости — и это волшебный даръ, принесенный святыми человечеству. Ихъ вѣра въ безконечно лучшую жизнь утѣшаетъ насъ въ нашей огорченности бездушностью и мелочностью преобладающихъ на этомъ свѣтѣ интересовъ. И даже тогда, когда мы считаемъ святого плохо приспособленнымъ къ нашей жизни, у него можетъ явиться нѣсколько послѣдователей, послѣ чего окружающая обстановка сразу сдѣлается болѣе удобной для выполненія его миссіи. Онъ является ферментомъ добра, орудіемъ постепеннаго перехода отъ земнаго порядка къ небесному въ нашемъ земномъ устроеніи... Далѣе, называя святыхъ героями и сравнивая ихъ съ «сильными» Ницше, авторъ отдаетъ святымъ рѣшительное пред-

почтеніе, называя сильныхъ каннибалами съ кровожадными инстинктами и уличными хулиганами (стр. 365), и говорить, что «сильный человекъ» однимъ присутствіемъ своимъ можетъ понизить нравственный уровень общества, тогда какъ святые оздоравлиють нравственную атмосферу; что поставленный рядомъ съ святымъ сильный человекъ «покажется намъ сухимъ, какъ пень, грубымъ, какъ обломокъ камня или черепицы». — «Святые — повтически заключаетъ авторъ — подобны картинамъ, въ которыхъ чувствуется много воздуха и гдѣ фонъ — безбрежныя дали».

Немало сочувственныхъ строкъ посвящаетъ нашъ авторъ аскетизму, который рѣшительно защищаетъ и очень высоко ставитъ. Вотъ, на примѣръ, что онъ говоритъ между прочимъ о бѣдности. «Добровольно принятая нищета можетъ стать источникомъ бодрой жизни безъ необходимости давить слабѣйшихъ, какъ это дѣлаетъ война. Нищета дѣйствительно создаетъ условія героической жизни — безъ грома барабановъ, безъ раззолоченныхъ мундировъ, безъ истеричныхъ рукоплескавій толпы, безъ лжи, безъ трескучихъ фразъ... Царящій среди образованныхъ классовъ страхъ предъ бѣдностью представляетъ собою тяжкую нравственную болѣзнь, отъ которой страдаетъ вся современная намъ культура»...

«Человекъ, въ сильной степени обладающій религиознымъ чувствомъ, естественно приходитъ къ мысли, что все въ этомъ мірѣ исполнено громаднаго значенія, поскольку въ немъ проявляется невидимый божественный порядокъ. Увѣренность въ этомъ порядкѣ доставляетъ ему высшее счастье и необычайную стойкость души. Онъ чувствуетъ себя готовымъ на служеніе людямъ и одушевленъ постояннымъ стремленіемъ помогать имъ. Эта помощь простирается не только на внѣшнюю, но и на внутреннюю жизнь, потому что онъ глубоко чувствуетъ человѣческую душу и обладаетъ даромъ оживлять въ ней духовныя возможности, которыхъ она и сама въ себѣ не подозрѣвала. Счастье его не въ жизненныхъ удобствахъ, какъ у большинства людей, а въ особомъ горѣвнн духа, которое превращаетъ его лишенія въ радости и дѣлаетъ его недоступнымъ ощущенію несчастья. Онъ не отказывается ни отъ одной обязанности даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его завѣдомо ожидаетъ неблагодарность; и, когда мы нуждаемся въ помощи, мы съ большею увѣренностью можемъ ожидать ее со стороны святого, чѣмъ отъ всякаго другого

человѣка. Наконецъ, скромность и аскетическія привычки предохраняють его отъ тѣхъ мелкихъ личныхъ притязаній, которыя портятъ человѣческія отношенія. Чистота, счастье, независящее отъ внѣшнихъ условій, терпѣніе, милосердіе къ другимъ, суровость къ себѣ—эти прекрасныя свойства достигаютъ въ святыхъ наиболѣе совершеннаго развитія».

Не оставляетъ безъ вниманія нашъ авторъ и внѣшней, обрядовой стороны религіи и говоритъ, что «въ сравненіи съ величественною сложностью обряда, гдѣ постоянное движеніе нисколько не вредитъ прочности цѣлаго, гдѣ ни одна деталь, какою бы скромною она ни была, не представляется незначительною, потому что она—часть величаваго цѣлаго,—какимъ безцвѣтнымъ кажется протестантизмъ, какою изсушеною представляется религіозная жизнь этихъ уединившихся людей». Въ частности, говоря о таинствѣ исповѣди, авторъ замѣчаетъ, что при немъ, если человѣкъ не вполне освободился отъ своихъ пороковъ, то по крайней мѣрѣ онъ больше не покрываетъ ихъ лживымъ покровомъ кажущейся добродѣтели и кладетъ въ основу своей жизни искренность.—Восторженныя и вдохновенныя строки, правда, въ большинствѣ заимствованныя, посвящены и молитвѣ, «безъ которой даже и самому лучшему изъ насъ было бы трудно сохранять постоянно спокойствіе души. Имѣя въ душѣ сознаніе, что нами руководитъ божественная сила, мы смотримъ на жизненныя явленія совсѣмъ иначе, чѣмъ это было бы при другихъ условіяхъ».

Въ послѣдней главѣ, авторъ защищаетъ съ научной точки зрѣнія чудесныя исцѣленія и видѣнія и открыто смѣется надъ упорными «сектантами науки», не желающими ихъ признавать. — «Только въ религіозной жизни касаемся мы подлинной реальности», въ сравненіи съ которой «міръ... созерцаемый нашимъ разумомъ представляется нереальнымъ и безжизненнымъ». «Поэтому—заключаетъ онъ—религія будетъ неизмѣнно и навѣки имѣть значеніе въ исторіи человѣчества»¹⁾—это, поистинѣ, сила, «которою люди живы».

---

¹⁾ То же самое говоритъ въ предисловіи и русскій переводчикъ книги, утверждая, что „мимо религіи современному сознанію пройти нельзя“.

Мы привели только немногіе выдержки и выводы изъ книги Джемса, равно не коснулись совсѣмъ приведенныхъ въ ней во множествѣ назидательныхъ и интересныхъ примѣровъ. Повторяемъ, что религію нашъ авторъ понимаетъ иногда слишкомъ широко, и далеко не со всѣми его выводами можно согласиться, но все же, въ общемъ, разбираемая книга представляетъ собою научную, мужественную и энергичную защиту религіи.

Свящ. Н. Колосовъ.

В О З В А Н І Е.

Бѣдный, разбросанный среди лютеранскаго населенія Финляндіи, православный приходъ (села Тіурула, Выборгской губерніи) вотъ уже второй годъ остается безъ храма Божія. Церковь сгорѣла, подоженная рукою злодѣя-вора. Страховка ничтожна. Средствъ церковныхъ нѣтъ. Не въ силахъ малочисленный и бѣдный православный приходъ построить новую церковь. А окружающее лютеранство готово раскрыть свои объятія для разсѣянныхъ на пространствѣ 180 верствъ православныхъ чадъ, лишившихся святыни церкви, которая прежде ихъ всѣхъ объединяла и укрѣпляла въ православной вѣрѣ. Люди православные! Помогите намъ построить церковь. Она совершенно намъ необходима, какъ спасительная пристань среди бушующихъ и грозныхъ волнъ окружающаго лютеранства. Поспѣшите съ братскою помощью къ намъ, своимъ бѣднымъ единовѣрцамъ.

По жертвованію просимъ адресовать: г. Выборгъ. Православная Духовная Консисторія или село Тіурула, Выборгской губерніи, причту Тіурульской Вознесенской православной церкви.

Отъ имени церковнаго совѣта: священникъ *Георгій Пльцовъ*.

Псаломщикъ *Василій Добровольскій*.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1910 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

Стран.

1. НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО. Сообщилъ **Ан. Титовъ**. 3—20 148—175
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника **инока**). **А. І.**... 21—26
257—261 334—340 448—451
3. ПИСЬМА ЕПИСКОПА **ТЕОФАНА** КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ПРОТОІЕРЕЮ **В. П. НЕЧАЕВУ** (ВПОСЛѢДСТВІИ ЕПИСКОПУ **ВИССАРИОНУ**) 1872—1892 Г. .... 27—32 393—396 478—480
4. ВЕТХОЗАВѢТНОЕ УЧЕНІЕ О ТВОРЕНІИ МІРА. **Ив. Николаина**..... 33—38
5. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ХРИСТИАНСТВУ. **Свящ. М. Ѳ—скаго**..... 39—61 220—248 296—314
6. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. На пути къ праведности. Къ тѣмъ, кто ищеть религіознаго пониманія жизни. **Свящ. Н. Орлова**..... 62—77
7. ХРИСТИАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. **Проф. П. Казанскаго**..... 78—96 190—203 352—364 437—447
8. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ. **А. Красева**..... 97—107 212—219 365—379 481—491
9. ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ, ВЪ СКОРБЯХЪ БОДРЫЙ ДУХОМЪ. **Свящ. Г. Н. Корсуна**..... 108—116 472—477
10. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. **Свящ. Іоанна Утѣхина**. 117—132 176—189
11. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. „Интернаціональная богословская бібліотека“. **Свящ. М. Ѳ—скаго**..... 133—134
12. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Голосъ природы. Три вопроса. **Свящ. Н. Орлова**..... 135—147
13. ПЛОДЪ ДУХА. **Свящ. М. Славскаго**..... 204—211
14. ЧУДЕСА АНТИХРИСТА. **Свящ. Н. Колосова**..... 249—256
15. ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ **ІАКОВЪ**, АРХІЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ И АРЗАМАССКІЙ. **Ан. Титова**. 262—267
341—351 452—462
16. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Комета Галлея. **П. Павлова**..... 268—270

17. ПРИ СВѢТЪ ЕВАНГЕЛІЯ. Подвигъ опытнаго познанія Бога. Опасность самообольщенія. Свящ. Н. Орлова..... 271—286
18. КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЯВЛЕННОЙ ИКО-
НѢ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ РЖЕВСКІЯ (ОКОВЕЦКІЯ).
(Съ приложеніемъ рисунка.) Составилъ дїаконъ С. Ле-
витскій..... 287—295
19. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. Въ защиту животныхъ. Свящ. Иоан-
на Утѣхина..... 315—333
20. МАВЗОЛЕЙ. (Стихотвореніе.). В. К. Недзвецкаго..... 380—380
21. ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ. (Стихотвореніе.). Его же..... 381—381
22. „КЪ ЗАПАДНЫМЪ“. (Стихотвореніе.). Его же..... 382—382
23. ВЕТХОЗАВѢТНОЕ УЧЕНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЧЕЛО-
ВѢКА. Ив. Николина..... 383—389
24. СОВѢТЪ МОЛОДЫМЪ ДѢВИЦАМЪ. Прот. Д. Пѣвниц-
каго..... 390—392
25. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Поледція торжества.
Павла Россіева..... 397—403
26. ПРИ СВѢТЪ ЕВАНГЕЛІЯ. Радость богосозерцанія. Радость
„уселенія“. Свящ. Н. Орлова..... 405—420
27. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ
ПАТЕРІКА ПЕЧЕРСКАГО. А. З..... 421—436
28. УСПЕНІЕ БОГОМАТЕРИ. (Стихотвореніе). І. Ев-я..... 463—464
29. ОБЪ ОДЕЖДАХЪ ХРИСТА. Свящ. М. Ойвейскаго..... 465—471
30. ЗАПОВѢДИ БЛАЖЕНСТВА. (Стихотвореніе). А. Ш—а... 492—494
31. ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ТРУДА. Ив. Николина... 495—501
32. НОВОЗАВѢТНАЯ ТЕМА. (Стихотвореніе). В. Недзвецкаго. 502—502
33. ДІОНИСІЯ ФУРНЕЙСКАГО ЭРМИНІЯ, ИЛИ ИЗЛОЖЕНІЕ
ИКОНОПИСНАГО ИСКУССТВА, „ПОДЛИННИКЪ“ И ВАЖ-
НЫЕ НЕИЗДАННЫЕ ЕГО ИСТОЧНИКИ, ВПЕРВЫЕ ПЕЧА-
ТАЕМЫЕ СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПОЛНОСТІЮ ПО ОРИГИ-
НАЛУ. А. Попарягопуло-Керамевъ. Спб. 1900. Ан. Титова. 503—508
34. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Научная защита религіи
Свящ. Н. Колосова..... 509—517
- ВОЗЗВАНІЕ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (Епископа В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Иисуса Назина, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

Еженедѣльный, виѣспартійный, общественный и литературный журналъ

„КЪ СВѢТУ“.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ—3 р., на полгода—
1 р. 50 к., на мѣсяць—25 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Тверь, Власьевское Обиество Трезвости.

Журналъ ПРОДАЕТСЯ въ г. Вышнемъ Волочкѣ:

1. Въ помѣщеніи Успенскаго общества трезвости, въ Солдатской слободѣ. 2. Въ магазинахъ: С. Н. Бородина, А. Э. Сапайло, Н. И. Евсѣева. 3. У газетчика Ухова.

Въ Успенскомъ обществѣ трезвости открыто и отдѣленіе Редакціи, съ приѣмомъ подписки на журналъ, объявленій, корреспонденцій и статей.

Программа журнала:

1. Религіозно-нравственный отдѣлъ (бесѣды, статьи религіозно-нравственного и бытового характера, очерки, рассказы и стихотворенія).

2. Дѣло трезвости на Руси (литературныя и научныя статьи по вопросу о пьянствѣ; борьба съ алкоголизмомъ у насъ въ Россіи и за границей путемъ различныхъ антиалкогольныхъ организацій; попечительства о народной трезвости; очерки жизни и дѣятельности приходскихъ обществъ трезвости; кружки и союзы трезвости; антиалкогольныя выставки, съѣзды; антиалкогольная литература).

3. Церковно-общественная жизнь. 4. Жизнь деревни. 5. Тверской край и мѣстная жизнь. 6. Изъ газетъ и журналовъ. 7. Переписка съ читателями. 8. Библіографія и смѣсь.

Цѣль журнала:

а) подъ знаменемъ вѣчныхъ завѣтовъ Христа звать читателя къ источнику истиннаго свѣта—Христу и правдѣ Его;

б) звать человѣка-христіанина къ освобожденію отъ путъ неправды, грѣха и пороковъ, отъ всего того, что удаляетъ его отъ пути Божія и правды Его;

в) внести хоть слабыя лучи свѣта, лучи вѣры и знанія въ темную и бѣдную деревню;

г) раскрыть, наконецъ, предъ глазами читателей страшную картину пьянства народнаго, ужасную картину разложенія отъ пьянства семьи, общества, государства;

д) помочь тѣмъ, кто изнываетъ подъ бременемъ этой страсти и ищетъ выхода и свѣта;

е) поддержать и объединить всѣхъ тружениковъ на нивѣ народнаго отрезвленія, всѣхъ искреннихъ борцовъ за свѣтлое будущее нашей дорогой родины.

Лицъ, сочувствующихъ предпринимаемому нами дѣлу изданія, покорнѣйше просимъ поддержать насъ своими знаніями, опытомъ, совѣтами и непосредственнымъ участіемъ въ журналѣ.

Статьи могутъ направляться на имя редакціи.

Редакторъ-издатель Свящ. Н. В. Лебедевъ.

П Р И Р Е Д А К Ц И Я
„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына, редактора журвала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой. Т. III, вып. 1. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іеремія, Іезекіиля, Даниила, Іоіиля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахія. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исая. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвъ Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 19) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Исслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврической. Ц. 1 р. съ пересылк.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 гг. по 15 к. за каждое десятилѣтіе

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно пріобрѣтать слѣдующія
брошюры Епископа ВИССАРИОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп. 2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к. 3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к. 4. **Гордость.** Ц. 4 к. 5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к. 6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к. 7. **Свекрови и не-вѣстки.** Ц. 5 к. 8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к. 9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к. 10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к. 11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к. 13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к. 14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к. 16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к. 19. **Женихи и невѣсты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 21. **Изясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к. 22. **Нѣчто о вечерникахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к. 23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 26. **Инокъ ПАРОСІА.** Число раскольниковъ. Ц. 2 к. 27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника.** Врачевство духовное отъ міра собираемое (52 стр.). Ц. 10 к. 28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленое и дополненное. Ц. 5 к. 29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **ЛѢСТИЦЫ** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣстичина** (52 стр.). Цѣна 10 к. 30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюры (въ нихъ около 825 страницъ) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюры сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за пятьдесятъ лѣтъ, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за семнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой, и 1907, 1908 и 1909 годы по 4 рубля съ пересылкой.